

Записки партизана

От автора

Я никогда не был писателем-профессионалом. Я взялся за перо, прежде всего, потому, что мне хотелось рассказать, как в годы тягчайших испытаний, выпавших на долю нашей Родины, – в годы Великой Отечественной войны – советский народ героически боролся с коварным и злобным врагом и вышел победителем из этой борьбы. Как участнику священной борьбы советского народа за свою независимость и свободу, мне казалось необходимым рассказать советским людям, и в первую очередь нашей молодежи, обо всем, что я видел и пережил в этой всенародной борьбе.

Были и другие, более личные побуждения, заставившие меня написать эту книгу. В борьбе с врагом в рядах партизанского отряда погибли при выполнении боевого задания два моих сына – Евгений и Гений. Страна оценила их подвиг – им посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Мне хотелось, чтобы моя книга о партизанской борьбе была литературным памятником и моим сыновьям, и тем безвестным героям Отечественной войны, которые отдали свою жизнь, защищая Родину.

Партизанский отряд имени братьев Игнатовых, о котором идет речь в этих «Записках», был несколько необычен и по своему составу, и по своей боевой деятельности.

Прежде всего, этот отряд почти целиком состоял из представителей городской интеллигенции: в него входили директора высших учебных заведений и крупных промышленных предприятий Краснодара, партийные и научные работники, инженеры, экономисты, высококвалифицированные рабочие.

Отряд имел свой, резко выраженный «производственный профиль». Мы были минерами-диверсантами: взрывали мосты, электростанции, склады, пускали под откос вражеские эшелоны, жгли и взрывали колонны грузовых машин вместе с охраняющими их бронемашинами и танками. И честь первого взрыва фашистского поезда на Кубани принадлежит нам – отряду имени братьев Игнатовых.

Наконец, наш отряд был своеобразным «партизанским комбинатом». Мы имели свое большое хозяйство. Наши мастерские – минные, кузнечно-механические, столярные, сапожные, портновские – обслуживали не только наш отряд, но и наших соседей-партизан. Мы создали передовой госпиталь, через который прошли многие сотни раненых партизан и бойцов Советской Армии. Нам удалось широко раскинуть сеть филиалов, которые действовали и в кавказских предгорьях, и в кубанских степях и лиманах, и в самом Краснодаре. В тылу у врага, в горной глуши, мы открыли «миннодиверсионный вуз», где проходили теорию и практику миннодиверсионной работы лучшие и храбрейшие партизаны соседних отрядов.

За выдающиеся боевые заслуги все партизаны нашего отряда награждены орденами и медалями.

Первая книга «Записок партизана» – «В предгорьях Кавказа» – не исчерпывает всей той тщательной подготовки к партизанской деятельности, которая началась еще до оккупации Краснодара гитлеровцами, и полугодовой боевой работы нашего отряда. Но в ней собрано наиболее типичное и характерное, что может дать представление о нашей боевой жизни в глубоком вражеском тылу.

«Подполье Краснодара» – вторая книга «Записок партизана». По времени, в котором происходят описываемые события, она совпадает с первой книгой «Записок».

Обе они начинаются с периода организации партизанского отряда и подпольной группы в Краснодаре и заканчиваются освобождением столицы Кубани.

Партизанский отряд и подпольные группы родились в одни и те же дни, когда над Краснодаром нависла угроза фашистского нашествия. Партизаны и подпольщики кончили свою работу, когда враг был выбит из Краснодара и Кубань снова стала советской.

«Голубая линия» – третья книга; это рассказ о питомцах диверсионного партизанского «вуза», рассказ о том, как из глухих кавказских предгорий вышли смелые люди и разнесли по степям, по лиманам, по горным кручам Кубани трудное, опасное и благородное искусство минера-диверсанта.

Многие действующие лица «Записок партизана» живы и сейчас. В книге они почти все названы своими настоящими именами и фамилиями.

Бывший командир партизанского отряда минеров-диверсантов имени братьев Игнатовых П.К. ИГНАТОВ (БАТЯ)

Книга первая
В предгорьях Кавказа
Часть первая
Глава I

К подполью и партизанской войне мы начали готовиться с ноября 1941 года, когда фашисты взяли Ростов-на-Дону и прямая угроза их вторжения нависла над нашей Кубанью.

Не забыть никогда столицы Кубани тех дней – Краснодара. Красавец город стал сразу строже, подобранней, никакой суматохи и суетни на улицах, на базарах, на вокзале.

Краевой комитет партии выработал четкий распорядок эвакуации: ни одно предприятие, учебное заведение, хозяйственная база не должны были попасть в руки врага. В первую очередь эвакуировали детей и стариков, затем началась эвакуация студентов и научных работников.

Я был директором химико-технологического института и руководил его сборами в дальний путь: институт направлялся в один из городов Средней Азии. Туда же с последним эшелоном госпиталя должна была эвакуироваться и Елена Ивановна, моя жена, с младшим сыном Геней. Три чемодана уже стояли сиротливо в углу нашей небольшой столовой. Я старался их не замечать. В одном из них было уложено мое белье и парадный костюм. Но я хорошо знал, что никуда из Краснодара не уеду: у меня были свои планы...

Старший сын мой, Евгений, был начальником технико-конструкторского отдела грандиозного маргаринового комбината – гордости нашего края.

Эвакуацией Главмаргарина руководил под непосредственным наблюдением крайкома партии директор комбината Шпорхун. В те напряженные дни не только он, но и Евгений неделями не выходил из комбината. Евгений стремился упаковать и отправить в путь все сложное хозяйство своего отдела в таком строгом порядке, чтобы на новом месте конструкторы комбината могли бы с первых же дней возобновить работу.

Главмаргарин эвакуировался тоже в Среднюю Азию. Жена Евгения, Мария Федоровна, инженер комбината, с маленькой дочкой уже готовы были к отъезду.

Меня радовало, что все близкие и дорогие сердцу моему, за исключением среднего сына Валентина, который с первых дней войны находился в армии, будут в эту тяжелую годину вместе и всегда смогут поддержать друг друга.

Но вскоре выяснилось, что Евгений не собирался покидать город.

Непогожим ноябрьским вечером сидели мы с Еленой Ивановной в столовой и ждали сына. Накануне по дороге на комбинат забежала его жена и сказала, что он просил нас обоих быть вечером дома. Однако время подходило уже к «последним известиям», а Евгения все не было. Не возвратился еще с комсомольского собрания и Геня.

С утра дул свирепый ветер, завывал в печке и пригоршнями бросал в окна снег. Казалось, кто-то стучится в дом, и Елена Ивановна уже не раз откладывала недоштопанные носки и порывалась идти к двери. Но Дакс, наша собака овчарка, мирно спал, свернувшись у печки. Это означало, что никого во дворе нет, все спокойно.

Наконец, когда отдельный и четкий голос диктора уже заканчивал сводку Совинформбюро, Дакс наострил уши, вскочил и бросился к двери. По его визгу мы уже знали – идет Евгений.

Он вошел, как всегда, бодрый и жизнерадостный, выбрит, подтянут. На стройной высокой фигуре пальто выглядит новеньким, концы клетчатого шарфа аккуратно перекрещены под подбородком. Только мягкий голос его был менее чист и звучен, чем обычно, – это выдавало усталость.

– Простите, запоздал не по своей вине: уйма работы по эвакуации.

Он нежно поцеловал мать, озабоченно заглянул ей в глаза:

– Утомилась? Ручаюсь – все общественные и семейные нагрузки навалила на себя наша мама!

Елена Ивановна рассмеялась. Она действительно работала теперь и на службе и дома.

Евгений сел на диван рядом со мной, положил мне руку на плечо и сказал тихо:

– Очень серьезный разговор, папа. Кроме нас, никого нет? – он кивнул головою на кухонную дверь.

С первых же дней войны наша домработница ушла на оборонный завод. В прошлом Елена Ивановна работала врачом – у нее было неполное медицинское образование, – и у нас часто и теперь останавливались казачки окрестных станиц, приезжавшие к Елене Ивановне с больными ребятами либо со своими хворями. Но сегодня мы были одни.

– Никого, – покачала она головою.

Евгений заговорил, и мне показалось, что слова его звучат так же четко и отдельно, как слова диктора:

– Дело в том, что я из Краснодара никуда не поеду. Остаюсь здесь на подпольной работе...

Помню, я вздрогнул от неожиданности: с таким же тайным решением жил и я последние дни. Евгений почти дословно повторил сказанное мною накануне секретарю нашего райкома партии. Правда, у меня с секретарем был разговор не о подполье, а об организации партизанского отряда...

Добрую минуту стояла тишина в столовой; слышно было, как снует нитка с иглой в руке Елены Ивановны. Я старался перебороть нахлынувшее чувство страха за семью, которая останется без мужчины.

– Ну, рассказывай, чего ты надумал, сын! – сказал я нарочито шутливо.

Да, ему было что порассказать...

Когда на комбинате Главмаргарин впервые прозвучало слово «эвакуация», у Евгения родилась мысль о подпольной работе в тылу у оккупантов. Но он был не из таких людей, которые принимают мгновенные и непродуманные решения. Еще и еще раз перечитывал он, изучал обращение товарища Сталина к народу по радио от третьего июля 1941 года. Разве призыв партии уничтожить технику оккупантов не относился прежде всего к нему, к человеку, с детства умевшему разгадывать секрет любой машины?

Евгений поделился своими мыслями с секретарем партийной организации комбината товарищем Польшой и встретил его полное сочувствие и одобрение. Вдвоем исподволь они стали намечать ядро подпольщиков. Поговорили с главным механиком комбината инженером Ветлугиным, с Литвиновым – однокашником Евгения по институту, директором маслоэкстракционного завода комбината, поговорили с начальником теплоэлектрической централи комбината Сафроновым и с директором мыловаренного завода Веребей – все это были проверенные, до глубины души преданные партии и Родине люди. И все они безоговорочно приняли предложение Евгения.

Встретив одобрение товарищей, он отправился в горком партии. Секретарь горкома Марк Апкарович Попов ведал военными делами и руководил работой комбината, на котором он когда-то работал главным инженером. И Евгений, получив диплом инженера на двадцать первом году жизни, начинал свою работу на Главмаргарине под руководством Попова.

Он с первых же слов понял Евгения.

– Хорошую деталь проектируешь, Женя, – сказал он строго, без обычной своей подкупающей искренностью улыбки. – Давай подумаем и взвесим все сначала порознь, потом вместе. Да не спеша...

* * *

Немцы взяли Ростов. Над Кубанью нависла реальная угроза вторжения. Работы в те дни в горкоме было сверх головы. И все же Попов находил время и не раз вызывал к себе Евгения – очевидно, городская партийная организация возлагала надежды на будущих подпольщиков из числа инженеров Главмаргарина...

Больше того, Попов получил от крайкома указание подготовить на комбинате не только подпольную организацию, но и создать партизанский отряд особого назначения...

Женя глянул на часы и неожиданно закончил:

– Короче, папа, Марк Апкарович ждет нас сегодня ночью. Тебя, как инженера, старого подпольщика и бывшего партизана, он просит взять на себя командование партизанским отрядом.

Сознаюсь, я почувствовал, как озноб побежал по моей спине. Быть командиром отряда особого назначения в моем возрасте, при моем здоровье... Правда, у меня был большой опыт партизанской борьбы, но в те далекие годы гражданской войны мы в глаза не видели танка... миномета... снайперской винтовки...

Сумею ли я выполнить задание партии?... Страшно принять такое назначение... Нельзя отказаться от него...

И в эти минуты колебаний раздался спокойный голос Елены Ивановны:

– Сядь, Петр Карпович, отдохни. Бегаешь из угла в угол, будто по углам уже фашисты засели.

За тридцать без малого лет совместной жизни можно научиться понимать друг друга без слов – глаза наши встретились, и мы... рассмеялись. Смех у жены остался все таким же молодым и звонким, каким был и в восемнадцать лет, когда ехала со мной в ссылку, когда вывозила на тачке штрейкбрехера с завода и когда, больше четверти века назад, первенец наш, вот этот самый инженер Евгений Игнатов, пролепетал впервые «мама»...

Она откинула недоштопанный чулок и деловито подошла к чемоданам.

– Придется, – сказала скорее себе, чем нам с Евгением, – выкинуть отсюда гражданское барахло и начинить чемоданы бинтами и инструментами.

– Ты... – глянул я на жену удивленно.

– Разве не понадобится в партизанском отряде хирург? – ответила она. – Или, думаешь, я квалификацию потеряла?

Я смотрел на нее и думал: «Друг для друга мы остались молодыми. Жизнь не состарила нас...»

– Подожди, мама, – заговорил Евгений, – надо все обстоятельно продумать. Как, к примеру, будет с Геней?

Елена Ивановна потрепала сына по щеке, сказала мягко:

– Разбаловала вас, ребята, Советская власть... Гене – шестнадцать. Пойдет с нами бить немцев. Десятилетку успеет закончить потом. Когда отцу было шестнадцать, он не обучался в гимназии, а революцию делал. Однако успел стать инженером. Да и ты сумел сам подготовиться сразу на второй курс института. А сколько тебе было тогда лет?.. Семнадцать, помнится...

* * *

...Окна в городе тщательно затемнены – гитлеровцы уже пытались бомбить Краснодар. Улицы черные, ни единого луча света и ни одной звезды в небе. Пурга. Мы идем с Евгением в горком молча, каждый думает о своем.

Я невольно оборачиваюсь: рядом собака. Да это наш Дакс!

– Марш домой! Не стыдно в такое время оставлять хозяйку одну?

Дакс сконфуженно побежал назад, мы почти вслепую продолжали свой путь. Выходим на центральную улицу, здесь идти легче – нас защищает шеренга больших домов.

– Инночка здорова? – спрашиваю я.

Евгений смеется громким счастливым смехом:

– Здорова. Ей ведь во вторник два года исполнилось – теперь только смотри за нею: вчера ухитрилась мой новый башмак в корыте выкупать.

Проходим мимо горкома комсомола. А вот и здание горкома партии.

...Навстречу нам поднялся человек небольшого роста, коренастый, на редкость ладно и пропорционально сложенный.

– Здравствуйте, здравствуйте, Петр Карпович, – сказал он, тряся обеими руками мою руку. – Я знал, что вы согласитесь.

С Марком Апкаровичем Поповым мне приходилось встречаться и раньше. И каждый раз меня поражало огромное обаяние этого человека. Он подвижен, как ртуть. Пристальный и внимательный взгляд его всегда располагал к откровенности. Человек редкостной памяти, он во время нашего разговора легко перебирал всех инженеров комбината, всех техников, многих рабочих, называя каждого по имени и отчеству.

Незаметно, но явно не случайно, он расспросил о наших семейных планах, посоветовал взять с собою в отряд жену и дочку Евгения, сказал, что Гене следовало

бы немедленно приналечь на немецкий язык – пригодится и в разведке, и при допросе пленных. Мы беседовали не меньше двух часов и порешили, что в целях конспирации будущий отряд пока следует называть командой специального назначения.

Мне и Елене Ивановне Попов советовал проходить занятия наравне с другими членами команды.

– Дело не только в том, что это послужит хорошей переподготовкой, но и в том, что вы заранее познакомитесь с каждым из своих подчиненных и будете знать, кто из них на что способен, – говорил Марк Апкарович.

– Все равно вам сегодня не уснуть, – сказал он на прощание, – какой уж сон! За ночь и обдумайте все детали. Встретимся здесь часиков в девять.

Он нежно обнял меня за плечи (я был лет на пятнадцать старше его) и пошел провожать до выходной двери.

Мы простились с Евгением – он отправился на комбинат, я – домой. В эту ночь я нашел свое место в войне и почувствовал уверенность в себе.

* * *

Через несколько дней Советская Армия выбила фашистов из Ростова-на-Дону. Враг был отброшен на шестьдесят четыре километра.

Помню Марка Апкаровича тех дней, будто и сейчас он стоит передо мною.

– Вы мне верите, товарищи, что я не сплю в одной постели с Гитлером? – пряча улыбку, спросил он нас с Евгением.

– Вполне допустимо, – ответил, смеясь, Женя.

– А вот, представьте, я знаю, какой сон снится Адольфу из ночи в ночь. Адольф спит и видит, как его бандиты занимают Кубань. Как гонят в Германию эшелоны с кубанской пшеницей, как сдирают сало с наших свиней, мылят паскудные руки чудесным мраморным мылом, которое варит наш комбинат. Гитлер спит и видит, как его молодчики через Кубань пробираются сюда, – Попов постучал пальцем по слову «Баку» на географической, в полстены, карте.

Прежде всего, Попов предложил составить небольшое – человек в сорок – ядро отряда, которое в нужный момент смогло бы обрасти новым партизанским пополнением. Нам нужно было подобрать людей всех военных специальностей: не только пулеметчиков, связистов, саперов, радистов, но и минометчиков и даже артиллеристов.

Однако действовать такому мощному по своему составу отряду в самом Краснодаре и его окрестностях означало бы вызвать в городе со стороны оккупантов жесточайшие репрессии, подвергнуть смертельной опасности мирное население и поставить под удар те подпольные партийные и комсомольские организации, которые крайком намечал оставить в Краснодаре.

Партийное руководство поэтому решило, что я выведу свой будущий отряд в леса предгорий на коммуникации Краснодар – Новороссийск.

Я не могу не возвращаться снова и снова к светлому образу секретаря нашего горкома. Попов умел смотреть далеко вперед, анализировать, планировать и одновременно заботиться о людях.

– Хорошо – предгорья! – говорил он, пристально глядя мне в глаза. – Местность глухая. Населенных пунктов нет. Прохудился сапог – ходи, дядя, с мокрыми ногами, хоть ты и инженер. Потеряет подкову лошадь – режь ее, вари в котле, обедай. Так? – Он поставил передо мною новую, еще более трудную задачу: – Нужно подобрать отряд так, чтобы у каждого из партизан была помимо военной специальности и какая-

нибудь гражданская. Если любого бойца переднего края обслуживают пять – семь человек в тылу, то ваших партизан никто не будет обслуживать. Нужно подобрать их так, чтобы были свои и сапожники, и оружейники, и кузнецы, и портные, и столяры.

«Нужно найти инженера-сапожника-сапера» – и произнести такое не легко, а как выполнить?..

Мы с Евгением и с ближайшими его друзьями – Ветлугиным, Янукевичем, Литвиновым и Сафроновым, прежде чем включить в наш отряд нового товарища, подвергали его строжайшей проверке.

В шуточных иногда разговорах мы старались выведать, как проводит тот или иной товарищ часы отдыха. Увлекается разведением георгинов и фуксий? Не подходит. Но, оказывается, он родился в семье сапожника и до поступления в техникум помогал отцу тачать сапоги. Очень ценная деталь биографии!.. В химическом институте успешно изучал немецкий язык? Отлично! Каким занимался спортом?..

Кроме того, нам нужны уроженцы Кубани: непреложен закон истории партизанских войн – партизаны наиболее сильны тогда, когда отлично знают местность и кровно связаны с населением, без помощи которого погибель.

На одном из наших совещаний Геронтий Николаевич Ветлугин внес предложение приглядываться заранее к характеру каждого из наших будущих партизан. Человек острого, несколько скептического ума, живой и общительный, Ветлугин не переносил нытиков, маловеров, людей пониженного душевного тонуса.

– Я механик, химикам лучше знать, что такое диффузия, – лукаво щурил карие глаза Ветлугин. – Заведется в отряде, скажем, ипохондрик – пиши пропало. От него проникнут незаметно и в наше сознание молекулы душевной слякоти. Или, не к ночи будь сказано, захватим с собою в предгорье по недосмотру парочку склочников...

Ветлугин был прав: партизан, как заполярник, обязан быть в общежитии терпимым. Человек с несносным характером отравит жизнь всему отряду.

– Об этом следует серьезно подумать, – сказал Евгений, – в старину говаривали: человека узнать – пуд соли с ним съесть. Для проверки наших будущих товарищей при помощи «соляной реакции» у нас нет времени...

Основное ядро отряда было подобрано. На комбинате среди забронированных инженеров и техников и среди демобилизованных из армии по ранению мы нашли отличных пулеметчиков, минометчиков, саперов, радистов. Были у нас и артиллеристы, и даже один летчик-инструктор с бортмехаником.

Все они, кроме нас, четверых Игнатовых да Янукевича с женой Марией, были кубанскими казаками. Большинство изучало немецкий язык в школе и институте. Девять же товарищей говорили по-немецки, как по-русски.

Среди отобранных нами товарищей были отличные кузнецы, сапожники, жестянщики, оружейники, столяры, строители и механики. Геня старательно учился на курсах шоферов.

Восемьдесят процентов нашего отряда имели высшее и среднее образование, остальные – высококвалифицированные рабочие, механики и мастера. Откуда же, может возникнуть вопрос, эта группа интеллигентов знала столько различных ремесел? Я позволю себе ответить словами широко известной песни:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой...

Итак, отряд в основном был укомплектован. Здесь-то и возникла у Евгения идея, принеся плодотворные результаты: перевести будущих партизан на казарменное положение.

Партийное руководство одобрило инициативу Евгения. Попов ознакомился со списком партизан и утвердил его, вычеркнув всего две фамилии.

– Эти товарищи, – сказал он, – будут более полезны в подпольной группе на комбинате, когда немцы надумают его восстановить...

Глава II

Летом территория комбината Главмаргарин напоминала парк; от двора, залитого асфальтом, шли широкие аллеи акаций и платанов. На клумбах благоухали цветы. Основные корпуса комбината были похожи на здания санаториев, утопающие в зелени.

Теперь же эти нарядные здания в целях маскировки выкрасили в грязные, под цвет асфальта, тона. На фоне их голые сучья деревьев и кустарников казались сваленными в беспорядке кучами хвороста.

Команда особого назначения не привлекала к себе постороннего внимания. Если бы и заслали немцы на комбинат своего шпиона, он не усомнился бы в том, что команда эта – один из отрядов противовоздушной обороны.

Здание, отведенное под нашу казарму, тоже не бросалось в глаза: вдали от главной аллеи, за громадой маргаринового завода, стоял в ряду других одноэтажный высокий дом – склад отряда противовоздушной обороны. Правда, у двери его дежурил часовой, но и соседние склады комбината имели вооруженную охрану.

Накануне перехода на казарменное положение мы уговорились, что будущий комсостав – Янукевич, Ветлугин, Сафронов, Мусьяченко – будет внимательно присматриваться к каждому члену команды: какие боевые способности и свойства характера проявляет он во время занятий.

Начали с тренировки владения личным оружием – с мелкокалиберного пистолета и ружья. Большинство, разумеется, хорошо владело ими. Но «хорошо» нас не устраивало. Мы знали, что в тылу врага нам придется беречь каждый патрон, и потому требовали отличного владения оружием.

Надя Коротова, бухгалтер механических мастерских комбината, оказалась из рук вон плохим стрелком. Рослая миловидная девушка (о таких говорят у нас в станицах: «одною сметаной выкормлена») сразу же обратила на себя мое внимание неторопливостью, я бы сказал даже, флегматичностью движений.

Она посылала мимо цели пулю за пулей. Долго бился с нею наш прекрасный стрелок Литвинов. Потом, пряча свои глаза – они были у него с косинкой, – он обратился смущенно к Ветлугину:

– Я не умею объяснить Наде... Попробуй, Геронтий, ты.

Ветлугин ответил Литвинову столь красноречивым взглядом, что стоявший рядом Евгений счел необходимым помочь Наде.

– Давайте попытаемся еще раз – не торопись и не волнуйся.

– Да я и не волнуюсь, – ответила она певуче.

Евгений долго и обстоятельно разъяснял, как нужно держать руку, брать цель на мушку. Надя выстрелила и... попала.

– Вот видите! – обрадовался Женя.

– Это случайно, – ответила она невозмутимо.

Действительно, это попадание оказалось единственным за день. А оружия у нас было пока считанное количество, и два товарища, стрелявшие в очередь с Надей из того же пистолета, уже смотрели на нее далеко не ласково. Наконец один из них – инженер-технолог гидрозавода Иван Петрович пробурчал:

– Время тратим. Снайпера из пшеничной барышни, и слепому видно, не получится.

Помню, как вспыхнула работавшая в соседней группе Мария Янукевич и как, бросив на Ивана Петровича неодобрительный взгляд, старалась успокоить Марию моя Елена Ивановна.

А Надя продолжала невозмутимо целиться. Выстрелила, промахнулась и так же невозмутимо передала пистолет ждавшему своей очереди Ермизину. Тот презрительно подкинул его на ладони и, не скрывая обиды в голосе, сказал Евгению:

– Детская игрушка! Смешно: я – командир роты, окончил в свое время школу «Выстрел», снайперское отделение. А вы мне – мелкокалиберку... Дали бы хоть боевую винтовку или пистолет, я бы показал, как пять патронов вгоняют пуля в пулю.

Евгений положил Ермизину руку на плечо:

– Ваше мастерство мы, разумеется, используем. Набивать же руку, хотя бы и на мелкокалиберке, никакому виртуозу не повредит. Я читал, что Антон Рубинштейн, концертируя по разным городам, играл в поезде упражнения на немой портативной клавиатуре.

Ермизин сказал мрачно:

– Если Рубинштейн, тогда – ладно! – Вскинул пистолет и, как бы не целясь, выстрелил пять раз. Мы пошли проверять: действительно – пуля в пулю.

И здесь, пользуясь перерывом в занятиях, Надя Коротова обратилась к Ермизину:

– Прошу вас, возьмите шефство надо мною. Я научусь. В самом деле, не может комсомолка встречать на своей земле врага, как пшеничная барышня.

– Умница! – переглянулись мы с Евгением. Я подумал, что из Нади с ее самообладанием, настойчивостью и выдержкой может получиться отличная разведчица. Что она хорошая медсестра, я уже знал.

* * *

В течение восьми месяцев, вплоть до самого выхода в предгорья, мы не переставали совершенствоваться в стрельбе. Не всем в команде она давалась легко, поэтому в первое время мы отводили на нее очень много времени. Вначале стреляли в тире, потом вышли на пустырь за комбинатом. Здесь уже вели строгий учет попаданий. И странная вещь – то ли наши женщины были старательнее нас, то ли играло здесь роль пресловутое женское терпение, но стрелять стали они вскоре лучше мужчин.

Через месяц мы вышли на стрельбу в поле и в лес. В последнее же время, когда не было уже в команде ни одного человека, который не выбивал бы по движущейся мишени четыре из пяти, мы начали «охотиться за непогодой», как шутил Ветлугин: в дождь, в туман, в сильный ветер прерывали всякие другие занятия и выходили за город. Надя Коротова, которая и ныне здравствует в Краснодаре, под конец в любых условиях выбивала пять из пяти. Больше того: приходилось ей уже в отряде хаживать и со снайперской группой...

Мы стремились овладеть винтовкой любого образца, старательно изучали и немецкую: учитывали, что в тылу врага нам придется бороться с ним его же оружием.

Пока учились бросать по движущемуся макету танка гранаты и бутылки с горючей жидкостью, инженер Ломакин, начальник механических мастерских комбината, ковал

для нас в своих мастерских холодное оружие. И вот однажды, когда иззябшая и проголодавшаяся команда вернулась в казарму, Евгений сказал полушутливо:

– Сейчас, товарищи, мы попробуем согреться новым для нас способом: будем неслышно подкрадываться к врагу и так, чтобы он не успел и пикнуть, снимать его с поста.

В сумерках никто вначале не заметил подвешенных к потолку в углу комнаты мешков с соломой. Евгений роздал всем ножи. Узкие, отточенные, как бритва, лезвия отблескивали недобрыми синеватыми искорками.

Мария Янукевич, маленькая, подвижная и искренняя до того, что иной раз казалась резкой, брезгливо положила нож на стол и сказала:

– А ты сам, Евгений, зарезал своими руками хоть одну курицу за всю жизнь?

Минуту стояла тишина. Евгений официально числился начальником команды. Сказать, что его любили, мало: ему безоговорочно верили во всем и подчинялись. Юношей двадцати лет пришел он с дипломом инженера на комбинат. Сейчас ему пошел двадцать седьмой. Но за эти шесть лет никто из его товарищей не помнил за ним ни легкомысленного поступка, ни брошенного на ветер слова. И вот сейчас, я это чувствовал, хоть и не видел в сумерках лиц, команда была не на его стороне. Все проходили во всеобуче в свое время основные приемы владения холодным оружием, но относились к этому как к одному из способов развития мускулатуры и ловкости. Теперь же этим людям, – а мы подобрали их, прежде всего, по признаку высокой моральной чистоты, – приказывали: учитесь резать человека. А ведь со школьной скамьи они учились одному – приносить человеку пользу...

Евгений подошел к столу, взял в руки нож Марии и, поднеся его к своим глазам, начал говорить. Говорил он тихо:

– У тебя ведь нет детей, Мария. А у моего брата, Валентина, была девочка. Забавная такая – четыре года. Она жила с матерью на границе, в Западном крае, когда туда ворвались гитлеровцы. Остальное понятно... в живых девочки больше нет... – И совсем тихо: – У меня тоже есть дочка...

– Молчи ты, пожалуйста! – выкрикнула Мария. – Отдай нож! Показывай, как колоть, чтобы пикнуть не успел...

– Нет, товарищи, – на этот раз громко и очень спокойно сказал Евгений, – давайте договоримся раз и навсегда: хватит ли мужества у нас, впитавших в себя самое человеколюбивое учение на земле, – хватит ли мужества у комсомольцев, коммунистов уничтожать этими ножами людей, которые пришли на нашу землю, чтобы нанизывать детей на штык?..

Ответить Евгению не успели: завывла сирена воздушной тревоги. Чтобы не возвращаться к рассказу о ножах, закончу: команда с этого дня училась драться врукопашную, знакомилась с приемами джиу-джитсу. Тот же вечер принес нам первые неприятности...

При первых звуках сирены Евгений скомандовал:

– Члены МПВО по местам! Все остальные – в бомбоубежище.

Загрохотали зенитки где-то совсем рядом с нами. Мария Янукевич (она имела звание военфельдшера) и Надя Коротова, казавшаяся мне раньше флегматичной, и еще четыре наши медсестры с поражающей меня быстротой, но без суеты, накинули на себя белые халаты, схватили медицинские сумки и первыми выскочили из казармы.

Мой заместитель Петр Петрович Мусьяченко стоял в стороне и умышленно не попадал рукою в рукав пальто, сам же приглядывался, кто и как себя ведет.

Казарма опустела. Остались лишь мы с Мусьяченко, да у двери чертыхался в поисках калоши инженер гидрозавода Иван Петрович.

Совсем близко упала бомба.

– Сдается – в административный корпус! – сказал Мусьяченко. – Пора, братва, уходить...

Мы вышли. У двери казармы стоял на часах один из будущих партизан. Я заглянул ему в лицо – из-под каски блеснули молодые, суровые и спокойные глаза.

Административный корпус был на месте, но от него через дорогу бомбой разворотило один из жилых небольших домов. Там клубилась черной тучей пыль.

От ворот к приемному покою комбината две старухи волочили по земле, схватив под руки, какого-то рабочего – тело его обвисло. Дальше шел высокий человек без шапки, неся на руках женщину.

Мы с Мусьяченко подбежали к старухам, взяли у них раненого. Мусьяченко, стараясь перекрыть грохот зениток, крикнул Ивану Петровичу:

– Помоги нести женщину!

– Не могу. Дежурю, – Иван Петрович махнул рукой на водонапорную башню и скрылся из виду.

Через несколько минут мы спустились с Мусьяченко в бомбоубежище. Рабочие маслоэкстракционного завода бережно снимали с себя, чтобы не испачкать, белоснежные халаты, в которых несколько минут назад трудились подле своих машин. В углу плакали беззвучно те две старушки, что принесли раненого рабочего. А за их спинами уткнулся в газету... наш Иван Петрович, инженер гидрозавода.

Мусьяченко подошел к нему.

– Говоришь – дежуришь?

– Не добежал, – ответил Иван Петрович, – зенитки грохочут, осколки, как дождь, сыпятся...

– А почему, собственно, тебя в армию не призвали?

– Потому же, что и тебя: броня. Незаменим на производстве, – сердито буркнул Иван Петрович.

Труссы нам в партизанском отряде были не нужны. Ивана Петровича в ту же ночь мы исключили из команды особого назначения.

Но этим дело не кончилось. Узнав о случае с ним, вызвал нас Попов. Сознаюсь, на этот раз я чувствовал себя в горьком не наилучшим образом... Хотя трус был взят в отряд не по моей и не по Евгения рекомендации, но попало за него именно нам: и бдительности у нас нет, и интуиция отсутствует, и можно ли доверять таким недалекновидным товарищам, как мы, дальнейший подбор людей для подполья на комбинате...

В заключение Попов предложил нам организовать под руководством Мусьяченко «лесной семинар» и уже на прощание, весь осветившись лукавой улыбкой, сказал:

– А ребят своих из команды попробуй суток на двое оставить без еды. И спать не давай. Посмотрим, как будут они себя вести...

* * *

...Ближайшими и давними друзьями Жени были Геронтий Николаевич Ветлугин и Виктор Янукевич, инженер-технолог. Война и работа по подготовке партизанского отряда еще больше сблизили их.

Маленький, щедушный Янукевич, жестоко больной туберкулезом, ревниво следил за тем, чтобы Евгений не делал скидок на его болезнь. Так, к примеру, в штабе

команды противовоздушной обороны он был заместителем Евгения. Это обстоятельство и помогло нам не позволить Янукевичу идти на дальнюю вылазку в леса. Виктор кипятился, выходил из себя, кашлял от волнения больше обычного, предлагал Жене тянуть жребий. Но Евгений был не из тех людей, которые меняют свои решения.

– Хорошо, – сказал он, – я останусь дежурить в штабе противовоздушной обороны, а ты пойдешь на вылазку. Но – условие: возьмешь с собою масло, бутылку сливок и прочее, что прописано тебе врачами.

– Красиво! – сказал Янукевич. – Остальные товарищи берут только флягу с водой...

Человек прямого и мужественного характера, он не любил позерствовать, но не допускал и таких положений, когда болезнь его могла бы вызвать жалость у окружающих. Да и не было ему необходимости идти: мы уже неоднократно делали учебные вылазки – тренировались в ходьбе по восьми километров в час, ходили и в туман, и в темень, и Янукевич с честью выдерживал эти испытания.

– Ладно, – сказал он, – на этот раз подежурю в штабе.

С ним остались для караульной службы при нашей казарме еще два товарища: молодой веселый техник с мыловаренного завода и недавно принятый нами инженер-механик, демобилизованный из армии по ранению. К этому мы только присматривались, знали о нем немного: член партии, служил в саперной части, радиолобитель. Он взялся сконструировать для нашей команды портативный радиоприемник большой мощности.

...Мы вышли на рассвете. Стоял конец января, но когда солнце поднялось высоко, на нас пахнуло весной. Жирная, благословенная наша кубанская земля к полудню оттаяла, и комья ее облепили наши ботинки.

– Упражнение по поднятию тяжестей ногами, – пошутил Ветлугин.

– А нам легче, – весело отозвались медсестры. – У нас ботинки меньше мужских, значит, меньше и земли на них налипает.

«Посмотрим, – подумал я, – как вы будете шутить на обратном пути, под урчание пустых желудков».

Вел нас Петр Петрович Мусьяченко – коммерческий директор комбината. Ему было за сорок, но редкая жизнерадостность да худоба и высокий рост сильно молодили его. Он владел необычной военной специальностью – инженера-картографа. В молодости проработал пятнадцать лет начальником изыскательской партии в предгорьях Кавказа. И родом был Мусьяченко из близлежащей станицы – ему ли не шагать по Кубани хозяином? Не знать звериных троп в предгорьях?

– Стоп! – скомандовал он. – Предупреждаю: назад пойдём этим же путем, но поведу не я. Извольте сами замечать дорогу. Вот втыкаю в кочку щепочку. Завтра к вечеру поручается вам, товарищ Литвинов, щепку эту выдернуть из земли и вручить мне.

Поднялся смех. Команда решила, что Мусьяченко шутит: никаких ориентиров не было, вокруг – голая степь, искать в ней щепку – что в чистом море.

– Как это нет ориентиров? – возмутился Мусьяченко. – Учитесь видеть! В трех километрах на северо-запад видна верхушка силосной башни. На севере – курганчик. В двадцати шагах сзади – ухаб на дороге. Сегодня там проходила пятитонка, груженная овсом, сильно ее потрянуло: не зря стайка воробьев у нас из-под ног выпорхнула. Да, наконец, проложите от щепки через дорогу перпендикуляр, уткнется он в телеграфный столб, на котором и номер-то дегтем выведен...

Мусьяченко построил группу цепочкой. Каждый ставил ногу точно на след, оставленный ногою впереди идущего; никакой следопыт не сказал бы, что здесь прошел целый отряд. Шагать приказано было легко, неутомляющим, гимнастическим шагом. Перед вечером вошли в лес. Здесь хозяйкою была еще зима. Деревья стояли в непробудном сне, по чистому снегу бежали узоры, проложенные лапами зайцев.

– А ну, братва, пойдем так, чтобы ни одна ветка под ногою не хрустнула! – сказал Мусьяченко.

Через полчаса до меня донесся его звонкий шепот:

– Внимание! Здесь проходил недавно человек. Как я узнал об этом? В какую сторону шел человек? Что нес на спине?

Мусьяченко хитро подмигнул мне: знал, что и я умею читать язык следов. На дереве белой ранкой светился свежий срез сучка: обломанная ветка лежала на тропе, молодыми побегами в ту же сторону, в какую шли и мы. Неподалеку с заросли шиповника был сбит снег, и пучок сена, трепеща на ветру, висел на шипах.

В лесу быстро темнело, становилось холоднее. Я видел, что команда устала и замерзла, но, к своему удовлетворению, ни в ком не замечал раздражения.

Лес все сгущался, идти становилось все труднее и труднее. Стало совсем темно. Вдруг в стороне мелькнул огонек.

– Продолжать путь без единого шороха, – передал по цепи Мусьяченко, и, сознаюсь, я сжал в руке пистолет.

Минуты через три мы подошли к покосившемуся домику. Мусьяченко загрохотал в дверь прикладом и не своим голосом завопил:

– Открывай, предатель! Нарушитель закона!

– Гавриил я, лесник-старичок, – раздался за дверью дребезжащий от старости, но не от страха голос.

– Зачем же ты, старичок Гавриил, колхозное сено таскаешь?

– А затем, чтобы тебя на нем, Петр Петрович, спать положить! – Дверь открылась, на пороге тряслась в беззвучном смехе маленькая, тщедушная фигурка. – Я твою повадку, начальник, не забыл.

– А окна зачем не завесил? Немецкую авиацию накликаешь?

– Сегодня она не прибудет – облачно. Огонек же зажег, чтобы ты не заблудился.

В домишке было чисто и тепло. Лесник кинулся раздувать самовар. Поставил на стол огромную миску меда, разложил вокруг нее деревянные ложки.

– Не хлопочи, дед Гаврило, – сказал Мусьяченко, – сегодня мы угощаться не будем.

– Знаю я твои шуточки! – покрутил головою дед. – Насчет меда, помню я, большой ты эксплуататор.

Он чуть не заплакал, когда понял, что и в самом деле никто из нас его угощения не отведаст. Чтобы не огорчать его, Евгений попросил:

– Позволь нам, дедушка, взять твой мед с собою. Есть у нас один товарищ чахоточный...

– Чахоточный? – изумился дед. – Как же он с вами партизанить будет?

Я заметил, как сузились в негодовании глаза Евгения: он, очевидно, подумал, что Мусьяченко успел проговориться деду, кто мы. Но Мусьяченко и сам был изумлен.

– Меня не обдуришь! – волновался дед. – Если не партизаны – зачем с ружьями по лесу ходите? Зачем к голоду приучаетесь, если не партизаны?

Мусьяченко обнял его, сказал сердечно:

– Нет. Не партизаны, дедусь, а может, пойдём в армию разведчиками. Нагрянет на Кубань беда – кто из нас, случится, и заглянет к тебе переночевать... Приглядишься к каждому, чтобы чужого случаем не приютил.

– Я зоркий, – сказал дед, – я вас всех признаю.

У Мусьяченко был чистый, сильный тенор. Распрямившись и широко раскинув ноги (отдыхать тоже нужно уметь!), Петр Петрович пел старинные кубанские песни. Остальные подтягивали ему, как умели. И снова я с удовлетворением отметил: народ выносливый, жизнерадостный, чувство коллективности развито хорошо. Только Евгений казался мне сегодня не в своей тарелке.

– Ты что? – спросил я его.

– Плохо соблюдаем конспирацию, – одним движением губ ответил он и повел глазами на лесника: – Даже он догадался, что мы – будущие партизаны...

Нет, я не был согласен с сыном: старик в силу особенностей своей профессии в самом деле был человеком необычной «зоркости», да и Мусьяченко знал, разумеется, куда он ведет нас на отдых.

Петр Петрович оборвал песню, сказал, оглядев всех с лукавым прищуром:

– Положите руки за спины, товарищи. Геронтий Николаевич, сколько времени мы отдыхаем здесь? Час? Неверно. А ты как думаешь, Литвинов? Полтора?

– Я считаю, – вмешался дед, – три часа полных прошло.

– И я так думаю, – ответил Мусьяченко и глянул на свои часы. – На пять минут ошибся. Пошли, товарищи... Учитесь чувствовать время: в боевой обстановке не всегда удастся свериться с часами, – сказал он, когда домик лесника остался далеко позади.

Назад вел нас Евгений, стремившийся постичь самые затаенные секреты партизанского мастерства. Шли снова цепочкой, прислушиваясь, чтобы не хрустнуло под ногами. Старались не задевать ветвей деревьев и кустарников: по загнутым ветвям враг может напасть на след разведчика (слово «партизан» мы не произносили в нашем комбинате).

Ночь была облачная, и на этот раз мы с Мусьяченко не могли проверить, как ориентируется Евгений по звездам. Вел он нас, сверяясь с компасом, и, не стану греха таить, в одном месте чуть не привел в болото. Мусьяченко пришел ему на помощь. Евгений же не огорчился неудачей и предложил Мусьяченко вести специальные занятия с группой дальней разведки и с будущим комсоставом отряда.

На рассвете мы вышли в ту же степь, по которой проходили сутки назад. И даже щепку нашли!..

Мой институт уже неделю как вернулся из эвакуации, и в химических лабораториях его мы вырабатывали ценные для фронта медикаменты и взрывчатку. Я боялся, что опоздаю к началу занятий: в это тяжелое время я как директор обязан был подавать пример дисциплинированности и пунктуальности. Евгений же вел команду нарочито медленно: в его задание входило вернуться на комбинат к самому началу рабочего дня, чтобы товарищи не успели ни отдохнуть, ни поесть.

Вечером, вернувшись из института в казарму команды, я узнал, что все товарищи выдержали экзамен на «отлично»: до конца смены работали каждый на своем посту. Нытиков, людей, легко раздражимых, в нашей команде особого назначения не оказалось.

– Есть один, – сказал Янукевич, и серые глаза его стали свинцовыми. – Пока вы гуляли по лесам и полям, я намаялся здесь с этим пареньком, который взялся

конструировать нам радиоприемник. Не человек, а осенний дождик. И стоять на часах ему холодно – валенок у него прохудился. И обедать он не может – каша дымком отдает. И печка в казарме ни к черту: тяги нет. И дрова сырые, и печенка болит – у меня или у него, я уж не вслушивался...

Мы решили присмотреться к этому «осеннему дождику». И верно: чуть недоспит человек или получит из дома грустное письмо, впадает тотчас в уныние. Обвиняет товарищей в том, что громко смеются, – мешают ему сосредоточить внимание на радиоприемнике.

Партийное руководство комбината помогло нам избавиться от этого нытика: ему дали какое-то специальное задание и он покинул нашу команду. «Была без радости любовь, разлука будет без печали», – сказал вслед ему Ветлугин.

Но вскоре команда понесла ощутимую потерю: Мария Янукевич получила повестку из горвоенкомата. Ее как военфельдшера посылали на фронт. Эта маленькая женщина была мужественна и бесстрашна, но в глазах ее стояла мука: она боялась за своего мужа – кто будет следить за больным Виктором, кто заставит его принимать тиокол и пить молоко с медом?

Я же настолько ценил в Марии ее отличное знание немецкого языка, что решил немедленно получить для нее через горком партии броню. Но от этого намерения мне пришлось отказаться: оно привело в негодование Виктора.

Мы провожали Марию всей командой. В ловко пригнанной шинели и ушанке она была похожа на мальчика-подростка. Когда поезд тронулся и Мария, вскочив на ходу в вагон, замахала своей шапкой, неожиданно всхлипнула и тоненько заплакала наша всегда спокойная Надя Коротова. Мне и самому казалось, что я расстался с кем-то близким: команда уже стала для нас родной, и возвращались мы с вокзала далеко не в веселом настроении.

У одного Виктора Янукевича на лице было написано подчеркнутое спокойствие. Видимо, понимая, чего стоит ему это спокойствие, Евгений взял его под руку и, заглядывая в глаза, о чем-то оживленно заговорил с ним...

* * *

Мне редко приходилось бывать в своей семье: дни я проводил в институте, вечера и ночи уходили на подготовку партизанского отряда. Да и «хозяйничал» у нас дома главным образом один Дакс: Елена Ивановна работала в госпитале, Геня пропадал на шоферских курсах.

И вот мне сообщили, что Геня начал манкировать занятиями в школе. Скажу откровенно: известие это я воспринял несколько болезненно – привык гордиться своими сыновьями.

С самого начала, зная его неюношескую выдержанность, я рассказал Гене о партизанском отряде. Да и невозможно было не рассказать. Мальчика отправили учиться на шоферские курсы, ему предлагали ночами зубрить немецкий язык – у него естественно возник бы вопрос: зачем нужна такая непосильная нагрузка?

Весть об отряде Геня воспринял так, как воспринял бы ее любой из нас в шестнадцать лет. Он старался в первые дни говорить нарочито серьезно, подражая нам, взрослым. Но глаза его, такие же серо-голубые, как и у Жени, сияли, хочется сказать – горели счастьем, а на твердо сжатых губах блуждала улыбка.

Да и трудно было ее скрыть: ведь Геня учился в девятом классе, и до призыва в армию оставалось ждать по крайней мере год, а за год и война могла кончиться!.. И

вдруг сразу, неожиданно: он уходит партизаном в горы! К тому же ему не придется расставаться ни с отцом, ни с матерью, ни с братом.

Женя для него всегда был образцом настоящего человека, и Геня подражал ему во всем – и в манере говорить, и в манере одеваться – тщательно, с некоторым щегольством. Даже волосы приглаживал каким-то особым, Жениным жестом. А в будущем видел себя тоже инженером-конструктором.

У Гени и в самом деле была наша семейная, игнатовская болезнь: врожденная страсть к механике. В восемь лет он сконструировал без чужой помощи самолет, который бегал по комнате, иногда взвивался вверх, к потолку, разбивал абажуры и рвал тюлевые занавеси. Чтобы избавиться от этого бедствия, я поспешил подарить мальчику набор инструментов. С тех пор у Гени в комнате была маленькая механическая мастерская. У тисков, с циркулем в руках, он вечно что-то конструировал и изобретал.

В девять лет у него появились закадычные друзья – шоферы соседнего гаража. Геня отправлялся к ним прямо из школы: часами лежал на спине под машиной, возился с разобраным мотором. Домой возвращался грязный, измазанный маслом, терпеливо выслушивал строгие нотации матери, а на завтра снова шел в гараж...

Десятилетним пареньком он впервые самостоятельно вел машину. Но через год эта страсть остыла. Он сказал матери: «Автомобиль – это примитив. Если бы танк...» В это же время я стал замечать, что в моей библиотеке творится что-то неладное: исчезают и снова появляются технические справочники, в шкафу с военной научной литературой вместо нужной книги стоит вдруг приключенческий роман. Я спросил:

«Это ты хозяйничаешь в моей библиотеке?»

Не помню, чтобы Геня когда-нибудь соврал. Он густо покраснел, но ответил твердо:

«Я хозяйничаю. А разве нельзя?»

«Можно, разумеется, если это не отразится на учебе».

...Дома я застал одну Елену Ивановну. Она только что вернулась из госпиталя, у нее было утомленное лицо, но – странное дело! – походка к ней вернулась молодая, быстрая и легкая. Мне не хотелось огорчать Елену Ивановну дурными новостями о Гене, я только спросил, где он.

Елена Ивановна рассмеялась весело:

– Лови ветра в поле, когда тот ветер сам пятитонкой правит!..

Она рассказала, что прошлой ночью, часа в три, заметила в комнате Гени свет. Вошла, а он лежит в постели и штурмует справочники по танкам. Она, разумеется, рассердилась и велела немедленно погасить свет. И тут Геня открыл матери свой секрет:

«Ты, мама, только Жене и папе не говори, пожалуйста, а то смеяться будут... У меня есть мечта, самая большая мечта – иметь свой собственный танк в отряде. Я понимаю: танка нам Советская Армия не даст. Да мы и не возьмем: какие же мы будем партизаны, если не сумеем сами раздобыть танк? Брать танк придется у немцев. Ну, так вот, я и хочу знать назубок каждый винтик, каждый рычажок германских танков. Знать так, чтобы он был для меня таким же простым и знакомым, как «эмочка». Понимаешь, о чем я мечтаю? А теперь скажи: я прав? Ну, конечно, прав! А ты говоришь – ложись спать. Спать сейчас некогда. Поспим потом... Позволь, мамочка, я еще часок почитаю...»

– Что я могла ему сказать на это? – закончила Елена Ивановна, и я видел – она гордится сыном. А я что мог ей сказать? Огорчить?..

Геня вернулся поздно. Елена Ивановна уже спала.

– Ты как представляешь себе основную сегодняшнюю задачу каждого нашего комсомольца? – спросил я без предисловий.

– До последней капли крови бороться за освобождение Родины, за победу! – ответил Геня, а в глазах у него была радость от встречи со мною.

– Я спрашиваю тебя об обязанностях комсомольца-тыловика.

– Комсомолец в тылу отдаст все свои силы тому участку работы, на который он поставлен.

– На своем участке – в школе – ты работаешь плохо, – сказал я и тотчас раскаялся, что сказал это сурово.

Геня побледнел, потом кровь прилила к его еще по-детски округлым щекам. Глаза, как у Жени, в минуты большого волнения заблестели сталью, плотно сжались губы. Он молчал долго, потом сказал с большой обидой:

– Я думал, папа, что ты лучше знаешь меня и веришь в меня больше... Я запустил немного учебу, это правда. Но до экзаменов осталось четыре месяца. Расчет такой: два месяца целиком уйдут на немецкий и на детальное изучение всевозможных моторов, а за последние два месяца я сто раз успею подготовиться к экзаменам. Женя же подготовился в два месяца сразу на второй курс института...

– Договорились, – сказал я. – Садись ужинать.

Он прижался головой к моему плечу и шепотом, как в детстве, пожаловался:

– Ты... ты – и вдруг поверил, что я могу быть лодырем...

Мы посмотрели друг другу в глаза – так легче иной раз объясняться, чем словами, и я впервые заметил, что Геня догнал меня в росте; пожалуй, будет таким же широкоплечим и стройным, как и старший сын...

Через четыре месяца торжествующий Геня принес мне справку об окончании шоферских курсов.

– А как дела в школе? – спросил я.

– Вчера был последний экзамен, – ответил Геня. Он не прибавил даже, что перешел в десятый класс, это само собою разумеется: быть отстающим ему не позволили бы ни его гордость, ни чувство долга.

* * *

Гитлеровцы нависли над Крымом. Наша команда особого назначения в эти дни сразу стала похожа на строго дисциплинированную боевую единицу. Каждый в ней чувствовал: враг рядом. Не теряя минуты, надо учиться достойно встретить его.

Мой институт теперь круглосуточно вырабатывал медикаменты и взрывчатку для снаряжения мин и гранат. Вошла война вплотную и в комбинат: его механические мастерские должны были срочно приступить к изготовлению восьмидесятидвухмиллиметровых минометов.

Не так-то легко наладить срочно совершенно новое производство, пользуясь к тому же для выпуска продукции только подсобным материалом. Евгений с Ветлугиным сидели сутками в мастерских. Меня всегда радовала их мужественная, большая дружба. Они были очень несхожими внешне, но в эти дни у них и в выражении лиц, и даже в тембре голоса появилось что-то общее. Только у Евгения взгляд холоднее, пристальнее. Глаза же Геронтия Николаевича – карие и слегка выпуклые – лихорадочно горели, и вся его некрупная, ладная и очень подвижная фигура говорила об огромном напряжении, в котором он жил в те дни.

И наконец они добились своего... Первые образцы были готовы. На рассвете ранней нашей кубанской весны Евгений и Ветлугин уехали с комиссией испытывать новый миномет.

Я ждал телефонного звонка от Евгения – и не дождался. Решил – неудача... Под вечер пришел в казарму. Навстречу мне поднялся Виктор Янукевич.

– Какие новости, Петр Карпович? Неужели комиссия не приняла?

Мы сидели с Виктором молча, уткнувшись в газеты. Разговаривать не хотелось. Наконец совсем поздно, к ночи, они подъехали на полуторатонке к самой казарме.

Я глянул на Женю, тот улыбнулся мне одними глазами.

– Комиссия работу оценила на «отлично». Но дело не в этом, папа. Когда мы ехали с полигона домой, у нас с Геронтием возникла мысль: мы не имеем права быть обычным партизанским отрядом. Уже хотя бы по одному тому, что среди нас много инженеров. Мы должны стать специализированным отрядом минеров-диверсантов: рвать поезда, мосты, плотины, склады, минировать дороги, разрушать переправы. Что вы скажете на это, Виктор? Папа?

– Это значит, – ответил Янукевич, – что нам снова нужно учиться: какие же мы минеры!

– Не узнаю товарища, – засмеялся Ветлугин, – кто-кто, а ты учиться всегда был рад.

– Пойдем-ка, Женя, в горком, – предложил я. – Поскольку речь идет о новом лице нашего партизанского отряда, вопрос этот нужно согласовать с партийным руководством.

...В горкоме в последние дни было полно народу: сюда ехали низовые работники из станиц, директора предприятий шли к секретарям с ворохом неразрешенных вопросов.

Марк Апкарович проводил очередное совещание. В перерыве он увидел нас, схватил обоих под руки и потащил в какую-то маленькую комнатку, где не было ни телефонов, ни обитых кожей кресел.

– Рассказывайте.

Женя в трех словах изложил свое предложение. Марк Апкарович хлопнул себя ладонями по коленям и не то с досадой, не то с одобрением выкрикнул:

– А я тебе что говорил?.. Вы – люди ученые, поэтому и отряд должен быть особенным – научно действующим. Ясно: вы должны быть минерами, да такими, у которых другие отряды смогут поучиться. – Он помолчал, что-то обдумывая, потом сказал: – Я постараюсь раздобыть для вас парочку мест на высших республиканских курсах минеров в Ростове. Подберите двух товарищей, самых подходящих для этой цели.

И снова Женя, Литвинов, Ветлугин, Янукевич и я сидели ночью в штабе противовоздушной обороны и «перемывали косточки» каждому из членов нашей команды. Неожиданно Женя предложил:

– Пошлем Кириченко.

– Ох, не пугай меня, а то я заплачу! – выкрикнул Ветлугин.

Мы все рассмеялись. В самом деле, Кириченко на первый взгляд никак не походил на ловкого и увертливого парня, каким в нашем представлении должен был быть минер. Человек огромного роста, с плечами – хоть рояль на них взваливай, неповоротливый увалень, Кириченко выглядел медведь медведем. Был он замкнут, неразговорчив; если же и говорил, то так медленно, что терпения не хватало его слушать, и таким гулким басом, что начинало гудеть в ушах. Только светло-серые глаза его, спрятавшиеся под черными бровями, выдавали его душу: они светились

спокойным, ровным светом и были добрыми, как у ребенка. Он и правда совсем не умел сердиться.

– Прежде всего, Кириченко – мастер и техник точных приборов, – настаивал на своем Евгений, – точных! Это ли не свидетельствует об особой сноровке рук и о точности глаза! Во-вторых, у него на редкость быстрая реакция. Посмотрите, как работает он на занятиях по рукопашному бою или по овладению холодным оружием: у него действие опережает мысль. Третье: Кириченко исполнительен, как никто в отряде. Четвертое...

– Четвертое, – перебил Евгения Ветлугин, – любая мина взорвется у него в руках от одного его баса.

И все же Женя убедил нас: на курсы в Ростов мы послали Кириченко. Сколько раз впоследствии я благодарил за это мысленно Женю! Оказался Кириченко в отряде незаменимым минером. У него было природное чутье: осмотрит местность и заминирует не дорогу, нет: заминирует какой-нибудь куст. «Что ты делаешь?! – удивляются товарищи. – Зачем немцы под этот куст ползут?» Кириченко гудит незлобиво: «Сюда их снайпер ляжет, больше ему некуда схватиться». И верно: через день находим в этом месте лоскуты серо-зеленой шинели и части оптической винтовки...

Вторым на курсы минеров решено было послать инженера Еременко. Он был молод, лет двадцати восьми, очень ловок и подвижен. Все мы ценили его как прекрасного товарища. Пожалуй, самой яркой чертой в нем была дружелюбность. В голубых ясных глазах его каждый читал, прежде всего, чувство любви. Он любил людей, труд свой, любил жизнь ровной, спокойной любовью. Он погиб в отряде. Но и сейчас, когда я вспоминаю о нем, у меня возникает один образ – голубое горное озеро, залитое солнечным светом: такая чистая, глубокая и ясная душа была у Еременко.

Итак, Еременко и Кириченко уехали в Ростов. Следом за ними мы послали еще девять человек из нашей команды на курсы минеров – уже не на республиканские, а на наши, краевые. Остальные члены команды особого назначения – все до одного: и Елена Ивановна, и Геня – учились искусству минирования у известного на Кубани минера капитана Гришина. Он был прислан нам командованием армии.

И надо отдать капитану Гришину должное: преподавал он прекрасно. Очередной лекции его ждала с нетерпением вся команда. Особенно забавлял меня Геня: он ухитрялся на лекциях Гришина оказаться обязательно на одной парте со мною; до начала лекции засыпал меня десятками технических вопросов; после первых же слов Гришина я замечал, как у Гени широко раскрывались и начинали гореть глаза, будто ему рассказывали волшебную сказку.

Однажды в разгар занятий команды с капитаном Гришиным к нам приехал неожиданный гость – средний сын мой, Валентин.

Офицер ударной части, дважды тяжело раненный в боях под Москвой и Ростовом, он ехал в Крым, где разгорались напряженные бои.

Сидели далеко за полночь. Мне хорошо, тепло, но не потому, что в открытые окна вместе с запахами сирени прокрадывается теплый ветер... Я смотрю на Елену Ивановну – она полна материнской нежности и гордости: вот они – три сына, один в один. Не скажешь, который лучший...

А через две недели мы проводили Валентина в Крым. Там уже шли тяжелые бои. Елена Ивановна слезинки не проронила, прощаясь с сыном. Но когда мы встретились с нею взглядом, я инстинктивно двинулся к ней и взял ее под руку...

Глава III

Мы сидели с Евгением в служебном кабинете. Он пригласил меня для консультации: речь шла о кандидатах, намеченных Женей для подпольной группы Главмаргарина.

Группа набиралась главным образом для работы на комбинате, и кому же, как не Евгению, сроднившемуся с комбинатом и его коллективом, надлежало быть хозяином этого дела.

Потом Женя попросил меня провести с этой группой «подпольный семинар».

В этот день наша команда особого назначения вся до единого человека была услана из города. Мусьяченко занимался с нею специальным предметом: учил товарищей определять на глаз расстояние, пользуясь коробкой спичек либо суставом указательного пальца. Подпольщиков мы собрали в нашей казарме.

У входа в казарму сидел дежурный в форме пожарной охраны противовоздушной обороны. Увидев Евгения, он поднялся и, приложив руку к головному убору, по-военному отрапортовал:

– Товарищ начальник штаба противовоздушной обороны, на вверенном мне посту все в порядке.

– Котров на месте? – спросил сын.

– На месте, Евгений Петрович.

Из травы, густо росшей под окнами, поднялся Котров.

– Лежи, лежи, Ваня... К окнам никого не подпускай. А вы, товарищ, – обратился Евгений к дежурному, – всех направляйте через склад, там Янукевич их проверит.

Мы вошли в большую комнату общежития. Вдоль стен разместилось около двух десятков кроватей, заправленных по-солдатски. Посреди комнаты стоял простой стол, а вокруг него на табуретках сидели руководители подпольных групп.

Поздоровались. Разговоры прекратились, стало тихо. Сын сказал несколько вступительных слов.

– Ну, папа, прошу.

– Господа... – начал я.

Собравшиеся удивленно переглядывались, недоуменно улыбаясь.

– Да, господа! – продолжал я. – Гитлеровцы не будут называть вас «товарищи» или «граждане». Вы будете для них «русскими свиньями», если вы им не нужны, или «господами», если они заинтересованы в вашей помощи. Поэтому забудьте на время обращение «товарищ» и «гражданин». Храните эти слова в сердце, употребляйте же только одно обращение и к оккупанту, и друг к другу – «господин»...

Я говорил довольно долго. Вначале речь шла об основных законах подпольной мимикрии. Я повторял, в сущности, то же, о чем беседовали мы с Евгением.

– Внешность подпольщика должна быть серой, обычной, не бьющей в глаза, – говорил я. – Все максимально просто и ordinarily. Обыватель, глуповатый, послушный начальству, пугливый – вот идеал внешности рядового подпольщика. Тем, кто обладает искусством перевоплощения, придется, быть может, совершенно изменить свой облик. Это трудно: надо вжиться в новую роль, забыть, кем был вчера, и каждое мгновение помнить, что ты родился вторично, в совершенно ином, еще недавно чуждом тебе обличье. Каждый подпольщик – и тот, кто сохранил свое лицо, и тот, кто принял новый облик, – обязан всегда быть начеку. Даже когда он остается один в своей комнате: и у стен есть глаза и уши. Даже во сне: любое неосторожно вырвавшееся слово может привести к провалу. Следите не только за своим лицом, но

и за голосом, руками, жестами, походкой. Никакой экспансивности. Особенно, когда вы чувствуете, что вас провоцируют, или когда присутствуете при казни или издевательствах над своими друзьями. Сожмите сердце в кулак – ни жеста, ни взгляда, которые могли бы вас выдать. Равнодушие, безразличие – вот лучший щит, которым вы можете оградиться от подозрений. Но в то же время всегда и во всем соблюдайте чувство меры: во внешности, в поведении, в суждениях, в конспирации. Всякий «наигрыш», как говорят актеры, всякий перегиб в ту или другую сторону одинаково может стать роковым...

Словом, я говорил об азбуке подполья и приводил ряд примеров из своей нелегальной жизни в Питере. Потом речь зашла об организации, о технике работы: о явках, паролях, шифрах, явочных квартирах.

– Подпольщиков мы разобьем на группы. Только руководители групп будут знать друг друга. Рядовому же подпольщику будут известны лишь немногие его товарищи, работающие рядом с ним. Это не проявление недоверия со стороны руководства. Это непреложный закон подполья... Отправляясь на явочную квартиру, вы не всегда получите ее прямой адрес. Вам дадут промежуточную явку – одну, две, может быть, даже три. Ключом вам послужит условная фраза, какая-нибудь деталь костюма или безобидная вещица, которую вы должны передать при явке... Ну, вот хотя бы... – я не успел подобрать подходящего примера, как Евгений высыпал на стол из бумажного фунтика горсточку маленьких обойных гвоздей с широкой шляпкой. – Ну, что же, хотя бы и этот гвоздь, если явка будет на рынке, в скобяной лавке, в обойной мастерской...

Мы еще долго сидели, обсуждая детали, советуясь, споря.

На рассвете следующего дня я узнал: ночью на комбинате произошла авария. Среди пострадавших были парторг маслоэкстракционного завода инженер Лысенко и инженер Котров – их отправили в 3-ю городскую больницу. Директор бондарного завода Шлыков, будущий руководитель подпольной группы на комбинате, спасся чудом: за несколько минут до аварии он ушел из цеха...

Следствие ничего не установило. Предполагалась диверсия, но виновные обнаружены не были.

* * *

Помню, был жаркий день.

Я несколько часов бегал по городу: надо было проверить, как идет заготовка для партизанского отряда валенок, телогреек, перчаток, рюкзаков; раздобыть шагомеры, бинокли, компасы.

Как нарочно, все в этот день не клеилось: в биноклях мне отказали, полушубки не были готовы, валенки оказались скверно подшитыми... Волей-неволей пришлось снова побеспокоить Марка Апкаровича. От него я узнал неприятную новость: в эту ночь на комбинате был арестован техник Свиридов по обвинению в шпионаже.

Я знал Свиридова. Несколько раз при мне он заходил к Евгению. Однажды даже ужинал с нами. Худой, щупленький юноша был робок, застенчив, неразговорчив. Евгений относился к нему хорошо, считал Свиридова неплохим конструктором. Мы с сыном вспоминали о нем совсем недавно, когда сколачивали отряд, но сразу же решили не обсуждать его кандидатуру, потому что он казался нам слишком уж слабеньким и хилым. И вдруг: Свиридов – немецкий шпион!..

Вначале я не хотел этому верить.

Но Марк Апкарович сказал мне, что арестованный на первом же допросе сознался. Да ему и трудно было упорствовать: документы, найденные при обыске, были слишком красноречивы. К тому же из допроса выяснилось, что со Свиридовым по шпионской деятельности был связан еще один работник комбината – техник Шустенко! Но он успел скрыться, и сейчас его разыскивают.

Я шел домой, и Свиридов не выходил у меня из головы. Я никак не мог простить себе, старому подпольщику, своей близорукости. Кто знает, может быть, мы с Евгением проморгали еще кого-нибудь и в нашем отряде или, еще хуже, среди будущих подпольщиков окажется такой же Свиридов? И я снова и снова перебирал в памяти всех товарищей по отряду и будущему подполью.

В прихожей встретила жена.

– У тебя гость, – шепотом сказала Елена Ивановна. – Какой-то Тимошенко, Петр Тихонович... или Трофимович, не разобрала. Сидит уже добрый час. Ты знаешь его? Нет? И я тоже. А он, судя по разговорам, прекрасно знает и тебя, и меня, и Женю... Будь осторожен с ним, – и Елена Ивановна показала глазами на дверь. – Не нравится мне этот старичок. Станный он какой-то...

Я вошел в кабинет. Навстречу медленно поднялся с кресла старик. Он был в сером поношенном костюме. В руках – палка. Движения медленные, расслабленные, старческие. Седые волосы падали на лоб. На вид старику было за шестьдесят.

– Чем могу служить?

Гость отрекомендовался, но, очевидно, заметив, что его имя ничего не говорит, снова устало опустил в кресло и, улыбнувшись, спросил:

– Неужели вы меня не узнаете, Петр Карпович?

Голос был глухой, низкий, совершенно незнакомый. Я внимательно взгляделся в его лицо и только тогда узнал в нем Ивана Семеновича Петрова, молодого талантливого инженера, друга Евгения, вовлеченного тем в группу подпольщиков. Я был восхищен перевоплощением.

Мы договорились с Иваном Семеновичем, что в случае занятия Краснодара немцами он выдаст себя за инженера, недавно приехавшего из Казани к своим краснодарским родственникам. Он скажет, что родственники эвакуировались до его приезда и он остался в городе один, без знакомых.

Глава IV

Положение на фронте оставалось тревожным. Гитлеровцы продолжали наступать.

Артиллерийская часть, стоявшая на комбинате, ушла на фронт. Евгений вскоре получил от ее командира «фронтowej привет» – он прислал ему в подарок снайперскую винтовку. Надо было видеть в этот момент Ермизина. Он поднял винтовку над головой и грудным своим, мощным, как орган, голосом провозгласил:

– Теперь будет дело! Теперь, Евгений Петрович, отпустите мне часы для занятий, и я ручаюсь: команда особого назначения будет стрелять не хуже, чем стреляли у нас в школе «Выстрел». Всех сделаю снайперами.

«Все», разумеется, снайперами быть не могли – мы отобрали лучших стрелков, и Ермизин принялся обучать их. Маленький, коренастый, флегматичный на вид, он был артистом своего дела – умел создавать стрелков по образу и подобию своему. Чем больше увлекался в работе Ермизин, тем спокойней, сосредоточенней становилось его лицо. Однажды, пристально глядя своими серыми глазами на Женю, он сказал:

– Вы допускаете, Евгений Петрович, большую ошибку в своей жизни.

– Какую же? – улыбаясь, спросил Женя.

– Зачем быть инженером-конструктором, когда самую природою назначено вам быть снайпером?

Ермизина я вспоминаю с большой благодарностью: его стараниями мы не знали в отряде недостатка в снайперах, даже Надя Коротова хаживала на операции со снайперской винтовкой.

Появились у нас и автоматы – русские и немецкие. Стрелять из них училась поголовно вся команда. Ермизин научил и разбирать и собирать их. Он же первый показал нам, насколько русское оружие лучше немецкого: в наших автоматах больше патронов, наша винтовка дальнобойней.

Все, включая и медсестер, умели к этому времени стрелять из ручного и станкового пулеметов, знали даже, как произвести выстрел из миномета и пушки. Женщины почему-то с особым увлечением изучали пулемет и готовы были совсем не уходить с полигона.

Но огнестрельного оружия для всей команды пока не хватало. И здесь мне пришла счастливая мысль, которой, помню, я поделился с Евгением, среди ночи разбудив его. К гладкоствольным ружьям комбинатовской охраны (тип берданки) я предложил сделать патроны «джиганы». Когда они были готовы, опробовал их наш «артист» Ермизин. Они пробивали с двухсотметрового расстояния полуторадюймовую сырую доску. Ермизин похлопал доску, как хлопают человека по плечу, и сказал:

– Хорошо! – А это обозначало, что «джиганы» бьют отлично.

Я вспоминаю сейчас о тех днях и диву даюсь: какие огромные душевные силы появились у советских людей, когда смертельная опасность нависла над нашей Родиной! Двадцать часов в сутки работали Женя и его ближайшие друзья. Это был наш будущий комсостав.

Мы изучали военную литературу и тщательно штудировали литературу о партизанских войнах прежних лет.

Кроме того, я пересмотрел множество охотничьих и спортивных книг, журналов, справочников и сделал из них ряд выписок.

Наш комсостав еще в Краснодаре выработал тактику нападения на врага, – я буду говорить о ней дальше, иллюстрируя ее примерами наших операций, – она и тактика отхода принесли нам самые благотворные результаты: убитых и раненых в нашем отряде было очень немного в сравнении с потерями действовавших рядом с нами партизан.

Наконец, особо проходили занятия с группой дальней разведки. Чему только мы не учились здесь! Компас стал для нас вещь столь же несложной, как и карманные часы. Знали названия добрых двух сотен звезд и созвездий и знали также, в какую пору ночи они появляются на небосводе и когда исчезают. Научились по коре дерева определять, сидел ли под ним облокотясь человек; чуть загнутые тыльной стороной листья кустарника были нам что записка: «Внимание, здесь недавно кто-то проходил».

Но Петр Петрович Мусьяченко, который вел «лесной семинар» с группой дальней разведки, великолепно учитывал, что не только мы будем выслеживать врага, но и враг нас. В тылу у немцев на каждого партизана придется по несколько сотен врагов, потому и следы свои мы учились скрывать с особой тщательностью.

Однажды Мусьяченко предупредил нас о том, что ночью будем проходить «новую дисциплину». Я задержался в своем институте и несколько запоздал к началу занятий.

Вхожу, как обычно, в штаб противовоздушной обороны. За столом, на котором знакома уже каждая царапина и все чернильные следы, сидят, как всегда, товарищи. Я

знаю их, как своих сыновей, – каждую родинку у каждого, и какой глаз косит у Литвинова, и как сосредоточенно сдвигает Ветлугин брови перед тем, как «отколоть» очередную шутку.

И вот этот самый Ветлугин, Геронтий Николаевич, смотрит на меня сосредоточенно и, вместо того чтобы сказать «здравствуйте», отвратительно квакает:

– Ква-а-а! Ква-а-а-а!

«Не остроумно!» – думаю я, но, разумеется, не обижаюсь, сажусь спокойно на свое обычное место. Мусьяченко кивает мне головой, потом переводит взгляд на Ветлугина и... тоже квакает. Квакает, как лягушка, которая чувствует себя центром вселенной, – упоенно, самозабвенно. «Это и есть «новая дисциплина», – понимаю я и стараюсь подавить невольную улыбку.

– Петр Карпович, попрошу вас, – сказал Мусьяченко. Что ж, были и мы подростками и пробовали дразнить лягушек: стараясь не встретиться взглядом с сыном, я заквакал.

– Нет, Петр Карпович, нет! – машет руками Мусьяченко. – По такой лягушке немец из автомата палить будет. Надо выше, протяжнее: «ква-а-а». Но, помните, товарищи: так квакает лягушка только по вечерам, накануне теплого и солнечного дня. По утрам же они квакают резче и отрывисто: «ква», «ква»...

Потом мы учились подражать стрекоту сойки, треску цикад, кабаньему хрюканью – лесным и степным звукам, которые должны были служить нам в будущем боевыми сигналами.

Все тот же Петр Петрович рассказывал о кабаньих тропах, которые помогут нам разыскивать в горах питьевую воду, а следы копытцев на этих тропах подскажут, есть ли вблизи люди или нет их, свежий след – еще сегодня здесь ходил зверь.

* * *

Весной вернулась с фронта Мария Янукевич. Стала она совсем худенькой. На маленьком подвижном лице ее глаза казались теперь огромными, и были в этих глазах и ненависть и большая, хорошая для бойца строгость. Встретили мы ее радостно вдвойне: хорошо было, что вернулся к нам наш товарищ, радостно было и за Виктора, ее мужа.

Вечером в казарме Мария скупо рассказала, почему она отпущена из армии.

Бой шел в Крыму. Ночью Мария делала перевязку матросу на переднем крае. В такой работе некогда оглядываться по сторонам. Неожиданно матрос рванулся, стал на ноги, заслоняя собой Марию, и, крича что-то, чего нельзя было понять в грохоте боя, швырнул гранату. Только здесь, падая, Мария заметила, что враги окружают ее и раненого.

Отбиваясь гранатами, то падая, то поднимаясь, они отползли к самому берегу. Дальше отступать было некуда. Да и моряк потерял уже последние силы. Мария оттащила его за огромные камни.

Они лежали за камнями и слушали, как хозяйничают на месте затихшего боя немцы.

– Ну? – сквозь зубы заговорил моряк. – Или ты думаешь, что эта ночь по твоему заказу будет тянуться тысячу и один час?

– Скоро начнет светать, – преодолевая непонятную ей самой слабость, сказала Мария.

– Какого же черта лысого ты сидишь здесь со мною? Гранат больше нет, взорвать себя нечем. Тащи...

«Куда его тащить? В море?» – подумала Мария, и вдруг к ней вернулись спокойствие и самообладание. Она поняла, что находится на берегу пролива. По ту сторону его, в семи километрах, родной кубанский берег.

Долго ползла, ободрала колени и ладони, пока нашла две подходящие доски. Приволокла их к раненому. Сняла с него и с себя ременные пояса. Связала доски, спустила их в воду, стала стаскивать на них раненого.

– Плавать умеешь? – спросил он. – Больно ты у меня мала: недомерок...

– Одной рукой будешь держаться за плот, – ответила Мария, – другой – держать меня за шиворот.

– «Плот»? – скрипя зубами от боли, передразнил моряк. – Скажи еще – крейсер.

Вода была ледяная, волна била в глаза, от холода свело Марии челюсти.

– Показывай, куда плыть. Где восток?

– Так держать. На зюйд-вест, барышня.

– Ругаться потом будем, если доплывем, – сказала Мария.

Моряк тряхнул ее за шиворот:

– Ты у меня доплывешь! Я тебе такие слова скажу, что у тебя отпадет охота тонуть...

Сколько она плыла и как плыла, Мария не помнила. Временами сознание ее туманилось, коченели ноги, усталость была такою, что уже не хотелось преодолевать ее.

Очнулась Мария на носилках.

– Водку не жалей. В рот ей, в рот, – гудел где-то сбоку знакомый голос. – В нее лей, а не в меня. Откуда только в таком птенчике сила взялась?.. У меня уже и согревательных слов не хватало, а она плывет и плывет...

Через день после своего возвращения Мария приступила к обычной работе на комбинате – она была телефонисткой: дежурила днем на телефонной станции, ночью же проходила подготовку в нашей команде особого назначения.

В то время мы с Евгением и Мусьяченко – он был назначен горкомом партии моим заместителем по командованию отрядом – постановили: каждый из будущих партизан обязан пройти переподготовку по своей прямой военной специальности. Всем нашим медсестрам было предложено посещать курсы Российского общества Красного Креста первой и второй ступени.

Мария об этом и слышать не хотела. Во-первых, она военфельдшер, а это побольше, чем просто медсестра; во-вторых, она видеть не может марлю и вату; в-третьих, у нее штамп в воинском билете...

Я смотрел на нее и думал: пожалуй, тому моряку, которого она спасла, тоже есть о чем порассказать: Мария, вероятно, на его «согревающие» слова находила соответствующие ответы...

Евгений же дал ей выговориться и, мягко улыбаясь, сказал:

– Хорошо, ты не пойдешь на курсы Красного Креста. Только прошу тебя – придумай, как объяснить Наде Коротовой тот факт, что для тебя сделано исключение. Боюсь, что Надя и другие сестры могут обидеться...

Мария вспыхнула. Надю она нежно любила. Евгению ответила, сверкая глазами:

– Всегда ты умеешь добиваться своего. Хорошо. Пойду на курсы!

Да, Евгений умел добиться того, чего хотел. И именно поэтому и оказалась маленькая группка в пятьдесят восемь человек в тылу врага такой боевой единицей, с которой врагу поневоле пришлось считаться.

...Немцы рвались к Ростову. Мы собирались в штабе противовоздушной обороны чуть не каждую ночь и проверяли свою подготовленность: все ли сделано?

И все же мы допустили ошибку, которая так и осталась неисправленной: забыли о дантисте. В горах в слякоть и непогоду некоторые из нас ходили в бои и в разведки с мучительной зубной болью.

Елена Ивановна с помощью Янукевич и Коротовой подобрала богатый инструментарий и сделала большой запас медикаментов и перевязочного материала, будто предчувствовала, что ей придется обслуживать не только свой отряд, но и всех соседей-партизан, да еще и станицы...

Самая же большая работа и забота в эти последние перед нашим уходом недели пала на мои и на Мусьяченковы плечи. Он был моим заместителем по снабжению. Какая ответственность – взяться заготовить провиант, одежду, оружие, инструменты и боеприпасы для пятидесяти восьми человек на неизвестный, но, разумеется, немалый срок!

Скажу откровенно: мы не справились бы с этой задачей, если бы не самая горячая, прямо-таки сердечная помощь партийного руководства. Многие сделали для нас Марк Апкарович и секретарь горкома по кадрам Кузьмина. Она раздобыла где-то для отряда двенадцать казачьих седел и большое количество кожи для сапог. Но кто проявил о нас буквально кровную заботу, так это Головинская, первый секретарь комитета партии Сталинского района.

Небольшого роста и далеко не мощного сложения женщина, она ни на минуту не покидала своего поста в последние дни перед вступлением оккупантов в Краснодар.

Черные тени лежали на ее тонком, измученном заботами лице. Временами она от усталости теряла голос, тогда торопливо глотала воду из стакана и так же сосредоточенно продолжала выслушивать мои бесконечные просьбы. Ни разу я не видел и не слышал, чтобы она вздохнула или хотя бы слегка повысила голос...

У нее были дети, младший только-только начал ходить. Головинская лишь в последний вечер, за десять – двенадцать часов до прихода врага, отправила детей из Краснодара. Сама же ушла из города пешком, присоединившись вместе с Поповым к последней из отходивших с боем частей армии.

Головинскую мы вспоминали в отряде постоянно: в очень большой мере своими боевыми успехами мы были обязаны ей – ее энергией было добыто многое из наших припасов, и мы не расходовали сил и времени на то, чтобы думать о хлебе насущном.

Припасы... Перечислить их нет возможности. Понятно, были у нас и всевозможные жиры, и консервы, и крупы, и мука, и даже небольшие бочонки с паусной икрой: Краснодар ее припас впрок для раненых, когда же госпитали из города эвакуировались, Попов приказал передать ее нам. Везли мы с собою и фруктовые соки, концентраты, витамины – Елена Ивановна боялась, что в условиях, какие нас ждали, в отряде может вспыхнуть цинга. И она действительно докучала впоследствии Елене Ивановне: болели ею партизаны соседних с нашим отрядов.

Но мало предусмотреть только нужды отряда, мы должны были подумать и о нуждах населения станиц, близких от нашей стоянки. Деньги с приходом врага потеряют свою ценность. Чем будем мы расплачиваться, скажем, за фураж с окрестным казачеством, какую валютой? Мы брали с собою мыло, керосин, смазку, гвозди...

А вот основное в походной жизни забыли – табак... Евгений, Мусьяченко, Янукевич, Ветлугин и я не курили: проклятый табак – с каким трудом мы добывали его впоследствии! – выскочил из нашей памяти.

Одно дело раздобыть припасы, другое – сохранять их долгое время. Как уберечь от сырости тол, сахар, соль?... Складов в горах нам никто не построил – нужно было позаботиться о соответствующей упаковке. Однако сырость – это не самое страшное: как спрятать наши ценности от гитлеровцев?

Попов уже указал мне точное место назначения отряда – «отметка 521». И вот пятеро из нас поехали к месту нашей будущей стоянки и тщательно выискивали тайники для баз. Лишиться в тылу у врага боеприпасов и еды означало бы подвергнуть мучительной гибели весь отряд. Поэтому места для наших баз выбирали люди, за которых я мог жизнью своею поручиться: ни под какими пытками они не откроют врагу, где спрятаны наши запасы.

Евгений, Ветлугин, Мусьяченко, Геня и я ночами копали ямы, укладывали в них грузы, закидывали их сверху землей, утаптывали, выкладывали дерном, в некоторых случаях даже сажали сверху колючие кусты шиповника, терна.

«Универмагами» не зря назвал Ветлугин наши базы. Каждую из них мы снарядили с таким расчетом, что если бы немцы захватили три четверти наших баз и оставили нам только одну их четверть, то мы могли бы продержаться довольно долго: в каждой было все необходимое для партизана.

Гитлеровцы все же открыли один из наших тайников, но не успели вывезти: мы отбили... Что навело их на след, до сих пор я не знаю. Наши минеры неустанно рвали мосты, портили дороги, подвоз провианта в немецкие гарнизоны прекратился, и немцы, ограбив предгорные станицы, кинулись искать «партизанские клады».

* * *

И вот совершилось то, во что никто из нас до последней минуты не хотел верить: двадцать седьмого июля радио сообщило, что нашими войсками оставлены Новочеркасск и Ростов-на-Дону. Фашисты вырвались на просторы Кубани...

Наш партизанский отряд был в полной боевой готовности. Но еще и в первых числах августа ни один человек из рядового состава отряда не знал, что он через несколько дней будет партизаном. Не знали и тогда, когда получили у себя на работе мобилизационные листки, в которых значилось, что такой-то (имя и фамилия) направляется в Новороссийск в такую-то армейскую часть. Эти мобилизационные листки были написаны писарем горвоенкомата под мою диктовку.

Всем семьям наших партизан были выданы для получения пособий (а больше – для конспирации отряда) справки о том, что они являются семьями мобилизованных.

Но помимо этих справок я запасся целым ворохом документов, которые до выхода из города никому на руки не давал и не показывал. Это были удостоверения личности для нашего пребывания в тылу. Там я числился начальником геолого-изыскательского отряда, работающего на прокладке трассы для строительства горного лесозавода. Евгений – главным инженером, Мусьяченко – коммерческим директором строительства и т. д., по рангам и по чинам. Как они нам впоследствии пригодились!..

* * *

Шли последние дни. Мы не спали, ни я, ни Евгений, суток трое. На нас посыпались неожиданно личные беды: так и не было ни строчки, ни весточки от Валентина с самого его отъезда в Крым. Жив ли он, отчаянная голова? Вот уйдем мы не сегодня-завтра в предгорья – там уж писем ждать не придется...

Заболела Мура, жена Евгения. Она находилась в таком тяжелом состоянии, что не могло быть и речи об ее уходе с отрядом. С чувством горечи, таясь, мы ночью вынесли ее и спящую дочь из их родного дома, посадили в крытую машину и повезли на другой конец города. Здесь у дальних родственников Мура с девочкой должны были оставаться до нашего возвращения, до победы. На Евгении лица не было, когда он, прижав в последний раз к груди спящего ребенка, выбежал из дома...

И наконец, – вот уж чего я не мог ожидать! – сдала Елена Ивановна. Еще накануне она бегала по городу, что-то раздобывала для своих раненых, принимала самое горячее участие в эвакуации госпиталя, в котором работала. Госпиталь уехал – и из нее будто душу вынули. Никогда раньше я не видал такого горя в ее глазах.

– Что с тобою? – допытывался я.

Она мужественно улыбалась и качала головой:

– Ничего...

Много позже, уже в горах, Елена Ивановна открылась мне и Евгению: в день отъезда госпиталя она разговорилась с одним из раненых. Он сказал: «Доктор, ваша фамилия – Игнатова. А у меня в Крыму был командир, ваш однофамилец – Валентин Игнатов. Как раз меня и ранило осколком той мины, которою убило его...»

У Елены Ивановны хватило мужества и душевных сил всю тяжесть горя взвалить на себя одну. Она боялась, что весть о гибели Валентина помешает нам с Евгением вывести партизанский отряд из города в полном порядке...

* * *

...В ночь на восьмое августа, за сутки до нашего выступления, меня вызвал первый секретарь горкома партии товарищ Санин. Это был большой, широкий в кости человек. Спокойствие, которым от него веяло всегда, в эту ночь было особенно осязаемым. Рядом с Саниным стоял невзрачного вида товарищ, не сводивший с меня пристального взгляда.

– Вы разве не знакомы? – удивился Санин и, усмехнувшись с обычным добродушием, сказал шутливо: – Начинайте-ка, товарищи, сразу сговариваться о делах своего партизанского отряда. Один из вас – командир, второй – комиссар. Язык у коммунистов общий и цель одна – победить врага. Думаю, сговоритесь.

Беседнов, – будущий комиссар для конспирации назвался Голубевым, – мне по первому виду понравился. Он оказался коренным кубанцем, был сухопар и, видимо, вынослив, молод – не больше тридцати лет, лицо энергичное и подвижное, упорный и настойчивый взгляд. Было у него и еще одно решающее для политработника качество: он прекрасно знал почти всех партизан нашего отряда, да и они его знали как третьего секретаря Сталинского райкома партии по кадрам. К тому же и сам Беседнов в прежнее время работал на Главмаргарине техником.

Все говорило за него, но... мы с Евгением давно привыкли считать комиссаром отряда Ветлугина. Да и отряд уже с ним сжился, сработался. Наконец, мы прошли крепкую боевую подготовку, которой может и не быть у нашего комиссара...

Догадавшись, должно быть, о моих сомнениях, Беседнов сказал:

– До войны я служил в армии, был комиссаром части. Как командир запаса проходил переподготовку.

Но поговорить нам так и не пришлось: в кабинет Санина вошли товарищи, вызванные на тот же час, что и я. Все они оказались командирами и комиссарами вступающих в ближайшие дни в действие отрядов. Среди них были: Сиделев –

командир кировчан, Байдилов – командир Красногвардейского отряда. Командир же Баштовой так и не пришел.

Это было не совещание, не разработка каких-либо планов совместных действий – нет! Секретарь горкома партии созвал нас, чтобы мы в его присутствии сказали друг другу: идем на смертное дело и здесь, перед партией, обещаем не оставлять один другого в беде.

Уже слышались отдаленные звуки канонады, будто за окнами выбивал кто-то большие горкомовские ковры. Санин кивнул, усмехаясь, на окно:

– Торопится! А все равно опоздал: все ценное, все предприятия мы либо вывезли, либо взорвем завтра!

Меня поразило его глубокое спокойствие. Я подумал: вот человек, который ни минуты не сомневается в нашей победе. И, как бы подтверждая мою мысль, Санин обвел нас всех пристальным взглядом:

– На сегодня все, товарищи. Встретимся здесь в следующий раз, поговорим, как будем восстанавливать свой город.

Он обнял каждого из нас, мою руку задержал несколько дольше.

– А тебе особый наказ: береги людей. Если придется кем-нибудь жертвовать, то только тогда, когда эта жертва будет неизбежной. У тебя люди особые – золотой наш фонд...

* * *

...Наступил последний день, седьмое августа. В ясном небе сияло солнце, в садике Елены Ивановны пышно цвели цветы. Мне показалось, что я увидел их впервые, раньше не замечал.

Домой я заскочил на минуту – проверить еще раз, не оставлены ли какие-нибудь бумажки, заметки, что-либо, что могло бы навести врага на след наших партизан и вызвать тяжелые последствия для их семей, оставшихся в Краснодаре. Елена Ивановна перед своим отъездом вымыла полы, поставила, как всегда, свежие цветы на стол. Я понял, зачем все это было сделано: чтобы мы с Геней унесли в памяти наш дом, нашу мирную жизнь уютной и благоустроенной, какой она была всегда. Только со стен были сняты фотографии сыновей...

Геня и Елена Ивановна (разумеется, Дакс с ними) уехали уже несколько дней назад. Не без труда нам с Евгением удалось раздобыть в горвоенкомате в собственность отряда машину, да комбинат выделил для перевозки наших грузов шесть парных подвод, еще пять достали мы всякими правдами и неправдами. Тол, гранаты, боеприпасы, постели, медикаменты, зимняя одежда и многое другое, что не было уложено в наши базы-тайники, теперь уже находилось в станице Крепостной. Там Мусьяченко, сопровождавший в первый рейс Геню, занял под наши запасы школу.

Еще раз я оглядел свой дом. В столовой на скатерти лежала мертвая пчела – она затаилась где-то, когда Елена Ивановна наглухо запирала окна. Я переменял воду в вазе с цветами, смахнул со стола пчелу и, уже не оглядываясь, вышел из дому.

В штабе противовоздушной обороны среди нашего состава шел спор: каждый хотел остаться на комбинате до прихода врага, чтобы взорвать отдельные узлы агрегатов Главмаргарина и электростанцию. Спорили долго.

Наконец порешили, что ведущие инженеры комбината останутся на нем до последней минуты, понятно – и Евгений. Мы же с Мусьяченко выведем отряд несколькими часами раньше.

В это время по главной аллее комбината подошла горкомовская машина. Из нее чуть ли не на ходу выскочил Попов. Он приехал лично проверить, все ли подготовлено к взрывам. Евгений заверил его, что все предусмотрено, и прибавил:

– Да и мы сами будем здесь все до одного.

– Как?.. – спросил Марк Апкарович, всем телом подаваясь ко мне. – Вы, Петр Карпович, в случае провала товарищей на комбинате останетесь единственным командиром в отряде? Поздравляю вас, друзья. От здравомыслия, как от излишнего груза, вы уже избавились.

Он сам выделил команду подрывников, в нее, помнится, входили: Сафронов, Слащев, Литвинов, Ельников, Веребей и Бибиков. Руководил же подрывниками Ветлугин.

Подготовлены были к взрыву и в моем институте изрядные запасы тола. Евгений и Геня, приехавшие на своей машине в очередной рейс, кинулись в институт спасать этот тол. Я звонил своим заместителям по телефону, хотел просить их помочь моим сыновьям, но телефон уже бездействовал. Позже мне стало известно, что ребята мои спасли тол, буквально рискуя жизнью.

Я же в это время снова бегал по городу и снова «снаряжал» своих партизан. На этот раз речь шла о подрывниках. Мы все обсудили с Ветлугиным. Возможно, что ему с товарищами, после того как они выведут из строя агрегаты заводов Главмаргарина, придется пробиваться к нам через Кубань вплавь: мы были предупреждены, что наши саперы взорвут мост, как только подойдут к нему гитлеровцы.

На берегу реки мы припрятали лодку. Каждому из подрывников я раздобыл резиновый надувной пояс. Всем были розданы пистолеты.

Геня со своей машиной непрерывно курсировал от комбината к разъезду Энем: там, на Энеме, он скидывал в кукурузу тол, спасенный им и Евгением, патроны и гранаты. Два брата Мартыненко – наши партизаны – неотлучно сторожили в кукурузе боеприпасы и провиант, полученный нами в последний день.

Гул канонады становился все ближе и явственней. Спускался над нами обычный наш кубанский золотой вечер, последний вечер в Краснодаре. Не стыдись, говорю: на сердце было горько...

Ночью Евгений вошел в казарму команды противовоздушной обороны, приказал всем членам команды особого назначения построиться и повел их. Помню лица товарищей, строгие, сосредоточенные. Никто из рядового состава не знал, куда и зачем идет. Каждый думал – в бой против вражеского десанта, принимать боевое крещение.

Ночь стояла тихая, лунная. Серебрилась листва вдоль аллеи, люди шли в полном безмолвии, четко ступая по асфальту. Впереди, будто не заходило в этот день солнце, багровым закатом стояло зарево. «Нале-во!» – скомандовал Евгений и повел нас к корпусу, в котором помещался партийный комитет. Только в коротком чьем-то вздохе и выразилось удивление команды: куда нас ведут?

В партийном комитете горела большая лампа-«молния»: электростанция комбината уже была подготовлена к взрыву. Под лучами «молнии» отливали синевой и поблескивали густые, колечками, волосы Попова. Он кивнул мне, чтобы я сел поближе. Расселась и команда. Попов встал, подался вперед и очень просто, будто с близким ему человеком, заговорил:

– С этого момента, товарищи, вы не называетесь больше командой особого назначения. Вы все – партизаны. Партизаны мощного по своему техническому оборудованию и по специальной подготовке отряда.

Какая стояла тишина! Никто не шелохнулся, только дыхание у людей стало чаще. Я подумал: «Конспирацию мы сумели соблюсти. Не было сомнений, что до этой минуты никто и не подозревал ничего о партизанском отряде».

Марк Апкарович медленно переводил взгляд своих горячих глаз с одного лица на другое, говорил о том, что отныне каждый из нас – народный мститель. Не только все свои душевные и физические силы, но и все наши знания, все, чему учили нас в вузах и втузах, все должны обратить мы на мечь...

Мы, кубанцы, должны учесть опыт борьбы славных партизан Белоруссии и Украины, которые сумели создать массовое народное движение в тылу оккупантов...

Помолчав, он заговорил снова:

– Но партизан – это человек, за которым по пятам ходит смерть. Это человек, которому в каждой станице враг заготовит виселицу. Голод, холод, болезни – все ждет партизана... Однако никто не неволит вас. Сегодня ночью из Краснодара выйдут последние части Советской Армии. Любой из вас может уйти с этими частями как красноармеец. И я пожму ему руку и скажу: возвращайся с победой, дорогой товарищ. Кто не чувствует в себе физических сил, достаточных для того, чтобы стать партизаном? Пусть не останавливает вас ложный стыд: лучше сейчас отказаться, чем быть впоследствии обузой товарищам. Я даю вам десять минут для размышления.

Он снял с руки часы и положил их перед собою.

Эти десять минут тянулись, казалось, очень долго. Завыла сирена противовоздушной обороны, прошли с ноющим звуком вражеские самолеты, неподалеку разорвалась бомба...

Марк Апкарович снова взял часы в руки:

– Срок истек. Здесь остаются у многих из вас семьи. Для того чтобы они не пострадали, ни один человек: ни мать, ни жена – никто не должен знать, что вы ушли партизанить. Для всех отныне вы – солдаты. А теперь я познакомлю вас с командиром вашего отряда. Забудьте, что знали когда-нибудь его имя, отчество и фамилию. Его зовут Батя. Это имя устрашает врагов с первых дней войны и в Белоруссии, и на Смоленщине, и на Украине. Там его родил народ, создавая мощные партизанские отряды. Там это имя покрыто славой. Возьмите же его, товарищи отряда Бати, как боевое знамя народа-мстителя.

Нужно ли говорить о смущении, охватившем меня?.. Оправдать имя, ставшее уже легендарным... честь, доверие партии... ответственность.

Марк Апкарович кивнул мне:

– Будете говорить со своим отрядом, товарищ Батя!

Усилием воли я подавил смущение и стал говорить о тех трудностях, какие не перечислил товарищ Попов: о тяжелом, изнурительном повседневном труде партизана. Будет и романтика боев и диверсий, но гораздо больше будет кровавых мозолей на руках. Камни придется таскать на своих плечах. Рубить деревья. Долбить почву, твердую, как железо, и пить воду из гнилых болот и грязных луж. Кто слаб физически, пусть мужественно встанет и уйдет.

Я нарочито сгущал краски. Но не зря с такою тщательностью подбирали мы этих людей – среди них пугливых не оказалось. И, должен забежать вперед, никто из них в отряде не отказался ни разу ни от какой работы, и никогда я не слышал от них жалоб.

– Комиссаром вашим будет товарищ Голубев, – сказал Попов, указывая на Беседнова.

Сегодня, когда я пишу эти строки, многое, что волновало нас в те дни до глубины души, стало уже привычным. Но и сегодня я не могу без волнения повторить слова присяги партизана, которые впервые произнес в ту ночь:

«Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического советского народа, клянусь...»

Голос сына моего Евгения звучит и поныне в моем сердце:

«...Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство коварного фашизма».

Каждый из товарищей вкладывал в слова присяги всю свою душу, и потому слова эти у каждого звучали по-новому. Железная воля и глубокое презрение к изменникам Родины слышались в голосе Ветлугина:

«...Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

Клятву каждый подтвердил своей подписью. Комиссар Голубев – он был бледен и суров – держал в руках плотный лист бумаги, на котором все расписывались.

Я приказал партизанам разойтись по домам, проститься с близкими и, захватив с собою две смены белья, через три часа явиться в назначенный пункт, откуда отряд и выступит.

Опустевший зал заседаний партийного комитета стал неудобным и гулким. Мы поневоле заговорили вполголоса. Нас теперь было четверо: Попов, Евгений, Голубев и я. Попов сказал:

– Вспомним, товарищи, о недавней диверсии на комбинате... И о технике Свиридове: кто из нас мог предположить, что Свиридов окажется немецким шпионом? – Он взял из рук Голубева лист с подписями и не то с болью, не то безглаголиво сказал: – А что, если среди них тоже есть немецкий шпион?

Помню, как вздрогнул выдержанный всегда Евгений.

– Предатели могли пронюхать об отряде и подсунуть в него шпиона. – Попов стал читать фамилии: – Ветлугин...

– Нет! – выкрикнул Женя.

– И я знаю, что нет, – засмеялся Марк Апкарович. – Бибииков...

– Нет...

– Литвинов...

– Нет.

«Нет», «нет» и «нет», – повторял Женя до самого конца. Попов вздохнул, свернул список в трубку и, передавая его комиссару, сказал:

– Хорошо, если нет... А если есть? Смотри, Женя, не забывай о бдительности. Конспирация и в горах – главное. Пусть никто не узнает, на чьих минах будут рваться немецкие поезда. Ваша слава, если заслужите ее, от вас не уйдет.

Мы не простились с Поповым: было условлено, что он догонит нас в станице Крепостной, на первой нашей стоянке.

– А на всякий случай, если мне придется отступать другим путем, вот вам мой наказ: кому много дано, с того много спросится. Вы должны воевать так, чтобы вами гордились честные люди всего мира. До скорого свидания, товарищи!

Свиданию этому не суждено было состояться. Марка Апкаровича мы не увидели больше никогда...

Глава V

В этот день – девятого августа – наша жизнь резко и надолго изменилась. И мне ли забыть наш уход из Краснодара?..

Уже начинал брезжить рассвет. Отряд был в полном сборе, на комбинате. В углу казармы, которую мы покидали, как свой дом, лежали горой припасы, полученные нами. К счастью, накануне по настоянию доброго гения нашего, Головинской, директор завода натуральных соков отдал нашему отряду две пары лошадей и трактор с прицепом. На него-то мы и спешили погрузить наши припасы.

Как сигнал торопиться, раздался с юго-западной стороны города оглушительный грохот: начали выводить из строя предприятия. Кто-то из партизан сказал:

– Я этот завод строил...

Ему ответили молчанием. Только зарокотал трактор. Он вышел из ворот комбината и... остановился.

Наши механики – инженер Ломакин и Павлик Худоерко, – сколько ни бились, сколько ни спорили друг с другом, ничего сделать не могли: трактор с места не двигался.

А мимо в строгом порядке проходили и проходили грузовики. Это были военные машины, и они тоже служили нам сигналом торопиться: пройдут последние части – мост через Кубань будет взорван.

Мысль работала напряженно. В другое время я не вспомнил бы, что тракторист, накануне сдавший нам из рук в руки прицеп, на моих глазах пересек улицу и вошел в дом, что стоит наискосок от ворот комбината. Я послал за ним двух партизан.

– Будет сопротивляться, тащите силой. Убеждать и просить некогда...

Ветер с запада доносил дым пожаров. Звенели стекла в домах от взрывов. На зубах похрустывала тучей висевшая пыль. Прошла еще одна машина с ранеными.

Наконец под конвоем Лусты и Коновиченко появился тракторист. Я приказал ему сесть за руль. Он глянул на меня и с укоризной сказал:

– Сами вы человек пожилой, должны понимать: старуха у меня больная. Как я с вами поеду?

– Зачем ты нам нужен? – вскипел я. – Покажи хлопцам, как с твоим трактором управляться... и иди, – куда хочешь.

Тракторист расцвел в улыбке, сел за руль, приговаривая:

– Я разве отказываюсь?.. Я вас до самого моста доведу... Эта заминка с трактором имела и свою положительную сторону: мы все, стоя в бездействии на улице, поневоле были свидетелями того строгого порядка, в каком отступали части Советской Армии. Мы видели, как строго по плану, разработанному накануне горкомом партии, были выведены из строя все предприятия на юго-западной окраине. И эти минуты вселили в меня еще большую уверенность в нашей силе, в том, что мы сюда вернемся, и вернемся скоро, победителями.

И все же больно было идти вдоль знакомых домов с плотно закрытыми окнами. С какой-то новой нежностью смотрели мы на скверы, на площади, на наш Краснодар: так перед долгой разлукой смотрят в лицо близкому другу.

Через мост переправились благополучно. Евгений остановился, повернулся к городу. Уж первые лучи солнца играли над Краснодаром. Я глянул на сына, и сердце у меня сжалось: всегда веселый и приветливый, он потемнел лицом, губы были плотно сжаты, на волевом крутом подбородке, как след от пули, резко чернела глубокая

вдавлинка. Где-то под одной из множества крыш, освещенных солнцем, где-то на том берегу Кубани спала в этот ранний час его маленькая Инна...

Да разве у одного Евгения осталось счастье на том берегу? И Мусьяченко фуражку снял, будто еще раз прощался с женой и детьми, а в синих глазах – такая тоска... И у Еременко жена и ребенок. И у всех почти партизан кто-нибудь близкий остался там...

– Пошли, товарищи, – сказал я твердо, как мог.

...На Энеме нас встретили братья Мартыненко. Они кинулись к нам с расспросами: что в Краснодаре? Вошли ли в город немцы?

Страшная усталость сковала нас всех – мы молчали. Ответом прозвучал издали глухой, но мощный грохот: наши саперы взорвали мост – немцы были в Краснодаре.

– А Геронтий Николаевич, а Литвинов? – допытывались братья Мартыненко.

Что мы могли ответить? Каждый из нас сам с тревогой думал: по какую сторону взорванного моста находится сейчас Ветлугин с товарищами?

И снова, как мог твердо, я приказал отряду сесть на подводы – благо все они пришли из Крепостной к Энему за грузами.

Школа в станице Крепостной – просторная, чистая и светлая – показалась нам верхом комфорта. Янукевич, оглядев ее, сказал зло:

– Была школой, чем-то станет через несколько дней?.. Может быть, застенком гестаповцев...

Кого бы, как не больного Янукевича, должны были выбить из сил события последних дней? Ничуть не бывало! Маленький, тщедушный, Виктор казался сейчас самым сильным в отряде. Большие, цвета свинца глаза его были налиты такой ненавистью и решительностью, так плотно сжаты твердые губы, что я невольно подумал: «Этот не только любому врагу глотку перегрызет, он чахотку свою сотрет в порошок».

Засыпая на соломе, я слышал приглушенный разговор Виктора с женой:

– Не копайся, ложись спать. Нам с тобою завтра за четверых работать надо, мы счастливее других: ни детей, никого в Краснодаре не осталось...

Проснулись все, как по сговору, едва забрезжил рассвет.

Меня поразили и порадовали Евгений, Мусьяченко, Еременко и другие партизаны. Они отдохнули за ночь, но и успели, видимо, многое продумать. На лицах их я прочел ту же суровую, непоколебимую силу, какую видел в отступавших красноармейцах. Они отступали, но не были сломлены. Горе же свое каждый спрятал так глубоко, чтобы никто из товарищей не мог заметить его. Начинался первый трудовой день отряда.

Исподтишка я поглядывал на Геню. Чего греха таить, он находился в состоянии, близком к восторгу. Мальчику едва пошел семнадцатый год, и вот он на своей машине перевозит добрую четверть всех грузов.

Женя родился и рос в суровые годы гражданской войны. Отсюда, может быть, и возникли в его характере замкнутость и твердая воля. Геню силой воли тоже не обидела природа, но рос он в ласке, которой не жалела своим детям окрепшая уже Советская власть, и замкнутости в нем не было.

Ему очень хотелось поговорить со мною, с матерью, с Женей. Но, подражая взрослым, работавшим сейчас не покладая рук, он тоже деловито молчал.

А Ветлугина с подрывниками все не было... Как по безмолвному уговору, никто в отряде о них не говорил. Но то Евгений, то Елена Ивановна, то Мусьяченко выходили

на дорогу и, прикрыв ладонью глаза от солнца, всматривались в даль, в сторону Краснодара...

Остаться в Крепостной и ждать их мы не могли. Полные скрытой тревоги, на другой день на рассвете мы погрузили наши припасы на машину, на тракторный прицеп, на подводы и двинулись в предгорья, к Крымской Поляне.

В Крепостной же оставался Литовченко. У него была явка для тех, кто запоздает выбраться из Краснодара до прихода врага. Мы знали: Литовченко сумеет соблюсти конспирацию, дожидаться Ветлугина с подрывниками и поможет им добраться до нашей новой стоянки.

Лето стояло в полном цвету. Зеленым ковром легли нам под ноги сочные травы. Благоуханный воздух был прозрачен и чист. Мы шли, околдованные природой, помолодевшие, расправив широко грудь.

Впереди – горы. Мощные вершины подпирают сияющее небо. Прямо перед нами огромный кряж Карабета. Справа – громада Сибербаша, слева – Саб, гора-великан.

Амфитеатром стояли они перед нами, горы Кавказа, покрытые славой русского оружия, воспетые Пушкиным и Лермонтовым. Видели и знали мы их и раньше, но в этот день величие их впервые открылось нам, потому что сами мы были уже не теми людьми, что год назад.

Евгений шел рядом со мною. Я заметил, что губы его шевелятся.

– Ты что, как бедуин перед боем молитвы шепчешь? – усмехнулся я.

– «...И равнодушная природа красою вечною сиять», – ответил Женя. – Знаю, что «равнодушная» и даже враждебная подчас. А вот смотрю перед собою и не могу отделаться от чувства, что громады эти полны скорби, гнева и мести...

Узкая дорога вилась причудливым узором и временами, казалось, исчезала, столь круты и хитры были ее повороты. А за каждым поворотом ждало нас новое колдовство – то поляна, залитая солнцем, то мрачный, темный лес. И горы, горы, насколько хватает глаз.

Даже шесть месяцев спустя, когда каждая тропинка здесь была нами изучена и горы стали домом нашим, они так же волновали нас своею величавой, вековечной красотой.

Наступила наша первая партизанская ночь.

Крымская Поляна... Здесь был недавно лесозавод. Люди, работавшие на нем, ушли на войну. И вот опустевшие, никому не нужные жилища сразу наполнились человеческими голосами: партизанский отряд, измученный за день перевозкой, разгрузкой и сортировкой своих богатств, расположился на ночлег. Сладко потянуло дымком, вкусно захрустели овсом лошади.

Оружие и боезапасы мы сложили в стороне от прочих грузов. Назначив на ночь начальника караула, я крикнул Дакса. Всю дорогу ему приказано было находиться при Елене Ивановне, и сейчас он с восторгом устремился ко мне.

– Лежать здесь! – сказал я, указывая на груды оружия.

Дакс лег, но уши его были подняты вопросительно – «сам ты где ляжешь?» Я погладил его по голове – «здесь же, не волнуйся!» – расстелил одеяло, начал стаскивать ботинки. В это время раздалось грозное рычание. Дакс вскочил на ноги и, продолжая рычать, окаменел.

– Что такое? – удивился я.

– Это я, Мусьяченко, – прозвучало из темноты, – хотел рядом с вами пристроиться, да, кажется, не удастся – не пускают.

С большим трудом мне удалось уговорить Дакса пропустить к оружию Петра Петровича, но больше за всю ночь никто не посмел приблизиться к нам.

Редким качеством обладал Мусьяченко: от него всюду веяло домашним уютom. Домом ему был весь мир. Мы поговорили с ним о том, как предохранить кое-что из продуктов от порчи. Он ловко взбил сено у меня под головой, и мы сами не заметили, как уснули.

Еще не рассвело, как Дакс снова забеспокоился. Рядом никого не было, караул стоял на своих местах, партизаны спали, но всем видом своим, едва уловимым рычанием собака давала нам понять, что не все благополучно.

– Есть кто-то чужой поблизости, – сказал я, и мы с Петром Петровичем стали натягивать ботинки. Дакс, словно торопя нас, оглядывался на мгновение и снова весь вытягивался к уходившей вдаль дороге.

Я приказал караульным быть начеку, сам же с Мусьяченко, взяв Дакса на ремень, направился к дороге. У поворота ее мы залегли за кусты терна.

Но вот в предутренней тишине, когда еще ни одна птица не подает своего голоса и когда обычно не шелохнет листом ветерок, раздался вдали старческий, хриплый кашель.

Дакс рванулся – вдали из-за поворота показалась маленькая, тщедушная фигурка. Мы не спускали с нее глаз.

– Да ведь это дед Гаврило! – полным голосом проговорил Мусьяченко. – Как его сюда занесло?!

Теперь и я узнал старика: действительно, это был лесник, к которому привел нас однажды во время учебной вылазки Петр Петрович.

– Здравствуй, начальник! – сказал дед, оправившись от изумления. – Ты меня ни о чем не спрашивай: беда у меня... Говорить не могу. И не плачу, а сердце, – он приложил трясущиеся руки к груди, – сердце плачет...

И все же дед поведал о своем горе Петру Петровичу.

Зная, что фашисты близко, – добра от них ждать не приходится, – пошел старик повидаться с единственным своим сыном, который жил на отдаленных хуторах в предгорьях вместе с женою. Приходит, а сына нет. Уехал, говорят соседи, в аул Тахтумукаев за дробью. Должен завтра вернуться, жди, Ну и дождался старик...

Поутру приехала сноха его и привезла ему сына – мертвого. На Тахтумукаев пришли наши части, отступавшие из Краснодара. Налетела следом авиация, стала бросать бомбы, строчить из пулеметов. Народу русского погибло! Погиб под бомбой и большой краснодарский начальник – Попов.

Мы с Мусьяченко выкрикнули в один голос:

– Какой Попов? Марк Апкарович?

– Он, – сказал дед, – а при нем женщина была партийная, ту сильно поранило.

Мы не хотели верить. Могла и напутать чего-нибудь дедова сноха.

– Нет, – качал он головой, – она не напутала. Она его в лицо знала, на партийную конференцию к нему в Краснодар вместе с покойным сыном ездила. Да и я Марка Апкаровича знал: на охоту мы с ним хаживали...

– Не из тех дед Гаврило, которые станут зря языком звонить, – сказал глухо Петр Петрович.

Дед усмехнулся горько:

– Разве ж можно на такого человека, как Марк Апкарович, этакую напраслину наклепать?! На месте убило. И с большими почестями, как военного, под залпы, тут же его и похоронили.

Я выстроил отряд. Мы не могли дать в память Марка Апкаровича прощальный залп – стрельба привлекла бы к нам внимание. Мы только обнажили головы, и я рассказал партизанам, как создавался наш отряд: заботами, любовью, опытом и светлой мыслью Марка Апкаровича. Как завет его, я повторил слова: «Кому много дано, с того многое спросится», «Вы должны бить врага так, чтобы честные люди всего мира гордились вами». Я всматривался в лица партизан и в каждом читал искреннюю боль, гнев, ненависть к врагу.

Отряд поклялся отомстить за жизнь Марка Апкаровича жизнью сотен врагов. И трижды повторенное «клянусь!» звучало, как прощальный залп.

Дед-лесник вышел перед строем и сказал:

– Если придется кому из вас искать пристанища или нужно будет пойти к врагу что выведать, – вспомните про деда Гаврила. Помогите, дети, и мне, старому, хоть чем-нибудь рассчитаться с катюгами за сына.

В дальнейшем наши разведчики не раз находили приют в его избушке, а сам дед оказался прекрасным агентурщиком.

...К вечеру мы подошли к небольшой долине, от которой начиналась Планческая Щель – длинное узкое ущелье. Тянется оно на много километров. Где-то, не доходя до конца ущелья, нам предстояло найти узкую тропу, которая и должна была привести нас на место назначения отряда, к «отметке 521».

Петр Петрович, – напоминаю, что был он инженером-картографом и в прежние годы руководил изыскательской партией в предгорьях, – долго рассматривал карту, врученную мне командованием в Краснодаре, и сказал:

– Должен предупредить вас, товарищ Батя, что разыскать человека в горах по отметке, существующей только на карте, не многим легче, чем разыскать потерянную на пляже иголку. Мы с вами отметку, несомненно, найдем, но Ветлугин с товарищами нас не разыщет.

Спорить было не о чем. Я приказал отряду стать на ночь лагерем на поляне. На ней до войны тоже находился небольшой лесозавод. Здесь мы и решили дожидаться наших подрывников.

Они пришли на другой день, когда солнце уже поднялось высоко. Отряд окружил их.

– Взорвали? – спросил Евгений.

Ветлугин и Литвинов промолчали. Слащев, глядя на свои ладони, ответил тихо:

– Своими руками... Думаете, легко было? Я же сам ставил когда-то все оборудование теплоцентрали, ночами не спал, мучился, проверял расчеты... Какие были котлы! Гиганты... Я на слух ловил, как работает каждый. Сдается, и сейчас слышу их дыхание...

Больно было смотреть и на Слащева, и на всех других подрывников: измученные, исхудавшие, с тусклыми от недосыпания и пережитого глазами. Весь путь они проделали пешком от цехов Главмаргарина до Планческой. Через Кубань успели пройти буквально в последнюю минуту. При них был взорван мост. И сразу же начались налеты. Идти вначале можно было только ночью. Днем отлеживались в кукурузе. Потом стало легче – шли лесами.

Я видел, что их рассказы мучают не только их самих, но и слушателей, и предложил прекратить расспросы и немедленно накормить товарищей.

Теперь все были в сборе. Комиссар привел к присяге тех из партизан, которые раньше по разным причинам не давали ее: Елену Ивановну, Геню, братьев Мартыненко...

В тот же день Евгений со своей командой отправился устанавливать связь с соседними партизанскими отрядами. Ему было приказано вернуться к вечеру на наше первое партийное собрание.

Состоялось оно здесь же, на поляне. Мы собрались в сторонке, под старым карагачем. Впервые мне привелось быть в одной парторганизации с сыном...

Вершины гор стояли еще розовые – ловили лучи заходящего солнца, а здесь, в долине, уже ложилась ночь. Трещали до звона в ушах цикады, сонно попискивала в ветвях карагача потревоженная нами какая-то пичуга. Вдали ржали наши кони. Караул по лагерю несли комсомольцы: Геня, Ломакин, Павлик Худоерко, Надя Коротова, Мария Янукевич. Они были преисполнены важности.

Нас, коммунистов, было в отряде двадцать шесть. Ответственным секретарем партийной организации избрали Сафронова, членами бюро – комиссара Голубева и меня.

Владимиру Николаевичу Сафронову в ту пору было лет сорок с небольшим. Его как начальника теплоэлектростанции на комбинате знал отлично почти весь отряд. Успел присмотреться к Сафронову и я. Он удивил меня с первого знакомства: человек с большим сердцем, с мокрым плевритом, отягощенный к тому же ответственной работой, большой, грузный, медлительный в речи, он успевал в команде особого назначения проходить все занятия наравне с молодежью. Он никогда не унывал, болезней своих будто и не замечал. Был на вид очень простодушен, но простодушие это совмещалось с непреклонной принципиальностью и объективностью. Умел он поддеть проштрафившегося товарища столь остроумно и мягко, что тому ничего не оставалось делать, как покаяться в своих ошибках. Короче, иного, лучшего партийного секретаря нельзя было бы и желать.

Здесь же, на партсобрании, Евгений рассказал о том впечатлении, какое создалось у него от первого знакомства с соседними партизанскими отрядами. Были эти впечатления не из радужных... Наши соседи плохо позаботились и о провианте своем, и о духовной пище: радиоприемников у них не было, не было ни запасов медикаментов, ни врача...

Сафронов тут же обратился с вопросом к Мусьяченко:

– Запасы бумаги у нас достаточны? Будет на чем распространять сводки Совинформбюро?

– Бумаги хватит, – ответил Петр Петрович.

– Хватит?.. – повторил Сафронов. – На что хватит? Вы с Батей, может быть, газету собираетесь издавать?

– Собираемся, – ответил невозмутимо Петр Петрович. – Шапирограф везем с собой.

– А швейных машин, часом, не захватили?

– Имеется одна...

Как вышучивали нас с Мусьяченко за эту швейную машину и какую службу сослужила она нам, я здесь рассказывать не буду.

Сафронов, как эстафету, принял слова покойного Попова: «Кому много дано, с того многое спросится». Наш отряд будет поддерживать культурную связь с соседними. Но

этого мало: мы должны так расходовать провиант, чтобы в случае нужды нашлось, чем помочь и соседям.

Здесь же мы установили нормы своего пайка. Они были равны нормам, установленным для бойцов. Приняли мы и устав Советской Армии.

Глава VI

Ущелье встретило нас неприветливо. На поляне, пока мы грузили наши запасы на подводы, заиграло в росных травах щедрое солнце, а здесь все еще стоял предрассветный сумрак. Нужно было закинуть голову назад, чтобы увидеть высоко-высоко над собой свет дня. Но и здесь жизнь брала свое. Меж гигантских камней зеленел кустарник, тонкие стволы деревьев тянулись кверху.

Дорога к нашей «отметке» шла от ущелья направо, круто вверх. Заметить, где она начиналась, было не легко: сама природа замаскировала поворот к ней кустарником и деревцами. Даже к концу нашего пребывания в горах, случалось, партизаны проскакивали мимо этих «ворот», ведущих к нашей резиденции. Правда, в дальнейшем мы и сами тщательно маскировали это место.

Кто и когда проложил эту каменистую дорогу? Несомненно, люди суровые, мужественные и мудрые, – шла она под отвесными скалами, но так, что обвалы не грозили ей, делала смелые повороты, но такие, что даже машина Гени все же могла пройти по ней.

Горы, горы и горы. Вершины их похожи на гребни застывших гигантских волн. То поднимаются они мертвым пиком к небу, то сияют на солнце яркой зеленью лугов. Чем дальше мы шли, тем выше и круче поднимались на горизонте горы.

Дорога потянулась вдоль реки Афипс. Река изгибается замысловатыми, причудливыми петлями. Подчас она описывает почти полные окружности и вдруг поворачивает назад и снова вьется, кружит, и, кажется, нет ста метров, где бы она текла прямо.

В кружеве белой пены она бежит по цветным камням. Камни просвечивают сквозь янтарную на солнце воду. Нет человека, который не скажет: как все это прекрасно!..

Но мы проклинали прекрасные горные реки: два раза нам пришлось переправляться вброд через Афипс и восемь раз через безымянную реку, скользить на ее камнях, наткаться на острые коряги, неожиданно проваливаться в ямы.

Впрочем, под конец мы поняли, что виноваты не реки, а мы сами. Человек, за много поколений до нас проложивший эту дорогу, подводил ее каждый раз к речным перекатам (кое-где сохранились даже подводные искусственные кладки). На перекатах вода еле прикрывала камни и не доходила выше щиколоток: не сворачивай в сторону, перейдешь реку, как посуху. Генина машина и прицеп Павлика Худоерко ни разу не застряли в воде. Благополучно грохотали по обглоданным водою камням и наши подводы, лошади уверенно ступали по этим скользким гольшам. На нас же самих смотреть было и больно и смешно: потные, обгоревшие на горном солнце, шли мы и молчали...

К концу дня вышли на просторную, великолепную поляну. Где-то близко от нее должна была находиться «отметка 521» – наш будущий лагерь, наш дом, наша горная партизанская крепость.

Евгений ушел искать ее еще из Планческой сразу же после партийного собрания. Мы ждали его возвращения и пока занялись ремонтом одежды, уже изрядно пострадавшей, перетаскали в тень кое-что из скоропортящихся грузов.

Перед вечером разложили костер. У костра собрался весь отряд, за исключением, разумеется, караула. Геня что-то оживленно рассказывал Павлику Худоерко. Женщины вели какую-то свою беседу. Виктор Янукевич горячо что-то доказывал Еременко – на поляне стоял гул от наших голосов.

Закинув руки за голову, запел Петр Петрович. Голос его, чистый и сильный, повторяло горное эхо:

Ты, Кубань, ты наша Родина,
Наш колхозный богатырь,
Многоводная, свободная
Разлилась ты вдаль и вширь...

Песня была партизанам своей, родной. Отряд подхватил её, и пусть не каждый мог похвалиться голосом, но чувство, с каким пели, было единым:

...Если тронет враг кордоны
Нашей Родины святой,
Нарядим коней в дорогу
И пойдем на смертный бой...

На рассвете вернулся Евгений. Он нашел нашу «отметку»: вдали от болот, есть родники, вокруг лес.

Утром мы снова отправились в путь. Теперь шли уже след в след, как учил нас на «лесных семинарах» Мусьяченко. Дорога была уж не та: узкая тропа в густом, темном лесу. Русло высохшей речки. Резкий поворот влево. Три крутых подъема. И наконец, широкая, просторная площадка.

Справа от нее – высокий гребень горы: на него почти невозможно забраться. Слева – глубокий крутой откос: спуститься с него можно только на веревке. У обрыва – небольшой родник.

Евгений привел нас, умылся, поел и снова ушел – надо изучить окрестности лагеря, а мы в тот же день начали обживать свою «крепость»: разбили палатки, наметили места для кухни, столовой, медпункта.

Место всем нравилось, оно и в самом деле было очень живописно.

Взводы вступили в молчаливое соревнование: каждый из четырех стремился сделать свое жилье самым уютным, прочным и удобным.

В первый взвод были подобраны лучшие стрелки – снайперы, автоматчики, пулеметчики и даже артиллеристы (орудий у нас пока не было, но мы надеялись, что раздобудем их). Командовал первым взводом Виктор Янукевич. Вторым – в него входили минеры, связисты, саперы, ремонтники – командовал Ветлугин. Третий – под командованием Сафронова – тоже был стрелковый. Хозяйственная и медико-санитарная части вошли в четвертый взвод, и – надо ли об этом говорить – командиром его был Мусьяченко. Группа дальней разведки, состоявшая из самых подвижных, отважных и хладнокровных бойцов, была выделена особо.

Солнце садилось за горы. Блекли краски, тянуло сыростью из ущелья. В небе загорелись первые звезды.

Было красиво вокруг и несколько таинственно. Неподвижно стояли часовые, как нарисованные на блекнувшем небе. Под впечатлением этой романтической таинственности и выстроился на площадке отряд.

– Приказываю партизанам с завтрашнего дня в целях гигиены остричь волосы, женщинам – коротко подстричься. Всем без исключения чистить ежедневно одежду и обувь. Перед операциями и дальними разведками надевать на себя все чистое: никто

не знает, где стережет его вражеская пуля, у русского же воина испокон века тело, как и душа, было чистым. Мыла в отряде достаточное количество. Приказываю каждому партизану тщательно стирать свое белье.

Кто-то хихикнул тенорком в строю – для начала я решил не заметить этого смешка. И уже наутро выяснилось, кто этот весельчак.

Дисциплина в отряде еще не устоялась, и потому мы с комиссаром и Сафроновым решили для начала лично следить, как выполняются все приказы и наряды. На рассвете я отправился проверить часовых. Подхожу к одному – стоит, печально съездившись, в драповом пальто. Главмаргариновцы получили еще в Краснодаре военную выправку. Из них никто не позволил бы себе стоять на часах, согнувшись в три погибели.

Подхожу ближе – так и есть: один из прибывших к нам в отряд в день отступления из Краснодара. Помнится, инженер. На шее галстук, сбившийся набок, и белый когда-то воротничок: по нему проходит различимая даже в скупом предутреннем свете жирная полоса грязи.

– После караула, – сказал я, – побреетесь и немедленно смените рубаху!

– А вы мне ее дадите? – спросил часовой и знакомо хихикнул.

Я понял, кто передо мною стоит, и сказал мягко:

– Сегодня же ознакомьтесь с уставом армии – так не разговаривают с командиром. А белье тотчас после караула выстирайте.

– Я не прачка! – вспыхнул часовой. – Шесть женщин торчат зачем-то в отряде! И прибыли мы сюда не пижониться, а бить врага.

Помню, кровь прилила к моему лицу, но я умел себя сдерживать и сказал безразлично:

– Поговорите с женщинами: может быть, они и урвут свободную от наряда минутку, чтобы обчистить вас. Лучше всего обратитесь к Марии Янукевич...

Комиссар и Сафронов присутствовали при этом разговоре. Потом вижу: вбежала в палатку, где помещалась партийная организация, Мария, а следом за нею шел злополучный тенорок. Вид у него был немногим бодрее, чем у боксера в момент нокаута.

Мария требовала, чтобы его... немедленно исключили из партии!

Лицо Сафронова, большое, слегка отечное, выражало самое искреннее на вид огорчение. Только в голубых ясных глазах посверкивали искорки смеха.

– Неужели придется сразу исключать? Такая неприятность! – сказал он, вздыхая. – Но товарищ не может же прийти на партийное собрание в столь нечистоплотном виде...

Сафронов неторопливо засучил рукава, достал из своего рюкзака мыло и сказал тенорку:

– Снимайте, товарищ, рубаху – я постираю. Пока она высохнет на солнышке, вы позанимайтесь с Марией. Она устав Советской Армии знает хорошо и научит вас следить за оружием, а стреляет лучше меня, особенно из пулемета...

Не берусь сказать, что чувствовал в это время инженер.

В тот же вечер после ужина комиссар провел собрание. Горячо и действительно от всего сердца он говорил и о чувстве товарищества, и о дисциплине, и о тяжести физической работы, которая ждет нас всех в отряде. Под конец комиссар задал тот же вопрос, который и я, и покойный Марк Апкарович задавали партизанам в памятную ночь перед выходом из Краснодара:

– Может быть, кто-нибудь из вас раскаивается, что пошел в партизаны? Еще не поздно сознаться в этом. Мы найдем возможность переправить любого из вас через горы, к своим.

Нет, никто не хотел покидать отряд. И провинившийся передо мною и перед Марией товарищ нашел в себе достаточно мужества, чтобы перед лицом всего отряда признать свои ошибки. К чести отряда надо сказать: никто никогда не вспоминал об этом эпизоде.

В станице Смоленской обосновался небольшой гарнизон врага. Евгений видел, как гитлеровцы шатаются по улицам в одних трусах, без курток.

Знакомый станичник казак, к которому огородами пробрался с ночи Женя, рассказал, что немцы стараются завести со смольчанами знакомство. Но до Смоленской уже дошли слухи, что в Краснодаре фашисты стреляют даже в детей, – станица держится по отношению к врагу настороженно. Многие казаки стараются припрятать оружие.

Возвращаясь к лагерю, Женя наткнулся на лесного объездчика. Поговорили о том о сем. Оказывается, двенадцать лет живет человек в предгорьях и район наш знает как свои пять пальцев.

Евгений спросил его о дороге. Объездчик уверенно посылал: «течеи, ерики, хмеречи». Евгений недолюбливал проводников, но тут решил воспользоваться услугами объездчика, почуяв в нем страстного краеведа.

Прежде всего, объездчик указал в окрестностях лагеря несколько родников и кабаньих троп. Жене стали известны теперь броды через Афипис, он разобрался в местных наименованиях.

Еще когда мы шли сюда, на нашем пути попадались высохшие русла множества ручейков и речушек, наполняющихся водой только зимой и весной. Как паучьи лапы, расходились они с верхушек гор, петляли, пересекались друг с другом.

Мы с Евгением говорили тогда, что в них хорошо будет прятаться от погони, они обычно очень глубоки.

Так вот эти русла и есть ерики.

Хмеречами называют густые заросли кустов или молодой лесок, вокруг которого раскинулся старый лес. Встречаются они не часто, но зато хмеречи – прекрасное место для засады. Это решили мы иметь в виду.

А вот что такое течеи, Евгений так толком и не узнал: его проводник иногда называл течеями суженные речушки, а иногда – высохшие ерики.

Но Евгения главным образом интересовало другое: как ориентируются старожилы, пробираясь по нашей глухомани? Теперь он это узнал. Хотя объездчик все время и твердил о ериках, хмеречах и течеях, но сам не раз путался в их лабиринте и ориентировался днем по вершинам гор, а ночью – по звездам. Ни картой, ни компасом местные старожилы не пользовались.

Евгений меня заверил, что через месяц, если мы останемся в этом районе, он будет ориентироваться не хуже, чем старые лесные объездчики.

– Одним словом, кое-что мы уже знаем! – говорил Евгений с мягкой улыбкой. – Знаем кое-что! И вскоре начнем действовать! Мы с тобой не учли, в какой мере нам помогут в любую минуту станичники, сколько среди них активных друзей – тех, что будут нам помогать. Я уж не говорю о подростках – ребята просятся в отряд, дай им немедленно работу! – но и в стариках, в молодых казаках заговорил дух прадедов-

запорожцев. Нет, гитлеровцам не поставит на колени кубанцев! А после первых же наших операций в любой станице нам будет обеспечена агентурная разведка.

«Евгений прав: прежде всего, разведка, разведка и еще раз разведка! Перед каждой, даже незначительной операцией мы будем проводить самую тщательную разведку», – думал я.

Пусть наблюдение за объектом будущей диверсии длится даже несколько дней, пока разведчики не изучат каждую тропинку, каждую лощину, каждую извилину проволочных заграждений, расположение пулеметных гнезд, силу вражеского гарнизона и его распорядок дня. Разведчики обязаны вести подробные дневники своих наблюдений. Эти записи мы проверим данными агентурной разведки. И тогда наши минеры-диверсанты придут на операцию, как в свой дом, где знаком каждый закоулок, каждая половица, где нет и не может быть неожиданностей. Только так мы сможем бить немцев наверняка, без промахов, насмерть и с малой кровью с нашей стороны...

* * *

В ущелье, в начале дороги, ведущей на нашу «отметку», постоянно лежали в кустах двое часовых. Они следили, чтобы никто чужой не ступил на «нашу» дорогу, и тщательно маскировали ее. Мы помнили предупреждение горкома партии: конспирация, прежде всего!

И вот не успел отряд обосноваться на своей «отметке 521», ровно через пять суток после нашего ухода из Краснодара прибегает ко мне часовая из ущелья:

– Товарищ командир! Какие-то верховые ездят по ущелью!

Сафронов, комиссар и Евгений просили меня не спускаться вниз. Пошли Евгений с комиссаром.

Оказалось, за мною прислали связных из штаба куста партизанских отрядов. Они-то и гарцевали на конях по ущелью. Дел у меня в отряде было много, но приказ есть приказ. Мы вышли с Евгением одновременно. Он отправился с двумя разведчиками на юг, в сторону Новороссийска, я же – в штаб куста, в глубину гор. В штабе мне сообщили, что положение на фронте тяжелое. Немцы рвутся к Баку и Туапсе. Каковы их главные силы и где они в данное время расположены, пока неизвестно. Задача партизан – в решающий момент закрыть горные проходы к Черному морю.

С сознанием всей важности этой задачи, всей трудности ее выполнения я и вернулся в свой отряд. Евгения еще не было.

Я рассказал комсоставу без утайки все, что услышал в штабе.

Выполнение приказа командования требовало от нас большой подготовки: мы сами должны чувствовать себя хозяевами в горах, знать каждую тропку, уметь ходить по ней вдвое быстрее, чем враг. Сафронов предложил, чтобы каждый из нас продумал, как должен готовиться отряд к встрече крупных сил врага. Когда же вернется Евгений, устроить «военный совет».

Женя пришел только на другой день, шестнадцатого августа, поздно вечером. Добытые им сведения были гораздо обширнее моих.

Крупные силы врага, наступавшего в направлении Новороссийска, были остановлены. Там, защищая любимый черноморский порт, стояли насмерть моряки-черноморцы. Другие силы врага с боями прорывались к Туапсе. Скоро мы очутимся у них в тылу.

Одна вражеская колонна двигалась к горам, чтобы через горные проходы выйти к морю. Шла она по руслу реки Афипс, в верховьях которой мы и находились. Здесь нам, как черноморцам у Новороссийска, предстояли жестокие схватки.

Шли по Афипсу гитлеровцы осмотрительно, высылая вперед разведки и оставляя в тылу заслоны: они уже знали о существовании партизан. Ждать врага, судя по темпам, с какими он двигался, нам нужно было через несколько дней.

Решено было: не теряя ни часа, изучить всем отрядом русло Афипса и окрестности нашего лагеря...

Каждый взвод жил в обширной палатке. Помимо таких четырех палаток посреди нашей поляны стояла пятая: столовая – с утра до ужина, после же ужина – клуб, в котором комиссар ежевечерне вел политзанятия с отрядом. Выше, на склоне горы, помещался командный пункт: здесь жили мы с комиссаром и моя семья. Здесь и происходил шестнадцатого августа наш «военный совет».

Закончился он поздно. Утомленные за день выполнением нарядов, Елена Ивановна и Геня уснули сразу же; через несколько минут послышалось и ровное дыхание комиссара. Не спал один Женя.

Не сговариваясь, мы оба встали и тихо вышли из палатки.

– Растревожился, папа? – шепотом спросил Евгений. – Накинь-ка кожанку, сыростью снизу тянет.

Еще лет семь-восемь назад сложились между мною и им эти необычайные отношения, столь не похожие на отношения отцов и детей. Ему тогда шел двадцать первый год, но стали мы, как ровесники, друзьями; разница в возрасте как бы стерлась.

Он заканчивал Краснодарский химико-технологический институт и приехал к нам в Смоленск готовить свой дипломный проект. Я же, будучи тогда директором крупного завода, учился в заочном Московском лесотехническом институте. Работы на заводе было много, времени для учебы у меня оставалось мало. Да и учиться в сорок с лишним лет – это не то, что учиться с детства. Много труднее. Вот тогда-то мы и подружились с Евгением.

Ночами он терпеливо ждал моего возвращения с завода, наливал из термоса два стакана черного кофе, заботливо заготовленного с вечера Еленой Ивановной, и мы садились за письменный стол. Самые трудные задания заочного института оказывались вдруг несложными. Это называлось у нас в семье «рубить папины хвосты».

И в эту ночь, как в те далекие наши студенческие годы, Евгений обнял меня за плечи и сказал:

– Нелегкая, папа, задача – закрыть от гитлеровцев горные проходы, но решить ее необходимо.

Август стоял знойный, погожий, но в прохладе ночей уже чуялось дыхание осени. И звезды сверкали на небе ярче, зеленых же огоньков в траве – светлячков – становилось все меньше. Мы совещались до рассвета и решили: без помощи народа никогда и нигде победы никто не добивался. Евгений завтра же отправится налаживать агентурную разведку: в каждой станице мы должны иметь друзей.

– Думаешь, их будет мало? – говорил Евгений, прижимаясь ко мне, чтобы согреться. – У меня уже есть кое-какие адреса. Кстати, зайду к деду Гавриле, он во многом поможет – вся округа ему знакома. Захватчу с собой несколько человек из дальней разведки. Заодно изучим и местность вокруг лагеря. На проводников надейся, да сам не плошай. Чтобы закрыть от врага горные проходы, нужно самим знать каждую кабанью тропку в горах на десятки километров вокруг.

Утром он ушел из лагеря. Я долго смотрел ему вслед. Следом за ним тянулись цепочкой его разведчики, лучшие из лучших партизан нашего отряда.

Через час и мы отправились на вылазку.

Два дня провели вне лагеря: бродили по горам, карабкались на кручи, десятки раз переправлялись вброд через Афипис и «афипсики», звериными тропами продирались через глушняк.

– Вот это и есть практический лесной семинар, – усмехнулся Геронтий Николаевич, выдирая из ладони колючки терна. Но я видел – и ему шутка дается нелегко. Тем не менее, приучить людей к дальним переходам необходимо.

Вспоминая свой опыт старого партизана, я рассказывал товарищам, как ориентироваться по солнцу, по звездам, по коре дерева, по узору на срезе пня. Петр Петрович учил читать кабаньи следы на тропе: если они свежи, можно идти спокойно – тропа не заминирована. Раз и навсегда мы отучали людей от разговоров в пути, от куренья, кашля и чиханья.

– Захотите кашлять, жуйте рукав и чихайте только в рукав, да так, чтобы и товарищи ни звука не услышали.

Компактно складывать вещи, носить рюкзак, отдыхать, используя каждую минуту на привале, научились в эту вылазку мои партизаны.

Мне помогли наши охотники – Сергей и Данило Мартыненко – и, разумеется, наш «лесной профессор».

И люди шли, карабкались на кручу, переходили быстрые речки, тосковали о табаке, страдали от жажды, на привалах валились пластом от усталости, но экзамен выдержали.

Особенно трудно пришлось бедному Сафронову. Грузный, медлительный, Владимир Николаевич мучился со своим больным сердцем. Но и он держался молодцом.

Вдоль по Афипису мы прошли на много километров и десятки раз переходили его. Под конец, несмотря на усталость, научились ставить ногу на камни так, что она не скользила.

Стрекотом сойки давали сигнал немедленного и спешного отступления: все кидались в прибрежные заросли, пробирались через них и по новому сигналу опять возвращались все к тому же Афипису. Но надо было видеть, во что превратилась наша одежда! Ключья ее висели на шипах кустарника, и те из партизан, которые долго лазили по терновнику, снимали с него следы своего пребывания там.

Ветлугин появился из зарослей в столь непристойном виде, что пришлось ему, бедняге, продолжать путешествие в одних трусах. Сафронов выглядел немногим лучше.

Петр Петрович заявил ему, лукаво пряча глаза:

– Каюсь, Владимир Николаевич, насчет швейной машинки я пошутил: ее, к сожалению, мы не захватили из Краснодара. И как теперь обойдемся без нее, ума не приложу...

Сафронов оглядел свои изорванные штаны и сказал с упреком:

– Лучше бы взяли бумаги меньше...

Но швейная машина у нас все же была, так же как и большой запас фильтроткани. Мы здесь же порешили, что заросли будут служить нам хорошим пристанищем при выслеживании врага, и поэтому весь отряд следует одеть в фильтроткань.

Этот поход дал нам многое. Мы познакомились с окрестностями лагеря: нашли удобные тропы, родники, перевалы, броды. Наши партизаны постигли элементарную азбуку переходов, я же увидел, на что способен каждый из них. И сейчас я был спокоен: с такими людьми мы выполним любое задание.

С непривычки все страшно устали. К лагерю подходили молча, охваченные одним желанием – скорее лечь. Но наш комендант Леонид Антонович Кузнецов был неумолим: как ни ворчали наши, он заставил всех помыться, переодеться, поужинать и только тогда разрешил лечь.

Единственное существо, на которое не распространялась власть коменданта, – Дакс. Он неизменно лежал около наших вещей, и даже всемогущий Кузнецов не смел подойти к ним.

Глава VII

Наутро вернулся Евгений. Вытянувшись, рука у фуражки, он рапортовал мне о результатах разведки. Я с трудом сдерживал улыбку: по глазам Евгения я видел, что он очень доволен.

Да и верно – сделал он многое. Прежде всего, наладил в основном агентурную разведку. Затем повидал наших соседей-партизан: смольчан, павловцев, ейчан и, наконец, связался через линию фронта с командованием ближайшей дивизии. Командир разведывательного отдела просил держать его в курсе крупных передвижений фашистских частей, переправлять к ним шпионов и в ближайшие дни раздобыть «языка», а главное – давать координаты тяжелых батарей и дзотов для нашей авиации.

Едва мы остались одни, Евгений спросил:

– Из Краснодара – никого?

Я покачал головой: нет, связного Краснодар пока не шлет...

Глаза у Жени как бы поблекли вдруг. Он сказал:

– А я, папа, все же устал. Пойду немного отдохну.

Мне было больно за него, я знал, как тревожился он о своих: о жене и о девочке. Но Евгений умел управлять своими чувствами. Прошел какой-нибудь час, и он снова рассказывал мне своим ровным, тихим голосом, чему научился в разведке.

Елена Ивановна и Геня скучали по Евгению: в первое время он мало бывал в лагере – приходил только за тем, чтобы рассказать мне о результатах своих разведок. С матерью же и братом говорить ему почти не приходилось, редкие свободные часы его не совпадали с их отдыхом.

Елена Ивановна с юношеских лет привыкла к любой работе: стирать, мыть полы, стряпать, кроить и шить. Шила она, как заправская портниха. И сейчас в лагере под ее руководством развернулась целая портняжная мастерская. Елена Ивановна раскраивала фильтроткань, остальные пять женщин шили из нее галифе, налокотники, наколенники. Работа шла медленно: швейная машина была одна – много не нашьешь, а кроить фильтроткань трудно.

Но в отряде никто и никогда не сидел без дела. Потому и женщины наши если и роптали, то лишь на то, что работа у них «бабья». Надя Коротова и Мария рвались в разведку, но время их еще не пришло...

* * *

Со станицей Смоленской Евгений установил непрерывный контакт. Кто-нибудь из его разведчиков всегда находился в лесу, неподалеку от станицы. По два, иногда по три раза в день агентурщики из Смоленской приходили в лес, в назначенное место и

сигналами – кваканьем, свистом иволги – вызывали из укрытия разведчика. Таким образом, мы знали обо всем, что делается у врага. Нет, небольшой вражеский гарнизон пока подкрепления не получал. Части, которые двигались по Афипсу, все еще не подходили.

Тем временем мы продолжали строить наш лагерь, налаживать в нем труд и быт... Мы рассуждали так: обутые, одетые, дисциплинированные партизаны будут бить врага лучше, чем люди, спящие где попало, чем попало питающиеся и проводящие свой досуг как бог на душу положит. Да и не было среди нас отчаянных, забубённых головушек. Каждый привык жить упорядоченно, в труде. И вот Яков Ильич Бибиков, почтенный директор завода, руководящий, ответственный работник, городской интеллигент с ног до головы, сам, по своему почину, предложил Евгению «реставрировать» его полуразвалившиеся ботинки. И реставрировал так, что слово это произносили мы уже без иронии, оно утеряло кавычки. Работы у Бибикова оказалось больше, чем мог бы пожелать любой сапожник: обувь на этих камнях рвали мы отчаянно.

Павел Павлович Недрига подковал наших лошадей, чем привел в умиление строгого и взыскательного эконома нашего лагеря – Леонида Антоновича Кузнецова. Партизан Куц, в прошлом бригадир инструментальщиков, принялся чинить сбрую. Кузнецов не мог нахвалиться им:

– Если бы я не был знаком с Куцем еще в Краснодаре, я бы ни за что не поверил, что он инструментальщик. Он оказался прекрасным, опытным шорником. Сейчас я осмотрел хомуты, которые он починил, – ну просто хоть на выставку. Даже в дело пускать обидно: хочется положить их под стекло и любоваться.

Восемнадцатого августа Николай Демьянович Причина молча передал мне лист бумаги. Это была свежая, только что принятая им сводка Совинформбюро. Он отпартовал:

– Приемник налажен, товарищ командир отряда. Слышимость хорошая. Жду ваших распоряжений. В любой момент милости просим слушать московские передачи.

Я расцеловал Николая Демьяновича.

Уже не говорю о нашем «шеф-поваре», об уважаемой Евфросинье Михайловне Коновиченко, бывшем начальнике смены гидрозавода. Она кормила нас замечательными обедами. Больше того, она разузнала о наших любимых блюдах и не только кормила отряд сытно и добротнo, но время от времени старалась угостить чем-нибудь особенно вкусным.

Лесная жизнь налаживалась. Это происходило как бы само собой. И, надо сказать, в этом была немаловажная заслуга Леонида Антоновича. Наш поэт и художник, как мы и предполагали с Евгением еще в Краснодаре, оказался идеальным хозяйственником. Установленный распорядок дня был для него непреложным законом. Он никому не давал никаких поблажек. Не удавалось ни разжалобить его, ни спрятаться от него. Он загружал каждого до предела нужной работой, и, возможно, именно потому, что день был так уплотнен, никто не ныл, не жаловался, не стонал.

Только Геронтий Николаевич сказал мне как-то раз с этакой ехидцей:

– Ну, просто, Батенька, лесной санаторий. Всю жизнь мечтал о таком отдыхе: чистый горный воздух, физический труд, хороший сытный стол – и никаких треволнений. Хоть бы немца одного показали, а то, чего доброго, забудешь, что люди где-то воюют...

Ветлугин оставался Ветлугиным: он не мог не поддеть, не сказать острое словцо. Даже получив приказание, он обязательно что-нибудь ворчал себе под нос. Но всегда, при любых обстоятельствах, приказ выполнял точно и безукоризненно.

Я прекрасно понимал, что мучает нашего Герошу. Он главный инженер-механик, человек точной профессии – он привык ценить время. К тому же в нем текла горячая кровь старых запорожцев. Я думал про себя: «Пусть потерпит – злее будет...»

Терпеть пришлось недолго. Евгений получил от своих агентурщиков чрезвычайно важные сведения: в Смоленскую прибыла новая немецкая часть. По всему было видно, часть эта собирается двигаться дальше – к Черному морю. Агентурщики думали так потому, что вновь прибывшие немцы не собирались располагаться в станице.

Евгений, отобрав нескольких товарищей, вышел поздним вечером в разведку. Группа состояла из девяти человек. Они были вооружены винтовками, имели при себе гранаты, бутылки с горючей жидкостью и ручной пулемет. Его нес Ветлугин.

Геня ушел с братом. Мое положение командира отряда меньше всего позволяло мне беречь своих сыновей. Словом не обмолвилась и Елена Ивановна, когда ее торопливо чмокнул на прощание в щеку оживленный и радостный Геня.

Но ночь для нас была очень тревожной. Не спала не только Елена Ивановна, не ложился и комиссар Голубев. А через час пришел в нашу палатку и Сафронов.

Каждый из нас понимал, что разведка кончится боем. Бой между девятью партизанами и моторизованной немецкой частью – силы неравные...

Правда, я условился с Евгением: он сам на месте, ночью, разведает обстановку. Если враг собирается двинуть к горным проходам крупные силы, Евгений пришлет ко мне связного: я выступлю со всем отрядом. Если же головные силы врага незначительны, группа Евгения сама справится с ними.

Ночь тянулась медленно. То один, то другой из нас спускался на дорогу – ждали связного. Позже, когда боевые встречи с фашистами стали для нас бытом, мы часто вспоминали ту первую ночь и смеялись над собою.

В четыре часа утра мы с Еленой Ивановной взяли гранаты, карабины и... лопаты. С нами пошло несколько человек.

– Куда? – всполошились комиссар и Сафронов.

Я засмеялся:

– Пойдем с матерью на огород лесхоза, копать картошку. Без картошки, говорит Евфросинья Михайловна, борщ скучный.

– Правильно! – подхватил Сафронов. – Борщ без картошки скучный. И мы с комиссаром пойдем на огороды.

Этот разговор не был ни наигранным бодречеством, ни шифром: Сафронов, так же как и комиссар, прекрасно знал карту шоссе и проселочных дорог. Огороды лесхоза, брошенные эвакуировавшимися хозяевами, находились чуть в стороне от дороги, ведущей из станицы Смоленской в Крепостную. Точнее, недалеко от того места, где должна была находиться группа наших разведчиков.

Расчет у меня был простой: работая на огороде, мы будем одновременно представлять собой неплохой резерв для группы Евгения и сможем в любую минуту прийти к нему на помощь или сами встретим головную колонну немцев, если она прорвется. Не помню сейчас, кто шел со мною, знаю только, что было нас десять человек, вооруженных лопатами, гладкоствольными ружьями и карабинами. Да запомнилась колоритная фигура Кириченко. При всей своей кажущейся нелюдимости он был очень внимателен к товарищам. Едва мы вышли из лагеря, Кириченко отобрал

у Елены Ивановны лопату и карабин и взвалил их на свои мощные плечи. Елена Ивановна начала было протестовать, но Кириченко загудел:

– Разве это груз? – Он рассмеялся, и эхо в ущелье загрохотало мощным басом. Мы все зашикали, Кириченко умолк и молчал всю дорогу.

Вырыть и перевезти к себе картофель лесхоза, пока до него не добрались немцы, мы с Мусьяченко собирались уже несколько дней. Но свободных рук в отряде все не было. И в этот день, выставив часовых у дороги, мы работали на совесть, до позднего вечера.

Только Кириченко не принимался за работу. Он подошел ко мне и прогудел «по секрету» на ухо:

– Разрешите, Батя, посадить картофелину на дороге...

«Секрет», понятно, услышали все и подняли Кириченко на смех: кто же сажает картошку посреди дороги, осенью, да и для кого?.. Я же понял затею нашего прославленного еще в Краснодаре минера: он хотел заминировать дорогу на тот случай, если немцы прорвутся через засаду наших разведчиков.

– Сажай свою «картофелину», – разрешил я, и Кириченко направился к дороге.

Но все по-прежнему было тихо, и ни единого выстрела до нас не доносилось.

Мы заночевали в пустом домике лесхоза и наутро снова принялись за работу. Однако часа через два, когда взошло солнце, работу пришлось прекратить: до нас донеслась пулеметная стрельба – это был немецкий пулемет, потом – небольшая пауза, а вслед за нею – два почти одновременных взрыва и очередь автомата.

Помню, как, побледнев, Елена Ивановна отбросила лопату и инстинктивным жестом схватила медицинскую сумку.

– Все благополучно, – сказал я, – стреляют ожесточенно наши, немцы отвечают вяло.

Стреляли действительно из русского автомата, стреляли яростно. Так же неумолчно строчил и пулемет.

Мы стояли с ружьями в руках, готовые в любую минуту бежать к своим на помощь. Но звуки боя затихли.

Вскоре из-за поворота появились наши.

– Идут! – вскрикнула Елена Ивановна. – Все девять идут!

Надо было их видеть! Грязные, потные и... радостные. Евгений, приложив руку к фуражке, собрался было мне рапортовать о бое, но я остановил его:

– Сообщишь об операции в лагере.

Тогда он сказал тихо:

– Клятву свою мы сдержали: отомстили за Марка Апкаровича...

Мы не могли налюбоваться на них, целовали, пытались отобрать у Ветлугина пулемет, порядком отдавивший ему плечи. Не тут-то было: Героша решил до самого лагеря нести свой РПД, как знамя победы.

Итак, совершилось боевое крещение отряда! Это была наша первая операция. Естественно, она взбодрила весь наш лагерь. Каждый хотел знать все подробности. Участники операции, – глаза их еще горели, а на губах все вспыхивала улыбка, – выстроились передо мною, Евгений отчеканил три шага вперед и скупой отрапортовал:

– Товарищ командир! По вашему приказу девятнадцатого августа была произведена разведка. На обратном пути разведчики устроили засаду и убили не менее сорока восьми гитлеровцев. Добытые сведения будут переданы в штаб куста партизанских отрядов.

– Ура-а! – раздалось по лагерю. Глазами, полными восторга, смотрела на своего Виктора-героя Мария Янукевич, шумно дышала простодушная Евфросинья Михайловна.

Я объявил разведчикам благодарность и приказал коменданту лагеря выдать каждому за обедом по сто граммов спирту.

Когда «официальная» часть закончилась, отряд окружил разведчиков. Посыпались вопросы: кто, да как, да скольких фашистов уничтожил? Но, подражая Евгению, не слишком многословны были и его разведчики. Их скромность меня радовала, я вспоминал слова покойного Попова: «Успехами в тылу у врага не бахвальтесь, ваша слава от вас все равно не убежит».

В нашей «командирской» палатке Елена Ивановна, доставая сыновьям из их рюкзаков чистое белье, старалась выспросить о подробностях диверсии Геню. На его юношески тугих щеках горели пятна румянца. Но он, подмигивая Евгению, молчал. Изредка говорил тоном бывшего бойца:

– Ну, разве все расскажешь, мама? В бою как в бою...

Сто граммов развязали разведчикам языки, и картина первой операции стала нам ясной.

Разведчики, идя на операцию, соблюдали осторожность: шли цепочкой, несколько раз делали крюки, чтобы спутать следы, заходили в леса и перелески.

Дорога к Смоленской шла через Крепостную. На ней-то, в шести километрах от каждой из обеих станиц, на развилке Евгений оставил шестерых разведчиков в хмеречи, сам же с двумя товарищами пошел к Смоленской. Шли, казалось, бесшумно: ни ветка не хрустнула под ногами, ни лист не прощуршал. И все же чуть не погибли.

Сойка, проклятая трусиха-сойка, что-то учуяла и подняла спросонья стрекот на весь лес... На ее панику фашисты ответили своей паникой: загрохотали очереди из автоматов.

Евгений с двумя товарищами лежали до тех пор, пока и сойка и немцы не утомонились. Только тогда разведчики один за другим проникли в станицу.

Немцев оказалось в Смоленской много. Удалось выяснить, что было у них не меньше четырехсот автоматчиков, два броневика, четыре десятка автомашин. Но тяжелых орудий и минометов – ни одного. Очевидно, путь через горы представлялся фашистам приятной прогулкой, они надеялись обойтись только легкими минометами и горными пушками.

Гитлеровцы расспрашивали у смольчан, велика ли станица Крепостная и далеко ли до Архипо-Осиповской. Отсюда и возникли у разведчиков подозрения, что именно эта колонна фашистов собирается открыть движение немцев к Туапсе, Сочи и дальше – к Турции.

Накануне вечером оккупанты усиленно чистили оружие, заправляли машины горючим. Вероятнее всего, собирались двинуться в путь...

Евгений с товарищами так же осторожно покинули Смоленскую и поспешили к своим разведчикам.

У развилки дорог, там, где вплотную к шоссе подходит густой лес, наша группа легла в засаду. Евгений выставил в дозор сигнальщика, отправил в условленное место на шоссе Еременко – в засаду. Чуть в стороне оставил группу прикрытия на тот случай, если враг, оправившись от первого удара, перейдет в наступление.

Лежать было тяжело. Мучила жажда. Отдыхали по очереди. И так прошли день и ночь. А шоссе – безлюдно. Разведчики стали даже предполагать, что фашисты отказались от своего плана.

Утром сигнальщик доложил о приближении неприятеля.

Первым показался броневик-разведчик. Идет и на всякий случай простреливает придорожные кусты из пулемета. За ним, чуть отстав, шли две трехтонные машины с автоматчиками.

Броневик пропустили. Лес молчал. И вот в секторе первой засады появилась трехтонка. Тут Евгений и Геня быстро поднялись во весь рост и швырнули гранаты. В машину полетели бутылки с горючим.

Взрывы, вспышки огня, дикие крики.

Уцелевшие фашисты пытались бежать – куда тут! Их настигала у обочины пулеметная очередь.

Броневик промчался вперед. Но за поворотом дороги его ждал завал. Пытаясь повернуть обратно, броневик застрял в заранее подготовленной замаскированной яме. А тут у немецкого пулеметчика кончилась лента. Броневик стоял в яме, накренившись набок, и молчал.

Тогда вступил в бой Еременко. Он бросал из кустов бутылки с горючим в мотор, в башню, смотровые щели.

Машина вспыхнула. Открыв дверцы, двое фашистов выскочили и тут же упали, сраженные пулями.

Операция закончилась. Надо было спешно уходить. Со стороны Смоленской уже слышался гул машин основного фашистского отряда, но Геня жадно всматривался в подбитые немецкие машины. Он мечтал увести хотя бы одну из них в лагерь. Но машины оказались изуродованными безнадежно. И Евгений уже дал сигнал отхода.

Обед в тот день был необычным: Евфросинья Михайловна не пожалела сил своих ради праздника, и Мусьяченко явно нарушил нормы пайка. Даже Кузнецов проникся праздничным настроением и просил у меня разрешения отменить до вечера все наряды, кроме караулов.

Обедали мы долго. Когда конец обеда все же наступил, я объявил отряду, что в честь именинников-разведчиков и в честь еще одного именинника – Николая Демьяновича Причины – будет дан концерт с участием народных артистов СССР.

Все знали, что Николай Демьянович налаживал радиоприемник, и сразу же догадались, каким и откуда будет концерт. И снова «ура!» неслось над нашей «отметкой 521».

В благоговейной тишине разлеглись партизаны под древней чинарой, вокруг радиоприемника. Причина, священнодействуя, начал покручивать какие-то винты, соединять проволочки... Он ползал вокруг приемника, красный и взволнованный. Приемник молчал.

Молчали и партизаны, испытывавшие чувство глубокого разочарования. И тут раздался ехидный тенор Геронтия Николаевича:

– Дело мастера боится. У меня этот приемник заговорит ровно через полчаса!

Мы все воззрились на него. Объяснилось все очень просто: Москва молчала, как молчала всегда в эти часы, от четырнадцати до шестнадцати. Мы успели забыть об этом, Ветлугин же вспомнил.

– Воспользуюсь получасовым перерывом, – начал я, – чтобы поставить нашим разведчикам на вид очень серьезную ошибку, допущенную ими в сегодняшнем бою.

Женя решил, что я шучу. Но я покачал головой.

– Можно ли было на полсотню фашистов извести столько патронов, сколько извели вы, друзья?! Этак через месяц-другой придется ходить на операции с одними финскими ножами.

Женя вспыхнул, тут же овладел собой и спросил тихо:

– Когда же ты успел подсчитать патроны?

Ветлугин закричал торжествующе:

– Батя берет нас на пушку! Патронов он не считал, у меня их и сейчас полные карманы.

– Геронтий Николаевич, в карманах рекомендую носить носовые платки, по возможности чистые. Что же касается патронов, я посчитал их в момент боя: жарили вы из автомата и ружей так, что я думал – не меньше тысячи немцев убили. А оказалось, всего сорок восемь. В каждого, вероятно, по десяти пуль выпустили. «Снайперы»!

Евгений огорчился не на шутку: верно, об экономии боеприпасов он не подумал!.. Празднику угрожало закончиться деловым обсуждением операции, но в этот момент раздался голос Москвы.

Кто не был в разлуке с Родиной, тот не знает, что значит услышать ее голос! Мы замолкли. Все боялись шелохнуться, пропустить слово. Мы были счастливы.

...Ночью я услышал страстный шепот:

– Как ты мог, Женя, как мог оставить меня в хмеречи?!

– Спи, братишка! Ничего не случилось оттого, что ты не лазил со мною по станичным огородам...

– Не случилось?! – шептал Геня прерывисто. – А если бы все было наоборот: если бы ты лежал в хмеречи и слушал, как по мне бьют из автоматов, хорошо было бы у тебя на душе?

– Плохо было бы... Спи, братишка!

– Нет, спать я не буду, потому что мы должны договориться.

– Давай договариваться, – сказал Женя, зевая.

– Ты не зевай: этот разговор – как клятва! – Геня встал со своей койки, наклонился над Евгением: – Обещай мне, что на всякое дело мы будем ходить вместе.

Женя молчал. Я порадовался в душе, что Елена Ивановна спит и не слышит этого разговора.

– Если гибнуть, то гибнуть вместе. Что же ты молчишь?

– Хорошо, Геня, – ответил, наконец, Евгений, – но гибнуть мы с тобой не должны, пусть гитлеровцы гибнут.

– Спасибо, Женя! Я знаю, ты меня не обманешь. Всегда вместе... И это – как клятва... – Геня снова лег на свою койку, и вскоре они оба заснули.

А мне не спалось: звучал горячий шепот Гени, из головы не шли мысли о Валентине...

Глава VIII

Удача первой операции всколыхнула весь отряд: каждый просился в разведку, мечтал о бое; группа товарищей, влившаяся к нам уже после выхода из Краснодара, усердно изучала образцы всех видов оружия.

Евгений, Еременко, Ветлугин, Кириченко – наши «минные энтузиасты» – возились с толом, противотанковыми гранатами, спорили над схемами, чертежами, расчетами. Они конструировали новую автоматическую мину.

Подле них неотступно находился Геня.

Еременко, носивший в сердце своем постоянную любовь к людям и проявлявший заботу обо всех товарищах, с тревогой глядел на Геню:

– Пожалуйста, будь осторожен. Запомни, запомни твердо, что минер в своей жизни совершает только одну ошибку... По той простой причине, дорогой, что его разрывает на части после этой первой ошибки...

Степан Сергеевич тревожился не зря: наши мины, тогда еще лишённые ограничителей, были похожи на пороховые бочки с горящей внутри свечой – нечто вроде того «порохового заряда», которым четыреста лет назад Грозный взорвал крепостные стены осажденной Казани. Наши минеры, впрочем, утверждали, что они несравнимо лучше, чем обычные партизанские «мины с веревочкой», которые, по существу, привязывают к себе минеров в момент диверсии и применимы только в том случае, когда минер может скрыто лежать у места взрыва несколько часов кряду.

Но «минных энтузиастов» уже не удовлетворяла наша обычная мина. Они задумали сконструировать такую, которая была бы безопасна при ее укладке, рвалась бы автоматически от силы тяжести, переданной на нее, и была бы рассчитана на строго определенную нагрузку.

Неразговорчивый обычно Кириченко, мечтая о новой мине, становился словоохотливым и, сверкая из-под густых бровей медвежьими черными глазками, гудел:

– Какая это будет драгоценная мина, Батя! На ней взорвется тяжелый грузовик и танк. Но мотоциклист – ни-ни! Проедет над ней совершенно спокойно. И мы добьемся, что наши мины, кроме того, будут и невидимы для фашистов – никакой миноискатель не обнаружит их.

Наши минеры каждую свободную минуту отдавали поискам этого нового образца мины. И Геня ходил за конструкторами по пятам, вслушивался в их споры, что-то сам вычислял в своей тетрадке. Но с советами ни к кому не приставал.

Надо отдать Гене справедливость – он вел себя тактично. Помню, еще в Краснодаре Елена Ивановна боялась, как бы самолюбивый юноша не страдал в отряде: ему, говорила она, захочется казаться взрослым, а к нему будут относиться, как к мальчику. Но с первых же дней он поставил себя так, как надо: ни с кем не фамильярничал, не боялся никакой работы. На первой операции показал себя храбрым, спокойным и хладнокровным бойцом. И у Гени создались со всеми ровные, хорошие отношения.

У него появились друзья. С Ломакиным его связывала общая страсть к автомобилю. Дружили с Генией Литвинов, Луста и даже необщительный Кириченко. И я не наблюдал, как после – обеда Геня сидел на траве рядом с Сафроновым и партийный секретарь увлеченно обсуждал с ним последнюю сводку Совинформбюро.

Но лучшим другом Гени был Павлик Худоерко. Они уже научились понимать друг друга с полуслова.

Немцы были уже почти во всех предгорных станицах и хуторах. Силы их прибывали. Одна за другой выходили наши разведывательные группы.

Пока все проходило благополучно. Правда, до сих пор задания у разведчиков были скромные, но теперь нам нужно было знать, что за силы брошены немецким командованием на наш участок, каковы намерения врага? Резервы? Техника?

Помимо того и командование ближайшей нашей дивизии просило Евгения раздобыть «языка». Но где его добудешь? Нужен был осведомленный враг... Мы ломали с Евгением голову и ничего придумать не могли.

Неожиданно на помощь пришел Михаил Денисович Литвинов.

– Прошу, товарищ Батя, поручить мне доставить ефрейтора.

– Откуда вы его возьмете, Михаил Денисович?

Литвинов молчал. Рядом со скромностью в нем уживались гордость и большая уверенность в своих силах. Я успел изучить его: слов своих он на ветер не бросал. Пообещал найти «языка» – значит, найдет. Я спросил:

– Вам нужно что-нибудь для выполнения задания?

– Попрошу дать мне в помощь двух человек и... два мешка.

Зачем ему понадобились мешки, я нарочно не спросил, скрыл даже свое удивление. Он же, тронутый моим доверием, тут же открыл свой секрет.

Накануне он ходил в разведку за Афипсом между Смоленской и Григорьевской и наткнулся близ хутора на густые заросли нашей кубанской груши-дичка. Разведчики же по моему приказу должны были непременно приносить в лагерь дичок: мы с Мусьяченко боялись цинги и занялись заготовкой фруктов. Литвинов и направился было к зарослям груши, но услышал шорох и затаился в кустах. Оказалось, неподалеку от дичка сидел за изгородью немец, пришел он сюда по своей нужде. А едва он ушел, как на смену ему явился второй, за ним – третий...

Наконец Литвинов улучил момент и направился в другой конец хутора. По дороге встретил пастушонка. Тот рассказал, что немцы прибыли на хутор дня три назад. Сразу стали шарить по погребам. Кувшинами ели сметану, масло запихивали в рот без хлеба кусками, будто сроду его не пробовали. Жрали все, что попадало на глаза, даже дичком объедались и запивали его молоком. А через день вся часть стала маяться животом. «Испакостили все сады, – жаловался пастушонок, – не только наших, сами себя не стыдятся...»

Я посоветовал Литвинову мешков с собой не брать: обойдемся на этот раз без витаминов... Он ушел в сопровождении двух партизан из своего взвода – между взводами уже шло соревнование на лучшее выполнение боевых заданий.

Ушел и не возвращался в течение суток. Мы уже начали с Евгением тревожиться и обсуждали, кого из партизан послать по следам Литвинова, когда услышали взволнованный голос нашей тихой всегда Евфросиньи Михайловны:

– Немца ведут! Живого немца!

Вернее было бы сказать – полуживого от страха врага. В суровом молчании партизаны обступили его. Слово «враг» включало в себя многое. За ним вставали в памяти дымы и взрывы над Краснодаром. Оно вызывало острую боль в сердце: враг оторвал партизан от семей, враг угрожал жизням матерей и детей, враг топтал сапогом поля Кубани. И вот он стоит здесь, рыжий, небритый, с отвисшей от ужаса челюстью, с пальцами, конвульсивно сжимающими пояс штанов, – враг!..

– Подвяжи штаны, скотина! Смотреть противно, – сказал по-русски Сафронов и бросил немцу ошметок какой-то веревки.

Немец упал на колени и залепетал:

– Не вешайте меня! Не вешайте меня, дорогой господин обер-партизан!

– Кто об тебя руки пачкать станет! – ответил по-немецки Сафронов и, круто повернувшись, пошел от врага прочь. Разошлись вслед за партийным секретарем и все партизаны. Скажу откровенно, ушел бы и я, но мы с Евгением должны были его допросить.

Он оказался даже не ефрейтором, а обер-фельдфебелем. Когда же Евгений, указывая на меня, сказал: «Это начальник партизан, и он обещает оставить тебя в

живых, если ты будешь правдиво отвечать на все вопросы», – враг проявил редкостную словоохотливость.

Был он родом из Берлина. Профессия – лавочник: пусть господа партизаны не сомневаются – вполне солидный, глава солидного предприятия...

Часть, в которой он служил, состояла из альпийских егерей. Еще неделю назад она стояла у границы Швейцарии, там было колоссально красиво, но чертовски голодно...

Я приказал немцу показать подметки его башмаков: мне нужно было знать, какие следы будут оставлять на наших тропах егеря. Немец же решил, что я хочу воспользоваться его обувью, и торопливо начал разуваться.

Мы получили от него чрезвычайно ценные сведения. Мало того, мы заставили его продемонстрировать все, чему учили фашисты своих егерей: он показал нам, как они спускаются со скал, и как карабкаются на скалы, и как нужно массировать утомленные ноги.

Нет, учиться нам у альпинистов было нечему... Ветлугин, глядя с издевкой на Литвинова, процедил сквозь зубы:

– Вот так конфетку преподнес отряду!

Но я вступился за Михаила Денисовича: «язык» оказался первосортным, он выболтал нам все планы фашистского командования, какие были ему самому известны. И больше этот «глава солидного берлинского предприятия» нам был не нужен. Елена Ивановна снабдила его в дорогу дозой опия, и Евгений повел его к линии фронта: нужно было выполнить задание командования ближайшей нашей дивизии и передать «языка» в условленном месте верным людям. Через дня два-три обер-фельдфебелю предстояло увидеть регулярные войска Советской Армии.

* * *

Агентурная разведка донесла, что гитлеровские мотомехчасти с двумя танками должны выйти на днях из Смоленской к морю.

Я приказал Евгению устроить засаду и разгромить головную колонну.

И снова шли наши по лесу и недвижно лежали в придорожных кустах.

На этот раз ждать пришлось недолго. Утром на вторые сутки сигнальщики передали:

– Приготовиться!

Первым прошел танк. Лязгая гусеницами, урча мотором, он, по заведенному обычаю, простреливал кусты из пулемета и пушки.

Лес молчал. Только эхо где-то далеко в горах глухо отвечало фашистскому оружию.

За танком мчалась разведка мотоциклистов с пулеметами на прицепах.

Лес по-прежнему стоял в суровом молчании.

Из-за поворота появились две роты мотоциклистов-автоматчиков. В несколько рядов, идя вплотную друг к другу, машины заполняли все шоссе.

Евгений быстро выдернул флажок-предохранитель противотанковой гранаты и бросил ее в голову колонны. Геня ударил гранатой в хвост, командир первого взвода Янукевич – в середину.

Три взрыва служили сигналом. На шоссе одна за другой начали рваться гранаты, стрелял пулемет.

Группа уцелевших мотоциклистов, повернув машины, стала уходить в Смоленскую.

Но на шоссе выскочили одновременно Евгений и Геня. Они кинулись к прицепу подбитого мотоцикла, где стоял немецкий тяжелый пулемет.

Не зря мы изучали вооружение врага. Немецкий пулемет был так же послушен в руках братьев, как и родной РПД.

Длинная очередь разорвала воздух. Мотоциклисты стали падать. Машины кренились набок и ложились у обочины дороги.

За поворотом шоссе, куда ушли танк и мотоциклетная разведка, раздался глухой взрыв, а за ним частые винтовочные выстрелы. Это фашистская машина взорвалась на заложенной Кириченко мине. Партизаны же малой засады в последний момент успели протянуть над шоссе проволоку. Мотоциклисты, срезанные этой проволокой, лежали в пыли. Но вот со стороны Смоленской возник нарастающий с каждой минутой гул машин и непрерывное таканье пулеметов. Это немецкие автоматчики из станицы, заслышав взрывы, спешили на помощь своей колонне.

Машины их подошли к месту разгрома и открыли ураганный огонь по кустам. Только эхо отвечало автоматным очередям. Партизаны же шли цепочкой по дальней горной тропе, поддерживая своих раненых.

– В операции участвовал двадцать один человек, – доложил мне Евгений. – Подорван танк. Убито сто восемьдесят фашистов. У нас потерь нет, если не считать четырех раненых.

Впрочем, двое из них задали немалую работу Елене Ивановне. Ильин был ранен в спину и потерял много крови, ранение Скибы казалось на первый взгляд менее опасным: пуля навывлет пробила ладонь. Но в пылу боя Скиба запоздал перевязать руку, засорил рану, и она долго не позволяла ему участвовать в операциях и в работе. Работы же у нас стало неизмеримо больше: мы стояли перед необходимостью строить новый лагерь.

Положение на фронте резко изменилось к худшему. Наши отступали. Враг прижимал советские войска к перевалу в глубине гор. Он стремился перевалить через Кавказ и двинуться к границам Турции.

Долина Афипса оставалась для гитлеровцев удобной «дорогой». Наша же «отметка 521» находилась вблизи Афипса, она была почти на виду. Мы вынуждены были искать новое горное гнездо, глухое и неприступное, чтобы обосноваться в нем и на зиму.

Известие об этом партизаны приняли по-разному: Ветлугин и Евгений, закадычные друзья, уже давно сигнализировали мне о непригодности нашей стоянки, они радовались тому, что мы расстаемся с нею. Но многие из отряда были огорчены: они уже прижились к нашей отметке и чувствовали себя здесь, как в родной семье.

Больше же всех огорчался Геня. Он мечтал о наступлении, смелых разведках, горячих схватках. А тут – новый отход.

«Ничего, пусть привыкает к выдержке, – думал я, – для партизан, как и для полярников, главное – крепкие нервы и терпение».

Евгений и Мусьяченко уехали верхами в горы искать место для нашего будущего лагеря. Вернулись веселые, несмотря на усталость и голод.

Они карабкались на Карабет, лазили по склонам горы Крепость, спускались в долины, десятки раз переходили вброд Афипс и «афипсики» и не находили ничего подходящего: то нет близко воды, то место слишком открыто.

Наконец за Малыми Волчьими Воротами, на южном склоне горы Стрепет, Евгений обнаружил то, что искал.

И снова мы укладывали наши припасы, стягивали веревками тюки, перебирали картошку, запрягали лошадей. Петру Петровичу Мусьяченко дохнуть было некогда;

теперь вся хозяйственная часть лежала на нем. Я старался по возможности помогать ему. В труде и суматохе я не сразу заметил, что за мною по пятам ходит Геня.

– Почему ты не работаешь? – спросил я его.

Он ответил смущенно:

– Один вопрос, папа... Скажи, это не стыдно, что мы отступаем? Мы укрепимся в горах и сразу же начнем операции, да? Обидно только, что придется ждать, пока устроимся на новом месте... Я тебя очень прошу: в первую же операцию ты пошлешь меня, хорошо? Только ты дай слово, папа.

– Если не будешь нужен в лагере, пойдешь на операцию...

– Нет, ты все-таки дай слово, папа.

– Запомни, Геня, раз и навсегда, чтобы больше к этому не возвращаться: ты будешь выполнять то, что тебе приказано. Ясно?

Получилось немного резко, но так надо было.

И, наконец, мы покинули нашу «отметку 521».

Несколько раз переправлялись через Афипс – река эта запомнилась, вероятно, всем партизанам на всю жизнь. Карабкались на кручи, ехали под нависшими скалами по краю обрыва, где малейшее неосторожное движение грозило увечьем и гибелью. На этот раз нам самим пришлось прокладывать себе дорогу: убирать камни, засыпать ямы, рубить деревья...

Порой казалось, что по этой узкой, извилистой тропе с трудом может пройти разве только верховая лошадь. Но Геня каким-то чудом ухитрился водить по ней машину, а наши инженеры и директора неплохо справились с повозками.

Наш переезд не обошелся без «прискорбного события», как выразился комиссар Голубев: два партизана, перевозя на повозке спирт, обнаружили, что одна из бутылей начата и не запечатана. Довезли они спирт благополучно, но по прибытии своим почувствовали непреодолимое желание пить и танцевать. Командир их взвода доложил о происшествии мне:

– По всему видно – выпили, разбойники, не меньше, чем граммов по полтораста...

Я приказал дать провинившимся после того, как они отоспятся, по три наряда вне очереди. Комиссар же устроил им на другой день такую проработку в присутствии всего отряда, что, пожалуй, у них на всю жизнь отпала охота пить. Впрочем, неугомонный шутник Ветлугин прошептал мне на ухо:

– Если бы меня так прорабатывали, я бы запил от горя на неделю...

Место, которое облюбовал Евгений, оказалось действительно идеальным для лагеря: глухое, дикое, неприступное ущелье горы Стрепет. Его склоны круты и обрывисты. Страшно было даже подумать о подъеме на них, особенно в грязь и гололедицу. Скрытая узкая тропа вела вверх, где в восьмистах метрах от подошвы лежал отлогий выступ, покрытый небольшими буграми. В плане выступ был похож на гигантский вопросительный знак.

На этом-то «вопросительном знаке» мы и начали строительство нашего зимнего лагеря. Но я учитывал, что строительство это потребует много сил и поглотит много нашего внимания: не прозевать бы нам каких-либо крупных передвижений врага.

И Павлику Худерко было приказано отправиться к агентурщикам на хутор Науменко. Я видел, как Геня наблюдал за сборами Павлика, и мне было и смешно и грустно за сынишку: губы плотно сжаты, а глаза детские – разнесчастные. Я окликнул его:

– Геня, а почему же ты до сих пор не собрался? Павлику одному не справиться на хуторе.

Геня весь расцвел, крикнул звонко:

– Я сейчас же, папа! Я призадумался!..

Понятно, меня можно было бы упрекнуть в отцовской слабости. Но Геня поработал во время нашего «великого переселения» за троих – он заслужил поощрение. Вторых, в станицах у него повсеместно находились друзья – подростки и юноши. Комсомольцы и пионеры приносили подчас такие сведения, какие не могли бы собрать взрослые станичники. Немцы не принимали всерьез подростков.

Вернулись из разведки Геня и Павлик с необычным подарком.

Задолго до их появления мы слышали скрип телеги. Потом из-за поворота появилась пара волов. На возу восседали Геня и Павлик. У обоих в руках – длинные хворостины.

Как заправские погонщики, ребята старались быть невозмутимыми. Не торопясь, нарочито лениво, они похлопывали хворостинами своих волов. При этом Геня меланхолично повторял:

– Цоб!

А Павлик вторил ему:

– Цобе!

Волы были в недоумении – кого же слушать: один хозяин приказывал повернуть направо, другой – налево.

К возу были привязаны верховые лошади разведчиков. А на возу среди мешков с мукой жалобно стонала какая-то обвязанная веревками жалкая фигура в лохмотьях, с сине-багровым фонарем под глазом.

– Разрешите доложить, товарищ командир отряда, – отрапортовал Павлик. – Разведка хутора Науменко выполнена. Возвращаясь обратно, по дороге отбили у румын этих быков. Удалось прихватить и одного румына: может быть, он пригодится.

– Только, папа, дай ему отдохнуть, – прибавил Геня, – а то мы его малость помяли...

Мусьяченко не мог налюбоваться на ребят: шутка ли – подарили отряду целый воз первосортной кубанской крупчатки да двух волов!

Я отнесся к доблести ребят настороженно. У Павлика Худоерко храбрость не знала предела; насколько же он умел быть осторожным, я еще не проверил. Вечером мы поговорили с Геней. Он дал нам комсомольское слово в том, что будет подробно рассказывать о своих и Павлика «похождениях».

И вот суток не прошло, как Геня явился ко мне и покаялся, что они «немного начудили» с Павликом.

Ходили они в разведку в станицу Смоленскую. Одетые деревенскими парнями, с голубьями в руках, спрятав в карманы гранаты и револьверы, шли они с беззаботным видом по улице.

На пригорке – здание штаба. Около него царило необычное оживление: не поймешь, то ли там пьянка, то ли деловое совещание.

Прячась в кустах, ребята огородами подползли к штабу. Вдоль стены ходил часовой. Он заметил Геню на огороде, но не обращал на него внимания: мало ли ребят возится в грядках.

Когда часовой повернул за угол, ребята бросились к дому и швырнули в окна гранаты.

Поднялась паника, суматоха, беспорядочная стрельба. Но парнишки уже успели скрыться в кусты и благополучно ушли в лес.

Что я должен был сделать? Поругать Геню? Но они с Павликом совершили смелую диверсию. Впоследствии агентурщики донесли, что гранатами ребят были убиты в штабе несколько фашистов-офицеров. Главное же, население не только Смоленской, но и соседних с нею станиц воспрянуло духом: партизаны сильны, они бьют врага в самом логове его.

Но и хвалить ребят я боялся – чересчур они отчаянные. Я сделал вид, будто слушаю рассказ Гени о диверсии рассеянно.

Глава IX

Лагерь мы строили всерьез, основательно и прочно. Глухое эхо несло по ущелью необычные в этих краях звуки: удары топоров, визг пилы, говор людей. Это был тяжелый труд. Мы взрывали скалы, своими руками перетаскивали камни невероятной тяжести и величины. Валили вековые деревья – они стояли так близко одно от другого и были так высоки, что требовалось большое мастерство, чтобы свалить их: подпилишь такое дерево, а оно зацепится кроной за кроны братьев своих, и не сдвинуть его с места...

Командовали строительством братья Мартыненко, оба терпеливые, добродушные и мастера своего дела. Старший, Данило, был прорабом на Главмаргарине, младший работал техником-строителем, но он в совершенстве владел столярным ремеслом и любил его.

От строительных работ у нас не освобождался ни один человек, и плохо никто не работал.

Результаты сказались раньше, чем мы сами ждали. На глазах у нас выросал лагерь...

Мы строили отдельное жилье для каждого взвода, общую кухню-столовую, командный пункт, лазарет и под крутым, почти отвесным склоном горы – помещение для дальней разведки.

Это были не шалаши и не землянки, а настоящие, прочные, просторные деревянные дома, для тепла углубленные в скалу. Глиняная крыша не пропускала воду. Полы были устланы досками.

В каждой из взводных казарм стояли широкие просторные нары с тюфяками из сухих листьев, покрытые фильтротканью. Тут же столы, скамейки, пирамиды для ружей, полочки для всякой мелочи и обязательное зеркало. На столах стояли фонари «летучая мышь», вместо стекол – стеклянные банки из-под варенья, фитили были сплетены из ниток все той же фильтроткани.

В кухне – большая плита с вмазанными в нее котлами и духовым шкафом, русская печь для выпечки хлеба и сушки сухарей.

Баню мы не построили. В ней не было особой нужды. В очередь весь отряд успевал помыться в деревянной ванне, устроенной при кухне.

Комфортабельно был оборудован командный пункт: стены выложены досками, у каждого – отдельная кровать, большой стол, на стенах карты. Командный пункт мы соединили телефоном с казармами, с помещением дальней разведки и с главной заставой.

Николай Демьянович Причина протянул антенну, настроил радио, добился отличной двусторонней связи.

Одним словом, мы завершили с успехом свое «капитальное строительство».

Наш «вопросительный знак» был неприступен. Сверху к нему нельзя было подобраться: по крутизне не спустился бы даже горный козел.

Лагерь был недоступен и снизу: ущелье закрывала застава с завалами. Единственная тропка, ведущая к нам, поднималась так круто, что взбираться по ней можно было, лишь ставя ногу на ребро. Два сторожевых укрепления простреливали тропу с фронта и фланга. Из помещения дальней разведки можно было бить по ней из пулемета. Наконец, в любой момент в нашем распоряжении оставались запасные выходы из лагеря. Пройдя через них, мы могли быстро оказаться в тылу у наступающих.

Словом, несколько метких, выдержанных снайперов могли бы долго оборонять наш лагерь даже от крупной вражеской части.

* * *

Здесь, в новом лагере, окончательно сложился наш быт. Да и раньше, с первого часа существования отряда, никто из партизан не сидел никогда сложа руки.

В половине шестого утра был общий подъем на поверку. Освобождали от него только тяжелораненых и больных. Даже партизан, вернувшихся ночью с операции или стоявших в карауле, обязывали присутствовать на поверке.

За полчаса все должны были одеться, побриться и убрать казарму. Ровно в шесть я выходил с комиссаром и с Евгением к выстроившемуся отряду и принимал от дежурного по лагерю рапорт: сколько человек в подразделениях, кто в карауле, на операции, в разведке, кто в госпитале.

В первые дни случалось, что кое-кто из позднейшего пополнения нашего отряда посмеивался над этим порядком, ссылаясь на соседей-партизан – у них, мол, по утрам «спектаклей» не устраивают...

И здесь помогал мне комиссар. Он убеждал в том, что проверки необходимы для поддержания дисциплины, что соседи-партизаны нам не пример. Мы сами должны служить им примером как передовой отряд Кубани, Капля камень точит – постепенно в сознании каждого укоренился завет Марка Апкаровича: «Вам много дано, с вас много спросится». В новом лагере уж все партизаны стояли на поверках, как на параде, – традиции отряда окрепли и стали священными.

Евгений читал перед строем обычно приказ или распорядок дня: кто и какие работы будет выполнять в течение дня.

Ежедневно мы занимались до завтрака изучением оружия. И не потому, что мусолили все ту же винтовку, – ею владели поголовно все отлично, – но трофеи наши были разнообразны, и нам приходилось изучать новое и новое оружие. Эта часть дня была самой любимой у партизан.

Самой же нелюбимой считалась кухонная работа. Евфросинья Михайловна, наш шеф-повар, не могла, разумеется, изо дня в день готовить одна обеда, завтраки, ужины всему отряду и диетпитание для раненых и больных. К тому же была она по военной специальности медсестрой и постоянно рвалась на дежурства в госпиталь к Елене Ивановне. Евфросинья Михайловна только «дирижировала» на кухне, всю же работу выполняли в очередь партизаны. Я уверен, что и сегодня многие инженеры и техники Краснодара умеют испечь пудинг, сварить борщ и зажарить картошку лучше, чем их жены. Забавная деталь: наши женщины изо всех сил старались убежать от кухонных нарядов. Мария Янукевич каждый раз, когда приходила ее очередь идти на кухню, слезно просила меня дать ей другой наряд:

– Пошлите в разведку, пасти скот, разносить по соседним отрядам листовки, только не чистить картошку и не мыть кастрюли.

Работы было столько, что не хватало рабочих рук. Рвалась обувь на скалах и камнях: Яков Ильич Бибилов, окруженный теперь целой бригадой своих подмастерьев, тачал к зиме сапоги для всего отряда, с починкой «сапожники» еле-еле справлялись.

Мы взяли с собою из Краснодара листы оцинкованного железа. Наши «жестянщики» делали бачки, кастрюли, кружки.

В два часа ночи Николай Демьянович Причина принимал ежедневно по радио «передачу для газет». Он наловчился, не зная стенографии, записывать эти передачи со стенографической быстротой. Ночью же его записи шли на шапирограф. В нашей «редакции» успешнее всего работали женщины. К утру мы имели свежие «газеты», и опять-таки по наряду партизаны шли разносить их по соседним отрядам. В станицы доставляли газеты, отпечатанные на шапирографе сводки Совинформбюро и листовки только разведчики: наших станичных агентурщиков знал далеко не весь отряд.

Я расскажу ниже, как оказались мы обладателями целого стада коров. Их нужно было пасти и доить. Лошади тоже требовали ухода. Короче, если учесть, что большая часть отряда бывала постоянно вне лагеря (в боях, в подготовке к диверсии, в разведке), то станет ясным: свободного времени у нас в лагере ни у кого не было.

Выпадали изредка вечера, когда после ужина мы просто слушали Москву. Иногда Мусьяченко запевал своим чистым тенором какую-нибудь старинную кубанскую песню, и весь отряд подхватывал ее. Пели дружно. И жили дружно: ссориться, обижать и обижаться времени не было.

Помимо лагерных работ, помимо подготовок к операциям и самих операций было у наших партизан и еще одно любимое занятие – «охота». На «охоту» обычно снайперы выходили парами: один – с оптической винтовкой, другой – с биноклем и тоже, конечно, с винтовкой.

Так было задумано и на этот раз, с той только разницей, что партизаны были из разных отрядов: Власов – из нашего, Сидоров – из соседнего.

Власов понес, по приказанию комиссара, накануне вечером к соседям сводку Совинформбюро, заночевал в чужом отряде, а на рассвете направился домой. Сидоров же в этот час выходил на «охоту» и пригласил с собою Власова.

Они поднимались на гору: на перевале, на скрещении двух троп, надо было ждать хорошей «охоты».

Внизу в ущелье еще клубились клочья тумана, а чуть вправо на берегу реки уже горел на солнце песок. На склоне горы дрожала серебристая листва осины, карагач раскинулся пышными купами, и темным массивом стоял у расщелины густой орешник.

«Охотники» подошли к развилке троп, где лежали громадные камни, поросшие серым мхом.

Здесь Сидоров сел и начал снимать рюкзак.

Вдруг сзади, из орешника, раздался выстрел.

У Сидорова с головы слетела фуражка. «Охотники» упали на землю и поползли за камни.

Через несколько минут Власов, стараясь не выдать себя, попытался снять свой заплечный мешок; сразу же загремели выстрелы. Пули ударялись о камень, срывая кусочки серого мха.

Теперь было ясно: били из левого крайнего куста.

Быстро меняя позиции, перекатываясь через спину, «охотники» стреляли на вспышки в темной зелени орешника.

По частоте выстрелов нетрудно было догадаться, что в кустах засело не меньше восьми-девяти немцев. Они пришли сюда значительно раньше, заняли выгодную позицию, и наши «охотники» стали мишенью.

Предстояла тяжелая борьба, рассчитанная на выдержку, крепкие нервы и меткий глаз. Шансов на выигрыш у партизан было мало.

Огонь из орешника не прекращался. – Он замирал на несколько минут, но скоро вновь разгорался с удвоенной силой.

Враги длинной цепью раскинулись по кустам. От их пуль становилось все труднее прятаться за камнями – старые позиции простреливались уже фланговым огнем. И уходить некуда – вокруг ровная площадка. Только внизу, на обрыве, купа деревьев. Но до них не добежишь.

Вскрикнув, Сидоров выронил винтовку: пуля угодила ему в ногу. Власов пополз к товарищу, но резкая боль обожгла правое плечо. Рука повисла плетью.

Винтовки партизан замолкли. Сейчас наступит конец...

Однако враги выжидали – они боялись ловушки.

Наконец из кустов, держа винтовку на прицеле, осторожно выглянул белобрысый немец. Он хотел собственными глазами удостовериться, что «партизанен капут».

Но он ничего не увидел: сухо ударила винтовка, и белобрысый упал, сраженный насмерть. Раздался второй выстрел – в орешнике завыл фашист.

– Кто стреляет? – недоумевал Власов. – Кто-то со скалы, висящей высоко над орешником...

Немцы в кустах сами стали дичью: со скалы их можно было перебить, как кроликов.

Единственным спасением для них было добраться до купы деревьев, что росла внизу, на обрыве.

Пригибаясь к земле, фашисты цепочкой выбежали из кустов – семеро. Со скалы вдогонку раздалось семь выстрелов. Последнего пуля настигла у самой опушки. Он упал лицом вниз и широко раскинул руки.

Через несколько минут к раненым партизанам подошел Женя со снайперской винтовкой в руках.

– Евгений Петрович! – простонал Власов. – Я так и догадывался: либо это вы, либо Ермизин. По почерку узнал.

– Если действительно узнал, то ранен не смертельно, – засмеялся Женя. – Показывайте, где вас продырявило...

У соседей госпиталя не было. Сидоров попал вместе с Власовым к Елене Ивановне. Осмотрев и перевязав раненых, она тотчас влила обоим противостолбнячную сыворотку и послала Надю Коротову за Мусьяченко:

– Где хотите, Петр Петрович, доставайте молоко. Эти оба потеряли уйму крови. Питать раненых придется усиленно.

Мусьяченко пошел ко мне:

– Необходимо, Батя, раздобыть где-нибудь корову, врач требует...

Врач! Я и сам знал, что нам нужно много коров – стадо! Нам необходимы запасы жиров; мясные консервы кончатся, что будем делать? Отнимать у немцев? Да ведь у нас задание – блокировать все дороги, по которым фашисты попытаются подвезить провиант...

Мы сидели с Мусьяченко в моем командирском пункте и ломали головы, где взять коров. У окна Геня и Павлик, пришедшие с очередной разведки, тихо возились с карабином.

– Скот, еще уцелевший у населения, мы трогать не можем, – говорил я. – Остаются стада, награбленные фашистами. Но их немцы берегут зорко...

Павлик и Геня фыркнули и зажали рты руками. Я был раздражен тем, что хозяйственные дела оторвали меня от подготовки к одной серьезной диверсии, и накинулся на ребят:

– Встать! Смирно! Как ведете себя в присутствии командира отряда и его заместителя?..

– Разрешите обратиться... – начал Павлик и, получив разрешение, зачастил, как пулемет: – Мы с Геней высмотрели сегодня утром стадо коров. Хотели просить, чтобы вы позволили отбить это стадо у фашистов, но просить не решались, а тут вы сами... – Ребята переглянулись.

Оказалось, что на хуторах Консулово и Шабаново, где побывали накануне Геня с Павликом, немцы отобрали у жителей коров. Огромное стадо их собирались отправить завтра-послезавтра в Краснодар...

– Наши ребята, агентурщики, очень просили нас: отбейте коров у немцев, – сказал Геня. – Станичники предлагают: половина стада отряду, а половину мы должны сохранить до победы, чтобы были у колхозников коровы на развод. Немцы, когда будут удирать, ни одной на Кубани не оставят.

Ребятам дали двух разведчиков в помощь, и они уехали верхом «охотиться» за стадом.

Старшим по операции я назначил Павлика. Сознаюсь, каждый раз, когда они с Геней отправлялись на свои «охоты», сердце у меня было беспокойно...

Но через два дня они были тут как тут. Павлик доложил:

– Задание выполнено: сто сорок голов скота, принадлежащего отряду Бати, пасутся на Крымской Поляне.

Потом рассказал, как они добывали коров.

...Выбравшись из лагеря, ребята ехали, минуя дороги, прячась по кустам и рощам. Не раз встречали небольшие стада, расспрашивали пастухов, чьи они, и, узнав, что станичников, ехали дальше.

Во второй половине дня на проселочной дороге, между хуторами Консулово и Шабаново, появилось облачко пыли. Этого разведчики и ждали.

Прячась в кустах, ребята подъехали ближе: десять немцев гнали около двухсот коров в станицу Смоленскую. Коровы откормленные, породистые: поначалу враги грабили на Кубани что получше.

– За мной! – приказал Павлик. И четверо всадников, стреляя на скаку, вырвались на дорогу.

Они обрушились на грабителей, как гром с ясного неба: здесь, среди хуторов, занятых сильными гарнизонами, фашисты чувствовали себя в полной безопасности. Да еще в такой ясный, солнечный день.

Половина фашистов сразу же бросилась наутек. Но пятеро, вскинув карабины, начали чуть не в упор бить по всадникам.

Пули, жужжа над головами, пролетали мимо. Очевидно, от испуга у немцев дрожали руки.

Схватка длилась короткое время. На пыльной дороге лежало пять фашистских трупов. Но стадо исчезло... Коровы разбежались, их испуганное мычание доносилось из соседней рощи.

Нужно было сбить их в кучу и гнать к горам. Учитывалась каждая минута: из ближайшей станицы вот-вот выскочит погоня.

Павлик приказал двум партизанам гнать основную часть стада в сторону, противоположную горам, сделать громадный крюк и завести коров к Крымской Поляне. Сам же вместе с Геней, прихватив для отвода глаз десятка два коров, открыто погнал их к горам.

Теперь ребята не пытались скрываться. Наоборот, они ехали в открытую, стараясь поднять как можно больше шума и пыли, только бы их заметила погоня, только бы оставила в покое основное стадо.

Фашисты попались на эту удочку: немецкие конники, вырвавшись на рысях из станицы, бросились за Павликом и Геней.

Друзья погнали злосчастных коров вскачь все дальше и дальше от их родного стада. Но погоня настигала ребят. И, метнувшись в кусты, они исчезли в ольшанике...

Так появилось у нас свое стадо. Теперь не хватало отряду только верховых лошадей.

Их взялся раздобыть Степан Игнатьевич Веребей. Он, директор мыловаренного завода, был страстным лошадиником и лихим наездником. «Лавры Гени и Павлика лишили его сна и аппетита», – шутил Женя.

И вот однажды, когда я с небольшой группой возвращался с ближней разведки, мне привелось быть свидетелем необычайного зрелища.

Мы ехали на конях. Внизу под нами на поляне три-четыре фашиста пасли табун награбленных лошадей.

– Ах, вон слева конек караковый хорош!.. – застонал, как от зубной боли, Веребей.

Он глянул на меня какими-то виноватыми, просящими глазами. Я усмехнулся:

– Видит око, да зуб неймет.

– Я бы его взял... Разрешите, Батя.

Фашисты-коноводы валялись под кустами, ружья их лежали в стороне, в траве.

– Действуйте, – сказал я Веребею.

Мы расположились над поляной в зарослях, я приказал на всякий случай держать ружья наготове, но настроение у нас было веселое: сейчас увидим спектакль.

И верно: внизу из кустов вырвался на полном скаку Веребей, лихо завертел над головою аркан, ловко бросил его и на глазах у растерявшихся немцев увел каракового красавца коня.

– Кустарщина! – переговаривались между собою Геня с Павликом. – Слов нет, сработано дерзко и красиво, как в цирке. А польза какая от одного коня?

Ребята тут же начали проситься пойти за лошадьми.

– Это будет не так эффектно, как у Степана Игнатьевича, – говорил Геня, – но зато мы приведем целый табун.

– Подождите, – ответил я, – стали вы, ребята, чересчур самоуверенными. Пойдите на денек пасти коров, а там посмотрим...

Через день я сам отправил их вместе с Гончаровым на «охоту» за лошадьми.

Ребятам положительно везло. Я объясняю везение это частично тем, что немцы принимали обычно Геню и Павлика за станичных парнишек и относились к ним без осторожности.

У хутора Макартет ребята заметили группу фашистских конников. Она спешила и ушла на бахчу за арбузами. Коноводам стало скучно, и они разбрелись шарить по хатам: нельзя ли что-либо ценное найти в станичных сундуках? Только три молодых немца остались сторожить лошадей. От скуки они выпили все, что было у них во флягах, закусили и разлеглись на траве. Двое захрапели тотчас, третий попытался сыграть что-то на губной гармонике, но она выпала у него из рук, и он задремал, так и не подняв ее.

Бесшумно подползали к немцам ребята, прячась в бурьяне. Финскими ножами сняли коноводов и погнали лошадей по тропе в лес.

К заставе подъезжали торжественно: впереди Павлик, за ним, связанные уздечками по двое, послушно шли тридцать две лошади; сзади, в облаке пыли, ехали Геня и Гончаров.

Глава X

На нашем участке Приморского фронта Советская Армия приостановила продвижение немцев, и до Баку они так и не добрались.

Но все полчища, рвавшиеся к нашей нефти, оставались пока здесь, на Кубани. Кто знал, каковы были планы немцев?

В связи с этим Евгений получил приказ от нашего командования усилить разведку, доносить о малейших передвижениях врага, выяснять все, вплоть до того, как охраняются мосты, склады, станции железных дорог, фиксировать каждую вражескую огневую точку.

Особо вменялось нам в обязанность следить, не стали ли носить немецкие офицеры противогазы на боку. Это означало бы, что фашисты в ближайшее время прибегнут к химическому нападению.

Задания нашего командования как нельзя лучше совпадали с целями, которые поставил отряд перед собою: усилить и без того сильную у нас дальнюю разведку.

Еще в Краснодаре, теоретически разрабатывая нашу партизанскую борьбу, мы пришли к таким цифрам: семьдесят процентов нашего времени будет уходить на подготовку к диверсиям, и только тридцать процентов выпадет на проведение самих операций.

В эти дни мы усиленно готовились к новым диверсиям. После одной такой операции Евгений доложил:

– Подступы к мосту разведаны. На улице хутора Свободного произошла стычка. Убито восемь и ранено двадцать немцев. У нас потерь нет.

Сын протянул мне лист бумаги. Это – подробный план подходов к мосту: тропы, дороги, лощины, кусты, ломаная линия окопов. Кружочками и крестиками помечены минометы, пулеметные гнезда и пушки. Будто весь день сидел Евгений у моста, спокойно смотрел и чертил.

На самом деле было далеко не так.

...Разведка верхами подошла к хутору Макартет, спешила и затаилась в кустах. Григорий Федорович Журба, турбинный мастер, наш дальний разведчик, с револьвером и гранатой пополз к хатам.

У первой хаты – ни души. Журба тихо стукнул в окно. На крыльцо вышел седой, как ковыль, сторбленный старик. Журба приложил палец к губам: молчи, дескать.

– Скажите, дедушка, где у вас немцы стоят?.. Не бойтесь, дидусь.

– Нечего мне бояться, сынок. Страшнее того, что видел, не увижу, – ответил старик. – Немцы на том конце хутора. Сейчас обедают. Но к ним не доберешься – у

них караулы на крышах. Всё видят, гады. Курица зашебаршит на огороде – и ту окликнут... – Старик огляделся по сторонам, понизил голос: – К нам намеренно приходила разведка партизанская, хотела немцев тихо накрыть – и половина партизан осталась на месте... Уходи, хлопче! И своим передай, чтобы носа не показывали к нам. И в Ново-Алексеевский не ходите, и в Свободный – там то же, что и у нас. Иди, казаче, пока жив. Иди...

Журба пополз обратно.

Положение было сложное. Необходимо разведать подходы к железнодорожному мосту через реку Убинку. Для этого надо прощупать все хутора, что лежат на дороге к мосту, выяснить живую силу противника, добраться до моста, засечь огневые точки.

А тут выяснилось, что путь к мосту лежит через хутора, зорко охраняемые немцами. Правда, можно было бы обойти их, но это слишком далеко. Да и кто поручится, что и там нет врага?

– Проверить седловку и оружие, – приказал Евгений. – По коням!

Разведка открыто подъехала к хутору, пришпорила лошадей и во весь опор промчалась по улице. И только когда она была уже за околицей, вдогонку раздались автоматные очереди.

Отъехав, перешли на шаг – берегли коней, чтобы через Ново-Алексеевский снова пронестись вихрем...

В Свободном приняли бой. Под Евгением тяжело ранило лошадь. С ходу он пересел на коня убитого им фашистского офицера и, отстреливаясь, догнал своих.

И наконец, они увидели мост. Но перестрелка в хуторах всполошила охрану. Немцы залегли в окопах и встретили наших частым огнем. А это разведчикам и нужно было: немцы раскрыли Евгению все свои огневые точки.

Он быстро набросал план, засек окопы с пулеметами и минометами, охранявшими мост, и кружным путем повел свою группу домой, в лагерь.

Но не всегда разведчикам сопутствовала такая удача. Однажды трое партизан отправились к главной магистрали. Необходимо было изучить движение немцев на шоссе и железной дороге, установить закономерность в этом движении и выяснить характер перевозимых грузов.

Дело кропотливое и долгое: надо сидеть в кустах у шоссе и железнодорожного полотна, внимательно слушать, смотреть и записывать...

Сутки потратили разведчики, чтобы дойти до пункта наблюдения и отыскать удобное место – глухое, скрытое от глаз обходчиков и караулов и в то же время позволяющее видеть все, что делается на шоссе и полотне дороги.

Наблюдали по очереди.

...Пыля по шоссе, промелькнул французский грузовичок. Прошли две тяжелые автомашины, груженные боеприпасами. Проехала легковая машина с офицерами. Проскочило несколько броневиков и за ними связной мотоциклист...

По железнодорожному пути прогрохотала бронедрезина, проверяя путь. За ней показался поезд. Из окон выглядывали немецкие солдаты, на платформах под брезентом стояли орудия.

Вечером опять прошла дрезина, опять прогремел поезд – теперь он вез раненых и продукты.

Дежурный разведчик все тщательно записывал и засекал время...

Так прошло четверо суток. Материал был собран богатый. Уже четко вырисовывалось расписание движения поездов по железной дороге, уже ясна была

закономерность следования машин по шоссе, уже можно было твердо установить время смены караулов, постов, обходчиков. Оставалось только кое-что уточнить. И вот тут-то разведчики допустили ошибку.

Слов нет, тяжело сутками лежать на одном месте, быть каждую минуту начеку, отказаться от курева, питаться всухомятку и пить воду из лужи, к которой можно подползть только ночью и то с великой осторожностью.

И наши разведчики решили на последние сутки переменить место наблюдения и занять новый пункт – почти у самой лужи: дни стояли на редкость знойные, солнце пекло немилосердно, мучила жажда, и хотелось быть поближе к воде.

Надо думать, что немцы заметили ползущих разведчиков: наши услышали вскоре собачий лай. Немцы с собаками прочесывали местность, окружая разведчиков кольцом...

Уйти из кольца было уже невозможно, и наши отползли в густые заросли терна. Колючки рвали одежду, в кровь царапали тело. А ползти надо было бесшумно и быстро. Только под защитой колючек оставался маленький шанс на спасение.

Собаки напали на след...

Громадные злые овчарки бросились к терну и остановились: ничто не заставит собаку войти в жалящий кустарник, она бережет глаза и нос. Псы метались у терна, заливались истошным лаем.

В кусты, низко пригибаясь к земле, вошли пять фашистов. Они шли широкой дугой, внимательно осматривая заросли.

Выстрел – один из фашистов упал. Остальные убежали обратно.

Шесть раз немцы пытались прорваться в терн. И всякий раз разведчики подпускали их почти вплотную – надо было экономить патроны – и били наверняка...

Все шесть атак были отбиты. На колючках висели окровавленные клочья одежды. Где-то поблизости хрипел умирающий фашист.

В седьмую атаку немцы не пошли. Голоса их затихли. Но разведчики оставались по-прежнему в кольце: то справа, то слева слышалось глухое ворчанье овчарок, а вдали – тихий, приглушенный разговор часовых.

Через час раздался скрип приехавшей телеги, и в зарослях терна с воем разорвалась первая мина.

Методично, с немецкой аккуратностью фашисты обстреливали квадрат за квадратом. В перерывах между выстрелами слышался все тот же собачий лай.

Это была игра со смертью.

Рвались мины. Разведчики меняли места. Одежда их изорвалась, кровоточили царапины, колючки вонзались в тело. Но разведчики продолжали бороться. Метким выстрелом кто-то из них снял минометчика. Однако через несколько минут снова визжала и выла мина.

Обстрел длился три часа. Уже ранены были два разведчика. Они неподвижно лежали в кустах, сжимая гранаты и ожидая смерти.

Осколок вонзился в правую руку третьего разведчика: он не смог бы теперь бросить даже свою последнюю гранату.

Преодолевая боль, он бесшумно подполз к товарищам; без стопа, без вдоха, без движения пролежали они несколько часов.

Рвутся и рвутся мины, хрустят ветки терновника – растение стонет, а люди молчат.

Наступают сумерки. Обстрел неожиданно прекращается. Пойдут немцы прочесывать терн?..

Тишина. Все дальше и дальше, удаляясь от зарослей, слышатся голоса и собачий лай.

Вокруг стало тихо. Только заливались лягушки, обещая назавтра такой же знойный, солнечный день, и трещали цикады в кустах.

Разведчики выползли из терна и поползли, забывая боль. Уже позади осталась открытая поляна. Впереди темнел спасительный глушняк, дальше – родные предгорья.

Двое суток шли раненые до лагеря, поддерживая друг друга: и буквально, и теплым товарищеским словом. Дошли до нашей заставы на передовой стоянке и... дальше идти не смогли.

Их принесли в госпиталь на носилках. Елена Ивановна осмотрела их, смахнула слезу: все в колючках...

Но что бы там ни было, они остались живы, улыбались товарищам, солнцу, деревьям и были горды тем, что через все трудности пронесли залитые своей кровью листки записных книжек.

* * *

В боевых делах отряда важное значение имела хорошо организованная разведка. Добрую половину наших успехов надо отнести за ее счет.

Разведчиками руководил Евгений. Большую помощь разведке оказывал Геня. У него были свои методы да и свои возможности, подчас недоступные взрослым разведчикам.

Бывало, оденется, как деревенский парнишка, пристроит на боку холщовую сумку, с которой обычно ходят пастухи, положит в сумку ломоть кукурузного хлеба и пару луковиц. Смотришь: будто бы не Геня, а настоящий станичный подпасок! Но у этого подпaska где-то хитро запрятан пистолет с таким расчетом, чтобы его не нашли при обыске и чтобы он был под рукой.

В разведку с Геней иногда шли его друзья, такие же, как он, ребята из соседних партизанских отрядов. «Малыши», так их любовно называли, проникали в станицы, занятые егерями, и не раз попадали в сложные переделки и все же умело добывали и приносили в лагерь ценные сведения.

Геня всегда успешно проводил разведку. К нему, оборванному, чумазому подпаску с выгоревшими на солнце волосами, редко приставали фашистские патрули. На хуторах его скрывали сердобольные казачки. Со временем у него завелись друзья среди станичных ребяташек.

Для первого знакомства он заводил с ними разговор о том, что интересовало каждого станичного подростка: об охоте, о рыбной ловле, потом о школе, которую закрыли оккупанты, о пионерах, которых фашисты преследуют, как своих злейших врагов. Затем он посылал узнать, о чем говорят у немецкой комендатуры, просил обежать все дворы и подсчитать машины. Вместе с юными станичниками он распространял листовки, добывал немецкие газеты.

Не раз выполнял Геня и более ответственные задания.

Так, однажды нам стало известно, что гитлеровцы стягивают крупные силы в станицу Георгие-Афипскую, подготавливая переброску их к Новороссийску. В это время захватчики особенно зорко следили за всеми, кто появлялся в станице. И все-таки необходимо было уточнить полученные нами сведения. Кроме Гени, послать некого. В

разведку он отправился не один, а с Гришей – молодым пареньком из соседнего партизанского отряда. Я строго-настрого наказал ребятам соблюдать осторожность.

Пропадали они три дня. На третий день глаза у Елены Ивановны стали красными... В ночь на четвертые сутки мальчики благополучно вернулись. Геня коротко доложил о результатах, заявив, что разведка прошла гладко.

Сведения были настолько важны, что мы этой же ночью переправили их высшему командованию.

О всех подробностях этой разведки я узнал только дней через пять, да и то случайно, от Гриши.

Оказалось, разведка прошла далеко не так гладко, как это пытался представить Геня. Не желая беспокоить мать, он о многом умолчал. К тому же он боялся, как бы ему не запретили ходить на опасные операции. Дело было так.

Как всегда, ребята вышли ночью. Идти по шоссе опасно. Отправились по проселочной дороге, что ведет с предгорий на равнину. Шли с большой опаской, то и дело останавливались, прислушивались к каждому подозрительному шороху. На рассвете подходили к хутору Рашпилеву. Здесь их остановил румынский патруль. Обыск прошел благополучно. Начался допрос. Допрашивал румын, кое-как говоривший по-русски:

– Куда идете? Кто такие?

– Из Ново-Алексеевки мы. Скот туда гоняли по приказу господина коменданта.

Ребята, перебивая друг друга, стали называть имена станичников Георгие-Афипской, описывали их дома. Словом, привели столько мелочей и подробностей, что начальнику патруля надоело слушать. Он махнул рукой и приказал пропустить их.

В Георгие-Афипскую проникли осторожно, стараясь не попадаться на глаза полицаям. Пробрались к друзьям.

К вечеру стало известно, какие части прибыли в станицу, сколько в станице танков, машин, пулеметов, какого калибра орудия, где расположен склад боеприпасов. Геня даже зашел на железнодорожную станцию и побродил по путям, наблюдая, как и чем грузят составы.

Из Георгие-Афипской вышли в сумерки. Пробирались задами. Шли всю ночь. Когда подошли к Смоленской, близился рассвет. И здесь, у табачного сарая, ребята не убереглись. Раздался громкий окрик:

– Стой!

Ребята шарахнулись в сторону. Но было поздно: двое полицейских, лежавших в засаде, направили на них дула винтовок.

– Почему шляетесь по ночам?

Ребята попытались вывернуться: у них-де пропали лошади, лошади не свои, немцев, искали всю ночь, не нашли, а теперь боятся домой идти – без коней в станицу возвращаться не велено. Полицейских это не убедило.

– Руки вверх! Подходи по одному.

У Гени был револьвер – маленький бельгийский браунинг, который он раздобыл еще в Краснодаре. Он гордился своим браунингом, который действительно бил не плохо.

Геня, незаметно зажав в правой руке маленький револьвер, поднял руки. Он подошел первым. Резко опустил руку, хлопнул выстрел, другой...

Полицейские упали. Один из них закричал, пытаясь подняться с земли, схватил винтовку. Ребята бросились в кустарник.

Поднялась тревога. В предрассветных сумерках замелькали огни, с околицы бил ручной пулемет. Фашисты кинулись в погоню. Пули свистели над головами ребят, а они неслись стрелой, падали, поднимались, снова падали и снова бежали, стараясь не отрываться друг от друга. Ночь была на исходе. Восток посветлел. Из предрассветного тумана неясно вырисовывались кусты, станица, далекие горы. Но погоня настигала ребят...

Геня повернул влево, к Афипису. Гитлеровцы потеряли было из виду беглецов, но ненадолго: над головами ребят опять засвистели пули.

Афипис после недавних дождей ревел и клочкотал, нес коряги и камни, кружил в водоворотах. Страшно было броситься в его злые, вспененные волны, но иного выхода не было...

Ребята из последних сил боролись с быстрым течением. В кровь сбивая ноги об острые камни и коряги, вылезли они на противоположный берег. Вслед им продолжали строчить автоматы. Низко пригнувшись к земле, мальчики кружили в густом прибрежном ивняке.

Поднялось солнце, разошелся туман, впереди засияли далекие снеговые вершины. Выстрелы смолкли. Гитлеровцы не решились переправиться через бурный Афипис.

Ребята выжали мокрую одежду и, описав из предосторожности огромный крюк, только ночью вернулись в лагерь.

Глава XI

Немцы научились уже считаться с партизанами. Все основные дороги они зорко охраняли. И нам приходилось теперь выбирать места для наших диверсий самые на первый взгляд неудобные: такие, где немцы никоим образом не ждали нас.

Третьему взводу, под командованием Сафронова, было приказано пробраться между Крепостцой и Смоленской, выяснить огневые точки врага и устроить засаду. Идти нужно было не дорогой, а старой, заросшей тропой, по которой, может быть, много лет не проходил человек.

Об этой тропе мы знали только то, что сказал Сафронову местный житель:

– Сначала будет хмеречье, потом ерик. Пройдя по ерику, найдешь течею. Ну а дальше – с богом...

Слов нет – этого маловато. Но Сафронов все-таки должен был пойти и выполнить приказание. А он не сумел, бесцельно промучил взвод и вечером уныло вернулся на командный пункт.

Наутро я сам повел взвод.

* * *

Нас считали в лагере погибшими: слышали артиллерийскую стрельбу, разрывы мин, пулеметные очереди и решили, что третьего взвода и Бати вместе с ним уже не существует. А мы все же остались живы и здоровы. Только жестоко устали.

Вышли мы с командного пункта затемно. Пересекли десяток старых черкесских дорог, встретили бесчисленные ерики, течи и забрались, наконец, в такой лабиринт, из которого, казалось, выхода не было.

Подсказало чутье: я свернул по одному из ериков, как две капли воды похожему на остальные, и не ошибся.

Шли мы шесть с половиной часов. Мучила жажда, но выручал дичок: мы уничтожили огромное количество яблок и груш.

Наконец впереди заблестела лужа. Вода в ней была грязная и пахла креозотом. Но нам она показалась нектаром...

По всем признакам, мы были уже поблизости от немецких огневых точек.

Половину взвода я оставил у лужи, с остальными осторожно двинулся дальше.

Кусты поредели. Взяв с собой только Слащева и Сафронова, я выполз на опушку.

Впереди, метрах в пятидесяти, на краю леса, просматривалось расчищенное место, а на нем какие-то странные бугры и ямы...

Я стал вглядываться. Оказалось, это была кочующая батарея противника: наблюдательный пункт, резервы прислуги и окопы с замаскированными орудиями.

Мы тщательно занесли все на бумагу и вернулись к своим. Сафронова я отправил обратно к луже с нашими рюкзаками, сам же с тремя разведчиками и пулеметчиками пополз вперед.

Ерик кончился. Впереди открылась поляна. Двое разведчиков поползли по ней, стремясь найти шоссе, к которому нам предстояло подобраться.

Разведчики скрылись, я же отполз в сторону и стал наблюдать.

Справа – сильно прореженный лес. Кучи хвороста сложены аккуратными рядами. Около куч – шалаши из свежих веток. Через поляну тянется полевой провод к какому-то странному возвышению. А слева – стога сена, сложенные совсем не так, как принято у нас на Кубани...

Запомнив все до мельчайших подробностей, я пополз назад к своим. Вижу: пулеметчик мой расположился под дикой грушей. Одним глазом внимательно наблюдает за поляной, другой скосил в сторону, где валяется под деревом дичок. Пулеметчик форменным образом распух: пазуха и карманы набиты грушами, рот полон, но выражение глаз пресерьезное...

Вернувшись, разведчики доложили, что шоссе найдено, а на третьей поляне в шалаше они видели телеграфный аппарат и двух немцев-морзистов. Порывались их захватить врасплох и отобрать аппарат, но вовремя удержались: рядом находилась немецкая застава.

Но из дальнейших расспросов выяснилось, что разведчики ошиблись: приняли проселочную дорогу за шоссе...

Пришлось двигаться дальше: шоссе надо было найти во что бы то ни стало.

Путь был очень труден: редкие лески с вырубленными кустами да открытые поляны – хуже трудно придумать.

Первыми ползли Гончаров и Ломакин.

Гончаров полз прекрасно: перебирая только пальцами рук и ног, он был невидим в траве. У Ломакина получалось плохо: он сильно вскидывал зад, припадал головой к земле, ничего не видел перед собой, но сам был виден весь. Одним словом, он был удивительно похож на страуса, который, спрятав голову в песок, уверен, что его никто не видит...

Через поляну переползли один за другим в шахматном порядке и снова начали наблюдать. Оказалось, что кучи хвороста в разреженном леске – замаскированные тяжелые пулеметы и сорокасесимиллиметровые пушки, а стога сена – тоже пушки.

Я снова все тщательно нанес на бумагу.

Впереди, метрах в двухстах, за высоким забором виднелась молочная ферма. Она мне показалась подозрительной...

Я взял с собою Гончарова, и мы поползли: надо было разузнать, что делают немцы на ферме.

Подобрались к самому забору. И тут – черт бы ее взял! – тьякнула и залилась пронзительным лаем собака. Из ворот высыпали немцы.

Мы с Гончаровым замерли.

Немцы постояли, повертели головами во все стороны и, обругав собаку, ушли.

Но лишь только они скрылись, проклятая собака опять заметалась на цепи. На этот раз выскочила целая толпа фашистов. Они долго смотрели по сторонам, спорили, махали руками, но в конце концов снова ушли.

Подобраться к ферме было немислимо. Да и сгущались сумерки. Мы тронулись в обратный путь. Теперь ползти было легче: в темноте даже спина ползущего впереди Слащева не была видна.

К луже вернулись около полуночи. Нас угостили прекрасной холодной водой: рядом отыскали родник.

Спать мне в эту ночь не пришлось: проверял караул, следил, чтобы никто не храпел во сне, обдумывал план завтрашнего дня и решил: необходимо во что бы то ни стало заглянуть на молочную ферму...

На рассвете партизаны поднялись, мокрые от росы, позавтракали всухомятку и снова отправились искать шоссе.

У дикой груши, в кустах, где вчера сидел пулеметчик, я оставил взвод. Приказал лежать и прикрыть нас огнем в случае тревоги. А сам с Гончаровым и Слащевым пополз дальше.

Мы благополучно пересекли проселочную дорогу, углубились в лесок и осторожно выползли на опушку: перед нами, метрах в семидесяти пяти, лежало шоссе.

Три часа наблюдали за шоссе – ни души... Только пробежала немецкая связная собака.

Устраивать засаду на пустынном шоссе было бессмысленно.

Но меня заинтересовал лесок по ту сторону шоссе – он был неестественно густ. Я решил подобраться к нему и выяснить, в чем дело...

Как было трудно ползти! Трава скошена, кустов почти нет, полянка чуть приподнята и легко просматривается. Но все-таки я дополз до шоссе.

Чутье меня не обмануло: в леске стояли противотанковые пушки и тяжелые пулеметы. Это была немецкая огневая засада.

И это я занес на бумагу...

Строго говоря, пора было возвращаться обратно. Но молочная ферма не выходила из головы. Я решил еще раз попытаться счастья.

До забора дополз благополучно. И на забор влез. Но только занес ногу, чтобы перебраться на крышу какого-то сарая, как неистово загоготали гуси...

На их гогот выскочили немцы. Я приник к забору.

Не знаю, почему немцы меня не заметили. Откровенно говоря, мне в те минуты было не до размышлений...

Выждав, пока гуси успокоились и собака перестала рычать, я пополз назад, так и не узнав ничего о ферме.

Когда я добрался до Слащева и Гончарова, мне показалось – я не видел их месяцы: ведь полчаса назад у меня не было надежды на встречу с ними.

Мы перевалили через проселочную дорогу, и тотчас из-за поворота неожиданно появилась рота немецких автоматчиков. Они шли на ферму, как всегда четко отбивая шаг, высоко вскидывая длинные ноги. Чертовски подмывало швырнуть в них гранату и сбить их самодовольную спесь.

К дикой груше мы вернулись благополучно. Товарищи, как и в прошлый раз, напоили нас вкусной водой: около груши они наткнулись на новый родник.

Всласть напившись, я спросил: «А следы у воды оставили?» – и сам отправился к роднику проверять. Так и есть: на влажном песке темнели свежие отпечатки немецких ботинок рядышком с нашими следами... Нужно было спешно уходить: сюда с минуты на минуту могли пожаловать немцы.

И вдруг с грохотом разорвался артиллерийский снаряд. За ним второй, третий...

Я подал сигнал отхода. Отправил вперед Гончарова – он должен был вести отряд напрямик, по еле заметной тропе, что взбегала на крутой подъем.

Идти было тяжело: ногу можно было ставить только на ребро. А вокруг рвались снаряды: это была та самая батарея, что была замаскирована в леске.

На половине подъёма Сафронов опустился на землю.

– Не могу. Сердце сдало. Идите. Мне все равно пропадать.

Я приказал взводу двигаться дальше, а сам присел рядом с Сафроновым. И тут увидел, что с двух сторон, окружая нашу горку, бегут немецкие автоматчики, а связисты сзади разматывают телефонный кабель.

Кое-как удалось поднять на ноги Сафронова и, поддерживая его, спуститься со взводом в ерик.

Стрельба прекратилась: артиллеристы потеряли нас из виду. Мы повеселели, даже Сафронов улыбался.

Но в воздухе послышался характерный рокот: над ериком, почти касаясь брюхом верхушек деревьев, летел «мессершмитт». Он увидел нас, дал две очереди, сбросил дымовые ракеты, еще пустил три очереди и ушел вперед. И снова заговорили немецкие пушки, сделали несколько десятков выстрелов и замолчали.

Мы шли быстро. Пот лил с нас градом. Мучительно хотелось пить. Но надо было вырваться из мешка, занять сильную позицию и, если придется, принять бой.

Мы остановились у дефиле: по бокам поднимались крутые отроги гор, между нами и немцами лежала открытая поляна.

Я дал взводу пятиминутную передышку. Люди напились воды из родника и повеселели. Сердечный припадок Сафронова прошел.

Взвод занял боевые позиции: справа – группа под командованием Сафронова, слева – группа бойцов со старшиной Тарасовым, в центре – пулеметчик Федосов. Я лег рядом с пулеметом.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять в кустах мелькнула фигура немецкого автоматчика. Он вышел на поляну, огляделся. Мы молчали.

Автоматчик подал знак, и на поляну со всех сторон вылезли десятки фрицев.

Они шли спокойно: их обманула тишина.

Я подал сигнал. Пулеметчик резко дал первую короткую очередь вправо, вторую – влево и длинную – в середину. Одновременно грохнул залп наших карабинов, забили короткие очереди автоматов.

Немцы заметались в панике, рванулись было вперед, потом, теряя убитых, откатились в кусты.

Я приказал немедленно занять запасные позиции.

И тотчас противный воющий свист наполнил воздух: немецкие мины рвались у камней, за которыми мы только что лежали.

Из-за прикрытия я наскоро подсчитал потери врага: убито тридцать два, в траве корчилось несколько десятков раненых.

Заговорила и батарея: немцы переносили огонь в глубь дефиле, да запоздали, – мы уже вышли из зоны обстрела и знакомыми тропами вернулись к своим.

Потерь не было. Но все тело так ныло от усталости, что каждый украдкой щупал себя, не ранен ли.

Я отправил со связным свои записи нашему командованию. А через три дня получил из штаба радиogramму: немецкая батарея, огневая засада на шоссе, тяжелые пулеметы в роще – все, что обнаружили мы во время «прогулки» к молочной ферме, накрыто бомбами нашей авиации.

Глава XII

Еще в Краснодаре весь наш комсостав и мы с Евгением уделяли многие часы изучению и выработке тактики нападения. Каждый из нас знал, что успех будущих боев и диверсий зависит прежде всего от тщательной и разносторонней подготовки к ним.

И как бы ни была мала диверсионная группа, помимо наблюдателя она выделяла и ядро прикрытия, которое, после того как группа нападения уже вступила в бой, старалось отвлечь ловкими маневрами удар противника на себя.

Огромное значение в наших операциях имело особое чувство боя, которым должен был владеть командир группы. У Евгения это чувство было развито чрезвычайно: в пылу схватки почуять, уловить те секунды перелома, в какие ошеломленный внезапностью и стремительностью нападения противник начинает приходить в себя, и дать партизанам сигнал к немедленному отходу.

Мы нападали небольшими группами, почти всегда силы противника превосходили количественно в десятки раз наши силы. Но если нам не удавалось истребить врага до того момента, когда он приходил в себя, мы умели вовремя отходить. Пути отхода всегда были заранее известны каждому участнику нападения. Было бы крайне легкомысленно, не учитывая переломного момента в психике врага, вступать своей маленькой группкой в штыковую драку с врагом. Так трагически погибли многие из наших соседей-партизан из Ейского отряда моряков. Охваченные жгучей ненавистью к фашистам, ейчане ринулись в штыковой бой с ними, когда нужно было отойти и рассеяться. А какие это были храбрецы! Сколько уничтожили бы они еще интервентов, если бы владели тактикой нападения и отхода!..

По всем правилам этой разработанной нами еще в Краснодаре тактики и была проведена нами в сентябре крупная операция.

Геня и Павлик лежали в дозоре.

Ночь была беспокойная, ветреная.

Ветер шумел в верхушках деревьев. Журчала вода в далеком ручье. По ту сторону дороги протяжно кричала ночная птица. Когда ветер затихал, слышно было, как в придорожных кустах возникают и опять замирают неясные ночные шорохи...

Надо бы встать, потянуться, размять онемевшие ноги, дотом завернуться в плащ и уснуть. Но спать, разумеется, никому из комсостава не пришлось: надо было лежать, смотреть, слушать.

Позади остался тяжелый, как всегда, переход по лесным тропам, по крутым склонам, через бурные, своевольные «афипсики».

К месту диверсии пришли ночью. Еременко, не спеша и отказываясь от помощи, – он всегда боялся утруждать чем-нибудь товарищей – заложил мины. Выставили дозоры. В соседних кустах залегло ядро прикрытия...

Проснулась какая-то пичужка, пересела на соседнюю ветку, повозилась и затихла. Ежик деловито пробежал под ветвями, наткнулся на человека, чуфыкнул испуганно и сердито и отскочил в сторону. Треснула ветка, донесся приглушенный шепот – это

Евгений проверял караулы. Где-то далеко, так далеко, что не разберешь по звуку – свои или чужие, прогудели самолеты, и опять все стихло...

Томительно тянулись часы. Наконец рассвело. Ослепительно поднялось солнце из-за гор. Туман рассеялся, заблестела роса в траве. В лесу поднялся птичий гомон.

Неожиданно в птичьи голоса ворвался новый звук. Он был еле слышен. Трудно разобрать, что это.

Наконец стало ясно слышно, что гудели моторы. Далеко-далеко, не понять сразу – в воздухе ли, над горами или на дороге от Ново-Дмитриевской.

Гул становился все явственнее...

– Павлик, беги к Евгению, – зашептал Геня. – Танки подходят к Афипсу.

Евгений сидел на дереве. Оттуда ему в артиллерийский бинокль видна была вся дорога, как на ладони.

– Янукевич, будить всех! Приготовиться к бою! – скомандовал Евгений.

Сжимая в руках гранаты, люди замерли в придорожных кустах.

Уже доносился лязг танковых гусениц и рокот тяжелых машин.

Пулеметная очередь разорвала тишину. Глухо ухнула пушка. Снаряд пролетел, срезая ветки, в щепы разбивая стволы деревьев. Новичок подумал бы, что немцы нащупали партизан и сейчас обрушат на них огонь своих пулеметов. Но Евгений знал вражеские повадки: это фашистская колонна, войдя в лес, как всегда, была для самоуспокоения по кустам – для «профилактики»...

– Подтянуть дозоры к группе! – спокойно приказал Евгений.

Первым, как обычно, пронесся мимо танк. За ним в облаке желтой пыли шла тяжелая машина с автоматчиками. Стоя в кузове вплотную друг к другу, они били по кустам бессмысленно, без цели.

А дальше надвигались новые машины – с боеприпасами, с автоматчиками, с продовольствием.

Как бесконечно медленно тянулись секунды! Казалось, что танк уже давно миновал то место, где ночью Еременко заложил мины...

Неожиданно, хотя этого ждали все партизаны каждую секунду, взрыв потряс землю. Взорвался, наконец, головной танк. Началось!..

Немецкая колонна по инерции несется дальше. Перед засадой вырастает второй танк. Евгений, чуть приподнявшись, швыряет в него противотанковую гранату и снова припадает к земле. Танк пытается развернуться. Но гусеница разбита, и он оседает в канаву, загораживает дорогу. На него с ходу насккивает ближайшая машина и тут же вспыхивает ярким пламенем.

Летят бутылки с горючим, рвутся гранаты, не умолкая бьет наш пулемет.

На дороге мечутся тяжелые машины, давя колесами раненых немцев. Машины ищут выхода из огненного кольца. Но выхода нет. Всюду гранаты, взрывы, столбы огня, пули партизанских карабинов...

В шум боя врывается новый звук: фашистский танк, шедший в хвосте колонны, найдя сход с высокого шоссе в глубокий кювет, сумел выбраться на другую сторону и, подминая под себя деревья, рванулся по кустам в тыл партизанам. С каждой минутой он набирает скорость. Евгений в шуме боя не слышит его.

Геня – наблюдатель. Он видит, что сейчас танк прорвется через ольшаник и гусеницами раздавит Евгения и всю его группу.

Геня бросился танку наперерез.

Он бежал в открытую, не сгибаясь, не прячась.

Фашисты заметили его и послали навстречу Гене короткие пулеметные очереди. Но пули летели мимо. Чудо? Случайность? Нет, закономерность: танк продирался сквозь молодую поросль и на буграх кренился из стороны в сторону.

Геня бежал навстречу. Он был уже совсем рядом с танком.

Не спеша, как на ученье, Геня занес руку назад, швырнул противотанковую гранату и юркнул за дерево.

Громыкнул взрыв. Геня ждал... Замолчавший было танк ожил.

Короткие секунды – и дуло пулемета повернулось к Гене.

На выручку пришел Павлик: кошкой бросился он к другу, рванул его за руку, и оба упали на землю.

Первая прямая очередь пронеслась мимо.

Уловив перерыв в очередях, Павлик швырнул гранату под башню. Танк затих.

А по лесу уже неслись один за другим сигналы отхода – редкие отрывистые свистки Евгения: подошла вторая фашистская мотоколонна, и немцы огромным полукругом охватывали место боя, пытались сжать в кольцо партизан. В бой вступило ядро прикрытия.

Партизаны уже пробирались в горы по лесной тропе.

Отряд возвратился на стоянку под Крепостную. И тут только заметили, что Геня с трудом снимает плащ. Плащ был весь в крови. Елена Ивановна бросилась к сыну, сняла второпях наложенную повязку: вдоль плеча темнела рана.

Геню ранило еще до схватки с танком. Наскоро перевязав себя, он бросился в бой. Потом начался отход. Мучительно болело плечо. От потери крови кружилась голова. Но Геня никому не сказал о своей ране.

Боясь задержать товарищей, Геня шел, стиснув зубы, наравне с другими переходил реки, карабкался на кручи. И только тут, на стоянке, когда увидел мать, почувствовал, что силы иссякли...

Его поступок никого из нас не удивил, потому что в нашем отряде свято соблюдалось партизанское правило: держаться до последних сил, чтобы не обременять своей персоной товарищей, не помешать друзьям быстро и точно закончить операцию.

В этом бою был ранен не один Геня: госпиталь Елены Ивановны пополнился новыми пациентами. Правда, они пролежали на госпитальных койках одну ночь, а утром все вышли на поверку, а к Елене Ивановне стали ходить только на перевязку.

...Одна диверсия, другая, пятая – и об отряде нашем заговорили по станицам. К были, как водится, приплетали и небылицы. А почему? Потому, что богатырский народ наш знал свою силу и верил в победу настолько, что мечту и веру в воображении своем воплощал в нечто уже свершенное.

Наших разведчиков все чаще спрашивали в станицах:

– Вы побиили больше сотни немцев на шляху около Смоленской?

– Мы побиили. Только не сотню, а полсотни.

– Ой, плохо считаете, голубчики! Там этого падла штук полтора в пыли валялось. Да чьи ж вы, такие геройские?

– Мы из отряда Бати.

– А он сам из Краснодара?

На этот вопрос весь отряд до единого человека давал один и тот же ответ:

– Мы все дальние, из Роговского района.

Мне самому одна ладная казачка в Крепостной рассказывала:

– Видела я вашего Батю – ну и казак! Пудов на восемь весом будет, а ростом – куда твоя сажень...

Дошла наша слава и до немцев. Батю стали разыскивать, обещали деньги. И снова вспоминали мы дорогого всему отряду Марка Апкаровича: он создал это имя на Кубани. Ему мы были обязаны многим.

* * *

...Дорога, что идет мимо хребта Карабет, огибая гору Саб, место безлюдное и глухое: тенистые кедры спускаются по крутому ущелью, и густая ольха подходит к самой обочине.

Этот путь облюбовали немецкие разведчики. Осторожно пробираясь кустами, ходили здесь и связные партизан.

Первое время у горы Саб было мирно и спокойно. Но позже все резко изменилось: один за другим начали исчезать связные наших соседей. Их находили убитыми в ольшанике у дороги. Убийца был метким и бережливым стрелком: он поражал свою жертву первой и единственной пулей. Здесь явно орудовал матерый немецкий «охотник»-снайпер.

Его искали, пытались перехитрить, заманить в ловушку – он был неуловим.

Иногда после таких облав казалось, что фашистский снайпер прекратил «охоту». Но на следующий день у горы Саб снова раздавался одиночный выстрел – и на тропинку падал партизан, сраженный пулей в голову.

Вот Евгений и решил во что бы то ни стало выловить немецкого снайпера.

Погожим солнечным днем Евгений и Геня пошли к злополучной тропинке. Мы не зря учились ходить цепочкой: передний смотрит только под ноги, чтобы не наскочить на мину. Идущий за ним ступает смело, не глядя на землю, – его дело высматривать врага по сторонам. Следующий глядит далеко вперед...

Так шли по тропинке и мои сыны. Они прислушивались к каждому шороху. Внимательно осматривали: Геня – кусты, Евгений – деревья. Искали на тропинке хотя бы след «охотника»: пустую гильзу или отпечаток подошвы, подбитой гвоздями с широкой шляпкой, – ничего...

На тропе было тихо и безлюдно. Только где-то далеко за горным кряжем глухо ухали пушки да весело переключались в лесу голоса иволги.

Братья пошли в обратный путь той же тропой. Геня шел впереди, настороженно всматриваясь в кусты. Евгений чуть поодаль от него следил за деревьями.

Чуткое ухо Евгения уловило еле слышный шорох... В густой кроне кедра зашевелилась ветка... Появилось дуло снайперской винтовки. Оно медленно поворачивалось вслед за Геней.

Евгений мгновенно упал на колени и выстрелил по кедру.

– Что ты? – удивился Геня.

А с дерева упала оптическая винтовка. За ней медленно сползло на землю тело убитого снайпера.

* * *

Самая высокая гора в нашем районе – Афипс. За ее вершиной, лысой, как колени, лежало прекрасное высокогорное пастбище.

Взобраться на него было чрезвычайно трудно: крутизна, ущелья, глубокие расщелины. Но овладеть им казалось нам заманчивым. Эта горная неприступная крепость господствовала над дорогой, ведущей к Черному морю, в тыл нашей войсковой группировки под Новороссийском.

Агентурная разведка донесла, что немцы зарятся на лысину Афипса – хотят использовать ее для посадки транспортных самолетов и высадки воздушного десанта.

Надо было опередить их во что бы то ни стало.

С первого взгляда это казалось простым и легким: если на лысине должна быть крупная партизанская застава, то, следовательно, она будет там. Но мы дорожили каждым человеком – мы широко разворачивали диверсионную работу, и люди у нас ценились буквально на вес золота. Решено было поэтому соединить полезное с приятным: перегнать на вершину Афипса большую часть нашего стада и пастухам поручить пасти скот и охранять лысину. Пастухами на лысину были посланы: инженер Леонид Федорович Луста, токарь Алексей Иванович Припутнев и газовый мастер Ефим Федорович Луговой.

Прошло несколько дней, и с Лустой случилось несчастье: его украли с лысины Афипса.

Стоял один из тех ясных ласковых дней, когда суровая дождливая осень еще не вступила в свои права, но солнце уже не пекло, как прежде, а небо сияло по-летнему, высокое и голубое.

Было далеко за полдень. Мы сидели в столовой лагеря и обсуждали план очередной диверсии. Зазвонил телефон:

– Говорит застава... С Лустой несчастье... Сейчас у вас будет пастух, он все расскажет.

К летней столовой подбежал Припутнев.

– Батя, Лусту украли... Мы пасли скот. Ночью напали неизвестные. Человек пятнадцать. Мы с Луговым отстреливались, пока были патроны. Потом спрятались в стоге сена. Грабители схватили Лусту, – он стоял в карауле, – и вместе с ним увели девять коров. Что за люди, в темноте не разобрали. Знаю только, что говорили по-немецки и по-русски. На рассвете мы перегнали скот на базу соседнего отряда, а я поспешил сюда.

– Геня, Мусьяченко, Павлик, по коням! – сказал я. – Александру Дмитриевичу Куцу взять трёх бойцов и догонять.

К сожалению, Евгений в это время ушел на очередную разведку.

Быстрым аллюром лошади вывели нас по лесной тропе из лагеря. Впереди ехал Мусьяченко – он лучше всех знал дорогу. За ним Геня, за Геней – я, сзади нас прикрывал Павлик.

Дорога шла между купами деревьев и отвесными, обрывистыми скалами. Рядом извивался Афипс. Несколько раз пришлось переправляться вброд.

У Малых Волчьих Ворот мы попали в большую воду. Убавив рысь, вытянув вперед шеи, кони спотыкались о скользкие камни на дне реки. Но все же вынесли нас на высокий берег.

– Стой, ребята! Что за пожар? – вышли из кустов нам наперерез четыре моряка в тельняшках. Это были наши друзья – матросы-партизаны соседнего Архипо-Осиповского отряда. Они возвращались из глубокой разведки.

– Мы с вами, – заявили моряки, узнав о похищении Лусты. – Любопытно узнать, кто это добрых людей по ночам крадет? Но пеший конному не товарищ. Мы пойдем напрямик через горы, авось не опоздаем. До встречи!

Снова широкой рысью помчались наши кони. Уже осталось позади древнее черкесское кладбище, смешанный лес, и перед нами возникли Большие Волчьи Ворота.

Будто сказочный великан громадным мечом рассек надвое гору. В темном ущелье ревет Афипис. Узкая тропа – на ней не разъехаться двум всадникам – тесно жметя к отвесной скале. Над головой висят каменные глыбы. Знаменитое «пронеси, господи» Военно-Грузинской дороги в подметки не годится Большим Волчьим Воротам.

За Воротами поднимался темный лес. Я никогда не видел таких деревьев-великанов: строевые корабельные сосны нашей Центральной России рядом с ними показались бы мелкой порослью.

Дорога становится все круче. Наши усталые лошади шли шагом. Мы спешиваемся и ведем лошадей под уздцы.

Спускаются сумерки.

Неожиданно из кустов прямо на нас выскочили огромные, злые лохматые кавказские овчарки: мы добрались, наконец, до пастбища соседнего отряда.

Здесь был наш Луговой. Но рассказ его не дал нам ничего нового: все оставалось таким же загадочным и таинственным.

Мы устали. Заманчиво было бы остаться здесь, в этом шалаше, обтянутом шкурами, и уснуть у костра. Но отдыхать было рано...

Наскоро выпив по кружке горячего чая и закусив ломтями кукурузного хлеба, мы снова ушли в темноту.

Ночь стояла безлунная. Не видно было даже крупа лошади, идущей в двух шагах передо мной. Ориентировались по слуху, а под ногами – рытвины, ямы, камни, стволы упавших деревьев...

Перевалили через гору Афипис. Начинаясь спуск. Пришлось идти очень медленно.

И вот перед нами крутой, почти отвесный обрыв. Под ним пастбище, где прошлой ночью похитили Лусту. Но в эту кромешную тьму спускаться было невысказимо.

Мы решили заночевать. Легли тут же на земле, постелив одеяла и выставив караул. Меня разбудил Геня:

– Папа, вставай – светает.

Осторожно спустились с обрыва. Иногда приходилось ползти на карачках. Наши горные лошади съезжали на зад.

Наконец мы прибыли на место происшествия. Ясно видна помятая трава, но крови нет: Лусту взяли живым.

Мы долго изучали следы. Их было много на траве, на песке, на влажной глине у ручейка – отчетливые, ясные отпечатки подошв, подбитых гвоздями с широкой шляпкой.

– Немцы, – утверждал Мусьяченко.

Но у ручья следы исчезали. Будто здесь грабители поднялись на воздух, захватив с собой и Лусту и коров. Сколько мы ни лазили по кустам, вдоль ручья, у обрыва – ничего... Но Мусьяченко не отчаивался:

– Найдем. Быть того не может, чтобы следов на земле не оставили.

Поиски длились добрых полчаса. Геня волновался:

– Папа, они никуда не ушли. Они где-то здесь, в кустах...

Как бы в подтверждение его слов с обрыва скатился камень. За ним второй, третий.

Мы легли в густую, высокую траву. Неужели Геня прав и грабители тут, рядом?

Но сверху раздался знакомый треск цикады: это наши давали знать о себе. И через несколько минут на поляну спустились четверо моряков и трое партизан во главе с Куцем: они встретились за Большими Волчьими Воротами. Наши ехали верхом.

Моряки, положив на лошадей оружие и заплечные мешки, бежали рядом, держась за стремена.

Снова мы начали поиски следов. И снова – никакого результата.

– Нашел! – закричал наконец Мусьяченко.

Он стоял на берегу ручья, смотрел на еле заметные следы на песке и говорил уверенно, будто читал раскрытую книгу.

– Войдя в ручей, грабители долго шли по воде, чтобы сбить нас с толку. Здесь они вышли на берег. Их примерно человек пятнадцать. Ходить по-партизански, след в след, не умеют. Среди них идет Луста – вот отпечаток его сапог. Ступает уверенно и твердо: не ранен, значит, наш Леонид Федорович.

– Ну, теперь все в порядке! – радовался Геня.

– Не очень, – возразил ему Мусьяченко. – Эта тропа идет к Холодной Щели. Если они доберутся до нее, их оттуда не выкуришь: они перебьют нас, как куропаток. Я хорошо знаю эту проклятую Щель.

Мы посоветовались и решили: моряки идут по следам; Куц во главе трех партизан сворачивает влево, чтобы закрыть дорогу грабителям в Улановку; моя группа, справа огибая тропу, должна опередить врагов и закупорить вход в Холодную Щель.

Застоявшиеся кони с места взяли быстрым наметом. Узкая тропка то взбиралась на холмы, то круто спускалась вниз, вилась меж деревьями, временами огибала скалы.

Мы мчались около часа. Моя рыжая лошадедка вся потемнела от пота и тяжело дышала.

Наконец вырвались на открытую полянку, со всех сторон окаймленную кустами. Вдали темнел узкий вход в ущелье, заросший орешником.

– Холодная Щель! – прокричал Мусьяченко.

Мчась через поляну, я увидел, как Геня на полном скаку придержал лошадь и стал внимательно всматриваться во что-то темное на тропе: на желтом песке в открытой кобуре лежал револьвер. Я закричал:

– Ловушка, Геня! Вперед!

Геня резко бросил коня в сторону. И тут же слева, из-за камней старой черкесской крепости, загрохотали выстрелы. Пули жужжали над головой. Геня, чуть задержав лошадь, старался прикрыть меня своим телом.

Мы карьером неслись вперед. Пули жужжали по-прежнему. Враги целились только по всадникам: им нужны были наши кони.

В орешнике, на подходе к Щели, мы соскочили на землю и положили лошадей. Умные кони замерли, вытянув ноги и спрятав головы за камни. Мы легли за брюхо лошадей и по очереди отвечали на вспышки выстрелов в темных кустах на той стороне поляны.

Перестрелка длилась минут пятнадцать.

Вдруг слева вспыхнула частая ружейная стрельба. Это подошла группа Куца и, решив, очевидно, что мы попали в беду, ринулись в атаку.

Огонь становился все яростнее. Прячась за кустами, часть врагов подползала к нам все ближе и ближе. Силы были слишком неравны, чтобы принять открытый бой. Оставался один выход: попробовать перехитрить грабителей. И я приказал своим «умирать» по очереди.

Первым прекратил стрельбу Павлик. Его «труп» лежал за брюхом лошади. Но его карабин по-прежнему был обращен в сторону врага и палец на курке: Павлик не спускал глаз с кустов.

Вторым «умер» Мусьяченко, за ним – Геня, и, наконец, «умер» я.

Враги били несколько минут. Мы молчали.

Из кустов выглянули два немца и тотчас же исчезли. Потом снова вылезли и медленно, припадая к камням, направились к нам.

Мы лежали неподвижно. Только моя рыжая лошадь дрожала мелкой дрожью.

Немцы приближались. Нас отделяло от них каких-нибудь пятьдесят метров. Павлик еле заметным движением пододвинул к себе карабин...

В кустах же загремели новые выстрелы, и раздалось громкое «ура»: это вошли в бой моряки.

Немцы упали в испуге за камни. Потом один из них приподнялся, внимательно оглядел наши «трупы» и закричал своим:

– Здесь все кончено! Вперед, за мной!

Отстреливаясь, немцы выскочили из кустов. За ними бежали матросы. Левее, наперерез немцам, спешила группа Куца.

Мы же попали в тяжелое положение – стрелять нельзя: попадем в своих. Лежать «трупам» и пропускать врага в Холодную Щель – бессмысленно...

Не сговариваясь, Геня с Павликом поднялись во весь рост и бросились навстречу немцам.

– Ложись! – успел крикнуть своим Павлик, широко размахнувшись гранатой.

Появление оживших мертвецов произвело на врага ошеломляющее впечатление. На несколько секунд немцы замерли и, сбившись в кучу, стояли как вкопанные.

В их гуще разорвалась граната Павлика. За нею полетела граната Гени, потом «лимонка» Мусьяченко. Последней разорвалась моя граната.

Уцелевшие немцы бросились к кустам. Геня и Павлик били по ним из карабинов.

Только четверем немцам удалось спрятаться в кусты. Матросы, выхватив ножи, кинулись за ними...

Мусьяченко почти не ошибся, когда считал следы у ручья, – их было шестнадцать: двое предателей и четырнадцать матерых фашистов-диверсантов. Судя по найденным у них документам, они отправлены были в предгорья, чтобы перебить командование наших партизанских отрядов.

Очевидно, они предполагали обосноваться в горах надолго и решили обзавестись своим стадом. Поэтому и навели наше пастбище. Лусту же, надо думать, захватили как «языка», надеясь получить от него нужные сведения.

Но куда же они дели Лусту?

Мы внимательно осмотрели кусты, лазили по окрестным скалам, нашли своих коров (испугавшись выстрелов, они разбрелись по кустам), но Лусты не было... И спросить о нем не у кого: ни одного диверсанта не осталось в живых.

Мы решили оставить у Холодной Щели Павлика и Геню: они должны обшарить каждый кустик, но Лусту найти живым или мертвым. Сами отправились домой. И вдруг справа у скалы появилась фигура.

– Леонид Федорович! – закричал Геня.

Ребята бросились к Лусте. Он спускался к нам медленно, тяжело опираясь на плечо Павлика.

Оказывается, немцы учинили ему допрос «с пристрастием». Они старались выпытать сведения о партизанах, но ничего не добились и отложили разговор до следующего раза. А тут разгорелась схватка, немцам стало не до Лусты, и ему удалось отползти в кусты. Перепилив об острый край скалы ремни, связывавшие руки, он

освободил от ремней ноги и спрятался в глухой расщелине. Но здесь Луста потерял сознание, а придя в себя, услышал на поляне знакомые голоса...

Глава XIII

Хороша картошка под Ставрополькой: крупная, чистая, рассыпчатая! И лук хороший: фиолетовый, сладкий. А главное – вымороженными лежали картофельные поля: почти всех жителей немцы угнали в глубокий тыл. Зря гнил в земле картофель. А у нас в лагере его не было... Да и чеснок нам был необходим: Елена Ивановна не зря пугала нас цингой – она уже начала появляться в соседних отрядах...

Но горе в том, что немцы зорко берегли эту картошку: выставили караулы на картофельном поле, а рядом – дзоты. Взять ее предстояло, очевидно, с боем...

Сложная операция – заготовка картофеля в партизанских условиях. Сложная и опасная. План заготовки мы разрабатывали основательно. Прежде всего, наши разведчики выясняли, на каких участках картофель особенно хорош, где стоят немецкие караулы, как расположены дзоты, по каким направлениям возможны удары немцев и достаточно ли удобны дороги для нашего отхода.

Отряд «картофельников» разбил на три группы.

Первой группе – пулеметчикам и стрелкам – была поставлена задача залечь в засаде и взять на прицел амбразуры дзотов и пути движения немцев к картофельному полю.

Вторая группа – в нее входили гранатометчики – должна была ждать немцев непосредственно у поля.

Третья – картофелекопатели – обязана была без выстрелов снять часовых, быстро и бесшумно выкопать картофель и доставить его в условленное место.

Ночь операции выдалась на редкость удачной: не видно ни зги.

Первыми вышли гранатометчики: им предстояло пробираться в засаду кружным путем. Минут через сорок двинулись пулеметчики и стрелки. И только после этого отправились картофелекопатели.

Тишина.

Небо покрывали облака. На востоке, на изорванной по краям полосе неба, на минуту вспыхивали синие звезды и снова исчезали за тучами. Тявкала спросонья собака где-то в станице. А на широких картофельных полях стояла тишина, будто живой души вокруг не было.

Бесшумно наши сняли немецкий караул... Полчаса томительного ожидания, и Малышев, тяжело дыша, принес первый мешок картошки. За ним прибежали еще несколько человек с мешками. Причина раздобыл лук и с гордостью положил его у моих ног:

– Получайте, Батя! Не лучок – сахар!

«Еще час такой работы, и мы будем обеспечены картофелем на всю зиму», – думал я.

Но тут произошла непредвиденная заминка: немцы в неурочное время решили проверить свой караул. Из станицы вышли четверо солдат. Наша засада пропустила их, условным сигналом сообщив об этом картофелекопателям.

Это было так неожиданно, что двое из наших, перепутав, куда надо двигаться при тревоге, нос к носу столкнулись с немцами.

Короткая автоматная очередь, и четверо фашистов упали мертвыми, так и не успев сделать ни одного выстрела. Но тотчас же из левого немецкого дзота ударил пулемет. Он бил, не жалея патронов. А справа уже бежал к полю целый взвод фашистов.

Наша засада, подпустив их вплотную, швырнула гранаты, дала несколько очередей из автоматов и быстро переменяла позицию. На старом же месте тотчас с воем и скрежетом разорвалась немецкая мина. Минометы били с двух сторон. Не смолкал тяжелый пулемет. Новые группы фашистских солдат спешили к злосчастному картофельному полю.

Бой разгорался нешуточный. Уже нечего было думать о заготовке: уйти бы только.

Особенно тяжело пришлось нашим пулеметчикам: немцы нащупали их и старались взять в клещи.

Часто меняя позиции и продолжая отстреливаться, пулеметчики наши стали отходить к лесу. Им удалось даже вывести из строя вражеский пулемет. Но вокруг них по-прежнему выли и рвались мины и все теснее сжималось кольцо.

И, наконец, немцы преградили нашим отход к лесу...

Но тут фашисты допустили ошибку: группа немецких солдат, занявшая тропинку в горах, выдала себя одиночными вспышками выстрелов.

Мы неслышно подползли к ним и забросали гранатами: брешь была пробита. Наши пулеметчики быстро отошли в горы.

Кружным путем, задыхаясь под тяжестью мешков, чуть не бегом мы отступили к лесу.

В лагерь мы добрались только на рассвете.

Евфросинья Михайловна не ложилась. Она нетерпеливо выхватила у Причины мешок, развязала его и сказала огорченно:

– Одной грязи принесли...

В мешках действительно было много земли, и Причина ничего не ответил нашему шеф-повару.

На обед в тот день нам подали жареный картофель, щедро сдобренный луком.

Причина подошел к Евфросинье Михайловне и, улыбаясь, сказал:

– Вы маг и волшебник: из грязи – такое блюдо. Позвольте еще тарелочку.

Евфросинья Михайловна покраснела, на добрые глаза ее навернулись слезы. Она сказала тихо:

– Иногда такое слово вылетает, что потом всю жизнь вспоминаешь его со стыдом... Картошка эта кровью партизан полита, а я... «грязь»...

* * *

Смоленская служила теперь немцам передним краем обороны против партизан. Подступы к станице были сильно укреплены фашистами.

Но буквально в трех километрах от этого предгорного края немецкой обороны вилась замысловатая тропа, по которой под носом у немцев постоянно ходили партизаны. Тропу эту станичники называли «дорогой босяков». Правда ли, нет ли – хаживал по ней Максим Горький. Но несомненно, этой «дорогой босяков» уходили в горы от царских жандармов люди беспаспортные, свободолюбивые, преследуемые.

Как-то, возвращаясь с большой операции на коммуникациях в тылу у немцев, шли мы этой «дорогой босяков» к себе домой, в горы.

Янукевич, командир первого взвода, все разглядывал поля с кукурузой у края дороги. Потом обратился ко мне:

– Товарищ командир отряда! Хорошо бы нам и здесь заняться заготовками на зиму: наломать кукурузы у самой Смоленской и вывезти к себе в лагерь. Операция хотя и рискованная, но могла бы получиться интересной.

«Интересными» операциями я уже был сыт вполне. Но о «заготовках» мы с Мусьяченко не переставали думать. Наши соседи кировчане уже испытывали острую нужду в провианте. Немцы открыли все их базы и ограбили до грамма. Они могли найти и наши оставшиеся пока в земле базы – ни за что не поручишься на войне...

– Надо потолковать в лагере с комиссаром и с командирами, – ответил я Янукевичу.

План заготовки кукурузы вскоре был разработан, и через несколько дней мы выехали на хутор Шабанов. Он расположен у края предгорного леса, недалеко от «дороги босяков».

Разведка уже произвела осмотр местности, и Евгений, встретив меня на многогорье Ламбина, доложил:

– Хутора Шабанов и Макартет свободны от постоя немцев, их гарнизоны по-прежнему стоят в Консулове, Ново-Свободном и Алексеевской. Обстановка такая же, как мы и предполагали.

Я распределил свои силы: первый, самый сильный взвод, под командой Янукевича, залег цепями у стыка дорог Северская, Смоленская – Консулово, под самой немецкой заставой. Если немцы обнаружат нас, Янукевич даст им отпор и, отходя, предоставит нам возможность незаметно отвести в другом направлении подводы с кукурузой.

Второй взвод ломал кукурузу. Третий отвозил ее на хутор Шабанов, оттуда мы перекинем ее в лагерь.

Дозоры разведки вели наблюдение за хуторами, занятыми немцами, оберегая наш левый фланг.

Работа закипела. Все шло гладко. Дело происходило, разумеется, ночью. Мы спешили окончить операцию до рассвета.

Но уборка кукурузы – работа не легкая. Мы же решили не оставлять немцам ни одного початка – пусть злятся!

Работали, обливаясь потом, торопились, и все же рассвет застал партизан в кукурузе.

Командир второго взвода, инженер Ельников, нервничал, торопил своих людей: каждую минуту мог появиться противник.

И уже от взвода охраны ко мне подъехал с донесением старшина, присланный Янукевичем: в станице началось движение немцев.

Я приказал Ельникову немедленно загрузить последние подводы и больше не возвращать их. Янукевичу же передал: как только подводы спустятся в балку, за «дорогу босяков», пусть он начнет отходить в противоположную сторону – к многогорью Ламбина.

Едва последняя подвода выехала с места погрузки, как на дороге, со стороны Смоленской, слышались немецкие ругательства и крики избиваемых хлыстами и прикладами женщин. Гитлеровцы под конвоем гнали их на уборку этой же кукурузы.

В то же время Янукевичу, лежавшему со своим взводом в цепи, наблюдатели донесли, что справа из-за кустов появились немецкие кавалеристы...

Янукевич приказал взводу приготовиться.

Вот уже прошли казачки, сопровождаемые конвойными автоматчиками.

С другой стороны приближались всадники. Расстояние между ними и партизанами уменьшалось. Взвод выжидающе смотрел на Янукевича...

И вот рука его поднялась и резко опустилась – раздался залп карабинов, заговорили пулеметы, автоматы.

Часть всадников рухнула на землю вместе с конями. Там лошади неслись по полю без кавалеристов. Тут подстреленные кони бились на земле, придавив собою немцев.

Но кое-кто из гитлеровцев уцелел. Эти повернули лошадей и стремглав понеслись назад к станице. Там уже поднялась тревога и пальба.

Геня и Павлик лежали в дозоре. Мимо них немцы гнали казачек. Когда же раздались залпы Янукевича, конвой растерялся. Пользуясь замешательством, ребята выскочили на дорогу, схватили первого попавшегося немца-конвоира, скрутили ему руки и утащили в кусты.

Пока автоматчики конвоя оправались от неожиданности и открыли стрельбу, Геня с Павликом были уже далеко.

Они добрались до своих коней и по казачьему обычаю перекинули пленного поперек седла. Один из ребят ускакал с добычей, другой кинулся назад выполнять обязанности наблюдателя.

Позднее, на передовой стоянке, выяснилось, что захваченный ими немец – офицер хозяйственной службы горноальпийской дивизии, недавно прибывший из Германии.

Янукевич, маскируясь кустами, отходил к горам, в сторону от кукурузы.

Второму взводу я приказал прикрыть подводы. Дальней разведке – следить за флангами на случай попыток отрезать нас от гор: это был любимый прием гитлеровцев.

Едва успели партизаны выполнить мои распоряжения, как из станицы, стреляя на бегу и развертываясь в цепи, высыпало до батальона автоматчиков.

За ними спешили, разматывая кабель, связные. Одновременно из станицы по кукурузе забило до десятка минометов.

Выполняя мой приказ, второй взвод быстро отходил к «дороге босяков», чтобы занять оборону на гребне перевала перед балкой.

На первый взвод яростно напали немцы. Но Янукевич успел вовремя рассредоточить своих партизан, и это сбило с толку автоматчиков.

Мы с Евгением и с пулеметчиками третьего взвода кинулись на помощь Янукевичу.

Его взвод шел полем, поросшим кустами, и усиленно отстреливался. Изредка, когда опасность становилась угрожающей, Янукевич пускал в ход пулеметы, заставляя оккупантов ложиться на землю.

Евгений взял пулеметы у первого взвода и быстро отъехал со всеми пулеметчиками к горе Ламбина.

Отдав коня вестовому, я подошел к Янукевичу.

– Туго приходится, Виктор Иванович? Увлечлись мы кукурузой. Наводи-ка немцев скорее на ловушку, а то наши разведчики сигналият уже красной ракетой о том, что к гитлеровцам спешит подмога. Охота им отрезать нас от гор. Следи, чтобы не достался немцам никто из наших раненых или убитых.

Янукевич глазом прикинул расстояние до леса, подал команду, и взвод начал отходить еще решительнее, перебежками.

Рота егерей и группа полицаев высыпала из хутора Консулово. Видя, что партизаны вот-вот уйдут в лес, они побежали наперерез.

Не считаясь с потерями, гитлеровцы стремились отрезать взвод Янукевича от других групп партизан, чтобы окружить его и уничтожить.

Но группа дальней разведки карьером вылетела из хмеречи и заслонила собой первый взвод. Наши разведчики кубарем слетели с коней, положили их наземь и из-за

этого прикрытия открыли ожесточенный огонь. Геня и Павлик, отправив в лагерь пленного, успели примкнуть к разведчикам.

Янукевич свистком подал сигнал, и его взвод как сквозь землю провалился.

Теперь и дальние разведчики подняли лошадей и ускакали в лес...

Немцы и полицаи кинулись искать партизан, стреляя на бегу в кусты. Вот тут-то их и встретили пулеметные очереди. От неожиданности гитлеровцы кинулись кто куда. А пулеметы косили и косили их длинными очередями...

В траве, в кустах лежали убитые оккупанты. Раненые кричали, пытались уползти.

Зная, что немцы сейчас откроют ураганный огонь из станицы по пулеметчикам Евгения, я приказал всем партизанам немедленно отходить в горы.

И верно: едва мы вошли в глубь леса, над тем местом, где лежали в засаде пулеметчики, завизжали мины и засвистали снаряды. Земля вздымалась дыбом...

Вскоре гитлеровцы перенесли огонь в лес. Долго рвались снаряды, расщепляя деревья и ломая сучья. Понятно, разведчиков Евгения там давно уже не было.

Но на этом дело не кончилось.

Очевидно, немецкие наблюдатели заметили, куда скрылись последние подводы партизан. Часть батальона автоматчиков кинулась к «дороге босяков». Но там их встретил Ельников со своими партизанами.

Не буду описывать, как дрался второй взвод. Скажу только, что гитлеровцев он положил немало, сами же партизаны ушли с «дороги босяков» только тогда, когда последние подводы с кукурузой приближались уже к нашей передовой стоянке.

* * *

...Все началось с горы Вышки.

Каждое утро, на заре, на ее вершину поднимались фашистские наблюдатели. Оттуда им видно было все: поляны, предгорья, дороги, кусты. И стоило кому-нибудь из партизан появиться днем на глухой, казалось, неприметной кабаньей тропе, как по сигналу с Вышки начинали бить минометы и из ближайшей станицы мчались машины с автоматчиками.

Гора Вышка была для нас бельмом на глазу. Вот почему Евгений решил, как он говорил, «навестить» ее.

Взяв с собой Геню, двух снайперов, стрелковое прикрытие из третьего взвода и прихватив ручной пулемет Дегтярева, Евгений ночью отправился к Вышке.

К горе подошли до рассвета, залегли в кустах.

Партизанам не привыкать ждать, и они спокойно и терпеливо ждали рассвета. Поднялся и растаял туман. Из-за горы показалось солнце.

В бинокль отчетливо видно, как через кусты к Вышке идут трое фашистских наблюдателей. Вот они подошли к подножию горы и скрылись в дзоте.

Партизаны внимательно наблюдали.

Из дзота вышел фашист. Не спеша он поднялся по лестнице, остановился на краю площадки и начал, потягиваясь, зевать. Зевал долго, со вкусом. Плохо, должно быть, выспался.

Евгений передал бинокль Гене, взял снайперскую винтовку. Выстрел!

Раскинув руки, фашист сполз вниз по лестнице. К нему бросился его напарник – и упал рядом с ним. А третий забился в дзот, сидит и носа высунуть боится.

Обеспокоенные молчанием Вышки, фашисты послали к дзоту связных. Низко пригибаясь к земле, озираясь по сторонам, фашисты поднимались по тропе на гору. Но обратно никто из них не вернулся. Партизаны-снайперы били по ним без промаха.

Из станицы выехала машина с автоматчиками. Когда она проходила мимо того места, где засело наше стрелковое прикрытие, по ней из кустов в упор ударил пулемет. Машина круто повернула и ушла.

Прошло немного времени. Вдали послышался лязг гусениц – вражеская танкетка шла на партизан.

Евгений, оставив прикрытие в кустах, пополз с Геней к обочине, туда, где дорога делала крутой поворот.

Танкетка подходила все ближе и ближе... На повороте она остановилась. Евгений приник к окуляру оптической винтовки, целясь в смотровую щель водителя. Выстрел. С минуту все тихо. Потом медленно и осторожно приподнялся стальной колпак, и над люком появилось испуганное лицо фашистского солдата. Геня выстрелил из карабина – стальной колпак с шумом захлопнулся. И снова наступила тишина.

Евгений и Геня, подождав три-четыре минуты в кустах, подбежали к танкетке. Пришлось порядком повозиться, прежде чем они сумели открыть колпаки и вытащить мертвых фашистов. Геня нырнул в люк. На месте водителя он чувствовал себя как дома. Не зря, значит, мальчик изучал устройство танков! Он опробовал мотор, рычаги управления – все было в порядке.

Наконец-то сбылась его заветная мечта: у него есть настоящая боевая машина! Геня выглянул из люка.

– Товарищ командир разведки! Женя, милый! Танкетка-то наша, партизанская! Ух ты, здорово!..

Евгений посмотрел на брата, улыбнулся.

Но в ту же минуту на дороге послышался шум. Шел фашистский броневик, патрулировавший на дороге. Нужно было или уходить с остальными партизанами в горы, или... Братья посмотрели друг другу в глаза. «Бросить танкетку? Ни за что!» – говорил красноречивый взгляд Гени. И Евгений решился. Оттащил мертвых гитлеровцев в кусты и тоже залез в люк. Проверил пулемет.

– Давай, Геня, в Смоленскую! Пока броневик не подошел! Танкетка развернулась и полным ходом пошла в станицу, занятую врагом. Братья молчали. Геня целиком был поглощен стремительным движением вперед в оглушительном лязге и грохоте. Благополучно миновали заставу. Остановились недалеко от крыльца штаба.

Геня посмотрел на брата и дал продолжительный сигнал. Из дверей выскочили фашистские офицеры. Евгений помедлил несколько секунд: пусть побольше соберется фашистов! И вот заговорил пулемет. Послышались дикие крики. Гитлеровцы заматались, бросились в разные стороны, некоторых пули настигали на бегу.

Из окна штаба кто-то бросил гранату, не причинившую танкетке вреда. Пули цокали о броню танкетки. Евгений полоснул пулеметной очередью и скомандовал:

– Геня! Полный вперед!

И танкетка рванулась с места, помчалась по улицам, поливая из пулемета вражеских солдат и офицеров. Уже видна околица. Сейчас Геня вырвется из станицы на дорогу, свернет в кусты – ищи ветра в поле! Но из заставы длинной очередью ударил тяжелый фашистский пулемет. Бронебойная пуля пробила бак. Появился огонь. От едкого дыма перехватило дыхание. Геня увеличил скорость до предела: может быть, ветер собьет пламя. Но пламя разгоралось!

– Стоп, Геня! – приказал Евгений.

Открыв люки, братья выпрыгнули из танкетки. Оба задыхались. Генина куртка обгорела.

– Скорей, Геня, скорей! – торопил Евгений.

А Геня все оглядывался назад. На дороге пылала танкетка! Слезы обиды катились у него из глаз...

* * *

Завладели мы и пустовавшими помещениями лесозавода на Планческой Поляне. Здесь мы развернули наш производственный комбинат: механическая мастерская, столярная, кузница, пекарня, сапожная мастерская. Комендантом Планческой я назначил Слащева.

Наш отряд славился гостеприимством: любое количество партизан-соседей могло прийти к нам на ночевку. Мы их кормили досыта в течение суток. Мало того, сапожная мастерская инженера Бибикова, «главного сапожника» и человека нежной души, установила такую традицию: каждому гостю нашему за ночь чинили обувь, приводили в порядок оружие, одежду.

Но... гостей мы к себе пускали только на Планческую. Ни один посторонний человек не знал нашего зимнего лагеря на горе Стрепет.

Помимо этих двух стоянок была у нас еще третья, на хуторе Красном. Елена Ивановна в пустовавшей большой хате колхозной бригады разместила госпиталь. Он обслуживал всех партизан округа, потому и находился не на «нашей» территории.

* * *

Лусте положительно «везло»: на лысину Афиписа снова явились незваные гости.

По рассказу Лусты, дело было так.

В жаркий полдень, когда коровы лежали в тени под деревьями, а недалеко от них вытянулся в траве Луста, раздался в кустах шорох.

На поляну вышел неизвестный. Сбоку у него висел парабеллум, на шее бинокль, на поясе две гранаты, за спиной короткий немецкий карабин, в руках «лейка». Словом, типичный «интурист».

Неизвестный не заметил ни коров, ни Лусты. Выходя на поляну, он оглянулся и несколько раз щелкнул фотоаппаратом. Вслед за этим из кустов появились еще двое: они были снаряжены так же, как и первый.

Теперь Лусте стало ясно, что это за птицы. Он весь насторожился, но одновременно в нем нарастало и хорошее боевое озорство: не всегда же, черт возьми, враги будут меня воровать – однажды попробую быть вором и я! К тому же одному вступать с троими в бой было бессмысленно. Луста решил заманить врагов к старикам, что вместе с ним пасут наш скот. Оставив в кустах винтовку, сняв с себя все, что может выдать в нем партизана, Луста смело вышел к пришельцам – будь что будет.

Встреча получилась на редкость дружеская – взаимные приветствия, тактичные расспросы: незнакомцы спрашивали о партизанах, Луста – о дороге в Смоленскую.

К сожалению, пришельцы не могли показать дороги в станицу. Но и Луста ровно ничего не знал о партизанах: он шел издалека, очевидно, заблудился, хотел бы поскорей добраться до места и очень голоден. Он рад, что встретил добрых людей: здесь на поляне он видел двух стариков, они пасут скот. Один он не решился подойти к ним: кто знает, что это за люди? Но вчетвером не страшно, тем более что старики как будто собираются обедать...

Незнакомцы оказались недоверчивыми. Пошептавшись, они решили: Луста поведет одного из них к старикам, а двое останутся ждать.

На худой конец и это было неплохо.

Лу́ста повел своего спутника кружным путем, нарочно громко рассказывая ему всякие небылицы о своих злоключениях в дороге. Но спутник был неразговорчив, и Лу́ста начал насвистывать марш из «Веселых ребят». У него была договоренность со стариками: этот марш – сигнал об опасности.

Старики радушно встретили гостей.

Ну, конечно, они готовы были все рассказать о партизанах. Но уж таков горный обычай: надо сначала накормить гостей, а потом говорить о деле.

Вначале незнакомец держался настороженно. Но старики так гостеприимно возились с котелками у костра, что он успокоился.

Лу́ста вызвался пригласить остальных.

– Передай им, что их зовет Иван, – сказал незнакомец.

И вот у костра сидят уже трое пришельцев. Старики угощали их кашей, чаем, кукурузным хлебом. Шла обычная неторопливая беседа о погоде, о трудном пути, об урожае.

Лу́ста незаметно поднялся и стал за спиной «Ивана». Старики, продолжая угощать дорогих гостей, заняли такие же позиции за двумя другими «Иванами». В руках старики держали сучковатые пастушьи палки.

Лу́ста наотмашь ударил «гостя» по голове. То же проделал и один из стариков. Два «гостя» беззвучно упали у костра.

Но у второго старика случилась заминка. То ли он промахнулся, то ли голова у третьего «Ивана» оказалась слишком крепкой, но тот повалил старика и схватил за горло. Только удар Лусты заставил его быть более послушным... Этих-то троих «гостей» со скрученными назад руками и привел Лу́ста к нам на Планческую. Всю ночь мы возились с ними: обыскивали, проявляли пленки их фотоаппаратов, допрашивали.

Они оказались немцами-диверсантами, прошедшими специальную школу. Наша агентурная разведка не ошиблась: их послали на лысину Афипса разведать посадочную площадку для воздушного десанта.

«Гости» были слишком крупными персонами для нас, партизан. Мы решили немедленно переправить их через линию фронта в разведывательный отдел ближайшей дивизии. Нужно было организовать на пастбище сводный караул партизанских отрядов.

Лысину Афипса партизаны не имели права потерять...

* * *

Однажды мы с Павликом пробирались с Планческой в лагерь.

Так же пел Афипс у наших ног и нес золотую листву.

Нам не захотелось переходить вброд, и мы решили обойти перекат козьей тропкой.

Круто свернув влево, карабкались через бурелом по взгорью.

Отвесная скала нависала над рекой. Под скалою темнел глубокий омут. У подножия – нагромождение камней.

Пришлось, как козам, прыгать с камня на камень: я – впереди, Павлик – в нескольких шагах сзади.

Стало темнеть. От реки потянуло сыростью. Поднялся ветер. Он дул с моря, предвещая завтра дождь.

Неожиданно спереди раздался выстрел. За ним – автоматная очередь.

Я прижался к камням, вскинул автомат, осторожно выглянул: из автомата бил Павлик по кустам на скале.

В кустах что-то зашуршало, и тотчас, ударяясь о выступы камней, упал в реку карабин. За ним вниз головой сползало тело человека – руки беспомощно раскинулись.

Оно упало рядом со мной. Я пытался схватить его, но труп скользнул вниз и исчез в омуте. На камнях осталось только бурое кровавое пятно. Ко мне подбежал Павлик. Он был очень возбужден и говорил быстро:

– Вы, Батя, в сорочке родились: опоздай я ударить на долю секунды, плавать бы вам в реке – он целился в вас... Но там еще кто-то. Не шевелитесь.

Павлик пополз на скалу. Ему приходилось сгибаться в три погибели, прячась за кусты, но он был ловок и силен, полз все выше и выше, пока не скрылся за большим камнем на вершине.

Я не мог оставить его одного с глазу на глаз с опасностью и тоже пополз.

Скала оказалась очень крутой. В кровь царапая руки об острые камни, я еле добрался доверху.

И тотчас услышал в кустах у глубокой расщелины глухой шум борьбы. Враг ухитрился схватить Павлика за горло. Собрав последние силы, Павлик ударил его головой о камень.

Враг потерял сознание. Я брызнул ему в лицо из фляжки. Веки его задрожали, медленно раскрылись глаза. Он ничего не понимал. Потом взгляделся в меня и проговорил со злобой:

– Батя?..

Павлик скрутил ему руки за спиной, и мы погнали его на Планческую: идти в лагерь было поздно.

Ползая у нас в ногах, вымаливая жизнь, пойманный нами предатель сознался, что его завербовали в Краснодаре и отправили в предгорья с приказом живым или мертвым доставить Батю. Без Бати не возвращаться.

Он и не вернулся: его поставили у ямы от корневища поваленного бурей дуба и расстреляли.

Глава XIV

Связных из Краснодара давно не было. Тускнели день ото дня глаза Евгения. Он перестал говорить о своей дочери. Я знал: это означает, что он все чаще думает о ней.

Тоскою веяло от Еременко. Мягкий, благожелательный ко всем, он тоже никому не навязывал своих переживаний и не говорил о своем сыне, но с фотографией его не расставался.

Кириченко, наш нелюдимый Кириченко просился в разведку в станицы:

– Хоть на чужих детишек люблюсь...

Все чаще пел по вечерам грустные песни Мусьяченко: «А молодость не вернется, нет, не вернется никогда...»

Да, всех не перечислить. Из каждых десяти партизан девять жили в тревоге: «Что там, в Краснодаре, с моей семьей?..»

Я посоветовался с комиссаром и с Сафроновым, у которого тоже оставались в Краснодаре дети, и мы решили отправить туда связных.

Но без пропусков в Краснодар пройти никто не мог. Пропуска же должны были быть с печатью и подписью станичного атамана. Атаман жил на далеких Мианцеровских хуторах...

Мы долго думали, как добыть эти пропуска, прикидывали так и этак и ничего придумать не могли.

Случайно, прибежав навестить мать, Геня познакомился в ее «госпитале» с молодым пареньком, партизаном соседнего отряда: он был тяжело ранен, Елена Ивановна спасла ему жизнь, и он теперь души в ней не чаял.

Ребята разговорились. Оказалось, парень был родом из Мианцеровских хуторов, на хуторах жил его дед, старый кузнец Супрун, и парень не знал, как передать деду весточку о себе.

Геня прибежал ко мне с сияющими глазами.

– Папа, я достану пропуска, настоящие – с печатью и подписью атамана!

И Геня рассказал мне свой план...

На другой день в сумерки Геня пришел к деду Супруну. Старый кузнец встретил его сурово.

– Зачем к ночи пожаловал, казак? Сознаться, кем подослан?

Геня передал ему привет от внука: рассказал, что тот жив, что вчера уже начал ходить и дней через десять думает сам поехать к деде.

Старика будто подменили: от радости он не знал, куда усадить Геню. Будучи от природы человеком замкнутым и молчаливым, здесь Супрун засыпал гостя вопросами. Ему нужно было узнать все сразу: и зачем немцы врут, будто взяли Москву, и долго ли еще будут катюги хозяйничать на Кубани, и какая сила у партизан – выдюжат ли против врага?

Они проговорили всю ночь, до вторых петухов.

Рано утром, когда первые дымки показались над трубами хат, по хутору медленно шел дед Супрун. Он заходил из хаты в хату, не минуя никого из своих старых товарищей, таких же, как он, седобородых казаков. Не спеша, обстоятельно говорил с каждым и шел дальше. Внимательно слушали старики деда: был кузнец самым почетным казаком на хуторах и уж если говорил слово, то каждый знал – слово это не зряшное.

После обеда к канцелярии атамана потянулись старики. Первым вошел к атаману кузнец.

– Месяц назад ты говорил, атаман, что немцы приказывают везти в Краснодар продукты на базар. Тогда боязно нам было, не знали, что к чему. А теперь поговорили мы меж собою и решили съездить в город кой-что продать. Так уж будь добр – выдай нам пропуска и удостоверения напиши, что мы с хуторов, чтобы все было по закону...

Атаман воспрянул духом: уж если сам дед Супрун, этот своенравный, упрямый старик, собрался ехать в Краснодар, то за ним потянется весь хутор.

Атаман начал подписывать пропуска.

На следующий день старики честь-честью выехали в Краснодар... Но у второго перекрестка они заворачивали своих коней к хате бригадира полевого стана. Хата стояла в такой гуще фруктовых деревьев, что ее и видно не было.

Там стариков ждал кузнец. Они отдавали ему атамановы пропуска и удостоверения.

– Получай, Супрун. Только на какого батька лысого понадобились тебе эти окаянные бумажки?

– Вот что, казаки. Вы знаете меня не один десяток лет и можете поверить на слово: на хорошее, святое дело пойдут эти бумажки. А на какое такое дело – разъяснить пока не могу. И не потому, что не верю вам, а потому, что сказано еще нашими дедами: «кто молчит, тот двух научит». И вы знай свое – молчите. Перебудьте здесь денька два-три – и по домам. Были, дескать, в городе, базаровали и – точка. Ну, а продукты... продукты нашим партизанам подарим. Как ваша думка на этот счет, станичники?..

Через день Геня принес мне десять пропусков. А к Мианцеровским хуторам я отправил лошадей за подарками, собранными дедом Супруном.

* * *

Перед станицей Дербентской гряды тянутся невысокие горки. Здесь, на очищенных от кустов полянах, ровными рядами росла кукуруза. За ней тянулись густые виноградники. А за виноградниками – остатки деревянных вышек Калужских нефтяных промыслов.

Промыслы не работали. Но агентурщики Евгения донесли, что громадный бак и земляные амбары, замаскированные зеленью, полны нефтью. Евгений принялся за разработку плана диверсии: с боем прорваться к промыслам было невозможно – немцы выдвинули свои передовые караулы далеко к горам, нефтяные хранилища были огорожены проволокой, в дзотах стояли тяжелые пулеметы и легкая полевая артиллерия.

Было бы самым простым сообщить координаты амбаров и бака нашей авиации. Но на ближайшем участке фронта шли в эти дни горячие бои – через передовую линию не пробраться.

Евгений решил, что нам надо действовать самостоятельно. В тихий вечерний час, когда наши слушали радио, он позвал к себе Марию Янукевич. Они сели вдвоем под чинарой. Но через минуту Мария вскочила как ужаленная.

Я наблюдал за ними издали. Все шло, как обычно: по своевольному характеру своему Мария сначала отвергает предложение – потому и вскочила; затем берет перевес непреклонный характер Евгения – и вот он усадил Муру на место: положил ей руку на плечо, с тихой улыбкой убеждает ее долго и спокойно; наконец наступила третья стадия – Мария приняла предложение, теперь она увлечена им, взмахивает руками, говорит быстро, смеется.

Вдвоем они подошли ко мне. Евгений сказал:

– Товарищ командир отряда, разрешите Марии Янукевич отправиться к Дербентке на выполнение задания...

Она с детства говорила по-немецки, как по-русски: окончила в Риге немецкую школу. К тому же в Дербентке у Муры нашлись «родственники». Недавно она познакомилась с Анной Васильевной, женой партизана из отряда «Игл», работавшей на промыслах. У Анны Васильевны была падчерица; последние годы она почти безвыездно жила в Краснодаре, лишь изредка, да и то на короткое время, приезжая проведать отца в Дербентку. Мура чем-то напоминала эту девушку – овалом лица, голосом, фигурой, и теперь в Дербентке она легко сошла за падчерицу Анны Васильевны.

Мура устроилась переводчицей в группе женщин, работавших на очистке земляных амбаров, и быстро вошла в доверие к немцам: она была исполнительная и аккуратная, ласково улыбалась господину лейтенанту и почти каждое утро приносила на промыслы корзины сочного винограда и угощала немецких автоматчиков.

Так продолжалось несколько дней, пока Мура не выведала, что со дня на день немцы начнут вывозить нефть из амбаров.

Через агентурщиков она дала знать Евгению: пора действовать.

Литвинов и Ветлугин принялись срочно изготавливать кислотные мины. Ночь напролет сидели они вдвоем, рассчитывали, мастерили, спорили. Через день Павлик принес маленькие ящички на квартиру Анны Васильевны. А Мура уже горячо уговаривала немецкого лейтенанта, что следовало бы завтра же организовать сбор

винограда: ее мачеха научит солдат готовить вкусное молодое вино, да и виноград начинает уже перезревать...

На следующий день к вечеру лейтенант отправил к виноградникам группу румынских солдат. Они несли большие корзины. Их сопровождали немецкие автоматчики во главе с толстым обер-ефрейтором.

Сборщики, передав оружие автоматчикам, старательно наполняли и свои желудки, и корзины. У автоматчиков тоже разыгрался аппетит. Они сложили оружие в кучу и, оставив около нее двух часовых, отправились лакомиться виноградом.

К часовым подползли двое наших партизан. Рывком они подскочили к часовым и всадили им под ложечку ножи. Часовые беззвучно упали на землю.

А в это время группа наших под командою Ломакина незаметно окружала румын и немцев. Раздался треск цикады, и на безоружных солдат из-за виноградных лоз уставились вдруг дула винтовок.

– Halt! Hende hoch! [1 - «Стой! Руки вверх!» – нем.]

Румыны подчинились мгновенно. У обер-ефрейтора так и осталась поднятой в руке тяжелая виноградная гроздь.

Ломакин увел румын и немцев в горы. А Мура была уже на промыслах. Она только что принесла от Анны Васильевны две большие корзины с виноградом и удивленно допытывалась у лейтенанта, куда делись сборщики винограда: уже темнеет, а их все еще нет...

Лейтенант и сам не на шутку встревожился и послал на виноградники новую группу автоматчиков. Как только они ушли, на промыслах стало почти безлюдно.

Мура тотчас отправилась потчевать караул у вышек. Она была здесь уже своим человеком. К тому же на этот раз и виноград у нее был поистине отменным. Мура весело болтала с часовыми.

Особенную приветливость проявила она к часовым, что стояли у бака и нефтяных амбаров.

Пока немцы лакомились виноградом, Мария вынула со дна корзины маленькие ящички и незаметно сунула их в отверстия земляных амбаров. У нефтяного бака, под лопухами, она оставила большой сверток.

Спустилась ночь. Когда на небе зажглись первые звезды, Мура с Анной Васильевной ушли с промыслов.

Вскоре им пришлось бежать во всю прыть: сзади уже грохотали взрывы. Громадный огненный столб вздымался к небу...

Три дня горели нефтяные промыслы, подожженные Марией, и над Дербенткой стояло огненное зарево...

* * *

Агентурная разведка донесла, что немцы сооружают дзоты по хребту горы Пшеда. Как расположены они, много ли их и какова их мощь, никто толком не знал.

Необходимо было разведать эти дзоты, нанести их на карту и сделать соответствующие выводы.

В нашем отряде почти все были заняты на операциях. На разведку отправилось человек двенадцать из соседнего, Павловского отряда. Повел их Евгений. Но где Евгений, там и Геня. В числе павловских партизан был молодой паренек Виталий, ровесник моего Гени и его большой приятель.

Мы долго обсуждали маршрут.

Первый вариант: свободный от немцев далекий обходный путь по горным кручам. Но Иван Тихонович, павловский партизан, местный старожил и страстный охотник на кабанов, предупредил нас, что путь этот невероятно тяжел: крутые, почти отвесные подъемы, ущелья, пропасти. Это даже не дорога, а козьи тропы; по ним с трудом пройдет самый опытный охотник.

Второй вариант был несравнимо легче, но опаснее: пробираться буквально под самым носом у немцев.

Мы остановились на втором. И разведчики ушли. На этот раз я отпустил Геню с тревогой: задание было не для пылких юношей.

Прошел день и второй – о моих разведчиках ни слуху ни духу... Тревогу свою я держал про себя. Нарочно не ходил на Планческую, чтобы Елена Ивановна не знала, куда ушли ребята.

На третий день за мною по пятам стал ходить Мусьяченко. Я видел: он болел душою за меня. Но мы уважали друг друга, и пустых слов утешения Мусьяченко не говорил.

Разведчики вернулись на шестой день.

Вероятно, я первым заметил вдали фигуры своих сыновей и третью – Виталия. Впрочем, его и Геню издали было не различить: сходство у них было разительное.

Разведчиков трудно было узнать: обросшие, исцарапанные, в рваной одежде, с провалившимися, воспаленными глазами.

И только вечером, когда они немного отдохнули, Евгений сел рядом со мной и рассказал.

...Ночью группа павловцев подошла к хуторам и притаилась в кустах.

Было темным-темно. Небо закрыли облака. Но с вечера лягушки устроили такой концерт, что сомнений не было: день будет погожий. А это означало, что надо спешить – луна могла сорвать операцию.

Вперед ползли двое: Иван Тихонович и Геня. Они крались вдоль плетней, пробирались огородами, огибая немецкие караулы.

Неожиданно растягвалась собака, и тут же, совсем рядом, слышались шаги. Прошел патруль – крайний фашист чуть не наступил на Геню. И снова все затихло.

Разведчики ползли дальше. Они попали на скошенный луг и обрадовались: где-то близко должен быть стог.

Первым на него наткнулся Иван Тихонович и криком цикады позвал к себе Геню.

Они разломали несколько патронов, сделали пороховую дорожку, подожгли ее и отскочили в кусты.

Стог вспыхнул. На хуторе поднялась тревога – немцы тащили воду, жерди, вилы и рыскали по кустам, ища поджигателей. Напрасно: те уже обходили хутор с противоположной стороны. Группа шла спокойно: внимание немцев было отвлечено горящим стогом сена.

К утру группа подошла к хребту Пшеда и снова залегла в кустах. И здесь, в этом густом кустарнике, произошла неожиданная встреча: наш дозор обнаружил группу партизан еще одного соседнего отряда: они пришли сюда, чтобы ночью захватить «языка».

Решено было действовать вместе.

В полдень Евгений с Иваном Тихоновичем выползли на опушку: где-то здесь должны были находиться таинственные дзоты...

Лягушки не обманули: стоял жаркий солнечный день. Впереди в мареве расстилалась степь. В бинокль были видны белые хаты хуторов, тополя. Чуть в стороне стояла гряда невысоких зеленых холмов. Но никаких признаков дзотов не было. Бинокль переходил из рук в руки.

– Зря прогулялись, Иван Тихонович! – сказал Евгений. – Ровнехонько ничего...

– А мне что-то эти холмики не нравятся... – отвечал тот. – С чего они такие зеленые, как на троицу?..

Евгений еще раз осмотрел холмы. Ничего подозрительного: кусты орешника, высокая трава, полевые цветы. Правда, кусты растут густо. Но почему, собственно, они должны расти редко?

– Не бывает так на самом деле, Евгений Петрович. Не бывает. Гляньте на тот куст, что стоит слева, – он пожелтел раньше срока.

Куст действительно высох. Но разве это что-нибудь доказывало?

– Мало ли почему он мог пожелтеть, Иван Тихонович...

– И я про то же говорю: мало ли почему желтеют кусты. Взять хотя бы такой случай: пересадили его неудачно, вот он и пожелтел.

Целый час разведчики не спускали глаз с холмов. Но холмы были безлюдны – ни дымка, ни человека.

– А все-таки, Евгений Петрович, хочется мне своими руками пощупать тот желтый куст.

Евгений не спорил: порешили ночью разведать холмы.

План операции был простым.

Холмы лежали подковой, обращенной своим створом к горам. Евгений возьмет с собой Геню и группу ребят из Павловского отряда, тоже десятиклассников. Они должны были вползти внутрь подковы и бросить гранату. Если холмы оживут и дзоты окажутся недостаточно сильными, уничтожить их собственными силами. Если же штука серьезная, не ввязываясь в драку, отойти и сообщить куда следует.

Иван Тихонович со своей группой должен прикрывать отход. Отряд наших соседей обогнет на всякий случай холмы: если понадобится, он ударит с тыла.

Все это надо было проделать до восхода луны.

Вечером первыми ушли в обход холмов наши соседи. Минут через сорок тронулся Евгений.

Ночь стояла темная, но контуры холмов все же были видны. Евгений со своими ребятами пробрался внутрь подковы.

Было тихо, безветренно. «Нет, – думал Евгений, – Иван Тихонович ошибся – холмы явно пусты...»

И вдруг совсем рядом раздался громкий испуганный окрик:

– Halt! [2 – «Стой!» – нем.]

Грохнул выстрел. За ним – второй, третий. Справа затрещал пулемет. Ему вторили слева еще два. В довершение всего взвилась в небо ракета – стало светло, как днем.

Евгений с ребяташками прижались к земле: хорошо еще, что трава здесь стояла некошенная.

Пулеметы продолжали бить. И одна за другой в небо взвивались ракеты.

Нечего было и думать штурмовать дзоты – как бы ноги унести!.. Но и уйти нелегко: пули не давали даже головы поднять. Особенно безумствовали пулеметы, что стояли в дзотах по краям подковы: они закрывали выход из западни.

Геня подполз к правому пулемету, пользуясь короткими мгновениями кромешной тьмы между вспышками ракет, и швырнул гранату.

Пулемет замолк. Почти одновременно грохнул взрыв слева: это Иван Тихонович пытался пробить дорогу Евгению.

В ответ на взрывы тотчас же ожили новые огневые точки немцев. Теперь уже строчил добрый десяток пулеметов и даже ударили сорокасемимиллиметровые пушки.

Евгений с ребятами оказались в огненном мешке. Сейчас поднимется луна, и немцы перебьют их... Хорошо еще, что соседи, обошедшие подкову, не ввязываются в бой: хоть они уйдут незаметно.

Пулеметы неистовствовали. Рядом с Евгением громко вскрикнул Сидоренко – голубоглазый веселый мальчонка, – вскрикнул и затих...

А ракеты все рвались и рвались в темном небе и ослепительным светом заливали проклятые эти холмы.

Жить осталось недолго. Геня подполз к Евгению, ошупью разыскал его руку, пожал крепко и так остался лежать рядом с братом.

И вдруг – как? почему? – и поныне осталось неизвестным – стрельба стала затихать. Последний раз взвилась ракета в небо. Последний раз тьякнул дежурный пулемет. И все...

Медлить нельзя было ни секунды. Пусть эта тишина – ловушка, но надо было попытаться вырваться из мешка.

Евгений с ребятами ползли обратно. Как трудно было тащить труп Сидоренко! Но таков закон в отряде: не оставлять врагу даже трупа товарища.

Евгений каждую минуту ждал какого-нибудь сюрприза. Но дзоты молчали.

И, наконец, створ проклятой подковы остался позади.

Надо было спешно уходить. Возвращаться старой дорогой – нечего и думать. Оставался путь только через горы.

Финскими ножами разведчики вырыли могилу для Сидоренко и молча закопали товарища.

Поднималась луна. Нужно было торопиться. Группа цепочкой ушла в горы.

Иван Тихонович мрачно молчал: он-то знал, каким тяжелым будет их путь по козьим тропам...

Описывать этот путь Евгений не брался. Он только сказал, что они устали, что им казалось, нет большего счастья, как лечь навзничь и лежать недвижимо, вытянув тяжелые, как свинец, ноги и широко раскинув натруженные руки...

Они шли высоко по горам. Многим этот путь оказался не по силам. Пришлось спуститься ниже, на пологий склон, и лечь здесь, на невысокой горке, среди лесной поляны. Вокруг стояли старые разлапистые сосны. Внизу ласково пела река.

Люди спали мертвым сном. На высокой столетней сосне сидел Геня. Перед ним как на ладони, далеко, до самого края небес, лежала его родная кубанская земля. Белыми пятнами виднелись станицы в гущине садов. Над ними, как острые казацкие пики, поднимались в горячее небо пирамидальные тополя. И все это трепетало в знойном мареве.

Всю дорогу Геня держался молодцом. Но здесь усталость взяла свое. На минуту бы уснуть... Но спать нельзя: внизу, у реки, могут оказаться немецкие солдаты, и Евгений строго-настроено приказал смотреть и слушать.

Было очень жарко. Пересыхало горло. Болели глаза от бессонницы и от этого неумолимого солнца. Болело все тело. Особенно ноги: их никак не удавалось вытянуть на этой проклятой сосне...

Геня сел поудобнее, обнял корявый сук, прислонился к стволу и... задремал.

Неожиданно над головой застрекотала и захлопала крыльями сойка. Пересела еще выше и снова тревожно застрекотала.

Геня насторожился...

Нет, вокруг было тихо. Пела река.

Но непоседливая сойка снова застрекотала...

И Геня увидел: на той стороне поляны зашевелился куст шиповника... Отодвинулась ветка, и в густой сочной траве появился немец...

Геня осторожно поднял карабин, положил дуло на сук, поймал на мушку врага и тут же опустил карабин: нельзя стрелять. Надо ждать...

Немец до пояса высунулся из куста, осмотрел поляну. Снизу он не мог заметить партизан.

Он смотрел минуту-другую и подал знак. На поляну выползли пятеро фашистов.

Дальше медлить было нельзя. Геня спустился с сосны и, крадучись по траве, пополз к своим.

– Женя, на поляне немцы...

– Буди всех. Тихо. И – в цепь...

Партизаны лежали в траве. Справа, чуть поодаль от них, за стволом древней сосны расположился Евгений. Он приготовил гранаты, вложил в них запалы, вынул из сумки запасной диск для автомата.

Один за другим выползали немцы из кустов. Их уже было около ста. Пригнувшись к траве, они медленно шли широким полукругом, цепляя небольшую горку, на которой лежали партизаны.

Наши ждали. Немцы подбирались все ближе. Нервы напряглись до предела. Уже кое-кто нетерпеливо оглядывался на Евгения: когда же наконец?!

Евгений поднял автомат – это было условным знаком, – ружейный залп разорвал тишину.

Немцы откатились. В траве, в кустах шиповника страшным криком кричали раненые.

Немцы, получив подкрепление, предприняли новую атаку и снова потерпели неудачу.

На этот раз они молчали около часа. Молчала и горка. Вздрагивали кусты. Ящерицами ползали фашистские санитары, оттаскивая своих раненых.

Пусть тащат – горка молчала.

Прошел еще один томительный час, длинный, как день. Птицы успокоились. Все было тихо. И сойка не стрекотала.

Но опять появились немцы на поляне. Теперь они шли спокойно, во весь рост: решили, что партизан больше нет, ушли в горы.

Залп хлестнул по немецкой цепи, и фашисты в панике побежали к кустам. И опять кричали раненые в траве.

Неожиданно справа ударили сразу два пулемета. Они били длинными очередями по горке, срезая пулями пушистые метелки трав. Застонал первый раненый: ему пробило плечо. Пули свистели над самой головой. Еще на несколько миллиметров опустит пулеметчик ствол и, как ножом, срежет партизанскую цепь.

– Геня, бери троих – и к пулеметам! – приказал Евгений.

Мальчик отполз в сторону. За ним цепочкой ползли двое его одноклассников и третий – Виталий. Они нырнули в низкие кусты шиповника. Колючие шипы вонзались в тело, рвали одежду, мешали ползти. Острые камни сменили шиповник, потом начались какие-то непролазные кусты и, наконец, густая трава.

А пулеметы продолжали бить по горке. Ребята спешили.

До вражеских пулеметов оставалось шагов тридцать, когда они дружно вскочили и бросили гранаты. Четыре взрыва слились в один. Пулеметы замерли.

Ребята быстро отползали. Наперерез им уже бежала группа немецких автоматчиков. Но тут снова ожила горка: массированным огнем Евгений прикрывал отход смельчаков...

Наступал вечер. Догорала заря. Плавилась в лучах вечернего солнца стволы сосен. Стояла тишина. Но немцы были здесь, рядом. Широкой подковой залегли они вокруг лесной поляны и прижали партизан к горам.

– Только человек, хорошо знающий кавказские предгорья, мог подсказать им этот план, – прошептал Евгению Иван Тихонович.

Партизаны были истомлены тяжелым переходом. У них не осталось сил карабкаться по козьим тропкам, по этому дикому нагромождению скал и ущелий. Немцы отрезали партизан от единственной удобной дороги по склону горного кряжа и преградили им доступ к реке.

Разведчики были в мешке. И выхода из этого мешка найти не могли...

Третьи сутки лежали они без воды.

Все так же в мареве стояли далекие хутора. Пела река под горой. И от этого тихого журчания путались мысли и еще мучительнее, еще острее жгла жажда. Казалось, только несколько капель воды, и тело снова станет сильным и можно будет уйти из этой страшной западни.

Но воды не было; два раза пытались смельчаки спускаться к реке: пулеметные очереди накрывали их у самых кустов. И, как проклятие, стояли лунные и светлые ночи.

Люди недвижно лежали под соснами и слушали, как поет внизу река...

Утром Евгений нашел в дупле старой лиственницы лужицу затхлой, темно-коричневой воды. Он намочил в ней платок и дал раненым несколько капель. Вода пахла гнилью, но раненые ловили каждую каплю.

Люди лежали недвижно и смотрели, как ползут по синему небу легкие белые облака. Хотя бы дождь, маленький короткий дождь... Но дождя не было.

Пересохло горло. Даже шепотом сказанное слово вызывало острую, режущую боль. Мутился рассудок. Некоторые начали бредить. А река все пела и пела...

– Иду, Евгений Петрович. Лучше от пули умереть, чем так мучиться...

Иван Тихонович надел на пояс несколько фляжек.

– Я возьму с собой Николая – мы с ним вместе лет десять на кабанов ходили. Авось...

Расчет у Ивана Тихоновича был простой: после полудня, отобедав, немцы, разморенные едой и солнцем, едва ли станут зорко охранять подступы к реке.

С края поляны Евгений видел, как ползли к воде охотники. Они достигли уже середины пути. Оставалось каких-нибудь сто метров до кустов у реки.

Люди на поляне замерли. Ждали, нервничали.

– Евгений Петрович, как?

– Ползут, ползут...

С Николаем случилась какая-то заминка... Иван Тихонович возвращается... Минуту, две он лежит рядом с Николаем... Потом уползает один... Николай остался: выбился из сил... Или, может быть, у них родился новый план...

– Ну, как наши?

– Скоро будет вода.

– Скорее бы...

Иван Тихонович исчез в кустах у реки. Сейчас он набирает воду...

Но снова раздалась автоматная очередь. Трое немцев выскочили из густой травы и побежали туда, где скрылся в кустах Иван Тихонович.

Евгений вскинул винтовку, и передний немец упал. Но тотчас же по горке начали бить пулеметы.

Евгений прижался к земле. Жужжали пули, не давали поднять голову. В короткий перерыв между двумя очередями донеслись глухая возня у реки, голоса и крики.

Когда пулеметы, наконец, смолкли и Евгений смог поднять голову, он увидел охотников уже вдали. Николай еле передвигал ноги. Немцы подгоняли его прикладом. Он упал. Потом снова поднялся и, хромя, побрел по лугу вслед за Иваном Тихоновичем... Прощайте, боевые друзья...

Евгений возвратился к своим. Его ни о чем не спросили: прочли все в его глазах...

Спустился вечер. Над рекой поднялся туман.

– Я пойду, Женя. Возьму с собой Виталия и пойду.

Геня держался лучше всех, только глаза ввалились да растрескались от жажды губы. На них запеклась горькая кровь.

В распоряжении Виталия и Гени был один короткий час: от захода солнца до восхода луны.

В этот час немцы бывали особенно бдительными. Но что еще могли придумать партизаны?.. Если ребята не добудут воды, надо уходить в горы: быть может, кто-нибудь и сумеет добраться до лагеря. Лучше смерть в горах, чем здесь, в мышеловке...

Евгений ждал...

И вдруг в той стороне, куда ушли Виталий с Геней, взвыли мины.

Конец...

Надо было спасать тех, кого еще можно поднять...

В глазах у многих застыло безразличие. Они двигались, как автоматы. «Что, если сейчас немцы бросятся в атаку? – думал с ужасом Евгений. – И неужели эти измученные люди смогут пройти тяжелый путь по горам?»

Стрельба затихла. Где-то в лесу незнакомо крикнула ночная птица.

Сигнал?

Нет, ждать помощи неоткуда было.

И снова наступила тишина. Только река пела под горой...

Опять раздалась автоматная очередь. Потом вторая, третья. И неожиданно прозвучали сухие выстрелы партизанского карабина.

Так, значит, Геня и Виталий были живы.

Выстрелы уходили все дальше и дальше от поляны и замерли в горах.

Люди ждали...

Евгений лежал и слушал.

Полная луна поднялась над горой, мертвый свет ее лег на темные вершины деревьев.

Вдруг хрустнула сухая ветка. За камнем мелькнула тень и пропала.

Немцы!

Евгений вынул гранату.

– Ползи к нашим, – шепнул он партизану, лежавшему рядом, – пусть рассыпятся цепью. Но до моей гранаты – ни звука.

И здесь раздался еле слышный треск цикады – такой родной. Нет, это галлюцинация, бред. Надо во что бы то ни стало вывести обреченных людей, спасти...

Снова затрещала цикада, на этот раз настойчивее, словно требовала ответа.

И Евгений ответил.

Кусты у камня раздвинулись. Залитый лунным светом, вырос Геня.

– Прости, Женя, заблудились мы, когда от немцев отстреливались. Получайте.

Он протянул флягу с водой. За ним стоял Виталий. Оба были мокрые с головы до ног: не утерпели – выкупались. На поясах у обоих висели полные фляги.

Каждому партизану Евгений дал всего по несколько скупых глотков. Но свершилось чудо: люди ожили на глазах. Будто и не было этих страшных, мучительных дней без воды, без надежды...

Теперь они снова могли уйти в горы. И пусть сияет луна – она больше никого не страшила.

Евгений так и не смог связно рассказать, как шли они по горам. Он помнил только крутые, почти отвесные подъемы, горячее солнце, затхлую воду в дуплах, гибель товарища, сорвавшегося в пропасть, и радость, когда он понял, наконец, что лагерь близко.

– Обедать, Евгений Петрович, обедать, дорогой! – хлопотала Евфросинья Михайловна. – Но вы не сердитесь, много я вам не дам: вредно сразу. Зато завтра...

– Иду, Евфросинья Михайловна. Только пришлите ко мне связного...

Евгений тут же отослал в штаб донесение с координатами немецких дзотов.

А назавтра, когда он выспался и отдохнул, мы заговорили о новых планах.

– Пора, папа, переходить на железную дорогу – рвать поезда. В штабе куста я как-то намекнул об этом. Отнеслись холодно: до сих пор, говорят, на Кубани не было еще ни одной железнодорожной диверсии. Я не настаивал. Но когда мы умирали в горах от жажды, я лежал и думал: неужели погибну здесь, не выполнив своей мечты?.. И там я поклялся, если выживу, на Кубани первый фашистский поезд взлетит на партизанской, совершенной автоматической mine. Конструкция этой мины нам пока не дается. Но мы своего добьемся, сконструируем ее! И будем рвать поезда... Нам многое дано: образование, опыт, доверие. И когда кончится война, народ и партия спросят у нас: почему вы, инженеры, не сумели бить немцев сотнями? В самый трудный момент не сумели использовать свои знания?

Здесь, в предгорьях, мы обязаны организовать миннодиверсионную школу. Соседние отряды с радостью пошлют в нее своих лучших партизан. Мы будем читать им лекции, проведем с ними учебную практику на специальном минодроме, возьмем их на наши очередные диверсии. Они вернуться в свои отряды опытными минерами. И на горных и степных дорогах, в лиманах взлетят на воздух поезда, запылают взорванные танки, рухнут мосты, погибнут тысячи фашистов.

Начать обязаны мы – инженеры-партизаны. Это наш долг. И мы его выполним, клянусь тебе, папа. Дай только справиться нам с новой миной, разработать методику железнодорожных диверсий и, наперекор всему, в тылу у немцев будет работать наш «минный партизанский вуз»...

Евгений замолк, молчал и я, боясь спугнуть то чувство высокого вдохновения, каким был полон сын.

В стороне, подталкивая друг друга, топтались Геня и Виталий.

– Тебе что-нибудь нужно, Геня? – спросил я.

Смущаясь, он ответил:

– Может быть, ты дашь мне какое-нибудь поручение на Планческую, папа?.. Когда мы умирали от жажды, я так хотел еще раз в жизни увидеть тебя и маму...

Я чувствовал, что голос у меня дрогнет, если я отвечу мальчику: «Иди без поручений».

– Разрешите и мне пойти, – попросил Виталий.

С младенческих лет Виталия воспитывали чужие люди. Одна сердобольная старуха передавала его другой: «Корми теперь ты, я год кормила». С горькой улыбкой он говорил о себе словами Лермонтова: «Я никому не мог сказать священных слов: отец и мать...»

Его прислали к нам из соседнего отряда связным. Он очень привязался к нашей семье, Геня и Евгений стали для него братьями.

Я сказал мальчишкам строго:

– Стали вы бродягами, хлопцы. Повидайте мать и сейчас же возвращайтесь в лагерь.

Через три дня мы получили от командования куста партизанских отрядов радиограмму:

«Указанные вами огневые точки («подкова») авиация разбомбила, их больше не существует. Примите глубокую благодарность от командования».

Пришло и второе радостное известие: Иван Тихонович и Николай были живы.

Они спаслись чудом.

Их привели в станицу и заперли в старый сарай...

Вечером в соседнюю хату немцы притащили девушку-партизанку: ее поймали у околицы. Начался допрос. Иван Тихонович слышал все до последнего слова: в стенах сарая зияли щели, а дверь в хату была открыта.

Девушка молчала. Ее били шомполами, ломали руки, жгли железом. Девушка не проронила ни слова.

Около полуночи допрос кончился. Девушку куда-то увели. В хате началась попойка.

Прислонившись к стене сарая, Николай почувствовал, что одна из нижних пластин шатается. Целый час трудились партизаны, но пластину все-таки вытащили. Вылезли в дыру. Часового не было: то ли он пьянствовал вместе с другими, то ли просто отлучился на минуточку.

Как выбрались охотники из станицы, уму непостижимо. Три дня плутали, наткнулись на партизанскую разведку и добрались к своим.

Обо всем этом было рассказано в письме Ивана Тихоновича, которое он прислал Евгению. В конце стояла приписка:

«Я не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу за молодую казачку. Зову вас, Евгений Петрович: будем мстить вместе».

С посыльным, доставившим письмо, Евгений послал коротенькую записку:

«Счастлив, что вы живы, Иван Тихонович. Мстить будем вместе».

Глава XV

Неожиданно суждено было скоро сбыться мечте Евгения – мы получили секретный приказ от командования куста партизанских отрядов: выйти в тыл станицы Смоленской на дорогу Смоленская – Георгие-Афипская – Ново-Дмитриевская –

Северская, заминировать три моста и на обратном пути осмотреть мост на дороге Северская – Смоленская, минирование которого поручено смольчанам, и произвести обычную разведку до Георгие-Афипской.

Это была наша первая крупная миннодиверсионная операция на шоссе. Мы приготовились к ней без спешки, тщательно разработали маршрут, распределили роли. Минирование было поручено второму взводу под командованием Ветлугина, охрана поручалась первому взводу во главе с Янукевичем.

Проверив снаряжение каждого партизана, мы отправились через Крепостную и Топчиеву Щель на гору Ламбина.

Путь оказался очень тяжелым. Лямки рюкзаков резали плечи. Нагрузка была солидная: продукты на пять дней, запас патронов по сто штук на человека, гранаты, ящики с противотанковыми минами, карабины, пулемет РПД с дисками и всякая мелочь: ножи, фляги с водой.

Шли, как всегда, цепочкой. Головную часть разведки вел Евгений. В походе строго-настрого было запрещено говорить даже шепотом. О куреве не могло быть и речи. Вначале шли густым лесом вдоль Афипса, потом – по тропе через глушняк.

В сумерки выбрались к пересохшему руслу какой-то речушки, нашли поляну с большой лужей воды, поужинали, не разводя огня, и по взводам расположились на ночевку.

В тот вечер нам казалось, что ноги у нас откажутся служить. Но утром мы снова пустились в путь... Самый жестокий бой вымотал бы нас меньше, чем это восхождение на гору Ламбина с тяжелыми рюкзаками на спине. Шли мы и Топчиевой Щелью – глубоким, метров двести, ущельем, таким узким, что даже двум человекам в нем не разойтись. Перебирались через огромные камни и коряги, ползли под стволами сваленных бурей деревьев. И все это – на крутом подъеме.

К концу пути многие шатались, как пьяные. Не только ноги подгибались, но дрожали руки и ныло все тело.

А отдых предстоял ничтожный: наутро была назначена операция.

Едва забрезжил рассвет, мы были на ногах.

С горы Ламбина спускались медленно: вокруг были немцы, мы же сюда попали впервые. Ориентироваться пришлось по карте и по компасу, изредка влезали на деревья и проверяли направление.

Около трех часов дня мы подошли к мостам и залегли в кусты: день для партизанской работы – неподходящее время.

К минированию приступили около полуночи.

Я чувствовал себя беспокойно: можно ли было положиться на минеров, которые до такой степени вымотаны дорогой? Но минирование прошло блестяще: четко, бесшумно, быстро. Уж на что был строг и придирчив Геронтий Николаевич, но и он, проверив мины, признал, что работа выполнена безукоризненно.

Теперь оставалось ждать и отдыхать. Ночь была темная, мы отползли от места диверсии далеко в кусты.

На рассвете показалась на шоссе тяжелая семитонная машина с немецкими автоматчиками.

В волнении следили за ней в бинокли. Она казалась маленькой, почти игрушечной, наполненной крошечными солдатами.

С наблюдательного пункта мост был отчетливо виден: около него стоял старый бук, расщепленный молнией, а перед ним рос густой кустарник, закрывавший шоссе.

Машина скрылась за кустами. По расчетам, она должна была пройти их в несколько секунд. Но время тянулось бесконечно медленно. Казалось, прошла минута, другая... Машина не появлялась.

Какие только мысли не приходили в голову! Быть может, ночью мы обронули что-нибудь у подхода к мосту, немцы заметили и остановили машину. Сейчас они обнаружат мину, обезвредят ее...

Но вот машина снова на шоссе. Она взбежала на мост, и кверху взвился без шума столб пламени, земли, взлетели части моста и машины. Через несколько секунд докатился и глухой раскатистый гул.

Еще не успел рассеяться дым от взрыва моста и первой машины, как взлетел на воздух второй мост вместе с грузовиком. Фашистские автоматчики падали на землю, как падают осенью груши с деревьев. Те, кто чудом уцелел, бросились в кусты. Мы их не добивали: это не входило в задачу группы.

В Смоленской и Ново-Дмитриевской поднялась тревога. Уже слышен был шум моторов, идущих на помощь машин.

Наши тотчас отошли к горам.

Примерно через полчаса раздался третий взрыв. Его несколько раз повторили горы – звук его был как-то особенно высок и резок. Это взорвалась бронемашина с третьим мостом...

Возвращаясь обратно, минеры Ветлугина осмотрели мост на дороге Смоленская – Северская. Смольчане сплеховали: взрывы пощипали только крайние балки.

Но Ветлугину удалось исправить ошибку: наши минировали мост вторично. И после полудня на нем взорвался фашистский броневик, мост снесло начисто.

Результат диверсии был неплохим: четыре взорванных моста, четыре машины и шестьдесят убитых немцев. Раненых сосчитать не удалось. У партизан же потерь не было.

* * *

А через несколько дней Евгений вышел ночью из лагеря на новую диверсию. Он взял с собой шестерых партизан и Дакса.

Группа держала путь в глубину гор, где на далеком высокогорном шоссе стоял мост – крутая каменная арка, переброшенная через глубокое ущелье. Агентурная разведка накануне донесла, что по шоссе через мост должны пройти горноегерские части фашистов. Они двигались к Черному морю.

Как всегда, партизаны шли цепочкой. Впереди наши следопыты и охотники – два брата Мартыненко.

Светало. Залитый солнцем, вставал впереди крутой горный кряж. Туман полз из ущелий. Внизу редела и клекотала река.

Сергей Мартыненко остановился и поднял руку. Партизаны припали к земле. Евгений еле сдерживал Дакса.

Мартыненко вскинул ружье. Выстрел повторило гулкое эхо.

Дакс сорвался с места и стрелой полетел вниз, где по ущелью несло стадо диких свиней. Сзади бежал молодой кабан, оставляя за собой кровавый след. Дакс бросился ему на загривок.

Ревущий серый клубок катался по траве. Кровавая пена била из пасти раненого зверя. Он был еще силен. Он пытался вырваться, клыками пропороть Дакса. Но Дакс мертвой хваткой вцепился в кабана.

Подоспел Сергей Мартыненко. Улучив момент, он по самую рукоятку вонзил нож в грудь зверя. Кабан замер.

Охотники освежевали добычу и подвесили тушу высоко на дерево, чтобы ее не сожрали дикие звери, надеясь на обратном пути снять тушу и отнести в лагерь.

С каждым часом путь становился труднее. Давно осталась в стороне тропа. Теперь уже вел группу к перевалу Карпов, прекрасно знающий горы.

Люди цеплялись за кусты, за ветви деревьев. Подтягивали друг друга за руки. Отдыхать приходилось через каждые сто метров. На коротких привалах Евгений неизменно торопил:

– Пошли, товарищи. Быстро!

До вершины хребта оставалось всего сто пятьдесят метров. Но полтора часа карабкались люди по этим последним отвесным каменным плитам, вонзая в расщелины финские ножи и подтягивая друг друга на веревках.

Подъем кончился. Внизу диким нагромождением скал лежал Кавказ. На юго-западе блестели на солнце снеговые вершины. А где-то там, далеко на севере, в туманной дымке лежал родной Краснодар...

Люди, связанные друг с другом длинной веревкой, ползли по камням перевала. Даже мох не рос здесь. Лежали только вековые голые плиты, отполированные дождями и ветром. Они были скользкими, и их острые гребни резали ноги. Внизу чернел провал ущелья.

Дакс жалобно взвизгивал и жался к ногам Евгения. На привалах он смотрел на хозяина умными печальными глазами и виновато лизал руку.

Четыре часа длился этот тяжелый путь по гребню перевала. У Гени начала ныть недавняя рана на спине: лямки заплечного мешка со взрывчаткой, продовольствием и патронами врезались в тело. Стали такими тяжелыми гранаты на поясе!.. Во рту пересохло. Ноги горели, как обожженные. Но он не мог, не смел отставать: он сам упросил брата взять его в горы. И когда Евгений тревожно оглядывался на Геню, тот мужественно улыбался.

Спуск оказался тяжелее подъема. В сумерках трудно было найти опору для ног. Когда на веревках спустились чуть пониже, стало легче: помогали оголенные корни деревьев; как змеи, они вились в расщелинах скал.

И, наконец, побежала вниз довольно ровная горная дорожка. Здесь можно было отдохнуть полчасика, прежде чем снова двигаться в путь.

Наступила ночь. Где-то совсем рядом шумела горная речушка.

Неожиданно Дакс остановился и тихо зарычал. Густая шерсть на спине поднялась дыбом.

Евгений приказал Карпову разузнать, в чем дело... Но не прошел Карпов и пятидесяти метров, как справа грохнул выстрел. Пламя, вырвавшееся из дула винтовки, на секунду осветило кучу поваленных бурей деревьев – вокруг стало еще темнее.

Евгений оттянул группу назад. Карпов и братья Мартыненко бесшумно уползли в темноту.

Дакс нервничал.

Прошел час. В кустах раздался треск цикады: это возвращались разведчики.

– Впереди по нашему пути, у края дороги, стоит шалаш, покрытый землей, – шепотом доложил Евгению младший Мартыненко. – У шалаша семь-восемь человек.

Что за люди, в темноте разобрать не удалось. Надо думать, сторожевая застава у перевала.

Нельзя поднимать шум, когда так близка цель: ночная суматоха могла бы вспугнуть немецкий караул у моста и охрану в ауле.

– Карпов, ведите в обход! – приказал Евгений.

Только на рассвете партизаны вышли на дорогу. Из-за далеких хребтов ослепительно брызнуло им навстречу солнце. Уже доносились из аула, по ту сторону горы, невнятные голоса и лай собак.

На день надо было скрыться – как сквозь землю провалиться.

В стороне от дороги стояли густые заросли держидерева. Лучшее пристанище трудно было бы найти. Даже кавказская овчарка не посмеет забраться туда: при малейшем движении острые шипы колючек глубоко вонзаются в тело...

Прорубив топориками узкий проход, группа расположилась на отдых в густых зарослях. Геня лежал в дозоре. Карпов и братья Мартыненко ушли в разведку.

Вернулись они только ночью. Карпов доложил:

– Мост совсем рядом. Дорога подходящая. Встретил пастуха. Тот рассказал, что немцы не пропустили сегодня стадо через мост, а вчера еще пропускали. Пастух утверждает, что не сегодня-завтра по мосту пройдут крупные мотомехчасти немцев. Явились мы, значит, вовремя. Только бы не опоздать...

Группа вышла из зарослей. С высокого обрыва смутно видна была каменная арка моста и крутой поворот шоссе у выступа горы.

По эту сторону арки, около поста с «грибком» от дождя, ходили двое часовых. Они делали десять медленных шагов в одну сторону, так же медленно поворачивались и шли назад...

По другую сторону арки стояла казарма караула. Вероятно, оттуда на фоне серой скалы видны черные силуэты часовых у «грибка».

Над ущельем, на изорванной по краям полосе неба, сверкали синие звезды. Из темноты леса доносился унылый крик совы. А внизу, под мостом, шумела и клокотала река. Она с ревом неслась по каменным перекатам...

– Карпову и братьям Мартыненко снять часовых! – приказал Евгений. – Но так, чтобы для караула по ту сторону моста часовые оставались живы всю ночь. Понятно? Как только часовые исчезнут, обоим Мартыненко приступить к минированию моста. Недриге, Козмину и тебе, Геня, заложить мины на шоссе.

Три тени скользнули по обрыву и замерли у арки моста.

Томительно тянулись минуты...

Наконец часовые подошли к «грибку».

Рывком Сергей и Данила бросились на них. Левой рукой крепко зажали рот. Правая рука привычным движением вонзила финский нож под ложечку – так братья-охотники уже не раз в своей жизни добивали зверя.

Часовые осели на землю. Сдернув с них шинели, Мартыненко сбросили трупы с обрыва. Рокот реки заглушил шум падения...

Теперь Карпов в немецкой шинели, с винтовкой в руках медленно прогуливался у поста. Вторая же шинель висела на перекладине «грибка», и ночной ветер чуть колебал ее полы.

Сергей и Данила быстро заложили мины в начале каменного настила моста и внизу, у основания арки.

Через полчаса к мосту подполз Евгений: проверил работу. Мины были заложены правильно, соединены детонирующим шнуром, тщательно замаскированы. Сделано все чисто и аккуратно.

На шоссе заложили три мины. Но четвертая, самая большая, та, которую нужно было заложить у крайнего выступа дороги, далась нелегко. Обливаясь потом, Геня долбил ножом крепкий камень. К нему на помощь пришли братья Мартыненко. Но у Гени уже все было готово. Он отполз в дозор.

Через несколько минут заворчал Дакс. И почти тотчас же раздался треск цикады: Геня предупреждал об опасности.

Это два фашиста, горные егеря, шли по шоссе.

Евгений приказал Недриге и Козмину приготовиться. Остальные отползли в сторону.

Повторилось то же, что было у «грибка»: левая рука партизана зажала рот оккупанту, правая вонзила нож. Трупы полетели вниз.

Вся группа, прячась в кустах, быстро поднялась на скалу. С нее днем будут отчетливо видны крутой поворот шоссе, мост, казарма караула...

С рассветом внизу началась суматоха: исчезли часовые. Только на перекладине «грибка» висели их серо-зеленые шинели...

Пропавших искали на шоссе, на склоне обрыва – и, разумеется, не нашли: река уже давно унесла их трупы.

Наконец поиски прекратились. Новые часовые шагали, боязливо оглядываясь по сторонам. Но никому из фашистов не пришло в голову осмотреть мост и дорогу: они были убеждены, что в их горное гнездо не могут пробраться партизаны, да тем более минеры.

Наши ждали. Геня потом рассказывал, что от скуки он повторял алгебраические формулы: я уже замечал, что мальчик скучает по школе...

Но вот из-за поворота на шоссе медленно выползла арба, запряженная парой буйволов. Невозмутимые, равнодушные ко всему на свете, буйволы подходили к месту, где Геня заложил свою мину.

У Гени захватило дыхание: неужели эта проклятая арба раньше времени подорвет его мину? Да ведь на нее ушла добрая половина тола, принесенного всей группой!..

Ох, пронесло!

Так же неторопливо, не обращая внимания на погонщика, что сидел на дышле и бил их длинной хворостиной, буйволы взошли на мост и скрылись за поворотом по ту сторону каменной арки.

Только через два часа на шоссе раздалась долгожданная гудки. Колонна грузовых машин, наполненных немецкими горными егерями, появилась за выступом горы.

– Приготовиться! – приказывает Евгений.

Головная машина въехала на мост. Сейчас она взлетит на воздух...

Но машина благополучно прошла над миной.

Будто по команде, партизаны обернулись к Евгению. Он лежал бледный как полотно...

И тут взрыв потряс воздух. Это задний скат головной машины взорвал мину на мосту. Полетели вверх камни свода и парапета моста, егеря, железо, доски кузова. Колонна затормозила, и машины сбились кучей у взорванной арки. И лишь отставшая задняя машина, догоняя своих, все еще спешила к мосту.

На полном ходу она подошла к крутому выступу на шоссе, обогнула его и со страшным грохотом полетела с обрыва. С ней вместе сполз вниз выступ скалы и участок дороги перед ним.

Почти одновременно там, где сгрудились машины, взорвались одна за другой последние три мины. Они сбросили грузовики в пропасть.

Уцелевшие егеря метались по шоссе, пытаясь спастись от партизан в кустах у обрыва. Но партизаны били их на выбор. Егеря падали в пропасть, разбиваясь на острых камнях.

Геня был уже на шоссе. Лежа за камнем, он с малой дистанции расстреливал фашистов. А с вершины скалы длинными очередями били Евгений и Карпов, уничтожая фашистский караул по ту сторону моста.

Через несколько минут все было кончено. Мост взорван. На шоссе обрушился выступ скалы. У моста лежали трупы, исковерканные машины, груды камня.

Евгений подал сигнал отхода: в соседнем селении поднялась тревога, и вдоль по шоссе начал бить фашистский пулемет.

Старой дорогой, через перевалы, через горные кручи, сбивая в кровь ноги на острых скользких камнях, возвращалась в лагерь цепочка минеров-диверсантов. Теперь им было идти легче. А сзади высоко в небо поднимался густой черный дым. Это пастух, приятель Карпова, сдержал свое слово и в суматохе поджег казарму горных егерей и дом коменданта в ауле...

* * *

Вернулся с этой операции Женя возбужденный и веселый. Я давно не видел его таким. Обнял меня за плечи и, сияя своими синими глазами, сказал:

– Мечта сбывается, папа. Как хорошо жить, когда чувствуешь, что правда за тобой...

Это было в летнем еще лагере, у горы Стрепет. А наутро Женя заболел: высокая температура, головная боль...

Елена Ивановна заставляла его принимать какие-то порошки. Евфросинья Михайловна хлопотала над обедом.

Евгений сразу осунулся и побледнел. Но удержать его в постели было невозможно.

– Потом отлежусь, мамочка. Сейчас нельзя – время уж очень горячее!.. – Ему нужно было отправить своих разведчиков на новые задания.

Поздно вечером мы собрались всей семьей. Спать не хотелось. Даже больной Евгений вышел послушать тишину ночи.

Лагерь спал. Беззвучно стояли часовые в кустах. Из глубины гор долетали неясные ночные шорохи.

Уже пришел октябрь. Правда, был он в том году теплым и ясным, но от лесов уже веяло увяданием.

Ветер разорвал тучи, прогнал их на запад к морю. Над нами была чистая полоса неба. Она походила на синюю реку, иплыли в ее гладких волнах яркие звезды.

– В такую ночь хочется мечтать, Женя, – тихо проговорил Геня. – Вначале мне казалось, что стыдно мечтать сейчас, когда люди сражаются и умирают. А потом я заметил, что мечтают все: и Геронтий Николаевич, и Мусьяченко, и Сафронов, и даже, знаешь, Кириченко мечтает. И все об одном и том же: как они будут хорошо жить и работать, когда мы победим.

Евгений спросил:

– Это они тебе сами рассказали?

– А как же! – удивился Геня. – Они только не признаются, что это – мечта.

– Формулы не нашли, – усмехнулся Женя.

– Можно и без формулы. Результат один и тот же: чем больше все мечтают, тем злее дерутся, потому что каждый знает: мечта воплотится в жизнь только после победы.

Евгений поежился – вероятно, его знобило. Геня вскочил, побежал в наш домик, принес ватник и накинул его на плечи Евгения.

– Спасибо, братишка... Что же ты умолк, не журчишь больше? Расскажи, о чем мечтаешь ты сам. О целой стае голубей, которых разведешь после войны?

– С голубями кончено, – сказал Геня строго. – Мне нужно скорее стать инженером. Таким, как ты, Женя: все уметь и все знать. Я сконструирую машину. Вездеход. Он будет похож на громадную авиационную бомбу: весь из сверхтвердой стали и небьющегося стекла. Его колеса будут автоматически убираться в кузов, как у теперешних бомбардировщиков, и так же автоматически будут выползать из его тела широкие крылья... По земле он будет ходить, как автомобиль, в воде он будет подводной лодкой, в воздухе – самолетом. Но самое главное, Женя, мой вездеход будет путешествовать под землей...

– А вот как ты этого достигнешь – не представляю... – уже совсем серьезно сказал Евгений.

– Теоретически здесь нет ровно ничего невозможного, – увлеченно продолжал Геня. – Ведь существуют же щиты у московских метростроевцев, которые прогрызают землю. Ведь давным-давно известны буровые инструменты. Так почему же не может быть вездеход, у которого впереди будет мощный бур? Может, конечно! И будет, непременно будет.

Одним словом, я полечу со своим вездеходом на Дальний Восток. У Якутска я спущусь под землю и возьму курс на северо-восток. Я пройду под Верхоянским хребтом, я перережу под землей Юкагирское плато и выйду на поверхность у бухты Провидения.

В моем вездеходе будет окно из бронированного стекла. Над ним – мощный прожектор. Я сяду у окна и увижу все, что лежит в земле: каменный уголь, железную руду, медь, серебро и золотые жилы – все клады. Особым прибором я засеку их координаты и, вернувшись в Москву, положу на стол точную подземную карту. И ты понимаешь, Женя, какой богатой, какой могучей станет наша страна! На Дальний Восток придут горняки добывать уголь, железо, золото, серебро, а мой вездеход уже будет искать новые клады в Таджикистане... Но ты смеешься надо мной, Женя?

– Нет, я не смеюсь, братишка. Я радуюсь за тебя. Ты прав: чем жарче мечтаешь, тем злее дерешься. Я тоже мечтаю, Геня. Только более скромно, чем ты: я мечтаю только о победе. О победе с большой буквы – над фашизмом во всем мире. Над империализмом. О такой победе, после которой уже никогда не вспыхнет война на земле. Чтобы каждый человек – черной, белой, желтой расы – знал, что ему и маленьким детям его не грозит больше опасность быть уничтоженными человекоподобным зверем. Что не упадет ни-ког-да больше бомба на мирное жилище тружеников.

Вот и вся мечта. Я не уеду, как мечтаешь уехать ты, из моей родной Кубани: я слишком люблю ее землю, ее небо, ее людей. После победы мы вернемся в Краснодар. Меня встретят Маша, дочка. Я снова буду работать на комбинате. У меня много замыслов, Геня. Некоторые из них еще очень сыры. Но это ничего: после войны мы будем так жадны к творческой работе, и у нас такие люди.

Будет расти моя Инка, она станет ботаником. Обязательно ботаником. Отправится в далекое путешествие и привезет замечательные растения. Дочь будет скрещивать сильное со слабым, нежное с выносливым и получать новые виды – стойкие, плодоносные, красивые. И наша Кубань станет благоуханным садом. Здесь, в горах, я понял, как прекрасна дикая природа Кавказа. И я хотел бы, чтобы уголок этой кавказской глухомани моя дочь перенесла в Краснодар. Пусть сталь и мрамор колонн будут увиты хмелем и плющом, в скверах буйно растут кусты орешника. А среди моря невиданных цветов, выращенных Инкой, будут стоять памятники не только вождям и прославленным воинам, но и лучшим механикам, бетонщикам, рыбакам, садоводам и, может быть, даже литературным героям – тому же Павлу Корчагину, Ниловне Горького и нашему славному запорожскому казаку Тарасу Бульбе.

Я знаю, без человека нет прекрасного ни в голубом небе, ни в полете птиц, ни в буйном весеннем цветении сада – во всем, что называется жизнью. После войны и победы мы вернемся домой, переполненные жаждой творческой работы, святым чувством товарищества, большой человеческой теплотой. И с большим правом, чем когда бы то ни было, мы скажем словами Горького: «Превосходная должность – быть на земле человеком!» Вот все мои мечты, Геня...

Елена Ивановна обняла сыновей.

– Сознайся, мама, ты ведь тоже мечтаешь.

– Ну, конечно, мечтаю... Я мечтаю, что Геня повезет меня под землей к бухте Провидения. Обрато мы полетим с ним домой над Невьянском, Сталинградом, Доном, и я снова еще раз вспомню всю свою жизнь. А потом я буду сидеть старушкой у себя в Краснодаре, у памятника Тарасу Бульбе, нянчить твоих, Геня, и Жениных ребятшек...

– Почему же только наших, а Валентина?

Елена Ивановна молчала. Руки ее тяжело упали вдоль бедер. Всем нам стало не по себе.

– Мне не придется нянчить ребят Валентина, – проговорила Елена Ивановна очень спокойно. – Валентин погиб... За день до нашего ухода из Краснодара боец из части, которой командовал Валя, рассказал о его гибели. По ту сторону Керченского пролива он прикрывал своим пулеметом отход наших. Разорвалась мина. Валя упал. Унести его было уже невозможно. К нему подбежали немцы. Вот все, что известно о Валентине.

О Валентине мы больше не говорили. Так сидели молча, в ряд, плечо к плечу. Теперь нас, Игнатовых, на одного человека стало меньше.

Геня нашел в темноте мою руку, сжал ее. Пожатием этим он и утешил меня, и говорил о своей боли.

– Становится сыро, – сказала Елена Ивановна, поднимаясь, – пойдете, ребята, спать.

Она уснула сразу. Я не спал, старался думать об очередных делах. Сыновья лежали тихо и, казалось мне, спали. Но вот заворочался Геня.

– Ты не спишь, Женя?

– Нет.

– Знаешь, Женя, что я хочу тебе предложить?..

– Слушаю тебя. Только тише.

– Женя, не ходи больше в разведку. Я вместо тебя буду ходить.

– Почему?

– А ты работай над миной! – И снова, как в тот раз, шепот Гени прерывист и страстен. – Мину нужно сконструировать немедленно. А ты – все в разведке. И Ветлугин на операциях. Я буду ходить. Надо же, наконец, сконструировать...

Женя молчит. Потом говорит:

– Хорошо. Я никуда не пойду, пока не сконструируем.

На этом разговор окончился. В нем не были произнесены слова «мать» и «Валентин». Но говорили братья о большой мести за погибшего брата.

* * *

Который день сидели Евгений, Кириченко, Ветлугин и Еременко под густым разлапистым ясенем: проверяли чертежи и расчеты. Рядом с Евгением неизменно лежал Дакс. Положив морду на вытянутые вперед лапы, он смотрел столь умными глазами на хозяина, что казалось, пес все понимает.

Друзья спорили о нагрузке, передаваемой паровозом через рельс, о законах вибрации, о коэффициенте трения и о минимальной закраине между минным зарядом и башмаком рельса.

На траве была разостлана плащ-палатка. По плащу разбросаны схемы, химические формулы, сложные технические расчеты, написанные на листках, вырванных из ученической тетради. Убрать бы на минуту ясень, Дакса и часового, что стоял чуть поодаль в кустах, или закрыть бы глаза и только слушать, – все это скорее походило бы на техническое совещание инженеров в научном институте, чем на собрание партизан в дикой глуши кавказских предгорий.

Речь шла все о том же: о мощной, усовершенствованной железнодорожной mine. Она была, наконец, сконструирована Евгением, Кириченко и Ветлугиным.

Это «волчий фугас», сочетание тола и противотанковой гранаты. В ней не было никаких веревочек. И ее должен был рвать не минер, а сам паровоз. И в то же время бронедрезина, обычно пускаемая немцами в разведку перед поездом, по расчетам, пройдет благополучно над миной. Весь секрет – в тяжести, передаваемой через рельс на минный заряд...

Впрочем, пока все это оставалось только теорией; поэтому Евгений и проверял так придирчиво каждый расчет, каждую схему: малейшая ошибка может сорвать всю операцию.

Речь же шла о первой на Кубани минной железнодорожной диверсии.

Донесения агентурной разведки упорно говорили, что на станцию Георгие-Афипская немцы пригнали добрые две трети подвижного состава с дороги Краснодар – Новороссийск и сосредоточили здесь тяжелые автомашины. В ближайшие дни они собирались начать крупные перевозки к Черному морю – под Новороссийском шли горячие бои.

Мы запросили командование о разрешении взорвать поезд на участке Северская – Георгие-Афипская, одновременно минировать шоссе и профилированную дорогу, идущие параллельно железнодорожному полотну. Этим хотя и на время, но зато основательно и прочно мы закупорили бы фашистам путь к Новороссийску.

С минуты на минуту мы ждали ответа. Евгений волновался. Он считал, что задуманная нами операция с этой новой миной определит всю дальнейшую работу нашего отряда. Теперь начиналась новая «эра»: железнодорожные диверсии, широко разветвленная сеть филиалов отряда, применение новой, усовершенствованной автоматической мины и, наконец, создание «минного вуза».

Об этом и говорили теперь Евгений, Кириченко, Ветлугин, Еременко.

Евгений мечтал сам заложить первую мину и увидеть, как впервые на Кубани взлетит на воздух фашистский поезд.

После болезни Евгений был еще очень слаб, но я знал: ничто не удержит его.

И вот пятого октября мы получили разрешение на железнодорожную диверсию. Все у нас было готово: схема «волчьего фугаса» выверена, роли распределены заранее. Пятого же поздно вечером отряд минеров отправился в путь.

Нас было тринадцать человек. Конечно, пошел и Евгений.

В лагере не знали, куда и зачем мы уходим: у нас не принято было болтать о предстоящей операции.

Геня накануне ушел на Планческую. Он мастерил там печи на зиму и ждал, когда Бибииков кончит шить ему русские сапоги – первые высокие сапоги за всю его семнадцатилетнюю жизнь.

Я был доволен, что Геня не пошел с нами: операция предстояла рискованная...

Всю ночь мы ехали проторенной, исхоженной дорогой.

Евгений был настолько слаб, что не смог бы держаться в седле. Он ехал на линейке. Сидел бледный, исхудавший, с темными кругами под глазами. Я уверен, что и в тот вечер у него была высокая температура, но он отказался мерить ее и был, как всегда, настороженный, собранный, внимательный.

Ночь легла темная. Ехали мы тихо. Только изредка пофыркивали лошади да на крутых поворотах поскрипывала линейка.

Около двух часов сзади неожиданно раздалось знакомое причмокивание – сначала отрывистое и резкое, потом протяжное и длинное. Это кто-то из своих нагнал нашу колонну.

– Отец, ты не имел права не брать меня! – взволнованно заговорил Геня, подходя ко мне. – Мы заключили с Женей договор ходить на все операции вместе... Я пошел в отряд не шкуру свою спасать...

Что я мог ему ответить? Правда, он явился без рюкзака, в грязном белье и грязной верхней одежде – так у нас не полагалось выходить на операцию, – но он смотрел на меня умоляющими глазами и за спиной у него висел материнский карабин. Да и действительно: он пришел в отряд не шкуру свою спасать.

– Хорошо, Геня, пойдешь с нами...

На хуторе Красном, под Крепостной, была назначена наша первая остановка: днем мы не могли передвигаться по дорогам, фашисты могли заметить наше движение. Мы выставили часовых и легли спать. Один Ветлугин спешно заканчивал изготовление ящичков для автомобильных мин. Эти мины были тоже новостью в нашей партизанской практике. Принцип их устройства был тот же, что и паровозной мины: они взорвут тяжелый грузовик, но над ними спокойно проедет крестьянская телега, пройдет человек. И, что особенно важно, никакой фашистский миноискатель не мог обнаружить нашей мины: она состояла только из дерева и тола, в ней не было и грамма металла.

Поздним вечером мы распределили по рюкзакам все, что привезли до Крепостной на подводах: пятидневный запас продуктов, патроны, гранаты, мины. На каждого пришлось добрых тридцать килограммов.

Это был очень тяжелый переход. Погода испортилась. Рваные тучи висели над самой головой. То и дело срывался дождь. Он шуршал по опавшей листве, хлестал по деревьям, бил по глазам.

Закутанные в плащи, мы казались друг другу чужими. Шли цепочкой, сплошь и рядом держась за рюкзак переднего.

Как всегда, я шел за Геней. Его мешок, наскоро сшитый из серого материала, был единственным ориентиром в этой непроглядной тьме.

Двигались мы медленно, осторожно. Дороги переходили, шагая в один след, задом наперед, чтобы сбить с толку тех, кто завтра утром обнаружит отпечатки наших подошв. Вдоль железнодорожного полотна пробирались через густой кустарник: немецкие караулы у мостов время от времени освещали степь яркими ракетами.

Через каждые пять-шесть километров мы останавливались на привал: снимали рюкзаки, клали на них отекавшие ноги, лежали десять минут. И снова отправлялись в путь – сквозь густой, колючий кустарник, по холмам и оврагам, в дождь, в грязь, ветер, с тяжелыми мешками за спиной, с карабинами, автоматами, противотанковыми гранатами.

Всю жизнь Геня был очень внимателен ко мне. Но в ту ночь он проявил особенно нежную заботливость: на привалах подавал рюкзак, поправлял ляжки, помогал взбираться на крутые склоны, вытаскивая за руку.

Под утро подошли к хутору Коваленкову.

Всем досталось порядком, особенно больному Евгению. Тяжело было и Янукевичу. Всю дорогу Виктора Ивановича мучил кашель, а кашлять в походе нельзя, и он, бедный, изжеввал весь рукав своей телогрейки.

Идти в таком состоянии дальше было невозможно: измотанные люди, у которых подгибались колени и дрожали руки, не могли бы заложить мины и, безусловно, попали бы на мушку любому патрулю.

Мы решили объявить дневку и выспаться как следует.

Выставив дозоры, улеглись в густом кустарнике. Но спать было холодно. По команде Евгения сбились в общую кучу, закрылись маскировочными бязевыми халатами, грея друг друга собственным теплом. С обеих сторон от меня лежали сыновья; Геня, как в детстве, обнял меня за шею и так уснул.

Люди спали спокойно. Только часовые, сменяясь, отползали в дозоры, да Евгений время от времени выползал проверить караулы и наблюдателей.

Уже светало, но туман еще закрывал горы, когда раздалась вдруг длинная автоматная очередь. Ей ответила вторая и третья...

Тревога!

Мы неподвижно лежали в кустах, приготовившись к бою. Но разведка донесла, что все спокойно: немцы, выйдя из хутора, для храбрости бессмысленно бьют по сторонам...

Но сон с нас слетел, отдохнуть не удалось. Весь день мы лежали в кустах, подремывая, но сохраняя боевую готовность.

Спустились сумерки. Вволю напившись воды из соседней речушки и набрав полные фляги, мы вышли из кустов: долго засиживаться на одном месте было опасно.

Чтобы запутать следы и обмануть немецких собак-ищеек, мы пересекли густые заросли колючего терна, несколько раз переходили вброд Убинку и до рассвета прятались в маленьком леске. Немцы вырубали в нем кусты. Но это было нам на руку: прочистив как следует рошу, фашисты едва ли скоро заглянут в нее.

Утром, выставив дозоры, мы снова легли спать. Только Евгений отказался от отдыха и заявил, что уходит с Геней в станицу Георгие-Афипскую в разведку. Глаза

его ввалились, на щеках пылал горячечный румянец. Ветлугин и Янукевич напрасно старались убедить его в том, что ему больше, чем всем нам, необходим отдых и сон.

Евгений, внимательно выслушав все доводы, улыбнулся, как всегда, весело и приветливо и ответил, что никогда еще не чувствовал себя таким бодрым и сильным.

Спорить было бесполезно: раз задумав какое-либо дело, он доводил его до конца.

Эта же операция была его давней мечтой, он придавал ей очень большое значение, ждал ее.

И он говорил правду: ни усталости, ни болезни своей он не чувствовал.

Двое суток разведчики сидели на высоких деревьях, лежали в кустах, прятались в ямках, следя за шоссе, за дорогой, за железнодорожным полотном. Мы должны были знать буквально все: как и когда сменяются караулы, как часто ходят дозоры, и расписание поездов, и есть ли закономерность в движении автомашин по дороге...

Разведчики, сменяясь, наблюдали, слушали, записывали. Основная же наша группа, отдыхая днем, по ночам спускалась к воде и снова бродила бесшумно по кустам и рощам, по колючему терну, меняя места ночлега.

Наконец десятого октября вечером Евгений доложил, что все наблюдения закончены, Удобнее всего рвать на четвертом километре от Георгие-Афипской: там дорога, шоссе и железнодорожное полотно близко подходят друг к другу. Автомашины шли только днем. Поезда же регулярно проходили четвертый километр в восемь часов утра и в четыре часа вечера.

Партизаны все повеселели: трудное дело подходило к концу, ночь обещала нам покой и отдых: в полночь мы подберемся к полотну, быстро закончим минирование и отойдем до утра в горы...

Собранные, подтянутые, молчаливые, как перед решающим тяжелым боем, все отправились закладывать мины.

Если бы человеку дан был дар предвидения! Если бы в ту проклятую ночь я мог знать, что в последний раз вижу своих сыновей!.. Властью отцовской любви я сумел бы приказать им остаться на месте и сам пошел бы на гибель вместо них.

Годы прошли, но я помню каждую минуту этой страшной ночи. Я хотел бы ее забыть – сердце помнит и ласковый смех Евгения, и нежные прикосновения Гени.

Был холодный вечер. Мы вышли из леса. Впереди – дальняя разведка во главе с Евгением, по бокам – дозоры, сзади – арьергард автоматчиков.

Перед нами открылось поле, голое, неприятное. За ним тянулось железнодорожное полотно с высокими тополями по бокам, а за полотном – шоссе и дорога. Сзади, как призраки, стояли далекие горы.

Неожиданно над Георгие-Афипской, а затем и на Северной вспыхнул белый свет. Его сменил зеленый, потом красный. Они перемежались, гасли и снова загорались. В этой последовательной смене цветов была определенная закономерность. Но разве мы могли отгадать, какое важное сообщение передают по линии фашисты своим световым телеграфом? Если бы отгадали, остались бы в живых Женя и Геня...

Телеграф работал минут пятнадцать. И снова стало темно и тихо вокруг.

Но Евгений встревожился:

– Надо торопиться, надо очень торопиться... Что-то случилось.

Вперед – искать проходы в терне – вышла разведка и будто провалилась в темноту ночи.

Но вскоре у полотна заквакала лягушка: Евгений докладывал, что путь свободен.

Мы подошли к краю насыпи. На руках подняли на шпалу переднего. Он втащил другого. Каждый поднимался осторожно, стараясь не касаться ногою песка насыпи. Тем же способом спустились вниз.

Группа прикрытия ушла в кусты. Заняли свои места дозоры. Минеры приступили к работе.

Через час мы должны были все кончить...

Помню, как Геня вместе с Янукевичем финским ножом выкопал ямку на профилированной дороге, землю выгреб на разостланную стеганку, а лишнюю, собрав в шапку, унес в глубину кустов.

Помню, как стоял Геня перед Янукевичем, протягивая ему минный ящик. Тот зарядил его взрывателем и осторожно опустил в землю. Геня тщательно замаскировал ямку...

Потом, закинув карабин за плечи, Геня, веселый, оживленный, носился по дороге, закладывая мины и выполнял распоряжения Янукевича.

Он пробежал мимо меня к железнодорожному полотну, где работали Евгений и Кириченко, задержался на секунду, спросил:

– Ты не озяб, папа? Смотри не простудись.

Уже была вырыта ямка под рельсовым стыком и уложены в нее две противотанковые гранаты, когда Геня, подбежав, добавил свою, третью. И засмеялся:

– Пусть и меня фашисты вспомнят на том свете!

Под шпалу рядом с гранатами легли толстые шашки. Кириченко выдернул флажок предохранителя, снял накладку. Евгений замаскировал полотно, отделал насыпь «под елочку».

Мина на полотне была почти готова. Оставалось только выдернуть последнюю шпильку у предохранителя. Но это должен был сделать один минер, когда все отойдут в степь. Кириченко с Евгением поспешили на профилированную дорогу.

Я спокойно ждал, когда на дороге работа будет закончена.

Пока все шло так, как было задумано.

Мы решили не минировать старое шоссе; оно было так разбито, что немцы им не пользовались. «Закончим минирование профиля и отправимся домой, в горы», – думал я.

И в эту минуту со стороны Георгие-Афипской возник еле слышный в ночи звук. Он становился все громче. Быть может, самолет вылетел на ночную бомбежку?..

С каждой секундой шум становился отчетливее и яснее. Возник и влился в этот шум какой-то новый звук. Звуки множилось, нарастали. Вскоре ясно стало слышно...

Поезд!

Из-за поворота, набирая ход под уклон, на всех парах шел тяжелый состав. А рядом с ним, по шоссе, мчались броневики.

Так вот о чем говорил своими огнями проклятый гелиограф!

Не теряя ни секунды, нужно было принимать решение: уходить в горы. Но в «волчьем фугасе» на полотне еще не была снята шпилька у предохранителя. И шоссе старое было свободно. Немцы вырвутся на него. Зажмут нас в клещи...

Мимо меня стрелой пронеслись сыновья. Заряжая на бегу последние две мины, они побежали к шоссе. Быстро заминировали обе колеи и выскочили к полотну.

Паровоз был уже рядом. Вырывалось пламя из поддувала. Гремели буфера.

Ребята бросились навстречу поезду.

– Что они делают? – прокричал над моим ухом Ветлугин. – Разве можно в этой кромешной тьме найти крошечную шпильку предохранителя!

Нет, они задумали другое: у них в руках были противотанковые гранаты. Они решили бросить их, чтобы от детонации взорвался «волчий фугас».

Я выхватил свою тяжелую гранату, побежал за детьми...

Поздно!

Одна за другой разорвались две гранаты. И тотчас же со страшным, оглушительным грохотом взорвался «волчий фугас».

Сразу стало жарко и душно. Взрывная волна, будто ножом, срезала крону могучего клена, стоявшего передо мной, и отбросила меня назад.

Я и сейчас, через годы, вижу, как лопнул котел паровоза, как паровозные скаты летели выше тополей, как, падая под уклон, вагоны лезли друг на друга, разбивались в щепы, погребая под собой гитлеровцев.

Раздался новый взрыв. На воздух взлетел броневик на шоссе. Объезжая его, ярко вспыхнул фарами и тут же взорвался второй. А в это время на профиле тоже взрывы и взрывы. Мины корежили машины, разбрасывали искалеченные трупы немецких автоматчиков.

Пылал взорванный поезд, продолжали грохотать мины, ждать больше не было сил. Ни секунды!

Я бросился к железной дороге. За мною побежали Ветлугин и Янукевич.

У полотна, освещенный заревом пожара, лежал под обломками мертвый Евгений. Его унесли друзья.

А Гени не было. Может быть, жив... может быть, успел отскочить... Лежит где-нибудь раненый.

– Геня! – кричал я, но мой голос тонул в криках раненых фашистов.

– Геня!..

Мне казалось, я искал его уже несколько часов. Но когда нашел чуть поодаль в кустах, тело его еще было теплым.

И тут снова шевельнулась надежда: жив...

Я поднял его на руки. Положил его руку себе за спину, как будто он мог еще обвить мою шею... Теплая Генина кровь полилась за мой воротник.

Я нес его через минированный профиль. Навстречу мне кинулся Кириченко, хотел взять Геню. Не помня себя, я сказал:

– Уйди. Не отдам.

Подошел Ветлугин. В первый раз после того, как мы ушли из Краснодара, он назвал меня моим именем.

– Петр Карпович, положите Геню рядом с Евгением...

Молча финскими ножами вырыли неглубокую яму в кустах терна; положили в нее ребят, забросали землей.

Над головой, срывая листья, уже жужжали пули: уцелевшие немцы пришли в себя и крутой дугой охватывали кустарник.

Партизаны быстро вышли из-под удара.

Только я задержался у могилы: старался замаскировать маленький холмик. Неожиданно передо мной вырос Павлик Сахотский, схватил за руку и потащил прочь из кустов: немцы сжимали дугу.

Шли степью. Вокруг мертво – ни куста, ни живой былинки. Только в осеннем небе падали звезды. Вдруг над головой вспыхнули осветительные ракеты. Янукевич рванул

меня за руку. Мы упали на землю и замерли. Земля пахла сыростью, как там, в кустах, когда мы рыли ее финскими ножами.

Что я скажу Елене Ивановне?..

Ракеты погасли, я поднялся следом за всеми, и мы пошли. И снова над нами зажглись ракеты, и мы опять приникли к земле. Но тотчас же поднялись: сзади раздался рев моторов – гитлеровцы заметили нас и бросили вдогонку вездеходы и автомобили. Они подходили все ближе, их фары светили нам в спины, и длинные тени от наших тел ползли, извиваясь, по голой степи.

Янукевич лег на землю. Остальные быстро шли дальше. Вдогонку нам несся надрывный кашель Виктора. «Лежит на сырой земле, совсем простудился», – подумал я, потом опомнился: что простуда, его раздавит сейчас вездеход... Я обернулся. Вездеход был почти рядом с Янукевичем. И он бросил под гусеницы противотанковую гранату. Вот какой друг у Евгения...

Вездеход накренился набок и остановился. Виктор вскочил на ноги и бегом бросился догонять своих. Но немцы продолжали нас преследовать. Теперь лег Кириченко. Новый взрыв – и второй искалеченный вездеход замер на месте.

Мы круто свернули влево. Под ногами – глубоко вспаханная целина. На ней окончательно застряли фашистские автомашины, вездеходов у них больше не было. Взбешенные фашисты открыли ураганный огонь.

Тогда мы метнулись вправо. У табачных сараев станицы Смоленской – здесь недавно Геня уложил из своего маленького револьвера двух полицейских – мы бросились вперед, низко пригибаясь к земле, пересекли дорогу и вышли из обстрела.

А позади разгорелся бой: это фашисты, отчаявшись взять нас живьем, открыли стрельбу. Их пули били по немецкой заставе у Смоленской. А та, отвечая, била по своим.

На рассвете мы подошли к предгорью. Я не чувствовал усталости – ничего, кроме нестерпимой душевной боли. Я мог бы еще идти день, два... Но товарищи хотели отдохнуть. Однако отдыха не получилось: над головами с ревом пронеслись немецкие самолеты. Описали широкий круг и стали ястребами парить в воздухе: искали партизан.

Вытянувшись цепочкой, глухими тропами мы ушли на передовую стоянку под Крепостной...

Здесь сживали мы вдвоем с Евгением накануне операций... Еще звучал в ушах его голос:

«Ты не должен, папа, ходить с нами на диверсии. Ты – командир: в огонь не имеешь права лезть. Сами справимся...»

Товарищи смертельно устали. На Янукевиче лица не было. Пошатывался Ветлугин. Они видели, что я не могу уснуть и, чтобы не оставлять меня наедине с моим горем, не спали сами.

Я лег и притворился спящим. Надо было все продумать. Взять себя в руки.

Евгения больше нет. Но есть отряд, который создан им и его друзьями. Есть план работы отряда.

Во имя освобождения Родины план этот должен быть воплощен в жизнь. Отряд будет еще сильнее, чем был. Так хотел Евгений

* * *

Я сделал так, как посоветовал мне по дороге Геронтий Николаевич: сказал Елене Ивановне, что сыновья тяжело ранены и случайным самолетом из Шабановки отправлены в Сочи.

Елена Ивановна промолчала, пристально посмотрела мне в глаза – и поверила...

Я должен был скрывать от нее свое горе, и это помогало мне работать: я держал себя в руках.

Отправили разведчиков к месту взрыва: нужно было послать донесение командованию о том, как мы выполнили задание, а мы не знали точно, какие потери понесли фашисты.

Трудно было встречаться взглядом с партизанами, читать в их глазах боль и сочувствие.

Но никогда я не забуду того внимания, которым окружили нас, осиротевших родителей, товарищи наших сыновей.

Все, во всех углах лагеря говорили только об Евгении и Гене. И всюду слышалась одна и та же фраза:

– Тише. Мать услышит...

С этого дня и до последнего дня существования отряда партизаны звали Елену Ивановну в глаза и за глаза – «мать». И было это не просто случайное слово – за ним скрывались и сыновья любовь, и большое уважение.

Вечером я подал Елене Ивановне записку – якобы радиogramму из Сочи: Геня безнадежен, у Евгения состояние тяжелое.

Ночью Елена Ивановна взяла автомат, гранаты и ушла в Шабановку. Она знала, что путь лежит через хутора, занятые немцами, но у нее теплилась надежда попасть в Шабановку на случайный самолет и добраться в Сочи...

Ее догнали далеко от нашей стоянки и едва уговорили вернуться.

На ее лице, на красных воспаленных веках, на волосах, сбившихся под белым платком, словно еще теплилось дыхание ребят. Мне казалось, что она боялась спугнуть его и потому молчала...

Тянуть больше нельзя было. Утром я передал Елене Ивановне новую «радиogramму» – о смерти ребят.

Она долго молча перечитывала записку. Потом бережно сложила ее и спрятала в патронташ. Она напрягала всю свою волю, но слезы крупными каплями текли из глаз.

Партизаны бережно обходили ее стороною. Они понимали: пока лучше не говорить с ней, не трогать ее.

Но пять или шесть раз в течение дня ко мне подходили группами партизаны и просились в операцию.

– Подождем день-другой, – говорил я.

И каждый раз мне отвечали одно и то же:

– Нельзя ждать: перед матерью стыдно.

Вернулись, наконец, разведчики.

Два дня они пробыли у места взрыва – сидели на высоких стогах сена и наблюдали в бинокли.

Паровоз и двадцать пять вагонов лежали разбитые вдребезги. Из-под обломков все еще неслись крики и стоны. На шоссе валялись обломки двух броневиков. Чуть поодаль – взорванные автомашины.

Через несколько часов после взрыва немцы пустили к Северной тяжелой машину, груженную боеприпасами. Машина прошла пятьдесят метров и взорвалась.

Приехали саперы и с миноискателями прошли весь профиль. Ничего не нашли. Снова пустили машину. И снова она взорвалась.

Тогда фашисты еще раз проверили шоссе, частью его перекопали и пустили автомашину с колхозниками из Афипской. Случайно машина прошла благополучно. Но следовавшая за ней в небольшом отдалении машина с немецкими автоматчиками взлетела на воздух.

Уже волновались радостно станицы, из уст в уста передавали легенду о новых партизанских минах, которые рвут немцев, но не трогают кубанских казаков.

Тогда разъяренные фашисты пригнали наших военнопленных и приказали им перекопать весь профиль. На минах взорвалось несколько человек. Профиль был весь перекопан, но все же мины в нем остались. Вероятно, среди военнопленных нашлись люди отчаянного героизма: заметив мину, они, надо думать, обошли ее молча и замаскировали сверху свежевскопанной землей. Как было – никто точно установить не мог.

Когда фашисты пустили по перекопанному профилю машину, она подорвалась.

По подсчетам разведчиков, только одних трупов немцы вывезли не меньше пятисот. Сколько было раненых и покалеченных, установить не удалось.

Закончили донесение разведчики словами:

– Когда рвались последние мины, нам казалось, что это Евгений Петрович и Геня, лежа в могиле, мстят врагу за нашу поруганную кубанскую землю...

Часть вторая

Глава I

На поляне повзводно выстроился отряд. Комиссар открыл траурный митинг.

Евгения в отряде любили особой любовью: были в этой любви уважение, вера в каждое слово Евгения, в успех любой операции, которую возглавлял он. Евгений умел вселить в товарищей безоговорочную веру в победу. Его энергия заражала всех. Знал Женя, какую тоску по дому носит каждый из товарищей, и умел сердцем слышать боль чужого сердца.

Геня... Геня был ласковый, внимательный со всеми. С ним товарищи как бы вновь переживали свою ушедшую юность и, глядя на него, думали, что такую же светлой будет и юность их детей...

Каждый хотел на митинге рассказать, чем для него были Евгений и Геня. Скупые, мужественные слова шли от сердца.

Мстить! Мстить, пока бьется сердце, пока рука держит винтовку. Мстить за выжженные станицы, за вытопанную пшеницу, за муки, слезы и горе родного народа. Мстить за Евгения и Геню, погибших во имя нашей солнечной, радостной жизни...

Стала говорить Елена Ивановна. У нее было спокойное, окаменевшее в горе лицо. Но в голосе слышалась такая мука, что по лицам людей, недвижно стоявших в строю, по суровым лицам партизан катились слезы.

– Все наше счастье было в детях. Они погибли. Если потребуется, мы с отцом и свою жизнь отдадим за Родину. Но мы отомстим, жестоко отомстим врагу за поруганную Кубань, за смерть наших ребят. Клянусь...

Елена Ивановна пошатнулась. Ее бережно поддержали...

Перед строем комиссар прочел приказ командования.

Командование куста партизанских отрядов объявляло в приказе благодарность партизанам и представление к правительственной награде погибших братьев Игнатовых, командира первого взвода Янукевича, минировавшего профиль, старшего

минера Кириченко, вместе с Евгением закладывавшего первую мину на железной дороге, и Павлика Сахотского, спасшего командира, когда отряд уходил с места диверсии.

На открытом собрании после митинга было принято решение просить командование присвоить отряду название отряд имени братьев Игнатовых, зимний лагерь на горе Стрепет, организованный Евгением, назвать его именем и представить к правительственной награде командира отряда, лично руководившего первой на Кубани крупной миннодиверсионной операцией...

Огромное напряжение воли, которым держалась Елена Ивановна, не прошло даром: у нее отнялась левая половина тела, она потеряла сон. От нее не отходили Сафронов и Слащев.

Дакс в первые дни садился на макушке горы и часами всматривался вдаль: ждал Женю. Теперь всю свою преданную собачью любовь он перенес на Елену Ивановну. Лежал около нее и смотрел печальными, понимающими глазами.

Чужому невозможно было подойти к Елене Ивановне: шерсть у Дакса поднималась дыбом, он показывал свои клыки и грозно рычал.

Друзья советовали мне увезти Елену Ивановну из лагеря: каждый кустик, каждый камень напоминали ей ребят.

Мы решили отправить ее на передовую стоянку под Крепостную, на хутор Красный, благо комендантом стоянки был Сафронов, любимец Елены Ивановны.

Я не мог сопровождать ее: работы в отряде накопилось много. Руководить дальней и агентурной разведкой теперь пришлось мне. Нужно было готовиться к новым операциям.

Ветлугин, Янукевич, Еременко, Кириченко, Литвинов – все друзья Евгения – буквально осаждали меня:

– Батя, когда?..

Если бы они знали, как я сам мечтал о мести!

Нет! Мстить надо было жестоко: с умом и выдержкой. Нельзя было спешить. Пусть горит душа – потерпим несколько лишних дней, тем неожиданнее и точнее будет наш удар. Без суеты, без торопливости, без жертв – насмерть, как говорил Евгений...

С его друзьями мы наметили план нескольких диверсий. На места диверсий я отправил разведчиков. И только тогда мог сам побывать под Крепостной, навестить Елену Ивановну.

...Ее по-прежнему мучила бессонница, но она уже могла двигаться без чужой помощи. Чтобы как-нибудь забыться, она работала не покладая рук, сутками не отходила от раненых.

Наш хуторок Красный превратился в своеобразный районный госпиталь: сюда к Елене Ивановне обращались за медицинской помощью партизаны близких и дальних отрядов.

Комендант стоянки под Крепостной, Владимир Николаевич Сафронов, наш партийный секретарь, оказался прекрасным хозяйственником.

Прежде всего, он организовал выработку кожи из шкур на сапоги, полушубки и шапки. Начал валять валенки. Заготавливал на зиму овощи и дичок. У него хранились наши основные запасы сена и зерна для лошадей. Только ему одному мы обязаны были тем, что могли совершать длительные походы верхом и имели свой обозный транспорт.

Словом, у Сафронова хлопот был полон рот. Сам неугомонный труженик, он не давал людям ни минуты сидеть без дела. И все это – без понуканий, а с острой шуткой или насмешкой.

Мы долго говорили с Владимиром Николаевичем о делах его «фактории».

Это название прочно прижилось к нашим стоянкам – на хуторе Красном под Крепостной и на Планческой.

Правда, наши фактории не были огорожены высоким тыном с гвоздями наверху, – их не опоясывали валы с глубокими рвами, наполненными водой, но по ночам усиленные караулы стояли в лесу, да и днем все были настороже. Сплошь и рядом даже в самой фактории люди спали не раздеваясь, держа под боком винтовку и гранаты: немцы проведали про наши фактории и оказывали им особое внимание.

И в тот день, когда я пришел навестить Елену Ивановну, немецкий бомбардировщик, пролетая над Крепостной, сбросил две бомбы – они упали в лощины вблизи хуторка.

Это был далеко не первый налет: Владимир Николаевич уже потерял счет бомбежкам. Посылали сюда немцы и своих разведчиков. Нередко на подступах к хутору разгорались горячие схватки.

Жизнь в наших факториях была хлопотливая и беспокойная. Но я не мог отказаться от них. Они были нужны нам как воздух. Здесь мы проводили окончательную подготовку к диверсиям, довооружались взрывчаткой и патронами, запасались продуктами и отсиживались, ожидая, когда легче можно проскочить мимо населенных пунктов, занятых немцами. Здесь же, возвращаясь с операций, мы отдыхали; здесь, наконец, нам как следует перевязывали раны, а соседей и лечили. Своих тяжелораненых мы отправляли в лагерь на горе Стрепет, где был наш стационарный госпиталь.

Я уехал из-под Крепостной более успокоенным, чем направлялся туда: к Елене Ивановне уже вернулись ее душевные силы.

В лагерь пришла тяжелая весть: погиб Григорий Дмитриевич Конотопченко, старожил станицы Имеретинской и председатель ее колхоза.

* * *

Конотопченко – человек громадного роста, косая сажень в плечах, тяжелый, медлительный, степной великан.

Я узнал его вскоре после того, как мы пришли в предгорья. Помню, при первой встрече мне бросились в глаза его сильные, большие руки, быстрые и гибкие, и еще – резкие складки у рта.

Он сам рассказал мне, горько усмехаясь, что эти складки появились, когда в зареве пожара была занята немцами его родная станица. Тогда же он ушел в лес и стал командиром партизанского отряда имеретинцев.

Фашисты его ненавидели и боялись.

Не раз отряды немецких автоматчиков и полицейских приходили в леса и плотным кольцом окружали его группу. Но всякий раз Конотопченко вырывался на волю, громил немцев: бесследно исчезали вражеские заставы, и в придорожных канавах лежали разбитые машины.

Не сумев взять его в бою, фашисты с помощью одного предателя заманили Конотопченко в засаду.

Вечером в густом орешнике, у крайней хаты родной станицы, на Конотопченко, который был с двумя бойцами, набросились двадцать немецких автоматчиков и полицейских.

Ночью немцы торжественно ввели пленных в станицу. Впереди со скрученными назад руками шел раненый Конотопченко. Сзади санитары на носилках несли семь трупов германских солдат: так дорого заплатил враг за успех своей операции.

Два дня пытали партизан. Жгли каленым железом, втыкали иглы под ногти. А на станичной площади уж стучали топоры: немцы готовили виселицы.

Было объявлено, что утром свершится казнь.

Но ночью на улицах неожиданно разгорелся бой: это имеретенцы ворвались в родную станицу спасать своего командира.

Хату за хатой, квартал за кварталом захватывали партизаны. Они приближались уже к сараю, где был заперт Конотопченко. Но в это время из соседних хуторов к станице на помощь немцам подошли десятки машин. Кольцом окружили они Имеретенскую и грозили перерезать партизанам дорогу в лес.

Кольцо сжималось все туже. А небо на востоке уже светлело. Борьба стала безнадежной: к сараю, где враги заперли Конотопченко, теперь было не пробиться...

Захватив раненых, партизаны им одним знакомыми лазами ушли из станицы.

Наутро Имеретинскую наводнили немецкие войска. Они заняли круговую оборону, здесь были даже минометы и легкая артиллерия.

Поднялось солнце. Над станицей стелился осенний туман. Он полз над белыми хатами, над пшеничным полем, над золотом листвы.

По широкой пустынной улице вели под конвоем Конотопченко с двумя товарищами. Спутались, запеклись в крови его густые светлые волосы. Лицо все в кровоподтеках. Болтались вдоль израненного, исполосованного тела перебитые руки. На шее висела доска с надписью: «Я – партизан, убивал немецких солдат».

Но голова Конотопченко была гордо поднята. В глазах горела неистребимая ненависть. И казалось станичникам: это не фашисты ведут на казнь партизана, а он, непокоренный, нестигаемый, уверенный в победе, ведет их к суровой, неизбежной расплате.

На площади, у виселицы, немцы выстроили усиленный караул. Чуть поодаль, сбившись в кучу, стояли старики, женщины, дети: их насильно пригнали к месту казни. Лица у станичников были суровы и сумрачны. В глазах стояло горе.

К Григорию Дмитриевичу подошел полицай, чтобы набросить петлю.

Собрав последние силы, Конотопченко ударил ногой полицая в живот. С криком предатель покатился по земле...

Тогда германский офицер стал торопить палачей: он и в этот момент испытывал страх перед партизаном.

Палачи выбили из-под ног Конотопченко табуретку. Громадное тело качнулось в петле. Казалось, перекладина не выдержит этой тяжести...

В толпе раздался резкий крик. Поднялись сжатые кулаки. Затрещал плетень – кто-то выламывал кол. Толпа – будто это были не десятки разных, непохожих друг на друга людей, а одна напряженная, сжатая, как пружина, человеческая воля – бросилась к виселице.

Немцы стали стрелять в воздух.

Услышав выстрелы на площади, перепугались и фашистские пулеметчики, лежавшие на окраине станицы.

– Партизаны! – пронеслось по цепи. – В станице партизаны!

Охранение открыло беглый огонь. Пулеметчики стреляли по кустам, по далекому лесу, по белым хатам.

В станице же поднялась паника. Караул, покинув повешенного, побежал к околице. В упор по нему, не разобравшись, кто бежит, ударили пулеметчики охранения. Поднялись крики, стонали раненые.

Выяснилось все только через полчаса. Офицеры снова спешили на площадь. Но площадь пуста...

Ветер трепал концы срезанных веревок на виселице. Это односельчане воспользовались паникой и, рискуя жизнью, пытались спасти повешенных. Друзья опоздали на считанные минуты...

Офицер не решился подойти к трупам и снова вздернуть их на виселицу. Три дня лежали мертвые партизаны на оцепленной немцами площади. Шурша, падали на них золотые листья с родных тополей, и ветер предгорий приносил к ним запах далекого леса.

В ночь на четвертые сутки трупы казненных бесследно исчезли...

* * *

Весть о расправе в Имеретинской быстро разнеслась по предгорьям. О ней знали уже смольчане, северчане, моряки Ейска.

Мстить. Око за око, смерть за смерть.

Первыми вышли ейчане с группой партизан станицы Смоленской. Вел ейчан матрос-комиссар. Комиссар хранил в своем сердце неоплаченный счет к немцам, – они надругались над его невестой. Как праздника, ждал моряк возможности схватиться врукопашную с врагом.

После дождей установилась наша чудесная кубанская осень. Последние золотые листья ложились на землю. По утрам уже начались заморозки. Чувствовалось дыхание близкой зимы.

Группа ейчан шла длинными обходными дорогами, через леса и горы. Неслышно обходили заставы, хутора, станицы, делали замысловатые петли, замечая следы.

У шоссе недалеко от станицы Смоленской партизаны легли в кустах у обочины: смольчане ближе к станице, моряки чуть дальше, за крутым поворотом.

Они ждали сутки.

По шоссе проходили немецкие армейские части. Проносились машины с автоматчиками, боеприпасами, продовольствием. Пылили мотоциклисты.

Нет, все это было не то...

Группа продолжала ждать.

На рассвете третьего дня, когда из-за гор поднималось солнце, со стороны Смоленской в облаке пыли выросла колонна.

Шли штрафники-офицеры. Их прислали сюда, в штрафной батальон, из-под Туапсе и Новороссийска, из-под Ростова и Воронежа. Только особым – редким даже в звериной фашистской армии – зверством по отношению к мирным станичникам, к пленным и раненым, только безоговорочным, слепым выполнением любого приказа могли они добиться прощения. И не было такой изощренной нечеловеческой пытки, которой бы не щеголяли друг перед другом штрафники-офицеры.

Их-то и поджидали смольчане и матросы из Ейска. Особенно их ждал моряк-комиссар.

Под барабан, четко отбивая шаг, высоко вскидывая ноги и задрав головы кверху, широко размахивая левой рукой, шли штрафники к своей гибели.

Вот бы когда рвануться на шоссе! Но смольчане ждали: первыми по уговору ударят моряки...

Колонна скрылась за поворотом.

Там ее ждали матросы. Ближе к обочине дороги лежал комиссар. Он сжимал в руке гранату.

Колонна шла уже мимо него. Во главе шагал толстый офицер с нафабранными рыжими усами.

Вот такой же рыжий обер-лейтенант был комендантом Ейска. Он изнасиловал молодую рыбачку, невесту моряка, отрубил ей пальцы на руках, и, опозоренную, истерзанную, вздернул на виселицу...

Комиссар швырнул гранату. Потом рванул с плеч бушлат и в одной полосатой матросской тельняшке, – чтобы знал враг, с кем имеет дело, – бросился с ножом на шоссе. За ним поднялись из кустов все моряки.

Толстый офицер был жив. Его не убило гранатой – тем лучше! Чуть пригнувшись к земле, прямо на него ринулся комиссар.

Люди в полосатых тельняшках казались немцам страшным наваждением: откуда появились они здесь?..

Офицер вскинул автомат. Очередь захлебнулась: так стремительно и внезапно прыгнул комиссар на офицера.

Они упали оба, покатались, сцепились: если поднимется, то только один из них...

Поднялся комиссар. Тельняшка его была залита кровью, но он не замечал своей раны и бросился в гущу схватки.

Страшен был этот молчаливый стремительный натиск моряков. И офицеры не выдержали его – побежали к станице. Они бежали без оглядки, хотя и знали, что за бегство с поля боя их, штрафников, ждет неизбежный расстрел.

За поворотом из кустов поднялись смольчане. Их гранаты рвались среди бегущих штрафников.

Из кольца вырвалось только несколько десятков офицеров. За ними неотступно бежали моряки, пока не настигли их у самой станицы...

Уже видны были белые хаты, фруктовые сады, золотые тополя...

Из заставы у околицы грохнул одинокий выстрел, и тотчас же вслед за ним раздалась длинная пулеметная очередь: фашисты били в упор по этому страшному человеческому клубку, что в облаке пыли несся прямо на них.

Резко повернув вправо, матросы исчезли в кустах: партизанскими тропами они ушли в предгорья.

Очередь была за нами. Наступил час нашего мщенья: и за Евгения, и за Геню, и за Конотопченко.

Но именно в эти дни наш партсекретарь Сафронов, который неустанно следил за моральным состоянием отряда, сообщил мне о новом настроении у части партизан. Оказалось – все они рвутся в бой с врагом, но... на минные диверсии не хотят идти.

«Если такой инженер, такой конструктор, как Евгений Петрович, погиб от мины своей же конструкции, то что ждет нас?..» – поговаривал кое-кто в отряде.

Надо ли говорить, как горько было мне узнать об этом! Душевная рана еще кровоточила, и малодушие, пусть и небольшой части партизан, воспринял я в те дни как измену своим сыновьям.

Комиссар в это время был в отлучке, ходил на небольшую операцию. Сафронов созвал партийное собрание. Помню, как дрожал от сдержанного волнения его голос:

– Каждый из нас, членов партии, несет ответственность за подобные настроения в отряде... Партия послала нас сюда с наказом бить врага, используя наши знания... Позорно уничтожать десятки немцев только пулями, когда мы уже научились сотнями уничтожать их при помощи мины... Или не звучат уже в наших сердцах последние слова Марка Апкаровича: «Не только все свои моральные и физические силы, но и все, чему учили вас в вузах и втузах, – все должны вы обратить на месть врагу...»

Партийное собрание постановило немедленно предпринять ряд минных диверсий, подготовив их с особой тщательностью; успешное проведение этих диверсий должно было раз и навсегда ликвидировать страх перед миной. Проведение диверсий мы решили поручить самым выверенным в боях, самым преданным партии товарищам.

Ночь после собрания я не спал: перед глазами вставали, как живые, то Женя, то Марк Апкарович, то Геня.

Утром – было оно хмурое, моросил колючий дождик – отряд, как обычно, выстроился на поверку. Я решил поговорить с партизанами.

– Сегодня я расскажу вам, товарищи, подробно, как и почему погибли мои сыновья...

Помню, вздох прошел по рядам, будто партизаны хотели сказать: «Не надо! Не тревожь душу!» Но я продолжал говорить. Надо же было доказать маловерам: Женя и Геня погибли не потому, что мина наша несовершенна. Они сознательно, а не случайно пошли на смерть, когда увидели, что вражеский поезд раньше срока приближается к заминированному полотну.

Я рассказал партизанам, как не хотелось мне брать на эту диверсию Геню и как он ответил мне с обидой: «Я пошел в отряд не шкуру свою спасать...»

– Неужели среди вас, товарищи, – обратился я к строю, – есть люди, которые ушли сюда из Краснодара, чтобы спасти свою шкуру?..

В тот же день я отдал приказ о трех минных диверсиях.

Проведение одной операции, большой и сложной, было поручено Ветлугину и Ельникову. Второй диверсией – она казалась мне более легкой – я поручил руководить Кириченко. Третью группу вел Мельников.

Все три группы вышли почти одновременно с нашей передовой стоянки. Я своими руками проверил содержание рюкзака каждого партизана: чтобы не взяли люди вместо провианта лишние боеприпасы. Проверил качество и количество тола. Вместе с Сафроновым налил в флаги спирт: ночи были холодные.

Они ушли. Я проводил их бодрыми напутствиями, а на сердце лежала тревога: нет с нами Евгения, справимся ли без него?..

* * *

Не успела еще третья группа выйти на операцию, как начались непрерывные налеты немецкой авиации на хутор Красный.

Три дня немцы бомбили его. Бедный Сафронов извелся: отпуская по адресу далеко не метких немецких пилотов злые шутки, Владимир Николаевич перетаскивал запасы нашего тола с места на место. В конце концов нашел ему «самое подходящее помещение» – в подвале под домом фактории.

– Это место заговоренное, – уверенно заявил он. – В него никакая бомба не попадет. А уж если и случится такой пассаж, то взлетим на воздух вместе с толлом. Все же это будет легче, чем доложить Бате, что сам жив, а толл не уберег...

Я с ним не спорил: при той беспорядочной бомбежке, какую вели немцы, ни один человек не мог бы предугадать, куда угодит бомба и куда, следовательно, нельзя прятать тол.

В Красном Елена Ивановна с самого начала организовала госпиталь для партизан соседних отрядов.

Большую, светлую хату наши медсестры вымыли, проветрили, убрали сосновыми ветками. И вскоре она наполнилась ранеными.

Елена Ивановна сняла комнату в соседней с госпиталем хате, принадлежавшей старой кубанской казачке, Анне Григорьевне Повилка. Бабусю эту, древнюю и мудрую, мы с женой вспоминаем и поныне: нам, с нашим неизживным горем, была она нежной матерью...

Не успела Елена Ивановна обжить свой новый дом, как случилось очередное происшествие...

Через агентурных разведчиков Евгений собирал с самого начала данные об атаманах, старостах и полицаях всех населенных пунктов предгорья. В специальной тетради Евгения против каждой фамилии стояло одно слово: «предатель». И лишь в абзаце о старосте хутора Алексеевского было написано: «Степенный потомственный станичник. Огромная семья. Сыновья и внуки в армии. Почему согласился быть старостой – не выяснено...»

И вот мои агентурные разведчики донесли через Павлика Худоерко, что староста Алексеевского умоляет Елену Ивановну прийти к нему на хутор, помочь его горю: у старика давно умерла жена, жил он со своею внучкою, муж которой ушел на фронт. Внучка рожала, третий день не могла разродиться: молодая красивая женщина находилась при смерти.

Елена Ивановна разволновалась, взяла инструменты и собралась идти.

– Отставить! – сказал я. – Зверю в пасть не пущу. Алексеевский – хутор небольшой, немцы знают в нем каждого жителя, тебя немедленно схватят.

Близко к вечеру я сидел в комнате Сафронова и еще раз детально выверял по километровой карте маршрут, по которому отправилась на диверсию группа Ветлугина: беспокоила она меня. Неслышно вошел Худоерко. Остановившись у притолоки, он кашлянул. Я обернулся.

– Товарищ командир отряда! Выполняя ваше задание к подготовке новой операции, я заглянул на хутор Алексеевский. Одна из моих помощниц – невестка старосты. Она была однажды у хутора Красного на моей явочной «квартире»... Все они с ног сбились, плачут – погибает роженица. Простите, товарищ командир, – мялся Худоерко. – Я нарушил все правила конспирации. За мною увязалась агентурщица, хотела лично повидать Елену Ивановну: ведь два человека погибают... – Худоерко окончательно смутился, смотрел на меня виноватыми глазами.

– Что еще случилось? – спросил я.

– Случилось, что и сам староста приковылял до самой почти явки, – выпалил, как в омут бросился, Павлик.

Я вскочил со стула – хорош разведчик, хороша конспирация!.. И здесь я увидел жену. Она вошла. Молча, пристально, с упреком смотрела она на меня.

– Ладно, – сказал я, – освободите помещение. Попросите ко мне партсекретаря. Сами подождите во дворе.

Мы посоветовались с Сафроновым. Он советовал «прощупать» старосту и, если риск не очень велик, помочь его горю.

– В наших интересах склонить население в пользу партизан, – закончил Владимир Николаевич.

Пока мы с Павликом шли к шалашу, я старался представить обстановку на хуторе Алексеевском. Что, если это хитрая ловушка гестапо?.. Оно давно ищет отряд Бати... И знают ли немцы, что единственный врач в наших партизанских соединениях – моя жена? Если знают, то постараются схватить ее, пусть даже старый казак и не предатель...

Мы пришли. Павлик отправился в глубь леса за старостой и вскоре привел его.

Да, Худоерко был прав: если глаза – зеркало души, то этому старику нельзя было не верить...

Я предложил казаку сесть, но он тяжело рухнул мне в ноги и, хватаясь за сапоги, проговорил сквозь слезы:

– Спасите внучку... Умирает... Может, у вас самого дети есть, тогда поймете сердцем своим...

– У меня детей нет, – ответил я. – Встаньте с колен, прошу вас...

Нестерпимо было видеть горе старика, вся душа разрывалась.

Пока мы с Худоерко поднимали его, в шалаш вошла Елена Ивановна. В дверях застыл с медицинской сумкой ее санитар.

Старого казака мы напоили водой, он несколько успокоился и стал отвечать на мои вопросы.

– В хуторе Алексеевском немцы остановились гарнизоном в конце августа. Вскоре партизаны перебили их. Тогда на смену приехали горные егеря. Выселили из хутора часть жителей, заняли все дома, казаков в хаты не пускали, те разместились с семьями в катухах. Потом немцы приказали выбрать старосту. Никто не соглашался. Тогда немцы дали срок: не будет старосты – расстреляем десять казаков. Весь хутор ходил ко мне, просил спасти десять жизней. Уговорили. Внушка Таня упросила. Ее муж и все мои сыновья и другие все зятья – все ушли в армию. От немцев мы это скрыли. А тут Таня собралась родить, а родить негде... Егеря, как пришли, первым делом переловили всех кур. Один курятник и был свободен. Я вычистил его, и мы с Таней поселились там. И вот умирает она, – старик снова зарыдал.

Сквозь рыдания улавливали мы отдельные фразы:

– Приходили повитухи из соседних станиц... Не могут помочь... Просил в госпитале у немецких врачей... только смеялись над моими слезами... Из Краснодара доктора в горы ехать бояться... – Старик замолчал, подавил рыдания, потом встал, вытянулся во весь богатырский рост и сказал строго: – Вы меня не обманывайте, в отцы я вам гожусь. Наши казачки знают: в партизанских отрядах есть врач, женщина одна. Хорошо лечит казачек и детей принимает. Все слухи ведут к вам... Опасаясь кричать, чтобы не пристрелили немцы, Таня душит свои крики в подушке. В этом случае – грех обманывать. Есть у вас доктор-женщина или нету?

Я сидел в тяжелом раздумье: и помочь надо, и немцы могут схватить...

Елена Ивановна шагнула ко мне.

– Товарищ командир отряда! Разрешите идти в хутор Алексеевский, пока еще не поздно.

Я поднял голову и сказал:

– Легко сказать: «идти». А если это ловушка?

Старик вскочил как от удара:

– Оставьте меня в залог! Я всей своей родне прикажу прийти к вам.

– Успокойтесь, отец, – сказал я, – Елена Ивановна пойдет с вами. Мы доверяем вам.

Я едва успел отнять свою руку – старик хотел поцеловать ее. А у нас на Кубани ни панам, ни попам рук не целовали... Усадив его на стул, я вышел из шалаша с Худоерко.

– Вот что, Павлик. Пойдешь с санитаром следом за Еленой Ивановной. Возьмите еще дополнительно патронов и гранат. Больше у меня никого из партизан здесь нет. Я сам уйти не имею права. Смотри, отвечаешь головой за Елену Ивановну.

Солнце еще не зашло, когда староста и Елена Ивановна вышли из леса на дорогу, которая вела в хутор.

На плечах Елена Ивановна несла вязку хвороста. А в нем были спрятаны инструменты и медикаменты.

Вдали продирались за нею через кусты Худоерко и санитар. Они держали наготове автоматы, а на поясах у них висели гранаты.

Старик привел Елену Ивановну к своему курятнику. Она зорко осмотрелась. Никакой опасности не чувствовалось. Немцы, жившие в доме старика, ушли на заставу. Она вползла в курятник.

Роженица казалась мертвой. У Елены Ивановны в первую минуту руки опустились.

Выхода не было – Елена Ивановна решила сделать операцию при свете каганца. Старик завесил щели, чтобы наружу не просочился свет. В курятнике стало душно, как в бане на полке. Пот градом катился по лицу Елены Ивановны и падал на роженицу...

Не ночь это была, а тяжкая мука и для роженицы, и для деда, и для Елены Ивановны.

Только под утро сидевший у катуха старик услышал слабый детский писк. Когда рассвело, его позвали к роженице.

Глубоко ввалившимися глазами на него смотрела живая и счастливая Таня...

Старик стал целовать руки Елены Ивановны, омывая их слезами радости.

Но хуторяне собирались уже в лес на работу, и с ними надо было подобру-поздорову уходить и Елене Ивановне. Торопливо укладывая инструменты, она рассказывала, как в дальнейшем ухаживать за роженицей.

И в это время в курятник вошла еще одна невестка старосты. Она стала умолять доктора навестить ее тяжело больную дочь.

Старый казак, опустив седую голову, молчал в смущении: как поведет он через хутор чужую женщину среди бела дня?

– Раз я здесь, пойдёмте, отец, посмотрим, – сказала Елена Ивановна.

Натянув платок на самые глаза, как прячутся летом от солнца наши казачки, Елена Ивановна смело вышла из курятника. Староста и его старшая невестка пошли рядом с ней.

У этой больной оказалось заражение крови. Спасти ее можно было только переливанием крови, Его широко применяла Елена Ивановна у себя в госпитале. Но что могла она сделать здесь, в катухе? Ей нужна была не только кровь соответствующей группы, но и аппаратура...

Елена Ивановна написала записку на заставу нашей передовой стоянки. В записке было приказано санитару взять все, что нужно для переливания крови, и пробраться на хутор.

Солнце уже поднялось над лесом. Худоерко, сидя с санитаром в кустах на окраине хутора, все глаза проглядел: когда же покажется, наконец, Елена Ивановна?

У Павлика уже родился план пробраться огородами в хутор, когда он увидел идущих к лесу женщин и среди них свою агентурную помощницу.

В два счета записка Елены Ивановны оказалась в руках у Худоерко, а вскоре санитар доставил ее мне...

Что можно было предпринять? Я приказал санитару, не мешкая, идти в госпиталь, взять все, что было необходимо Елене Ивановне, и отнести на хутор. Сознаюсь, я очень тревожился: что с ней?

А Елена Ивановна дала больной большую дозу стрептоцида, успокоила ее, и та уснула. В полдень вздремнула и Елена Ивановна...

Проснувшись она от какого-то шороха и спросонья не сразу поняла, где она. Потом стала настороженно вслушиваться в шорохи: доносились они сквозь ветхие доски сарая из огорода... Там же протрещала цикада... «Гляди, какая крепкая, – усмехнулась про себя Елена Ивановна, – ни заморозков, ни немцев не боится...»

Она расковыряла в задней стенке глиняную штукатурку и сквозь щель увидела в лопухах Худоерко. Вдвоем они отодрали нижнюю доску, и Павлик протиснулся в сарай.

Худоерко извлек из-за пазухи принесенные санитаром пакеты. Но, развернув их, Елена Ивановна ахнула: флакон с кровью для переливания был раздавлен...

Только Павлик, как всегда, не поддался отчаянию: он тут же скинул с себя телогрейку и верхнюю рубашку.

– Не горюйте, пожалуйста, мать. Моя кровь вами проверена. Она подходит для всех групп...

Поздно вечером я взял Дакса и пошел к хутору. Но не дошли мы и до окраины леса, как Дакс рванулся на поводке, однако беспокойства он не проявлял. Я ускорил шаг и услышал чмокание. На сигнал ответил сигналом – и через минуту передо мною стояла Елена Ивановка, а за нею Худоерко.

На этом не кончилось наше знакомство со старостой Алексеевского. Старый казак организовал сбор продуктов для партизан и сумел несколько раз доставить их нам. Сафронов каждый раз давал что-нибудь от моего имени старику: гвоздей, мыла, керосину...

Слухи о происшествии с внучками старосты широко распространились по окрестным хуторам. Ходили легенды о самоотверженности партизан, об их беззаветном служении народу. И это во многом помогало боевой и агентурной нашей работе.

Давно отшумела война. Внучка старого казака с его правнуком, названным в память нашего сына Геней, приезжает иногда в Краснодар и каждый раз заходит к нам. Мальчик зовет Елену Ивановну мамой.

Девушка, спасенная от заражения крови Еленой Ивановной, вышла замуж, родила дочь и назвала ее в честь своей спасительницы Еленой. И она, бывая в Краснодаре, считает своим долгом навестить нас.

Глава II

Три группы, вышедшие на минные диверсии, имели, как я говорил, задания различной трудности и важности. Место одной диверсии находилось вдалеке от нашего лагеря, место другой было не очень отдаленным. Первая операция требовала большой подготовки, вторая и третья – меньшей.

Но во всех случаях люди шли на смерть с единой мыслью: отомстить! И сейчас, когда я вспоминаю об этом едином порыве всего отряда, каждый партизан встает перед моими глазами, будто было все это только вчера.

Расскажу об этих диверсиях в том порядке, в каком сам получал донесения о них.

Первой вернулась в лагерь группа Мельникова. Было это двадцать седьмого октября.

* * *

Все реки как реки, а река Шебш – особенная.

Летом в предгорьях любую реку можно перейти вброд на перекатах, даже не набрав воды за голенища сапог. Река Шебш всегда полноводна. Вода всех наших речек прозрачна: в ясный солнечный день на дне можно пересчитать мелкие камешки и увидеть самую маленькую рыбешку. Вода реки Шебш всегда мутна.

Она течет в крутых, почти отвесных берегах, голых как колено и только в некоторых местах покрытых купами кустов. И на ней существует единственный пережат, единственный сносный брод в километре от станицы Григорьевской. Но он был крепко-накрепко закрыт немецкими дзотами.

Для нас Шебш оставался вечным камнем преткновения. Особенно после диверсии, когда нужно было как можно скорее уйти в горы от преследующих по пятам немецких автоматчиков.

Чего только мы не измышляли, придумывая способы быстрой переправы через Шебш!

Вначале мы мечтали получить через фронт, от моряков и летчиков, резиновые лодки, надуваемые воздухом, – их легко можно было бы носить в рюкзаках. Но в те дни моряки и летчики не могли заботиться о нас: у них своих забот было достаточно...

Затем мы пытались наладить переправу по старому кавказскому способу – на плотках, поддерживаемых надутыми шкурами: кожаные мешки мехом внутрь. Но из этой затеи ничего у нас не получилось.

Оставалось одно: плот и веревка.

Обычно это делалось так. Хороший пловец переплывал реку. К его поясу была прикреплена веревка, другой конец которой оставался на берегу. Добравшись до противоположного берега, пловец крепко привязывал свой конец к камню или к стволу дерева, а мы свой конец прикрепляли к плоту, грузили на него оружие и рюкзаки и, уцепившись за плот, переправлялись на другой берег. Если за один раз плот не мог принять всего нашего груза, операция повторялась несколько раз. Для этого приходилось с громадным трудом тащить плот против сильного течения и переправлять его второй раз за грузом, привязав предварительно к нему вторую веревку.

Все это отнимало много сил и, главное, слишком много времени. А рядом был прекрасный брод, закрытый немецкими дзотами. Еще Евгений мечтал разгромить их.

Мы знали, что переправа останется по-прежнему для нас закрытой: немцы не отдадут в наше распоряжение единственного брода через Шебш. Но мы уничтожим гарнизон у переправы и заставим фашистов впредь держать здесь значительно большие силы. Пусть боятся партизан...

Группа под командованием Мельникова вышла ночью к броду. И «тарарам» удался ей на славу.

У реки наши разделились на две группы.

Мельников отправился минировать дорогу, идущую от Григорьевской к перекату. Остальные, закутавшись в маскировочные халаты, поползли к дзотам.

Ночь была темной. Изредка срывался дождь. Немецкие часовые перекликались приглушенными голосами, будто боялись нарушить тишину ночи.

Наши благополучно миновали часовых и засели у самых дзотов. Дождь усиливался. Было холодно.

Со стороны дороги раздался жалобный крик совы: это Мельников сообщал, что минирование закончено.

Почти одновременно с совиным криком в дзоты полетели гранаты. Уцелевшие немцы выскочили из дзотов. Новые взрывы гранат уложили их на месте.

Часовые, несшие охрану у дзотов, подняли было беспорядочную стрельбу, а потом бросились наутек. Высоко вздымая брызги, они бежали по перекату через реку. Наши били их из карабинов. Раненые падали в воду, пытались удержаться на скользких камнях, но быстрая, своевольная Шебш несла их дальше, крутила в водоворотках.

В Григорьевской поднялась тревога. Три тяжелые грузовые машины, битком набитые автоматчиками, помчались на помощь дзотам.

Первой взорвалась на минах головная машина. Две остальные резко затормозили. Но на перекате наши добивали часовых, ждать немцам было нельзя, и вторая машина осторожно тронулась на выстрелы. Мина разорвала ее пополам.

Третий грузовик, резко повернув, полным ходом пошел обратно, в Григорьевскую. Сидевшие на нем автоматчики длинными очередями били в темную ночь. Надо думать, они понимали, что бессмысленно тратят патроны. Но, вероятно, от этой трескотни им было не так страшно.

Группа потерь не имела – ни единого раненого. Сосчитать же потери врага мы не могли – сколько их утонуло в Шебши, сколько взорвали мины?.. По приблизительным подсчетам агентурщиков, немцы потеряли в эту ночь у Шебши не меньше ста человек...

* * *

Группе Ветлугина предстояло совершить очень сложную операцию: взорвать поезд на железной дороге между Ильской и Северной и машины на шоссе, идущем параллельно дороге.

Старшим минером и руководителем минных операций назначен был сам Ветлугин. Для взрыва поезда мы выделили Еременко. Минирование шоссе поручалось тоже лично Ветлугину вместе с Литвиновым и Малышевым. «Практикантом» шел Власов.

На операцию вышли вместе с партизанским отрядом «Игл», состоящим из жителей станции Ильской.

Решено было применить те же мины, что и на четвертом километре, – с предохранителями.

Как остро чувствовалось отсутствие Евгения, когда группа готовилась к выходу! Но его друзья свято хранили его заветы. Ветлугин заверял меня:

– Не беспокойтесь, Батенька, все будет сделано так, как при Евгении.

И Геронтий Николаевич, как всегда, выполнил свое обещание: через пять дней, тридцать первого октября, его группа вернулась с операции, которая прошла очень успешно.

...К концу вторых суток наши добрались до Дербентки. Ильцы встретили их радушно.

– Даже как-то неудобно было, – рассказывал Ветлугин, – будто героев встречают. Это все благодаря нашей первой минной диверсии, на четвертом километре. Но когда зашла речь о новой диверсии, ильцы приуныли. У них возникли опасения, что нельзя подобраться к этому шестикилометровому участку между Ильской и Северной – немцы там дзоты построили. И шоссе отстоит от железной дороги на расстоянии двух с лишним километров – уйти, дескать, не успеем, перехватят. И не знают ильцы, чем рвать и как рвать, и полнолуние наступило. Одним словом, хоть обратно уходи. Вижу, дело дрянь. Собрал я совещание минеров и командиров взводов: рассказал все подробно о наших минах. Объяснил, что не мины были повинны в гибели братьев Игнатовых. Долго говорил. Наконец убедил.

На следующий день вышла разведка обоих отрядов на поиски лучших подходов к шоссе и железной дороге. От нашего отряда разведкой руководил инженер Ельников. Первое, что он сделал, – просил ильцев предупредить о движении разведки все соседние партизанские отряды. Ильцы заверили, что все будет выполнено. Весь вечер прошел в наблюдениях. Из глубины гор и с переднего края наши наблюдатели уже двое суток внимательно изучали в бинокли расположение немцев, следили за движением постов и караулов.

Ночью отправились искать проходы. Но лишь только вошли в кусты, как справа заговорили тяжелые пулеметы. Это били заставы соседнего партизанского отряда, так и не предупрежденного ильцами о движении нашей разведки.

Партизанские пулеметы всполошили немцев: фашисты открыли убийственный заградительный огонь. Стонали и выли мины. Взошла луна. Лунный свет скользил по кустам, по прогалинам, по купам деревьев.

Ельников, искусно маневрируя, без потерь вывел разведку из-под перекрестного огня.

На следующий день Ветлугин лично проверил, действительно ли предупреждены соседи о нашей операции, и в сумерки Ельников опять вышел со своими разведчиками.

Тихо, так тихо, что партизанские заставы даже не услышали шороха, разведчики подползли к кустам у дороги.

Ночь. Холодное небо в крупных звездах. Луна окружена белыми легкими облаками.

В лунном свете Ельников отчетливо увидел мощную линию дзотов. Ильцы были правы: на этом участке не подползти к полотну железной дороги...

Но Ельников упрям и настойчив. Два часа вел он наблюдение за дзотами и вдруг, неожиданно для самого себя, обнаружил, что добрая половина их – фальшивки: вместо пушек, грозно смотревших из амбразур, стояли искусно замаскированные стволы деревьев, вместо часовых – соломенные чучела...

И все-таки, получив подробные, обстоятельные донесения Ельникова, Геронтий Николаевич еще не решился выступить на операцию. Свято храня традиции Евгения, прежде чем окончательно наметить места взрывов, он выслал еще одну минную разведку. И опять беззвучно подползли партизаны к железной дороге и лежали в ольшанике у шоссе. Залитые лунным светом, стояли перед ними настоящие и фальшивые дзоты, сменялись немецкие караулы, проходили патрули...

Теперь, наконец, картина была абсолютно ясна.

Движение по шоссе и железной дороге происходило только днем. Каждые сутки шоссе пропускало несколько сот машин, по железной дороге поезда шли строго по расписанию – утром и вечером.

Подходы теперь уже были точно намечены. Роли распределены. Время непосредственного минирования и отхода установлено между семью и девятью часами вечера – от начала темноты до восхода луны.

– Одним словом, Батя, – говорил Ветлугин, – если бы нашу карту разведки увидал Евгений, даю слово, он остался бы доволен.

Точно в назначенное время наши проползли линию немецких дзотов и разбились на две группы.

Минеры Еременко направились к железной дороге. Минеры Ветлугина остались у шоссе.

Ветлугина охраняли три группы прикрытия: группа Ельниковца залегла с правой стороны дзотов, Мусьяченко отошел со своими влево, а в тылу лежала группа Причины.

Они рассказали, что Геронтий Николаевич заметно нервничал. Да и понятно: это была его первая самостоятельная крупная операция. Но оказалось, нервничал он зря: Литвинов, Малышев, Власов работали безукоризненно. Мины были заложены вовремя. Ветлугин сам заложил две мины, тщательно проверил маскировку остальных и дал сигнал отхода.

Вокруг было тихо и темно – луна еще не поднималась.

Минеры ждали. Прошло двадцать минут. Вот-вот взойдет луна, а Еременко нет... Люди волновались. Ветлугин приказал залечь и в случае чего огнем прикрыть отход наших от железной дороги.

Что же задержало Еременко?

Оказалось, он со своей группой благополучно подполз к железной дороге, дождался, когда пройдут часовые, и приступил к минированию.

Все шло нормально, как вдруг дозорный шепнул:

– Патруль!

Еременко подал сигнал. Все скатились в кювет, лежали, боясь дыхнуть.

– И вдруг чувствую толчок в плечо: поднимаю голову и вижу... – Еременко, рассказывая, хватается за голову. – Это надо было видеть самому. Этого не расскажешь. Представляете себе: на полотне стоит наш часовой. Опустился на одно колено – и стоит. Ну, просто хоть картину с него пиши... До сих пор не понимаю, почему он окаменел, то ли сигнала не услышал, то ли растерялся. Ну, думаю, конец...

Румынский патруль подходит все ближе. Идут и так оживленно разговаривают, хохочут, перебивают друг друга, что ничего вокруг себя не замечают. Так и прошли по другой стороне полотна, не заметив нашего часового...

Должен признаться вам, Батя: подполз я к нему и так обругал, что он даже заморгал от удивления... Сам же я снова начал укладывать тол; спешу, нервничаю. Грунт тяжелый, каменистый. А этот самый часовой стоит около меня и шепчет:

«Кончай, Еременко, сейчас луна выйдет. Кончай...»

Раз сказал, два сказал, а на третий я так обозлился, что решил пугнуть его как следует, поднял гранату:

«Еще слово – и на части разорву!»

Кончил я, когда уже всходила луна. Мы поползли обратно, к своим, а вокруг светло, как днем... Добрались до первых взгорий. На небе уже гасли звезды. Все бросились в траву. Тело ныло. Мучительно хотелось спать. Наступила реакция...

Воспользовавшись тем, что Еременко умолк, рассказывать продолжал Ветлугин:

– В шесть часов десять минут я проснулся. До прохода поезда осталось двадцать минут. Я стал устраиваться поудобнее, вооружился биноклем, жду... Двадцать минут оказались ужасно длинными. Проснулся и Степан Сергеевич, сел рядом. На часы мы с ним смотрели каждые три минуты. И на пятнадцатой минуте решили, что часы испортились... Наконец справа над деревьями показалась струйка дыма. Грешен, – мне почудилось, что поезд благополучно прошел то место, где работал Еременко. Я взглянул на него: он сидел бледный как полотно. Мне его стало жалко – я хорошо понимал, что было на сердце Степана. И, пока я жалел Степу, раздался глухой взрыв. В бинокль было отчетливо видно, как паровоз упал набок, разломившись пополам. Вагоны лезли друг на друга. Над местом взрыва стояло в воздухе серое облако дыма и пыли. Я подсчитал: из тридцати трех вагонов уцелело только четыре хвостовых. Остальные – вдребезги.

Но пока я подсчитывал вагоны, я прозевал момент второго взрыва. Мне удалось увидеть только облачко дыма на шоссе и оторванный передок грузовика, лежащий на дороге. Все шло по программе. Минут через тридцать показалась вторая машина. Она была нагружена ящиками. На ящиках сидели немецкие автоматчики. Надо думать, в ящиках были снаряды, потому что взрыв был грандиозный. Маленькие фигурки солдат отлетали очень далеко, а от – машины ровно ничего не осталось. Мы продолжали сидеть и ждать. Еще одна мина досталась многоместной легковой штабной машине, после чего движение окончательно остановилось. Больше ждать было нечего. И тут случилось самое неприятное: нас с Еременко схватили... Нет, не удивляйтесь: не немцы, схватили свои и начали качать. Я кричал благим матом, болтал руками и ногами, мне казалось, что все кишки в животе переболтаны. До сих пор живот ноет. А Еременко – такой хитрющий! – вытянул руки по швам и, как кукла, перевертывался в воздухе в разные стороны. И утверждал потом, что никаких болей не чувствовал. Имейте это в виду, Батенька: когда вас будут качать, ведите себя, как Еременко.

Скоро к нам на горку прибежали начальники соседних отрядов. Узнали, в чем дело, и тоже хотели качать. Но я категорически воспротивился. Вот и все. Мне кажется, товарищ командир, что операция прошла неплохо...

«Нет, – думал я, – это еще не все... Счет еще не оплачен...»

В тот же день я послал Павлика в контрольную разведку, чтобы точно выяснить, чего достигли наши минеры.

Он вернулся только через четыре дня и принес радостные сведения – группы Ветлугина и Ельникова отлично поработали: убито больше шестисот фашистов, тяжело ранено четыреста.

– Но это не все, Батя! – глаза Павлика сияли. – Приплюсуйте к ним еще шестьдесят пять. И притом не только простых рядовых, но офицеров и важных чиновников.

Оказывается, Павлик после разведки увидел, как из Георгие-Афипской двигалась целая процессия – под конвоем эсэсовцы вели солдат, офицеров и чиновников со связанными руками.

Процессия подходила ко рву на опушке леса. Приговоренных поставили у края.

После третьего залпа все было кончено. Эсэсовцы обходили тех, кто не свалился в ров, и добивали раненых из пистолета. Потом прибежали полицейские и забросали ров землей.

Павлик, конечно, не удержался и отправился к своим друзьям в Георгие-Афипскую.

Оказывается, расстреляли тех, кто, по мнению немецкого командования, прозевал и допустил взрывы на железной дороге и шоссе. Попали не только охранники, но и чиновники из Краснодара.

– Так что вы, Батя, пожалуйста, прибавьте шестьдесят пять, чтобы ошибки не было!

* * *

Группа Кириченко потерпела неудачу. Вернулась она, и Сергей Мартыненко коротко доложил мне, что, минировав шоссе, они напоролась на румын. Завязалась перестрелка. Работу пришлось прекратить. Но все же на единственной mine, которую удалось заложить, подорвался автомобиль с автоматчиками. Кириченко ушел искать профилированную дорогу – и пропал. Группа вернулась без него...

Происшествие неслыханное в нашем отряде: потерять командира группы.

Разбираться, кто прав и кто виноват, было некогда. Я приказал Янукевичу отобрать лучших людей в отряде и решил на рассвете идти с ними искать Кириченко: живым или мертвым мы его найдем, даже если придется пробраться в Григорьевскую... Немцы так легко не получают нашего Николая Ефимовича – прекрасного минера, человека огромной душевной чистоты.

Но он вернулся сам, живой и невредимый, как раз в тот момент, когда мы уже выходили на поиски.

Оказалось, все было не совсем так, как коротко доложили мне накануне.

Пришла группа к шоссе и, как обычно, начала наблюдение. На рассвете партизаны подобрались к намеченным местам, подтянули к шоссе мины из леса. Кириченко с Поддубным начали минировать крутой спуск, что у самой Григорьевской.

На взгорье, охраняя их, лежал парный дозор; старшим в нем был Сергей Мартыненко.

И он не сумел выполнить задания: загляделся на минеров и, только оглянувшись, увидел, что у самого его носа прямо на Кириченко идет группа румын. Скорее всего, это была смена караула у моста.

По нашим правилам, Сергей должен был открыть огонь, принять удар на себя и этим предупредить минеров. А он здесь вел себя не по-партизански: растерялся и пропустил румын.

Они приближались к Кириченко. Он был один – Поддубный только что ушел в лес за второй миной. Кириченко сидел на корточках и преспокойно маскировал бульжником заложенную мину.

Поднял глаза и видит: румыны стоят рядом и направили на него винтовки.

– Савай! («Стой!» – по-румынски.)

Это было так неожиданно, что Кириченко в первую минуту растерялся. С обычной для него словоохотливостью он ответил: «Угу!» – и продолжал спокойно укладывать бульжник.

Румын его спокойствие озадачило, уже менее грозно они повторили:

– Савай!

Кириченко кивнул головой:

– Ага!

Но он понимал, что долго так разговор не протянешь...

На его счастье, вышел из леса Поддубный. Он сразу понял, что произошло, вскинул карабин. Два румына упали, двое других кинулись в кусты и оттуда открыли огонь по Поддубному. Теперь уже Кириченко пришлось снять их.

Он собрался возобновить свою работу, как снова раздался выстрел. Оказалось, раненый румын поднялся из кювета и взял Кириченко на мушку. Но Поддубный, почти не целясь, заставил лечь румына навсегда.

На этот раз с румынами было покончено. Но и минирование надо было кончать: уже мчались привлеченные стрельбой немецкие автомашины. К счастью, первая же машина с автоматчиками наскочила на единственную заложённую мину и взлетела на воздух.

Это было все. Приходилось уходить с операции ни с чем. Но Кириченко было обидно тащить обратно мины, и он решил отыскать проселочную дорогу (по его расчетам, она проходила где-то рядом) и заминировать на ней хоть какой-нибудь мостик.

Оставив группу в лесу, он пошел искать проселок. Шел по узенькой тропке, несколько раз сворачивал влево и вышел к проселку. Здесь-то и был подходящий мост.

Кириченко отправился обратно к своим за миной. А своих-то и нет... Только где-то недалеко лают собаки: немцы лес прочесывают...

Решив, что группа отправилась за ним к дороге, Кириченко пошел обратно. Плутал в кустах, подавал сигналы – никого. И так закружился в лесу, что потерял и дорогу к проселку.

Оставалось одно: пробираться к лагерю самостоятельно. Он пошел лесом напрямик к горам.

Небо покрылось тучами. Никаких ориентиров не было – ни звезд, ни гор.

Надо думать, Кириченко спутал направление и вышел под самую Григорьевскую.

Подошел к холмику и слышит – румыны разговаривают. Свернул влево – опять румыны. Повернул вправо – и снова в кустах румынский говор...

Дело дрянь. Отыскав дупло, минер залез в него и всю ночь отсиживался в нем, как белка.

На рассвете выполз из дупла, забрался на высокое дерево и увидел прямо перед собою гору Папай, а слева – Саб. Родными показались ему эти горы...

Выслушав и этот скупой рассказ Кириченко, я приказал выстроить всю группу, ходившую с ним на диверсию, и перед строем объявил строгий выговор Сергею Мартыненко. Вечером вопрос о нем детально разбирался на партсобрании.

Комиссар был вне себя от негодования. Серые глаза его казались теперь темными, стального отлива и горели злым огнем.

– Тебя, товарищ Мартыненко Сергей, отправили на эту диверсию в группе отборных товарищей. Ты своим мужеством и военным мастерством должен был поднять дух неустойчивых партизан, не доверяющих нашей мине. Таково было партийное задание тебе, Мартыненко Сергей, – чеканил слова комиссар. – Но как оправдал ты доверие партчасти? Вместо того чтобы настороженно слушать и всматриваться во все стороны, как это положено на операции дозорному, ты, товарищ Мартыненко, забыл все на свете. Ты едва не погубил Кириченко. Ты сорвал операцию... Сколько немцев благодаря тебе осталось в живых, попирают сапогами твою и мою Кубань?!

Я смотрел на бледное в рамке густых черных волос лицо Мартыненко. На нем проступил мелкий пот, губы пересохли. И мне вспомнилось, как вот так же, обливаясь потом, трудился Сергей с утра до ночи, когда строили мы наш лагерь. И таким же

бледным, с пересохшими губами, но не с потупленными, как сейчас, а с горящими ненавистью глазами видал я не раз Мартыненко в боях...

А комиссар продолжал чеканить. Он требовал для Мартыненко сурового наказания. Все партизаны, выступавшие в прениях по докладу комиссара, единодушно поддержали его предложение: записать Мартыненко строгий выговор, принимая во внимание его прежнюю партийную незапятнанность и хорошую боевую работу.

Чтобы не возвращаться к Сергею Мартыненко и его боевым делам, скажу: в дальнейшем он сумел заслужить прощение нашей партийной организации. Проступок же его, – сколь ни парадоксально звучит это, – возымел даже некое положительное действие на тех, кто побаивался мин: видимо, они и впрямь не страшны, эти мины, если такой серьезный человек, как Мартыненко, увлекся ими до потери головы.

Как бы то ни было, после этого происшествия дисциплина в отряде стала безукоризненной, хотя и раньше я не мог на нее пожаловаться.

* * *

С благодарностью я вспоминаю наших связных – людей удивительной скромности и образцовой дисциплинированности.

Работа их была невидная, будничная и как будто совсем не героическая: получить распоряжение командира отряда, выбрать относительно спокойную дорогу, добраться до места назначения, передать поручение и вернуться обратно.

– Разрешите доложить, товарищ командир отряда: ваше приказание выполнено, – обычно докладывал мне связной.

– Все благополучно?

– Благополучно, Батя.

Бахвалиться своими путешествиями они не любили, в крайнем случае отделялись общими словами, и как-то само собой вошло в привычку не расспрашивать их. Благополучно – и слава богу. Только иногда, и то случайно, удавалось узнать, что все было далеко не благополучно, что, наоборот, все было очень сложно, связной рисковал жизнью и вышел целым и невредимым только потому, что был храбр, находчив и ловок.

Однажды пришел ко мне Георгий Феофанович Мельников, наш связной, бывший бригадир гидрозавода в Краснодаре, и доложил:

– Ваше поручение, товарищ командир отряда, выполнено. Получите ответ.

– Как шли?

– Нормально шел, Батя...

Он поворачивается и уходит. А я глянул ему вслед и увидел за плечами у него немецкий карабин.

– Откуда у вас, Мельников, карабин?

Мельников замялся. Ответил неохотно:

– Повстречался по дороге с немцем и отобрал у него. Думаю, отдам его в лагере тому бойцу, которому трудно ходить на операции с длинной винтовкой. Вот и все.

– Все?

– Все, Батя... Разрешите уйти?

– Нет, Георгий Феофанович, садитесь-ка рядом со мной и расскажите подробно.

И Мельников рассказал...

Отправился он пешком: на лошади, думал, будет слишком заметной фигурой. Первые сутки шел ничего, сносно. А на вторые сутки устал: погода мерзкая – дождь льет как из ведра и грязь на сапогах, будто пудовые гири.

До места назначения оставалось пройти пустяк, а Мельников чувствовал, что сил больше нет: сядет сейчас в грязь и уснет. И – будь что будет...

Но надо было идти. И вот тут он ошибся: следовало бы двинуться по дальней тропке, а он к большаку свернул – так, дескать, ближе.

Прошел каких-нибудь метров сто и даже опомниться не успел, как его немцы сбили с ног, отняли автомат, связали руки и отправили с провожатым в станицу.

Усталость как рукой сняло. Идет Мельников и думает: как все-таки хорошо жить на свете – и грязь какая-то приятная, и дождь ласковый. Словом, не хотелось умирать. А главное, обидно было, что провожатый, щупленький немчик, утавил ему в спину его же собственный автомат, а свой карабин повесил за спину.

Стал Мельников незаметно руками шевелить. Чувствует – ремень ослаб.

Потихоньку освободил правую руку. Но виду пока не показывал, что рука у него свободна.

Тут, на его счастье, какой-то зверек в кустах пискнул. Мельников обернулся и видит: провожатый остановился и на куст уставился. Мельников размахнулся и ударил его по уху.

Немец без звука грохнулся наземь. Его же ножом Мельников его и прикончил, поднял свой автомат, отряхнул его от грязи, снял с убитого карабин, сбросил тело в ближайшую яму, накидал сверху валежник и отправился дальше.

Обратно шел по-умному: к большаку не вылезал и выбирал самые глухие тропинки...

Через несколько дней после того, как это рассказал мне Мельников, ко мне явились двое других связных – Петров и Прыгунов (я посылал их с планом наших операций в штаб куста). Они доложили мне, что приказание выполнено, и попросили разрешения уйти.

Я решил их спровоцировать:

– Садитесь, друзья, и расскажите, что с вами в дороге стряслось.

Они удивленно переглянулись.

– Ничего особо примечательного, Батя.

– А все-таки?

– Вам, Батя, Кузнецов, что ли, о лошади рассказал?

– Кто бы ни рассказал, а докладывайте...

– Дело было так, Батя, – начал Прыгунов. – Едем мы верхами с Алексеем Михайловичем, выбираем тропки поглубже, переправляемся через речки, переваливаем через горки и добираемся, наконец, до последнего перевала. Тропка крутая, извилистая. Едем медленно: впереди Петров, за ним я. Вдруг взрыв. Вижу – Алексея Михайловича из седла вышибло и он отлетел в сторону, а лошадь его на тропинку упала.

Подбежал я к Петрову, вижу – жив. Отделался только испугом и синяком под глазом – видите? А лошадь убита на месте. Оказалось, нарвались мы на немецкую мину. Знаем, что это со всяким может быть, а все-таки обидно потерять коня...

Взгромоздились оба на мою лошадь и медленно поехали дальше.

Два часа ехали благополучно. И вдруг из кустов грозный оклик: «Хальт! Рус, сдавайсь!»

Надо вам сказать, Батя, что ехать вдвоем на одной лошади очень неудобно: прежде всего не удерешь, а потом и стрелять несподручно – друг другу мешаешь. Но все-таки Алексей Михайлович изловчился и первым же выстрелом снял крикуна.

Немецкая засада в кустах засуетилась, открыла было стрельбу, но мы уже спешились и бросили в кусты две гранаты. А тех фашистов, которые уцелели от взрыва, добили из карабинов.

Само собой разумеется, собрали оружие, спрятали его подальше в глушняк, сели снова на моего конька и поехали.

Едем и переговариваемся: два происшествия было – третьего не миновать.

Лошадь моя устала, да и подъем стал очень крут. Мы спешились: Петров пошел вперед, а я чуть поодаль веду под уздцы лошадь.

Вдруг вижу – замер Алексей Михайлович, как лягаш на стойке. Даже правую ногу поднял и не опускает.

Я, конечно, тоже замер.

Оказывается, Петров увидал в кустах двух лошадей. Тихонько отполз в сторону и обнаружил двух немцев: один лежал под деревом, а другой сидел на суку и смотрел в бинокль.

Алексей Михайлович примостился поудобнее и двумя выстрелами уложил обоих немцев.

Вот, собственно говоря, и все. Дальше шло без происшествий: добрались до штаба куста, выполнили ваше приказание и благополучно вернулись обратно. Третью лошадь отдали Кузнецову.

Только когда же Леонид Антонович успел рассказать вам о лошади?..

Я уже не говорю о точности, с какою выполняли наши связные любое поручение. В описанном эпизоде с Петровым и Прыгуновым для обоих самым главным было выполнить поручение: доставить в штаб куста мое письмо и передать мне ответ товарища Поздняка, командовавшего к тому времени партизанскими соединениями.

* * *

Тремя минными диверсиями, о которых я рассказал, отнюдь не исчерпывалась деятельность нашего отряда в памятный мне октябрь сорок второго года. Не было партизана, который не мечтал бы лично отомстить врагу за гибель Евгения и Гени. Больше того, шли мстить за них и товарищи из соседних партизанских отрядов.

* * *

Вскоре после гибели моих сыновей ко мне на хутор Красный заявилось четверо ребят. Пришли, стали требовать у Сафронова, чтобы к ним вызвали командира отряда. Зачем – не говорят. Ребята утверждали, что они – партизаны из соседнего отряда северчан.

Я вышел к ним. Они вытянулись передо мною по-военному, один отчеканил три шага, приложил руку к рваному картузишке:

– Разрешите обратиться, товарищ командир отряда!

– Обращайтесь, – усмехнулся я.

Паренек для бодрости оглянулся на товарищей и строго произнес:

– Мы все – товарищи вашего сына Гени. Мы ходили с ним в разведку, и он многому научил нас. Мы пришли сюда, чтобы выразить вам наше большое сочувствие.

– Спасибо, товарищи! – сказал я, стараясь скрыть нахлынувшую боль.

– Это не все, товарищ командир отряда, – строго проговорил паренек, – вы меня перебили. И я еще должен произнести клятву... Мы клянемся памятью Гени, что отомстим за него, за Евгения Петровича и за нашего Конотопченко.

Они ушли, и вскоре за всеми своими делами я перестал и вспоминать о них. Но вот недели через две до меня дошли слухи, что ребята выполнили свою клятву. Расскажу об их делах так, как услышал о них сам...

Перед полотном железной дороги, чуть ближе к горам, среди фруктовых садов стояла их родная станица Северская.

Из своего отряда комсомольцы направились в Северскую, чтобы взорвать поезд, как взорвали братья Игнатовы.

Ребята шли налегке: в карманах у них были только гранаты да у пояса под одеждою револьверы. Но они не сомневались в том, что взорвут поезд: у немцев много тола, а у ребят в станице остались друзья. Значит, будет тол, будут мины. К тому же у одного из ребят, у сероглазого вихрастого Андрейки, в станице жил отец – не ушел в партизаны.

Андрей крепко надеялся на отцовскую помощь. Правда, они не были друзьями, но суровость и холодная замкнутость отца всегда казались Андрею проявлением большой мужской силы, собранности, воли. Это импонировало Андрею, болезненному, слабому мальчугану. Идя из отряда в станицу, он мечтал о том, как рука об руку со смелым и сильным отцом они выйдут на полотно, взорвут поезд и вместе уйдут в горы...

Любил Андрей и мать. Но на ее помощь не рассчитывал: она была забитая, молчаливая. С морщинками вокруг потускневших раньше времени глаз, она казалась такой безответной, беспомощной, слабой...

В глухую темень ребята пробрались в станицу.

Андрей задами подошел к родной хате. Как давно он не был дома... Немцы захватили Северскую неожиданно. В тот страшный день Андрей не видел отца и не сумел сказать ему, что уходит в горы. Только мать знала об этом.

«Значит, судьба», – сказала она ему тогда на прощание, обняла и перекрестила...

Андрей тихо постучал в окно.

На крыльцо вышла мать в темном платке.

– Андрейка! Родной мой... Нет, нет, не входи в хату...

Она закрыла его платком и, обняв, увела в самый конец густого, запущенного сада. И здесь Андрей узнал страшную новость: его отец стал предателем.

За корову, которую немцы отняли у соседей и подарили его отцу, он продал свою честь: стал полицейским.

– Уходи, Андрейка, уходи, мой хороший!.. – шептала мать.

– Нет, мама, я не уйду.

И Андрей рассказал матери, зачем он пришел в станицу и как мечтал вместе с отцом бить немцев.

– Страшно, Андрейка... Замучают они тебя. А ты у меня один на всем свете.

Мать долго смотрела в глаза сына, будто на всю жизнь хотела запомнить любимое лицо. Потом перекрестила Андрея и сказала:

– Иди, сын. Бей их, проклятых! За дела отца твоего стыдно мне станичникам в глаза смотреть. Иди... Я скажу людям, какого вырастила сына. Старая я, темная. Но если будет нужна тебе моя бабья помощь, шепни, сынок...

В ту ночь Андрей не смыкал глаз. Он думал об отце, которого еще вчера любил доверчивой детской любовью... И думал Андрей о своей матери: только сегодня он впервые по-настоящему увидел ее – сильную, честную.

Станица жила той же жизнью, что и неделю, месяц назад. Но по вечерам, когда с гор ползли сумерки, к дому полицейского подходили ребята, еще несколько месяцев

назад носившие на шее красный пионерский галстук. Их встречала жена полицейского, тетя Катя. Она была такая же молчаливая и так же куталась в темный старушечий платок. Она брала у ребятишек корзины – в них лежали яблоки, иногда яйца или просто свежее душистое сено.

Тетя Катя относила корзины в сарай. На дне корзин она находила желтоватые брусочки, похожие на мыло, тщательно свернутый шнур, какие-то капсулы. Все это она осторожно складывала в дальний угол сарая, где лежали старые хомуты, ржавые ободья для колес, поломанные лопаты, тряпье...

И вот наступил день, когда ребята выполнили свою клятву: глухой ночью на маленьком мостике у самой станицы взлетел на воздух поезд с немецкими автоматчиками.

Два дня фашисты прочесывали лес и кусты у станицы, проводили повальные обыски, расстреляли тридцать человек своей железнодорожной охраны, не сумевших уберечь важный воинский эшелон. Но никому из немцев не пришло, разумеется, в голову, что это босоногие ребятишки, рискуя жизнью, выкрали у них же на складах тол, взрыватели, капсулы, снесли все это к тете Кате и что в сарае у полицейского еще продолжал лежать добрый запас взрывчатки.

С немецкой педантичностью фашисты в два дня восстановили мостик. Но через несколько дней и новый мостик вместе с составом, груженным боеприпасами, взлетел на воздух. Взрывы были оглушительны, эхо несло их в горы. И мы видели с нашей передовой стоянки, как полыхало над Северной зарево.

Глава III

В конце октября мы получили от командования куста вызов на совещание командиров отрядов и руководителей штабов.

Мы отправились втроем – я, Янукевич и Иван Дмитриевич Понжайло, в прошлом старший инженер-экономист комбината.

Первые четыре километра ехали по Планческой Щели. Потом полтора километра поднимались по крутой дороге на вершину горы Карабет.

Отсюда был ясно виден весь северный склон горы: редкие, низкорослые, тщедушные деревья, большие прогалины, серо-голубые массивы скал.

Крутой дорогой спустились вниз. Ехали привычными нам ериками и течениями.

У подножия горы стоял густой высокий молчаливый лес. Нас остановила застава партизан, проверила документы и вызов на совещание и дала нам провожатого.

Около трех километров ехали по лесу, несколько раз круто сворачивая в сторону, и, наконец, выбрались на поляну. Здесь был лагерь отряда «Грозный», сюда же прибыл и штаб куста.

На поляне группами лежали командиры партизанских отрядов – разговаривали, курили, играли в домино.

Нас встретили очень радушно. Многие хорошо знали Евгения. Все подходило к нам, выражали соболезнование, поздравляли с операцией, предлагали на следующие диверсии идти вместе.

По просьбе партизан мы подробно рассказали о взрыве на четвертом километре. Но о том, что именно сейчас, когда происходило это совещание, группа Ветлугина и Ельникова вышла на такую же диверсию под Северной, мы промолчали. Сидя на совещании, я еще и сам не знал, с какими результатами вернутся Ветлугин, Ельников и с другой операцией – Кириченко.

Во время беседы к нам подошел слегка прихрамывавший невысокий человек в кубанке. Из-под распахнутой шинели на гимнастерке виднелся орден Красного Знамени. Это был командующий нашего куста – соединения наших партизанских отрядов – секретарь краевого комитета партии товарищ Поздняк.

Он отозвал меня в сторону, и мы долго говорили с ним о работе нашего отряда. Меня тронуло его внимание. Серые пронизательные глаза его не отрывались от моих глаз. Я видел: Иван Иванович Поздняк вникает в каждое слово мое, дела нашего отряда так же волнуют его, как и нас самих. И я решился поговорить с ним о наших заветных планах.

Перед уходом на диверсии, описанные в предыдущей главе, Ветлугин, Еременко и Кириченко просили меня открыть при нашем отряде «миннодиверсионный вуз». Об этом мечтал до последней минуты своей и Евгений.

Мысль об открытии «минного вуза» явно пришлась по душе и товарищу Поздняку: на сухощавом, подвижном лице его лежала улыбка, когда он повторял в задумчивости: «Минный вуз»... Предложение обсудим немедленно и – в жизнь...»

Совещание состоялось на той же полянке. Товарищ Поздняк говорил о будущей работе отрядов, о возможностях лесной горной войны партизан, отрезанных от частей Советской Армии, и о нашей минной школе. Эта школа, по мнению товарища Поздняка, в первую очередь должна охватить партизан Краснодарского куста. Для начала каждый отряд выделит по меньшей мере двух лучших партизан для учебы в нашем «вузе»... Сознаюсь, я слушал эти слова с большим волнением. Мысль Евгения воплощалась в жизнь. Мертвый, он продолжал свое живое, святое дело...

Совещание закончилось. Хозяева лагеря угостили нас обедом. После него мы разлеглись у костров. Настроение после совещания было праздничное, и кто-то запел сильным баритоном:

Ты, Кубань, ты наша Родина...

Я нагнулся к уху Виктора Янукевича:

– Жаль, нет с нами Мусьяченко, он показал бы, как поют эту песню...

Как бы в ответ на мои слова десятки дружных голосов подхватили:

Ветер носит песню звонкую,

Далеко она слышна

Над землею плодородною,

Что навечно нам дана...

Это пели командиры партизанских отрядов, люди, при имени которых трепетали фашисты и о делах которых уже складывало казачество сказания.

* * *

Как только Ветлугин, Кириченко, Ельников вернулись с операций, я созвал всех наших минеров и сообщил им о решении командования открыть минную школу.

Новость эту наши инженеры приняли с таким юношеским восторгом, что смотреть на них было радостно: ведь у каждого были семьи, дети, тревога на сердце. А вот, подите ж вы, папаши чуть в пляс не пустились! Я приказал им немедленно приниматься за разработку учебного плана, хотя и знал, что ни торопить, ни подгонять их мне не придется.

И верно: учебный план нашего «минного вуза» вскоре был готов.

Весь курс мы рассчитали на шестьдесят лекционных часов. После этого – учебная практика на минодроме и выходы на боевые операции.

К боевой практике решили допускать только тех из наших «студентов», кто сдаст экзамены по теоретическому курсу.

Теорию поручили читать Ветлугину, руководить практикой – Еременко и Кириченко. Председателем экзаменационной комиссии назначили меня.

Удобнее всего было разместить «минный вуз» в нашей фактории, на Планческой.

Здесь, как я уже говорил, на горной поляне до войны работал небольшой лесозавод: он перерабатывал лес на деловую древесину и отправлял ее на станцию Георгие-Афипскую по шоссе, которое теперь было заброшено.

Рядом со зданием завода вытянулись в два ряда сараи для лесоматериалов и рабочие бараки. Чуть дальше, ближе к горам, стояли домики для семейных рабочих и администрации. В одном из рабочих барачков и решено было разместить минную школу.

Вначале нас смущал вопрос об окнах. На Планческую продолжали налетать немецкие бомбардировщики. От взрывов авиабомб в школьном бараке не осталось ни одного стекла, кое-где вылетели даже рамы. Но Николай Николаевич Слащев, комендант Планческой, вышел из положения просто: окна на северной стороне он забил досками, а окна на южной стороне реставрировал. Где он достал рамы и стекло, одному ему известно.

В «учебном корпусе» устроили мы и общежитие для наших «студентов»: вдоль северной стены оборудовали сплошные нары на тридцать человек, вдоль окон поставили длинный стол для теоретических занятий. В нашем «вузе» появилась даже классная доска – ее раздобыла Елена Ивановна.

Дня через два мы ждали приезда первых «студентов». Но некоторые из них приехали в тот же день и даже сами помогали заканчивать подготовку здания.

Прошли еще сутки – все наши «студенты» были в сборе. И тотчас же начались занятия в минной школе.

Первый день я не выходил из «учебного корпуса»: ревниво всматривался в лица людей, которым суждено было воплотить в жизнь мечту моего сына.

«Студенты» сидели за столом, разложив перед собой тетради, и с огромным вниманием слушали Геронтия Николаевича. Когда он задавал им вопросы, они вставали по старой школьной привычке: это была в большинстве своем молодежь школьного возраста. Правда, сидели среди них и пожилые инженеры, но они подчинялись общим правилам и также почтительно вставали, отвечая Ветлугину.

Курс его лекций был рассчитан на шестьдесят четыре часа. С утра до обеда он читал с небольшими перерывами пять часов, после обеда – четыре.

Вначале я боялся, что такая нагрузка будет для наших «студентов» непосильной. Но вскоре опасения мои развеялись: Геронтий Николаевич читал блестяще. Его способы расчета были просты и легко запоминались.

К концу первой лекции на Планческую налетел немецкий самолет и сбросил две бомбы. Жалобно дребезжали окна. Дрожали стены нашего «учебного корпуса». Геронтий Николаевич продолжал спокойно чертить на доске схему минирования моста. Не шелохнулся никто и из его слушателей. Меня это порадовало: значит, действительно отряды послали в нашу школу бывалых, бесстрашных людей.

В эти дни надрывался от забот Николай Николаевич Слащев, комендант нашей Планческой фактории. От него прежде всего зависела бесперебойная работа «минного вуза». Легко ли было в наших условиях, в тылу врага, обеспечить едой, посудой, постельным бельем тридцать человек?

Николай Николаевич был предрасположен к полноте, но в эти дни если не фигурой, то лицом он заметно исхудал, и светло-серые глаза его ввалились и поблескивали сухим, бессонным блеском.

По его просьбе я выделил в помощь хозяйственной части фактории партизан из взводов. Одни работали в мастерских, другие пасли скот.

Всех партизан, прибывших к нам учиться, Слащев прежде всего угостил баней. Наши коменданты не пускали ни на одну из стоянок никого из разведчиков, прежде чем они не помоются и не переменят белье. Это не вызвало ни в ком из гостей недовольства. Но когда им наутро было предложено вынести на легкий морозец их постели – встряхнуть и проветрить, когда Слащев приказал «студентам», оголившись до пояса, умыться на дворе, почистить зубы и побриться, поднялся ропот.

Распорядок дня «студентов» мы установили тот же, что был и у нас в отряде. Утром их выстроили на поверку. Слащев объявил, кто из них и на какие дежурства назначается после занятий. Когда очередь дошла до дежурства по кухне, в строю поднялся смех и даже возмущение.

Однако новых своих товарищей мы «обломали» без особого труда. И прошло не больше трех дней, как в беседу со мною вступили двое из наших «студентов», люди немолодые, думающие. Они спросили меня, каким путем была достигнута у нас в отряде атмосфера полной друженности, взаимного доверия и уважения. Я ответил:

– Каждый из нас трудится наравне с другими. Нет «грязной» и «чистой» работы. Нет праздных часов, а потому не рождается и празднословие со склоками.

– А женщины?.. – спросили меня. – В вашем отряде, так же как и в других, партизаны – молодые и здоровые парни, не семидесятилетние аскеты. Неужели у вас не возникает ссор из-за женщин?

Я рассказал, что еще в Краснодаре, подбирая людей в отряд, мы с Евгением позаботились о том, чтобы в нашей будущей глуши не возникли неурядицы из-за женщин. Все семь наших партизанок были семейные. Пять из них пошли в отряд со своими мужьями. Да и не будь здесь мужей, ни одна из наших женщин не позволила бы себе никакого легкомыслия...

И вот... Поистине это было «вот», «и вдруг»!

На следующий день после того, как я расхвалил наших партизанок, я пришел на лекцию Геронтия Николаевича. Сажу и вижу: за окном сидит в укромном уголке на солнышке пара... На дворе ноябрь. С гор дует неласковый ветер. Женщина прижимается к мужчине. Он нежно обнял ее.

Пару эту никто не видел, но «студенты», будь у них время, могли бы полюбоваться ею вдосталь, как люблюсь я...

Женщина вскидывает головку, и теперь я узнаю ее: это Мария Ивановна Петряева, медсестра второго взвода, инженер гидрозавода.

Мужчина с нею рядом – командир второго взвода, инженер Ельников. То-то, заметил я, ходит он несколько дней подряд сам не свой: все забывает, путает, постоянно рвется из лагеря на Планческую, куда перевели временно Марию Ивановну.

Лекция кончилась. «Студенты» спешат обедать. Я подвожу Ветлугина к окну, показываю ему парочку:

– Что это такое, Геронтий Николаевич?

– Это?.. – переспрашивает он. – Это, Батенька, поцелуй. Хороший, здоровый поцелуй на хорошем, горном воздухе...

– И на виду у «студентов»...

Ветлугин перешел на серьезный тон:

– Жизнь, Батенька, есть жизнь. Романтику, любовь, нежность Гитлер не убьет в нас. Чем нежнее любит свою Марию Ивановну Ельников, тем яростнее будет он уничтожать фашистов, потому что фашизм – антипод любви, нежности, жизни, потому...

– Еще одна лекция, Геронтий Николаевич?

Он смеется:

– Не думайте, что эта пара нарушает семейную верность. Дело в том, что перед самым выступлением из Краснодара Мария Ивановна овдовела. Такая же беда постигла год назад и Георгия Ивановича. Порадуемся за них: страшное дело одиночество!

Тень набегает на лицо Ветлугина. Я знаю, что его тревожит судьба находящейся где-то в эвакуации жены.

– Хорошо! – говорю я. – Если пришла любовь, почему они не поженятся? Отпразднуем свадьбу в отряде...

– Это моя вина, – сознается Ветлугин. – Дня три они умоляют меня поговорить с вами о том, как оформить их брак. А я погрузился в лекции и о чужом счастье забыл.

Из «учебного комбината» я направился на кухню. Здесь, как нельзя кстати, оказалась Евфросинья Михайловна. Мы пошептались с нею, и она пообещала к вечеру испечь молодым сладкий пирог, да такой величины, чтобы хватило по куску всем.

Слащев по моему указанию выдал к ужину всем по пятидесяти граммов спирта. Поговорив с Ельниковым и Марией Ивановной, я посадил их во главе стола и прочел приказ по отряду. В нем говорилось: «Ввиду отсутствия загса в тылу врага командование отряда имени братьев Игнатовых берет на себя законную регистрацию брака Марии Ивановны Петряевой и Георгия Ивановича Ельникова, желает им счастья, любви и согласия, а также желает им продолжать борьбу против оккупантов столь же успешно, сколь вели они ее до сих пор...»

* * *

Наши соседи, марьинцы, прислали связного. Их отряд стоял на хуторе Азовка, и там появилась какая-то неведомая болезнь. Они просили Елену Ивановну срочно приехать: слава о ее врачевальном искусстве разнеслась по предгорьям.

Шестого ноября рано утром, взобравшись на свою рыженькую лошадку и захватив санитаров, Елена Ивановна отправилась в Азовку.

Я провожал ее с грустью: это был канун нашего великого праздника. По традиции, мы все вместе собирались в этот вечер в Краснодаре у себя в столовой.

«Впервые мне предстоит встретить праздник в одиночестве», – думал я, но думал так напрасно.

Наш зимний лагерь был похож в этот день на потревоженный муравейник: к празднованию двадцать пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции готовились все.

Главными распорядителями были Мусьяченко и Суглобов.

В столовой они соорудили помост для президиума – он же служил сценой для актеров. Сцену и стены украсили лозунгами и гирляндами из хвои.

Стол сервировали на пятьдесят персон, и на кухне в течение двух дней пекли, варили, жарили.

Во взводных казармах брились, чистились, мылись наши стрелки, минеры, разведчики.

В помещении дальней разведки шли репетиции струнного оркестра и певцов.

Дорожки в лагере были посыпаны чистым песком – его специально принесли на гору с речки.

– Ну, точь-в-точь, как в Краснодаре, на комбинате! – радовался Геронтий Николаевич.

Уже к шести часам вечера помещение второго взвода, где установили радиоприемник, было набито до отказа. Около приемника сидел взволнованный Причина.

Он отвечал за слышимость, и, будь на то его воля, он бы на пушечный выстрел не подпустил никого к своему коричневому ящику: не ровен час, что-нибудь испортят по неопытности.

На столе, где стоял радиоприемник, были разложены листы бумаги и десятки остроотточенных карандашей. Стояли свечи, колеблющееся пламя их создавало впечатление торжественности.

Причина, Мария Янукевич, Надя Коротова и Мария Ивановна Петряева сидели уже за столом, над листами чистой бумаги. Перед каждым из четырех лежали часы; и каждый вертел уже, нервничая, в руках карандаш.

– Прошу соблюдать полнейшую тишину, не мешать записывать, – поминутно повторял Причина, хотя репродуктор еще молчал, а в помещении никто не говорил даже шепотом.

– Первые пять минут записываем мы с Надей, – перебивая сам себя, говорит Причина, – следующие пять минут – Мура и Мария Ивановна. Потом снова мы... Ах, какое упущение: неужели не могли взять с собою из Краснодара хотя бы одну стенографистку?..

– Выпей валерьяновки, – посоветовал Причине Сафронов, чем окончательно вывел того из себя.

Наконец в репродукторе раздался знакомый голос:

«Товарищи!

Сегодня мы празднуем 25-летие победы Советской революции в нашей стране. Прошло 25 лет с того времени, как установился у нас советский строй. Мы стоим на пороге следующего, 26-го года существования советского строя...»

Пятьдесят партизан слушали, застыв на месте. Только шуршали изредка листки бумаги да поскрипывали, бегая по ней, карандаши.

«Второй период военных действий на советско-немецком фронте отмечается переломом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев, прорывом нашего фронта на юго-западном направлении, продвижением немецких войск вперед и выходом в районы Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска, Моздока».

Тишина стала физически ощутимой. Я поймал себя на том, что не – дышу. Не дышал в эту минуту никто из нас: Сталин говорил о нас, об участке фронта, с которым были связаны мы.

«Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники бросили на фронт все свои свободные резервы и, нацелив их на одном направлении, на юго-западном направлении, создали здесь большой перевес сил и добились значительного тактического успеха».

На какие-то короткие секунды воздушные разрывы прервали радиопередачу. Что-то затрещало, зашуршало в репродукторе. Причина бросился к аппарату. Но репродуктор

снова работал безукоризненно, и пятьдесят человек угрожающе зашикали, чтобы Причина не шумел.

Шли минуты, мы не замечали их.

«Нашим партизанам и партизанкам – слава!»

Сталин кончил свою речь.

Но в помещении по-прежнему стояла тишина. И только через полминуты будто река прорвала плотину, загремели аплодисменты: первые аплодисменты здесь, в горной глуши, в партизанском гнезде.

Ко мне подошел взволнованный Ветлугин:

– Вы слышали, Батенька, что сказал Сталин? «Нашим партизанам и партизанкам – слава!» Эту славу надо заслужить... У меня к вам есть разговор...

Но говорить с Геронтием Николаевичем нам не удалось – каждый был полон пережитым, каждый хотел поделиться своими чувствами. Меня, Сафронова, комиссара Голубева партизаны забрасывали вопросами:

– Вы слышали – немец хотел окружить Москву?..

– Вы слышали, что сказал Сталин о втором фронте?..

Прошло не меньше часа, прежде чем комиссару удалось начать свой доклад.

После доклада – художественная самодеятельность.

Концерт открыл хозяин лагеря, наш комендант и эконо́м Леонид Антонович Кузнецов, принявший на себя обязанности конферансье. Я впервые узнал, какие таланты скрывались в нашем отряде.

Не только Мусьяченко, но и Лагунов и Федосов оказались певцами. А Леонид Федорович Луста отбил такую чечетку, что ему пришлось бисировать.

«Гвоздем» второго отделения концерта было выступление Суглобова с чтением юмористических рассказов и «трепак» Сафронова. Почтенный Владимир Николаевич, несмотря на большое сердце и несколько грузную фигуру, как молодой парубок, носился по сцене, и благодарная публика наградила его бурными аплодисментами.

Концерт кончился далеко за полночь.

Веселые, возбужденные, разошлись партизаны спать. Я пошел проверять караулы: как всегда, они стояли на тропках, на горе, на заставе. Только, ввиду праздника, караулы были усилены и сменялись чаще обычного: хотелось дать возможность нашим часовым посмотреть хотя бы часть концерта.

В помещении командного пункта в эту ночь расположилась наша «типография». Я стоял и смотрел, как энтузиаст Причина катает валик шапирографа.

Причина торопился: до рассвета Надя Коротова, Евфросинья Михайловна и Мария Янукевич должны были пробраться в станицы и хутора, занятые немцами, и раздать нашим агентурщикам отпечатанную на шапирографе речь Сталина.

– Завтра она будет известна немецкому командованию! – торжествовал Причина. – Проснутся фрицы утречком, а у них на штабах висят мои листочки...

Причина не ложился спать в эту памятную ночь. А седьмого ноября с утра, радостный и праздничный, он вбежал ко мне:

– Приказ Сталина, Батя! Выделите ко мне на шапирограф пять, нет – десять дежурных. Какой приказ! Какие золотые слова!

Этот незабываемый приказ, который и поныне не могу читать без глубокого волнения, я прочел седьмого ноября перед строем. Мне стоило в те минуты больших усилий сдержать слезы радости.

Не прошло и часа, как каждый взвод вывесил в своем помещении плакаты, на которых большими, красивыми буквами были написаны слова приказа:

«Раздуть пламя всенародного партизанского движения в тылу у врага, разрушать вражеские тылы, истреблять немецко-фашистских мерзавцев».

Ко мне подошли Ветлугин и Янукевич – оба бледные, взволнованные, оба подтянутые и строгие.

Карие глаза Ветлугина горели. Глядя на меня в упор, он сказал:

– Разрешите выполнять приказ?

зу понял, о чем говорит Геронтий Николаевич.

– Разрешите выполнять приказ товарища Сталина: разрушать вражеские тылы!

столько внутренней решимости в тоне Ветлугина, что я встал со стула, сам не замечая этого, и, тоже вытянувшись, как в строю, спросил:

– Вы задумали новую диверсию, товарищи?

– Мы должны заслужить славу партизанам, о которой сказал Сталин, – глухим, взволнованным голосом ответил Янукевич.

Они положили передо мною карту кавказских предгорий. По ней, убегая далеко от нашего лагеря к Черному морю, вилась красная черта: путь, по которому собрались идти эти два партизана.

Я пристально посмотрел в глаза Ветлугину:

– Вы забыли, Геронтий Николаевич, о «минном вузе»...

Нет, он был, как и Евгений, человеком долга. А эти люди не бросают свои дела недоделанными. Он ответил:

– Подготовка к диверсии, тщательная разработка плана ее займет у нас с вами, Батенька, не меньше пяти дней. Это ровно столько времени, сколько нужно мне, чтобы закончить свой курс в «минном вузе».

Я еще раз глянул на красную черту, выведенную на карте, – Ветлугин и Янукевич задумали отчаянное дело, посильное только людям огромной воли и душевной силы.

– Хорошо! – сказал я и пожал им руки.

Глава IV

Разведка принесла тревожное известие: в ночь на седьмое крупная немецкая часть, поддержанная артиллерией и танками, обрушилась на Азовку. Всю ночь шел бой. К рассвету марьянцы отошли в горы. Хутор горел.

Надо ли говорить, в каком состоянии жил я в эти дни... Об Елене Ивановне никто из разведчиков ничего не знал. Удалось ли ей уйти? И если даже ушла она с отрядом марьянцев, где и как мог я разыскать ее? Направление, в котором отходил любой из наших отрядов, всегда было одно и то же: в горы... Ищи иголку в стоге сена!

Дни стояли напряженные. Никогда еще не было у меня в отряде столько работы и забот: «минный вуз», подготовка диверсии Янукевича и Ветлугина, подготовка и выполнение повседневных мелких диверсий, писать о которых нет возможности, ибо их были десятки и десятки.

Днем у меня не оставалось времени для «личных переживаний». Но ночи были страшные. Коротким, тревожным сном удавалось забыться только к утру. Но и во сне думал я об Елене Ивановне, кошмары мучили меня.

Она вернулась только на пятый день – возбужденная, все еще переполненная впечатлениями недавнего боя.

С хутора Красного она выехала со связным марьянцев и с санитарями спокойно, не спеша. Пересекли они лес, обогнули два хутора, занятые немцами. Уже смеркалось, но

луна еще не вставала. Когда въехали в густой орешник, услышали со стороны Азовки частую стрельбу очередями. Где-то далеко заливались пулеметы и выли мины.

Здесь пришлось прищпорить лошадей. Рыжая лошадка жены вела себя достойно: уж на что хороши кони у марьинцев, а она не отставала от связного ни на шаг.

У опушки встретили двух дозорных. Они только что были в Азовке и коротко рассказали Елене Ивановне: немцы, решив, очевидно, что марьинцы будут заняты празднованием октябрьской годовщины, повели наступление. Бой разгорался на подступах к хутору. Схватка жестокая. В Азовке уже есть раненые.

Елена Ивановна со связным мчалась так, что ветер свистел в ушах. Санитары отстали.

В Азовку прискакали, когда из-за гор только что показалась луна. Справа от хутора, на взгорье, что подковой окружает Азовку, шел бой: били тяжелые пулеметы, визжали мины.

В штабе Елена Ивановна застала командира марьинцев. Он сказал, что положение серьезное: силы слишком неравны – из соседней станицы вышли немецкие танки.

В это время в хату внесли раненого. Рана оказалась тяжелой – надо было немедленно оперировать.

Мельников был санитаром опытным, он быстро все приготовил. С трудом удалось Елене Ивановне вынуть осколок. Она промыла, перевязала рану и только тут заметила, что бой идет уже в самом хуторе. На улице было светло как днем: сияла луна и горели хаты. Где-то совсем рядом бил пулемет. По улице несли тяжелый танк...

Елена Ивановна увидела, как рядом с ней, словно из-под земли, появился партизан. Он поднял гранату. Но, очевидно, из танка его заметили. Раздалась короткая пулеметная очередь – и партизан упал прямо под гусеницы танка.

Жена бросилась к нему, схватила за ногу, сколько было сил, потянула на себя. Танк пронесся в метре от них.

Марьинца ранило в голову. Надо было немедленно сделать перевязку. А рядом уже грохотал второй танк, за ним третий.

Подбежали санитары, унесли раненого. Мельников, схватив Елену Ивановну под руку, втащил ее обратно в штаб.

Танки били из пулеметов. Свистели пули, цокали о что-то металлическое в крыльце.

Мимо промелькнула какая-то фигура – раздался взрыв.

Елена Ивановна обернулась: танк пылает, гусеница перебита гранатой...

Едва она кончила последнюю перевязку, как вбежал начальник штаба: надо уходить. За танками густыми колоннами идет немецкая пехота...

Елена Ивановна с санитарями погрузила раненых на подводы, подобрала все оружие – захватила даже охотничью двустволку и финский нож, оставленный кем-то в штабе. Под обстрелом они ушли в горы, куда немцам не пройти.

Азовка пылала. Немцам достанется только пожарище, подбитые танки и трупы солдат.

В лесу жена организовала походный госпиталь, даже с вливанием противостолбнячной сыворотки.

Раненых было много, и Елене Ивановне пришлось еще не раз ездить в горы: часть раненых марьинцев она отправила на самолетах в Сочи, часть же перевезла к себе в госпиталь на хутор Красный.

* * *

Ветлугин уже заканчивал свой курс в «минном вузе». План будущей диверсии, на которую он шел с Янукевичем, тоже был в основном разработан нами. Через день-два группа должна была выйти на работу.

Но неистовый Ветлугин не находил себе места. Если три ночи подряд ему не удавалось пойти на операцию, – на четвертую он терял сон и покой.

Буквально за сутки до выхода на большую диверсию Ветлугин нашел возможность еще раз посчитаться с гитлеровцами.

Недалеко от разъезда Энем, на территории бывшей машинно-тракторной станции, стоял крупный немецкий склад. В нем хранились боеприпасы. Здания складов были огорожены колючей проволокой. На угловых башенках стояли тяжелые пулеметы. Вокруг – голая ровная степь.

Подобраться к складам, казалось, невозможно. Но Павлик Худоерко не хотел с этим мириться. Несколько дней бродил он вокруг складов, как кот около сливок, и ломал голову, как бы проникнуть за колючую изгородь, обмануть немецкий караул и взорвать склад...

В одну из разведок Павлик познакомился с молодой казачкой Зиной. Сердце не камень... Павлик добился у Зины свидания; оно было назначено вечером у старого платана, что растет за околицей хутора.

Но Зина на свидание не пришла.

Павлик вернулся в лагерь чернее тучи.

На другой день рано утром он снова отправился на разведку и случайно встретил девушку у колодца. Но объяснить им не удалось – вокруг стояли посторонние люди. Однако Зина успела шепнуть Павлику, что будет ждать его вечером все у того же платана.

На этот раз молодая казачка была точной. Зина просила простить ее: в прошлый раз она не пришла только потому, что немцы погнали ее убирать склады – выметать какую-то вонючую промасленную бумагу. Девушка была огорчена: свободолюбивая, гордая, она считала позорным работать на фашистов.

– Я даже не знаю, увидимся ли мы еще раз, – сказала она. – Проклятые фашисты затеяли генеральную уборку, и теперь каждый день мне с девушками придется ходить на склад. Да еще веники заставляют приносить с собой, окаянные. Где их ломать сейчас?

Девушка ждала, что Павлик утешит ее, но тот неожиданно впал в какой-то непонятный восторг:

– Вы ходите на склад со своими вениками, Зинуша? Так ведь это же великолепно!

Девушка ничего не понимала.

– Зина, дорогая, не сердись. Завтра... нет, послезавтра я прибегу к тебе. И, может быть, мне удастся избавить тебя от работы на складе. Жди!

Павлик убежал, едва простившись. Зина не знала, огорчаться ей или радоваться.

А на следующий день на Планческой собрались Литвинов, Ветлугин, Еременко. Павлик рассказал им подробно, как стоят склады, доложил и о вениках.

Снова ночь напролет просидели Литвинов и Ветлугин: кислотную мину нужно было сделать портативной, чтобы она могла поместиться в ручке веника. На счастье свое, кислоту мы прихватили с собой еще в Краснодаре.

Поздно вечером Павлик вызвал Зину к околице и, как величайшую драгоценность, преподнес любимой... связку веников!

Девушка была обескуражена. Но Павлик доверил ей тайну необычного подарка. Всю ночь до рассвета они беседовали о будущей диверсии. Павлик расспрашивал Зину о каждой подруге: если хоть одна из них окажется болтушкой, фашисты расстреляют всех девушек.

Решено было посвятить в тайну только комсомолок и еще двух-трех казачек, за которых Зина ручалась головой.

Утром, как обычно, молодые казачки пришли убирать склад.

Большинство из них принесли с собой веники – прекрасные новые веники с тяжелыми ручками.

В этот день девушки работали не за страх, а за совесть: они залезали в самые отдаленные уголки склада, выметали сор из-под ящиков и, уходя, оставили между ними несколько веников.

В сумерки в кусты у хутора пробрались Павлик, Ветлугин и Литвинов.

Геронтий Николаевич поминутно смотрел на часы:

– Ваш расчет неверен, Михаил Денисович: сейчас двадцать два ноль-ноль. Опоздание тридцать минут.

Литвинов молчал...

Прошел еще час. Лежать было холодно, озноб бежал по телу, досада наполняла душу.

– Я всегда говорил, что химия – наука несовершенная, – желчно шептал Ветлугин, – не зря я избрал меха...

Кончить фразу ему не удалось: раздался оглушительный взрыв. К небу над складом взвился огненный столб. Он осветил поле, кустарник, строения на разъезде.

Взрывы гремели один за другим – это рвались в огне боеприпасы.

На разъезде и на хуторах поднялся переполох. В небо взлетали ракеты, гудели машины, трещали суматошные выстрелы. Луч прожектора метался по полю. Было светло вокруг как днем – видны каждая ямка, каждый камень.

Наши едва унесли ноги в лес. А сзади все гремели и гремели взрывы.

У развилки троп группа сделала привал.

– Продолжим наш разговор, – спокойно начал Литвинов. – Я нахожу, что химия – прекрасная вещь. Химики же бывают прекрасные, но бывают и скверные. Предвижу вашу остроту, Геронтий Николаевич, и парирую ее на корню: я не отношу себя ни к категории скверных химиков, ни к категории Менделеевых. Просто не была известна концентрация кислотного раствора, и я не мог точно рассчитать, как скоро кислота разъест стенки металлических трубочек. Да эта скрупулезная точность в конце концов и не была нужна. Я стремился, чтобы мины взорвались после того, как девушки уйдут из склада, и до того, как завтра они вернутся на склад. Мне это удалось: веники сработали вовремя.

– Я уверен, Михаил Денисович, что после войны за работу над вениками вам присудят большую золотую медаль имени Менделеева, – смеялся Ветлугин. – Ну, шутки в сторону. Павлик, пора! Разузнай на разъезде все досконально. А главное, поблагодари свою Зину и девушек. Легко сказать – какой фейерверк устроили! За это их немцы по головке не погладят, если, конечно, доберутся до виновников. Хотя едва ли: проделано все чистенько. Ну, ни пуха ни пера...

Павлик исчез в кустах. В той стороне, куда он ушел, полнеба полыхало заревом.

Глава V

Наступил последний вечер перед уходом группы Ветлугина и Янукевича на диверсию. Еще раз собрались мы втроем на командном пункте.

Перед нами снова лежала знакомая карта кавказских предгорий: зеленые пятна лесов, коричневые горы, голубые реки, желтые пашни, черные кружочки станиц, и через все это – зигзагами, петлями, острыми углами – прочерчена резкая красная линия.

Я смотрел на карту, и она оживала перед моими глазами: там, где на ней были обозначены точки хуторов, расположились немецкие гарнизоны, и у белых казацких хат, на широких станичных улицах качались на виселицах трупы замученных. Тонкой нежной голубой штриховкой была обозначена невылазная глинистая грязь. Она прилипнет к сапогам партизан, и ноги их станут тяжелыми, будто налитые свинцом. Причудливые узоры коричневых линий обозначали крутые подъемы по скользким мокрым камням, обрывы, пропасти, нависшие скалы, глубокие темные ущелья. А там, где не было никаких значков на карте, притаились вражеские засады. Они могли быть всюду: у околиц станиц, в лесу, в темной зелени кедров, на развилке дорог, за камнями ущелья. И разве я мог предугадать, в какой точке красной линии лежали фашистские снайперы? Линия начиналась на южном склоне горы Стрепет, у нашего лагеря. Отсюда она шла на юго-восток на сто километров.

Сто километров по тылам врага, по кручам, болотам, колючему терну, через бурные горные реки, через укрепленные полосы врага, мимо дзотов и скрытых засад. Каждый метр этих ста километров таил страшную, быть может, мучительную смерть. И только до дерзости смелый горный охотник, с детства знавший предгорья Кавказа, мог решиться на этот путь. А этот путь выбрали для себя два мирных горожанина, всю жизнь свою прожившие в городе и только сейчас, четыре месяца назад, по-настоящему узнавшие, что такое горы, предательские броды горных рек, взрыв мины на кабаньей тропе, автоматная очередь вражеской засады. У одного из них легкие поражены туберкулезом. Другой кажется таким щуплым, что неизвестно, в чем душа у него держится.

Но я был уверен в Ветлугине и Янукевиче. Они пройдут этот путь. Они взвалят на свои плечи десятки килограммов продовольствия, толовые шашки, противотанковые гранаты, патроны, карабины. Они будут карабкаться на кручи, переходить вброд реки, бесшумно ползти мимо немецких дзотов, спать вполглаза, на мокрой земле, каким-то особым, обостренным чутьем по стрекоту сойки, по обломанной ветке, по еле слышному шороху в кустах вовремя обнаружат вражескую засаду и придут туда, куда приведет их красная линия на карте.

Заранее, неторопливо и обстоятельно – так, как у себя на комбинате они собирали материал для очередного проекта, – придя на место диверсии, они произведут разведку. И когда настанет время, на их минах взлетят в воздух фашисты.

Они сделают все это, потому что сердца их полны ненависти, потому что они знают – этого требует от них родная истерзанная Кубань. Этого требует наша родная Коммунистическая партия.

Но зачем понадобилось выбирать место для диверсии в ста километрах от лагеря?

Дело в том, что мы несколько увлеклись диверсиями в непосредственной близости от лагеря. Естественно, фашисты стали сугубо бдительными. Они охраняли чуть не каждый метр дороги. Проводить операции становилось все труднее. Я не мог не согласиться с Геронтием Николаевичем, что самое разумное временно оставить в

покое ближайшие районы и ударить там, где пока относительно спокойно и фашисты нас не ждут.

Мы сидели за картой до глубокого вечера. Несколько раз меняли углы и петли красной линии. Намечали места дневок. Спорили о каждом килограмме багажа. Ветлугин, как на экзамене, говорил наизусть адреса, имена, фамилии наших друзей в станицах.

Группа поставила перед собой очень трудную задачу: выйти к железной дороге Белореченская – Туапсе и к шоссе Майкоп – Туапсе и взорвать поезда и автомобильные колонны немцев.

На эту диверсию шел цвет нашего отряда: Ветлугин, Янукевич, Литвинов, Сафронов, Слащев, Понжайло и Мария Янукевич.

В ту последнюю ночь мы, посоветовавшись, включили в группу Дмитрия Дмитриевича Конотопченко, родного брата Григория Конотопченко, повешенного в Имеретинской: он прекрасно знал места будущих диверсий – много лет работал там секретарем райкома партии.

Они вышли из лагеря глубокой ночью. Я пошел их провожать до нашей передовой стоянки. Там мы простились. Я пожал каждому руку. А мне хотелось бы обнять всех их, прижать к сердцу. Даже Конотопченко, недавно пришедший к нам в отряд, уже не был для меня чужим человеком. Что же говорить о всех остальных, о моих боевых товарищах, о ближайших друзьях моего Евгения?..

Они ушли, их отсутствие ощущал я как-то обостренно и, чтобы меньше тревожиться о них, старался все мысли и внимание отдавать «минному вузу».

Теперь «студентами» овладел Еременко. Энтузиаст минного дела, он уходил с головою в занятия. «Студенты» слушали его, буквально открыв рот. Я наблюдал за Степаном Сергеевичем и диву давался: передо мной был прежний Еременко – светловолосый, ясноглазый человек, с лицом на редкость приветливым, и вместе с тем это был новый Еременко. Тот, прежний, больше всего в жизни боялся кого-нибудь обидеть, оказаться недостаточно внимательным к товарищу, сказать резкое слово. Этот Еременко был очень требовательным к «студентам».

Не прошло и трех дней с тех пор как начал он обучать «студентов», с ним случилось происшествие, которому и поныне я не нахожу точного объяснения.

Дело было так.

Шли обычные практические занятия в нашей минной школе. Степан Сергеевич принес с собой гранату РДГ и объяснял ее устройство. Курсанты сидели за столом и внимательно слушали. Все шло нормально.

И вдруг Степан Сергеевич нечаянно спустил ударник!.. Он растерянно смотрел на курсантов. Те поняли: сейчас произойдет взрыв – он может уничтожить их всех.

Курсанты бросились к дверям. Образовалась пробка. Только один Павлик Сахотский спокойно взял гранату и швырнул ее в окно.

Вслед за звоном разбитого стекла послышался взрыв капсуля и строгий голос Еременко:

– Занять места. Принести гранату.

Сконфуженные курсанты сели на свои места.

– Я хотел проверить вашу выдержку, товарищи, – ледяным тоном, какого за ним никто не знал, заговорил Степан Сергеевич, – ту самую выдержку и хладнокровие, без которых не может быть настоящего минера-диверсанта. Этой выдержки у вас, к

прискорбию, не оказалось. Только один Сахотский проявил достаточно хладнокровия и не растерялся. Плохо, товарищи...

Еременко отвернул доньшко у гранаты: из нижней части на стол высыпался песок.

– Граната учебная. Взорвался только капсюль. И если бы это даже случилось здесь, в комнате, ничего страшного не произошло бы. Хотя, конечно, вы не знали об этом...

Тотчас после этой «жестокой» лекции я вызвал Степана Сергеевича в комнату коменданта и постарался с достаточной убедительностью объяснить ему всю неправильность его поступка.

– Да, да! Это варварский способ преподавания, – с искренностью, не вызывавшей сомнения, говорил Еременко. – Вы не можете себе представить, как они, бедняги, испугались... Да, я не должен был так поступать. И вам я причинил неприятность...

Мне было смешно смотреть в его ясные, как горное озеро, глаза – столько было в них смущения. Нарочито сухо я сказал Еременко:

– Пойдемте ночью на минодром вместе. После сегодняшнего инцидента я хотел бы сам присутствовать на ваших занятиях.

Минодром – специально оборудованная площадка – находился у реки.

Здесь было все, с чем придется встретиться будущему минеру-диверсанту на операциях: и участки железной дороги, и шоссе, и профиль, и река с камнями, и нависшие скалы, и большой мост через реку.

Еременко вел занятия интересно.

Разделив курсантов на группы, он каждой дал этой ночью особое задание: первая группа минировала железную дорогу, вторая – шоссе, третья – профиль, четвертая привязывала толовые шашки к стальной балке моста, пятая должна была завалить дорогу и сделать огромную воронку в реке, чтобы закрыть проезд через брод автомашинам и танкам.

Назавтра другой партии курсантов задано было найти места ночного минирования. После этого Еременко предполагал перейти к взрывам.

Я предложил ему обращать особое внимание на технику безопасности и, пожелав успеха в занятиях, пошел спать.

Мне следовало бы еще дня три назад отправиться в лагерь. Но под всякими предложениями я продолжал сидеть на Планческой.

Мне было тяжело бывать на горе Стрепет – там каждый камень напоминал ребят.

Случилось же так, что мое пребывание на Планческой оказалось необходимым: Еременко снова «начудил», как говаривал когда-то Геня.

Разобрав детально со своими учениками устройство обычной мины, Степан Сергеевич приказал одному из курсантов вложить в нее капсюль с бикфордовым шнуром и подорвать камень, выступающий из воды.

Когда все было подготовлено, Еременко проверил работу, велел зажечь шнур и быстро отойти за дерево.

Пламя с дымком побежало по шнуру. Все укрылись в блиндаже. Проходит минута, другая, – взрыва нет.

Степан Сергеевич идет к мине, поднимает ее и бросает в реку.

Раздается оглушительный взрыв. Огромный столб воды поднимается над рекой и обрушивается на Еременко...

Курсанты, будучи уверены, что он погиб, что взрыв сбросил его в реку, начали лихорадочно срывать с себя ватники, стаскивать сапоги. Двое уже разогнались, чтобы

прыгнуть в воду, когда из-за камня появился Еременко – веселый, улыбающийся и мокрый с головы до ног: вовремя спрятался за камень.

Я был вне себя от возмущения: ведь всего лишь вчера мы говорили с ним о технике безопасности в минном деле!

Еременко искренне изумился, когда я накинулся на него: на сей раз он даже не осознал своей вины. Прижимая руки к сердцу, говорил, улыбаясь:

– Я же не хотел никого пугать. Опасность могла бы угрожать только мне одному!

Убеждать его было бесполезно. Я сказал, что понятие «партизан» отнюдь не включает в себя понятия «самоубийца», и предупредил Еременко, что поставлю вопрос о нем на партийном бюро. Впрочем, в тот момент это могло бы прозвучать пустой угрозой – никого из членов бюро, кроме меня самого, в отряде не было: комиссара Голубева отозвали в командование куста, где ему было дано спецзадание, новый комиссар Конотопченко, так же как партийный секретарь Сафронов, ушел на диверсию. И кто из нас мог поручиться, что они вернутся...

В конце концов, Еременко начал терзаться раскаянием. Нет, он раскаивался не в том, что натворил, он терзался тем, что огорчил меня и напугал курсантов.

Я же не знал, чего еще можно ждать от этого честнейшего и добрейшего человека... И вздохнул облегченно только тогда, когда наши «студенты» закончили «минный вуз».

Это было девятнадцатого ноября. Мы объявили на Планческой праздник: наша школа выпустила первую группу минеров. Каждому из них мы выдали удостоверение, что он может самостоятельно проводить минные диверсии. Тем, кто показал особые успехи, разрешалось быть преподавателем минного дела.

Прощаясь с новыми минерами, я рассказал им о своих сыновьях, о том, как мечтал Евгений создать «минный вуз». Он был бы счастлив, если бы дожил до этого дня.

Евгений любил повторять формулу, найденную им самим: «Два минера равны полку эсэсовцев».

Наши бывшие «студенты» подхватили эти слова. Расставаясь с учебным залом Планческой, они повесили на стене для следующей группы курсантов плакат, на котором написана была формула Евгения.

Среди этой первой группы были люди талантливые, полюбившие минное дело не меньше нашего Еременко. Тепло прощаясь с нами, они просили не забывать их.

Со связными я отправил товарищу Поздняку рапорт о первом выпуске наших курсантов, а также письмо, в котором испрашивал разрешения испробовать новые методы борьбы с врагом. В ответном письме товарищ Поздняк писал:

«...Еще раз подтверждаю совершенно правильное ваше предложение, что ваш отряд должен действовать группами в четыре-пять человек, присоединяясь к другим нашим отрядам; тогда вы сможете действовать совместно шестью – восьмью – десятью отрядами, и плоды работы вашего отряда будут удесятрены...»

Мы расстались со своими курсантами-минерами двадцатого ноября днем – они разошлись по своим отрядам, а двадцатого вечером радио сообщило об ударе по группе немецких войск в районе Орджоникидзе. Уничтожено было сто сорок танков. Враг оставил на поле боя пять тысяч трупов.

Наш лагерь ликовал. Причина бросал своему радиоприемнику благодарные улыбки, будто этот коричневый ящик был тем смертоносным оружием, которое уничтожило танки и пять тысяч фашистов...

Надя Коротова и Мария Ивановна, отпечатав на шапирографе радостную сводку Совинформбюро, отправились разносить листовки по соседним отрядам и станицам.

Они вернулись через два дня и принесли нам приветы от наших бывших «студентов» – те просили передать, что скучают по Планческой.

На прикладе Надиной оптической винтовки я заметил свежую царапину.

– Плохо бережешь оружие, – сказал я. – Дай-ка сюда!

Первым инстинктивным движением Нади было – прижать к груди винтовку, потом, подняв умоляющие глаза, Надя протянула ее мне. На прикладе было четырнадцать глубоких царапин, они лежали аккуратненько одна под другой, тринадцать были чем-то протравлены, вероятно марганцовкой.

– Почему же четырнадцатую не закрасила? – спросил я.

– Не успела... Когда же?.. Четырнадцатого я ж только сегодня сняла... – лепетала Коротова.

– А тринадцать когда? Почему не докладывала?

Надя молчала. Надо было ее видеть! Рослая, цветущая женщина-снайпер стояла, опустив голову, и теребила полу ватника. И вспомнить только – несколько месяцев назад эта «пшеничная барышня» делала десять промахов из десяти возможных!..

– Тех тринадцать я успокоила под горою Папай, когда наш взвод ходил туда на операции, – произнесла Надя.

Сдерживая улыбку, я сказал сердито:

– Вне очереди пойдешь на кухню чистить картошку. Еще раз не доложишь – отберу винтовку.

– Обязательно буду докладывать. Побили немцев под Орджоникидзе, скоро будем выбивать из Краснодара: вот где оптическая винтовка поработает...

Коротова ушла, а в палатке моей, казалось, все звучит ее уверенный голос: «...скоро будем выбивать из Краснодара...»

«Пожалуй, не за Кавказскими горами тот день, а здесь, близко, в наших предгорьях», – подумал я впервые...

* * *

Через день снова у нас радость: наши минеры вернулись... Пять суток длился их тяжкий путь. Пять долгих суток кралась группа по оврагам, взбиралась на кручи, обходила станицы, пересекала дороги. Шли в дождь, слякоть, по скользким камням, по вязкой глине, прислушиваясь к каждому шороху, к отдаленному собачьему лаю.

К концу пятых суток минеры подошли к полотну дороги и залегли в кустах.

Ночь была непроглядная. Моросил дождь. Умученные дорогой, люди спали под дождем, не замечая его. Нужно было выспаться, потому что завтра предстоял тяжелый, ответственный день. Тишина стояла такая, будто вымерло полотно: ни огонька, ни патрулей, ни поездов.

Партизаны решили, что движение здесь идет только днем, и порадовались: ночь была свободной. Но почему нет часовых?..

На рассвете к полотну поползли Янукевич и Понжайло, чтобы наметить места наблюдений, провести первую предварительную разведку.

Они возвратились неожиданно быстро, оба хмурые, злые.

– Ржавые рельсы, – бросил Янукевич.

– Что значит – ржавые? – недоумевал Ветлугин.

– Ржавчина, дорогой Геронтий Николаевич, это то же самое, что и коррозия, – окисление металла... А это значит – и вам следовало бы знать, главный инженер-

механик, – что по этой дороге давным-давно не было и нет никакого движения. Дорога мертва. Ясно?

– Подожди, Виктор, ничего не понимаю. Почему нет движения? – взволновалась Мария.

– Об этом, жена моя, рекомендую справиться у фашистов, я не осведомлен. Да это меня не интересует. Важен факт: дорога не действует. И делать нам здесь нечего.

– Что же, весь путь пройден зря?

– Пустяки, на шоссе вдвойне отыграемся, – старался ободрить всех Ветлугин.

К шоссе подошли на рассвете. Выслали тотчас же две пары разведчиков: хотелось скорее приняться за работу.

В сумерки возвратилась первая пара: все те же – Янукевич и Понжайло.

Виктор Иванович сел на камень и... молчал. Молчали все.

– Говори же, Виктор! – не вынесла напряжения Мария.

– Надо возвращаться домой – опоздали. Взорвано все, что можно взорвать: мосты, мостики, даже само полотно дороги. Очевидно, нас опередили армейские саперы при отступлении. Шоссе травой поросло. И мы, друзья, безработные.

Утром по-прежнему моросил мелкий надоедливый дождь. Рваные тучи ползли по небу. Хрипло кашлял Янукевич. Товарищи знали его нрав: сохрани боже высказать сочувствие. Делали вид, будто не слышат кашля.

На сердце у всех было тоскливо: пройти сто километров – и каких сто километров! – потерять столько времени и, ровно ничего не сделав, вернуться в лагерь...

Обратный путь казался теперь еще более длинным, тяжелым, опасным.

Даже молчаливый, застенчивый Литвинов не сдерживался, ворчал:

– Хотя бы одну паршивенькую машину исковеркать, одного бы фашиста укокошить!

Только Конотопченко не терял надежды. Тонем, который сразу всех успокоил, он сказал:

– Вот что, друзья, вы здесь отдохните, а я пойду приятелей навещу, работы пошукаю.

С ним навязались Янукевич и Понжайло: тоскливо же сидеть без дела...

Наступил вечер, а они не возвращались.

– Этого еще не хватает! Что мы Батеньке скажем? – нервничал Геронтий Николаевич.

Ночь тянулась нудная, бессонная, пока не явились невредимыми все трое: то ли радоваться, то ли обругать за пережитые из-за них тревоги...

– Прощу прощения, мы, кажется, слегка опоздали, – галантно извинился Конотопченко.

– И на том спасибо, что живы, – проворчал Слащев.

– Вы лучше спасибо за то скажите, что мы работу нашли.

...Всю ночь группа шла еле заметной тропой. Ноги скользили на мокрых камнях – дождь не переставал. К нему прибавился ветер, пронизывающий до костей. Не видно было ни зги. Но усталость уже не могла одолеть людей, потому что завтра их ждала боевая работа. Какая – Конотопченко пока не говорил. Он только загадочно улыбался:

– Все пригодится: и гранаты, и мины, и бикфордов шнур...

Ранним утром, когда на востоке чуть забрезжило, впереди выросла одинокая избушка; окна наглухо закрыты ставнями. Вокруг – ни души.

Конотопченко подошел к ней и условным стуком постучал в дверь, а через минуту пригласил товарищей:

– Прошу!

В избе наши увидели четверых вооруженных. Они оказались местными партизанами.

После короткой беседы вся картина была ясна.

Советская Армия при отступлении основательно вывела из строя нефтяные промыслы. Немцы пытались их восстановить, но это им не удалось: партизаны рвали вышки и механическое оборудование. Но сил для крупной диверсии у них не было. Потому-то так и обрадовались они гостям. Они предлагали провести всю подготовительную работу своими руками. А работы здесь было непочатый край: восстановленная оккупантами электрическая станция, водокачка, трехарочный мост через глубокое ущелье.

Здесьние партизаны истосковались по работе – они готовы были немедленно, как наступит вечер, выйти на диверсию. Но в нашем отряде стали непреложным законом старые традиции, установленные Евгением: сутки ушли на неторопливую, обстоятельную подготовку.

В ночь, назначенную для удара, все так же моросил дождь, выл ветер в ущелье и та же стояла крошечная тьма.

Начали местные партизаны: быстро и бесшумно сняли немецкую охрану у моста и порвали связь.

Под их охраной Слащев, Ветлугин и Сафронов поползли к электростанции и водокачке. И здесь стояли часовые: двух сняли наши, четверых – местные партизаны. В это время Янукевич и Литвинов минировали мост. Конотопченко с местными партизанами устраивал громадный завал на дороге по эту сторону моста: недавняя буря повалила высокие сосны на краю ущелья. И когда несколько дней спустя, уже в нашем лагере, на горе Стрепет, Дмитрий Дмитриевич вспоминал об этой работе, ему самому казалось невероятным, что маленькая горсточка людей ухитрилась на несколько десятков метров перетащить гигантские сосны и крепко связать их колючей проволокой.

Первой закончила работу группа на мосту. Мура Янукевич поползла с донесением об этом к электростанции.

– Героша, у нас все готово...

– Нашего фейерверка, Мура, не ждите. Слащев священнодействует: дорвался, наконец, до своих генераторов, – прошептал Ветлугин.

– Зато немцам придется строить электростанцию заново, или я никогда не был техноруком теплоэлектроцентрали... – шипел Слащев.

– Иди, Мура, и отводи своих.

Через полчаса у электростанции три раза квакнула лягушка. Ей ответила лягушка у водокачки, и тогда охрана поползла к соседнему леску.

Минут через десять раздалось новое кваканье. На мгновение вспыхнули два огонька: это Слащев и Сафронов подожгли бикфордовы шнуры. Вслед за этим к лесу метнулись три тени.

Взрыв настиг их у опушки.

Стало светло. И видно было, как взлетали в воздух камни, куски металла, бревна. Трехкратным эхом повторили взрыв горы.

В поселке, по ту сторону ущелья, загомонили голоса, замелькали огни, зашумели моторы.

Первая машина с автоматчиками, полным ходом пройдя мост, наткнулась на завал.

– Хорошо! – пожал руку кому-то из местных партизан Ветлугин. – Ай, спасибо!

Нелегко было немцам оттащить в сторону эти громадные сосны, связанные колючей проволокой. Разборка затянулась на добрых полчаса. А машины все подходили и подходили к ущелью. На мосту была толчея: десяток автомобилей и среди них два танка – тяжелый и средний.

Немцы работали добросовестно: им осталось оттащить последнюю сосну завала, и фашисты тащили ее в сторону изо всех сил, натягивая проволоку, которую так внимательно проверял перед отходом Янукевич. Труд немцев увенчался, наконец, блестящим результатом: со страшным грохотом рухнул трехарочный мост. В ущелье падали исковерканные машины, танки, автоматчики...

Теперь местный партизан пожал руку Ветлугину и проговорил ласково и с лукавством:

– Хорошо! Ай, спасибо!

В темном дождливом небе над нефтепромыслами взвилась красная ракета.

– Тревога, хлопцы. Пора тикать. Прощайте! – Конотопченко обнял своих друзей. – Запомните, товарищи: у нас это называется «принципом максимального эффекта» – одним ударом уничтожены электростанция, водокачка, мост, машины и танки. Большого как будто сделать было нельзя. Желаем удачи, друзья...

О том, как они проделали обратный стокилометровый путь, никто из группы даже и не рассказывал: путь этот показался всем легким и коротким.

* * *

Вероятнее всего, немцы принимали факторию на Планческой за наш основной лагерь. Почему же, возникает законный вопрос, они не разгромили факторию? Да потому, что разгромить ее можно было, только стянув сюда большие силы. Но большим вражеским силам в узких горных щелях разместиться было невозможно, а малые силы врага партизаны быстро бы уничтожили. У захватчиков оставался один выход – бомбить Планческую. Особенно часто бомбили они ее в конце ноября.

Слащев был вне себя от ярости.

Один из таких налетов я наблюдал своими глазами.

«Фокке-вульф» спустился к самым крышам. Летчик видел, понятно, все, что происходило в фактории: женщина-казачка, окруженная ребятишками, шла по поляне. «Фокке-вульф» выпустил несколько пулеметных очередей. Женщина была убита. Рядом с нею остались лежать двое ребятишек. На их маленьких личиках застыло изумление, будто спрашивали они нас: почему вы дышите и видите небо и землю, а мы лишены такого счастья?

В ту минуту я всем сердцем разделял гнев Слащева. Он говорил мне:

– Этот «фокке-вульф» прилетал и вчера, и третьего дня. Летчик на нем ничем не брезгует, никакой целью. Три дня назад выпустил пулеметную очередь по несчастной козе, привязанной к плетню... Я расправлюсь с этим шакалом.

И тут же Слащев рассказал мне о плане мести. Я мало верил в то, что это удастся осуществить, но спорить с Николаем Николаевичем не стал.

На другой день с утра плотная фигура Слащева появлялась то здесь, то там, во всех концах фактории.

Он мобилизовал всех – даже сапожников, минеров, плотников, шорников. Бойцы тщательно выверяли свои карабины. Кузнецов – он был болен и пока отсиживался в Планческой – возился с ручным пулеметом. Даже автоматчики и те решили принять участие в «охоте», хотя поразить самолет из автомата – дело сугубо случайное.

На рассвете все заняли огневые позиции на горушке – над ней обычно пролетал «фокке-вульф».

Просидели там весь день, а самолета все не было.

Правда, около полудня Планческую все же бомбили. Но немецкие машины летали так высоко, что бить по ним было бы бессмысленно.

Слащев еще больше разъярился:

– Месяц пролежу на этой горке, а самолет доконаю!

Утром на следующий день снова вышли на горку.

Около десяти часов появился «фокке-вульф». Как всегда, он шел излюбленным курсом, почти скользя брюхом по верхушкам деревьев.

Когда он пролетал над горкой, партизаны дали залп, и «фокке-вульф» завалился на правое крыло. Из левого мотора вырвался черный дым. Самолет, круто развернувшись, лег на обратный курс.

– Ушел, проклятый! Ушел! – вопил, негодуя, Николай Николаевич.

Но «фокке-вульф» снова развернулся и снова пошел прямо на горушку. Все кинулись менять огневые позиции. Видимо, воздушный пират прозевал этот момент: на вершине горки загрохотал взрыв. Не смени позиций, никто не остался бы в живых.

Снова разворот – теперь «фокке-вульф» спешил домой: левый мотор его пылал. На свое горе машина шла очень низко.

Дали второй залп. Вспыхнул правый мотор. Резко идя на снижение, «фокке-вульф» горящим факелом упал в кусты у излучины Афиписа, недалеко от Крымской Поляны.

Глава VI

Сегодня, когда прошли уже годы со дня победы нашей армии над фашизмом, я вспоминаю день двадцать третьего ноября 1942 года как один из памятных дней.

Над нашим лагерем нависла туча, да и тучей ее назвать было бы неверно: то ли густой туман, то ли грязная вата, пропитанная влагой...

Неба не стало видно, не были различимы и очертания ближайших гор. Мир ограничился небольшой площадкой, на которой расположен был наш зимний лагерь. Площадка эта казалась оторванной от земли. В тот день, как никогда, мы чувствовали, что от Большой земли мы отделены жестокой и огромной силой...

Осенние сумерки спустились еще раньше обычного.

Я вызвал к себе Мусьяченко, и мы сели проверять наличие наших припасов. Вошел, вернее ворвался, Причина. Скажу по совести, в первую минуту я подумал, что он побывал в складе и приложился к бутылки со спиртом: руки Причины дрожали, щеки и глаза пылали, голос звенел.

– Началось! – прокричал он. – Наши лупят немцев!

Он подал нам листок бумаги, на котором его четким почерком была записана последняя сводка. Мы прочли ее и... обнялись.

Совинформбюро сообщало, что под Сталинградом прорвана немецкая оборонительная линия, разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия фашистов, взято тринадцать тысяч пленных и триста шестьдесят орудий.

Я сорвался с места и побежал к шапирографу. Теперь и ночь казалась теплой и светлой, и тучу над нами хотелось назвать облачком.

Мария и Надя, щебеча что-то веселое, без устали катали валик шапирографа. Я вырвал его у них из рук и сам отпечатал два оттиска.

– Не протестуйте, женщины, – сказал я, – один я спрячу в свой бумажник и буду носить его до конца дней своих, второй отвезу сейчас Елене Ивановне.

Когда я сажился на лошадь, все собрались уже в столовой. Оттуда доносился ликующий голос нашего комиссара Конотопченко:

– Никогда фашистам не поить своих коней из Волги! Никогда не покорить им гордого, свободного Сталинграда!

* * *

Я поручил Павлику Худерко при случае узнать у старожилов, что они думают о зиме.

Все старики в один голос уверяли: ожидается затяжная осень с большими дождями и гнилая зима.

Нам надо было готовиться к зимнему сезону.

Верхняя одежда была заготовлена еще Евгением в Краснодаре. У нас были полушубки, стеганки, ватные брюки, шерстяные носки, теплые шапки, валенки и сапоги для грязи.

Пока мы ходили в постолах, сшитых из конской кожи. Они напоминали чужьяки и были сшиты ворсом наверх, чтобы ноги не скользили на подъемах и спусках с гор.

У нас была своеобразная отрядная форма, одинаковая для всех. К ней привыкли в предгорьях. И когда нас встречали наши соседи, они по внешнему виду узнавали нас издали: «Это из отряда Бати...»

Но в дождь и снег в постолах не походишь. Нужны были русские сапоги. К тому же наша одежда и обувь основательно поистрепались.

Пришлось экипироваться заново.

Я предложил Слащеву наладить на Планческой сапожную мастерскую. Портновская мастерская уже работала. Елена Ивановна отыскала швейные машины, мобилизовала женщин и шила нам новое зимнее обмундирование и белье из простыней.

Жена чувствовала себя лучше, хотя по ночам по-прежнему не спала.

Слащев и Сафронов заботились о ней, как сыновья.

Глядя на Слащева, я диву давался: когда успевает он справляться со всеми своими делами?!

«Минный вуз» принял новых тридцать курсантов, забота о них лежала на Слащеве. В его обязанности входило: принять и отправить на операции наши диверсионные группы, снабдить их транспортом, продовольствием, боеприпасами. И, наконец, на руках Николая Николаевича было большое и разнообразное хозяйство фактории.

Начать с отдельного стада... Сбереечь его, когда вокруг шныряли немецкие диверсанты, было далеко не так просто.

Слащев открыл большую сапожную мастерскую. В ней не только шились новые сапоги, но и производился ремонт обуви.

Под руководством Бибикова в мастерской сапожничали Суглобов, Кузменко и Коновиченко. Закройщика Слащев пригласил из другого отряда.

Пекарня Слащева снабжала весь наш отряд хлебом. На его же обязанности лежал ремонт нашего транспорта иковка лошадей.

За шорника был у него Александр Дмитриевич Куц, в прошлом инструментальщик на комбинате.

Инженер Павел Павлович Недрига так и остался всеми признанным кузнецом и ковалем лошадей. Ему помогал инструментальный мастер Александр Иванович Козмин.

Слащев нашел работу и для бондаря Николая Андреевича Федосова. А Данилу и Сергея Мартыненко превратил в плотников и столяров.

И, кроме всего этого, на Слащеве лежала минная мастерская: она помогала соседям, снабжала их деревянными корпусами и модернизированными упрощенными взрывателями.

Эта мастерская была камнем преткновения для Николая Николаевича: он никак не мог достать тонкой стальной проволоки для пружин к модернизированным упрощенным взрывателям и долгое время ходил расстроенный, неразговорчивый.

Но как-то – помнится, это было в конце ноября, – он встретил меня добродушной улыбкой.

– Неужели раздобыл проволоку, Николай Николаевич?

Он вскинул палец кверху:

– Есть, Батя, мыслишка одна: мы, кажется, скоро раздобудем эту проклятую проволоку, причем не какую-нибудь, а первосортную, и в неограниченном количестве. Но раньше срока не хочу хвастать: моя «афера», может, и не удастся – не говори гоп, пока не перескочишь!

Свое большое и разнообразное хозяйство Николай Николаевич вел безукоризненно, он сам был мастером на все руки: мог заменить любого и в сапожной и в минной мастерских. Однажды неожиданно выяснилось, что Евфросинья Михайловна заболела, – Слащев сам приготовил обед, да такой, что все долго ломали головы: какой же сегодня праздник?

Фактория работала, как часовой механизм, несмотря на то, что вокруг были немцы, что по меньшей мере три раза в неделю ее навещали фашистские самолеты и сплошь и рядом Николаю Николаевичу приходилось вылавливать в окрестностях фактории вражеских диверсантов и разведчиков.

Каждый вечер, когда все жители нашей фактории собирались на ужин, Николай Николаевич сообщал им свои «последние известия»: распределение нарядов и ночных постов и караулов, обязанности каждого по боевой тревоге. Он не освобождал от ночного караула не только бойцов нашего отряда, мимоходом заглянувших на Планческую, но и наших гостей – партизан соседних отрядов, пришедших по делам в нашу факторию. Никаких споров и пререканий не было. Все хорошо знали, что слово коменданта – закон.

Но было это слово законом прежде всего для самого Слащева; прошло всего два-три дня, как он пообещал мне раздобыть драгоценную проволоку, – и я получил от него записку:

«Батя! В двух километрах от Планческой открыл запасную кладовую материалов для мастерских фактории.

В этой кладовой имеется достаточный запас тонкой стальной проволоки для модернизированных упрощенных взрывателей. Качество вполне удовлетворительное.

Слащев».

Связной рассказал, что кладовая появилась довольно своеобразно.

Николай Николаевич в поисках проволоки снова организовал «охоту» за немецкими самолетами, которые навещали Планческую. Ему повезло: немецкий разведчик был

сбит ружейным огнем и упал недалеко от фактории. Он-то и стал кладовой Слащева: время от времени к самолету наезжали наши инженеры и снимали нужные им части.

Я ответил Слащеву на записку запиской же:

«Дорогой Николай Николаевич! Благодарю Вас за проволоку, а также за методы ее добычи. Счастлив со своей стороны порадовать Вас: немцев крепко бьют под Сталинградом, сегодня радио сообщило, что число пленных фашистов выросло до шестидесяти трех тысяч. Надо думать, скоро тронется и наш Северокавказский фронт. Весну, пожалуй, будем встречать в Краснодаре...

Батя».

* * *

На восьмом километре, между Георгие-Афипской и Северской, у поворота к шоссе, через неглубокую балочку, где лежало высохшее болотце, заросшее ивняком, был перекинут мост: упоры на бетонных основаниях, двутавровые балки и арочка метров четырнадцати длиной.

Мост ничем не примечательный, но, не будь его, движение по железной дороге было бы прервано.

Наши соседи решили взорвать этот мостик.

В их отряде был ученик Еременко. К ним не раз заходил Янукевич, стороной услышав о предстоящем взрыве. Но начальник минной группы оказался на редкость упрямым человеком. Он не пожелал слушать ни нашего ученика, ни Янукевича и все сделал по-своему.

Прежде всего, он решил применить аматол – штуку капризную и ненадежную в дождливую погоду, давно уже забракованную нами. Он отверг наши мгновенные взрыватели автоматических мин и заменил их бикфордовым шнуром. И наконец, вопреки здравому смыслу, элементарному расчету и нашей практике, приказал закладывать мины не ближе к середине моста, а у самого края.

Вначале шло все гладко.

Ночью лил дождь. Под утро охрана моста ушла покурить и пообсохнуть в караулку. Минеры заложили мины, протянули шнур, подожгли его и быстро отскочили в кусты.

Прошло несколько минут, пока раздался взрыв. Он был еле слышен. Зато часовые у моста подняли шумную тревогу. Им на помощь прибежали автоматчики с соседних постов. Из Северской загрохотала бронедрезина, и зашумели по шоссе машины.

Что было дальше – неизвестно: минеры соседнего отряда ушли в лес.

Наша же агентурная разведка выяснила, что взорвалась только одна из четырех мин. Остальные отказали. И это было естественно: подвел мокрый аматол.

Результат оказался жалким: слегка повреждена была только одна из четырех двутавровых балок. Первый поезд прошел по мостику через два часа после взрыва...

Но теперь уже другой отряд решил рвать мостик.

Минеры этого отряда, прошедшие нашу школу, настояли на применении только тола и наших взрывателей.

Темной ночью они подползли к мосту. Как обычно, дождались, когда охрана вошла в караулку, и начали было закладывать мины. Но тут на них неожиданно напоролся немецкий патруль.

Уцелели они чудом: воспользовавшись растерянностью немцев, скрылись в кустах. Но мины – наши готовые мины! – оставили на полотне.

Будь на то моя воля, я бы как следует отчитал этих ротозеев: они бы поняли, что минеры должны работать только под зоркой охраной своих часовых.

Словом, мостик над болотом по-прежнему стоял целым и невредимым...

Но он был теперь бельмом на глазу наших соседей: через два дня они снова попытались взорвать злополучный мостик.

Нашим разведчикам не удалось узнать, как подбирались минеры к мосту, как закладывали мины, как рвали их, но известен был результат: частично выбито бетонное основание, балки целы, и наутро по мосту уже прошел немецкий поезд...

Не стоило бы и вспоминать об этом мостике, если бы немцы не использовали неудачные покушения на него для своей агитации. Во всех окрестных станицах появились немецкие листовки:

«Господа станичники! За последнее время в ваши станицы проникают партизаны. Они разбрасывают по улицам и даже наклеивают на заборы лживые сообщения о том, что красная армия разбила немецкие войска под Сталинградом. Это ложь, господа станичники! Сталинград давно занят немецкими войсками, красная армия была окружена и полностью уничтожена при взятии его. В настоящее время наши войска завершают окружение Москвы...

Прежде красная армия снабжала партизан провиантом и боеприпасами. Но красная армия разбита, разбиты и основные силы партизан. Жалкие остатки их – бандиты, воры и разбойники – голодают, испытывают острую нужду в боеприпасах. Примером тому может служить покушение партизан на железнодорожный мост на восьмом километре от Георгие-Афипской: трижды партизаны стремились взорвать этот мост, но мост и ныне там...»

Заканчивались листовки призывом хватать всех чужаков, появляющихся в станицах, и тащить в комендатуру. За это немцы обещали, разумеется, мзду...

Мы щедро расплачивались со станичниками: за лук – мылом, за овес и сено – керосином и гвоздями. Никто из жителей станиц не верил немцам, что мы голодаем. Но среди самых отсталых станичников вера в наши силы неудачей с мостиком на восьмом километре могла быть подточена...

Комиссар Конотопченко сказал мне:

– Тот проклятый мостик, Батя, надо взорвать. Торчит он, как гнилой зуб во рту.

А через несколько часов ко мне явился Ветлугин.

– Батя, пожалейте меня, – говорил он со своею обычной шутливостью, но глаза его были суровы, – сон пропал. Что ни день, то один и тот же кошмар. Вижу этот проклятый мост через болотце у поворота к шоссе. Идут по нему поезда, а из-под арки выглядывает этакая богомерзкая рожа, подмигивает мне и дразнит: «Ich bin nicht kaput! Ich bin nicht kaput!»[3 - «А я еще цел! А я еще цел!» – нем.]

– Понимаю: рвать хотите?

– Необходимо, Батя. Ведь это позор: три неудачи подряд. Немцы потешаются, мерзкие листовки расклеивают.

– Риск большой, Геронтий Николаевич. Теперь немцы установили около моста полувзвод охраны – берегут его так, что ящерица, пожалуй, не подползет.

Ветлугин всегда оставался Ветлугиным: даже накануне смертельной операции он шутил и смеялся.

– За кого вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что я, как какое-то пресмыкающееся, буду ползти на животе в эту слякоть и дождь?

Но я не поддавался его шутливому тону и спросил нарочито серьезно:

– Значит, с боем будете рвать?

– Нет, Батенька, с разговорами. С самыми вежливыми, салонными разговорами. У нас с Янукевичем уже все разработано до последней детали.

План Ветлугина, как всегда, был очень дерзок и необычаен... Я в тот же день отправил к мосту группу наших разведчиков.

А через два дня заколдованный мост через болотце на восьмом километре был, наконец, взорван.

Дело происходило так.

К вечеру Ветлугин, Янукевич и двое минеров подошли к мосту. Начальник группы нашей разведки доложил Ветлугину о поведении караула и сообщил подслушанный пароль того дня.

В сумерки наши минеры вышли на полотно и спокойно направились к мосту.

Вид их был несколько необычен. Впереди с немецким автоматом вышагивал Ветлугин, одетый странно: этакая помесь немецкого шпика и богатенького кубанского казака. Вид он имел независимый и наглый. За ним со связанными назад руками брели два наших минера. Их стеганки были грязные и порваны: видно, минеры сопротивлялись при аресте. Процессию замыкал Янукевич тоже с автоматом, и одет примерно так же, как Ветлугин. Но выглядел он сортом похуже.

Их остановил часовой.

– Halt! Parol![4 - «Стой! Пароль!» – нем.]

– Berg [5 – «Гора»], – уверенно ответил Геронтий Николаевич и молча протянул часовому сургучом запечатанный конверт. На нем было четко выведено: «Geheimreichssache. Dem Chef der Polizei Leutenant Kurt Bieler».[6 - «Секретно. Начальнику полиции лейтенанту Курту Биллеру».]

Часовой вызвал начальника караула.

Явился фельдфебель и при свете карманного фонарика долго – что-то подозрительно долго – стал читать надпись на конверте.

– Tausend Teufel! Sie Sind blind! [7 – «Тысяча чертей! Вы слепы!» – нем.] – нетерпеливо и властно крикнул Ветлугин.

От резкого оклика фельдфебель вздрогнул: кто знает, что это за человек, принесший секретный пакет лейтенанту Курту Биллеру? Надо думать, он важный агент гестапо, если так кричит на обер-фельдфебеля. А эти оборванцы со скрученными руками, вероятно, пойманные партизаны. Надо провести их в караулку и оттуда позвонить господину лейтенанту в полицию...

Начальник караула жестом пригласил наших следовать за ним.

Сгустились сумерки. Накапывал дождь. Сырой туман полз над болотцем, полотном, мостом.

Наши подошли к часовым. Им только это и нужно было. По сигналу Ветлугина они бросились на немцев. Хорошо изученным еще в команде особого назначения ударом ножей под ложечку свалили часовых на землю. Рядом упал и начальник караула.

Все было проделано так стремительно, что никто из немцев даже не успел вскрикнуть.

Началось минирование. Работа привычная, – через пятнадцать минут все было закончено: четыре мины заложены и замаскированы по всем правилам искусства. А пятую мину (на нее пошел забракованный нами аматол) уложили у противоположного конца моста, рядом с трупами убитых часовых.

Наши быстро отошли в горы. Но не успели они пройти и двух километров, как на мосту поднялась тревога и беспорядочная стрельба: надо думать, немцы обнаружили трупы своих часовых и мину из аматола.

По тревоге из Северской уже неслись автомашины и, обгоняя их, поезд с автоматчиками.

Раздался оглушительный взрыв. Поезд вместе с мостом взлетел на воздух...

– Конец, Батя, моей бессоннице, – улыбаясь, докладывал мне о диверсии Ветлугин. – А главное, престиж партизанский в станицах восстановлен. И больше не будет подвергаться сомнению победа Советской Армии под Сталинградом. Формула «два минера равны полку эсэсовцев» неоспорима!

* * *

Старики были правы: осень затягивалась, начались бесконечные дожди, грязь стояла невылазная.

Немцы, встревоженные нашими диверсиями, начали особенно зорко охранять свои дороги. Подбираться к фашистам стало невероятно трудно.

Все это создавало в отряде пониженное настроение. Несмотря на разъяснительную работу, которую вели все наши коммунисты, не раз доводилось слышать разговоры о том, что сейчас надо было бы отказаться от крупных диверсий и следовало бы прикрыть нашу минную школу: какой смысл готовить минеров, которые все равно будут обречены на «безработицу»?

Необходимо было переломить это настроение. Я был убежден: никакая грязь, никакая бдительность немцев не спасут их, если на диверсию выйдут опытные подрывники, отважные бойцы.

И вот, посоветовавшись с комиссаром, мы в первых числах декабря вызвали к себе Янукевича, Ветлугина, Мусьяченко, Сафронова, Литвинова, Слащева – наших гвардейцев, как называл их товарищ Поздняк, – всех тех, кто вместе с Евгением сколачивал отряд.

Говорили с ними откровенно. Я рассказал им свой план: маленькая группа, не больше восьми человек, выходит на сложную операцию, предусматривающую несколько последовательных комбинированных диверсий на линиях Ильская – Крымская, Крымская – Тимашевка, Крымская – Тамань. Эта операция была заранее согласована со штабом куста и, насколько я понимал, являлась частью обширного плана диверсий, связанных с подготовкой наступления Советской Армии. Мы не знали, разумеется, когда оно начнется, но нужно ли говорить о том, что одна мысль о нем воодушевляла нас и уже никакие трудности не казались нам непреодолимыми.

Чтобы сейчас, в грязь и распутицу, добраться до места операции, придется затратить не одну неделю. Идти надо по глубоким тылам немцев, по незнакомым дорогам, без налаженных связей. Спать придется в грязи, под дождем. Нагрузка на каждого будет очень велика. Но если как следует заблаговременно продумать всю операцию, постараться учесть все неожиданности, соблюсти наши заповеди тщательной предварительной разведки, – задача выполнима. Тем более, что у нас уже есть опыт длительной «экскурсии» к электростанции и мосту у нефтяных промыслов, в которой участвовали Янукевич, Ветлугин, Слащев, Сафронов, хотя, разумеется, риск провала и гибели по-прежнему остается... Все это я изложил как можно более убедительно.

И что же? Наши гвардейцы загорелись. Я дал им три дня, чтобы как следует продумать операцию...

В то же самое время на Планческой начался «бунт сапожников».

Бибикив и его «подмастерья» потребовали отправки их на боевые операции.

– Мы пришли сюда не сапоги шить! – заявил мне Яков Ильич.

Усмирить «бунтовщиков» было не так-то легко. В конце концов мы с комиссаром порешили на том, что они будут продолжать шить сапоги, а в свободное от работы время ходить на занятия в минную школу и что в ближайшее время мы пошлем их для опыта на небольшую диверсию.

«Сапожники» добросовестно шили сапоги и так же добросовестно посещали занятия. И вот настал день, когда они вернулись, блестяще выполнив порученную им операцию.

Операция была простая и довольно легкая. Но «сапожники» пришли после нее на Планческую, измотанные донельзя: сказалась сидячая жизнь и отсутствие тренировки.

Я думал, что после такой прогулки они утихомятятся. Ничуть не бывало: «бунт» вспыхнул с новой силой.

Тогда было решено отправить «сапожников» в Краснодар – как раз в это время руководители городского подполья попросили нас о присылке минеров.

В группу Якова Ильича Бибикива вошли Иван Федорович Суглобов, Николай Андреевич Федосов и переданный в наш отряд бывший начальник политотдела Ново-Титаровской машинно-тракторной станции Брызгунов.

Группа должна была провести ряд диверсий на железной дороге между Краснодаром и Усть-Лабой, соединяющей город с основной магистралью Ростов – Армавир; затем подготовить взрыв восстановленного немцами моста на дороге, ведущей от Краснодара к Горячему Ключу, и наконец, связавшись с группой Лагунова, помочь ей в момент будущих боев за город.

Все это также входило в план диверсий, связанных с подготовкой наступления Советской Армии.

Перед выходом наши «сапожники» проходили дополнительный курс минного дела.

Потом я назначил Георгия Ивановича Ельникова руководителем партизанских групп, организованных нами в это же время.

К Тамани, на Прото-Покровские хутора, он должен был забросить Карпова, тамошнего уроженца.

Предполагалось, что карповский отряд, составленный из жителей этих хуторов, обоснуется в камышах лиманов. Его задача – держать под контролем Львовское шоссе. Я был спокоен за этот отряд: Карпов еще в 1918 году дрался с белыми в партизанских отрядах, прекрасно знал кубанские лиманы и в камышах чувствовал себя как дома.

Вторая группа, подведомственная Ельникову, должна была обосноваться в Стефановке – небольшом хуторке на левом берегу Кубани, против станицы Ново-Марьинской.

Марьинцы, уходя в леса и горы, оставили в Стефановке довольно значительную, хорошо законспирированную группу. Надо было связаться с ними и на базе марьинцев организовать наш, стефановский «филиал». Мы придавали ему большое значение: Стефановка связывает Львовское шоссе с Краснодаром, и против Стефановки через Кубань немцы перебросили мост на плаву.

И, наконец, непосредственно Георгию Ивановичу Ельникову было поручено разгадать тайну понтонных мостов.

Сведения об этих мостах имелись путаные и разноречивые. Ельников должен был подобраться к ним и выяснить, что это за мосты.

* * *

Прошло три дня, и гвардейцы явились ко мне.

– Пишите приказ, мы идем, – коротко заявил Ветлугин.

Приказ был тотчас написан: командиром всей группы назначен Мусьяченко (мой заместитель по снабжению), техническим руководителем – Янукевич, руководителем минных операций – Ветлугин.

С ними пойдут Иван Дмитриевич Понжайло и Мура Янукевич.

Все они усиленно готовились к дальнему рейду.

Слащев, переводя все на граммы, подсчитывал груз и безжалостно вычеркивал все лишнее. Мусьяченко «мудрил» с новыми концентратами, малообъемными, легкими по весу, но максимально питательными. Ветлугин с Литвиновым в минной мастерской готовили взрывчатку. Мура Янукевич возилась со своей медицинской сумкой и приводила в порядок одежду «экскурсантов».

Словом, дела хватало всем...

Я же продолжал заниматься организацией наших филиалов – делом сложным и очень хлопотливым.

Уже давно – недели две – на Планческой началась подготовка к выходу группы Демьяна Пантелеевича Лагунова, которая должна была составить ядро нашего третьего, краснодарского филиала.

Демьян Пантелеевич, начальник цеха комбината и в прошлом железнодорожный машинист, прекрасно знал Краснодар.

В его группу входили Николай Григорьевич Гладких, кочегар комбината и председатель его местного комитета; Ефим Федорович Луговой, газовый мастер, спокойный, уравновешенный человек, старейший по годам в нашем отряде; Дмитрий Григорьевич Литовченко, заведующий военным отделом Сталинского райкома партии в Краснодаре, и Таисия Сухореброва, секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ.

Задачи у этой группы были весьма многообразны.

Лагунов должен был непосредственно перед отходом немцев из Краснодара уничтожить все перевозочные средства через Кубань: лодки, катера, пароходики; взорвать мост на плаву, ведущий из города к Георгие-Афипской; помочь нашему яблоновскому филиалу, если немцы все-таки восстановят солидный железнодорожный мост через реку; организовать взрывы шоссейных мостов на подходах к городу; спасти от разрушения оборудование основных промышленных предприятий Краснодара.

Одной группе справиться со всем этим было явно не под силу. Поэтому она должна была тотчас же по приходе в город связаться с подпольными организациями.

Это многообразие задач требовало и многообразных знаний.

И группа Лагунова тоже усиленно готовилась к выходу.

Еременко проходил с ними минноподрывное дело. Они тренировались в метании гранат, изучали пулемет. Я тщательно прорабатывал с ними явки, пароли, связи. Зазубривали адреса, фамилии, имена: никаких записей, конечно, им взять с собой было нельзя.

А тут еще вдобавок ко всем хлопотам и заботам мы с Еленой Ивановной попали, что называется, в переплет. Рассказать об этом случае стоит потому, что он довольно наглядно показывает, в каких условиях нам приходилось жить и работать в горах.

С группой партизан мы вышли из Планческой в наш зимний лагерь: надо было подготовить к отправке на операции две группы, а кстати и сменить белье. Елена Ивановна к тому же хотела проведать двух раненых партизан, находившихся в лагере.

Вышли рано утром. Уже несколько дней не было дождей. Земля подсохла. Идти было легко.

Через Афипс перебрались благополучно: вода низкая и такая светлая, что отчетливо видны разноцветные камешки на дне.

Когда подходили к лагерю, на небе появились большие кучевые облака.

В лагере провозились весь день до глубокого вечера: я подготавливал к выходу наши группы, Елена Ивановна отбирала белье и вдоволь наплакалась, разбирая вещи ребят...

Когда я вышел из командного пункта, все небо было закрыто тучами. Они шли в два яруса: первый ярус был ниже нашего лагеря, второй, задевая вершину горы Стрепет, скрывал плешь старика Афипса.

Что было внизу, я не знал, но из верхнего яруса шел дождь.

Я вызвал по телефону заставу. Мне доложили, что вода в Афипсе не прибывает.

Барометр на командном пункте стоял на «великом дожде».

Утром, еще до рассвета, мы тронулись в обратный путь. Хлестал дождь. Ноги скользили. Даже перила и каменные ступени нашей лестницы мало помогали.

Когда первый раз мы подошли к боковому малому Афипсу, река была покрыта белой пеной. Но все же мы благополучно перешли брод, даже не набрав воды за голенища сапог.

После второй переправы через Афипс Елене Ивановне пришлось разуваться и выжимать шерстяные чулки. После третьей переправы мы были мокры до пояса.

Около Малых Волчьих Ворот предстояла самая тяжелая переправа.

Большой Афипс был неузнаваем: бешено крутятся, перед нами неслась большая мутная река. Вода покрыла не только камни на перекатах, но и прибрежные выступы скал.

Павлик вырубил длинный шест. Мы встали по обе стороны шеста (высокие – лицом к течению, низкие – спиной к нему) и, обеими руками держась за палку, медленно вошли в воду.

На середине Афипса вода доходила до шеи. Было очень холодно. Коченели руки. Оглушительно ревела река. Но мы продвигались, хоть и медленно, но благополучно.

Неожиданно Елена Ивановна с головой провалилась в яму. К счастью, она обеими руками продолжала держаться за шест.

Правой рукой я подхватил жену и вытащил ее из ямы, но моя левая рука сорвалась с шеста. Афипс сбил меня с ног, и я очутился под водой.

У нас существовало строгое правило при переходе с шестом через реку: что бы ни случилось, никому шеста не отпускать и медленно двигаться дальше. И наши шли вперед, наблюдая, как Афипс кружил в водоворотах их командира...

Река несла меня на второй перекат. Там торчали из воды острые скалы.

У первой гряды камней я почувствовал сильный удар в плечо: подо мной лежала коряга. Я ухватился за нее обеими руками.

Афипс ревел, стараясь сбросить меня на стремнину переката. Я напрягал последние силы, чтобы удержаться на коряге.

Наши перебрались на противоположный берег. Павлик протянул мне шест и вытащил меня из воды.

Впереди нас ждали еще по меньшей мере двадцать переходов через Афипс и «афипсики». Но все они были менее тяжелые, чем брод у Волчьих Ворот.

Несколько раз мы переходили их с шестом. Потом стало легче – вода доходила только до пояса, и мы просто держались за руки.

На одном из последних бродов мы шли вместе с Еленой Ивановной. У противоположного берега было сравнительно мелко. Я отпустил руку... и провалился в омут с головой.

Меня понесло. Я с трудом всплыл на поверхность. Что-то тяжелое тянуло меня вниз, и я снова ушел под воду. И тут, под водой, я вспомнил: на поясе висит небольшое ведерко!

Когда мы выходили из лагеря, оно было приторочено к рюкзаку. Но недавно мы пили воду из родника, и я привязал ведерко к поясу. Сейчас оно наполнилось водой и тянуло меня вниз.

Я пытался оторвать ведерко – веревка не поддавалась...

Как мне удалось избавиться от ведерка, до сих пор не понимаю. Обессиленный, я с трудом вылез на песчаную отмель...

В Планческую мы пришли поздним вечером, усталые, продрогшие, мокрые.

* * *

Начиная примерно с середины декабря немцы наседали на нас все сильнее и сильнее: они чувствовали, что близится наступление Советской Армии, и старались выбить нас из предгорий, чтобы развязать себе руки для решающих боев.

Они стремились создать заслон на горе Ламбина, чтобы не дать впоследствии развернуться здесь наступающим частям Советской Армии и не допустить их в Краснодар.

Разумеется, наши и другие партизанские отряды служили помехой в этом их плане, и они всеми силами старались ликвидировать эту помеху.

Нажим их нарастал с каждым днем. Расход боеприпасов в эти дни – небывалый. Приходилось экономить даже винтовочные патроны. И, если бы не Кириченко, не знаю, как сумели бы мы до сих пор удерживать наши позиции.

Громадный, медлительный, угрюмый, он каждую свободную минуту в лагере молча возился с какими-то замысловатыми минами. В сумерки уходил в лес и на кабаньих тропах, у бродов через «афипсики», на полянах, на склонах ериков закладывал свои «сюрпризы».

Куда только не прятал мины Николай Ефимович! То выдалбливал для них отверстия в стволе дерева, тщательно маскируя корой, то подвешивал на ветвях деревьев, то укладывал под камень, обросший мхом, каким-то особым чутьем угадывая, что именно здесь, за этим камнем, спрячется немецкий снайпер.

Проволочки, выдергивающие предохранитель, он прятал так ловко, используя для этого безобидную веточку, что его помощники, работающие с ним, через пять минут уже не могли найти ее. А Николай Ефимович все зорко примечал и своей медвежьей, вразвалку, походкой спокойно возвращался по заминированной тропе.

Каждый день рвались на его минах немецкие автоматчики. Лучшие немецкие саперы были не в силах обнаружить его «сюрпризы», тем более что Кириченко никогда не повторялся – у него всегда было что-то новое, оригинальное, неожиданное.

У Николая Ефимовича – большой, недюжинный талант изобретателя, конструктора, минера...

Наши разведчики побывали в окрестностях станицы Ново-Дмитриевской. Эта станица раскинулась на высоком пригорке, омываемом двумя водными потоками – рекой Афипс и Плавстроевским каналом. В станице стояла немецкая дивизия, наблюдающая за окрестными хуторами, куда были выдвинуты более мелкие подразделения. Через станицу непрерывным потоком, одна за другой, проходили к фронту немецкие части, подтягивались боеприпасы, вооружение, продовольствие: под Новороссийском по-прежнему шли горячие бои.

Надо было остановить этот поток и этим самым помочь нашей армии.

Посоветовавшись, мы решили рвать трехарочный мост через канал – так называемую Плавстроевскую перемычку.

На операцию отправились минеры во главе с Георгием Феофановичем Мельниковым. С ним, конечно, пошел его постоянный спутник Поддубный.

Вслед за тем агентурная разведка донесла, что в Афипскую еще до распутицы немцы подвезли много техники: танков, пушек, минометов. Отправить их вовремя не смогли: профиль размяк, а шоссе и железная дорога разбиты нашими взрывами.

Грузов скопилось тьма-тьмущая. Уже погружено свыше шестидесяти вагонов. Но на Афипской нет паровозов. Из Краснодара паровозы подойти не могут: мосты через Кубань и Афипс взорваны. Немцы, конечно, раздобудут паровоз и отправят поезд: под Новороссийском все еще идут тяжелые бои.

Я рассказал об этом нашим гвардейцам.

– Я не я, если не взорву этот поезд! – горячо заявил Геронтий Николаевич.

В тот же день Мусьяченко доложил, что группа к выходу готова. Я приказал всем одеться по-походному и взять снаряжение, подготовленное для дальнего рейда.

Тщательно проверил каждого. Пришлось задержать выход на сутки: необходимо было исправить кое-какие недочеты. И вот ночью группа Мусьяченко ушла.

Вечером накануне выхода мы собрались за ужином. Всем было выдано по сто граммов спирта (это делалось у нас только в особенно торжественных случаях и каждый раз по моему специальному распоряжению). Мы подняли тост за победу. Перед выходом много курили, молчали... Я проводил их из Планческой...

Погода стояла ужасная: шел мокрый снег с дождем, дороги раскисли.

Наши вышли пешком; их снаряжение и продукты были погружены на две пары быков. В дальнейшем Мусьяченко предстояло перегрузить поклажу с быков на лошадей – я послал с группой четыре верховых лошади. Затем, когда гвардейцы войдут в совершенно незнакомый район, они взвалят груз на свои плечи.

На сердце было тревожно: я сроднился с ними, и они мне были дороги чуть ли не так же, как мои погибшие сыновья... Новый день принес новые заботы, и они отвлекли меня от грустных мыслей.

Утром я получил от Ельниковца подробное донесение о понтонных мостах.

Тайна, наконец, раскрыта!

Несмотря на свои победные репортажи, немцы понимали, что положение их на Северном Кавказе непрочно, что возможен «блицдроп». Значит, на случай отступления надо было обеспечить переправы через Кубань. А как раз с этими переправами дела у них обстояли неважно. Настоящих, так сказать, стационарных мостов через реку не существовало: они были взорваны нашими саперами при отступлении. В распоряжении немцев остались два наплавных моста – у Стефановки и Яблоновки. Фашистское командование подозревало, что обе эти переправы находятся под нашим неусыпным вниманием. В любой момент они могли взлететь на воздух.

Значит, надо было подготовить на всякий случай резерв – такие переправы, которые, с одной стороны, имели бы большую пропускную способность, а с другой – до последнего момента хранились бы в тайне от нас.

И немцы придумали: между Марьинской и Елизаветинской они сосредоточили понтоны для мостов.

Надо отдать справедливость немцам: место они выбрали на редкость удачное – бесчисленные излучины Кубани, покрытые лесом и густым кустарником, прекрасно маскировали и подготовленные понтоны, и понтонеров. Во всяком случае, наши самолеты, не раз пролетавшие над этим местом, ровно ничего не заметили. Больше того, даже получив агентурные сведения о понтонах, наши разведчики обнаружили их с громадным трудом.

Сейчас эта немецкая тайна была полностью разгадана Ельниковым. Он сам пробрался через густой лозняк, прополз по сырому песку отмелей и обнаружил понтоны для шестнадцати мостов. Мосты не наведены, но понтоны полностью подготовлены, и немцы смогут их перебросить через реку буквально за какой-нибудь час.

Хитро придумано!.. Мы сейчас же переслали донесение об этих понтонах через линию фронта командиру нашей армии.

А там вскоре вернулся и Георгий Феофанович Мельников с Плавстроевской перемычки.

– Должен честно сказать, Батя, – заявил он, – если вы спросите меня, как подобралась мы к этой проклятой Плавстроевской перемычке, я только руками разведу!..

Он переоделся, помылся, плотно поел и, сидя в командном пункте, стал рассказывать об операции.

– Представьте себе, степь, голая степь!.. Трава высохла, поникла; остались какие-то коротенькие стебельки. В ней не только нам с Поддубным не спрятаться, а полевая мышь будет видна за километр. И лишь метрах в пятидесяти от моста реденькими островками стоят чахлые кустики. Когда я увидел эту безрадостную обстановку, сердце екнуло. Но, сами понимаете, возвращаться нельзя. Легли и стали наблюдать. Лежали сутки, и обстановка стала ясной для нас.

По одну сторону моста полуказарма – в ней около взвода фашистов. По другую сторону, откуда нам придется подходить, будка и около нее пост – в нем шесть – восемь фашистов. У окраинных домиков станицы, примерно в километре от моста, дежурят автомашины и лежат наготове автоматчики. Короче, ничего утешительного. Но все равно уходить невозможно. А подползти тоже немыслимо...

На наше счастье, к вечеру вторых суток пошел дождь, да такой подходящий дождь – спорый, холодный, с ветром. Лохматые свинцовые тучи плывут над самой землей. Просто прелесть!..

Ночью поползли. Было так темно, что Поддубный несколько раз натыкался носом на каблуки моих сапог, но ни разу не увидел их. Подобрались, прячась в кустиках, и замерли. Лежим так близко от немцев, что слышим не только их разговор, но даже шаги на песчаной дорожке у караулки. Лежим час. А дождь идет. Вымокли до последней нитки. А тут еще ветерок холодный подул. Трава сразу изморозью подернулась. А немцы знай себе беседуют, да скрипят их подошвы о песок...

Лежу злой: им хорошо – они ходят, а каково нам лежать, боясь не только повернуться, но даже вздохнуть поглубже!.. Чувствую – замерзаю. Скулы начинает

судорогой сводить. Пришлось челюсть рукой придерживать, чтобы зубы не стучали. А немцы все ходят и ходят...

Вдруг слышу – скрипнула дверь в будке. Еще и еще раз. Разговор смолк. И шагов не слышно. Значит, и немцев проняло: ушли погреться и покурить. Но все ли ушли? Или оставили одного на страже? Это, конечно, разгадать невозможно: темень такая, что ориентироваться приходится только на слух. Прележали мы еще минут пять – тишина. Думаю, не может быть, чтобы на таком холоде часовой замер, как монумент.

Поползли. Все тело одеревенело от холода, и ноги будто чужие. Но все-таки подползли и начали минировать. Двое спустились к самой воде, к устоям моста, и начали привязывать пакеты с толовыми шашками. Двое других тянули шнуры от пакетов к настилу моста. Третья пара, найдя у края моста вибрирующую доску, осторожно приподняла ее ломиком-фомкой, быстро выкопала ямку, заложила в нее противотанковую мину. Потом все аккуратненько замаскировала и поползла обратно. Полагаю, что минирование продолжалось не дольше двадцати минут. Кончили вовремя: дождь стал стихать, и небо посерело – начинался рассвет. Но было еще так темно, что к лесу шли по компасу.

Мы прошли не больше двух километров, как сзади грохнул взрыв. Судя по силе взрыва, мост покорежило основательно. Но что взорвалось на мосту, не знаю. Во всяком случае, или танк, или тяжелая грузовая машина: по вашему приказу я поставил мину с ограничителями, рассчитанными на большую нагрузку.

И знаете, Батя, когда мы услышали взрыв, сразу согрелись. Великая все-таки штука – чувство морального удовлетворения!..

* * *

Пережили в лагере страшную ночь.

Вечером на севере показалась темно-лиловая туча. Вскоре тяжелые капли ударили в окно. Дождь стучал в стены столовой. Тучи быстро неслись по небу. В печной трубе сердито гудел ветер.

С нижней заставы позвонили:

– Уровень воды в Афиписе поднялся на полметра.

Я вышел из столовой.

Это был не дождь. Шумя, сбивая с ног, неслась вода, наполняя бешеным водяным вихрем крутящуюся темноту. Неслась сверху, снизу, с боков.

Сверкнула молния. На мгновение затрепетали синие зубцы нависших скал, край провала, пелена седых, быстро бегущих туч...

При свете молний было отчетливо видно, как гнул ураган столетние сосны, как, сорвав последние листья с высокой ольхи, кружил их по земле и, подняв мелкие камни, сухие ветки, кем-то оставленную плащ-палатку, расшвырял все это в стороны и, снова собрав в клубок, бросил в пропасть.

Воздух был наполнен гулом. Ревел ветер в ущелье, стонали сосны, с грохотом рухнул старый дуб и покатился с горы, ломая деревья, срывая камни.

Через час была объявлена тревога: в казарме третьего взвода начала оседать крыша.

Привязав себя веревками друг к другу, мы вышли из столовой.

Вокруг не было ни земли, ни неба, ни воздуха – один обезумевший ливень. Потoki воды били в лицо, мешали дышать. Ноги скользили на оголенных камнях, на мокрой глине. Ураган сбивал с ног, валил наземь.

Мы поднимались, падали и снова поднимались, рубили молодые деревья, ставили подпорки под крышу.

Каким-то чудом пробравшись к продовольственным складам, Кузнецов принес страшную весть: гибнут наши запасы продуктов.

И снова, связанные друг с другом веревками, мы бросились в эту страшную крутящуюся тьму.

А вокруг грохотало, гремело, стонало, и эхо сливало все в многоголосый несмолкаемый рев...

Утром ливень кончился как-то сразу. Выглянуло солнце. Около столовой стояли измазанные глиной люди, мокрые, грязные, усталые, и весело улыбались. Не верилось, что страшная ночь позади, что снова светит солнце и над головой раскинулось высокое голубое небо.

Кузнецов мрачно ходил по лагерю и осматривал разрушения...

Старики горцы сказали Павлику: такого урагана они не помнят за всю свою жизнь – он бывает, по их словам, раз в сто лет.

* * *

Гитлеровцы продолжали прижимать нас к горам, продвигаясь к Крепостной и Планческой. Они строили на горюшках мощные земляные укрепления и обстреливали нас из орудий и тяжелых пулеметов. Но наша основная линия обороны держалась нерушимо.

Надо сознаться, нам приходилось нелегко: в распоряжении партизанских отрядов было лишь несколько легких пушек, и снаряды были на исходе.

Пришло время вспомнить о снайперах: после смерти Евгения их охота на немцев прекратилась.

Мы организовали группу снайперов под начальством Петра Платоновича Тарасова, заведующего военным кабинетом Краснодарского горкома партии. В группу вошли наши лучшие пулеметчики во главе с Ломакиным и непревзойденный «рекордсмен» по минометной стрельбе – наш комендант Леонид Антонович Кузнецов.

* * *

Наконец был организован и филиал в Стефановке. Командиром назначили Дементия Григорьевича Малышева.

Мне помог командир Ново-Марьинского отряда: выделил проводником и для связи молодого партизана, жителя Стефановки. В хуторе у него остался отец-рыбак, тоже партизан. Под началом Малышева будет работать группа наших минеров второго взвода.

* * *

В штабе армии не поверили моему донесению о понтонных мостах: авиация ничего не обнаружила.

Второй раз в категорической форме я подтвердил первое донесение и просил прислать офицеров-разведчиков.

* * *

Получил известие от агентурной разведки, что поезд, за которым охотилась группа Мусьяченко, скоро выйдет из Афипской. Тотчас же отправил об этом записку Мусьяченко...

* * *

Группа Бибикина благополучно прошла к окрестностям Краснодара.

В двадцатых числах декабря мы торжественно проводили группу Лагунова. Но через день она вернулась обратно, не сумев подобраться к Кубани.

Я приказал Павлику Худоерко во что бы то ни стало провести ее в Краснодар. Время не терпит!..

* * *

Совинформбюро сообщило о новом ударе наших войск: началось наше наступление в среднем течении Дона. Немцы оставили на поле боя двадцать тысяч трупов...

* * *

Пришло донесение от нашей таманской группы, которой командовал Карпов.

...Я много раз бывал на Тамани. И сейчас перед глазами возникла картина, описанная Серафимовичем в «Железном потоке»: тяжелый плуг, запряженный четырьмя парами круторогих быков, резал целину; стальной, сияющий на солнце лемех отворачивал такую жирную, такую маслянистую землю, что хотелось намазать ее на хлеб, как черное масло...

Я видел осень на Тамани: белый парус на горизонте, пушистые головки камышей в лиманах, море золотой кубанской пшеницы, чуть тронутые позолотой высокие тополя, виноград, арбузы, дыни, помидоры, баклажаны, и все это – громадное, сочное, спелое.

Помню, я стоял как-то раз на пригорке с седобородым таманским казаком. Прикрыв рукой глаза от солнца, он долго смотрел вдаль, на золото полей, белые хаты хуторов, серебристую водную гладь за камышами...

«Та нэма края найкращего, як наш край!..»

Тамань была под немцем...

Я вспомнил о таманской земле, когда несколько дней назад наш радист принес мне пойманные им в эфире строки:

...Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века

Стояла грудью боевой у русского древка...

Я знал: мы отстоим Тамань. И до боли хотелось, чтобы скорее, как можно скорее начал работать наш Карпов. А он молчал. И только кружным путем приходили вести с Тамани о виселицах, о замученных казачках, о таманцах, угнанных куда-то на запад...

И вот, наконец, это известие!

...До края небес стоят пшеничные поля. Среди них, утопая в тронутых увяданием осени фруктовых садах, полевые станы колхозов.

Перезрела пшеница – тяжелые колосья гнутся к земле. Но нигде не видно ни дымка, ни людей. Гибнет богатый урожай...

Серой лентой перерезает пшеницу Львовское шоссе. Оно начинается у Стефановки, проходит через Мианцеровские хутора, огибает Ильскую и впадает в главную магистраль: Краснодар – Новороссийск.

Немцы берегли это шоссе: добрый десяток эскадронов румын-кавалеристов стоял в Прено-Покровских и Мианцеровских хуторах.

Львовское шоссе – спасение для немцев. Основная дорога из Краснодара в Новороссийск стала почти непроезжей – слишком часто взлетают в воздух немецкие машины на партизанских минах.

И этот пока спокойный обходный путь по Львовскому шоссе – находка для фашистов.

И все же немцы боялись пользоваться им ночью.

Правда, несколько дней назад румыны отважились выслать свои конные патрули на шоссе. Но Карпов встретил их подобающе и, кажется, навсегда отбил охоту к ночным прогулкам.

Днем Львовское шоссе – немецкое, ночью – наше.

Группа Карпова сидела в лиманах.

Сам Карпов – уроженец Проно-Покровских хуторов. У него были налажены прекрасные связи. Его ближайшие помощники – здешние ребята. Они знали все тайные тропки в камышах и немедленно докладывали Карпову обо всем, что творилось на хуторах.

Вот и сейчас по меже мчится паренек лет двенадцати. Еще не добежав до караульного, он кричит:

– На хутор пришли тяжелые машины! Скажите командиру...

– Не ори! Командир рядом.

Карпов хорошо знал мальчонку – это сын его старого друга. На него можно было положиться.

– Ну, Андрюшка, что приключилось?

– Машин нагнали к нам немцы – не пересчитать! И всё – тяжелые. Мы подсмотрели: под брезентом ящики. Надо думать, снаряды. Вот ребята и послали меня к вам – боимся, как бы немцы сегодня по шоссе не проскочили.

Солнце клонилось к горизонту.

– Сегодня, Андрюша, все машины у вас останутся: сам знаешь, не любят немцы по ночам гулять. Ну, а за ночь мы что-нибудь придумаем.

– Уж вы постарайтесь, дядя!

– Будь спокоен: все сделаем. Беги домой и скажи ребятам: не пройдут машины.

Ночью минеры вышли из камышей. Карпов повел их извилистым путем: то сворачивая вправо, то влево, то заставляя проделать замысловатую петлю.

Минеры ворчали: трудно было нести на себе винтовки, гранаты, тяжелые мины. Но, кто знает, быть может, какой-нибудь полицейский-предатель, которому, так же как Карпову, известны эти лиманы, эти бескрайные пшеничные поля, неотступно крался по их следу? Надо было сбить его с толку, оторваться от него, запутать следы.

Наконец Карпов дал сигнал остановки.

Ночь тихая, звездная. Ветерок еле шевелит тяжелые колосья. Какой-то зверек шуршит под ногами. В камышах крикнула ночная птица и смолкла.

Минеры ползли к шоссе.

Слева, вплотную к дороге, подошли камыши. Справа на крутом повороте по краю шоссе торчали каменные столбики, ограждающие шоссе от трясины болота.

Минеры заложили мину в колее, на мосту и в трубе, что лежит метрах в двухстах от моста, соединяя оба болота.

По нашему старому, еще Евгением заведенному порядку, Карпов тщательно проверил работу и отвел своих в пшеницу.

Светало. Розовели облака на востоке. Над далекими хуторами поднимались дымки из труб. Минеры ждали...

Послышался шум машин.

– Приготовиться!

Покачиваясь с боку на бок на выбоинах шоссе, появляется тяжелая семитонная машина, закрытая брезентом. За ней вторая, третья, четвертая – целый караван.

Головная машина благополучно переваливает через мост и спокойно идет дальше. За ней идут остальные.

Первая машина – над трубой, последняя – на мосту...

Одновременно прогремели пять взрывов – глухих, низких, будто идущих из-под земли. И звенящим, высоким, многоголосым эхом ответили им сотни разрывов: это

рвались снаряды головной машины. Они кромсали на куски тех, кого не тронули мины, они ломали машины, грохоча над степью, над пшеницей, над камышами...

Замолкли взрывы. Тишина. И вдруг сбоку от шоссе раздался звериный крик:
– А-а-а-а!..

Это был фашист, взрывной волной сброшенный в трясины. Он опускался все ниже и ниже. Он размахивал руками, цеплялся за кочки. Но болото всасывало его все глубже и глубже...

Маленькая группа чудом уцелевших немецких солдат в панике пряталась среди горящих машин. Но партизаны уже подползли к шоссе – и снова загремели взрывы: это рвались гранаты, и минеры из карабинов на выбор били немецких автоматчиков.

Трое фашистов бросились в сторону, в камыши. Они бегут напрямик и проваливаются в предательские «окна»...

А наши, вытянувшись цепочкой, быстро шли по тропинке к лиманам. Сзади на шоссе черным едким дымом чадили догорающие обломки машин...

Надо было спешить: из хуторов мчались по шоссе танки и машины с автоматчиками.

Они подошли к месту взрыва. Немцы открыли огонь по камышу – они не решались войти в его густые заросли. Только восемь отчаянных головорезов с автоматами наперевес бросились в болото. Трех из них удалось немцам вытащить, швырнув им концы длинных веревок, остальных затянула бездонная трясина.

Но всего этого наши минеры уже не видели. Им рассказал об этом все тот же Андриюшка, пробравшийся ночью в лиманы.

Его серые глаза сияли. Он был горд: в этой победе на шоссе есть доля и его участия.

– Ни одна машина не вернулась на хутора! Ни одна! – рассказывал он Карпову. – А самый главный немец – вы видели его, дядя: длинный и худой, как палка, – кричал и топал ногами на крыльце. Потом вечером за клуню дяди Игната увели пять румын, трех немцев и расстреляли. Это те самые, которые должны были смотреть за шоссе и не усмотрели. А как они могли усмотреть, когда ночью никто за околицу носа не показывает? Только вы, дядя, глядите в оба: как бы этот длинный чего плохого не сделал. Он ведь знает, где вы прячетесь. Мы тоже будем смотреть: чуть что, я прибегу...

Жизнь в камышах, тянущихся на многие километры, исполнена своеобразия.

Как тихо здесь!.. Вот рыжая чепура стоит у воды. Солнце освещает ее черный хохол, серовато-белую шею с розовым налетом. Бурые перья на крыльях отдают зеленоватым блеском. Вытянув вперед длинный желто-восковой клюв, подняв красно-желтую ногу, она замерла, зорко высматривая добычу. А вокруг стоят камыши, кивают пушистыми головками и живут своей жизнью...

Плеснула рыба у самого берега. Это щука преследует стаю рыбешек. Неслышно ползет светло-оливковый желтопуз. Вспорхнула какая-то птичка с ярко-красным брюшком. Снова плеснула рыба. И опять тишина...

Рыжая чепура поднимает голову. Блестят на солнце ее оранжево-желтые глаза. Она смотрит вверх.

Над лиманом, широко распластав ослепительные, почти двухметровые крылья, летит красавица белая цапля. А над ней в высоком синем небе парит ястреб...

В камышах раздается шорох. Он все ближе. Чепура взмахивает своими черными крыльями и улетает.

К воде подходят двое ребяташек: Андрей и двенадцатилетняя девчушка в голубом выцветшем на солнце платье, с красными монистами на загорелой шее.

Ребята нерешительно останавливаются. Вокруг, стеной выше человеческого роста, стоят камыши. Здесь можно заблудиться, в этих лиманах.

– Что нового, Андрейка?

Из камышей неожиданно появляется Карпов.

– Беда, дядя! Беда!

– А ты толком говори, Андрей: что за беда?

– В хутора нагнали полицейских видимо-невидимо! Приехали на машинах немецкие автоматчики. Их главный позвал к себе Максима. Долго говорили. Потом вышли из хутора и смотрели сюда, на лиманы. И опять о чем-то говорили. А что говорили, не разобрали мы. Чуть подойдем, сейчас же гонят. Немец даже револьвер показал... Беда...

– Ну, какая же беда, Андрейка?

– Да как же не беда? Максим здесь каждую камышинку знает. Приведет он проклятых, и перебьют они вас...

– Значит, в гости к нам собрались, – задумчиво говорит Карпов. – Что же, будем принимать «дорогих» гостей. А вы не тревожьтесь. Спасибо, что пришли! Бегите домой и скажите ребятам, чтобы во все глаза смотрели за немцами. Чуть что – опять к нам. Ну, ребяташки, будьте здоровы...

На рассвете, когда над степью уже плыли розовые облака, залитые солнцем, а над водой еще висели клочья утреннего тумана, в камыши широкой дугой вошли немцы и полицейские.

Впереди шагал Максим – высокий сумрачный мужчина со смуглым лицом и короткой черной бородой.

Он недавно приехал в эти края, ни с кем не дружил, ходил насупленный, молчаливый, злой. Был хорошим кузнецом и страстным охотником. Исходил с ружьем все окрестные лиманы, знал здесь каждую тростинку. Но и после удачной охоты возвращался он домой таким же сумрачным, хмурым, молчаливым, и ни разу не видели станичники улыбки на лице у этого нелюдима.

Когда немцы заняли хутора, многим стало ясно, что Максим лютой, звериной ненавистью ненавидел Советскую власть. И в первый раз улыбнулся Максим, когда стоял он перед виселицей и смотрел, как качается на перекладине тело молодой казачки-комсомолки. Вскоре в станице узнали, что в прошлом Максим был крупным кулаком.

И вот теперь он вел немцев к тому заветному островку, где укрепились партизаны. Он хорошо знал этот островок, несколько дней назад он прополз по камышам и видел, как в шалаш на островке входили люди с карабинами...

Максим вел немцев так, чтобы отрезать партизанам все тропинки отступления. Он хотел взять их в кольцо.

Немцы шли по камышам, таща за собой легкие лодки. Хлюпала вода под ногами. Шуршал сухой камыш. И лиманы оживали.

Один за другим поднялись гуси. Пролетели белые цапли, рыжие чепуры, кряквы. Последней поднялась выпь.

Заслышав шаги людей, она присела и, вытянув вверх туловище, шею, голову и клюв в одну линию, стала похожа на сухой пучок камыша. Но люди подходили все ближе и ближе – и выпь поднялась. Она летела бесшумным полетом, все время взмахивая

крыльями. Отлетев далеко в сторону, опустилась до самых верхушек камышей, внезапно сложила крылья, камнем упала вниз. И над камышами пронесся ее встревоженный крик, похожий на карканье...

Немцы подошли к островку – их отделяла от него лишь узкая полоска воды. Берега густо заросли камышом. Только в одном месте желтела песчаная отмель...

Максим посоветовал немцам разделиться на две группы: первая должна была высадиться на отмели, вторая – обогнуть островок.

Немцы спустили на воду лодки. Первая группа осторожно, держа автоматы наготове, вышла на песок.

Островок молчал...

Страшно было идти в глубь островка: немцев пугала тишина и тревожные крики выпы в камышах. Группа автоматчиков, низко пригибаясь к земле, кралась дальше. С ними шел Максим.

За бугорком показался шалаш. Немцы залегли. Они лежали десять, пятнадцать, двадцать минут – никого. Только выпь кричала в камышах...

Первым поднялся ефрейтор – здоровый детина с Железным крестом на груди.

Осторожно отодвинув сплетенную из камыша дверь, он вошел в шалаш.

Шалаш пуст. Но совсем недавно здесь были люди: на столе лежали нарезанные помидоры, куски сала, хлеб и стояла бутылка из-под водки – она наполовину пуста.

В шалаш вошел Максим с автоматчиком. Под лавкой автоматчик увидел плетеную корзину. Из корзины заманчиво торчали красные сургучные головки водочных бутылок. Судя по всему, автоматчик нагнулся и дернул корзину. Оглушительный взрыв прогремел над лиманом. Он разметал шалаш, разорвал на части ефрейтора, Максима, автоматчика...

Одновременно взлетела на воздух песчаная отмель, где пристали немецкие лодки. И, как эхо, прогремели взрывы на другом конце островка: это взорвалась на минах вторая группа немцев и полицейских.

Уцелевшие немцы метались на берегу. Они бросились к лодкам. Но камыши ожили. Из них полетели гранаты и затрещали карабины.

Ни один немец и полицейский не ушел живым с островка.

И снова тишина опустилась над лиманом. Даже выпь не кричит: испугалась грохота мин и улетела далеко-далеко. Только у самого берега серебрится поверхность воды: это всплыла оглушенная взрывами рыба...

* * *

У фашистов поистине какой-то квадратный ум: во всех случаях один и тот же примитивный штамп. И почти всегда можно предугадать их поведение...

...Еще до рассвета наша снайперская группа залегла метрах в трехстах пятидесяти от дзотов, недавно сооруженных немцами для прикрытия подступов к горе Ламбина.

Моросил дождь. С веток падали крупные капли. По небу ползли низкие свинцовые тучи. Холодно...

Все лежим неподвижно. Дзоты – как на ладони. В окуляр снайперской винтовки отчетливо видна даже трава на брустверах.

Партизаны лежат уже добрый час – немцы не показываются.

Но вот, чуть приподняв голову, из-за куста высовывается немецкий часовой. Он внимательно смотрит в нашу сторону. Цель идеальная – снять его ничего не стоит. Но наши молчат. Уж очень нестоящая дичь.

Ждем еще минут двадцать.

Около бугорка, где расположен дзот, чуть правее его выступа, из-за кустов маскировки на какую-то секунду появляется офицерская каска.

Выстрел. Каска резко дергается назад: офицер убит.

К нему бросается несколько солдат.

Гремят выстрелы – солдаты падают.

Мы уже знаем, что будет дальше: немецкие наблюдатели обнаружат нас, вступят в бой фашистские минометы. Быстро меняем позиции. В кустах, где мы только что сидели, уже рвутся мины.

Через несколько минут – снова тишина. Мы терпеливо ждем.

Проходит не меньше часа, прежде чем наши пулеметчики, сидящие на деревьях, увидели, как из двух крайних дзотов, по команде, вытянувшись цепочкой, идут с котелками за обедом десятка два солдат. Впереди – широкоплечий рыжий фельдфебель.

Две длинные пулеметные очереди сливаются в одну. Немцы падают – они уже никогда больше не будут обедать.

Мы уходим в горы. На сегодня «охота» кончена. Завтра повторится то же, с некоторыми вариациями...

Но такая снайперская охота дает малоощутимые результаты. Два десятка убитых немцев не решают дела: фашисты ведут методическое наступление на предгорья и подбираются к многогорью Ламбина.

Мы с Кириченко решили провести более крупную операцию. Николай Ефимович уже давно носит с идеей блокады дзотов.

Ночью Кириченко со своими минерами незаметно проскальзывает мимо немецких секретов, пробирается в тыл дзотов и «колдует» там почти до рассвета.

Наши снайперы занимают позиции...

Все начинается, как обычно: мы снимаем двух офицеров, немцы постреливают из минометов.

Но нам надо обязательно вывести фрицев из себя.

Разбиваемся на две группы. Первая группа снайперов снимает одного за другим немецких наблюдателей на переднем крае, вторая бьет по амбразурам дзотов.

Немцы начинают нервничать. Они не видят, что делается на переднем крае: их наблюдатели сняты, и они решают отвести минометы за дзоты и оттуда навесным огнем бить по кустам, по деревьям, по камням, где сидят наши стрелки.

С превеликой осторожностью они вытаскивают свои минометы за дзоты, в тыл своих укреплений, и под защитой тяжелых пулеметов выбирают новые позиции.

Но тут начинают действовать «сюрпризы» Николая Ефимовича. Гремят взрывы: это взлетают на воздух немецкие минометчики в тылу своих дзотов.

Немцы растерялись. На переднем крае нет их наблюдателей. Наши подползают к дзотам и швыряют в них гранаты.

Фашисты в панике выскакивают наружу и рвутся на новых минах Кириченко.

Но тут неожиданно начинают бить немецкие фланговые пулеметы. Их не достанешь винтовкой, к ним и не подползешь – они слишком далеко.

Гранатометчики прижаты к земле. Дзоты оживают. Наши попали в ловушку. Спасти может только миномет Кузнецова. Но Леонид Антонович исчез. Только что был здесь – и как в воду канул.

А фашистские пулеметы продолжают бить длинными очередями. Особенно неистовствует тот, что спрятан за острым выступом скалы: его-то нам уж никак не достать.

Вырваться из западни не удастся...

Вдруг сверху, из густых кустов можжевельника, с воем вылетает мина. И тотчас же смолкает немецкий пулемет за скалой.

Снова воют мины – и замолкает второй пулемет.

Минометчик без промаха бьет из можжевельниковых кустов. Фашистские пулеметы молчат. Наши вырываются из огненного кольца.

Немцы пришли в себя. Уже заговорили их шестиствольные минометы. В бой вступает артиллерия.

Против этого мы бессильны. Скрываясь в кустах, прячась в глубоких ериках, мы уходим в горы.

– Вы на меня не сердитесь, – говорит догнавший меня Леонид Антонович, – но только с моей старой позиции я бы не достал пулемет за скалой. А из можжевельника он передо мной как на ладошке стоял. Я его через скалы и накрыл миной!..

Мы уже давно вышли из зоны обстрела, а сзади все еще гремит артиллерия, и снаряды дробят скалы и в щепы разбивают столетние дубы...

* * *

Наконец-то в двадцатых числах декабря была получена первая весточка от Мусьяченко: приехал Иван Дмитриевич Понжайло и подробно рассказал об охоте за особым поездом...

До Сорочинских хуторов гвардейцы шли пять суток в дождь, снег, грязь, холод.

Мусьяченко на хуторах действительно оказался своим человеком: лет пять назад он работал тут с картографической партией, излазил вдоль и поперек все горушки, и у него здесь остались друзья. Правда, предварительно их пришлось как следует проверить...

Вышли на разведку.

От Сорочинских хуторов до железной дороги по прямой не больше десяти километров. Но пришлось прошагать добрых двадцать: обходили хутора, отдельные домики, даже поляны.

Для удара по особому поезду Мусьяченко наметил участок дороги между Ильской и Холмской, у разъезда Хабль.

Место было удачное: здесь шоссе лежит всего лишь в километре от дороги. Но железнодорожное полотно проходит по открытой степи, и подобраться к нему чертовски трудно.

Пробирались по Кипящей Щели и Гнилой балке. Днем лежали в кустах на мокрой земле, ночью двигались, как черепахи.

Разведка велась двумя группами. Первая направилась к железной дороге, а Ветлугин с Янукевичем вели наблюдения за мостом между Гнилой и Широкой балками.

Наблюдали двое суток.

Результаты оказались безрадостные. Немцы зорко охраняли этот участок. На разъезде Хабль находилась усиленная охрана. Около моста – он в полутора километрах от разъезда – большой пост в составе шести, а ночью и восьми часовых. Кроме этого обычные посты на железной дороге через каждые сто метров. И наконец, группа обходчиков.

Словом, охрана была поставлена на совесть. И все же однажды ночью Ветлугин подполз под самый мост, чтобы разведать все досконально.

Когда они получили мою записку, что выход поезда ожидается со дня на день, Мусьяченко послал Понжайло в Ильскую. Особый поезд уже стоял на путях.

Иван Дмитриевич вернулся к вечеру. И в эту же ночь гвардейцы вышли на диверсию.

Мусьяченко и Мария Янукевич подобрались к постам немцев со стороны Ильской, чтобы прикрыть отход минеров в случае провала. Понжайло с Сафроновым вышли влево к разъезду Хабль – ко второму посту. Ветлугин с Литвиновым подползли к насыпи, чтобы рывком выскочить к верхней части моста. Янукевич и Слащев спустились в балку, поближе к устоям.

Подход прошел блестяще. Но дальше было хуже...

Небо затянули тучи. Лил дождь. Поднялся холодный ветер.

Только в четвертом часу утра немцы на посту у моста пошли погреться.

Ветлугин с Литвиновым выскочили к мосту. Литвинов снял с себя мокрую стеганку, разостлал ее около шпалы и, быстро работая финским ножом, выгреб яму. Ветлугин положил в нее свою мину, выверил расстояние между нею и башмаком рельса, осторожно засыпал землей и тщательно замаскировал. А в это время Янукевич и Слащев привязали пакеты с толом к устоям моста, соединили их с миной Ветлугина детонирующими шнурами и запрятали их в балках, под самым настилом.

Все было закончено в пятнадцать минут.

Ветлугин подал сигнал отхода.

Отходя от моста, Ветлугин и Литвинов разделились. Они взяли с собой прикрытие по два человека и пробрались один выше, другой ниже моста на четыреста метров. Здесь они заложили дополнительные мины с расчетом на замедление с повторным взрывом.

Собрались на горке. Мокрые, усталые, продрогшие, уселись на поваленное дерево и стали ждать.

Наконец, когда совсем рассвело, со стороны Ильской показался поезд. Это был тот самый особый эшелон, за которым шла охота.

Он шел быстро, притормаживая на крутом уклоне. Въехал на мост. Раздался взрыв. В воздух полетели обломки моста и паровоза. Вагоны валились с кручи вниз. Они образовали бесформенную груды, заполнившую обрыв, через который был переброшен мост.

И вдруг в пламени и дыму начались взрывы: это рвались снаряды в вагонах.

– Я много видел взрывов на своем веку, – рассказывал Понжайло, – но то, что было на мосту, у разъезда Хабль, я видел впервые. И едва ли увижу еще раз: казалось, весь поезд был начинен снарядами...

Партизаны продолжали ждать. Около моста бегали перепуганные часовые: они знали – их ждет расстрел, и без толку стреляли по кустам.

Через полчаса – сначала из Ильской, а затем из Холмской – показались вспомогательные поезда. Почти одновременно они взорвались на минах Ветлугина и Литвинова.

Гвардейцы отошли, заминировав шоссе. Издали слышали несколько взрывов: надо думать, взорвались машины...

Первая операция удалась. Гвардейцы стали готовиться ко второй...

* * *

Старший минер третьего взвода Георгий Карпович Власов руководил нашим филиалом на хуторе Яблоновский. В его распоряжении были три наших бойца и два партизана отряда «Грозный», уроженцы хутора – братья Иван и Петр.

На попечении Власова – мост через Кубань у Яблоновки.

Партизаны Власова взорвали этот мост. Немцы пытались его восстановить. На строительной площадке суеилось несколько человек. Но работа у них не клеилась. И тогда против хутора немцы перебросили через Кубань временный мост на плаву: баржи на якорях, скрепленные стальными канатами.

Этот свой наплавной мост немцы берегли как зеницу ока. И все же перебить стальные канаты было бы не так уж трудно. Но я строго-настрого приказал Власову терпеливо ждать и готовиться: мост должен быть взорван, когда наша армия начнет наступление и когда вывод из строя моста даже на сутки будет равносильным для немцев катастрофе.

* * *

В эти дни мы получили подробное донесение от командира нашего филиала в Стефановке.

Мост, переброшенный немцами через Кубань против этого хутора, такой же, как у Яблоновки, только сортом похуже: и баржи поменьше, и движение по нему идет только в одну сторону. Но немцы его охраняют, пожалуй, еще зорче, чем у Яблоновки. Прежде всего со стороны Ново-Марьинской построены земляные укрепления с тяжелыми пулеметами. Кусты между Стефановкой и мостом начисто вырублены с немецкой аккуратностью. Словом, над этим мостиком придется повозиться!..

Рыбаки хутора встретили наших минеров очень радушно – они вместе ездили на рыбную ловлю. Налаживались и другие связи: наши стали подпаивать немецкого старосту.

У стефановцев задача та же, что и у яблоновцев: тщательно подготовить диверсию и ждать сигнала.

* * *

В последних числах декабря от наших гвардейцев пришел нарочный и принес интересные вести.

Мусьяченко передвинул всю группу к Абинской и решил провести вторую диверсию на ветке, как только немцы откроют по ней движение. Это дерзко, но правильно.

Агентурная разведка сообщила Мусьяченко, что на станцию Холмская по восстановленному пути прибыл первый поезд. Судя по всему, немцы придумали какой-то новый способ охраны поездов. Что это за способ, разведке установить не удалось...

К полотну подползли Янукевич, Ветлугин, Мусьяченко. Они пролежали под дождем сутки – поезда не было. Но зато они обнаружили много нового и неожиданного.

Прежде всего, кроме расстановки обычных постов через каждые сто метров и групп обходчиков немцы придумали хитрую штуку: оголили башмаки рельсов, чтобы нельзя было подложить под них мину. Затем время от времени по дороге пускали бронедрезину, проверяя посты, обходчиков и железнодорожный путь. И наконец, в том месте, где полотно близко подходило к шоссе, все подходы к дороге были заминированы и ограждены колючей проволокой. Немецкие часовые без предварительного оклика стреляли в каждого, кто приближался к проволоке.

Но самое интересное разведчики увидели позже. Неожиданно со стороны Холмской взвились дымовые ракеты и послышались автоматные очереди. Немцы на дороге заволновались, забегали. Прогремела бронедрезина. На шоссе показались автомашины. Они привезли автоматчиков. Сплошной цепью, по два на каждые тридцать – сорок метров, они встали по обе стороны железнодорожного пути...

Только тогда из Холмской тронулся тяжелый поезд. Он шел медленно, делая не больше трех – пяти километров в час.

Вид поезда был необычен: впереди двигались три платформы, доверху груженные камнем, за ними два пульмана, бронированные и вооруженные не только тяжелыми пулеметами, но даже пушкой, и только после этого паровоз и обычные вагоны.

Но и этого мало!

По обеим сторонам паровоза, по бровке полотна, ехали мотоциклисты с пулеметами, а на подножках вагонов висели автоматчики, облепив поезд, как мухи мед.

Наши гвардейцы приуныли. И было от чего!..

Прежде всего, при такой охране невероятно трудно подобраться к полотну. А затем – наши обычные мины мгновенного действия при таком движении поезда были непригодны: они взорвут лишь первые платформы с камнем (надо думать, их вес был равен весу паровоза, на который рассчитывались наши мины). При той скорости, с которой идет поезд, пожалуй, даже паровоз не сойдет с рельсов. Вагоны же наверняка останутся целы.

Словом, немцы как будто нас перехитрили...

Когда наши ползли обратно, Ветлугин неожиданно хлопнул себя по лбу. Мусьяченко понял, что Геронтий Николаевич придумал что-то.

Так оно и было. Геронтий Николаевич тотчас же засел за расчеты. Ругался, что «обстановка для научной работы недостаточно подходящая»: он сидел под кустом, шел дождь, было холодно, бумага подмокла, руки коченели.

Часа через два расчеты были закончены. Ветлугину помогали Литвинов и Янукевич.

С нарочным Геронтий Николаевич прислал чертежи и расчет, адресованные Еременко. В прилагаемой записке было сказано:

«Степан Сергеевич, проверьте мои выкладки. Если ошибок нет, введите изучение новой мины в учебный план нашей минной школы. Уверен, что мы возьмем эту штуку на вооружение. Надеюсь, что мне удастся весь поезд поднять на воздух. Не задержите ответом.

Ваш Ветлугин».

Мы с Еременко внимательно проверили расчет Ветлугина. Это был остроумный проект новой мины замедленного действия.

Еременко был в восторге: он обещал немедленно познакомить наших «студентов» с новым изобретением.

Я еще раз перечитал короткую записку Геронтия Николаевича, присланную на мое имя. В конце размашистым почерком стояло: «Честное слово, хорошо быть инженером!»

Прошло три дня, и к нам снова пришел нарочный от Мусьяченко. Он принес две короткие записки.

Первая была адресована мне:

«Операция № 2 прошла удачно: весь поезд целиком поднят на воздух. Подробности расскажет нарочный.

Мусьяченко».

Вторая записка – от Геронтия Николаевича к Еременко:

«Степан Сергеевич! Схема и расчет сегодня проверены: в основном – подходяще. Прошу изменить только две детали.

Чертеж прилагаю.

Ветлугин».

Нарочный рассказал:

– Проползти через все немецкие заграждения и подобраться к полотну помогли непроглядная ночь и дождь. Холодный дождь лил как из ведра. Дул пронизывающий ветер. Выбрали подходящий момент, когда часовые ушли обсохнуть, и заминировали полотно шестью новыми минами по схеме Ветлугина так, чтобы все шесть мин взорвались одновременно. Отползли в кусты и стали ждать. Дождь хлестал по-прежнему. Выпили спирту. Но было все так же холодно. На рассвете показался поезд: впереди платформы с камнем, бронированные пульманы, паровоз и добрых четыре десятка вагонов. На бровках мотоциклисты, на ступеньках вагонов автоматчики. Поезд медленно вошел на заминированный участок – и весь целиком поднялся на воздух. Все, что было на полотне, как ветром сдуло! В насыпи зияло шесть огромных отверстий...

Группа Мусьяченко ушла на новые операции...

* * *

От товарища Поздняка в эти дни был получен приказ снова сорвать перевозки по железной дороге. У меня в лагере буквально ни одного опытного минера – все на операциях.

Позвал к себе Кириченко.

– Николай Ефимович, выберите двух минеров, – сказал я ему, – пусть слабеньких, дайте им в помощь трех человек из другого взвода, быстренько их поднатаскайте, объясните что к чему и отправьте на диверсию. Это вразрез всем нашим заповедям, но ничего не поделаешь.

У Кириченко глаза разгорелись.

– Батя, отправьте меня: я быстро слетаю и завтра ночью буду обратно!

– Забудьте об этом думать, Николай Ефимович, – сказал я. – Идет минная война, и вы здесь нужнее. Одним словом, когда группа будет готова, пришлите ее ко мне.

Кириченко ушел мрачнее тучи.

Уже на следующий день я беседовал с группой, подобранной Кириченко. Партизаны обещали постараться сделать так, как их учил Николай Ефимович. Но, к сожалению, Кириченко их мало чему успел обучить. У них не было практики. И они боялись провалить серьезную операцию.

Они были правы. Решил завтра на рассвете повести их сам. А Николай Ефимович должен все-таки остаться...

Рано утром собрался вести группу и случайно обнаружил, что Кириченко пропал. Обыскали Планческую, Крепостную, запросили заставы – никаких следов.

Отправили на поиски разведчиков. Они облазили весь передний край, обшарили «нейтральную зону», побывали даже у немцев, но нигде ни малейших следов Кириченко.

В голову лезли самые несуразные мысли: уж не выкрали ли немцы Николая Ефимовича, как когда-то украли нашего Лусту!..

Поиски Кириченко продолжались и на следующий день.

Немцы подбирались к нашему переднему краю. Каким-то чудом им удалось разминировать заминированную нами тропу, и группа немецких автоматчиков угрожала нашим столбовым дорогам.

Как не хватало нам Кириченко! И куда он запропастился?..

Нежданно-негаданно он явился сам.

Грязный с головы до пят, Кириченко вошел ко мне на командный пункт. Молча снял рюкзак, поставил в угол автомат и посмотрел на меня виноватыми глазами.

– Товарищ командир отряда, приказ штаба куста мною выполнен: поезд с немцами вчера ночью взорван. Я не мог вернуться в ту же ночь: грязь по колено, да к тому же немцы за мной так охотились, что, право же, я сам удивляюсь, что живым вырвался... Вы не подумайте, Батя, что самовольство мое от упрямства или от каприза какого-нибудь дурацкого. Я просто решил, что вам самому рисковать незачем. А мне ведь это больше с руки...

Николай Ефимович нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Если вы не очень сердитесь, Батя, прикажите выдать мне двойную порцию спирта: продрог очень...

Я так обрадовался, что Николай Ефимович жив, что расцеловал его, велел выдать тройную порцию спирта и позабыл поругать.

Только потом спохватился: поступок Кириченко нетерпим – это прямое и грубое нарушение дисциплины. Пришлось наложить на Николая Ефимовича строгое взыскание.

Этот случай очень огорчил меня и даже на какое-то время испортил мне бодрое и деловое настроение. Но в тот же день мы узнали приятную новость: Карпов опять отличился в своих камышах.

Все началось с того, что Карпов поздно вечером пробрался в родной хутор.

Его встретила взволнованная дочь.

– Папка, а я к тебе бежать собралась! На хутора пришли немецкие машины и привезли ящики. Я пошла посмотреть и слышала, как полицейские говорили: «Это вареники для партизан».

Карпов решил проверить. Ночью он подобрался к машинам. Ярко светила луна. На машинах лежали мины.

– Вот что, дочурка. Беги сейчас к пионерам и зови в хату. Если кого не успеешь позвать – не беда. Но только чтобы все пастушата были.

Задами, огородами, бесшумно перелезая через плетни, ребяташки собрались в хате Карпова.

– Дело, ребята, серьезное. Немцы привезли мины. Надо полагать, хотят заминировать все тропинки, что идут через камыши к нам, в лиман. Они думают запереть нас в мышеловку, чтобы нам осталось или взорваться на минах, или сидеть на островке и умирать с голоду. Конечно, мы можем сегодня уйти. Но партизанам не пристало отступать. И я прошу вашей помощи, ребята. Предупреждаю, это нелегко будет сделать. Если догадаются немцы, если поймут вас, – убьют. Но надо сделать так, чтобы не поймали. И это можно сделать. Вся надежда на пастухов. Но одним пастухам не справиться – вы все должны помочь им.

И Карпов рассказал свой план.

Ребята разошлись еще затемно. В эту ночь они не спали.

День выдался солнечный. Как всегда, беззвучно кивали пушистыми головками камыши. Но там, где проходили тропки из хуторов вглубь лимана, время от времени испуганно взлетали птицы...

Все это видел Карпов. Только бы ребята не подвели!..

Но ребята не подвели. Вечером кружной тропинкой, известной только Карпову и его дочке, пастушата пригнали в лиман бычков и яловых коров, принадлежавших немцам и полицейским.

Ночь прошла спокойно.

Наутро развели скот по дорожкам и отпустили с привязи.

Коровы и бычки постояли, подумали и побрели домой.

Через несколько минут начались взрывы. Вверх взлетали столбы дыма, грязи.

Вечером по разминированным коровами тропкам прошла группа Карпова. Она заложила мины на мосту, что был переброшен через болото на дороге из Краснодара к Мианцеровским хуторам, заминировала высокую греблю и противоположный берег болота: Карпов ждал карательной экспедиции из Краснодара.

Он не ошибся: утром вереница машин с немецкими автоматчиками показалась на шоссе.

Головные машины взорвались на гребле. Хвост колонны устремился на мост и взлетел на воздух.

После обеда подошли новые машины из Краснодара. Автоматчики по доскам перебравшись через болото. Но лишь только они начали взбираться на высокий противоположный берег, как снова загрели взрывы.

Немцы отступили. Карпов победил...

* * *

От товарища Поздняка получен приказ снова прервать железнодорожное движение на участке Ильская – разъезд Хабль и минировать мосты на шоссе.

Как назло, у меня в лагере почти не осталось опытных минеров, все на операциях. С трудом сколотил группу: командир – Веребей, старший минер – Еременко, минеры – Луста, Малых, Кузменко, Коновиченко.

Приказ штаба куста давал очень сжатые сроки. Как следует подготовиться к операциям не удалось.

Группа вышла после обеда.

* * *

Ельников сообщил: к реке, выше того места, где спрятаны понтоны шестнадцати немецких мостов, с превеликой осторожностью свозятся толстые бревна. Наши сбивают из них плоты и готовят гнезда для взрывчатки.

План Ельникова прост: когда мосты будут наведены, он пустит вниз по реке свои плоты со взрывчаткой, они ударятся о мосты и взорвут их.

План неплохой. Но надо иметь про запас еще хотя бы одну возможность взрыва на случай провала. Но что? Ума не приложу.

Но скоро нам стало известно, что подпольщики в Краснодаре придумали остроумный дубляж к плотам Ельникова: в нужный момент будет сорван с причала дебаркадер или тяжелая баржа с заложенной взрывчаткой и спущена вниз по течению.

* * *

Наша минная школа на Планческой выпустила шестидесятого воспитанника.

Слащев отметил этот своеобразный юбилей тем, что закатил пир.

Тридцать первого декабря, в последний день старого года, Причина принес, наконец, весть, которую мы давно ждали: Северо-Кавказская армия перешла в наступление – взят Моздок!

Наступает новый, 1943 год. Что принесет он нам с собою?

Новые испытания? Победу?.. До победы еще далеко, а испытаний мы не боимся. Никакие испытания не сломят нас в нашей борьбе, в нашем стремлении приблизить день победы!..

* * *

В первый же день нового года я рассказал Николаю Ефимовичу Кириченко о немцах, пробравшихся через заминированную тропу. Он вначале очень расстроился, а потом неожиданно рассмеялся:

– Нет, Батя, это хорошо! Это просто замечательно! Я им такую мышеловку устрою, что не только немец, а и полевая мышь из нее живой не выйдет!..

Кириченко ушел из лагеря. На всякий случай я послал с ним группу прикрытия.

На рассвете он вернулся. Он шел впереди всех, держа на перевязи окровавленную левую руку.

Волнуясь, доложил, что при установке последней мины взорвался новый взрыватель и оторвал три пальца на левой руке.

Немедленно на линейке я отправил его к Елене Ивановне на медпункт.

Через час решил выехать туда сам.

Пришло известие, что немцы все-таки прорвались на Мианцеровские хутора. Они застали пустые хаты: все, кто мог двигаться, ушли в камыши.

Фашисты подожгли крайние дома и бросили в огонь двух дряхлых стариков.

Карпов поклялся отомстить.

Вернулись разведчики с Плавстроевской перемычки, которую рвал Мельников. Мост был искорежен на совесть. Вместе с мостом взорвался танк. С него немцы сняли броневые листы: очевидно, себе на дзоты. Движение на Новороссийск в этом месте было прервано...

Так начался новый год: борьба продолжается!..

Я приехал на медпункт, когда Елена Ивановна только что закончила операцию.

Николай Ефимович сидел, курил папиросу, нервно затягивался и виновато улыбался: бедняга искренне считал, что виноват в том, что вышел из строя.

Его положили в соседней комнате.

Елена Ивановна чуть не плакала.

– Я очень боюсь, что ему придется ампутировать руку. Но я сама свезу его в тыловой госпиталь, сама буду говорить с главным хирургом и сделаю все, чтобы спасти руку.

Кириченко был прав: ни один немец не ушел живым из его мышеловки. Все взорвались на минах. Только троих пришлось добить из винтовки.

Николая Ефимовича отправили в тыловой госпиталь. Велел устроить его поудобнее на двухколесной арбе. С ним ушли санитары – Мельников и Кравченко и, конечно, Елена Ивановна. На всякий случай она захватила гранаты и автомат – путь им предстоял тяжелый и опасный.

Когда все было готово к отправке, я подошел проститься с Николаем Ефимовичем. Он протянул мне здоровую правую руку и, грустно улыбаясь, сказал:

– Ну вот, Батя, и конец карьеры минера Кириченко...

* * *

Вернулась группа Веребея.

Степан Игнатьевич молча подошел ко мне. Он был бледен.

– Разрешите доложить, товарищ командир отряда. Задание выполнено. Поезд взорван. Но старший минер Еременко погиб при взрыве...

В сознании никак не укладывалось, что не стало нашего Степы, нашего общего любимца, мастера на все руки, веселого запевалы, прекрасного товарища.

Еременко погиб так, как умирают солдаты революции: на посту, с оружием в руках, своей смертью вырвав победу...

Группа тронулась до рассвета. Идти было трудно: тучи низко висели над землей, шел дождь, ревел ветер в глубоких ериках, глина липла к сапогам, ноги скользили на мокрых камнях. Только к вечеру подошли к железной дороге и, как всегда, начали наблюдение.

Первая ночь, намеченная для взрыва, прошла впустую: заложить мины не удалось.

Наступил канун Нового года.

Ночью немцы открыли стрельбу. Они били из винтовок, из автоматов, из пулеметов. Били бессмысленно, без цели, по кустам, по лесу, по темной, молчаливой степи. Быть может, они били спяна, празднуя Новый год. Быть может, ими руководил безотчетный страх, что именно в эту новогоднюю ночь из темноты кустов, из этой черной, безмолвной степи обрушатся на них партизаны. Немцы стреляли всю ночь. И всю ночь пролежали наши в кустах, под дождем, на мокрой земле, терпеливо дожидаясь следующей, третьей ночи...

Когда день прошел и начало смеркаться, первым вышел командир группы Веребей. За ним, чутко слушая шорохи в кромешной тьме, шли цепочкой остальные.

Место, назначенное для взрыва, оказалось неудачным. Так же тихо, один за другим, отошли вправо. Взобрались на полотно. Луста начал копать ямку. Кузменко и Коновиченко легли в дозоре. Группа прикрытия замерла в кустах. Еременко вынул противотанковую гранату...

Удивительный человек Степан Сергеевич! Не раз присутствуя на занятиях в минной школе, я слышал, как убежденно, с большим знанием дела Еременко доказывал своим ученикам все преимущества нашей новой автоматической мины. Не раз при мне он восхищался замедлителями Ветлугина. Он прекрасно знал нашу мину, он мастерски умел обращаться с нею, умом он высоко ценил ее достоинства, но его сердце не лежало к мине. Для себя лично он предпочитал противотанковую гранату. Обкладывая ее толлом, он рвал поезда. И надо отдать ему должное: рвал умеючи.

На этот раз он тоже вышел на полотно со своей любимой гранатой.

Он снял предохранитель и накладку и, осторожно придерживая инертную массу шпилькой, положил гранату в ямку. Луста начал укладывать вокруг нее толловые пашки.

И вдруг рельсы загудели. Сначала еле слышно, потом все громче, громче.

Шел поезд в неурочное ночное время, как в ту памятную теплую октябрьскую ночь на четвертом километре, когда погибли мои сыновья.

Надо было выхватить гранату и отскочить. Но заговорило чувство долга солдата – безоговорочно выполнить приказ командира, и оба минера продолжали работу.

Поезд был буквально в десяти метрах, когда Еременко и Луста соскочили с полотна.

Взрыв оглушил даже тех, кто в группе прикрытия лежал в кустах. Паровоз взлетел на воздух. Передние вагоны полетели под откос. Остальные, наскочив друг на друга, лежали на полотне, разбитые в щепы.

Первым пришел в себя Веребей и бросился искать минеров.

Он нашел Лусту недалеко от насыпи. Леонид Федорович лежал, широко раскинув руки, без всяких признаков жизни. Приказав Малых и Кузменко отнести Лусту, Веребей побежал искать своего друга Степу Еременко.

Он нашел Степана Сергеевича под обломками разбитого вагона: Еременко был мертв.

Товарищи понесли минеров в кусты. И так же, как тогда, на четвертом километре, друзья финскими ножами вырыли неглубокую могилу. Жужжали пули над головой, срезая ветки кустов. Страшно кричали раненые немцы на полотне.

Первым опустили в могилу Еременко.

Малых поднял Лусту и вдруг почувствовал, что под рукой бьется сердце. Он положил Леонида Федоровича на землю и брызнул в лицо водой из фляги. Веки Лусты чуть дрогнули.

– Жив! Луста жив! – забыв о пулях, об опасности, о немцах, во весь голос закричал Малых.

Еременко забросали землей, положили Лусту на самодельные носилки и вернулись в лагерь.

А Степана Еременко нет... Мне все казалось – он подойдет сейчас, сядет рядом и вполголоса, так, чтобы не слышал строгий комендант, затынет казацкую песню, широкую и привольную, как наши кубанские степи...

Кузнецов написал стихи на смерть Еременко.

Несмотря на все их несовершенство, они до глубины души взволновали всех нас:

...Ночью темною, жгуче-холодной,
В час, когда наступал Новый год,
Шел с друзьями минер беспощадный
В свой последний опасный поход...

Взрывом страшным степь всколыхнуло,
Смерчем огненным ночь обожгло,
И обломки вагонов горящих
С ненавистным врагом подняло...

Схорони, мать-земля дорогая,
Кровь святую, чтоб враг не видал,
Схорони его сердце большое,
Чтобы ворон его не клевал.

Пусть все ветры степные расскажут,
Как геройски погиб партизан.
Его слава, как песня, польется
По лесам, по горам и степям.

На могиле твоей мы клянемся
В бой последний бесстрашно идти,
Твое знамя, облитое кровью,
С чувством гордым вперед понести...

* * *

Группе Лагунова положительно не везло: попытка пробраться в Краснодар через хребет Пшеда кончилась неудачей.

Я отправил их под Крепостную: оттуда они пойдут в город через водоразделы Афипса и Шебша.

Но и тут Лагунова подстерегала неудача.

Прежде всего, его группа неожиданно наткнулась на хорошо замаскированную немецкую засаду. Пришлось отступить с боем и, круто свернув влево, попытаться счастья на более глухом пути.

Как на грех, будто из-под земли выросла вторая засада. Схватка была жестокой, а главное – шумной. Пришлось вернуться.

Общая обстановка значительно усложнилась в первых числах января. Немцы завязали крупные наступательные бои под Новороссийском и подтянули к предгорьям отборные части.

Наши минеры не знали отдыха: одна операция следовала за другой.

Кузнецов давно махнул рукой на то, что партизаны не бреются: не до бритья, когда несколько суток кряду не удается уснуть!

Не считаясь с потерями, немцы гнали к морю эшелон за эшелонами и широким фронтом вели наступление на предгорья.

Наконец, им удалось захватить многогорье Ламбина, и они начали лихорадочно строить на нем укрепления.

Для нас это было тяжелой потерей: Ламбина – ключ к равнине.

Предстояли упорные, жестокие бои...

В один из этих тревожных дней начала января произошло событие, как-то сразу определившее и подтвердившее энергичность наших усилий за последнее время.

Рано утром я пришел на Планческую, чтобы выполнить приказ командования – подготовить и отправить на операцию три группы минеров. Не имея достаточного количества людей, я должен был встретиться и договориться с командиром соседнего партизанского отряда «Овод» Карабаком об организации групп прикрытия. Я тотчас же отправился к соседям: они находились в то время километрах в шести от Планческой.

Каковы же были мои радость и удивление, когда Карабак сказал мне, что на рассвете у него в отряде побывала... офицерская разведка нашей армии.

– Где же они? – не скрывая своего волнения, спросил я.

– В горы уехали. С местностью знакомятся, – отвечал Карабак, – хотели к вам заехать.

Взволнованный до глубины души, я молча смотрел на горы, покрытые густым лесом, над которым ветер быстро гнал низкие облака. Где-то здесь, может быть, совсем близко, были они, вестники победы, посланцы могучей армии, идущей освободить нашу родную землю...

Договорившись с Карабаком обо всем, о чем было нужно, я поспешил вернуться в Планческую, боясь опоздать к приходу разведчиков.

Но ждать их, волноваться и выбегать при каждом шуме на крыльцо мне пришлось целый день. Я уже стал думать, что разведчики не приедут, удовлетворившись сведениями, полученными от Карабака, когда вечером, в сумерки, в сопровождении наших сторожевых показались на опушке леса шесть всадников – четыре офицера и два бойца-коновода.

Как я уже говорил, весь ход наших боевых операций за последнее время определялся сначала подготовкой к наступлению, а потом и началом наступления Советской Армии и яростным натиском на нас немцев в прямой связи с этим. Каждый из нас знал и понимал, что мы выполняем, может быть, и незначительную, если брать общие масштабы планов высшего командования, но необходимую функцию. Но одно дело знать это, так сказать, «теоретически», а другое дело – видеть советских воинов на нашей партизанской Малой земле!

Офицерскую инженерную разведку возглавлял подполковник, человек примерно моих лет, с седой головой и строгим, усталым лицом. Его сопровождали майор, капитан и совсем еще молодой розовощекий лейтенант. После официальной части встречи, то есть взаимной проверки документов, мы дружески обнялись.

Офицеры-разведчики едва держались на ногах от усталости после многодневных скитаний по горам, но хотели немедленно приступить к делу. Тут уже мне пришлось использовать свои права хозяина и настоять на том, что, прежде чем я хорошенько не накормлю дорогих гостей, делами мы заниматься не будем.

Когда за столом, уставленным всем, что нам с Конотопченко удалось найти на Планческой, мы поднялись со стаканами, наполненными разведенным спиртом, и подполковник коротко и негромко сказал: «За нашу победу!» – я не мог сдержать своего волнения, и слезы навернулись на глаза. Невольно я подумал о том, что мои сыновья не дожили до этой минуты...

Всю долгую зимнюю ночь мы провели, склонившись над картами местности. Офицеров интересовал, по существу, один вопрос: возможность прохода наступающих частей Советской Армии через горы. Ни словом не обмолвились они о том, когда можно ожидать этого наступления. Я понял, что это военная тайна, и, конечно, не задавал неуместных вопросов.

Я сказал, что если установятся и продержатся морозы, то можно будет пройти от Архипо-Осиповской через гору Афипс, Большие и Малые Волчьи Ворота.

Разведчики расспрашивали меня о мельчайших деталях горных дорог и троп, и мне пришлось мобилизовать все свои знания и память, чтобы возможно полнее и точнее отвечать на их вопросы.

На рассвете офицеры, тепло простившись с нами, уехали. Мы с Конотопченко проводили их. На Планческую возвращались молча. Я думал о том, что отныне каждая наша пуля, каждая мина должны еще более безотказно служить приближению победы. Я знал и думал об этом, разумеется, и раньше, но теперь чувствовал это как-то по-новому – сильнее и крепче...

* * *

В это же утро вернулась Елена Ивановна из тылового госпиталя.

– Ехать в госпиталь было очень тяжело, – рассказывала жена. – Грязь непролазная, даже в сапоги набиралась вязкая жижа. А надо было идти все время рядом с арбой и придерживать голову Николая: трясло на ухабах страшно. Сесть же на арбу было невозможно – быки и так еле-еле передвигали ноги, а кормить их было нечем. А тут, как назло, немцы оседлали дорогу – три раза пришлось пробиваться гранатами. Боялась за Николая ужасно. Но все-таки добрались.

Главный хирург осмотрел руку и решил немедленно ампутировать. Тут, сознаюсь, я немного погорячилась. Стала ему доказывать, что отрезать руку просто, а спасти потруднее, что в моей практике было несколько таких случаев и всякий раз я обходилась без ампутации, что рана в порядке, что я ее, еще свежую, тщательно

обработала, что температура у больного нормальная. Одним словом, провела атаку по всем правилам...

Главный хирург сдался: дал отсрочку на три дня. Я бессменно дежурила у Николая, сама перевязывала рану, сама кормила и ставила градусник. К концу третьих суток температура по-прежнему оставалась нормальной. Я победила: главный хирург дал слово, что ампутировать не будет. И ты знаешь, когда я пришла прощаться с Николаем, этот угрюмый бука, этот медведь поцеловал мне руку и сказал: «Спасибо, мать. Никогда не забуду, что ты спасла мне руку». И на глазах слезы. Я убежала из комнаты и разревелась...

Армейские разведчики просили не распространяться об их посещении. Но скрыть это от жены я не мог: я хотел, чтобы она порадовалась вместе со мною. Когда я рассказал ей о разведчиках, она разволновалась так же, как я, и так же, как у меня, глаза у нее увлажнились слезами...

На другой день мы похоронили Дакса.

Его все-таки немцы ухитрились отравить. Жена пыталась его спасти – делала промывание желудка. Ничего не помогло: яд был слишком силен.

* * *

Пришло известие, что в ночь на четвертое января одновременно взорваны два моста с поездами на подходах к городу со стороны Кавказской. Движение прервано по крайней мере дня на три.

Это работа наших «сапожных диверсантов» во главе с Бибиковым.

Девятого января немцы наладили движение по дороге Кавказская – Краснодар. Но первый же поезд, пущенный ими, взлетел на воздух.

Это тоже работа Бибикова.

Одиннадцатого января радио сообщило о взятии нашими войсками всей минераловодческой группы. И вдруг – страшная весть: с Лагуновым случилось несчастье...

Перед выходом его группа была разбита на две части: так легче пробраться через немецкие заставы.

Первую часть группы – Лагунова и Гладких – вела Орлова, вторую – Литовченко, Сухороброву и Лугового – вела Кузнецова, обе местные жительницы, колхозницы, хорошо знавшие дорогу. Проводники были опытные: они уже не раз проделывали этот тяжелый, опасный путь.

Ночью шел проливной дождь. Утром ударили заморозки. Вторая часть группы еще затемно проскочила открытые места и подошла к переправе через Афипс.

Река шумела. По ней плыли маленькие льдинки. Кузнецова разделась, натерла тело сухим спиртом и вошла в воду, за ней, связанные друг с другом длинной веревкой, пошли остальные.

Закоченев, выскочили на противоположный берег и, протанцевав бурный танец, чтобы согреться, отправились дальше. Благополучно дошли до Кубани и на лодке пробрались в город.

Но первой группе не повезло.

Лагунов, Гладких и проводник Орлова задержались в пути: дорога была тяжелая. И только к утру они сумели обогнуть Смоленскую.

Дальше лежала голая степь, прорезанная густой сетью дорог. Идти днем было рискованно. Забрались в кусты терна и залегли до вечера.

Все вокруг было покрыто белым инеем. Лежать холодно. Мучительно хотелось встать, побегать, размяться. Но кусты низки. И партизаны, лежа на спине, размахивали руками и ногами. Со стороны, очевидно, это выглядело смешно. Но нашим было не до смеха: движения быстро утомляли, но не согревали. Промучились до вечера, с нетерпением ждали темноты.

Как только стемнело, тронулись в путь. Орлова быстро вышла к реке. Предстояла переправа по грудь в ледяной воде.

Холодная дневка в терне сказала: Лагунов и Гладких отказались переходить вброд реку – они боялись, что судорога сведет тело.

Они предложили другое: подойти к Георгие-Афипской и, пользуясь подложными документами, обмануть охрану и по мосту выбраться на шоссе.

Начался горячий спор. Но Лагунов все же заставил Орлову идти в Афипскую.

Шли долго. Спустились сумерки. Вечером переходить мост сочли опасным и, обогнув хутор Рашпилев, решили заночевать в глубокой балке у реки.

Ночью ударил сильный мороз. Балка казалась достаточно глубокой, и Лагунов развел костер. Гладких принес котелок воды.

И вот тут-то, как на грех, из хутора Рашпилева перед рассветом вышел на рыбную ловлю полицейский. Он заметил огонек, увидел трех подозрительных людей у костра и бросился обратно.

Полицейские незаметно подползли к костру. Партизаны не успели даже бросить гранату: их сбили с ног, схватили и погнали сначала в Георгие-Афипскую, а оттуда, избитых и окровавленных, отправили в Краснодар в гестапо...

У нас не было никакой надежды спасти их.

* * *

Одиннадцатого января немцы начали штурмовать Крепостную.

Сафронов и Елена Ивановна, погрузив на подводы имущество фактории, уехали в горы.

Я снял с операции минеров. Мы решили драться за нашу факторию до последней возможности. Но силы были слишком неравны: сто против одного. Едва ли нам удалось бы продержаться более суток...

Двенадцатого января – незабываемый день!..

Мы вели бой на подступах к Крепостной.

Казалось, воздух до отказа полон грохотом разрывов, треском пулеметов, воем мин.

Наши стрелки едва успевали перезаряжать автоматы. Из кустов, из-за камней, из-за пригорков появлялись новые колонны немцев, охватывали нас полукольцом.

И вдруг с правого фланга послышались частые автоматные очереди и громкое могучее «ура».

Я бросился туда – и глазам не поверил: рассыпавшись цепью, шли в атаку наши бойцы.

Они шли цепь за цепью, шеренга за шеренгой: серые шинели, звезды на шапках, штыки наперевес.

Трудно описать нашу радость, наш восторг при виде их!

С нами родная, любимая Советская Армия! Теперь нам не страшно ничто!..

За громадным камнем, поросшим зеленоватым мхом, боец перевязывал рану.

– Откуда, товарищ?

Боец молча показал на юг. Там, закрытые серыми рваными тучами, возвышались снеговые вершины Кавказа.

Нет, оттуда они не могли прийти: там нет прохода!..

Боец кончил перевязку. Он взял винтовку и деловито спросил:

– Отец, Краснодар близко?

Я не успел ответить. Он побежал догонять своих. И могучее «ура» гремело далеко за оврагом...

Откуда бы они ни пришли, – в бой! Мы вместе с ними.

И враг не выдержал удара. Он откатился к вершине Ламбина, где за тремя рядами дзотов, за пятиярусным переплетом колючей проволоки находились его основные силы.

Немецкие наблюдатели видели свои бегущие части. Они видели наших бойцов, неведомо откуда пришедших сюда, в предгорья.

В панике немцы закрыли проходы в колючей проволоке. Орудия с Ламбина начали вести заградительный огонь. Перед отступающими выросла огненная стена. Немецкое командование жертвует своими солдатами, только бы не ворвались на вершину эти внезапно появившиеся советские войска.

Немцы в ужасе метались в кольце. Мы нарушали их боевые порядки...

Небольшая группа уцелевших фашистов, бросив оружие, подняла руки...

Вечером я присутствовал при допросе пленного офицера, командира немецкой горноегерской части. Он машинально отвечал на вопросы: его мучила какая-то неотвязная мысль.

– Скажите, господин лейтенант, – неожиданно спросил немец, – откуда вы пришли?

– Оттуда, – коротко ответил наш лейтенант и, как тот раненый боец у камня, показал на юг.

– Не может быть! Мне хорошо известна эта часть хребта: там не пройдет даже горная коза.

– А мы все-таки прошли.

– Нет, нет! Люди там не могли пройти!.. – с каким-то суеверным ужасом прошептал немец...

Батальоны шли через горы несколько дней. Пришлось оставить всю артиллерию, обоз, кухни, лазарет, даже тяжелые пулеметы. Бойцы карабкались на кручи, в кровь разбивали ноги. Последние два дня они ничего не ели. Но они все-таки перевалили через горы и с ходу бросились в штыки.

Это мог сделать только русский солдат!..

С гор спускались батальон за батальоном. Кажется, это двинулись горы и пошли в наступление на врага.

Голодные, оборванные, истомленные страшным переходом через горные кручи, они с ходу шли в наступление. И снова я слышал один и тот же вопрос:

– Товарищ, Краснодар близко?

* * *

Группа полковой разведки вырвалась далеко вперед и, не зная наших ериков, хмеречей и течей, попала в засаду. Пришлось им отходить с тяжелым боем, теряя убитых, не успевая подбирать раненых.

Немцы прижали бойцов к обрыву, все туже стягивая кольцо. Выхода из кольца нет. Сзади – крутой, темный, глубокий провал...

Осторожно, таясь в кустах, по краю обрыва пробиралась небольшая группа нашего отряда. Это Елена Ивановна шла на хутор Красный: здесь она должна была вновь развернуть походный госпиталь для раненых бойцов.

Наши с гранатами поползли в тыл наступающим немцам. Елена Ивановна, Кравченко и Мельников остались в прикритии. Они недвижно лежали в кустах.

У наших бойцов на краю обрыва кончились патроны. Остался штык и стойкость русского солдата, который умирает, но не сдается. Плечо к плечу, штыки наперевес, храбрецы бросились в последнюю атаку.

Немцы открыли жестокий огонь. Падали раненые. Передний ряд сомкнулся, и начался рукопашный бой.

Неожиданно ожили кусты: растянувшись широкой цепью, наши бросили гранаты. Ошарашенные немцы кинулись к единственной тропке, что ведет к станице. Здесь их встретили длинные очереди нашего пулемета...

В кустах на одном из флангов неподвижно лежала Елена Ивановна.

Шорох. На поляну, трусливо озираясь, выходят два немца-мародера: они обшаривают наших раненых.

У можжевелевого куста, широко раскинув руки, лежит юноша-командир. Высокий белобрысый фашист подходит к нему. Елена Ивановна, переведя автомат на одиночный огонь, берет немца на прицел.

Фашист шарит по карманам...

Неожиданно юноша-командир поднимает голову и впивается зубами в руку мародера.

Немец замахивается ножом...

Выстрел. Мародер упал. Второй немец бросился бежать. Мельников уложил его на месте.

Елена Ивановна подошла к юноше. На гимнастерке, залитой кровью, орден Красной Звезды.

Жена быстро разрезает одежду. Оказывается, перед ней лежит девушка...

А у обрыва все было кончено: только несколькими фашистам удалось юркнуть в кусты.

Дав проводника бойцам, наши двинулись в хутор Красный. Кравченко и Мельников бережно несли на носилках раненую девушку-командира.

Пятнадцатого января наши батальоны, спустившиеся с гор, начали фронтальное наступление на подступы к многогорью Ламбина.

Мы послали Сергея Мартыненко с минерами и группами бойцов в глубокие тылы немцев рвать мосты на путях подхода немецких резервов.

В тот же день мы повели несколько батальонов гвардейцев в тыл Азовки.

Оставив один батальон в засаде, остальные, как снег на голову, обрушились на немцев. Два фашистских полка, не приняв боя, поспешно отошли, бросив технику.

Из Северной выступила румынская литерная дивизия. Она пыталась взять нас в клещи. Но батальон, оставленный в засаде, рванулся в Северскую и разгромил штаб дивизии и десяток складов.

Румыны бросились обратно в станицу. Кабаньими тропами мы вывели гвардейцев в предгорья.

* * *

Многогорье Ламбина – ключ к равнине: только взяв эту горную крепость, можно прорваться в степь.

На совещании в штабе командующего фронтом решено идти на штурм. Я доложил генералу результаты работы наших разведчиков: им удалось засечь основные огневые точки, расположение дзотов и определить силу гарнизона...

Предстоял тяжелый бой. Немцы успели возвести на горе многоярусную систему обороны. Гарнизон отборный: два дня назад сюда подтянуты штрафные офицерские батальоны.

У наших гвардейцев только ротные минометы, ручные пулеметы и ограниченное количество патронов: техника и обозы застряли в горах.

На рассвете восемнадцатого января гвардейцы пошли на штурм с фронта.

Стремительным броском было захвачено предполье. Впереди вырос огненный вал: немцы открыли ураганный заградительный огонь.

Гвардейцы окопались.

На востоке послышался гул моторов. Он становился все ближе, все явственнее.

Наши бомбардировщики сделали широкий круг и легли на боевой курс. Казалось, все небо было закрыто самолетами.

Визг бомб, грохот, столбы взметнувшейся земли...

Второй заход самолетов – и снова разрывы фугасных и осколочных бомб.

И опять рев моторов. Теперь бомбардировщики летели бреющим полетом, поливая из пулеметов.

У немцев полная растерянность: их зенитные батареи молчали...

Гвардейцы поднялись. Со штыками наперевес, орудуя гранатами, они прорвали передний край и закрепились на новых позициях.

Дальше идти не было сил: это стоило бы слишком дорого...

Вечером на совещании в штабе был принят план: обойти немцев с тыла через хутор Макартет.

Ночь. Моросил дождь. Воздух стонал от грохота разрывов: это наши эскадрильи волнами штурмовали многогорье.

Сквозь пелену мелкого дождя отчетливо были видны яркие вспышки разрывов, столбы земли, камней, осколков бетона.

А самолеты все летели, и гул бомбежки не прекращался ни на минуту.

Девятнадцатого января предстоял решительный штурм.

И вот многогорье наше.

Когда гвардейцы с фронта ворвались во вторую линию укреплений, в окопах третьей линии уже гремело «ура»: это батальоны, обошедшие с тыла, добивали остатки немецкого гарнизона.

На горе все было разворочено: валялись обломки орудий, пулеметов, трупы...

В стороне, под деревьями, расщепленными бомбами, понуро стояли небольшие группы пленных штрафников-офицеров.

Ключ к равнине был теперь в наших руках!..

* * *

Еле волоча ноги, группа Мусьяченко пришла на Планческую в самом конце января. Они чуть живы от усталости. Последние четверо суток почти ничего не ели.

Мы помогли им переодеться, накормили и уложили спать. Петр Петрович пытался было доложить о последней операции, но я приказал ему сначала отдохнуть, а потом докладывать.

Спали гвардейцы ровно двадцать восемь часов. Целый месяц они шли десятки километров под осенним дождем, спали в воде, чуть подернутой тонким ледком, не видели горячей пищи, питались всухомятку, голодали и снова шли в дождь, изморозь, на холодном, пронизывающем ветру. Тридцать дней они каждую минуту рисковали жизнью.

Но они с честью выполнили приказ: взорвали пять больших мостов, пустили под откос более десяти эшелонов с живой силой, боезапасами и машинами, уничтожили много техники, на шоссе истребили сотни врагов.

Они доказали: горячая любовь к родной земле, люта я ненависть к врагу, упорство и воля творят чудеса.

Мы с Ветлугиным подсчитали: одновременно работают на операциях восемнадцать групп нашего отряда, считая, конечно, и наши филиалы.

* * *

Госпиталь Елены Ивановны в Красном работал полным ходом. Каждый день жена принимала десятки раненых; санитарные части спустившихся с гор батальонов застряли на перевалах.

Мне удавалось только мельком повидать Елену Ивановну.

– Раненая девушка поправляется, – рассказала жена. – Ее зовут Галя. Она командир разведки. Москвичка. Сирота. Когда она пришла в себя, ее первое слово было «мама». Мы с ней подружились. Она славная, ласковая девочка. И она продолжает называть меня матерью... Я ее выхожу, я поставлю ее на ноги.

Несмотря на страшную усталость, Елена Ивановна чувствовала себя прекрасно: работа не давала ей времени думать о сыновьях.

Немцы штурмовали потерянное ими многогорье Ламбина.

Они подтянули сюда пять дивизий и не считались с потерями.

Гвардейцы прочно удерживали позиции. Наши летчики жестоко бомбили штурмующие немецкие колонны.

Скоро гвардейцы должны были спуститься с предгорий в степь – к Краснодару.

Каждый день радио приносило замечательные вести: двадцать третьего января взят Армавир...

Тридцатого января начался штурм последней линии немецких укреплений.

За ней лежала степь, широкая, полноводная Кубань, Краснодар...

Штурм немецкой обороны не ослабевал. С обеих сторон в бой вступали новые части.

Темп нашего наступления замедлился: немцы подтянули тяжелую артиллерию к Северной, а главное, нам досаждал немецкий бронепоезд. Несколько раз в сутки он появлялся на участке Северская – Георгие-Афипская. Оттуда наши наступающие части видны как на ладони. И орудия бронепоезда били без промаха.

Я приказал Николаю Демьяновичу Причине взять трех минеров и взорвать бронепоезд.

В сумерки я пошел их провожать. Со мной вышел Павлик Худоерко.

Мы долго пробирались через минное поле, ползли в кустах, огибали немецкие заставы.

Ухали тяжелые немецкие батареи на Северной. Шел дождь. Зарницами вспыхивали на горизонте отсветы артиллерийских залпов.

Впереди лежало второе минное поле. Где-то недалеко били пулеметы.

Павлик решительно взял меня за руку.

– Батя, за вашу жизнь я отвечаю головой. Дальше идти нельзя.

Мы вернулись на рассвете.

Под утро Павлик разбудил меня:

– Батя, скорей!..

Мы выскочили на улицу. Там, где лежала дорога Северская – Георгие-Афипская, высоко взметнувшись в небо, стоял огненный столб. Донесся глухой грохот взрыва.

Было ясно: это работа Причины!

Он вернулся на следующий день.

– Бронепоезд взорван, – доложил Николай Демьянович. – Начисто. У нас потерь нет...

Все шло, как обычно. К утру минеры подобрались к железной дороге. Заползли в густой терн, выбрали местечко посуше и залегли спать.

Причина наблюдал за дорогой.

Через каждые тридцать метров стояли посты. Часто проходили обходчики.

На рассвете показался бронепоезд: впереди две платформы, груженные шпалами и рельсами, за ними бронированный пульман, потом, весь в броне, паровоз, наконец еще пульман и еще две платформы.

Отойдя от Северской километров шесть, поезд начал обстрел. Потом отправился в Афипскую: надо думать, брал воду или топливо. А может быть, просто освобождал путь: следом за ним быстро проскочили два состава.

Бронепоезд вернулся, пострелял и снова ушел.

Так повторилось несколько раз.

Ночью наши подобрались к полотну. Им повезло: два соседних поста сошлись и остановились поболтать.

Минеры выскочили на дорогу и заложили три мины замедленного действия из двухсот килограммов тола, принесенного в рюкзаках. Для верности добавили противотанковые гранаты.

С полотна сползли благополучно. Но дальше случилась заминка: перед ними вырос патруль из двух немцев. Свернули вправо – и опять парный патруль. А сзади – полотно, и на полотне – обходчики и часовые.

Короче, попали в западню. Надо было вырываться.

Выбрали двух фашистов слева и осторожно подползли к ним. Вскочили одновременно. Причина ударил одного, Козмин – другого.

Немцы упали, не пикнув. Для верности партизаны оттащили их в кусты, столкнули в яму и замаскировали ее.

Шли напрямик: до рассвета оставались считанные десятки минут.

Снова забрались в терн и стали ждать.

На этот раз бронепоезд появился раньше, чем вчера. В бинокль он был отчетливо виден.

Как обычно, показалось, что он прошел заминированное место.

Неожиданно, – это ведь всегда неожиданно, хотя этого ждешь каждую секунду, – на воздух поднялся столб дыма и обломков. Потом донесся грохот взрыва.

Словом, мины сработали безотказно. Бронепоезда больше не существовало.

* * *

Крупные танковые и мотомехчасти немцев, откатившись от Туапсе, закрепились у Горячего Ключа.

Группа Бибикова должна была взорвать Горяче-Ключевской мост на Кубани и отрезать этим группировку немцев от Краснодара.

Примерно в это же время нам стало известно, что Лагунов и Гладких расстреляны. Они умерли, не сказав ни слова, никого не выдав...

Последняя линия укрепления немцев перед равниной прорвана нашими частями.

Елена Ивановна свертывает свой госпиталь в Красном: с гор спустились, наконец, первые санитарные части. За последние дни через ее руки прошло больше трехсот тяжелораненых.

Галя уже побывала в бою. Сегодня утром на несколько минут она забежала к Елене Ивановне. Славная, смелая девушка!..

Взятие Краснодара ожидалось со дня на день.

* * *

Мы получили приказ нашего командования всем отрядом, двумя группами, двигаться через линию фронта в Краснодар. Вторую группу вел Конотопченко, с первой шли мы с Еленой Ивановной.

На рассвете двенадцатого февраля мы подошли к маленькому хутору. На задах, у сарая, стоял престарелый казак.

Несколько мгновений мы настороженно оглядывали друг друга. Неожиданно старик откинул палку, на которую опирался, и решительно шагнул навстречу.

– Дед Гаврило! – вскрикнул я.

Он крепко обнял Елену Ивановну и трижды истово поцеловал.

– Наш Краснодар! Наш, советский!.. Ликуй душою, дочка, – отомстили советские люди катюгам за моего, за твоих сынов.

Вытянув шею, заглядывая снизу в мое лицо и воробышком подпрыгивая, он кричал:

– Я что говорил, начальник! Не быть Кубани под немцем! Не сломить проклятым казацкой воли! Была Кубань вольной – вольной и останется. Во веки веков. Понял, начальник Батя? Разве ж я мог усидеть в лесу, когда сердце чует – великая радость на моей Кубани!

Краснодар наш!..

Как пришла эта весть в хатенку деда Гаврила? Как, какими путями неслась она из хутора в хутор, от станицы к станице, когда вокруг немецкие гарнизоны, когда у перекрестков дорог притаились немецкие засады и на станичных площадях стоят виселицы с телами казненных?

Но разве удержишь эту весть?

О ней кричат белые хаты, о ней кричат тополя, кричит небо, кричит тучная, благословенная кубанская земля. Столица Кубани – наша!

* * *

Мы шли в Краснодар.

Грязь была невылазная. По разбитому шоссе бежали немцы, бросая танки, автомобили, артиллерию.

Так хотелось скорее попасть в город, что, вопреки обычаю, шли днем. В станицах – праздник. Еще вокруг немцы, а казаки уже вылавливали предателей, нападали на небольшие группы фашистов, сами, по собственной инициативе, разбирали мосты на путях отхода.

Нас встречали как родных. Провожая, казачки совали в карманы вареные яйца, сало, хлеб.

Боевую разведку вел Павлик Худоерко: его высокая фигура с автоматом у пояса и мешком за спиной все время маячила впереди.

Если бы ему дать волю, он бы рысью помчался домой.

Но мы шли медленно. Елена Ивановна еле передвигала ноги.

До сих пор она держалась на нервах. А сейчас, когда родной дом был близок, она сдала.

Она рвалась домой – и боялась дома...

Наши понимали это большое материнское горе и трогательно берегли Елену Ивановну.

Трудно было сдерживать радость, брызжащую через край, когда каждый подбитый немецкий танк на обочине дороги, каждый выстрел на окраине хутора, отдаленный грохот боя – все вокруг говорило об одном и том же: Краснодар – наш!

Трудно было не думать о Краснодаре, не вспоминать его улиц, родного дома, близких, любимых, друзей...

Павлик, как горный козел, неожиданно громадным прыжком прыгнул через крошечную лужицу. Не рассчитав прыжка, упал в грязь и весело рассмеялся. Павлик смотрел на серые лохматые тучи и широко, по-детски улыбался. Потом, быстро взглянув на Елену Ивановну, погасил улыбку, сурово сморщил брови. Но проходила минута – и снова радостно блестели глаза и сияющая улыбка заливала его еще ребячье лицо. И даже наш Виктор Иванович, всегда такой выдержанный, завидев красные звезды на крыльях самолета, идущего на бомбежку, вдруг сорвал фуражку и начал махать ею над головой, забыв, что мы еще не дома, что за каждым кустом, в каждом овражке сторожит смерть...

Идти по шоссе было нельзя – сплошной пестрой лентой двигались по нему отступавшие немецкие колонны. Мы колесили по проселкам, утопая в грязи.

Где-то близко били тяжелые гаубицы и гудели в небе наши самолеты.

Мы перешли линию фронта пятнадцатого февраля у Ново-Дмитриевской.

Шел жестокий бой: гвардейцы выбивали немцев из укрепленного рубежа за Георгие-Афипской.

Проскочить было невероятно трудно, но Павлик все-таки нашел стык в расположении немецких частей и без боя вывел нас к нашим передовым частям.

Нас чуть не перестреляли свои же бойцы. Спас красный флаг, заранее заготовленный Мурой Янукевич.

Молодой худощавый сержант сурово оглядел нас с ног до головы и внимательно прочел мой документ. Потом ловко закинул автомат за спину, крепко обнял меня и, как старый, седобородый казак на хуторе, трижды поцеловал.

– Идите, товарищи, – путь свободен!

И вот мы в шести километрах от Краснодара: его темный силуэт уже был виден на горизонте.

Но мы решили отдохнуть.

Первый раз за последние полгода мы сидели у костра, не выставив дозоров.

Первое, что мы увидели, подходя к городу, был мост через Кубань: его строили саперы и сотни краснодарцев. Он почти готов – тот самый мост, который шесть месяцев восстанавливали немцы и так и не смогли восстановить.

Мы шли по улицам. Какими родными казались эти дома, площади, скверы!

В городе масса брошенных немцами танков, танкеток, автомобилей, тягачей, мотоциклов. Они стояли на площадях, в переулках, во дворах. Около них возились наши трофейные команды.

Мы с гордостью шли мимо этой, еще недавно грозной немецкой техники. В том, что она обезврежена и что наши бойцы деловито закрашивают знаки свастики на стальных бортах, в том, что красный флаг поднят над Краснодаром, есть доля и нашего участия.

За это погибли мои сыновья, за это погиб Степан Еременко и молчали под пытками Лагунов и Гладких...

Мы шли по улицам. Навстречу выбегали незнакомые люди, жали руки, обнимали, поздравляли с возвращением.

– Мама, а немцы говорили: партизаны страшные! – это сказала восьмилетняя черноволосая девочка, глядя на нас восторженными глазами.

Она догнала меня через несколько минут, молча сунула мне в руку маленькую потрепанную куклу и убежала. Надо думать – это была ее величайшая драгоценность.

* * *

Восемнадцатого февраля в Краснодар пришла с операций вторая группа нашего отряда во главе с Конотопченко, моим замполитом.

Сейчас все были в сборе.

Двадцатого февраля – памятный день. В этот день все лесные, горные, степные, городские, речные и болотные партизаны нашего отряда и наших филиалов собрались в Сталинском райкоме партии.

Я смотрел на них и невольно вспомнил, как полгода назад, в погожий августовский день, из Краснодара уходили в горы директора, инженеры, экономисты, научные работники – кубанские казаки, потомки славных запорожцев.

Они знали: их ждала новая, неизведанная жизнь. Предстояли горячие схватки, тяжелые испытания, опасные операции.

Они могли бы не ходить в горы. Но они пошли: родная Кубань была под пятой врага. И они с честью выполнили свой долг.

Вечером мы с Геронтием Николаевичем Ветлугиным подвели основные итоги работы отряда за полгода.

Мы включили в свой подсчет не только то, что было официально зафиксировано командованием, но и то, что было нам известно из донесений командиров наших групп и отдельных партизан. Сводка получилась внушительной: взорвано и разбито 16 паровозов, 392 вагона воинских эшелонов и вспомогательных поездов, более 40 танков, танкеток и бронемашин, 36 тяжелых орудий, свыше 100 мелких пушек и минометов, 113 автомашин и свыше 100 мотоциклов с прицепами, взорвано 34 моста, убито и тяжело ранено свыше 8 тысяч фашистов. Короче: не считая техники, выведена из строя немецкая дивизия.

Потери нашего отряда, не считая филиалов: трое убитых, двое казнены немцами, двое тяжело ранены.

Двадцать первого февраля в краснодарской газете «Большевик» был опубликован приказ начальника Центрального штаба партизанского движения Верховного Главнокомандования:

«Партизанский отряд, состоящий из партийно-советского актива г. Краснодара, в ночь с 10 на 11 октября 1942 года вышел на железнодорожные участки Северская – Афипская, Краснодар – Новороссийск, с целью взрыва железных дорог, эшелонов противника, чтобы задержать продвижение неприятельских войск и этим нанести поражение врагу в живой силе и технике.

Непосредственное выполнение по минированию и взрыву было поручено двум братьям Игнатовым – сыновьям командира партизанского отряда. В момент, когда минирование полностью еще не было закончено, с большой скоростью приближался военный эшелон с немецкими солдатами и офицерами. Братья Игнатовы не ушли с полотна железной дороги, произвели взрыв мины у самого паровоза и героически при этом погибли.

Этим взрывом они произвели крушение, был разбит паровоз и 25 вагонов. На месте крушения погибло более 500 гитлеровских солдат и офицеров. Верные и бесстрашные сыны советской Родины, братья Игнатовы проявили высшую военную доблесть и самопожертвование во имя освобождения Родины от фашистских захватчиков.

Честь, слава и вечная память героям братьям Игнатовым! Слава родителям, воспитавшим героев, – командиру партизанского отряда Петру Игнатову и матери Игнатовой, находящейся в том же партизанском отряде!

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Присвоить партизанскому отряду, находящемуся под командованием Петра Карповича Игнатова, наименование: «Отряд имени братьев Игнатовых».

2. Представить братьев Игнатовых к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза.

3. Командира партизанского отряда Петра Карповича Игнатова – отца героев – и партизанку того же отряда Игнатову – мать братьев Игнатовых – представить к правительственной награде.

Начальник Центрального штаба партизанского движения Пономаренко».

А девятого марта моим погибшим сыновьям Родина оказала великую честь: им посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Книга вторая
Подполье Краснодара
Часть первая
Глава I

Передовые немецкие части подошли к Краснодару утром девятого августа 1942 года со стороны кожевенного завода.

В городе громыхали взрывы: подрывники партизанского отряда выводили из строя комбинат Главмаргарин, завод Седина, нефтеперегонный завод, электрическую станцию.

Каждый взрыв болью отдавался в сердце...

В это утро в кабинете директора Главмаргарина Шпорхуна раздался телефонный звонок. Директор снял трубку. Его лицо, осунувшееся после бессонных ночей, побледнело.

– Неужели пора? – спросил он, стараясь подавить охватившее его волнение и взять себя в руки.

Он вызвал к телефону главного инженера-механика комбината Ветлугина.

– Геронтий Николаевич, немедленно отдайте приказ о взрыве. Немцы на окраине города.

И в ту же минуту, как бы в подтверждение его слов, в кабинете задрожали стекла от разорвавшегося где-то неподалеку снаряда...

– Владимир Николаевич, рвите ТЭЦ! – приказал Ветлугин начальнику теплоцентрали Сафронову. – Все агрегаты – на воздух! Через полчаса мы должны проскочить мост через Кубань: немцы у кожзавода...

Первым на комбинате было взорвано оборудование теплоцентрали. Почти тотчас же загрохотали взрывы на маслоэкстракционном и гидрозаводе. Затем загремело на мыловаренном, маргариновом, бондарном, в механических мастерских... Облака дыма и пыли повисли над комбинатом. В воздухе пахло гарью.

* * *

Как я уже рассказывал, четвертого августа первым рейсом ушла в предгорья наша партизанская машина. В последний раз были проверены явочные и связные квартиры. Руководители наших подпольных групп впервые познакомились с представителями городского подпольного партийного комитета и комитета комсомола. Мы подробно договорились с уполномоченными крайкома партии, остающимися в городе на нелегальной работе...

Все это делалось спокойно, без малейшей паники, по строго и точно разработанному плану.

Мы, партизаны, уходили из Краснодара, погрузив на тракторный прицеп наше последнее партизанское имущество.

В окнах домов дребезжали стекла от несущихся мимо грузовиков...

А потом в городе наступила гнетущая, мертвая тишина. Город – его улицы, площади, переулки, скверы, сады, дома будто вымерли. Нигде никого, ни одной живой души, даже собаки и те куда-то попрятались.

* * *

Передовая немецкая танковая колонна вошла в Краснодар по улице Буденного. Идти по широкой мощеной Ново-Кузнечной немцы не решились: боялись, должно быть, артиллерийских засад.

Дойдя до середины улицы Буденного, передние машины остановились. С них соскочили пехотинцы – танковый десант. Открылись люки танков. Немцы вылезли из машин, держа наготове автоматы, револьверы и гранаты. Солдаты осторожно двинулись впереди танковой колонны.

Вокруг по-прежнему – тишина и безлюдье.

На углу улицы Фрунзе, у одного из невысоких домиков, стоявших в тени старых каштанов, неожиданно скрипнула калитка. Немецкий солдат вздрогнул и остановился, ожидая нападения. В узкую щель чуть приоткрывшейся калитки выглянула детская белобрысая головка. Двухлетний малыш, переваливаясь по-утиному, держась ручонками за дверцу калитки, вышел на тротуар и удивленно уставился на немца.

Немец не двигался с места. Потом, увидев, что опасность ему не угрожает, он выругался, рванулся вперед, штыком ударил ребенка в живот и перекинул через забор...

Почти одновременно раздались два выстрела. Стреляли бойцы городского отряда истребителей: видно, не стерпели и вот – нарушили строжайший приказ: ждать команды.

Немец выронил винтовку и упал у забора.

С головного танка прогремела длинная пулеметная очередь. Пулемет бил по дому на противоположной стороне, откуда стреляли истребители. Со звоном разлетелись разбитые стекла. Кто-то вскрикнул, застонал. Пулемет замолчал – и снова все стихло.

Немцы бросились к дому. Во дворе, за грудой кирпичей, они нашли двух убитых бойцов.

Снова взревели моторы танков, с грохотом и лязгом немецкая колонна двинулась дальше и вышла на центральную базарную площадь. И здесь было пустынно. Около одного из ларьков лежала в пыли опрокинутая корзина помидоров. Чуть в стороне – тяжелые грозди еще недозревшего винограда. А кругом – ни души, ни крика, ни шороха...

Внезапно где-то на противоположном конце города раздался глухой взрыв, и столб черного дыма медленно поднялся в небо...

Командирский танк остановился. Из открытого башенного люка показалась голова немецкого офицера. Неожиданно из-за ближайшего ларька, описав в воздухе крутую дугу, полетела тяжелая противотанковая граната. Ее бросила твердая, опытная рука: граната упала в люк, прямо на голову немецкого офицера.

Один за другим грохнули два взрыва: глухой и низкий, и тотчас прогремел многократный взрыв снарядов в танке. Черный дым вырвался из развороченной танковой башни.

По базарной площади мчались немецкие танки. Наугад били они из пушек по заборам, ларькам, пустым деревянным прилавкам. Потом понеслись дальше – по главной улице Краснодара, Красной.

Когда передний немецкий танк пересекал Пролетарскую, теперь Мира, улицу, из-под него взметнулся сноп огня. С лязгом хлестнула о камень мостовой оборванная гусеница. Машина вздрогнула, повернулась под прямым углом и замерла.

Следовавший за ней танк резко свернул на тротуар. Под его ходовой частью грохнул новый взрыв, глухо отозвавшись внутри машины, как в большой пустой бочке. И тотчас последовал звенящий разрыв снарядов. В образовавшуюся в танке брешь были видны задняя часть пушки, исковерканный пулемет и на них окровавленные лохмотья...

Взорванные машины загородили дорогу. Танки, следовавшие за ними, затормозив, открыли беспорядочную стрельбу. И тогда из окон домов, из ворот, из-за заборов полетели гранаты. Снайперы-истребители били по смотровым щелям танков. Зазвенели разбиваемые о броню машин бутылки с горючим. Немецкие танки вспыхнули. И вдруг, покрывая собой шум боя, на окраине Краснодара прогрехотал огромной силы взрыв: это подрывники обрушили в реку последний мост через Кубань...

В город входили все новые и новые танковые колонны немцев. За ними шли броневики, мотоциклы с пулеметами на прицепах и тяжелые автомашины с солдатами. Немцы больше не решались ехать по главной улице. Они выбирали тихие боковые переулки, на перекрестках высылали вперед саперов с миноискателями.

Одна из немецких танковых колонн вышла к Кубани. Взорванный исковерканный мост лежал в воде. Быстрые мутные волны реки с шумом разбивались о него. Немцы открыли стрельбу по противоположному берегу. Им никто не отвечал: левый берег казался вымершим.

Другая немецкая колонна, достигнув боковыми улицами вокзала, свернула к окраине города – Дубинке и Карасунским озерам. Здесь ей преградили путь наши истребители. Разгорелся короткий ожесточенный бой. Гремели взрывы гранат. Трещали пулеметы. Пылали подожженные машины.

Немцы откатились назад. На помощь им спешили тяжелые танки. С ходу они открыли огонь по полотну железной дороги, за которым укрывались бойцы наших истребительных батальонов. Подоспевшая на автомобилях немецкая пехота двинулась к насыпи. Но и на этот раз немцам не удалось прорваться.

Тогда захватчики попытались проникнуть на Дубинку, минуя городской сад, через Покровскую окраину по дамбе между Карасунскими озерами. Но около сада их снова встретили наши бойцы гранатами и бутылками с горючим. На середине дамбы передовые фашистские танки подрывались на минах, а снайперы-истребители, укрываясь за пылавшими исковерканными машинами, встретили градом пуль немецких автоматчиков, прибывших на грузовиках.

Немцы подтянули к городу дальнобойную артиллерию. Остановившись у кожзавода, она открыла огонь по Дубинке. Снаряды с воющим свистом летели над Краснодаром, рвались в Карасунских озерах, высоко вздымая фонтаны ила и грязной воды. Они в щепы разносили маленькие одноэтажные домики окраины. Кирпичная пыль густым облаком стояла в воздухе.

Летели камни, доски, сорванное с крыш железо. Пылали пожары. Но еще целых трое суток держалась Дубинка. И только на четвертый день, когда стало известно, что все части Советской Армии переправились через Кубань, истребительные батальоны ушли из горящей Дубинки на левый берег реки и там в течение еще трех суток вместе с отрядами городской милиции не позволяли немцам форсировать реку у Краснодара...

* * *

В это время, выполняя приказ высшего командования, наш партизанский отряд быстро и организованно двигался по направлению к предгорьям.

Хорошо помню, с каким душевным волнением, болью и горечью слушали мы в горах, в партизанском лагере, рассказы о том, как немцы вступили в Краснодар. Как хотелось всем нам быть в рядах тех, кто до последней минуты защищал Краснодар, и как трудно было мириться с мыслью о том, что над нашим родным, любимым городом нависла черная туча фашистской неволи...

О жизни в Краснодаре при немцах мы были осведомлены по рассказам связных, которые время от времени бывали у нас в горах и поддерживали связь между подпольщиками, оставшимися в городе, и нашим партизанским отрядом.

Все, о чем говорится в этой книге, записано мною со слов очевидцев – ближайших и непосредственных участников описываемых событий, главным образом подпольщиков Главмаргарина. Рассказы их я слышал в мою бытность в партизанском отряде или много позднее – вернувшись в Краснодар после освобождения его от фашистских захватчиков.

Глава II

Первые дни после вторжения немцев Ольга Николаевна, учительница одной из краснодарских школ, оставшаяся в Краснодаре на подпольной работе, безвыходно просидела дома. Не хотелось выходить: трудно и страшно было представить себе, что в городе на каждом шагу можно встретить ненавистных врагов.

Из окон своей квартиры на Северной она видела: бесконечной вереницей двигались по мостовой немецкие броневики, танки, мотоциклы, орудия и машины – без конца! Сердце сжималось, когда она глядела на них. Сильный, страшный враг пришел в родной город!..

На второй день прихода немцев к Ольге Николаевне прибежала Маринка, семилетняя дочь ее приятельницы, Веры Филипповны, жившей по соседству, на углу улицы Седина и Северной.

– Тетя Оля! Идите скорее... Мама зовет... К нам немцы пришли!..

Ольга Николаевна и Вера Филипповна – старые друзья. Муж Веры Филипповны с первых дней войны ушел в Советскую Армию. Она работала на хлебозаводе. У нее на руках осталась куча ребятишек – мал мала меньше.

В комнате своей приятельницы Ольга Николаевна застала немецкого офицера. Это был первый немец, которого она видела так близко. Толстый, с жесткими рыжими усами, он кричал на ломаном русском языке:

– Забирайт детей и вещи! Через полчаса здесь будет гараж!..

Сдерживая внутреннюю дрожь отвращения, Ольга Николаевна молча смотрела на немца. Она понимала, что спорить и сопротивляться бесполезно. Немец повторил приказание. Нужно было действовать...

Пока женщины металась по комнатам, не зная, с чего начать, что взять, немцы стали уже разбирать часть стены. На улице немецкие солдаты сооружали насыпь в уровень с полом. Ровно через полчаса в уютную квартиру Веры Филипповны въехала машина начальника штаба немецкой части. Хозяйка квартиры сидела на дворе, окруженная плачущими малышами, и с каким-то безразличием смотрела, как немцы, смеясь и зубоскаля, ломали, били и выбрасывали во двор ее незатейливую мебель...

Когда в сумерках Ольга Николаевна отводила Веру Филипповну с ребятишками к себе домой, она увидела на углу улицы небольшую толпу. Люди молча стояли у забора и читали большое, в газетный лист, объявление немецкого коменданта города генерала Фрейтага. Начиналось оно требованием сохранять порядок и спокойствие. Дальше шел ряд параграфов, и в конце каждого из них стояло слово: «расстрел». Расстрел за все: за сопротивление германским солдатам, за не сдачу оружия, за хранение военного обмундирования, за хождение по городу позже и раньше установленного времени, за уклонение от регистрации на бирже труда, на предприятиях, в учреждениях... Расстрел, расстрел... Краснодарцы молча читали объявление и молча расходились, невольно с опаской озираясь по сторонам...

И все же жизнь постепенно брала свое. Примерно через неделю после прихода немцев начали понемногу оживать базары. Волей-неволей и Ольге Николаевне пришлось идти за покупками: у нее на руках была Вера Филипповна с ребятишками.

Базар ничем не напоминал обильного, богатого базара, который раньше весело шумел на площади.

Продавцов на базаре было несравненно меньше, чем обычно. Около немногочисленных крестьянских подвод, торгующих прилавков и ларьков стояли очереди.

Ольга Николаевна купила все, что хотела, и уже начала было пробираться к выходу, как вдруг будто электрический ток пронизал толпу:

– Облава!.. Оцепили!..

Вокруг базарной площади плотной шеренгой стояли части немецкой фельджандармерии и комендантских войск СС. На площадь смотрели дула ручных пулеметов. Взгромоздясь на прилавок, высокий худой немец кричал:

– Подходить сюда! По одному!.. С документами!..

И продавцы и покупатели послушно выстраивались гуськом в затылок. Началась проверка.

Документы просматривали два немецких жандарма, хорошо говоривших по-русски. Тем, кто не мог предъявить документов или чьи документы казались подозрительными, жандармы коротко бросали:

– Влево!..

Тех, кто медлил или пытался спорить, немецкие солдаты подталкивали прикладами в спину.

С Ольгой Николаевной все обошлось благополучно: накануне подпольная организация выдала ей паспорт со всеми нужными штампами и с отметкой о регистрации на бирже труда.

С невольным вздохом облегчения она отошла от жандармов, как вдруг услышала позади себя крик. Ольга Николаевна оглянулась. От прилавка, за которым

происходила проверка документов, бежала девушка. Ольга Николаевна хорошо знала ее: это была Валя, молодой инженер-лаборант комбината Главмаргарин, секретарь комсомольской организации.

Раздался выстрел. Валя упала. Немцы не успели подбежать к ней, как она поднялась. Белое платье ее было в крови. Немецкие жандармы схватили Валю под руки и потащили к группе задержанных... Девушка не сопротивлялась. Почти тотчас подъехали грузовые машины. Жандармы быстро посадили в них арестованных, и машины скрылись. На одной из них Ольга Николаевна увидела Валю. Бледное лицо ее было спокойно. По ветру развевались золотистые волосы...

Сердце у Ольги Николаевны сжалось. «Почему побежала Валя от жандармов?»

* * *

...Я помню, как в те дни, когда подготавливались группы будущих подпольщиков, мы с Евгением обсуждали кандидатуру Вали.

Евгений хорошо знал ее по работе, считал честным, преданным партии человеком.

Кандидатуру Вали горячо поддерживал также инженер Иван Петрович Котров, инструктор химических команд ПВХО. Он был давно завербован в нашу группу. Правда, здесь имелось одно обстоятельство, которое, откровенно говоря, смущало нас: Валя и Котров любили друг друга. Но кроме Котрова Валю рекомендовала и Ольга Николаевна, наш будущий подпольщик, умная и уважаемая всеми женщина, с мнением которой мы очень считались, и Свирид Сидорович Лысенко, дежурный инженер маслоэкстракционного завода. А Лысенко в то время прочили одним из руководителей подпольной группы. Я знал Валю только понаслышке, и Евгений решил познакомить нас, пригласив ее к себе в кабинет по какому-то делу.

Когда Валя вошла, меня поразила ее внешность. Валя была очень красива. В стройной, тоненькой фигуре ее чувствовались легкость и грация движений. Ее глаза, громадные, серые, опущенные длинными ресницами, сияли такой молодостью, таким подкупающим девичьим обаянием, что, встретившись с ними взглядом, невольно хотелось улыбнуться. Но больше всего меня поразили ее волосы: пушистые, густые, золотистые, они были собраны в большой узел на затылке. Когда Валя сидела на подоконнике, казалось, ее голова окружена сиянием, тончайшие нити золота словно плавилась в лучах весеннего солнца...

Мы говорили с Валею не меньше часа. Конечно, за час не узнаешь человека, но я понял одно: сердце у Вали такое же молодое, честное, чистое, как ее глаза, как весь ее светлый девичий облик.

Когда Валя ушла из кабинета, Евгений, внимательно наблюдавший за мной, спросил:

– Ну, так как же, папа, записываем Валю?

– Нет, Женя, не записываем!

Евгений удивленно посмотрел на меня.

– Я уверен, когда Валя проходит по улице, люди невольно оборачиваются, – сказал я. – Правда? Она всегда и везде будет приметна. И это погубит ее... Конечно, ей можно было бы поручить какую-то особую работу в подполье. Ну, скажем, к примеру, сделать ее продавщицей в магазине или официанткой в кафе, посещаемом немецкими офицерами, где могли бы встречаться и наши подпольщики. Но разве Валя могла бы сыграть такую нелегкую роль? Ты видел ее глаза: какой ненавистью горели они, когда зашла речь о немцах! Валю выдадут ее же собственные глаза... Нет, она будет плохой

подпольщицей. И вот тебе мой совет, Женя: если сможешь, убеди ее вовремя уехать из Краснодара...

* * *

Вечером того же дня Ольга Николаевна отправилась к Вале на квартиру. Но квартира оказалась на замке. Соседи сказали, что за несколько дней до прихода немцев семья Вали эвакуировалась из Краснодара. Вместе с семьей уехала и Валя...

Прошло несколько дней. В городе пронесся слух, что всех задержанных на базаре немцы вывезли за город и расстреляли.

Ольге Николаевне вспомнился Иван Петрович Котров. Для нее также не было секретом, что Котров и Валя любили друг друга. Ольга Николаевна решила пойти к Котрову.

Она знала, что Котров получил ранение во время аварии на комбинате, что он долго лежал в больнице и только за несколько дней до прихода немцев выписался и вернулся домой. «Кто знает, быть может, он расскажет что-нибудь о Вале», – думала Ольга Николаевна.

Но и Котрова она не нашла. Его соседи сказали, что два дня назад он отправился в больницу получить справку о болезни и не вернулся.

Вскоре после этого по заданию подпольной организации Ольга Николаевна отправилась к нам в отряд, в горы. Помню, в числе прочих дел рассказала она мне и историю с Валею. Уже прощаясь со мной, она добавила:

– Мне еще кое-что хочется сказать вам, Петр Карпович. Я не рассказывала об этом товарищам потому, что порою мне самой кажется, что я ошиблась... За день до выхода к вам в горы я встретила на улице Валею. Я почти уверена, что это была она! Ее фигура, ее походка. Из-под белого платка выбивалась прядка золотистых волос. Но рядом с этой прядкой виднелась другая. И эта прядь была... седая! И потом у этой девушки были чужие, не Валины глаза: строгие, холодные... Я так растерялась, что прошла мимо и не окликнула девушку. Да, может быть, так оно и лучше было... Когда же через минуту я оглянулась, девушки уже не было – должно быть, свернула в переулок...

Ольга Николаевна ушла, и больше мы ее не видели. Позднее мы узнали, что на обратном пути в Краснодар, около станицы Георгие-Афипской, она попала в облаву. Немцы окружили разведчиков одного из соседних с нашим партизанского отряда. Началась перестрелка, во время которой Ольга Николаевна была убита...

Глава III

Вскоре после занятия немцами Краснодара в город прибыл фюрер гестаповцев полковник Кристман. Под его руководством немецкая «зондеркоманда-10а» и банды предателей начали суд и расправу.

Прежде всего, гестаповцы оцепили Дубинку. Шли повальные обыски. Почти все мужчины были арестованы. То же самое было сделано и на другой рабочей окраине Краснодара – в Покровке. Вслед за тем немцы со свойственной им педантичностью провели обыски и облавы в самом городе.

Арестованных отвозили во вновь организованные лагеря. Один из них находился между заводом Калинина и стадионом «Динамо», на огромной площади бывшего металлосклада. Немцы огородили ее рядами колючей проволоки. По углам стояли караульные башенки с пулеметами. Этот лагерь предназначался для военнопленных. Туда же попадали вообще все мужчины призывного возраста. Скученность там была

невероятная: арестованные не только не могли лежать на земле, но даже и сесть им было негде.

Другой лагерь был устроен немцами между заводом Седина и нефтеперегонным. В него свозили арестованных из гражданского населения. Здесь находились старики, женщины и дети. Каждый день гестаповцы вытаскивали отсюда трупы замученных людей и сбрасывали их в Кубань, – благо река от забора, окружавшего лагерь, была в нескольких десятках метров...

* * *

Проходили дни за днями, тревожные, темные дни... В середине августа командующий частями СС генерал-майор фон Бюнау через посредство бургомистра Краснодара, гнусного предателя, в прошлом адвоката, Воронкова пригласил к себе старика еврея – профессора музыки Вилика. Он предложил профессору возглавить совет старейшин по еврейским делам. В этот совет должны были войти известные в городе юристы, врачи, научные работники. Так попал в этот совет старейшин и адвокат Тарновский.

На первое заседание совета прибыли бургомистр Воронков и комендант города генерал Фрейтаг. Комендант зачитал обращение к евреям-краснодарцам, заканчивавшееся предложением явиться на регистрацию 21 августа во двор дома № 30 по улице Орджоникидзе.

– Ничего похожего на Украину здесь не будет, – объяснил генерал, – по приказу фюрера здесь, на Кубани, мы придерживаемся иной политики. Регистрация позволит германскому командованию точно установить, как рациональнее использовать еврейское гражданское население.

Обращение было подписано советом старейшин, отпечатано в типографии и расклеено по городу.

Накануне к профессору Вилику заехал Воронков и передал просьбу генерала Фрейтага собрать у Вилика на квартире совет старейшин, чтобы отсюда на автомобиле проехать на место регистрации и объяснить собравшимся евреям цель этого мероприятия.

Утром двадцать первого августа Тарновский встретил на улице своего давнишнего знакомого адвоката Егорова. Тарновский шел медленно, опираясь на толстую палку, низко опустив седую голову и никого не замечая.

– Что с вами, больны? – обратился к нему Егоров.

Тарновский, волнуясь, рассказал Егорову о совете старейшин, о разговоре с комендантом и о том, что сейчас его, Тарновского, мучает страшное сомнение: не провокация ли все это, не подписался ли он под смертным приговором своим соотечественникам?

– Что вы наделали! – взволнованно воскликнул Егоров. – Разумеется, все это ложь и обман. Немедленно идите к профессору Вилику и объясните ему это. Не мешкайте и возвращайтесь скорей. Я буду ждать у крыльца.

Едва Тарновский успел войти к профессору Вилику, как у подъезда остановилась легковая машина. Из нее выскочил лощеный немецкий лейтенант. Почти одновременно с легковой машиной к дому подкатил большой темно-серый закрытый автобус, такой машины Егоров еще не видел.

Прошло полчаса. Егоров ждал. Наконец дверь открылась. На улицу вышел совет старейшин в полном составе. Среди мужчин было несколько женщин, среди них – жена профессора Вилика.

Из кабины автобуса выпрыгнул громадного роста ефрейтор, сидевший рядом с шофером. Он открыл заднюю дверцу автобуса и откинул ступеньки.

– Я могу сопровождать мужа? – спросила у лейтенанта жена профессора Вилика.

– О, конечно, – любезно ответил лейтенант. – Господин комендант будет рад видеть вас...

Когда жена Вилика садилась в автобус, Егоров заметил у нее в руке кружевной носовой платок.

Ефрейтор захлопнул дверцы, убрал ступеньки. Автобус тронулся. Егоров чуть не вскрикнул от удивления: машина поехала не направо, к улице Орджоникидзе, а налево, за город, к березовой роще...

Он тут же решил пойти на улицу Орджоникидзе, к месту сбора евреев на регистрацию, и посмотреть, что там происходит.

Чем ближе подходил он к улице, на которой находился пункт регистрации, тем все чаще попадались ему еврейские семьи. Шли седобородые старики, шли молодые девушки. Матери несли на руках детей.

Егоров уже подходил к улице Орджоникидзе, когда его обогнал автобус, который недавно увез совет старейшин.

Егоров не без труда протиснулся к воротам дома № 30, куда входили евреи. Серый автобус стоял у тротуара, ефрейтор только что открыл дверцы. Автобус был пуст. Егоров увидел: на полу лежал носовой платок с кружевами – несомненно, тот самый, что он видел в руках жены профессора Вилика. Что же случилось? Ужас охватил Егорова.

Он растерянно смотрел на верзилу-ефрейтора, как вдруг раздался резкий голос: немецкий офицер выкликал фамилии. Вызванные торопливо садились в автобус. Ефрейтор захлопнул дверцы, убрал ступеньки, и машина снова ушла за город, к роще. Почти тотчас же к воротам подъехала вторая такая же машина. За ней – третья, четвертая. Потом – несколько грузовиков. Снова офицер выкликал фамилии, снова захлопывались дверцы. Переполненные машины ушли...

Егоров стоял в оцепенении, не в силах двинуться с места. Ему казалось, что работает какой-то страшный конвейер, который нельзя остановить... Хотелось закричать, предупредить ничего не подозревавших людей. Но он молчал... И только когда пустые автобусы снова вернулись к воротам дома № 30, Егоров с трудом выбрался из толпы и, не оглядываясь, быстро пошел прочь. Нестерпимый страх, охвативший все его существо, гнал его от этого ужасного места...

Вечером, когда уже начинало темнеть, Егоров опять подошел к воротам дома № 30. Двор был пуст. Ушли даже часовые. Ветер шелестел обрывками бумаги. Где-то напротив, очевидно в кафе, гнусавый голос пел немецкую песенку под аккомпанемент жиденького оркестра...

* * *

Как уже говорилось выше, инженер Иван Петрович Котров отправился в третью городскую больницу получить справку о болезни. Он пошел туда утром двадцать второго августа, то есть на следующий день после «регистрации» евреев на улице Орджоникидзе.

Еще издали, подходя к зданию больницы, он увидел: перед подъездом стоит большая серая крытая машина. Санитары выносили и вели под руки больных. Одних уже посадили в машину, другие упирались, спорили... Немецкие солдаты, ругаясь и крича, силком вталкивали больных.

Котров понял, что дело неладно, хотел отойти в сторону и отправиться восвояси домой.

Но вдруг он увидел знакомого старика Трофимова. В больнице их койки стояли рядом. И вот этот самый Трофимов – у него был рак желудка – тоже, очевидно, понял, что дело неладно, и тихонько пополз в сторону, кусая губы от боли. Котров бросился к нему, хотел помочь. Внезапно как из-под земли вырос немецкий лейтенант: «Кто такой?» Котров начал было говорить про справку о болезни. Лейтенант не дослушал, схватил Котрова за шиворот. Немецкие солдаты впихнули его в машину. Дверь захлопнулась.

Трудно рассказать, что творилось в этой проклятой машине. Люди кричали, падали, рвали на себе одежду, лезли к дверям, давили друг друга...

Котров сразу почувствовал сильный запах газа и понял, что их хотят отравить. Его спасли те навыки и знания, которые он приобрел, работая в Осоавиахиме: он сорвал рубашку, смочил ее своей мочой и закрыл рубашкой рот, нос, глаза, уши.

Что было дальше, Котров не помнил: он потерял сознание.

Когда пришел в себя, долго ничего не мог понять. Ночь. Тишина... Страшно болит голова. К горлу подкатывает тошнота, как после тяжелого угара. Холодно... Тут только Котров заметил, что он совершенно голый. На нем, под ним, рядом с ним – тоже голые люди – холодные мертвецы! У Котрова от ужаса волосы на голове зашевелились: показалось, что он лежит в могиле. И так захотелось жить, работать, ходить по земле, видеть солнце, небо, людей!

Котров с трудом выбрался из кучи мертвецов и осмотрелся. Оказывается, их бросили в противотанковый ров, за рощей, у Покровки.

Что было делать? Возвращаться в город нельзя: ночью, да еще в таком виде, немцы его обязательно пристрелят. Котров вспомнил о Свириде Сидоровиче Лысенко, инженере маслоэкстракционного завода, ныне одном из руководителей подполья. Вместе с Лысенко Котров попал в аварию на комбинате, вместе с ним лежал в больнице. Лысенко жил недалеко, на окраине Покровки.

Котров плохо помнил, как он добрался до него. И что же? Лысенко даже не очень удивился, когда увидел перед собой поздно ночью Котрова – голого, грязного, исцарапанного. Когда, одевшись и помывшись, Котров рассказал ему о газовой машине, в глазах Лысенко мелькнули ужас и недоверие. Впрочем, и самому Котрову казалось порой, что все это было тяжелым кошмаром, бредом...

Днем, отдохнув, Котров сидел за столом и пил чай со Свиридом Сидоровичем. Он чувствовал себя так, словно снова на свет родился. И вдруг он увидел: по тротуару идет немецкий солдат.

В глазах у Котрова помутилось. Он рванулся к окну. Хотелось убить, своими руками задушить эту зеленую гадину...

Лысенко вовремя оттащил его от окна. А когда Котров успокоился, сказал:

– Вот что, Иван, выбирай: или ты будешь истеричной девицей – и тогда уходи от нас; или будешь мужчиной, солдатом – тогда оставайся с нами... Я тоже ненавижу немцев. Но я не бросаюсь на них, как разъяренный бык, увидев зеленый мундир. Потому что знаю: так нам их не победить... Собери в кулак свои чувства, волю и, прежде чем замахнуться, подумай: не ударишь ли впустую? А когда придет время – бей так, чтобы наверняка, насмерть. Уж тут не жалей и своей жизни... Понял? Вот и выбирай...

Котров остался у Свирида Сидоровича Лысенко. Вскоре он стал связным. Чтобы можно было по ночам ходить по Краснодару, Лысенко выправил ему документы на имя тромбониста из ночного немецкого кабака на Буденновской и даже раздобыл тромбон. И Котров безбоязненно ходил по городу с этим инструментом, исполняя различные поручения. Потом его назначили руководителем подпольной городской комсомольской организации.

* * *

...Хорошо помню, как в середине апреля 1943 года я встретился с Валею. Краснодар был свободен! Как и в тот раз, когда Евгений познакомил меня с ней, Валя сидела на подоконнике. Окно было открыто. Яркое светило весеннее кубанское солнце. И снова мне прежде всего бросились в глаза ее волосы.

В первый день нашего знакомства они сияли на солнце, как тонкие золотые нити. Теперь в золото вплелось серебро...

Другими стали и глаза у Вали. Год назад в них светились бездумная молодость, задор. Теперь это были глаза женщины, много видевшей, много испытавшей, но еще сильнее любившей жизнь...

– До сих пор не могу понять, – рассказывала Валя, – почему тогда, на базаре, я побежала от прилавка, за которым стояли немецкие жандармы. Один из них просматривал мои документы. Неожиданно у него за спиной появился какой-то субъект в штатском. Он что-то шепнул жандарму на ухо, и они оба внимательно взглянули на меня. Глаза жандарма были холодные, пустые. Но взгляд штатского был отвратителен. Будто холодная, скользкая гадина заползла мне за одежду... Это было так страшно, так гадко, что я инстинктивно бросилась прочь...

История Вали такова. По совету Евгения дня за два до прихода немцев она уехала из Краснодара на грузовике вместе со своей матерью и маленькой сестренкой. Недалеко от города за машиной погнался «мессершмитт», бросил бомбу. Мать и сестру убило, машину исковеркало. Валя уцелела каким-то чудом. Ничего другого ей не оставалось, как, похоронив с помощью неизвестных бойцов мать и сестру, вернуться в город, уже захваченный немцами. Чуть живая от горя и усталости, она зашла на рынок – ей захотелось выпить стакан молока. И тут ее схватили...

Валя была ранена в плечо. Пуля прошла на вылет. Было очень больно, сильно текла кровь. В автомобиле ей кое-как удалось унять кровь, но боль не прекращалась. Кружилась голова...

Всех арестованных на базаре вывезли за город. Проехали рощу. В поле машины затормозили.

– Скорей, скорей! – кричали немцы, выталкивая людей из автомобилей.

С каким-то странным равнодушием смотрела Валя вокруг. Она понимала, зачем их привезли сюда. Но ей было все безразлично. Слишком велико было ее горе. К тому же она потеряла много крови, мутился рассудок, и ей казалось: это не она стоит здесь, в поле, ожидая расстрела...

– Снять одежду! – приказали немцы. – Копать яму!

Валя попыталась было раздеться – и не смогла: мешала рана. Все с тем же безразличием стояла и смотрела... Одни с покорностью брались за лопаты, другие в отчаянии ломали руки, хватались за голову. У старика, стоявшего рядом с Валею, по лицу катились крупные слезы. Пронзительно плакали, кричали дети.

Немцы бросались в толпу, кололи штыками, били прикладами тех, кто мешкал раздеваться или слишком медленно копал землю. Мужчина в сером костюме бросился с лопатой на ефрейтора. Его тотчас пристрелили...

Толпа стихла. Застучали лопаты о землю...

– Раздевайся! – гаркнул немец, подходя к Вале.

Валя показала ему на свою рану. Он выругался и сорвал с нее платье. Она почувствовала мучительную, режущую боль, будто раскаленное железо коснулось плеча.

– Строиться на краю ямы! Скорей! Скорей! – торопили немцы.

Валя нашла в себе силы подойти к яме. Глаза застилал туман. Болело плечо. Из открытой раны по рубашке текла кровь.

Ефрейтор подал какую-то команду. Валя увидела дула винтовок, направленных на толпу, но не слышала залпа: перед глазами мелькнули красные круги – и она потеряла сознание...

Когда она очнулась, была уже ночь. Удушающе пахло кровью. Вокруг лежали мертвецы, кое-как забросанные комьями земли. На Вале тоже лежали комья земли. По-видимому, Валя потеряла сознание за несколько мгновений до залпа, упала в яму, и ее не задела пули...

Валя не помнила, как она вылезла из ямы. Не помнила, куда шла...

Видно, судьба хранила ее в эту ночь: она не встретила ни одного немецкого патруля. Улица темная, пустынная. Темные дома стояли по сторонам...

Вдруг Валя увидела свет: он на мгновение блеснул в окне, в щелке между шторами. И Валя побежала к нему. Споткнулась, упала, опять потеряла сознание...

Когда она снова пришла в себя, был день, ярко светило солнце. Валя лежала в чистой постели. Ее плечо и грудь были туго забинтованы. У постели сидела женщина в белом халате и в белой докторской шапочке. Валя хотела было подняться, встать, но женщина остановила ее.

– Лежи, лежи, родная, – тихо проговорила она. – Ничего не бойся. С тобой друзья. Если придут чужие и будут допытываться, кто ты, запомни: тебя зовут Маргарита Николаевна Красева, ты родила сына, он умер вчера, у тебя грудница. Поняла? Запомнила?

Женщина говорила с Валею так, как говорят с малым ребенком, – ласково и в то же время настойчиво и властно. Валя послушно повторила:

– Маргарита Николаевна Красева... Родила вчера сына. Он умер. У меня грудница...

* * *

В эту ночь дежурила Валентина Викторовна Дубинина, старший врач краевого родильного дома. Во втором часу ночи она услышала на улице стон. Подошла к окну, прислушалась. Потом вышла на крыльцо. На ступеньках лежала девочка: в темноте Валентине Викторовне показалось, что ей не больше тринадцати лет. Девочку подняли, внесли в приемную. И когда увидели ее при свете лампы, даже старушканья – а она многое видела на своем веку – вскрикнула от ужаса. И было от чего!.. Рваная, грязная, окровавленная рубашка. Кровоточащая рана на плече. Лицо бледное, без кровинки. Седые пряди волос...

Валентина Викторовна слышала о расстрелах в городе и поняла: каким-то чудом девушка спаслась от смерти. И эта незнакомая девушка сразу стала для нее родной, как дочь.

Вероятно, то же чувство было и у сестры, помогавшей врачу. Потому что, стоило лишь Валентине Викторовне заикнуться о потере крови, о переливании, как сестра молча засучила рукав выше локтя...

За день до того, как Валя попала в родильный дом, пронесся слух: из третьей городской больницы немцы увезли всех больных в больших серых машинах и никто не вернулся ни домой, ни в больницу. Все роженицы, кто мог хоть кое-как двигаться, разбрелись по своим домам. Остались только трое: они были тяжело больны и уйти им было некуда. Это позволило Валентине Викторовне без всякой огласки поместить Валу в изолятор.

Но что было делать дальше? С часу на час в родильном доме ждали ревизии: немцы осматривали все городские больницы и только родильный дом почему-то пока оставили в покое.

Вот тут-то и посоветовала старушка-няня:

– А ты, Валентина Викторовна, забинтуй ей грудь и скажи: грудница, дескать, у нее. А там уж как бог даст...

Вале забинтовали грудь, завели на нее историю болезни.

К счастью, одна из рожениц, уходя из родильного дома в тот тревожный день, впопыхах оставила свои документы на имя Маргариты Николаевны Красевой, двадцати трех лет, служащей конторы Госбанка. И Валя превратилась в Маргариту Красеву.

Два дня прошли спокойно. Рана заживала, температура была нормальной. Но Валя по-прежнему оставалась ко всему безразличной...

На третий день, к вечеру, у подъезда родильного дома остановилась машина. Из нее вышли немецкий офицер и два автоматчика. Солдаты остались на крыльце. Офицер, не надевая халата, вошел в палату.

– Показать больных! – приказал он на ломаном русском языке. – Дать истории болезни! Документы!

Пока он просматривал документы, Валентина Викторовна думала о Вале. Вести немца в изолятор или не вести? Она ничего еще не успела придумать, как немец сам направился в изолятор.

Он грубо сдернул с Вали одеяло.

– Грудница? – произнес он, внимательно рассматривая спящую Валу. – Удивительные волосы! – пробормотал он. – Черт возьми, девчонка хороша!..

Валентина Викторовна знала: сейчас должно все решиться. Валя лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

Немец бросил одеяло на спинку кровати, повернулся и пошел к выходу.

Провожая немца, Валентина Викторовна невольно обернулась и чуть не вскрикнула: Валя сидела на кровати, в ее глазах горела неукротимая ненависть.

Как только немец уехал, Валентина Викторовна побежала к Вале. Девушка бросилась к ней на грудь и сказала, волнуясь:

– Я осталась жить, Валентина Викторовна... Я осталась жить и буду жить для того, чтобы мстить немцам... Знаю: в городе есть люди, которые хотят делать то же, что и я. Вы должны мне помочь отыскать их!

Дня через два Валя заявила Валентине Викторовне, что пойдет к Свириду Сидоровичу Лысенко, инженеру Главмаргарина.

– Только к нему, Валентина Викторовна! Только к нему, – твердила она. – Он все поймет... Он поможет мне!

Валентина Викторовна решила сначала сама сходить к Лысенко и посмотреть, что это за человек. Она его совершенно не знала.

Пришла она к Лысенко под вечер. Вначале он показался ей суровым, неразговорчивым, замкнутым человеком. И ей трудно было рассказать ему о Вале. Она долго говорила о каких-то посторонних, никому не интересных вещах, приглядываясь к Лысенко. Он терпеливо слушал, потом неожиданно перебил, улыбнувшись в свои рыжие усы:

– Вот что, дорогой товарищ, выкладывайте-ка вы все как есть. И бросьте эту канитель. Ваша конспирация белыми нитками шита.

И Валентина Викторовна все рассказала ему – о расстреле, о чудесном Валином спасении, о ее желании мстить немцам.

– Одержимая, говорите? – спросил Лысенко, внимательно выслушав. – Я так полагаю: драться надо, любя жизнь. Иначе не победить. Ну, да ничего... Не хвастая, скажу: у меня припасено для Вали такое лекарство, которого вы, доктора, прописать ей не можете... Присылайте ее ко мне.

Провожая свою гостью, Лысенко осторожно тронул ее за локоть и показал глазами в сторону соседней комнаты. Там, разложив на столе разобранный тромбон, сидел незнакомый Валентине Викторовне молодой человек и сосредоточенно что-то делал, не замечая, что на него смотрят.

– Вот мое лекарство! – шепнул Лысенко. – Безотказно подействует, уверяю вас, дорогой товарищ!..

Когда Валя шла к Лысенко, ей казалось, что в груди у нее кусок льда. Пусто и тошно было на душе. Она шла и думала: все расскажу ему, все...

Лысенко встретил ее, будто они виделись только вчера, будто не было ни войны, ни немцев, ни всего этого ужаса. Он говорил с Валею о каких-то пустяках – о новом сорте огурцов, которые хотел в этом году вырастить на своем огороде.

Неожиданно в окно постучали. Валя вздрогнула, обернулась. Но окно было занавешено – уже вечерело, – и она ничего не увидела.

– Наконец-то! – обрадованно сказал Лысенко. – Погоди, я сейчас...

Валя слышала, как он открыл дверь и с кем-то пошептался в прихожей. Потом дверь широко распахнулась. Перед Валею стоял Котров. Глаза его сияли такой радостью, что Валя забыла обо всем пережитом, бросилась к нему. Когда он целовал ее руки, гладил ее поседевшие волосы, она чувствовала: тает, тает лед, на сердце становится теплее...

Валя вырвалась из объятий Котрова, обняла Лысенко и поцеловала его в колючую, небритую щеку.

– Вот так-то лучше, родная! – сказал Лысенко. – И не рассказывай нам сегодня о том, что было. Не надо. Давайте лучше выпьем, друзья!

Лысенко разлил в стаканы терпкое кубанское вино.

– За жизнь, новорожденные! – сказал он, высоко поднимая стакан. – За жизнь, за любовь, за ненависть и борьбу...

Глава IV

Когда на комбинате Главмаргарин затихли взрывы и осела поднятая ими пыль, Гавриил Артамонович Шлыков начал обход комбината. Он шел сгорбившись, чуть прихрамывая на правую ногу, тяжело опираясь на суковатую палку. Вся жизнь на комбинате замерла. Таким Шлыков еще никогда не видел комбинат. Бесформенными громадами стояли машины, развороченные взрывом. На гидрозаводе толлом сорвало

крышу. Желтая пыль покрыла цветники, хлопковое семя продолжало гореть в силосных башнях...

Никого из рабочих в эти дни на комбинате не было. Получив расчет, они сидели по домам, многие эвакуировались. На всей огромной территории комбината кроме Шлыкова осталось несколько сторожей.

Шлыков медленно шел из цеха в цех, и лицо его было суровым, сумрачным, неподвижным. Словно он ходил по дорожкам запущенного кладбища, на котором похоронены его близкие...

Шлыков был назначен основным руководителем подпольной группы комбината. И вот теперь, осматривая комбинат, он думал о том, что приближалось время, когда он должен был начать действовать, оправдывая доверие, оказанное ему партийным руководством.

Недавно ему перевалило за шестьдесят. Вся жизнь его прошла на комбинате. Еще до революции, юношей, начал он работать здесь, на полукустарном предприятии немца Родриана. Он был на хорошем счету у хозяина. После Октябрьской революции Родриану каким-то образом удалось пролезть в главные инженеры треста Росжирмасло, и он продолжал руководить своим прежним краснодарским предприятием. Шлыков остался работать на старом месте. После шахтинского процесса Родриан бежал в Германию. Началось строительство нового, грандиозного комбината Главмаргарин, который ни в какое сравнение не шел с жалким родриановским хозяйством. Шлыков работал на строительстве, отдавая работе весь свой опыт и знания. Его назначили директором бондарного завода комбината. Рабочие любили Шлыкова. Он был старым членом партии. Помню, в те дни, когда шла организация партизанского отряда и подпольной группы, как-то раз у Евгения собрались ведущие инженеры комбината, завербованные частью в отряд, частью в подпольную группу. Среди них был и Шлыков.

Речь шла о том, как выполнить приказ о выведении из строя комбината в случае прихода немцев.

Люди, сидевшие передо мной, собственными руками создавали все эти заводы. Они вложили в них свои знания, свою энергию, свой творческий порыв – все, на что только способен советский человек. И вот теперь они собрались для того, чтобы договориться, как превратить в ничто все, что сделали своими руками.

Все были взволнованы, и все старались побороть это волнение, скрыть его от других.

Спокойнее всех вел себя Шлыков. Мне это показалось странным. Ведь он, лучше чем кто бы то ни было другой, знал, как родились и выросли эти заводы...

Разгорелись споры. Большинство собравшихся считало, что немцам надо оставить одни развалины: только тогда будет полная гарантия, что врагам не удастся восстановить заводы.

Шлыков придерживался иного мнения. Не спеша вытащил он из кармана потрепанную записную книжечку и обстоятельно изложил свой вариант. Он предлагал взорвать только очень немногое. Все же остальное, особенно сложные агрегаты, вывести из строя «осторожненько», как он говорил, вынув из них ответственные детали и спрятав их в надежном месте.

– Рвать – самое простое, – говорил он. – А ведь мы вернемся. Непременно вернемся! Так неужели снова по кирпичику собирать то, что строили годами?.. Немец, товарищи,

не так уж смекалист! Если к нему по-умному подойти – обмануть его не так уж трудно. А если дело сорвется у нас – взорвать всегда успеем...

Свое предложение он подкрепил точными цифровыми выкладками и техническими расчетами. Видно было, что старик давно уже все обдумал и подсчитал...

В предложении Шлыкова было много заманчивого: его вариант позволял нам по возвращении сравнительно быстро пустить в ход заводы комбината. Но был в этом предложении и большой риск: если подпольная группа комбината провалится, если найдется предатель среди оставшихся инженеров, немцы смогут быстро наладить на комбинате производство.

Я смотрел на спокойное, суровое лицо Шлыкова, окаймленное седой круглой бородкой, и не мог понять, что это: твердая вера Шлыкова в свои силы или что-то другое, о чем страшно было и думать...

После долгих споров был принят вариант, в который вошло многое из предложенного Шлыковым, и, надо сознаться, этот вариант казался мне тогда весьма рискованным.

Все разошлись. В кабинете остались трое: Евгений, Шлыков и я.

– Вот что, Гавриил Артамонович, – сказал сын, – решено вас «разжаловать»: придаться к чему-нибудь, распушить как следует в приказе и превратить вас из директора бондарного завода в простого кладовщика, исключить из партии... Пожалуй, в таком положении вам будет легче сговориться с немцами. Как вы полагаете?

– Так... Значит, выходит, на старости лет я вернусь в первобытное состояние? – Шлыков усмехнулся. – Что ж, вы правы, Евгений Петрович: пострадавшему при Советской власти у немцев будет больше веры!..

На этом наша беседа закончилась. Спустившись по внутренней лестнице, мы втроем вышли на двор, залитый асфальтом, и свернули на широкую аллею. По бокам ее росли тенистые платаны, акации. На газонах, обсаженных вечнозелеными кустарниками, цвели левкой, махровая гвоздика и множество роз – пунцовых, чайных, белых. Над бассейном бил фонтан.

Вдоль главной аллеи тянулись здания основных корпусов комбината. За ними, начиная от теплоцентрали, шли вспомогательные цехи, склады, механические мастерские, бондарный завод Шлыкова, и снова – склады, мастерские, лаборатории...

– Сядем, – предложил Шлыков. – Нога что-то разболелась...

Мы сели на скамейку. Пахло розами. Шумел фонтан, и ветер обдавал лицо водяной пылью. Зарево заката пылало за высокими зданиями основных цехов, а с востока уже ползли сумерки...

Шлыков поднялся, опираясь на палку:

– Вот, смотрю и никак поверить не могу, что это явь, что не во сне мне это снится. Вы, Евгений Петрович, молоды и, пожалуй, меня не поймете, а ведь я собственными руками строил все это, сам кирпичи клал! – Впервые в его голосе послышалось волнение. – Видно, глубоко врезались мне в память старые родриановские бараки... Да, удивится господин Родриан!

– Он уж, наверное, давно в земле гниет! – заметил Евгений.

– Нет, не гниет. Благополучно здоровствует Вильгельм Карлович Родриан. И, конечно, незамедлительно пожалует сюда...

– Неужели жив? – удивился сын. – Откуда вы знаете?

– Так, краем уха слышал, – коротко ответил Шлыков и, насупившись, замолчал...

* * *

...У механических мастерских Шлыкова встретила Анна Потаповна. Вся ее жизнь, как и жизнь Гавриила Артамоновича, была связана с комбинатом. Потаповна тоже помнила времена Родриана. На ее глазах строились и росли заводы. Она сама сажала вот эти акации и розы в скверах. Ее муж, мастер маслоэкстракционного завода, умер несколько лет назад. В тот же год умерла и ее дочь, работавшая инженером в механических мастерских. Анна Потаповна осталась одна-одинешенька. Ей предлагали уйти на пенсию. Сестра звала ее к себе в богатую кубанскую станицу. Но Анна Потаповна осталась на комбинате. Она стала табельщицей в механических мастерских. Работавшая там комсомольская бригада Батурина – горячая, шумливая молодежь – уважала и побаивалась Потаповну. Стоило батуринцам провиниться в чем-нибудь, не выполнить план, снизить темпы работы, Потаповна строго журила их...

Когда немцы подходили к Краснодару, ей предложили эвакуироваться в тыл. Два раза старушка упаковывала свои вещи, но... так и не смогла расстаться с комбинатом.

– Нет, не могу, – говорила она. – Не могу! Как я уеду? Здесь родилась, здесь и умру...

И вот Потаповна встретила Шлыковым у механических мастерских. Пожалуй, в это время они были одни на громадной территории покинутого всеми комбината.

– Ты здесь, Потаповна? – Шлыков обрадовался. – А я уж хотел было идти к тебе... Собирай-ка на завтра табельщиков и сторожей, становитесь у проходных.

– Это зачем же? – насторожилась Потаповна.

– Как зачем? Надо хозяину все сдать в полном порядке.

– Хозяину?.. Какому?

Шлыков помолчал. Потом сказал, твердо и строго глядя Потаповне в глаза:

– Тому, кого совесть твоя хозяином считает... Поняла?

И Шлыков пошел дальше, неторопливо, как всегда, постукивая клюшкой...

Анна Потаповна долго смотрела ему вслед. Что хотел сказать Шлыков этими не совсем понятными словами? Непонятными? Да как могла она подумать про него дурное?.. «Нет, был нашим Артамоныч и останется нашим до конца дней своих!» – решила старуха, и сразу на душе у нее стало легче и светлей.

* * *

На четвертый день после прихода немцев в Краснодар у ворот комбината остановились тяжелые грузовики, наполненные немецкими солдатами. Из кабины передней машины вышел немецкий лейтенант, уже немолодой, коренастый, с одутловатым лицом.

– Эй, кто там есть? Быстро открывать ворота!

Анна Потаповна распахнула обе половинки ворот, и машины въехали во двор.

– Кто здесь есть на заводах? – спросил лейтенант.

Из конторки вышел Шлыков, почтительно снял фуражку и низко поклонился.

– Я остался при заводах, господин офицер. Шлыков моя фамилия. Кладовщик. Работал еще при старом хозяине, господине Родриане. Вот, собрал сторожих и жду вас. Прошу пожаловать.

Немец удивленно смотрел на Шлыкова. А Гавриил Артамонович, с непокрытой головой, все так же, в почтительной, скромной позе, стоял перед лейтенантом.

– Похвально!.. – сказал наконец немец. – Это хорошо! Старый рабочий должен служить старому хозяину. Я – комендант, лейтенант Вебер. Покажите, где поставить охрану. Цехами займется господин фельдфебель Штроба.

Из кабины вылез среднего роста невзрачный пожилой немец.

– Вот этот господин... господин...

– Шлыков, – подсказал Гавриил Артамонович.

– Да, да – Шлыков! – повторил лейтенант. – Он покажет вам все, что осталось от большевиков.

На следующий день фельдфебель Штроба в сопровождении Шлыкова обошел все заводы, все цехи комбината. Он сокрушенно качал головой, видя разрушения, и все время что-то записывал в записную книжку.

А еще через два дня у ворот комбината снова загудела автомобильная сирена. На этот раз на легковой красивой машине приехал какой-то важный немец, высокий, сухопарый, лет шестидесяти.

– Где комендант? – властно спросил он у вытянувшегося перед ним в струнку часового.

Часовой вскочил на подножку, машина въехала во двор и остановилась у главной конторы.

Минут через двадцать к Шлыкову прибежала Анна Потаповна:

– Иди скорей, Артамоныч! Вебер зовет!

Несколько минут она шла молча, следом за Шлыковым.

– Что же делать, Артамоныч? – не утерпела Анна Потаповна.

– Что делать?.. Я уже говорил тебе: спроси у своей совести – она подскажет.

Они снова замолчали. У входа в главную контору Анна Потаповна остановила Шлыкова.

– погоди, Артамоныч. Слушай: верю я тебе! Понял?

– Понял, – тихо ответил Шлыков. – Я знал, что поверишь. Спасибо. А вот поверят ли другие?..

В директорском кабинете Шлыков застал Вебера и того важного немца, который только что приехал на комбинат. Вебер торжественно представил его Шлыкову:

– Бетрибсфюрер господин Герберт Штифт, представитель акционерного общества «ОСТ», директор-распорядитель акционерной компании. А это – тот самый господин Шлыков, старый рабочий, о котором я уже вам говорил. Большевики разжаловали его из директоров в кладовщики. Он поставил охрану и сдал нам заводы.

– Очень хорошо. Прошу садиться...

Примерно через час Шлыков вышел из кабинета. В приемной его поджидала Анна Потаповна: Вебер по рекомендации Шлыкова назначил ее курьером главной конторы.

– Ну, что, Артамоныч? – волнуясь, шепотом спросила она.

– Ничего, Анна Потаповна. Все в порядке!..

* * *

На следующий день рано утром Шлыков перебрался в маленькую комнату по соседству с кабинетом Штифта. Анна Потаповна с удивлением смотрела, как Шлыков сам расставлял в ней мебель.

– Что же это, Артамоныч? – спросила Анна Потаповна. – В начальство, что ли, произвели тебя?

– Да уж не знаю, что и сказать. Приказали находиться здесь. Советоваться со мной хотят.

– Ну, а ты?

– Буду советовать...

Потаповна вздохнула, покачала головой и пошла к двери. Шлыков окликнул ее:

– Погоди, у меня к тебе дело есть. Вот возьми список, обойди всех по этому списку и скажи: новые хозяева требуют явиться в главную контору к трем часам – знакомиться будут. В первую очередь зайди к Лысенко и Покатилову. Ну, а к этим двум, – Шлыков вычеркнул в списке две фамилии, – я сам загляну...

Когда Потаповна ушла, Шлыков надел потрепанную фуражку, взял палку и своей обычной неторопливой походкой отправился на квартиру инженера Юрия Александровича Порфирьева.

За воротами комбината он нагнал Анну Потаповну: она говорила с комсомольцем Мишей, слесарем батуринской бригады из механических мастерских, зачем-то заглянувшим на комбинат. Когда Шлыков поравнялся с ними, Миша отвернулся, сделал вид, что не видит его.

– Ты что это, Мишка, не видел, что ли? Артамоныч прошел! – спросила Потаповна.

– Видел! – вызывающе бросил Миша...

Шлыков услышал ответ комсомольца, и ему показалось, будто кто ударил его сзади. Нелегко было старику после привычного уважения со стороны всех комбинатских рабочих вдруг услышать от мальчишки пренебрежительное «видел!». Потом Гавриил Артамонович свыкся и с этим...

В квартире Порфирьевых пахло нафталином. В столовой у раскрытого сундука возилась мать Порфирьева. На стульях лежали шубы, пальто, костюмы. Тут же на вешалке висел только что вынутый из сундука фрак...

На комбинате не любили инженера Порфирьева.

Евгений мне рассказывал, что Порфирьев учился где-то на севере: не то в Вологде, не то в Архангельске. Студенческие годы он провел частью в Ленинграде, частью в Москве и в Харькове. Наконец, молодым инженером он приехал работать к нам в Краснодар. Явился на комбинат таким лощеным молодым человеком: идеально выглаженный костюм, до блеска начищенные ботинки, крахмальный воротничок, модный галстук. Но, несмотря на весь этот внешний лоск, в его облике было что-то неприятное. Может быть, это ощущение вызывали его глаза, мутные, бегающие, ускользающие от взгляда собеседника.

Говорить, а особенно спорить с Порфирьевым было очень трудно и даже неприятно: он принадлежал к той категории людей, которые почитают за оскорбление несогласие с их мнением и тотчас же переводят разговор на личное, стараясь побольнее уязвить, обидеть своего собеседника.

И еще была у него одна отвратительная черта: о чем бы он ни заговорил, он всегда сводил к тому, что все русское – плохо, а все заграничное – хорошо... С подчиненными он был заносчив и груб, а перед начальством лебезил.

Порфирьеву удалось вначале пустить Евгению пыль в глаза. Евгений поручил ему интересную и ответственную работу. Порфирьев с ней не справился. Евгений дал ему новое задание, и – снова неудача. Евгений понял тогда, что Порфирьев – бездарность, и, кажется, довольно ясно ему это сказал. Порфирьев возненавидел Евгения. Он напустил на себя вид непризнанного гения, которому завистники не дают развернуться. Перед уходом из Краснодара мы, помню, говорили о Порфирьеве с Евгением. Я высказал опасение, как бы он не остался у немцев. Но вскоре выяснилось, что Порфирьев с семьей эвакуируется из Краснодара. Потом он куда-то пропал.

Как оказалось впоследствии, Порфирьев нас обманул...

Шлыков вошел к Порфирьевым с таким видом, будто он был их хорошим знакомым.

– Перетряской вещей занимаетесь? Дело хорошее и... понятное: новые времена пришли, новые хозяева...

– Чем могу служить? – резко оборвал его Порфирьев.

– У меня к вам разговор есть, – спокойно ответил Шлыков.

Надо сказать, что до этих пор отношения между Шлыковым и Порфирьевым были далеко не дружеские: Шлыков откровенно презирал инженера за его заносчивость, хвастовство и бездарность, а Порфирьев видел в Гаврииле Артамоновиче одного из тех, кто «затирает» его.

– Разговор? – удивленно протянул Порфирьев. – Странно. Ну, что же, пройдемте в мою комнату.

Шлыков уселся в кресло, поставил между колен свою палку, положил на нее руки и начал:

– Вы уж позвольте мне, Юрий Александрович, без предисловий... Я пришел сообщить, что сегодня, в три часа, вас ждут новые хозяева – хотят познакомиться.

– Вот как! Это что же – официальное приглашение?

– Если угодно – да! Я у них сейчас вроде консультанта по делам комбината.

– Так!.. Крутой поворотик, значит, делаете? – зло усмехнулся Порфирьев.

– Да не такой уж крутой, если вдуматься как следует, – ответил Шлыков. – Я ведь человек старый, еще при господине Родриане работал. Вот и получается, что я снова к своему старому хозяину возвращаюсь...

– Но ведь вы, если не ошибаюсь, член партии?

– Кто богу не грешен, царю не виноват? Вот я и у вас вижу: Ленин на полочке стоит. Я бы на вашем месте эти книжечки убрал...

– Какие я разговоры слышу! Просто не верится. Да вы ли это?..

– Напрасно вы на меня волком смотрите. Ведь мы с вами товарищи по несчастью. Судите сами. Меня на старости лет в кладовщики произвели. Да и вас как будто не очень-то жаловали... А я полагаю, что с вашими талантами да вашими знаниями вы далеко могли бы шагнуть...

– Да, уж думаю дальше, чем этот ваш выскочка и карьерист Игнатов!

– Игнатов такой же мой, как и ваш, смею вас уверить... Это он руку приложил к тому, чтобы я стал кладовщиком. Но давайте говорить по-деловому. Я хочу вам предложить союз.

– Вы?.. Союз со мной?

– Да!.. Вчера я обошел все заводы. Разгром, конечно, большой. Но не так уж он велик, как это может показаться неопытному человеку.

– Тем лучше. Быстрее восстановим комбинат.

– А дальше?

– Дальше? Дальше будем работать! Надо же когда-нибудь начать по-настоящему работать. Немцы – не большевики: толк в людях и в работе понимают!

– А, позвольте спросить, кто будет работать?

– Не понимаю... Мы, конечно!

– Эх! Горячи вы очень... Немцы не знают нашей техники. Ну-с, мы с вами с помощью кой-кого из инженеров восстановим заводы: получите, мол, господа немцы, все готово, остается только рубильник включить. А дальше что? А дальше вот что

будет, Юрий Александрович. Немцы комбинат у нас примут, научатся у нас работать, а нас – по шапке. Потому что ведь мы для них, согласитесь, по-прежнему останемся русскими свиньями, людьми последнего сорта. И, когда мы им все секреты раскроем, все тонкости покажем, на кой ляд мы им будем нужны?

У Порфирьева забегали глаза.

– Что же вы предлагаете?

– А вот что... Раскроем им один секретик, а другие попридержим. Через некоторое время другой секретик выложим, а остальные опять-таки в кармане у себя сохраним – те самые секретики, без которых комбинат полным ходом работать не сможет. И будем с вами долгое время нужны немцам. А потому и почет нам будет соответствующий...

– Ловко вы придумали, Шлыков!

– Да ведь за шестьдесят лет мне перевалило – пора ума-разума набраться... Но нам вдвоем этого дела не поднять. Коллектив надо вокруг себя сколачивать. С разбором, конечно. Вот как, к примеру, смотрите вы на Ивана Карловича Вейнбергера? Я полагаю, он подойдет нам. Прежде всего, хоть он и обрусевший, а все же немец... Он человек скромный, честолюбия в нем не замечено. Во всяком случае, он нам поперек дороги не встанет. А вас я прочу правой рукой Родриана.

– Вы думаете, это осуществимо? – невольно вырвалось у Порфирьева.

– С вашими-то способностями? Еще бы! Но только надо все аккуратно делать. Главное, не лезть сразу к немцам с поцелуями при всем честном народе.

– Не понимаю...

– Ну, как же так! Неужели вы думаете, что большевики, уйдя из Краснодара, не оставили здесь своих людей? Так вот, начнете вы публично лобызаться с немцами, а вас в темном переулке ножом и пырнут... Сдается мне, что большевики оставили и здесь, на комбинате, группку своих людей, которые будут тормозить пуск заводов. И я скажу вам: нечего нам, даже открыв эту группку, сразу же докладывать о них господину Родриану. Они ведь нам на руку будут играть. В случае чего мы на них все свалим: не мы, мол, виноваты, что заводы стоят, а они...

– Так, значит, по-вашему, надо молчать о подпольщиках?

– Нет, зачем же молчать? Если они вам поперек дороги встанут, вы тогда шепните мне. И я сделаю, что надо... Недаром ведь меня немцы к себе в консультанты взяли. А себя берегите. Вы большую игру должны играть. И рук вам мараить незачем. Это уж мне оставьте.

– А вы, Шлыков, какую же игру играть будете?

– Буду связующим звеном, так сказать, между вами и хозяевами. И только. Поняли?

Ну, по рукам, что ли, Юрий Александрович?

– Уж очень все это неожиданно...

– Не тороплю. Подумайте на досуге и потом скажите мне... Ну, так как же, Юрий Александрович, благословляете меня идти к Вейнбергеру?

– Ну, что же... пожалуй, идите...

– Вот и хорошо! Сразу же к нему и заверну, благо он сосед ваш.

Проходя через столовую, Шлыков заметил, что фрак уже не висел на вешалке.

– Мудрая у вас мамаша, Юрий Александрович: фрак еще рано надевать. Успеется...

Ну, будьте здоровы. Не забудьте: в три часа в главной конторе.

Глава V

На регистрации инженеров, которую проводил Штифт, присутствовал и Шлыков. Он скромно сидел в сторонке, опершись на палку. Трудно было понять, какую роль выполняет здесь этот старый молчаливый человек...

Разговор Штифта с Лысенко был очень короток.

– Нам бы хотелось, чтобы вы работали на комбинате, – сказал Штифт. – Мы имеем хорошие рекомендации о вас как о способном инженере-конструкторе.

– Хорошо, я останусь...

– И будете работать так, как работали до сих пор?

– Все, что я делаю, я делаю честно. Или совсем не делаю.

– Очень хорошо... Вы свободны, господин Лысенко...

Порфирьев нервничал на регистрации. Еще дома он подготовил речь, торжественную и витиеватую, о том, что готов все свои знания инженера отдать на дело процветания края, который получил, наконец, «настоящую» власть в лице лучших представителей одной из просвещеннейших наций мира. Но речи не получилось. Порфирьев спутался, и Герберт Штифт перебил его:

– Я понимаю ваши чувства, господин Порфирьев, и доведу до сведения командования ваши заверения в преданности. Но сейчас меня интересуют не слова, а дела. Нам надо в кратчайший срок пустить заводы, разрушенные большевиками, и дать германской армии мыло, масло, жиры. Таков приказ фюрера... Мне говорили, что вы обладаете опытом, знаниями, способностями, которые по ряду причин не были должным образом оценены большевиками. Не так ли, господин Шлыков?

– Совершенно верно, господин Штифт, – и Гавриил Артамонович, чуть приподнявшись, утвердительно наклонил голову.

– Я заверяю вас, господин Порфирьев, что мы достойно оценим вашу преданность, но, повторяю, нам нужны не слова, а дела... Скажите, как скоро комбинат может снова войти в строй?

Порфирьев смутился. Он не знал, что ответить, и растерянно посмотрел на Шлыкова, ища у него поддержки. Но Гавриил Артамонович равнодушно смотрел в окно, и казалось, его мало интересовало, что происходит сейчас в комнате.

– На это очень трудно ответить, господин Штифт, – неуверенно заговорил Порфирьев. – Я еще недостаточно ознакомился с состоянием заводов... К тому же мне надо взвесить ряд обстоятельств: сырье, рабочая сила, электроэнергия... Наконец...

– Хорошо, – перебил его Штифт, недовольно морщась. – Мы поговорим об этом после... Попросите сюда господина Вейнбергера...

Когда регистрация инженеров была закончена, Штифт предложил им подождать в приемной, и заперся в кабинете со Шлыковым.

Ждать пришлось около получаса.

Лысенко казался внешне совершенно спокойным. Не спеша закурил свою старенькую, почерневшую от времени трубочку, подошел к окну. Он задумчиво смотрел на обвалившиеся крыши заводов, битый кирпич на главной аллее, густой дым над силосными башнями, где хранилось хлопковое и подсолнечное семя...

– О прежнем грустите, господин Лысенко? – услышал он рядом голос Порфирьева.

Юрий Александрович не находил себе места. Ему казалось, что вел он себя не так, как следовало, что Штифт остался недоволен им, что он испортил свою репутацию.

Лысенко не спеша обернулся и спокойно сказал:

– Наши соседи черкесы в таких случаях говорят: «У потерянного кинжала рукоятка всегда золотая», – и снова отвернулся к окну.

Порфирьев пожал плечами и подошел к Вейнбергеру. Тот сидел в кресле, играя цепочкой карманных часов.

– В гору пошел Шлыков. Как вы находите, Иван Карлович? – спросил Порфирьев.

– О! Господин Шлыков – большой человек! – внушительно ответил Вейнбергер и поднял указательный палец правой руки. – Большой человек! С ним сам бетрибсфюрер господин Герберт Штифт держит совет...

Дверь, наконец, открылась, и появился Штифт. За ним чуть поодаль стоял Шлыков.

Немец зачитал приказ: Вейнбергер назначался директором гидрозавода, Порфирьев – маргаринового завода, Лысенко – мыловаренного, Покатилов – теплоэлектроцентрали. Места директоров маслоэкстракционного и бондарного заводов и начальника механических мастерских оставались вакантными.

– Я еще недостаточно ознакомился с обстановкой, – заметил Штифт. – А сейчас попрошу господ директоров отправиться на заводы. Через некоторое время я сам осмотрю комбинат.

Через час Штифт вышел из конторы. Следом за ним, опираясь на палку, медленно шагал Шлыков и рядом с ним – переводчик.

Потаповна смотрела им вслед. Она видела, как при встрече с ними рабочие сворачивали в сторону или делали вид, что не замечают ни Штифта, ни Шлыкова. Никто не поклонился Шлыкову, никто даже не взглянул на него...

У гидрозавода Штифта встретил Вейнбергер.

– Какие разрушения! Какие разрушения, господин Штифт! – восклицал он, всплескивая своими пухлыми ладошками. – Страшно смотреть!

Штифт молча оглядел завод. Он увидел сорванную толлом крышу, исковерканные машины, щебень и пыль на полу.

– Что вырабатывал завод? – резко спросил он.

– Саломас, – почтительно ответил Иван Карлович. – Прежде всего технический саломас для мыловарения и пищевой саломас для маргаринового производства. – Суточная продукция – двести тонн. Затем – рафинированное масло. Прекрасное масло, почти не уступающее по своим качествам прованскому...

– А сейчас? – перебил его Штифт.

– Руины! Жалкие руины!

– Я не слепой, господин Вейнбергер! Я хочу знать, что надо сделать для пуска завода.

– Понимаю, понимаю! – испуганно лепетал Иван Карлович. – Я уже набросал план. Это минимум тех мероприятий, которые необходимы для восстановления.

Вейнбергер вынул из бокового кармана аккуратно сложенный лист бумаги.

– Разрешите?.. Первое: покрыть здание завода крышей. Второе: восстановить взорванные узлы агрегатов. Третье: то же самое сделать с компрессорами. Четвертое: дать пар заводу. Пятое: обеспечить завод электроэнергией. Шестое...

– Довольно! – вскипел Штифт. – И это вы называете минимумом! Каков же будет максимум, господин Шлыков?

– Что поделаешь, – тихо ответил Гавриил Артамонович. – Завод сильно разрушен. Господин Вейнбергер прав.

Штифт молчал. Его пальцы нервно выстукивали дробь по железным перилам лестницы.

– А это что? – неожиданно спросил он, показывая на громадный бак, стоявший перед ним.

– Масло, господин бетрибсфюрер.
– Масло... Так что же вы молчите, господин инженер?
– Разрешите доложить, господин Штифт, – неуверенно сказал Вейнбергер. – Это не готовое масло. Оно еще не рафинировано...
– Так надо рафинировать! Вы немедленно же займитесь этим делом. Немедленно!
– К сожалению, я не химик, господин Штифт. Я не компетентен...
– Вы, прежде всего, немец, господин Вейнбергер. И к тому же инженер, – внушительно заявил Штифт. – Подыщите себе в помощь химика. Ответственность я возлагаю на вас.

Вейнбергер совсем растерялся. Рафинация в конце концов не так уж сложна, но она не была его специальностью, и он отчетливо представил себе, что в случае неудачи его обвинят в нелояльности, арестуют, отдадут гестаповцам...

– Позвольте вам сказать, господин Штифт, – заговорил Шлыков. – Иван Карлович не химик, а процесс рафинации очень сложен. Знающих инженеров-химиков в Краснодаре не осталось: это мне доподлинно известно. Поэтому я бы не советовал рисковать: малейшая ошибка может стать роковой. Не так ли, господин Вейнбергер?

– Господин Шлыков прав, – с трудом выдавил из себя Вейнбергер. – Рисковать было бы опрометчиво. Я не смею пойти на такой риск...

Странное дело, Штифт не закричал, не затопал ногами, не вызвал гестаповцев. Он только внимательно посмотрел на Шлыкова и сказал:

– Согласен, господа. Здесь слишком большое богатство, чтобы рисковать им. Я запрошу о присылке из Германии опытного инженера-химика, и тогда мы без труда справимся с этой задачей. А пока я должен кое-что продиктовать переводчику.

Вейнбергер со Шлыковым отошли в сторону. Гавриил Артамонович взял под руку своего спутника.

– Эх, Иван Карлович! – укоризненно проговорил он. – Какой вы горячий человек! Ведь толковали мы вчера с вами, и долго толковали, а вы сейчас чуть не бросились в омут вниз головой...

У маргаринового завода Штифта встретил Порфирьев. И снова бетрибсфюрер начал с того же вопроса:

– Что вырабатывал завод?

– Маргарин и кухонные жиры, около ста тонн в сутки. Кроме того, мороженое, майонез, ореховую халву. Это один из крупнейших маргариновых заводов в Советской России.

Войдя в помещение завода, Штифт невольно остановился и удивленно поднял брови. Машины стояли на своих местах. Крыша была цела. С первого взгляда казалось, что завод несколько не поврежден.

– Колоссаль! – непроизвольно вырвалось у немца. – Это завод, которым могла бы гордиться Германия! Не правда ли, господин директор? Надеюсь, машины в порядке?

– Почти, господин Штифт. Большевики успели вынуть из них только отдельные детали.

– Ну, это пустяки! – уверенно заявил Штифт. – Их можно снова поставить на место. Машины, конечно, наши, германские? Мы запросим фирму...

– К сожалению, это не так, – спокойно перебил его Шлыков. – Машины советского производства.

– Вот как? – удивился немец. – Это, конечно, хуже... Надеюсь, их конструктор здесь? Надо думать – это господин Порфирьев? Мне передавали, что вы с успехом работали в конструкторском бюро. Не так ли?

Порфирьев смущенно промолчал.

– Как раз к конструированию этих машин, – сказал Шлыков, – господин Порфирьев не имеет отношения. Их сконструировал инженер Евгений Игнатов.

– Значит, надо вызвать Игнатова! – заявил Штифт.

– Игнатов в Советской Армии... – Шлыков развел руками.

– Хорошо! – сказал Штифт. – Игнатова нет. Но разве это так уж важно? Разве опытный конструктор инженер Порфирьев не может заменить Игнатова?

– Не знаю... – неуверенно начал было Шлыков, но Порфирьев перебил его:

– Вы правы, господин Штифт! Свет клином не сошелся на Игнатове. Я берусь восстановить эти агрегаты!

– Прекрасно, господин Порфирьев! – обрадованно воскликнул Штифт. – Это именно тот ответ, которого я ждал от вас... Итак, когда вы дадите маргарин?

– Как только мне дадут пар и электричество, – уже с меньшей горячностью отвечал Порфирьев.

– Что это значит, господа? Вы словно сговорились! – рассердился Штифт. – Сначала господин Вейнбергер потребовал у меня пар и электричество. Теперь вы, господин Порфирьев, твердите о том же...

– Что поделаешь... Какой же может быть выход, господин Штифт? – попытался было вставить Шлыков.

– Какой выход, спрашиваете вы? – перебил его немец. – Извольте, я найду этот выход!.. Предположим, что вы правы: производство высококачественного маргарина требует пара и электричества. Предположим. Хотя я должен это проверить. Ну, а шпейзефет? Надеюсь, его-то вы можете дать, господин Порфирьев?

Порфирьев краем уха слышал о шпейзефете – смеси животных жиров с растительными. Он знал, что это – низкосортный, малопитательный продукт. И это было все, что он знал о шпейзефете.

– У нас не было этого производства, – нерешительно заговорил он. – Мне нужна рецептура...

– Что? – возмутился Штифт. – Инженер громадного комбината не может наладить производства шпейзефета? У нас его изготавливает любой ремесленник, любой кустарь. Это похоже на саботаж, господин Порфирьев!

Порфирьев растерялся. Он стоял красный как вареный рак, нервно комкая в руках свою новую шляпу.

– Одну минутку, господин Штифт! – пришел на помощь Шлыков. – Господин Порфирьев очень скромный. Он, вне всякого сомнения, сможет наладить производство шпейзефета. Можно ли сомневаться в этом? Мы даже беседовали об этом с господином Порфирьевым. И он в беседе со мной высказал блестящую мысль об использовании локомотива для получения пара.

– Локомотива? – переспросил Штифт. – Где вы его нашли, господин Порфирьев?

Тот удивленно и все так же растерянно смотрел то на Шлыкова, то на Штифта.

– На станции. Локомотив стоит на запасных путях, – поспешил ответить за Порфирьева Шлыков. – Его надо доставить сюда, к заводу.

– Похвально. Очень похвально, господин Порфирьев... Напомните мне о локомотиве, – приказал Штифт переводчику. – Я поручу это дело фельдфебелю Штроба... – И с этими словами Штифт, небрежно кивнув Порфирьеву, вышел из цеха.

У мыловаренного завода Штифта встретил Лысенко. Он стоял во дворе, у его ног, как поток лавы, на добрые десятки метров растеклось застывшее мыло, прекрасное краснодарское мыло, белое, с мраморными прожилками. Оно смешалось с грязью, покрылось пеплом, но Штифт сразу же узнал его.

– Сколько? – отрывисто спросил он Лысенко.

– Восемьдесят тонн, – ответил Свирид Сидорович.

– Какое варварство! Сейчас для нашей армии мыло на вес золота. И вдруг спустить его в грязь! Русские свиньи!.. Что-нибудь осталось?

– Кое-что... немного, – уклончиво ответил Шлыков. – Прошу осмотреть завод.

Впоследствии это мыло, вытекшее из взорванного хранилища и смешавшееся с пеплом, щебнем и штукатуркой, немцы резали на куски, упаковывали и передавали приезжавшим немецким военным в пакетах с адресами для посылки в Германию.

Даже такое мыло не попадало в германскую армию...

Первое, что увидел Штифт на мыловаренном заводе, – это громадный, исковерканный взрывом бак, из которого вытекало жидкое мыло. Но рядом с ним стоял такой же бак. Он был цел; сверху его закрывала массивная металлическая крышка.

– Что здесь? – спросил Штифт.

– Мыло, – ответил Шлыков.

– То самое, что там, на дворе?

– То самое. Восемьдесят тонн.

– Вы ошибаетесь, господин Шлыков, – возразил ему Лысенко. – Это еще сырье. Его предстоит очистить...

– Нет, господин Лысенко, – твердо ответил Шлыков. – Я хорошо знаю: здесь хранится готовое мыло. Восемьдесят тонн.

Штифт, потирая от удовольствия руки, направился к баку.

– Великолепно!.. Великолепно! – повторял он. – Какой подарок армии!

– Что ты наделал, Гавриил Артамонович, – прошептал Лысенко. – Дал бы мне срок – мы бы что-нибудь придумали.

– Спокойно... Все уже придумано.

Штифт тем временем подошел уже почти к самому баку, как вдруг услышал громкий, встревоженный крик Шлыкова:

– Господин Штифт! Назад!

Шлыков подбежал к немцу, схватил его за руку и с силой потянул назад.

– Что такое? Что случилось? – бормотал Штифт, встревоженно озираясь по сторонам.

Шлыков молча подвел Штифта к противоположной стороне бака.

– Смотрите! – и он показал на плохо заметную надпись: «Минировано», выведенную мелом на темной стенке бака.

– Минировано, господин Штифт!

– Ах, вот что!.. Очень вам благодарен...

Штифт впервые посмотрел на Шлыкова с выражением искренней признательности.

Он пятился назад, стремясь подальше отойти от страшного бака.

– Вы уверены, что бак минирован, господин Шлыков?

– Я видел собственными глазами, как его минировали, господин Штифт. Первый бак был взорван. Второй советские саперы заминировали какими-то особыми минами.

– Я очень вам благодарен, господин Шлыков. Очень благодарен, – бормотал Штифт, направляясь к выходу. – Надо вызвать саперов. Надо проверить. А пока... Кто из вас пишет по-немецки, господа?

– Я свободно говорю и пишу по-немецки, господин Штифт, – неожиданно сказал Лысенко.

– Вот как?! Возьмите мел и напишите на баке: «Минировано». Напишите со всех сторон. Чтобы всем было видно. Я сегодня же прикажу прислать к баку часовых. К сожалению, нашу беседу придется отложить, пока не выяснится вопрос с этими минами. Я вызову вас, господин Лысенко...

Маслоэкстракционный и бондарный заводы Штифт осматривал, все еще находясь под впечатлением происшествия у бака. Он беспокойно озирался по сторонам, был невнимателен и рассеян. К тому же эти заводы были сильно разрушены, и Штифт, покидая их, сказал Гавриилу Артамоновичу:

– Вы были правы, господин Шлыков. Пока здесь делать нечего. А сейчас я должен взглянуть на электростанцию. Я понимаю толк в электричестве.

В сопровождении Покатилова Штифт вошел в громадный зал котельной. Здесь все было разрушено: аппараты, котлы, перекрытия. И все же зал невольно поражал своей грандиозностью.

– Колоссаль! – снова вырвалось у Штифта. – Я не ожидал этого!..

Он внимательно осмотрел котлы. Затем позвал Покатилова:

– Что вы скажете, господин директор?

– Можно говорить лишь о шестом котле, господин Штифт, остальные слишком изуродованы.

– Вы, я вижу, специалист своего дела, господин Покатилов, – покровительственно заметил Штифт. – Теперь слушайте меня внимательно. На восстановлении котла будет работать бригада технического батальона. Я прикажу прислать сюда лучших русских слесарей. Через месяц котел должен дать пар. Ясно?

– Ясно, господин Штифт, – спокойно ответил Покатилов. Штифт отправился осматривать измерительные приборы.

– Можете меня не сопровождать, господин директор, – заявил он. – Я сам достаточно хорошо разбираюсь в аппаратуре.

Покатилов остался у котла. К нему подошел старый рабочий.

– Это что же будет? Ведь немец, чего доброго, пустит котел?

– Дурак он, этот немец, Антон Осипович, – спокойно ответил Покатилов. – Смотри, – и он показал рабочему на заклепочный шов нижнего барабана котла.

Старик поправил очки, внимательно взгляделся и даже крикнул от удивления. Засмеявшись, он что-то сказал Покатилову, но что – Шлыков не мог разобрать.

Когда они отошли, Гавриил Артамонович, будто ненароком, приблизился к котлу. Сначала он ничего не заметил. И только внимательно взглядевшись, увидел мелкие, как паутинка, трещинки, покрывавшие заклепочный шов барабана котла. Гавриил Артамонович удовлетворенно улыбнулся...

К зданию механических мастерских Штифт добрался, когда уже начало темнеть. Он бегло осмотрел станки, потом вынул свою записную книжку и прочел:

– Бригадир Ба-ту-рин... Позовите ко мне господина Батурина.

К нему подошел молодой человек в замасленной спецовке.

– У вас нет руки? – хмуря брови, спросил Штифт, заметив, что левый рукав батуринской спецовки был пуст.

– Я потерял руку на фронте, – ответил бригадир.

– Так... Однако у меня о вас хорошие рекомендации. Вы назначаетесь начальником механических мастерских. Завтра утром явитесь к господину Шлыкову и вместе с ним зайдете ко мне.

Когда Штифт со Шлыковым отошли на несколько шагов от мастерской, вслед им раздался молодой звонкий голос:

– Иуда!

Шлыков вздрогнул, будто его ударили хлыстом...

Они шли по темной аллее. Черными изуродованными громадами стояли по бокам разрушенные корпуса заводов. Впереди, над силосными башнями, сиял отблеск пожара: внутри бетонных цилиндров все еще продолжало тлеть хлопковое семя. Где-то далеко в городе слышались одиночные выстрелы.

Штифт шел быстро, трусливо озираясь по сторонам.

У здания конторы их встретила Анна Потаповна. Она видела – Шлыков заботливо и почтительно поддерживал под руку господина Штифта...

В кабинете Штифт на минуту задержал Шлыкова.

– Запомните! – торжественно произнес он. – Через месяц электростанция даст пар и ток. Через полтора месяца заработают заводы комбината. Или я не бетрибсфюрер Герберт Штифт!

Глава VI

В центре Краснодара, на широкой оживленной Красной улице в доме № 69, до прихода немцев помещался магазин «Пионер». У входа стояли две скульптуры: мальчик и девочка в пионерских костюмах.

Пришли немцы – скульптуры исчезли, а над дверью магазина появилась новая вывеска: «КАМЕЛИЯ. Акционерное общество».

В Краснодаре в период немецкой оккупации городская управа всемерно поощряла частную инициативу. Как грибы после дождя, в городе выросли десятки мелких частных предприятий. Среди них не последнее место заняла «Камелия».

Сначала в промышленный, а потом в торговый отдел управы явились два инженера-химика и дали крупные взятки начальникам отделов. Взятка была вручена и заместителю бургомистра Ляшевскому. И вскоре за подписью самого Воронкова, бургомистра Краснодара, было дано разрешение на открытие производственной лаборатории и магазина косметических и парфюмерных товаров под пышным названием «Камелия».

В магазине прямо против входа на самом видном месте висел огромный плакат: «Господам немцам отпуск товаров незамедлительно».

За прилавком стоял директор магазина, бывший аспирант химико-технологического института Азардов, молодой инженер, маленького роста, с черными глазами, подвижным лицом и быстрой речью. Азардов великолепно говорил по-немецки. Ему помогали две молодые, нарядно одетые женщины – тоже два инженера и тоже хорошо владевшие немецким языком. Кассирши в магазине не было: деньги принимал сам Азардов. За магазином, соединенный с ним маленьким коридорчиком, помещался кабинет правления. В нем сидел коммерческий директор акционерного общества, высокий благообразный старик с длинной седой бородой. Работники магазина

называли его Арсением Сильвестровичем. Второй этаж занимала лаборатория общества...

Однажды в «Камелию» вошел нагруженный покупками Лысенко. Он долго рассматривал витрины и остановился, наконец, на креме для бритья и флаконе тройного одеколona. Расплачиваясь, он спросил директора магазина:

– Чем объяснить, что у вас так беден выбор крема для лица?

– Вы правы. Совершенно правы, – быстро заговорил Азардов. – Не можем найти подходящих баночек. Только за этим и задержка!

– А скажите, господин директор, это вас не устроит? – и Лысенко вытащил из заднего кармана брюк небольшую стеклянную баночку с притертой пробкой.

Азардов внимательно осмотрел банку.

– Очень неплохо! – сказал он. – Это лучшее из того, что мне предлагали... Не могли бы вы стать нашим поставщиком?

– Возможно! – Лысенко улыбнулся. – С кем я могу поговорить о заказе?

– Сию минуту, я проведу вас к нашему коммерческому директору. Пожалуйста, – и Азардов попросил Лысенко следовать за ним.

С этими словами Азардов закрыл за посетителем дверцу в прилавке – и в кабинете коммерческого директора «Камелии» раздался слабый звонок.

Они вошли в коридор и остановились перед дверью с матовым стеклом. Азардов постучал.

– Пожалуйста! Прошу, – раздался за дверью старческий голос.

Азардов вернулся в магазин, а Лысенко вошел в кабинет. За большим письменным столом сидел Арсений Сильвестрович, а перед ним в кресле – юркий человечек, типичный мелкий спекулянт.

– Чем могу служить?

С этими словами Арсений Сильвестрович приподнялся навстречу Лысенко.

– Я хотел бы поговорить с вами, господин директор, о заказе. – Лысенко вытащил из кармана ту самую баночку, которую он только что показывал Азардову.

– Очень хорошо. Присядьте! Попрошу вас подождать несколько минут – я должен закончить разговор...

Лысенко скромно уселся в сторонке и стал слушать, как коммерческий директор торговался со спекулянтом: речь шла о поставке каких-то эссенций. Потом Арсений Сильвестрович уплатил спекулянту деньги, тот дал расписку и, низко кланяясь, вышел из кабинета.

Арсений Сильвестрович, проводив его, проверил, достаточно ли плотно закрыта дверь, повернулся к Лысенко и дружески протянул ему обе руки:

– Здравствуй, Свирид! Наконец-то! А я ждал тебя еще вчера. Ну, садись поближе и рассказывай, как у вас там, на комбинате!..

Лысенко, войдя в кабинет Арсения Сильвестровича, оказался в самом, что называется, центре подполья.

Арсений Сильвестрович, почтенный коммерческий директор акционерного общества «Камелия», был главой краснодарских подпольщиков. Он являлся уполномоченным крайкома партии и штаба партизанского движения Юга, находившихся в то время за линией фронта, в Сочи. Он руководил работой городских подпольных организаций и партизанскими отрядами, действовавшими в окрестностях Краснодара, и всеми партийными подпольными организациями степной полосы. В его же ведении находился подпольный горком партии и подпольный горком комсомола.

И вот теперь, оставшись наедине с Арсением Сильвестровичем, Лысенко подробно рассказал ему, как прошла регистрация инженеров, как Штифт осматривал комбинат и кто назначен директорами заводов.

– Ну, что же, хорошо! – потирая руки, сказал коммерческий директор «Камелии», когда Лысенко кончил свой рассказ. – Все идет в основном так, как намечалось. Молодцы! Так и продолжайте – осторожненько, по плану... Ну, а что Шлыков поделывает?

– В гору идет Гавриил Артамонович! Штифт ему прямо в рот смотрит. А он, как всегда, ходит не торопясь, клюшкой своей постукивает и... советы дает!

– Так... Ну, какие еще у тебя дела?

– Есть еще одно дело, Арсений Сильвестрович... В заводской технике мы, конечно, сами разбираемся. Но ведь и на старуху бывает проруха. Хотелось бы мне наладить постоянную связь с Евгением Петровичем Игнатовым: он у нас по комбинатским делам мастер! Чтобы в критический момент можно было совета попросить, словом с ним перекинуться.

– Далеконько он забрался, – улыбнулся Арсений Сильвестрович. – В предгорьях сидит.

– Знаю, что в предгорьях. Но все же связь с ним нужна до зарезу!

– Я уже сам думал об этом. У меня радиостанция, конечно, припасена. И человек был для этого дела найден. Да только... несчастье случилось с этим человеком. А другого подобрать пока не могу.

– Есть у меня такой человек, Арсений Сильвестрович, есть, – и Лысенко рассказал о Вале.

– Ну, что ж, Свирид. Тебе виднее. Пусть она поживет у тебя, подлечится. А там посмотрим. Может быть, и поставим ее на радиосвязь. А пока надо кого-нибудь к Бате послать: предупредить его, что скоро по эфиру будем с ним беседовать. Потом шифры передать и все прочее. Да и они небось истосковались по весточке из Краснодара... Есть у тебя такой человек, чтобы в горы послать?

– Я уже думал об этом... Как ты смотришь на Ольгу Николаевну, учительницу?[8 - О том, как Ольга Николаевна побывала в нашем отряде, и о ее гибели на обратном пути рассказано выше.]

Арсений Сильвестрович помолчал, подумал.

– Что ж, пожалуй, годится... Места наши хорошо знает, язык за зубами держать умеет.

– Когда к тебе прислать Ольгу Николаевну за шифрами?

– Нет уж, уволь меня, Свирид, от визитов, – сказал Арсений Сильвестрович. – Запомни раз и навсегда: я человек секретный. Меня считанные люди знают.

– А как же с шифром?

– Я его тебе передам. Ну, какие у тебя еще дела ко мне?

Лысенко замялся.

– Да вот не знаю... Собственно, не по моему департаменту дело...

– Ну, ну, говори!

– Скажу... Арсений Сильвестрович, не думал ли ты о том, чтобы иметь своего человека в гестапо?

– Ишь ты, куда метишь! – Арсений Сильвестрович покачал головой.

– Да ведь как же иначе! Без этого мы будем ходить глухими и слепыми...

– Погоди, не агитируй меня!.. Как раз сегодня меня об этом же запросили из штаба партизанского движения Юга... Но нелегко это: полковник Кристман тоже не лаптем щи хлебает – по моей записке к себе на службу не примет...

За дверью послышались крадущиеся шаги.

– Не знаю, милостивый государь, – совсем уже другим тоном, неожиданно громко заговорил Арсений Сильвестрович. – Не знаю, договоримся ли мы: цена ваша слишком высока...

Вторая дверь, во двор, открылась, и в комнату быстро вошел седоватый человек в сером помятом костюме.

– Что вам угодно? – спросил Арсений Сильвестрович.

– Мне нужен гражданин Федорчук, – сиплым голосом ответил вошедший, быстро и внимательно оглядывая кабинет.

– Что-о? – загремел коммерческий директор «Камелии». – Какой гражданин Федорчук? Здесь нет никаких граждан! Здесь торгуют честные коммерсанты под покровительством городской управы и немецкого командования. А время граждан прошло, милостивый государь! Прошу вас немедленно оставить наше заведение!..

Арсений Сильвестрович указал пришедшему на дверь. Гость пятился, неловко извиняясь:

– Простите... Я, вероятно, ошибся... Не туда попал... Извините...

Когда за ним закрылась дверь, Арсений Сильвестрович сердито пробурчал:

– Сколько раз твердил Авдеевне: уходишь со двора – запирай дверь на крючок!.. Вот и возись со шпиками!..

Потом, успокоившись, подошел к Лысенко, ласково обнял его за плечи и сказал:

– Такие-то дела, Свирид! Как видишь: нелегка ты, шапка... коммерсанта!.. – Он усмехнулся. – Есть еще одно дело, Свирид Сидорович, – сказал он, – на заводе номер 456, где немцы восстанавливают танки, бронетранспортеры и автомашины, есть наш человек – конструктор Михайлова. У нее не ладится дело с некоторыми деталями восстанавливаемых немцами машин. По нашему заданию эти детали должны быть прочными при испытаниях и установке, но при первой же боевой стрельбе должны на ходу рассыпаться и выводить из строя машину в самый критический момент. Подумай, как это сделать, – ты же конструктор и механик – и расскажи нам.

– Хорошо, – сказал Лысенко, – подумаю, посоветуюсь с нашими ребятами. Дня через два зайду...

В это время в магазине Азардов был занят с двумя немецкими офицерами. Он показывал им изящные флаконы с одеколоном.

Дверь магазина открылась, вошел мужчина лет тридцати пяти, одетый в потертый синий костюм. В правой руке он держал несколько связанных картонных коробок.

Подойдя к Азардову, он поздоровался и спросил:

– Простите, как мне увидеть коммерческого директора? По его просьбе я изготовил в нашей мастерской образцы коробок и принес показать ему.

– А мы давно поджидаем вас!.. Луиза! – подозвал Азардов одну из продавщиц. – Займитесь с покупателями. Прошу великодушно извинить меня, – обратился он к немецким офицерам. – Мы выпускаем новый товар, заказали для него оригинальную упаковку, и мне необходимо самому посмотреть образцы. Прошу извинить...

– Привет! – дружески встретил нового гостя хозяин. – Опаздываешь, дорогой друг: Авдеевна просила тебя утром зайти ко мне!

Деревянко, секретарь подпольного городского партийного комитета, виновато развел руками:

– Дела, Арсений Сильвестрович. Никак раньше вырваться не мог!.. Ба, кого я вижу? Товарищ Лысенко! Ну, как на комбинате?

– погоди, Деревянко, – перебил его Арсений Сильвестрович. – Свириду Сидоровичу пора уходить. Я тебе сам все расскажу... Ну, Свирид, будь здоров!..

Когда Лысенко вышел из кабинета, Арсений Сильвестрович усадил Деревянко рядом с собой.

– Я вызвал тебя вот для чего. В свое время ты просил у меня Азардова на руководство городской подпольной комсомольской организацией. Я дал свое согласие. А теперь вижу, что Азардова отпустить не могу. Я без него – как без рук. Уж ты сам кого-нибудь себе подбери.

– Трудная задача, Арсений Сильвестрович! – разочарованно сказал Деревянко. – Тут подумать надо... Ты Котрова знаешь, Ивана Петровича? Главмаргаринца, инженера, инструктора химических команд ПВХО?

– А-а, того самого, которого немцы газом травили? Знаю.

– Он у меня работает связным. Но, вижу, эта работа слишком мала для него. Парень с головой, честный, хороший организатор... Как ты посмотришь, если мы его возьмем на руководство комсомолом?

– Ну, что же. Выбор неплохой.

– Когда его прислать к тебе?

– Да что вы, будто сговорились сегодня! – рассердился Арсений Сильвестрович. – Говорил Лысенко, говорю и тебе, – запомните раз и навсегда: по вопросам об этой проклятой косметике мой кабинет открыт для всех с девяти утра до девяти вечера. Ну, а для нашего брата-подпольщика – извините! С этой стороны меня знают считанные люди в Краснодаре. Иначе вся наша конспирация полетит к чертям. Ясно?..

Когда через полчаса Деревянко уходил из магазина, у прилавка стояло несколько немецких офицеров. Они весело болтали с хорошенькими продавщицами. Кокетливо улыбаясь, Луиза передавала небольшой сверток высокому франтоватому немецкому лейтенанту.

– Надеюсь, господин лейтенант Штейнбок, – щебетала она, – полковник Кристман останется доволен этим одеколоном. Не забывайте нас. Заходите!..

* * *

На следующий день Котров шел к Деревянко. Он захватил с собой несколько пустых картонных коробок, перевязанных голубой лентой.

Был теплый, погожий день. Солнце припекало по-летнему, и краснодарцы вышли на улицы в легких платьях.

На углу первого же квартала Котров увидел на стене дома новое большое объявление и около него два-три десятка любопытных. Иван Петрович с трудом протиснулся вперед. Это было объявление немецкой комендатуры Краснодара об обязательной перерегистрации всех жителей. С немецкой аккуратностью указывалось, кто, куда и когда должен явиться.

У Котрова тревожно сжалось сердце.

«У Вали даже паспорта нет!» – подумал он.

Котров шел по Красной, с подчеркнутой почтительностью уступая дорогу немецким офицерам. По мостовой двигался непрерывный поток машин. Здесь были «мерседесы» и «бьюики», «фиаты» и «адлеры», «форды», «линкольны», «рено», «пежо», «испано-

сюиза» – машины всех стран и всех автомобильных марок мира. Время от времени, сердито ворча, проходили танки и бронетранспортеры, сопровождавшие колонны тяжелых грузовиков, закрытых брезентом. А за ними – снова машины, машины без конца...

Котров пересек Красную и свернул на улицу Буденного. Здесь он без труда нашел дом № 75 с зелеными ставнями, Над входом висела скромная вывеска: «Картонажная мастерская».

В правом окне высилась горка картонных коробок разных размеров и фасонов, а в левом стояли точно такие же коробки, какие были в руках Котрова.

«Значит, путь свободен...»

Котров остановился у калитки, закурил и огляделся. Как будто ничего подозрительного. И Котров смело вошел в мастерскую.

В первой комнате его встретил подросток.

– Вы к старшему мастеру? – спросил он.

– Нет, я к Ивану Никифоровичу. Коробки принес.

– Заходи, заходи, Иван! – слышался за перегородкой голос Деревянко. – А ты, Миша, – обратился он к мальчику, – сбегай-ка на улицу да погляди, не привел ли гость «хвоста» за собой. Всякое ведь бывает...

Около часа говорили Деревянко с Котровым о предстоящей работе последнего в роли руководителя комсомольским подпольем. Прощаясь, Котров начал рассказывать о регистрации, объявленной немцами.

– Знаю, Ваня, – перебил его Деревянко. – Как раз перед тобой ко мне заходил один товарищ: он пришел прямо с регистрации. Ему было велено явиться в первый участок – на угол улиц Орджоникидзе и Кирова... Явился он туда. В комнате сидят за столами какие-то завитые, расфуфыренные дамы и мужчины, вырядившиеся под старых бар: визитки, крахмальные воротнички, манишки, напомаженные прически. Елейным голосом задают вопросы: фамилия, имя, отчество, каким браком женаты, венчались ли в церкви, вероисповедание, партийность, служили ли в НКВД и не было ли там кого-нибудь из родных... Ну, одним словом, всю подноготную выспрашивают. А сами на тебя подозрительно смотрят и делают какие-то пометки в ведомости... А дальше, очевидно, будет работать полиция и гестапо...

– Да, сорваться нетрудно, – сказал Котров.

– Ты-то что волнуешься? Тебе ведь регистрироваться не придется: мы сами поставим все отметки на твоём паспорте.

– Я не о себе беспокоюсь!

Котров рассказал Деревянко о Вале: о том, что у нее нет паспорта и что она скрывается у Лысенко.

– Как же, слышал о ней! – заговорил Деревянко. – Слышал и то, что ей будет поручена серьезная работа.

– От кого слышал? Какая работа?

– Узнаешь со временем! – улыбнулся Деревянко. – Ну, а паспорт Вале надо выправить действительно как можно скорее. – Он задумался на минуту, потом сказал: – Вот что, не откладывай это дело в долгий ящик и шагай прямо от меня в наш «паспортный стол», к Елизавете Васильевне. Тебе рано или поздно все равно придется с ней познакомиться. Слушай внимательно... Выйдешь на Красную. Найдешь дом № 45. Вход со двора, первый этаж. Спроси управдома Елизавету Васильевну. Тебя встретит женщина лет сорока, среднего роста, брюнетка, с лицом черкешенки. Ты ей

скажешь, что хотел бы снять комнату в ее доме. Она тебя спросит: «Почему именно в моем доме?» Ты ответишь: «Хочу жить в каменном доме». Она помедлит и скажет: «Есть у меня небольшая комнатка, но полы там не в порядке: несколько половиц придется менять». «Пустяки, – ответишь ты, – у меня знакомые люди на лесопильном заводе в Псебае. Я доски достану». Тогда она пригласит тебя в комнату, и тут ты можешь говорить с ней начистоту. Понял?

– Чего ж тут не понять?.. Пароль проще простого.

– Вот это-то и хорошо, Иван, что он прост. Ведь вас могут услышать, когда вы знакомитесь, – и никто ничего не заподозрит. А в то же время, кто, кроме посвященных, будет так говорить? Тем более, что вторую часть пароля мы часто меняем: одну неделю идет речь о заводе в Псебае, другую – о заводе в Кабардинской...

Котров без труда нашел квартиру Елизаветы Васильевны. Когда все формальности первого знакомства были благополучно закончены, она пригласила его в комнату.

Котров предполагал, что его приведут в мастерскую, что он увидит пресс, штампы. Но он увидел самую обычную, довольно уютную комнатку. Кровать, аккуратно застеленная белым тканевым одеялом, кружевная накидка на подушках, цветные дорожки и букет цветов на столике у трельяжа, заставленного флаконами, коробочками, безделушками. У Котрова невольно мелькнуло сомнение: туда ли он попал?

– Вы что так удивленно осматриваетесь? – улыбнулась Елизавета Васильевна. – Не бойтесь, все в порядке. За паспортом небось пришли?

Котров передал ей свою просьбу.

– Фотокарточка есть? – осведомилась Елизавета Васильевна.

Котров замялся.

– Карточка-то есть. Только отдавать ее мне не хочется...

– Что так?

– С надписью она... дареная.

– Ну, это еще полбеды! – Елизавета Васильевна засмеялась. – Вторую получите! А надпись я читать не буду. Уйдите-ка на минутку в прихожую – я вас позову...

Когда Котров снова вошел в комнату, он увидел на столике у трельяжа чернильницы, штампы, паспортный бланк.

– Садитесь и отвечайте, – сказала Елизавета Васильевна. – Фамилия... имя... отчество... год и место рождения?.. Так... А теперь помолчите.

Елизавета Васильевна что-то вписывала в паспортную книжку, ставила штампы. Потом, внимательно проверив свою работу, протянула Котрову паспорт и регистрационный листок с биржи труда.

– Получите. Все в надлежащем виде. Даже пометка о последней регистрации имеется...

– Откуда вы все это достали, Елизавета Васильевна? – удивленно спросил Котров, указывая на штампы и бланки.

– Вы очень любопытны!.. Это мой секрет. А кстати: у вас-то самого паспорт есть? Покажите-ка.

Перелистав паспортную книжку Котрова, Елизавета Васильевна удовлетворенно улыбнулась:

– Моя работа. Тут только одного штампа не хватает – о последней регистрации. Дайте-ка я вам его прихлопну... Ну, теперь все в порядке. Любому гестаповцу предъявите – не усомнится. Милости прошу заходить, когда будет нужда!..

Глава VII

Дня через три после осмотра Штифтом комбината на электростанцию начали приходить рабочие. Это были старые комбинатовские слесари, вызванные сюда через биржу труда, военнопленные из лагерей и даже служащие главной конторы – бухгалтеры, счетоводы, экономисты, лаборанты. Обычно их приводил фельдфебель Штроба. Покатилов с тревогой ждал, что к нему нагрянет команда немецкого технического батальона, о которой говорил Штифт, но она так и не явилась: то ли забыл о ней господин бетрибсфюрер, то ли ему в ней отказали. Фельдфебель Штроба оказался изрядным лентяем: дня два он повертелся на электростанции, а потом поручил наблюдение за работой своему помощнику, белобрысому верзиле Францу.

Работа шла через пень колоду. Старые комбинатовские слесари сознательно не торопились; для военнопленных и служащих главной конторы эта работа была новой, непривычной, и нужно было немалое время, чтобы они хотя бы кое-как освоили навыки своей новой профессии.

И все же работа хоть и очень медленно, но двигалась. Покатилов не решался пойти на открытый саботаж. К тому же верзила Франц первые дни внимательно следил за работой каждого: он переходил с места на место, всех подгонял, ругался, грозил. При нем невозможно было сидеть сложа руки. Когда же Франц уходил, многие продолжали работать, боясь, что он неожиданно нагрянет.

Покатилов, видя такое положение вещей, не на шутку встревожился. Выбрав свободную минутку, он пошел посоветоваться с Лысенко.

– Ничего, друг, ничего! – успокаивал его Свирид Сидорович. – Как бы ни работали твои новички, все равно толку от их работы мало. Главное – не сорваться, не выдать себя раньше времени. Мы сейчас ведем «тихую войну». И наша задача – сохранить основные силы для главного удара. Поэтому не горячись и будь осторожен...

Как-то раз верзила Франц, осматривая работу, остановился около старика-счетовода. Старика мучила астма. К тому же, очевидно, он никогда раньше не занимался физическим трудом. Франц ругал его особенно часто, угрожая примерным наказанием.

В этот день Франц явился на работу явно не в духе и сразу же подошел к старику. Старик его не заметил. Он стоял, положив напильник, и держался руками за грудь: у него был приступ астмы.

Франц обругал, потом о чем-то спросил его. Старик молчал, тяжело, с хрипом дыша: он не мог ответить из-за мучительной боли в груди. Немец размахнулся и ударил его кулаком по лицу.

Старик упал. Его лицо было в крови, Франц, выкрикивая немецкие ругательства, начал бить лежащего старика своими коваными сапогами.

Все замерли. В громадном зале электростанции стало тихо. Слышались только ругань Франца, глухие удары и стоны избиваемого...

Молодой слесарь, стоявший рядом с Покатиловым, схватил тяжелый железный шкворень. Еще секунда – и он бросился бы на немца... Но Покатилов вовремя удержал его за руку.

– Не смей! – прошептал он, бледнея.

Франц в последний раз ударил старика сапогом и отошел в сторону, утирая вспотевшее лицо. Старик лежал без сознания.

– Убрать! – крикнул Франц.

Несколько рабочих молча вынесли старика из зала...

Еще около часа Франц злился и ругался. Рабочие сумрачно молчали. Только и слышен был стук молотков, визг сверл, скрежет напильников.

Покатилов очень внимательно следил за рабочими. Он понимал, что нервы у всех напряжены, и боялся взрыва.

Накричавшись, немец, наконец, направился к выходу. Как только за ним закрылась дверь, все тотчас бросили работу...

С тех пор это вошло в обычай. Стоило верзиле Францу выйти из котельной, как Покатилов давал команду: «Закуривай!» – и работа прекращалась. Только один рабочий, Иван Остроленко, продолжал стучать своим молотком.

Это был странный человек. Он появился на комбинате незадолго до войны. Держался в стороне ото всех, был тих, неразговорчив. Работал хорошо, но как-то холодно, без огонька, без увлечения. И рабочие не любили его. Вернее, они почти не замечали Ивана Остроленко.

Но теперь его поведение откровенно возмутило товарищей. Они пробовали уговаривать Остроленко, стыдить, молодежь как-то даже пригрозила ему расправой – он отмалчивался. Покатилов решил поговорить с ним один на один и во время перерыва отозвал его в сторону.

– Что же ты, Остроленко, как белая ворона среди нас?

– Я рабочий человек, – хмуро отозвался тот, – а рабочему человеку положено работать...

– А ты понимаешь, на кого работаешь?

– Мне все одно на кого... мое дело работать. Все прочее меня не касается... А потом, – Остроленко беспокойно осмотрелся по сторонам, – видел ты, что немец со стариком сделал?

– Трусишь? – резко спросил Покатилов.

– Известное дело, трушу, – спокойно ответил Остроленко. – Каждый человек за свою жизнь дрожит. Умирать никому неохота...

И, повернувшись спиной к Покатилову, он медленно пошел на свое место.

С тех пор товарищи оставили Остроленко в покое. Они не здоровались с ним, не разговаривали, словно его и не было. А он молчал и продолжал работать...

Вначале все шло благополучно. Дело в том, что верзила Франц был пунктуально аккуратен: точно в назначенную минуту являлся на работу, точно уходил и всегда в одно и то же время снова возвращался в котельную.

Как только за Францем закрывалась дверь, рабочие спокойно прекращали работу. И Покатилов со временем стал проявлять известную небрежность: он даже не выставлял постов у дверей и ограничивался только тем, что следил за часами.

Как-то раз верзила Франц ушел из котельной. Работа тотчас прекратилась. Люди спокойно закурили, занялись разговорами. И только Иван Остроленко размеренно постукивал своим молотком.

Дверь неожиданно отворилась – вошел сам Герберт Штифт. То ли бетрибсфюрер решил захватить всех врасплох, то ли это произошло случайно.

Все растерялись. Бетрибсфюрер с минуты молча смотрел на рабочих. Потом резко и холодно сказал:

– Господин директор, я хочу осмотреть работу!

Покатилов повел Штифта по котельной...

«Признаюсь, изрядно я перетрусил! – рассказывал потом Покатилов. – Ведь этот проклятый немец действительно кое-что понимал в нашем деле. А показывать, в сущности, было нечего...»

– И это все? – спросил Штифт.

– Все, – ответил Покатилов и довольно путано начал ссылаться на различные объективные причины.

– Вы об этом, господин директор, скажете не мне и не здесь, – заявил Штифт и, повернувшись, ушел.

Не прошло и десяти минут, как появились немецкие солдаты и заняли все выходы и входы.

Прошло еще с полчаса. Неожиданно появились фельдфебель Штроба и Лысенко. Штроба снял немецкие посты, а Лысенко вызвал Покатилова.

– Ну, Покатилов, рассказывай!

Покатилов рассказал ему все, как было. Лысенко молча выслушал, а потом хорошенько отчитал Покатилова.

– Благодарю Гавриила Артамоновича! – сказал Лысенко в заключение. – Не будь Шлыкова – висеть бы тебе на перекладине!

Оказывается, Штифт, вернувшись из котельной в контору, хотел было звонить в гестапо, но его вовремя остановил Шлыков. Узнав, в чем дело, он сразу же перешел в наступление.

Гавриил Артамонович доказывал, что Покатилов тут ни при чем, что во всем виноват Франц: он был груб с рабочими, убил ни в чем не повинного старика-счетовода (к тому времени бедный старик умер). Штифт ему возражал, говоря, что только так и нужно поступать с русскими лентяями и лодырями, которые не желают выполнять его приказов.

Но Шлыков продолжал настаивать на своем и даже сумел доказать, что Покатилов – прекрасный специалист, его слесари – опытные рабочие. Если господин Штифт хочет, чтобы электростанция была быстро пущена в ход, надо дорожить такими людьми. Со своей стороны, он, Шлыков, осмеливается рекомендовать господину Штифту следующее: Франца убрать, наблюдение за работой поручить непосредственно фельдфебелю Штроба и приказать Лысенко проверить, как идут работы на электростанции...

Штифт согласился с доводами Шлыкова. Пока бетрибсфюрер еще полностью доверял ему. Особенно понравилась Штифту мысль поручить проверку работ на электростанции Свириду Сидоровичу Лысенко.

В ту пору немец относился к Лысенко, пожалуй, не хуже, чем к Шлыкову: Штифту невольно импонировали спокойная сдержанность Лысенко и то уважение, с которым все окружающие относились к нему. Кроме того, хорошее отношение бетрибсфюрера к Шлыкову и Лысенко объяснялось и тем, что Штифт еще верил в восстановление комбината и считал, что только с помощью Шлыкова и Лысенко он может преподнести своему начальству такой богатый подарок.

Верзила Франц исчез, его больше не видели на комбинате.

Фельдфебель Штроба первые дни безотлучно торчал на электростанции. Но скоро ему это надоело: в котельной стоял невыносимый шум. Выполняя указание Лысенко, слесари делали вид, что работают с необычайным рвением...

Через несколько дней Штифт снова пришел к Покатилову и был приятно удивлен: работа действительно значительно продвинулась вперед. Слесари трудились так рьяно, что бетрибсфюрер счел возможным объявить благодарность господину директору.

Штифт стал еще больше благоволить к Шлыкову: ведь это он подсказал ему правильный выход. А Лысенко хитро улыбался в свои пушистые рыжие усы. Он-то знал: слесари больше шумят, чем работают. К тому же еле заметные трещинки, в свое время обнаруженные Покатиловым на стенках котла, еще покажут себя и в конце концов сделают бессмысленной и нелепой всю эту шумную возню в котельной...

* * *

Порфирьев нервничал: на его заводе работа вначале не ладилась. О производстве маргарина и речи быть не могло. Пресловутый шпейзефет и тот требовал пара, а локомотив, о котором говорил Шлыков, все еще не работал.

Он оказался там, где Шлыков и указал, – на запасных путях. Доставкой его к маргариновому заводу занялся фельдфебель Штроба и сам лично руководил работой. Казалось бы, о чем еще мог мечтать Порфирьев? Но локомотив неожиданно рухнул на землю, когда его снимали с железнодорожной платформы. И хотя фельдфебель и получил выговор от Штифта, но разве от этого Порфирьеву было легче?

Замена разбитых частей локомотива заняла немало времени. К тому же пока локомотив ремонтировали, внезапно исчезла одна его ответственная деталь. Прошло несколько дней, в течение которых тщательно искали, а потом заново изготавливали пропавшую деталь.

Наконец все было закончено. Локомотив как будто был в полном порядке. Его благополучно доставили к маргариновому заводу. Теперь оставалось дать пар.

По рекомендации Шлыкова к локомотиву был приставлен старый слесарь теплоэлектростанции Иван Петрович Кухленко.

Начались неполадки с топливом. Шлыков, Лысенко и Кухленко уверяли Штифта, что на Кубани локомотивы обычно топят соломой. Но Штифт и главным образом фельдфебель Штроба заупрямились: они потребовали антрацит для топки локомотива.

Прошел еще день в тщетных поисках антрацита, и в конце концов остановились на штыбе, хотя Лысенко и заявил Штифту, что не ручается за успех.

У локомотива собралось все начальство: Штифт, Штроба, Шлыков, Порфирьев. Не было только Лысенко: он работал вместе с Покатиловым на электростанции и не мог прийти.

Кухленко растопил котел. Штыб весело горел. Иван Петрович шуровал вовсю, подкидывая топливо. Из трубы валил густой черный дым. Давление в котле нарастало. Стрелка манометра медленно ползла вверх.

Кухленко, открыв кран, пустил пар в заводской паропровод. Стрелка манометра неожиданно начала быстро падать и замерла на нуле.

Штифт был вне себя от гнева. Он топал ногами, угрожал.

– Извините меня, господин Штифт, – спокойно перебил его Лысенко, только что подошедший к локомотиву. – В свое время я уже докладывал вам, что эта система не приспособлена к штыбу. Разрешите еще раз осмотреть машину.

Около часа Лысенко вместе с Кухленко возились около локомотива. Они вылезли из-под него черные, как негры. Лысенко попросил у Штифта отсрочки на день: он обнаружил какую-то неисправность.

– Хотя должен вас предупредить, господин Штифт, – заметил Свирид Сидорович, – что я по-прежнему не гарантирую успех.

Отсрочка была дана. Но на следующий день повторилось то же самое, с той лишь разницей, что три часа локомотив исправно давал пар, а потом снова заупрямился.

Когда об этом доложили Штифту, немец даже побледнел от негодования. Он вызвал по телефону командование инженерного батальона и потребовал прислать техника. Ему ответили, что техник явится завтра утром.

Шлыкков присутствовал при этом разговоре Штифта. Он вышел из кабинета и тотчас же направился к Порфирьеву.

– Добрый день, Юрий Александрович! Пришел навеститься, как живете-можете?

Порфирьев был мрачнее тучи. Ему хотелось выслужиться перед новым хозяином и первому на комбинате дать продукцию, какого бы качества она ни была. А тут проклятый локомотив!..

– Позор! – негодовал он. – Локомотива пустить не можем!

– Для вас стараемся, Юрий Александрович, – улыбаясь, ответил Шлыкков. – Поджидаем, пока вы изучите мою брошюрку...

Дело в том, что когда было решено вместо маргарина вырабатывать шпейзефет, Шлыкков обещал помочь Порфирьеву – и сдержал свое обещание. Он раздобыл где-то немецкую инструкцию по производству шпейзефета и дал ее Порфирьеву. Эта инструкция спасла Порфирьева. Не будь ее, он долго бы возился с освоением незнакомого ему технологического процесса. И вот теперь Шлыкков и напомнил ему об этой инструкции.

– Я давным-давно ее проштудировал! Все оказалось проще простого...

– Давным-давно? – хмурясь, повторил Шлыкков. Он говорил с Порфирьевым, как строгий начальник с провинившимся подчиненным. – А почему вы вовремя не сказали мне об этом? Или, может быть, вы решили действовать самостоятельно и нарушить соглашение, которое мы заключили тогда у вас на квартире?..

– Да что вы, Гавриил Артамонович! – оправдывался Порфирьев. Его встревожил тон Шлыккова. Больше всего он боялся остаться без поддержки всемогущего старика. – Я просто не догадался, что мне надо сообщить вам об этом...

– Плохо, что не догадались: вы бы давно имели пар. Надеюсь, в ваших интересах дать скорее продукцию?

– Ну, еще бы! Что за вопрос! – пробормотал Порфирьев.

– Ну, хорошо!.. Теперь вы сами пустите локомотив.

– Я? – удивился Порфирьев. – Но ведь этим Кухленко занимается!..

– У Кухленко, как вы знаете, ничего не получилось. А у вас получится... Вот, не угодно ли прочесть? – и Шлыкков протянул Порфирьеву потрепанную брошюрку «Спутник кочегара». На одной из страниц красным карандашом было отчеркнуто несколько строк. В них говорилось, что при использовании в качестве топлива штыба в локомотиве необходимо применять искусственное дутье.

– Так просто? – невольно вырвалось у Порфирьева. – Неужели Кухленко этого не знал?

– Я уже говорил, что мы поджидали вас. Как видите, договор я свято соблюдаю. Идите к Штифту, добейтесь приема и скажите об этом дутье. Но только не пытайтесь топить ни Кухленко, ни Свирида Сидоровича Лысенко... О разговоре со Штифтом немедленно доложите мне. Понятно?.. – и, кивнув головой, Шлыкков неторопливо, старческой походкой вышел из кабинета Порфирьева.

Порфирьев сделал так, как приказал ему Шлыков. На следующее утро к Штифту явился немецкий техник и подтвердил то же самое, что говорил Порфирьев. В течение трех дней был налажен вентилятор, поставлены новые колосники, а на четвертый день локомотив начал давать пар. Правда, время от времени он выходил из строя, но все же с грехом пополам завод получал пар, хотя и в очень ограниченном количестве. Вскоре Порфирьев торжественно рапортовал Штифту о выпуске первых трехсот килограммов шпейзефета.

Этот шпейзефет был отвратителен. Да иначе и быть не могло: производство его велось из рук вон плохо. Растительное масло поступало на завод из станичных маслобен. Оно было вполне доброкачественным. Но на заводе его сливали в подземный резервуар, и там оно по «неизвестным причинам» очень быстро портилось, становилось прогорклым. Примерно то же самое происходило и с говяжьим жиром: его сваливали прямо на пол, в грязи и сырости он, конечно, тоже быстро портился. И вот из этого-то сырья и приготавлился шпейзефет. К тому же шпейзефет запаивали в грязные жестяные бидоны из-под касторового масла и в таком виде отправляли в Германию...

И все же Штифт был очень доволен. Он вызвал к себе Шлыкова и попросил его прислать жестящика. Штифт поместил его в маленькой конурке, рядом со своим кабинетом. Жестящик делал небольшие бидоны, Штифт наполнял их шпейзефетом и отправлял по разным адресам в Германию. Надо думать, это были посылки друзьям и родственникам. Скоро к Штифту присоединился и фельдфебель Штроба.

Как-то раз Лысенко заглянул на завод Порфирьева. Улучив удобную минутку, к нему подошла одна из работниц, по фамилии Скокова. До немецкой оккупации она работала бактериологом в лаборатории на комбинате. Теперь ее специальность была не нужна, и молодого бактериолога послали чернорабочим на маргаринный завод.

– У меня к вам просьба, Свирид Сидорович, – сказала Скокова. – Избавьте меня от этой пытки! Я прошу вас не потому, что мне здесь физически тяжело. Нет, мне просто противно смотреть на всю эту грязь и мерзость...

– Что же вы хотите? – осторожно спросил Лысенко.

– Я знаю немецкий язык, хорошо печатаю на машинке. Может быть, вы устроите меня машинисткой в главную контору? – Осмотревшись по сторонам, она добавила: – Уверяю вас, Свирид Сидорович, я могу быть полезной...

– Хорошо! – сказал Лысенко.

Через несколько дней Скокову вызвали в контору и объявили, что она назначается машинисткой.

Порфирьев ходил по комбинату именинником: сам Герберт Штифт здоровался с ним за руку, обещал награду, и Порфирьеву казалось, что он вышел, наконец, на ту широкую дорогу к почету и известности, о которой так долго мечтал. Он стал заносчив и груб с рабочими, а при встрече со Шлыковым со снисходительным видом кивал ему головой. К тому же Порфирьев готовил еще один приятный сюрприз господину Штифту, и готовил тайно от Шлыкова. Порфирьев был уверен в успехе. И тогда, мечтал Порфирьев, он перестанет зависеть от Шлыкова, которого он боялся и ненавидел.

Но вот однажды Шлыков пригласил Порфирьева к себе.

В маленький, тесный кабинет Шлыкова Порфирьев вошел с надменным видом и небрежно спросил:

– Вы, кажется, хотели меня видеть, господин Шлыков?

– Садитесь, – холодно ответил Гавриил Артамонович. – Садитесь и рассказывайте, что вы задумали.

Порфирьев невольно вздрогнул: неужели этот старик разгадал его замысел?.. Нет, не может быть! Порфирьев возмущенно ответил:

– Я не понимаю вас, господин Шлыков. К тому же мне, признаться, надоел ваш начальнический тон...

– Молчать! – крикнул Шлыков. – Отвечайте на мой вопрос.

Это было так неожиданно, что Порфирьев невольно опустился на стул.

– Не понимаю... – пробормотал он.

– Забыли, господин Порфирьев? – продолжал Шлыков. – Ну так я напоминаю вам. Слушайте... Вы разузнали, что рядом с баком, куда сливается станичное масло, находится второй бак, наполненный прекрасным подсолнечным маслом. При уходе его не успели уничтожить. Теперь вы тянете к нему маслопровод, хотите подарить масло немцам. Вы думаете, что это принесет вам почет и славу и поможет вам свалить меня. Не выйдет! Я для вас слишком крепкий орешек – только зубы поломаете!

Шлыков встал и прошелся по комнате. Потом подошел к Порфирьеву. Тот сидел бледный, растерянный...

– Эх вы! – уже более спокойным тоном проговорил Шлыков. – Чего вы хотите, куда торопитесь? Вы – первый человек на комбинате! Немцы благоволят к вам. Вашим шпейзефетом довольны. Что вам даст это масло? Тот же шпейзефет, только чуть лучше. Славы вам это немного прибавит, а меня вам все равно не свалить... Нет, Юрий Александрович, маслице это надо для старых хозяев сохранить...

– Для кого? – Порфирьев испуганно взглянул на Шлыкова.

– Для большевиков, – спокойно ответил тот.

– Для большевиков?.. Но они так далеко, – неуверенно возразил Порфирьев. – Да они и не вернутся...

– Не так уж далеко, как вам кажется, – продолжал Шлыков, следя за выражением лица Порфирьева. – Сохраните вы, Юрий Александрович, это маслице про запас. Если большевики вернутся, скажете им: «Это я сберег». И простятся вам за это масло локомобиль, и шпейзефет ваш вонючий, и даже признательность господина Штифта.

В дверь постучали. Вошла Анна Потаповна.

– Гавриил Артамоныч, тебя Штифт требует.

– Запомните то, что я вам сказал, господин Порфирьев! – тихо произнес Шлыков, когда за Потаповной закрылась дверь. Голос его был холоден и спокоен. – Масло вы оставляете в покое. И знайте: это мое последнее предупреждение. Первое ваше самочинное действие – и от вас и следа не останется... Даю вам в этом слово!

В эту ночь Порфирьев не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок и к утру твердо решил: из подчинения Шлыкова не выходить. Этот старик действительно знает все, что происходит на комбинате.

* * *

Хуже всего дело обстояло у Ивана Карловича Вейнбергера: его завод совсем не работал.

Разбирая изуродованные взрывами агрегаты, слесари не могли даже из нескольких однотипных машин собрать хотя бы одну. Временное динамо с нефтедвигателем в результате неожиданной аварии сгорело. Его две недели перематывали и в конце концов бросили, так и не добившись успеха. Водопровод бездействовал. Рабочие изрыли весь двор в поисках основной водопроводной магистрали, но не нашли ее. Мне

рассказывали потом, что рабочие несколько раз натыкались на трубу, но тотчас же снова забрасывали ее землей и начинали старательно копать рядом...

Больше всего Ивана Карловича беспокоили компрессоры. Перед уходом наши демонтировали их, сняв и спрятав куда-то отдельные части. Заказ на эти части был передан Батурину, в механические мастерские, а наблюдение за изготовлением их было возложено на Вейнбергера. Иван Карлович несколько раз заходил к Батурину и понял, что не скоро получит необходимые детали. И это его не на шутку встревожило.

В бессонные ночи ему представлялось такое положение: Штифт восстановит ТЭЦ, даст пар, электричество, воду... Тогда задержка будет только за компрессорами, а они не готовы, и ему, Вейнбергеру, придется держать ответ. Он догадывался, что демонтированные части целы и невредимы. Больше того, Вейнбергер был почти уверен в том, что они лежат тут же на заводе, в куче мусора, которая недавно выросла на заднем дворе...

Иван Карлович ходил около этого мусора, как кот вокруг горшка с горячими сливками. Он никак не мог решить, что же ему делать: промолчать или разобрать мусор, найти детали и объявить об этом Штифту.

И то и другое грозило осложнениями. Промолчишь – плохо, обнаружишь – заставят монтировать компрессоры. Вейнбергер больше всего на свете ценил спокойствие и больше всего боялся малейшей ответственности...

Надо полагать, что секрет этих мусорных куч хорошо знал и Шлыков.

Как-то раз он пришел на завод и застал Вейнбергера, в раздумье стоявшего около злосчастной кучи мусора и металлолома.

– Куда это вас занесло, Иван Карлович? – удивился Шлыков, пристально всматриваясь в лицо инженера.

– А вы зачем сюда пожаловали, господин Шлыков? – в тон ему ответил Вейнбергер, пряча от него глаза.

– Вас ищу...

Тут Вейнбергер так красноречиво посмотрел на мусорные кучи, что Шлыков решил: инженеру все известно!..

– Так!.. – собираясь с мыслями, проговорил он. – Скажите, Иван Карлович, – спросил он неожиданно, – вы в подкидного дурака играете?

– Детская игра, господин Шлыков...

– Справедливо, но вот представьте себе такое положение: сданы карты – у вас на руках козырной туз, остальное – мелочь: семерки, восьмерки и все неkozyрные. Ваш противник кроет тузом. Скажите, вы подкинете ему вашего козырного?

– Что за вопрос? Конечно, нет!

– Нет? Ну, так советую вам и в жизни поступать так же: не сбрасывайте раньше времени козырного туза. Попридержите – пригодится! – Шлыков потрогал концом своей клюшки мусорную кучу.

– Пожалуй, вы правы, – помолчав, ответил Вейнбергер. На этом их разговор закончился...

Вейнбергер так и не разобрал мусорные кучи, и спрятанные в них части компрессоров благополучно дождались наших...

* * *

Было одно место на комбинате, которое беспокоило Штифта, пожалуй, даже больше, чем что-либо другое: силосные башни.

Наши, уходя из Краснодара, зажгли хлопковое и подсолнечное семя, хранившееся в этих башнях. Вначале Штифт отнесся к этому равнодушно: семя все равно потеряно, а горит оно или не горит, ему до поры до времени было безразлично.

После прихода немцев рядом с силосными башнями был устроен крупный артиллерийский склад.

Очень скоро немцы поняли, что совершили непростительную ошибку: по ночам горящее семя отбрасывало вверх, в темное небо, огненные столбы, и они служили прекрасным ориентиром для советских самолетов.

Немецкое командование забеспокоилось. Комендант города приказал Штифту немедленно потушить пожар. Бетрибсфюрер попробовал было выполнить приказ, но сделать это силами рабочих комбината не удалось: огненные столбы по-прежнему вздымались по ночам ввысь. На пожар были брошены немецкие саперы. Они умело взялись за это дело, и через неделю огонь начал стихать.

Теперь пришла очередь волноваться нашим. Арсений Сильвестрович вызвал в «Камелию» Лысенко и передал ему приказ штаба партизанского движения Юга: снова «раздуть пожар».

Лысенко, получив этот приказ, вспомнил об Остапчуке.

Этот щупленький, невысокого роста начальник пожарной охраны комбината до войны был грозой наших директоров. Стоило кому-нибудь из них не выполнить какого-нибудь даже самого незначительного правила противопожарной охраны, как Остапчук начинал бить во все колокола и не успокаивался до тех пор, пока не добивался своего. Он был поистине энтузиастом и мастером своего дела.

Незадолго до оккупации с ним случилось несчастье: на пожаре, вспыхнувшем во время одного из очередных налетов немецких бомбардировщиков, он жестоко обжег себе ноги и теперь, тяжелобольной, лежал дома. Вот к нему-то и отправился Лысенко посоветоваться.

Остапчук внимательно выслушал Свирида Сидоровича и решительно заявил:

– Пойду посмотрю. Может, что-нибудь и надумаю...

Лысенко долго отговаривал его, уверял, что он не дойдет, что вконец покалечит свои ноги, но на все уговоры Остапчук отвечал:

– Кроме меня, некому заняться этим делом! Пойду...

Как добрался Остапчук до силосных башен и как у него хватило на это сил, известно ему одному. Он и пролез в подземный коридор под башнями, пробыл там с полчаса и вылез обратно. Но домой дойти уже не смог: пришлось товарищам нести его на руках...

– Позовите ко мне Лысенко, – твердил он, морщась от боли. – Чтобы сегодня же пришел. А то поздно будет...

Лысенко тотчас явился к нему.

– Все в порядке, товарищ Лысенко, – сказал Остапчук, когда Свирид Сидорович уселся у его кровати. – Все в порядке: пожар раздуем. Только мне помощь нужна. Прежде всего, парня поздоровее, чтобы сила у него в руках была. А второе – деревянный ящик. – Остапчук точно указал размеры этого ящика. – Верхнюю крышку надо снять, а в трех боковых стенках пробить отверстия. – Остапчук объяснил, как и какой величины надо сделать отверстия. – Вот и все, товарищ Лысенко! А завтра я огонек раздую...

Но на следующий день Остапчук не смог встать с постели. Только на третий день он с превеликим трудом снова смог добраться до силосных башен. Ему помогал Миша,

слесарь батуринской бригады из механических мастерских, крепкий, жилистый паренек, на которого можно было положиться.

– Вошли мы с Остапчуком в подземный коридор, – рассказывал потом Миша. – Темным-темно... Одно спасение – электрический фонарик. Прошло минут пять – останавливает меня пожарник. «Тут, – говорит. – Свети наверх». Вижу тяжелую чугунную задвижку. «Тяни, Миша». Добрых полчаса возился я с этой проклятой задвижкой, все руки отмотал, но все же отодвинул. Над ней – железная решетка. «Ящик давай», – приказывает Остапчук. Ящик этот я еще накануне туда доставил. Открытой стороной прислонили мы ящик к решетке, а под него всякого мусора наложили. Мусором завалили и ту сторону ящика, в которой отверстий не было. «Ну, вот и все, – говорит Остапчук. – Теперь тяга подходящая». И только тут я понял, что задумал пожарник: решетка была от вентиляционного хода, а отверстия в стенках ящика Остапчук велел сделать для того, чтобы воздух проходил из коридора к решетке. Мусор же мы навалили для маскировки. Перехитрил пожарник немцев – до прихода наших горели силосы, и ничего немчура с ними сделать не могла... Обратного Остапчук идти не мог. Пришлось его на руках, как ребенка, тащить. Я его несу, а он стонет от боли. Когда я вынес его наружу, он совсем сомлел. Побежал я за подмогой. Мы с ребятами благополучно донесли его домой и уложили в постель. Он был почти без сознания. Но все же сказал: «Миша, ступай к Лысенко и доложи ему: все в порядке...»

Как-то раз под вечер к Лысенко на мылозавод словно мимоходом заглянула Скокова. Он вышел из цеха: Скокова поджидала его на темной площадке лестницы.

– Свирид Сидорович, – шепнула она, – я только что слышала, как Штифт говорил, что на днях к нам приедут Родриан и немецкие инженеры. Уж они-то, наверное, будут поопытнее этих спесивых индюков вроде Штифта!.. Не мешало бы подготовить наших товарищей... До свидания, спешу!.. Спасибо за перевод в контору, Свирид Сидорович! – добавила она.

Лысенко сейчас же взял сломанную деталь и направился к начальнику механических мастерских Батурину. Найдя его в конторке, Лысенко подождал, когда ушли посторонние, и негромко сказал:

– Товарищ Батурин, часа через два зайди к Покатилову – есть серьезное дело. Да пришли, только осторожненько, к нему всех коммунистов. Не забудь предупредить их об осторожности!.. Теперь дай мне другую деталь вместо этой сломанной. И сам, когда пойдешь к Покатилову, веди себя поаккуратнее: за тобой, как и за мной, могут особенно следить немцы. Они ведь тоже не дураки!..

В далеком, темном углу подвала теплоцентрали по заданию Лысенко Покатилов давно уж присмотрел убежище с запасными выходами.

Когда Лысенко следом за Покатиловым пробирался по нескончаемым переходам подземелья, то он, несмотря на то что бывал здесь много раз, когда строили ТЭЦ, все же очень скоро потерял ориентировку.

– Пришли, – сказал наконец Покатилов.

Лысенко различил в темноте вспышки папирос в плотной массе сидевших прямо на земляном полу людей.

Когда он поднял руку, поправляя сбившуюся фуражку, то коснулся потолка. «Сидим в дымоходе», – подумал Лысенко.

– Теперь все в сборе, – сказал Покатилов. – Можно, Свирид Сидорович, начинать. Мои ребята караулят. При тревоге нужно рассыпаться по запасным ходам.

Лысенко с невольным волнением всматривался в сидящих перед ним людей. Это было первое подпольное партийное собрание на комбинате после прихода немцев.

– Товарищи, – сказал Лысенко, – партийное собрание, хотя по известным причинам и не в полном составе, полагаю, можно считать открытым. Возражений нет?.. Хорошо... Предлагаю избрать председателя, а секретаря нам не потребуется: он ведь все равно ничего не запишет, да и писать-то нельзя! Каждый будет сам себе секретарь!.. Ну, называйте кандидатуру председателя, да не теряйте даром времени: оно у нас исчисляется минутами.

– Да что говорить? – сказал водопроводчик Соколов. – Я предлагаю товарища Лысенко председателем!

Все присутствовавшие дружно поддержали это предложение.

– Докладывать придется тоже мне. Буду краток, – сказал Лысенко. – В порядке отчета скажу, что почти все мероприятия, намеченные нашей партийной организацией и утвержденные подпольным горкомом партии, проведены в жизнь. Но сейчас возникает серьезное осложнение. За этим-то я и собрал вас сюда. Нам стало известно, что кроме немецких инженеров в скором времени сюда приедет сам Родриан. Здесь немало старых рабочих, хорошо помнящих Родриана. Он хитрее наших остолопов вроде Штифта и Штроба и понимает в этом деле больше их. Родриан – их начальник, и нам придется быть с ним весьма осторожными... К сожалению, у наших исполнителей партийных заданий за последнее время появились признаки непоправимого пренебрежения к врагу. Это неизбежно приведет к срыву нашего дела. Вот, к примеру, механический цех. Якобы восстанавливая оборудование, он делает явный брак. Так работать нельзя. Так немецких инженеров и тем более Родриана не проведешь. Этот саботаж они тотчас же разгадают, ведь он шит белыми нитками. Надо работать как бы по-настоящему, даже, пожалуй, с еще большим усердием, но делать все так, чтобы работа не давала никаких результатов. Возьмите себе примером хотя бы то, что делал на маргзаводе с локомотивом сидящий здесь Кухленко. Он измотал приставленного к нему инженера-теплотехника, которому не помог не только Штроба, но и Штифт. Пожалуй, вряд ли догадается, в чем дело, и сам Родриан! Или возьмите то, что мы сейчас делаем с производством шпейзефета. Неплохо справляется со своей задачей покатиловская компания, не говоря уже о товарищах с гидрозавода. Но механические мастерские могут подвести всех. Я, как ваш партийный руководитель, мог бы просто приказать им, тем более что сейчас собирать партийные собрания очень опасно. Мне хотелось бы, чтобы все присутствующие здесь прониклись сознанием того, что они выполняют очень ответственную и важную государственную задачу. Понимание этого – верный залог успеха наших операций. Здесь присутствует кое-кто из наших комсомольцев. С ними я поговорю отдельно, собрав их, возможно, в другом месте. Мне хочется сказать им: что случайно удалось сегодня, то сорвется завтра. А этот срыв может грозить арестом и провалом всей организации, чем мы не имеем права рисковать. Бояться врага не следует, но остерегаться его нужно обязательно. Знать больше, чем он, быть умнее его – это в нашей неравной битве основное правило. Здесь слишком темно. Многие так и не узнают, кто же был на этом собрании. Собирая вас здесь, я хотел, чтобы вы почувствовали и поняли, что в этом деле, в этой борьбе вы не одиноки. Твердо знайте и помните, что та битва с врагом, которую мы проводим, часто переходит в поединок одного подпольщика со многими, хорошо вооруженными врагами. Поэтому я советую в каждом деле предусматривать самое худшее, что может произойти. Но при этом

твердо помните, что даже ваша смерть может принести великую пользу нашему общему делу борьбы за освобождение Родины... Ну, вот, товарищи, я кончил. Какие будут вопросы?

Вопросов было много. Лысенко коротко отвечал.

Начались прения. Но они грозили затянуться: высказаться хотелось всем, всем хотелось поговорить по душам в своей среде.

Наконец председатель поставил на голосование вопрос о прекращении прений.

Все понимали, что это не обычное партийное собрание: нужно было поскорее окончить его и уйти.

Сидя в темном подвале, все напряженно вслушивались в неясные звуки, долетавшие извне. Порой казалось, что выход уже окружен немцами...

Лысенко, закрывая собрание, сказал, что от темноты в подземелье, несомненно, у многих разыгралось воображение, но что все спокойно: Покатилов несколько раз проверял, нет ли опасности.

– Мне не стоит напоминать, – закончил Лысенко, – что необходимо строжайшее молчание о том, что мы были здесь на собрании, о моем отчете и о полученных директивах. Нарушение этого – прямая измена Родине и нашей партии... Давай, Покатилов, выводите всех постепенно наружу...

Это собрание сыграло большую роль в работе подпольщиков на комбинате. Люди приободрились, почувствовали свою сплоченность и с новыми силами продолжали свою трудную и опасную работу.

* * *

Дома Лысенко встретил встревоженный Котров.

– Беда, Свирид Сидорович... Валя заболела... Жар у нее: тридцать девять...

Валя металась, бредила. Срочно нужен был доктор. Но первого попавшегося доктора не позовешь: Валя нелегально жила у Свирида Сидоровича. Лысенко решил попытаться счастья у доктора Булгакова, хотя прекрасно знал, что Булгаков на дом к больным не ходит. Но другого выбора не было. Лысенко был хорошо знаком с Булгаковым и был уверен, что тот не выдаст Валу.

– Беги, Иван! И без доктора не возвращайся...

Уж не знаю, что сказал Котров Булгакову, но доктора он привел. Булгаков осмотрел Валину рану, нашел нагноение, присыпал стрептоцидом и заверил, что ничего страшного нет.

Несмотря на поздний час, Лысенко оставил Булгакова пить чай. И вот за чаем Булгаков рассказал Свириду Сидоровичу о странном пациенте, который лежал у него в больнице.

Это был раненый русский лейтенант. По распоряжению немцев его доставили в больницу из концентрационного лагеря. Немцы за ним ухаживали, присылали ему подарки. Не так давно его посетил адъютант полковника Кристмана, шефа гестаповцев. А вчера приезжал и сам полковник... Лейтенант нервничает, отказывается от немецких подарков. В бреду говорит об отце, о каких-то шпионах...

– Не помните ли вы, доктор, фамилию этого лейтенанта? – спросил заинтересованный Лысенко.

Булгаков назвал фамилию, которую Лысенко хорошо знал. На следующий день Лысенко зашел в «Камелию» и рассказал Арсению Сильвестровичу о раненом лейтенанте.

Глава VIII

Об этом юноше, о котором я хочу теперь рассказать, мало кто знал в Краснодаре во время немецкой оккупации: такая уж работа выпала на его долю.

За долгие месяцы подполья он, по существу, никогда не оставался самим собою. Он должен был играть трудную, опасную, чуждую ему, человеку с доброй, открытой душой, роль. Оставаясь неузнанным, скрытый от друзей искусной маской, он шел тяжелым и страшным путем, который каждую минуту мог привести его к разоблачению и смерти или к тому, горше чего нет на свете, – к позорной кличке «предатель».

Впрочем, ему посчастливилось. Никто из его друзей не бросил ему в лицо это слово. Но разве это уменьшает всю тяжесть того испытания, которое он добровольно взвалил на свои плечи? И разве это хотя бы в какой-то мере умаляет его никому в те дни не ведомый героизм?..

Мне хотелось бы назвать его подлинное имя. К сожалению, по ряду причин я не волен это сделать даже теперь. Я назову его Жорой: так одно время называл его Арсений Сильвестрович, и под этим именем он был известен очень ограниченному кругу подпольщиков. Но я хочу еще раз подтвердить: в моем рассказе о нем, кроме вымышленного имени, все правдиво и точно.

Я хорошо знал отца Жоры. Больше того – мы были друзьями. Впервые мы столкнулись на подпольной работе в Петербурге, а в годы гражданской войны мы бок о бок дрались с белыми под Царицыном. Потом наши пути разошлись: я остался на Кубани, а отец Жоры уехал за границу, на ответственную работу в нашем торгпредстве в Берлине.

Ему нелегко пришлось на чужбине: фашисты весьма настойчиво охотились за ним, стараясь переманить на свою сторону. Это была тяжелая борьба. Его шантажировали, пытались подкупить, но он оказался неподкупным. Грозили смертью – он не испугался угроз.

Там, в Германии, отец Жоры, потомственный черноморский казак, уроженец Краснодара, тосковал о родине, о кубанских степных просторах, пирамидальных тополях, белых хатах станиц, о буйном весеннем цветении станичных садов...

«Хочу к себе, домой, – писал он мне из Германии, – в белую мазанку, где-нибудь на окраине Краснодара...»

Давно похоронив жену, он души не чаял в своем единственном сыне, которого в этой книге я назвал Жорой. Когда сын подрос, отец выписал его к себе.

Жора прожил в Германии несколько лет. Он получил в Берлине диплом инженера. Говорил по-немецки, как природный немец. Но так же, как отец, горячо любил родину – родную Кубань, где родился и провел свою юность.

Года за два до войны отец Жоры серьезно заболел. Врачи запретили ему работать. И тут, наконец, сбылась его мечта: он вернулся на родину и поселился на окраине Краснодара.

Война снова поломала его жизнь: немцы подходили к Краснодару, ему пришлось эвакуироваться в Ташкент. Жора ушел в армию.

И надо же было случиться так, чтобы в жаркие августовские дни 1942 года Жора, лейтенант зенитной артиллерии, оказался под Краснодаром!

Девятого августа, еще до рассвета, его вызвал к себе командир артдивизиона и приказал снять посты наблюдения вплоть до станицы Ново-Марьинской. Жора на грузовике быстро добрался до крайнего поста. Найдя старшего сержанта, он передал ему приказ немедленно грузить имущество на машину.

Рассвело. На востоке показалось солнце. А на западе, из предутреннего тумана, поднявшегося к небу, внезапно появилась стая «мессершмиттов». Они шли бомбить наши переправы на Кубани. Связь с Краснодаром еще действовала, и Жора передал о подходе немецких самолетов.

После этого он вскочил в машину и приказал гнать в Краснодар. Но мотор заупрямился, и водитель не мог его завести.

Неожиданно вдали на дороге показалось облако пыли. В бинокль Жора отчетливо увидел колонну мотоциклов, разглядел и зеленые куртки немецких солдат.

В кузове машины стояли счетверенные зенитные пулеметы. Жора спокойно выждал, когда колонна подошла достаточно близко, и дал длинную очередь. Колонна остановилась. Зеленые фигурки рассыпались в разные стороны.

Минуты две стояла тишина. Потом резко застрекотали пулеметы. Но к этому времени шофер Жоры уже справился с мотором, и машина на предельной скорости помчалась в Краснодар.

Там, где в шоссе вливается дорога с аэродрома, из канавы по машине ударили немецкие автоматчики. Водитель покачнулся. Его голова опустилась на баранку руля.

Жора перехватил руль и прибавил газ.

Показались первые белые домики города. Над машиной жужжали пули. Низко пригнувшись к рулю, Жора продолжал вести машину.

Из переулка сбоку наперерез неожиданно вырвался немецкий мотоцикл. Жора не успел затормозить... Удар. Машина останавливается. Под колесами – изуродованный мотоцикл и окровавленный труп немецкого солдата.

Жора соскакивает на мостовую. Но из того же переулка появляются новые мотоциклы. Жора бьет по ним в упор из пистолета. Передний мотоцикл, круто развернувшись, падает в канаву. Но Жора не успевает перезарядить пистолет: жгучая боль обжигает грудь...

Он приходит в себя на закате солнца и вначале ничего не может понять. Над головой – окрашенное вечерней зарей небо. Вокруг – десятки, сотни людей. Они сидят и лежат прямо на пыльной земле. Рядом кто-то бредит. Слышатся стоны... Жора пытается приподняться – и падает от нестерпимой боли в груди.

Отлежавшись, он осматривается. Он видит невдалеке от себя высокую ограду из колючей проволоки, за ней – знакомые очертания завода имени Калинина и стадиона «Динамо», а в углу ограды – высокий грибок поста. На площадке стоит тяжелый пулемет и около него – немецкий часовой.

«Плен... Концентрационный лагерь...»

Эта догадка мучительней той боли, что минуту назад свела судорогой тело.

Жора не помнил, сколько времени провел он в лагере. Горели раны, томила жажда, мутился рассудок. Явь переплеталась с бредом... То он видел отца, сидящего в палисаднике около их краснодарского домика, то аудиторию немецкого института. К нему подходит профессор, о чем-то спрашивает Жору... И вот уже нет профессора. Вместо него – немецкий офицер. Он грубо обыскивает карманы Жоры и несколько раз вслух повторяет его фамилию...

– Вы жили в Берлине?.. Ваш отец работал в советском торгпредстве? Вы учились в берлинском институте?.. – спрашивает немецкий офицер. И Жоре кажется, что он когда-то давно видел этого немецкого офицера...

Потом – провал в памяти, – и вот небольшая светлая комната. Жора лежит на кровати. Рядом сидит человек в белой докторской шапочке.

– Где я? Кто вы такой? – спрашивает Жора.

– Вы в больнице. Я – доктор. Молчите – вам вредно говорить.

– Почему я здесь?

– Вы ранены, – сухо отвечает доктор Булгаков, и Жора улавливает в его голосе скрытую неприязнь.

Потом доктор уходит. На его место садится сестра, молоденькая, молчаливая девушка-черкешенка. У Жоры снова начинается бред: он снова видит отца и того немецкого офицера, что обыскивал его карманы в лагере... Где он встречался с ним?

На следующее утро Жоре подают чашку какао. Потом приходит доктор и кладет на ночной столик две плитки дорогого шоколада. Жора недоуменно смотрит на Булгакова.

– Это прислали вам, – коротко говорит доктор.

– Кто?

– Не все ли равно... господин лейтенант?

– Нет, не все равно, доктор, – резко отвечает Жора. – Кто прислал? Говорите!

– Ну, уж, если вам так угодно... Адъютант полковника Кристмана, шефа гестаповцев.

– Кто? – кричит Жора, приподнимается на постели, но снова бессильно падает на подушки.

– Успокойтесь. Вам нельзя волноваться.

Стиснув зубы от боли, лейтенант медленно приподнимается, хватая здоровой рукой плитки шоколада и с силой швыряет их на пол.

– К черту! – кричит он. – К черту!..

В этом крике выливается все его возмущение гнусным посягательством на неподкупное достоинство советского человека, на честь советского офицера. Только так расценивает он немецкий «подарок»...

И в ту же минуту ему кажется, что он проваливается в какую-то темную пропасть... Он теряет сознание.

Когда Жора приходит в себя, он видит над собой встревоженное лицо доктора. Но теперь в нем уже нет прежней отчужденности, Жоре кажется, что глаза Булгакова светятся теплотой и участием.

– Поймите одно, – тихо говорит доктор. – Главное: быть здоровым и сильным. Только тогда вы сможете сделать все, что сочтете нужным. Сейчас вам требуется прежде всего покой: никаких волнений, расспросов и тем более вот таких... выходок с шоколадом...

Проходит еще четыре дня. Жора заметно поправляется. У его постели ночью дежурит сестра. Днем его часто навещает доктор. Жора пытается расспросить доктора о положении на фронте, о жизни в Краснодаре, об этом проклятом немецком офицере, но Булгаков неумолим.

– Нет. Ни слова не услышите вы от меня до тех пор, пока не поправитесь...

Жора нервничает: знакомое лицо немецкого офицера не выходит из головы. Что нужно адъютанту полковника Кристмана от него, раненого русского лейтенанта?.. И почему его перевели из лагеря в больницу?

На следующий день Булгаков приносит Жоре аккуратно свернутый пакет.

– Здесь вино, шоколад, какао, сливочное масло, сгущенное молоко. Это именно то, что вам сейчас особенно нужно. Не скрою: все это принес тот же немец. Я зайду к вам через десять минут. А вы спокойно подумайте...

Доктор быстро выходит из комнаты. А когда через четверть часа он снова возвращается к Жоре, тот лежит с закрытыми глазами.

– Вы спите? – тихо спрашивает Булгаков.

– Нет, не сплю. – В голосе Жоры доктор улавливает такое спокойствие, какое обычно бывает у человека, принявшего твердое, бесповоротное решение. – Я не сплю. Я просто очень устал. Мне хочется отдохнуть. Я попытаюсь уснуть. Только попрошу вас, доктор: унесите отсюда этот сверток...

Доктор внимательно смотрит на Жору, хмурится. Жора молчит. Он лежит с закрытыми глазами. Доктор берёт сверток и бесшумно выходит из палаты.

* * *

Вечером кто-то осторожно постучал в дверь палаты, в которой лежал Жора.

– Darf ich herein? [9 – «Можно войти?» – нем.]

– Herein! [10 – «Войдите!»] – по-немецки же машинально ответил Жора.

В комнату вошел немецкий офицер, высокий, стройный, затянутый в ловко сшитый мундир. От него пахло тонкими французскими духами, розовые щеки лоснились от бритья, пробор был выведен как по ниточке.

Жора вздрогнул: перед ним стоял офицер, которого он видел в бреду в тот памятный день, когда, обессиленный от потери крови, лежал в лагере у завода Калинина.

– Здравствуйте, коллега! – весело приветствовал его немец, садясь на стул у кровати. – Какие неожиданные сюрпризы преподносит нам война! Мог ли я думать, что встречу старого знакомого где-то на Кубани, раненного, истекающего кровью? Но вы, кажется, не узнаете меня? Неужели я так изменился?

– Нет, не узнаю, – ответил Жора.

Немец, добродушно улыбаясь, продолжал непринужденно болтать.

– Ну что же, я попробую вам помочь. Итак, давайте вспоминать... Берлин... Ранняя весна... Идет письменный экзамен по сопротивлению материалов. Один из студентов быстро решил задачу. Но у его соседа дело не клеится. А ему надо сдать экзамен во что бы то ни стало: иначе грозит пренеприятный разговор с отцом...

– Отто Штейнбок! – невольно воскликнул Жора.

Он отчетливо вспомнил экзамены в берлинском институте, своего соседа по парте и задачу, решение которой он подсказал этому напوماженному немцу...

– Наконец-то! – Штейнбок весело рассмеялся. – А я вас сразу узнал. Хотя, должен сказать, в лагере вы были... далеко не в форме... Ну, да теперь это дело прошлое. Надеюсь, здесь за вами хороший уход, коллега?

Жора не успел ответить, как немец снова заговорил:

– И представьте, какое стечение неожиданностей! Я докладываю о вас моему шефу, полковнику Кристману, а он мне заявляет, что прекрасно знал вашего отца по Берлину и очень уважал его. Должен сознаться, это не по моей, а по его инициативе вам доставляли сюда маленькие посылочки. Но, к сожалению, до меня дошли сведения, что вы не воспользовались ими. Вас не устроило их содержимое, очевидно? Это уже моя вина: надо было предварительно справиться о ваших вкусах. Может быть, вам прислать апельсины? Мы получили на днях прекрасные неаполитанские цитрусы. Буквально тают во рту...

Кровь бросилась Жоре в лицо. Он сделал нетерпеливое движение.

– Можете не беспокоиться, господин Штейнбок, – оборвал он немца. – Я у вас ничего не прошу и от вас ничего не приму.

– Узнаю вас, узнаю! Вы все тот же непримиримый, – ортодокс! Впрочем, я вас понимаю: нервное потрясение, раны, потеря крови... Но, я надеюсь, вы скоро поправитесь, отдохнете. И все постепенно устроится...

– Не понимаю, о чем идет речь. Ничего не устроится, господин лейтенант!..

Скрипнула дверь. На пороге появился Булгаков.

– Время истекло, господин лейтенант. Я вас предупреждал: больной еще очень слаб...

– Виноват, доктор! Но мы не виделись добрых три года! Да нет, пожалуй, даже четыре. И, естественно, заболтались. Сколько воспоминаний! Ухожу, ухожу... Да, чуть было не забыл самого главного. Мой шеф, полковник Кристман, просил передать вам, коллега, пожелание скорейшего выздоровления. «Скажите больному, – сказал он мне, – что на днях, как только выберу свободную минутку, непременно заеду пожать руку сыну моего старого знакомого, к которому и до сих пор чувствую большое, искреннее уважение...»

Жора пристально смотрел на немца. Видно, у него мелькнула какая-то мысль, он опустил глаза и спокойно сказал:

– Передайте вашему шефу, господин лейтенант, что я буду рад его видеть.

Немец бросил быстрый, настороженный взгляд на Жору.

– Вот и прекрасно! – дружески проговорил он. – Желаю вам скорейшего выздоровления. До свидания, коллега!

И, щелкнув каблуками, Штейнбок вышел из палаты.

Проводив гостя, Булгаков вернулся к Жоре. Тот лежал без сознания. Голова его сползла с подушки, одеяло упало на пол, на бинтах выступили яркие пятна крови. Долго пришлось возиться доктору, пока Жора наконец пришел в себя.

– Штейнбок ушел? – шепотом спросил он.

...Ночью, проходя по коридору, Булгаков услышал приглушенные голоса в палате Жоры. Доктор открыл дверь. У постели сидела сестра – та самая девушка-черкешенка по имени Бэлла, которая с самого начала почти безотлучно находилась около Жоры. Разговор оборвался. Булгакову показалось, что Жора что-то сунул под подушку.

– Что случилось? Вам плохо? – спросил Булгаков.

Сестра смущенно молчала, но Жора ответил:

– Пустяки, доктор! У меня немного закружилась голова, и сестра дала мне порошок. Теперь все прошло...

Булгаков решил завтра же утром хорошенько расспросить сестру о ночном разговоре, но утро принесло новые заботы, и доктор забыл поговорить с Бэлкой.

* * *

Полковник Кристман, шеф гестаповцев, пришел навестить Жору в конце следующего дня. Среднего роста, склонный к полноте, с седыми волосами, стриженными «под бобрик», он неторопливо вошел в комнату, спокойно и коротко отрекомендовался: «Полковник Кристман» – и сел на стул у кровати. Все это он проделал так, будто уже много раз бывал здесь.

Жора не ожидал, что Кристман появится так скоро. Он побледнел и, приподнявшись на кровати, уставился на полковника. Потом быстро сунул руку под подушку. Но, как видно, не рассчитал своих сил: застонав, он бессильно откинулся на спину, а из-под подушки скользнул по простыне какой-то узкий, блестящий предмет и с металлическим звоном упал на каменные плитки пола...

Кристан сделал вид, что ничего не заметил. Он спокойно положил ногу на ногу и заговорил с Жорой по-русски:

– Я только что беседовал с доктором. Он сообщил мне, что вы еще очень слабы, что у вас повышенная нервозность и вас не следовало бы беспокоить. Но я все-таки позволил себе зайти к вам. Дело в том, что сегодня вечером мне придется на несколько дней выехать из Краснодара, а мне не хотелось бы откладывать этот разговор на неопределенное время. Я постараюсь быть кратким.

Кристан вынул портсигар, закурил.

– Я вас знаю довольно давно, господин лейтенант. Особенно хорошо я знаю вашего отца. Вся его работа в Берлине прошла на моих глазах. Мне известно, что наши агенты усиленно пытались завербовать его – и потерпели неудачу. Ваш отец оказался неподкупен и тверд. И за это я уважаю его.

Жора невольно поднял голову с подушки, с напряженным вниманием вслушиваясь в слова Кристана.

– Вас это удивляет? Вы долго жили в Германии, окончили берлинский институт, и мне казалось, вы должны были бы понять нас, немцев... Первой заповедью настоящего немца была и осталась преданность великой Германии и нашему фюреру. К этим настоящим немцам я осмеливаюсь причислить и себя... Я много, много пережил. В свое время я кончил Лейпцигский университет. Потом был солдатом первой мировой войны и до дна выпил чашу горечи нашего поражения. Я был социал-демократом и вот – стал нацистом. Но кем бы я ни был – всего себя, все силы, всю волю я отдавал на то, чтобы из побежденной страны Германия превратилась во владыку мира, каким увидело ее сейчас человечество. Теперь судите сами, как же после всего этого я мог не уважать вашего отца, верного, неподкупного слугу своей родины? Я даже скажу вам больше... Тогда, в Берлине, я не раз говорил своим работникам: смотрите на этого человека и будьте такими, как он...

Кристан поднялся, прошелся по комнате и снова сел на стул у кровати.

– Перейдем к делу... Мы пришли на Кубань. Пришли навсегда. Но для нас Кубань – не Белоруссия и не Украина. Там – мы победители, завоеватели, господа. Здесь – мы друзья Кубани. Таково указание фюрера. И вот поэтому я и пришел к вам...

– Чтобы повторить историю с моим отцом и попытаться сделать из меня шпиона? – Грудь Жоры тяжело подымалась и опускалась. Его глаза следили за каждым движением немца.

– Я не так примитивен, как вы себе представляете, – ответил Кристан. – Я знаю, вы – точный слепок вашего отца и ни при каких обстоятельствах не станете шпионом. Да мне и не надо этого. Я пришел предложить вам союз и просить вашей помощи во имя блага вашего народа... Я уже сказал: мы явились сюда, на Кубань, друзьями – такова воля фюрера. Но среди нас есть ограниченные люди с чересчур прямолинейным мышлением. Они не знают вашего народа. Они не знают его обычаев, священных традиций. Не скрою от вас: мы допустили кое-какие ошибки, некоторые мои работники погорячились – и, возможно, пострадали невинные. Вот именно для того, чтобы эти ошибки не повторялись, чтобы не было ненужных жертв, я и прошу вас быть моим советчиком и консультантом. Не больше! Мне кажется, я правильно остановил свой выбор на вас: вы – казак, вы знаете свой народ, родную Кубань, вы – патриот, и кубанцы вам поверят, как сыну честного кубанского казака, широко известного в крае. Я не предлагаю ничего, порочащего вас, ничего, что в какой-либо мере могло бы оскорбить ваше чувство патриотизма. Наоборот: я зову вас стать

активным другом вашего народа, его защитником. Вы поняли меня? Никаких шпионских сведений, никакой измены, никакого предательства! Только помощь в налаживании дружбы между великой Германией и славным кубанским казачеством. – Кристман помолчал. – Что же вы ответите мне?

– Я не верю вам, – проговорил Жора.

– Я ждал этого ответа: обстоятельства, естественно, заставляют вас быть настороженным. Но, поверьте, я не желаю вам зла. И, чтобы не быть голословным, приведу вам маленькое доказательство этого.

Кристман медленно наклонился и поднял с пола небольшой остро отточенный кинжал, который обычно в аулах носят черкесские девушки.

– Этим кинжалом, – сказал Кристман, не повышая голоса, – вы хотели убить меня. Другой на моем месте приказал бы вас повесить. А я предлагаю вам союз и никогда больше не вспомню об этом.

– А если я... откажусь? – спросил Жора.

Кристман пожал плечами.

– С вами поступят, как с обычным военнопленным – и ничего более. Прошу вас – подумайте... Я не хочу неволить вас быстрым ответом. Но помните: чем скорее вы решитесь, тем меньше будет невинных жертв, тем лучше будет для Кубани и лично для вас, конечно. Этот кинжал я возьму себе на память. До свиданья. Поправляйтесь.

Кристман кивнул головой и вышел.

В коридоре полковника поджидал Булгаков.

– Слушайте меня внимательно, доктор! – Кристман говорил холодно и строго. – Раненый должен выздороветь. Все, что вам потребуется для этого, получите через моего адъютанта. Помните: если молодой человек неожиданно умрет или исчезнет из больницы, я прикажу содрать с вас живого кожу.

Не дожидаясь ответа, полковник вышел на крыльцо и сел в машину...

* * *

В один из ближайших дней Булгаков, как обычно, принимал больных. Последним из числа записавшихся был коммерческий директор акционерного общества «Камелия». Он недолго задержал доктора: почтенный старик с седой бородой попросил проверить его сердце и выслушать легкие. У него оказался склероз, свойственный его возрасту, а беспокоивший его кашель был горловым и не вызывал никаких опасений.

– Простите, доктор, – сказал Арсений Сильвестрович Булгакову, когда тот протянул ему рецепт. – Знакомые говорили мне, что у вас в больнице лежит раненый русский офицер. По всем признакам – это мой племянник. Я прошу вас разрешить мне навестить его.

– Нет, это невозможно, – ответил Булгаков. Он хорошо помнил предупреждение Кристмана.

– Поверьте, доктор, мое посещение ему крайне необходимо! – в голосе Арсения Сильвестровича звучала глубокая взволнованность. Доктор Булгаков подумал о странных посещениях немцев, о тревожном состоянии раненого лейтенанта и сказал:

– Хорошо. Идите... Последняя дверь направо. Но только недолго.

Арсений Сильвестрович был старым другом семьи Жоры, и Жора тотчас узнал его, несмотря на то что седая борода, которую Арсений Сильвестрович отпустил перед уходом в подполье, изменила его облик.

Жора рассказал коммерческому директору обо всем пережитом – о лагере, о переводе в больницу, о немецких подарках, об адъютанте Штейнбоке, о Кристмане и его предложении, о злополучном кинжале. Это ведь был первый человек, с которым он мог открыто поделиться всем, что терзало и мучило его.

– По ночам у меня в комнате дежурит сестра Бэлла, милая черкесская девушка, – рассказывал Жора. – В ночь перед приходом Кристмана я случайно увидел у нее небольшой кинжал – маленький, острый клинок, который обычно носят девушки-черкешенки. Я упросил Бэллиу дать мне этот кинжал. Я хотел убить Кристмана... Но когда Кристман пришел... Это было так неожиданно... кинжал выпал у меня из рук... Скажите, что мне делать?

– Что делать? – тихо переспросил Арсений Сильвестрович. – То же, что сделал бы твой отец на твоём месте: бороться.

– Бороться? Но как? Я в плену, я не могу шевельнуть рукой. За мной, я уверен, следят агенты Кристмана. Мне не убежать отсюда... Нет, я уже бессилён бороться. Мне остаётся одно – умереть!..

Арсений Сильвестрович молчал, не спуская с Жоры глаз.

– Я думал, ты тверже и разумнее, – проговорил он.

– Но что же мне делать? – повторил Жора. – Что?

– Согласиться! Идти к Кристману.

– Как? Быть немецким шпионом? Никогда!

– Это нужно сделать, мой друг! Ты пойдёшь работать в гестапо. Вначале Кристман будет скромен: он – умная и хитрая bestия. Но с каждым днём он будет становиться смелее. Он потребует от тебя предательства. Ну что ж, тогда мы бросим ему кость... Ты должен смотреть за ним в оба. И – кто знает? – может быть, ты сумеешь спасти десятки жизней, схватить самого Кристмана за горло и поможешь нам нанести ему удар... Словом, ты будёшь нашим разведчиком в гестапо.

– «Нашим»?..

– Мы не одни с тобой остались в Краснодаре. Нас много. Каждый из нас делает своё дело, и никто не отчаивается, никто не думает о смерти... Слов нет: бороться с Кристманом трудно. Но разве это не то самое, чему учила тебя партия, чему учил отец, о чём ты сам мечтал: быть на самом опасном посту, быть в первой штурмующей шеренге, когда грянет бой? Партия оказывает тебе эту честь: я говорю с тобой не только как друг твоего отца, но и как представитель штаба партизанского движения Юга, как представитель партии...

Жора молчал. Он лежал бледный, неподвижный, сдвинув брови, и смотрел в одну точку на потолке. Арсений Сильвестрович не торопил его. Он понимал: сейчас Жора решает судьбу своей жизни...

– Вы мне поможете, Арсений Сильвестрович? – спросил наконец Жора.

– Мы все будем бороться с тобой рука об руку. Но об этом поговорим потом – я ещё загляну к тебе. А пока поправляйся, набирайся сил. Когда к тебе явится Кристман, скажи ему «да»...

Через несколько минут после ухода Арсения Сильвестровича Булгаков пришёл к Жоре – и не узнал своего пациента.

– Долго мне ещё валяться, доктор? – встретил его Жора вопросом. – Я готов следовать всем вашим предписаниям, только скорее поставьте меня на ноги.

В течение следующей недели коммерческий директор «Камелии» дважды приходил на приём к доктору Булгакову и каждый раз навещал Жору.

Спустя десять дней к больному снова явился лейтенант Штейнбок. Жора просил его передать полковнику Кристману одно слово: «Согласен».

Так Жора поступил на службу в гестапо.

Глава IX

Однажды рано утром Краснодар был взволнован объявлением городской управы, расклеенным на заборах и стенах домов. В объявлении говорилось, что сегодня в три часа дня немцы проведут через город партию русских военнопленных. Дальше сообщалось, что жители Краснодара могут передать военнопленным продукты у Красного собора, где будет остановка колонны пленных.

В назначенный час на большой площади у собора собралась громадная толпа.

Котров, которому было поручено присутствовать на соборной площади, немного запоздал. С трудом добравшись до улицы Седина, он увидел: вдоль всей Пролетарской до самой площади стояли женщины, пожилые мужчины, ребяташки. У всех в руках были узелки с хлебом, салом, помидорами, яблоками. Кое-кто из хозяек принес даже ведра с горячим, дымящимся борщом. А на балконах и крышах больших домов возились немецкие кинооператоры и фотографы устанавливали свои треножки.

Проходными дворами Котров пробрался на улицу Коммунаров, где жили его знакомые. Ему повезло: они оказались дома, и вместе с ними он устроился на высоком крыльце, откуда вся соборная площадь была видна как на ладони.

Толпа волновалась, возбужденно шумела. Все хотели поскорее увидеть наших военнопленных и передать им свои скромные подарки. Тут же на площади стояли немецкие офицеры, в толпе бродили полицаи, – и никто из них не пытался разогнать собравшихся.

Внезапно послышались крики:

– Идут! Идут!

В нескольких шагах от Котрова стоял полицейский. В руках у него был букет цветов. Размахивая им над головой, он кричал:

– Идут! Идут!..

Котрову стало не по себе. Чему радуется этот полицай? И почему у него цветы?..

Толпа зашумела сильнее. Задние приподымались на цыпочки, вытягивали головы, пытались протиснуться вперед.

Наконец показалась группа военнопленных. Их было не более тридцати – сорока человек. Грязные, оборванные, с изможденными лицами, они шли по мостовой, беспокойно озираясь.

Толпа бросилась к пленным. Со слезами на глазах краснодарцы протягивали пленным свои подарки.

Но пленные испуганно отталкивали их.

– Спасибо, родные... Не надо... Не надо, – говорили они, то и дело оглядываясь на немецких конвоиров. – Нам запрещено брать... Убьют...

Неожиданно послышался глухой рокот моторов. На площадь въехал огромный запыленный грузовик. Брезент, покрывавший его, был снят. Котров вскрикнул от удивления: в кузове машины на носилках лежали раненые немцы.

За первой машиной шла вторая, третья, четвертая. В них тоже были раненые немцы. Они лежали вплотную друг к другу, обмотанные белыми бинтами, на которых кое-где проступали темные пятна крови.

– Наши!.. Ура!.. – закричал полицай, стоявший рядом с крыльцом. Он взмахнул рукой, и в кузов машины полетел букет цветов.

Это послужило сигналом.

– Наши! Наши! – кричали полицейские, сновавшие в толпе. Они бросали цветы, махали платками.

Немецкие кинооператоры вертели ручки своих аппаратов, фотографы щелкали затворами.

Толпа сразу притихла. Одни ничего еще не могли понять, другие, сразу смекнув, в чем дело, стояли молча, возмущенные этой гнусной инсценировкой.

У Котрова так все и кипело внутри. Он соскочил с крыльца и, расталкивая толпу, поспешил к Деревянко: надо было как можно скорее рассказать ему о провокации на соборной площади.

Но Котров не застал Деревянко в картонажной мастерской. Прождав около часа, он решил вернуться домой, к Вале, – она все еще жила у Лысенко.

Котров шел и с отвращением думал о том, как подло обманули немцы краснодарцев, с каким цинизмом они использовали лучшие чувства людей в целях своей лживой пропаганды, как все это было низко и в то же время глупо и бессмысленно! Сегодня же эта провокация станет известна всему городу... Ну что ж – тем хуже для немцев!..

И вдруг у Котрова мелькнула неожиданная мысль.

По слухам, раненых немцев привезли в город с юга. До последнего времени там было тихо. Что же это значит? Что за изменение в военной обстановке?.. Не началось ли наше наступление?

Котров спешил домой. Ему хотелось как можно скорее поделиться с Валей своими мыслями.

Валя встретила Котрова в прихожей: уже два дня, как она поднялась с постели и хотя с трудом, но все же бродила по комнатам.

– Ты был у собора? – первое, о чем спросила Валя.

Оказывается, она уже все знала: ей рассказала сестра Лысенко, забежавшая проведать больную.

– Какая низость! – говорила Валя. – Для чего этот обман? Чтобы в какой-то паршивой фашистской газетке поместить фотографию с надписью: «Население столицы Кубани восторженно встречает наших храбрых солдат, раненных на поле боя...» – Ее возмущала эта выдумка немцев. – Нет, Ваня, больше я не могу сидеть без дела! Вот придет сегодня Лысенко, я ему скажу... Пусть даст мне работу!.. Я абсолютно здорова!

В этот вечер им пришлось долго ждать Лысенко: у того выдался трудный день.

В обеденный перерыв по комбинату разнесся слух об инсценировке на соборной площади. Услышав об этом, Лысенко сейчас же обошел все заводы. Рабочие волновались. Всюду только и было разговоров что о немецком обмане.

Молодежь, особенно комсомольцы из батуринской бригады, надолго задержали Лысенко.

– Сколько еще можно терпеть? – с негодованием говорили молодые рабочие. – Бить надо немцев, а мы тут дурака валяем!..

Они настаивали на том, чтобы прежде всего расправиться с предателями, намекая на Шлыкова.

Нелегко было Лысенко хоть немного утихомирить горячую молодежь...

С комбината Свирид Сидорович прямо пошел домой. На ближайшем перекрестке его поджидала Скокова. Она сообщила, что сегодня на имя Штифта пришло письмо, в

котором подтверждалось, что на днях в Краснодар должен приехать Родриан вместе с группой инженеров.

Лысенко ни минуты не сомневался, что Родриан сейчас же заявится на комбинат. Приезд Родриана, разумеется, меньше всего устраивал Лысенко. Он понимал, как и говорил об этом на партийном собрании, что Родриан, хорошо знавший производство, – не Штифт, да и инженеры – не то, что тупоумный фельдфебель Штроба. С ними придется держать ухо остро!

Лысенко решил зайти к Арсению Сильвестровичу, сообщить ему новости и попросить совета. Но коммерческому директору «Камелии», оказывается, уже все было известно: и немецкая провокация на соборной площади, и возмущение ею рабочих на комбинате, и даже предстоящий приезд Родриана.

– Все знаю, – сказал он Лысенко. – И даже чуть больше. Могу поздравить, дорогой: наши партизаны начали всерьез бить немцев.

Арсений Сильвестрович рассказал Лысенко, что на основной железнодорожной магистрали, где-то в районе Георгие-Афипской или Северской, партизаны пустили под откос немецкий эшелон. Одновременно с этим там же была разгромлена большая немецкая мотоколонна. Какой партизанский отряд совершил это – пока было неизвестно. Установлено одно: немцы понесли тяжелые потери, и те раненые, которых немцы привезли сегодня к собору, были доставлены как раз с места партизанских диверсий.

– Сейчас, Свирид, главное, – говорил Арсений Сильвестрович, – успокоить комбинатскую молодежь. Разъяснить ей законы «тихой войны». Наступают трудные времена... Одно лишнее слово может погубить все...

Как только Лысенко пришел домой, к нему подсели Валя и Котров.

Валя горячо и взволнованно говорила о том, что у нее нет больше сил сидеть без дела, что долг каждого советского патриота – мстить немцам и в первую очередь предателям и изменникам.

– Вот взять хотя бы вашего Шлыкова, – говорила Валя. – Вчера ко мне Миша заходил, из батуринской бригады. Рассказывал о нем... Слушать было страшно! Рабочий, старый член партии – и вдруг стал изменником, к немцам в лакеи записался!

Лысенко, обычно такой сдержанный, вдруг покраснел и вскочил из-за стола.

– Помолчи! – крикнул он. – Молода ты еще о людях судить!

Он прошелся по комнате. Потом, словно извиняясь за резкость, погладил оторопевшую Валу по волосам.

– Поседела, а ума не нажила! Верь мне: мы все видим, все знаем. А Шлыкова оставь в покое... Подожди – дальше виднее будет...

– Да неумогу ждуть, Свирид Сидорович!

– Неумогу? – повторил Лысенко. – Ты солдат, Валентина, а у солдата, если только он не трус и не тряпка, нет и не может быть такого слова – «неумогу». Поняла? Кстати, имей в виду: скоро пойдешь на работу. А сейчас, друзья, спать...

Но Лысенко долго не мог уснуть. Лежа в темноте, он обдумывал один смелый ход, который, по его расчетам, должен был дать двойной результат: с одной стороны, дать выход энергии, накопившейся у молодежи, а с другой – отвлечь внимание немцев, начинавших догадываться, что в городе работает разветвленная сеть подпольщиков...

«Надо сделать так, – думал Лысенко, – чтобы немцы решили, что в ряде диверсий, происходивших в городе, повинны не подпольщики, а отряды партизан, действующих на окраинах города!»

Через два дня Деревянко вызвал к себе Котрова.

– Готовься, Ваня! Тебе поручено ответственное дело.

Котров совещался с Деревянко часа три. Они обсуждали план организации и проведения диверсии, о которой в бессонную ночь думал Лысенко.

Руководство этой диверсией было возложено на Котрова.

* * *

Недалеко от Краснодара, в сторону Усть-Лабы, за разъездом № 105, тянется, далеко уходя в степь, широкий противотанковый ров, пересекающий железнодорожное полотно.

Темная, глухая ночь. Чуть виднеется насыпь из мелкого желтого ракушечника, и только полосы рельс, до блеска отполированные колесами, видны отчетливо...

Немецкие часовые стоят вдоль полотна через каждые сто метров. Но их не видно, не слышно ни скрипа шагов на песке, ни лязга оружия.

Тишина. Только лягушки квакают в соседнем болоте...

Из кювета у дороги выползает на бровку полотна человеческая фигура и замирает, припав к земле.

Лягушки в болоте продолжают свой нестройный концерт. Им отвечает лягушка с полотна железной дороги.

Рядом с первой фигурой на полотне появляется вторая. Кусты терна шевелятся – и опять все тихо...

Лягушка на полотне квакает теперь совсем по-иному – отрывисто и часто. И тотчас же по кювету к немецким постам бесшумно ползут темные фигуры людей и замирают в нескольких шагах от часовых.

Снова квакает лягушка. На полотне появляются еще две тени. Одна из них на мгновение задерживается, спотыкается и падает на полотно. Звякает карабин, ударяясь о рельс.

С ближайшего поста на расстоянии каких-нибудь сорока метров, раздается испуганный окрик часового:

– Кто там?

Тени на полотне поднимаются и одна за другой быстро соскакивают в кювет.

На немецком посту гремит выстрел. Словно отвечая ему, торопливо бьют очереди автоматов и стучит пулемет из полукапонира у ближайшего моста.

Мелькают огоньки фонарей: это спешит резерв немецкого караула. По железнодорожному полотну бегут обходчики.

Один из них неожиданно спотыкается обо что-то твердое и падает. К нему подбегают остальные, светят фонарями и видят: на полотне лежит небольшой деревянный ящик.

– Мина! – испуганно шепчет один из немцев.

– Партизаны... Партизаны!..

И тотчас тишину ночи разрывает торопливая стрельба: немцы бьют в поле, в кусты, в темноту. Им никто не отвечает.

Из города прибывают немецкие саперы, они внимательно осматривают полотно, снимают и разряжают мину. На рассвете по этому участку благополучно проходит поезд...

* * *

Утром в картонажной мастерской сидят Деревянко и Котров. Котров мрачен. Он нервно мнет свою кепку.

– Споткнулся, недотепа, на полотне! – жалуется он на своего товарища по диверсии. – И мину бросил... Стыдно теперь в глаза людям смотреть...

– Скажи спасибо, что сами целы остались, – сурово говорит Деревянко. – Нет, Иван, без умения, как видно, поезд не взорвешь!

– На следующей диверсии я сам буду закладывать мины. И, даю слово, что...

– Будешь, если прикажут. А если не прикажут – останешься в городе и будешь выполнять то, что велят, – строго перебивает его Деревянко.

Вечером в кабинет коммерческого директора «Камелии» пришел Лысенко. Говорили о неудачной диверсии у разъезда № 105.

– Дело сорвалось потому, что опыта нет, – заметил Лысенко.

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить, – сказал Арсений Сильвестрович. – Нам надо учиться. Я только что получил сведения о том, что поезд между Георгие-Афипской и Северской взорвал отряд Бати. Можешь гордиться, там ваши, маргариновцы. Я не знаю еще, как дорого обошлась им эта победа. Но поезд взорван, мотоколонна разгромлена – это факт. Значит, у них и будем учиться!.. И еще – как радиостанция?

– Сегодня все наладили. Я поместил Валю у нас на комбинате: выбрал для нее такой укромный закуток в подвале гидрозавода, куда ни один черт не доберется. С Валея работает техник-радист Черненко – хороший, знающий дело хлопец. Девочка горячо взялась за дело. Как раз перед моим уходом к тебе, Арсений Сильвестрович, радисты связались с игнатовским отрядом. К сожалению, поговорить не успели: то ли наш передатчик задурил, то ли у Бати какая-то неполадка. Черненко клялся, что свяжется с отрядом ночью, когда будет просторнее в эфире. Но вот еще о чем пришел я посоветоваться. Дело в том, что с минуты на минуту к нам может пожаловать Родриан, как тебе известно, и я хотел бы...

– Понимаю, – перебил Арсений Сильвестрович Лысенко. – Тебе необходимо посоветоваться с Евгением Петровичем Игнатовым по всем комбинатовским делам. Меня же интересуют минеры. Говорить об этом по радио, конечно, нельзя. Значит, надо послать в отряд толкового человека!..

* * *

...Я возвращался с разведки у горы Саб. В километре от нашей головной заставы меня встретил Геронтий Николаевич Ветлугин.

– К вам гость из Краснодара. Старичок какой-то. Я его в лагерь не пустил, велел ребятам за ним приглядывать.

На заставе я сразу узнал «старичка»: это был Иван Семенович Петров, тот самый таинственный старик, который когда-то ловко мистифицировал меня и Елену Ивановну.

Петрова послали к нам Арсений Сильвестрович и Лысенко, чтобы повидать Евгения. Но Петров опоздал: мои сыновья погибли при взрыве поезда между Северской и Георгие-Афипской...

Я вызвал Ветлугина, Слащева, Сафронова, Еременко, Кириченко – всех наших гвардейцев, друзей и сослуживцев Евгения. И Петров ушел от нас, унося советы для Лысенко и секрет нашего «волчьего фугаса» для коммерческого директора «Камелии». Через два дня мы получили первую радиограмму от Вали:

«Дед пришел».

Это означало, что «старик» Петров благополучно вернулся в Краснодар.

Глава X

На комбинате торжественно встречали Родриана.

За полчаса до его приезда у главных ворот собралась вся немецкая администрация во главе с Гербертом Штифтом. Штифт был директором-распорядителем акционерной компании, захватившей в свои руки руководство Главмаргарином. Родриан был главным инженером этой компании. Но за ним стояла всемогущая хозяйственная организация гестапо – и бетрибсфюрер нервничал, ожидая его.

– Прошу вас присутствовать при встрече, – сказал Штифт Гавриилу Артамоновичу Шлыкову. – Господин Родриан справлялся о вас по телефону.

В ворота комбината въехали две легковые машины. Из первой вышел Родриан.

Ему было лет шестьдесят. Он выглядел типичным пруссаком: военная выправка, плотная, крепко сбитая фигура, тяжелый взгляд серых холодных глаз. На нем был полувоенный костюм – френч, сапоги.

Вторая машина привезла трех немецких инженеров и переводчика.

Штифт подошел к Родриану и обратился к нему с приветственной речью. Но тот не дослушал его до конца. Увидев Шлыкова в толпе встречающих, он протянул ему руку:

– Здравствуйте, Шлыков! Рад видеть вас. Мне известно о вашей деятельности на комбинате. Это именно то, чего я ждал от моего старого рабочего.

Родриан сделал несколько шагов в сторону и остановился, молча глядя на панораму комбината.

О чем думал он в эту минуту? Вспомнил ли он свой жалкий заводик при виде гигантских корпусов комбината? На какое-то мгновение на его лице мелькнуло выражение удивления, даже, может быть, зависти. Но он тотчас овладел собой.

– Господин Штифт, это, очевидно, новая система дымовых труб? – зло спросил он, указывая на дымящиеся силосные башни.

Бетрибсфюрер не понял иронии.

– Большевики зажгли хлопковое семя в силосах... – хотел было объяснить Штифт, но Родриан оборвал его:

– Я прекрасно вижу, что это силосы, господин Штифт. Знаю и то, что большевики подожгли семя. Но мне известно также, что до сих пор вы не можете потушить пожар!

С этими словами Родриан направился к зданию главной конторы.

Немедля он приступил к осмотру комбината. Его сопровождали Штифт, инженеры ТОДТа, Шлыков. Родриан шел впереди них с такой уверенностью, будто расположение заводских корпусов было ему прекрасно известно. Этим он словно хотел подчеркнуть, что все, что он видит, не вызывает в нем ни малейшего удивления.

У маргаринового завода их встретил Порфирьев.

– Господин директор... – начал было Штифт.

– Здравствуйте, господин Порфирьев, – не ожидая представления, сказал Родриан. – Хочу взглянуть на готовую продукцию.

– Прошу... я провожу вас, – заторопился Порфирьев.

– Не беспокойтесь, – холодно бросил Родриан и начал подниматься на третий этаж, где стояли бидоны с готовым к отправке шпейзефетом.

Родриан внимательно осмотрел бидоны, понюхал и даже попробовал их прогорклое содержимое.

– Плохо, очень плохо, господин Штифт! – говорил он, недовольно морщась. – Отвратительный запах, скверный вкус, малая калорийность. Это наихудший эрзац, который мне пришлось видеть. Здесь, на Кубани, мы должны вырабатывать полноценный маргарин, который был бы по своим вкусовым качествам почти

равноценен сливочному маслу. Я не преувеличиваю! Шлыков, завод до войны давал именно такой продукт?

– Совершенно верно: на маргарин наш нельзя было пожаловаться, Вильгельм Карлович! – ответил Шлыков.

– Ну-с?

Родриан строго смотрел на Штифта.

– Машины разбиты, – пробормотал бетрибсфюрер. – Вам известно – нет пара...

– О машинах поговорим потом. Что же касается пара... Скажите, господин Порфирьев, это вам пришла в голову мысль о локобиле?

Порфирьев растерялся, он не мог понять, – доволен Родриан его идеей или нет.

– Вы правы, Вильгельм Карлович, – вмешался Шлыков.

– Неплохо. Но только для начала, – сухо возразил Родриан. – Пора работать как следует... Господин Порфирьев, через месяц вы будете иметь пар! Подготовьтесь к полному развороту работ...

Проходя мимо огромного бака, Родриан споткнулся о конец лежавшей на трубе доски. Откуда-то с верху этого бака неожиданно опрокинулось несколько ведер, обливая маслом идущих внизу. Ведра с грохотом упали на цементный пол. Штифт с криком отскочил в сторону.

– Что у вас тут за безобразие? – возмутился он. – Кто это сделал? Сейчас же найти виновника!

Началась суматоха, забегали испуганные немцы из охраны и надсмотрщики. Некоторые, наиболее усердные, полезли на баки. Один из них, не добравшись доверху, сорвался, сбил с ног второго... Родриан, молча покачивая головой, обтер масло с лица и, встряхивая промаслившийся костюм, пошел с завода...

Немного позже Шлыков сказал Родриану:

– Это, Вильгельм Карлович, вы сами зацепили ногой доску, которая толкнула подпорку крышки бака, сбив стоявшие на краю ведра с маслом...

Тот, махнув рукой, приказал Штифту прекратить бесполезные поиски виновных.

– Я хочу видеть машины, – сказал он.

Родриан внимательно осматривал агрегаты. Он даже подлезал под машины, ощупывая рукой отдельные детали.

– Грязь, ржавчина, полное отсутствие смазки, – возмутился Родриан. – Эти прекрасные механизмы надо беречь... Кстати, господин Штифт, у вас нет новых сведений об Игнатове?

Штифт замялся.

– Я спрашиваю об инженере Игнатове – конструкторе этих механизмов, – повторил Родриан.

– Игнатов мобилизован в Советскую Армию, – вспомнил Штифт.

– Вы не обнаружили его среди пленных на Кубани?

– Нет... Но я немедленно распоряжусь...

– Не трудитесь, все уже сделано. Игнатова ищут во всех лагерях.

На гидрозаводе Родриан заинтересовался баком, где хранилось нерафинированное масло.

– Все в том же положении? – сурово спросил он Вейнбергера.

– Я бессилен что-либо сделать, – оправдывался тот. – Я не химик, господин Родриан...

– Кто занимался рафинацией до войны? – спросил Родриан, обращаясь к Шлыкову.

– Инженер Ельников... Но он тоже в армии.

– Вы не приняли никаких мер к его розыску, господин Штифт? – спросил Родриан. – Потрудитесь сейчас же распорядиться и об этом. Все сведения о нем даст Шлыков... Как обстоит дело с вашей заводской лабораторией, господин Вейнбергер?

Вейнбергеру нечего было ответить, он даже не думал об этом.

– Лаборатория сожжена большевиками, – пришел на помощь Шлыков.

– Речь идет не о центральной лаборатории, а о заводской, без которой немислимо производство. Кого бы вы могли рекомендовать из русских инженеров?

Вопрос Родриана захватил Шлыкова врасплох.

– Трудно сразу сказать... Надо подумать...

– Хорошо. Подумайте и сегодня же вечером доложите мне... Имейте в виду, господин Штифт: завтра сюда должен приехать немецкий инженер-химик. Но, к сожалению, здесь свои методы работы... Немецкому инженеру придется подучиться у того русского лаборанта, которого отыщет Шлыков.

На ТЭЦ Родриан сразу же узнал Покатилова.

– Еще один старый знакомый, – сказал он, здороваясь с ним. – Показывайте ваше хозяйство!

Родриан долго осматривал шестой котел, интересовался, как идет очистка барабана и скоро ли удастся приступить к гидравлическому испытанию.

– Я заказал в Германии генератор и турбину. Полагаю, что они уже в пути. Не подведете, Покатилов?

– Стараемся, – ответил мастер.

– Вижу. И вообще должен сказать: в основном я надеюсь на поддержку и помощь старых рабочих...

Вечером в кабинет Шлыкова пришел Лысенко.

– Ну, как, Свирид Сидорович, понравился тебе новый хозяин?

– Хитрая bestия! Не чета Штифту. На стариков, говорит, надеюсь...

– Ну, что ж... Старики не подведут... А в лабораторию хочу порекомендовать Скоробогатову. Ты как на это смотришь?

Лысенко одобрил предложение Шлыкова.

На следующий день в главную контору явился немецкий инженер-химик, выписанный Родрианом из Германии.

Когда тот знакомил Скоробогатову с инженером-химиком, бывшая заведующая центральной лабораторией комбината категорически заявила Родриану, что она не может взять на себя практическое руководство рафинацией масла. Это вне ее компетенции. Тем более, что процесс требует много пара, а его до сих пор нет. Что же касается теоретической стороны вопроса, то она готова поделиться своими знаниями с немецким инженером. Однако и для этого необходимо хотя бы примитивное лабораторное оборудование.

Около двух недель длилась возня с организацией лаборатории: то не было нужной аппаратуры, то не хватало реактивов. Дальше тянуть стало невозможно: Родриан ежедневно требовал отчета, и вот началась учеба.

С методической аккуратностью немец приходил к Скоробогатовой в новую маленькую лабораторию и просиживал с ней ровно два часа в день. Все, что она говорила, он аккуратно записывал в толстую тетрадь, и трудно было представить себе, когда же ученик освоит процесс рафинирования, который Скоробогатова излагала на редкость путано и сложно.

– Все пишет? – пыхтя своей трубочкой, спрашивал Лысенко.

– Пишет! – весело отвечала Скоробогатова.

Но вот однажды Лысенко пришел к Скоробогатовой с озабоченным видом.

– Выручай! Завтра, а может быть и сегодня, тебе принесут для анализа масло, то самое, что твой немец-химик собирается рафинировать. Ты обнаружишь в нем яд. Возьми вот это – понимаешь? – Лысенко протянул ей маленькую облатку. – Протокол анализа должен подписать и твой ученик. Сделаешь?

– Постараюсь, – ответила Скоробогатова.

Как выяснилось впоследствии, дело обстояло так. К Лысенко прибежала Скокова. Работая в машинном бюро, она слышала краем уха разговор Родриана со Штифтом. Родриан настаивал на том, чтобы рафинировать масло как можно скорее. Он запросил у немецкого командования локомотивы, которые должны были дать пар на гидрозавод. Рафинацией, по мнению Родриана, должны руководить Скоробогатова и немец-химик.

Создавалась серьезная угроза, что немцы смогут использовать масло. Лысенко и Шлыков стали подумывать о необходимости взорвать бак.

Однажды вечером к Лысенко пришел старый мастер и под секретом сообщил, что группа рабочих гидрозавода забила обрезками каната трубы, идущие от бака с маслом...

Рабочие не знали о проекте Родриана. Они только догадывались, что немцы хотят использовать масло: ведь недаром же немец-химик занимался со Скоробогатовой. И они решили – масла немцам не отдавать и прежде всего забить трубы.

– Конечно, мало закупорить трубы, – говорил Лысенко старик-рабочий. – Повозятся немцы с трубами, а потом откроют крышку и начнут сверху черпать ведрами. Тут уж ничего не поделаешь!.. Вот и послали меня товарищи посоветоваться, как вконец испортить масло. Отравить, что ли?..

Лысенко пристально взглянул на старика-рабочего.

У Свирида Сидоровича мелькнула спасительная мысль.

Вскоре после разговора со стариком-рабочим Лысенко вошел в кабинет Родриана. Он привел с собой старика-рабочего с гидрозавода. Рабочий рассказал Родриану, что большевики не только взорвали машины, но и всыпали в бак с маслом какой-то ядовитый порошок. Он видел это сам и вот почёл долгом предупредить господина Родриана, своего старого хозяина, как бы чего не случилось, когда господа немцы начнут кушать масло.

Лысенко заметил, что немец не очень-то доверяет сообщению рабочего.

– Я бы посоветовал, господин Родриан, произвести анализ масла, – предложил Лысенко.

– Ну, что же, пожалуй, – согласился Родриан. – Я поручу это дело моему инженеру-химику.

Так началась практическая деятельность лаборатории Скоробогатовой.

Анализ, проведенный по всем правилам, показал в масле наличие сильнодействующего яда.

Но Родриан не успокоился на этом. Он пригласил к себе Шлыкова.

Когда тот явился к Родриану, то увидел, что в кабинете сидел и фельдфебель Штроба.

– Я прошу вас тотчас же отправиться на гидрозавод, – сказал Родриан, – и в эту колбу взять масло из бака. Господин Штроба сделает все сам. Вы же, Шлыков,

покажете ему, где и как достать пробу. Озаботьтесь, чтобы при этом не было посторонних.

– Второй анализ предполагается провести? – спросил Гавриил Артамонович. Родриан испытующе посмотрел на Шлыкова.

– А если бы и так?

– Я как раз хотел вам предложить то же самое, – спокойно ответил Шлыков.

Родриан промолчал. Протягивая колбу фельдфебелю, он приказал:

– Пробу принесете сюда, лично мне...

Придя на гидрозавод, Штроба выгнал всех рабочих из помещения, где стоял бак, и полез наверх, к крышке бака. Шлыков стоял внизу, придерживая лестницу.

Наполнив колбу, фельдфебель осторожно передал ее Шлыкову и быстро спустился с лестницы.

Очевидно, в это самое время Шлыков и ухитрился бросить в колбу тот самый яд, одну таблетку которого незадолго до этого он передал Скоробогатовой через Лысенко. А может быть, он сделал это и как-то иначе...

Колба была незамедлительно доставлена Родриану. И вскоре анализ подтвердил, что масло отравлено.

Родриан был заметно раздосадован.

– Очень жаль, – говорил он Шлыкову. – Мы потеряли десятки тонн прекрасного продукта! Во всей этой истории меня утешает одно: я не ошибся в своих старых рабочих!

Столь же благополучно закончилось дело и с баком на мыловаренном заводе.

Когда Штифт в свое время узнал от Шлыкова, что бак заминирован, он тогда же вызвал немецких саперов. Саперы, довольно долго повозившись около бака, никаких мин не нашли, но и полной гарантии безопасности дать не решились: вокруг был металл, и миноискатели отказали. Штифт, трус по натуре, оставил бак в покое.

Родриан, не доверяя Штифту, снова обратился за помощью к саперам. Как и следовало ожидать, они и на этот раз ничего подозрительного не обнаружили, но опять-таки не ручались за то, что с баком все благополучно. Для полной гарантии саперы рекомендовали подождать три-четыре месяца. Родриану ничего не оставалось, как последовать их совету... Сложнее было с механическими мастерскими. Здесь до оккупации работала, как я уже говорил, бригада Батурина. По совету Шлыкова Штифт назначил Батурина начальником мастерских, а вместо него бригадиром поставил слесаря Мишу.

В этом, пожалуй, была допущена ошибка. Миша был слишком горяч и несдержан. Его беспокойной натуре была чужда и непонятна «тихая война», которую вели подпольщики против немцев. Несколько раз Миша предлагал Лысенко самые немислимые планы убийства Штифта, Штроба, Родриана и, конечно, Шлыкова, которого считал изменником. Бывали дни, когда батуринцы – так по старой памяти называли Мишину бригаду – давали сплошной брак...

До поры до времени все благополучно сходило с рук: Штифт мало обращал внимания на механическую мастерскую, а Вейнбергер, единственный из посторонних, кто знал истинное положение дела, молчал...

С приездом Родриана все изменилось. На все заводы и во все мастерские были направлены немцы-специалисты. Вся работа русских директоров происходила под их наблюдением.

В котельную была направлена восстановительная бригада технического батальона под руководством фельдфебеля Штроба. Бригада начала работать на ремонте шестого котла. Через несколько дней, после того как расклепали днище барабана другого котла и начали его ставить на место, немцы, придя утром, обнаружили, что заклепки, которые они ставили накануне на месте соединения, за ночь куда-то исчезли. На следующий день повторилось опять то же самое.

Когда на третье утро, придя на работу, немцы обнаружили, что не только заклепки, но и все днище котла было снято и лежало в подвале, они подняли тревогу. В котельное отделение поставили круглосуточный пост немецкой охраны.

И все же, правда в меньшей степени, но таинственные исчезновения продолжались. Комендант Вебер решил сам проверить ночью посты в котельном отделении.

Но глухое место, темнота, следы разрушений – все это нагнало на него такую тоску, что он поспешил уйти из котельной... Наутро немцы опять обнаружили следы ночной работы.

Сделали тщательный обыск по всему корпусу теплоцентрали, но ничего не нашли.

Покатилов, хитро посмеиваясь, сказал Лысенко:

– Немцы тщательно караулят, кто как снимает номера у табельной доски. Но наши ребята наловчились и снимают по два номера: за себя и за тех, кто ночевал на комбинате...

Ночью на территории комбината запрещалось оставаться кому-либо из русских. Всех работающих пропускали через контрольный проход ровно в семь часов утра... За десять минут шестьсот человек должны были повесить свой номер: сначала на табельную доску у ворот, потом у завода, где они работали, и, наконец, в своем цехе.

Штифт решил сам проверить, как вешают номера.

Шлыков узнал об этом и предупредил Лысенко.

Утром после сигнала огромная масса рабочих, пришедших заранее, хлынула в проходную, не давая возможности Штифту видеть, что делалось у доски.

Штифт кричал, ругался, потом махнул рукой и ушел.

Как только он скрылся из виду, у доски моментально словно по чьей-то команде водворился порядок...

Однако рано или поздно немцы должны были разгадать эти нехитрые махинации, и Лысенко забеспокоился. Он решил посоветоваться со Шлыковым и принять решительные меры.

* * *

В помещении маргаринового завода на третьем этаже, в большом зале по приказу Родриана был устроен банкет в честь старых рабочих комбината.

Родриан приказал в расходах не стесняться. И Герберт Штифт постарался.

Лестницу, ведущую в зал, устлали пальмами и устлали дорогими коврами. Сервировка поражала своим блеском и изысканностью – хрусталь, тонкий фарфор, массивное серебро. Разумеется, все это добро было краденым, захваченным немцами у мирного населения. Стол, накрытый на тридцать персон, ломился от дорогой снеди. Стояла целая батарея бутылок с немецким мозельвейном, русской водкой, английским портвейном, французскими ликерами...

Во главе стола уселся сам Вильгельм Карлович Родриан. По правую руку сидел Шлыков. Слева – Покатилов.

Когда все приглашенные расселись, Родриан встал и поднял бокал. И без того в зале не было оживления, а теперь воцарилась напряженная тишина.

– Господа! – сказал Родриан. – Я пригласил вас, чтобы почтить вашу старость, плодотворный и многолетний труд, преданность и верность своим настоящим хозяевам. Давно, очень давно с многими из вас я начал строить этот завод. Должен сказать, что он ни в какое сравнение не может идти с тем, что мы видим теперь на его месте. Но он был началом. У вас, русских, есть хорошая поговорка: «Лиха беда – начало»... Потом настали тяжелые годы большевистского засилья. Я знаю, в глубине души все вы верили: придет время – и снова вернутся старые хозяева. И вот время пришло. Победоносная германская армия, завоеывая мир, завоевала Кубань. Мы снова вместе. Вы снова служите своим старым хозяевам. Служите верой и правдой, как служили когда-то. Честь вам и слава за это!.. Я призываю вас к тому, чтобы вы плодотворно трудились, влияли на молодежь, развращенную большевиками, и давали германской армии все, что она потребует в ее победном шествии по земному шару. Мы со своей стороны должным образом обеспечим вашу почтенную старость. И вот первый свой тост, господа, я поднимаю за всех вас – за старых рабочих!

И Родриан еще выше поднял бокал. За столом наступило неловкое замешательство. Все ждали чего-то.

Первым поднялся Шлыков. Он молча чокнулся с Родрианом и залпом выпил водку. Вслед за ним то же самое и тоже в полном молчании сделали и остальные.

Родриан был доволен этим началом: шутил, смеялся, радушно угощал своих «дорогих гостей». Но веселья не получалось, рабочие держались замкнуто, настороженно. Почти никто ничего не ел и не пил. Родриан снова поднялся с бокалом в руке.

– Господа! – сказал он. – Я одинаково ценю вас всех, как старых рабочих, верно и преданно служащих своим прежним хозяевам. Но одного из вас я хочу выделить особо. Речь идет о нашем уважаемом Гаврииле Артамоновиче, о господине Шлыкове. Это он начал вместе со мной строить завод на пустыре. Его кровно оскорбили большевики. Они сделали его из директора простым кладовщиком. Это он, Гавриил Артамонович Шлыков, первым открыл перед нами ворота комбината. И я должен признать: многое из того, что мы сделали по восстановлению заводов, сделано по указаниям и советам господина Шлыкова... Я пью за Гавриила Артамоновича. Пусть каждый молодой рабочий берет пример со Шлыкова!

Все поднялись. Только Шлыков молча и неподвижно сидел на своем стуле, будто не слышал, что говорил Родриан.

– Я пью за ваше здоровье, господин Шлыков! – повторил тот.

Шлыков встал. Бледный как полотно, поднял бокал.

– Я принимаю ваш тост, господин Родриан, – негромко сказал он.

В зале наступила тишина. Казалось, каждый слышал биение своего сердца.

– Я принимаю ваш тост, господин Родриан, – повторил Шлыков. – Не пожалею жизни, чтобы выполнять свой долг, веление своей совести. До своего последнего часа буду свято блюсти эту клятву... Счастьем сочту, если каждый молодой рабочий на комбинате скажет: «Хочу быть таким, как Шлыков».

Шлыков протянул бокал, чокнулся с Родрианом и до последней капли осушил бокал.

Родриан испытующе смотрел на Шлыкова. Казалось, он хотел прочесть в глазах Гавриила Артамоновича истинный смысл его слов. Шлыков спокойно выдержал его взгляд. Он сидел за столом такой же, как всегда: сутулый, сдержанно почтительный. И Родриан, по-видимому, успокоился.

Когда было провозглашено еще несколько тостов, Родриан встал, подошел к небольшому столу в углу зала и отбросил покрывавшую его материю.

– Пожалуйте сюда, господа! – сказал он. – Мы, акционеры, решили некоторым из вас преподнести небольшие подарки. Это мелочь, конечно. Но, – тут он сладко улыбнулся, – я помню, в русской песне поется: «Мне не дорог твой подарок – дорога твоя любовь...» А говоря нашим деловым языком коммерсантов, это только аванс, только скромный задаток. Прошу, господин Шлыков!

Взяв со стола черный суконный костюм, Родриан передал его Гавриилу Артамоновичу.

– Носите на здоровье, господин Шлыков. И примите лично от меня эту палку, – продолжал Родриан, передавая Шлыкову трость с костяным набалдашником. – Непристойно такому почтенному человеку, как вы, ходить с деревенской... как это... клюшкой... Повторяю, это – только задаток. Германия умеет ценить тех, кто верой и правдой служит ее интересам. И я говорю вам, господин Шлыков, – вы будете обеспечены!

Шлыков молча взял подарки, поклонился и медленно отошел в сторону.

– Господин Покатилов, прошу сюда!

Директор ТЭЦ получил такой же костюм и футляр с измерительными инструментами. Еще трем старикам Родриан вручил подарки поскромнее.

– Теперь прошу извинить меня, господа, – заявил Родриан, когда подарки были розданы. – Я должен уйти: неотложные дела. А вас прошу остаться и продолжать за столом веселую дружескую беседу.

Родриан ушел, но веселой дружеской беседы не получилось. Как только за Родрианом закрылась дверь, старики, так и не притронувшись к угощению, разошлись по домам.

Шлыков направился в свой маленький кабинетик в здании главной конторы. У дверей его поджидала Анна Потаповна.

– Ну, Гавриил Артамоныч? – встретила она своего старого друга. – Как?..

И сразу осеклась, взглянув на Шлыкова.

Он смотрел прямо перед собой и, казалось, не видел ни Потаповны, ни своего кабинета. Медленно вошел в комнату, положил костюм и трость на стол, остановился у окна.

За окном спускались сумерки, моросил дождь.

Анна Потаповна подошла к столу, пощупала материю. Потом взяла палку. В белую кость набалдашника была врезана серебряная пластинка. Потаповна прочла выгравированную на ней надпись:

«За верную службу старому мастеру от хозяев...»

Шлыков отошел от окна, взял свою старую клюшку.

– Возьми, Потаповна, – сказал он, протягивая ей палку. – Сохрани у себя. Дорога она мне: много с ней исхожено. Доживу до наших – возьму. А пока ты ее храни: я теперь с новой ходить буду.

– Неужто, Гавриил Артамоныч? – удивилась Потаповна. – Неужто этакую пакость в руках держать будешь?

– Буду. И костюм дареный надену. Так надо. Взятся за гуж – не говори, что не дюж...

Потаповна вышла во двор. По-прежнему моросил дождь. Быстро темнело. С комбината уходила последняя смена.

– Здравствуй, Потаповна!

К ней подошла группа молодежи – слесари батуринской бригады.

– Говорят, Шлыков подарочки получил? – спросил бригадир Миша.

– Михаил! – сердито оборвала его Потаповна. – Молод ты еще...

– Поздравь его! – с дрожью в голосе крикнул Миша. – Скажи, батуринцы поздравляют... с лакейским мундиром!..

И с этими словами Миша, а за ним и другие завернули за угол дома. Старушка стояла, не замечая дождя: она думала о Шлыкове.

Неожиданно раздался звон разбиваемого стекла.

Анна Потаповна вернулась в контору, побежала наверх, толкнула дверь в кабинет Шлыкова. Окно разбито, Гавриил Артамонович стоял посреди комнаты. Он держал в правой руке камень, к которому была привязана бечевой записка...

– Прочитай, – сказал он. – Сам не могу...

– Развязываю я бечевку, – рассказывала потом Потаповна, – руки трясутся, никак не распутаю... Развернула наконец бумажку. Большими буквами красным карандашом написано одно слово: «Иуда». Уж не знаю, как вышло: не хотела говорить, а вырвалось у меня против воли это проклятое слово!.. И сама испугалась: разве можно такое говорить? А он стоит посреди комнаты, руки опустил...

– Ничего, Потаповна... Ничего...

Анна Потаповна вспомнила Мишу-батуридца. И поняла – его рук дело.

– Мишка это! Батуринец! – сказала она.

– Не все ли равно, Потаповна, кто, – тихо ответил Шлыков. – Важно, что это свой, русский. Ведь ради них я этот тяжелый крест на плечи взвалил...

Шлыков сел, задумался.

– Все снесу, Потаповна, – проговорил он. – И подарок от господина Родриана, и этот... подарок. Все! Только бы по-нашему получилось. Только бы дожить...

Он встал, подошел к Анне Потаповне.

– Есть к тебе, Потаповна, одна просьба, – голос его дрогнул. – Видишь: по самому краешку хожу. Каждую минуту могу сорваться... Ну так вот, если не доживу до наших – а они вернутся! – и услышишь ты, что говорит кто-нибудь про меня: изменник Шлыков, предатель, – скажи тогда всю правду обо мне, все, что знаешь...

Анна Потаповна молчала. По морщинистому лицу ее потекли слезы.

– Не надо, не плачь! – сказал Шлыков. – А пока молчи, Потаповна. Иначе – конец мне.

* * *

На следующий день после банкета Анна Потаповна пришла в механические мастерские за несколько минут до обеденного перерыва.

– Ну-ка, Михаил, – обратилась она к молодому бригадиру. – Собери мне своих... всю твою гвардию. Да только так, чтобы поговорить можно было без посторонних.

Когда после гудка на обеденный перерыв мастерские опустели, батуринцы собрались в дальнем углу полуразрушенного здания. Самого Батурина не было: его вызвал к себе Герберт Штифт.

– У меня к вам, ребята, серьезный разговор, – сказала старуха.

Батуринцы переглянулись. Они никогда еще не видели свою старую табельщицу такой взволнованной. Миша, стоявший позади всех, оглянулся, словно намереваясь незаметно отойти в сторону.

– Не первый год я вас знаю, ребята, – продолжала Потаповна. – При мне вы сюда учениками пришли. При мне начали в люди выходить. Скажу, не таясь: гордилась я батуринцами. В первых рядах шли на комбинате. Не было для вас слова «не можем». Все могли! Бывало, ночи не спали, а раз надо – делали. Одно слово – «батуринцы»!

Ребята стояли молча. Они никак не могли понять, к чему же клонит Потаповна.

– А сейчас? Что с вами стало? Будто подменили вас...

– Да в чем дело, Потаповна? – не выдержал Миша.

– В чем дело? Сам знаешь – в самовольстве. Вам одно говорят, а вы свое гнете. Все по-своему повернуть норовите. Пропадете ни за что и все большое дело загубите. Нет, ребята, умных людей надо слушать!

– Это кого же? – зло крикнул Миша. – Не Шлыкова ли?

– А хотя бы и Шлыкова, – ответила Потаповна.

– Понятно, откуда ветер дует! – засмеялся Миша. – Понятно! Не нравятся господину Шлыкову батуринцы. Иуда! Нет, пока живы батуринцы...

Миша осекся: в глазах Анны Потаповны, устремленных на него, он увидел такую тоску, что ему стало не по себе.

– Все сказал, Михаил? – голос старухи дрожал. – А теперь послушай, что я тебе скажу... Знаешь ли ты, что только по милости этого «иуды» ты на свете живешь? Думаешь, ему неизвестно, кто камень в окошко бросил! Стоит Шлыкову шепнуть – и висеть тебе на перекладине.

– Ну, это еще доказать надо!.. – смущенно пробормотал Миша.

– Нечего и доказывать: сама видела, собственными глазами.

– И ему сказала? – вырвалось у Миши.

– Сказала! Потому что знаю: Гавриил Артамоныч умрет, любые муки вытерпит, а своего не предаст. Помнишь, историю у Покатилова? Когда немецкие солдаты окружили ТЭЦ? Ведь тогда Покатилов на волосок от смерти был. А у него ни один волос с головы не упал. А почему? Потому что Шлыков спас: сама, собственными ушами слышала, как он перед Штифтом всю вину на себя взял. Своей головой рисковал, а товарищей из беды вызволил... Мало тебе этого? Да что там!.. Все мы в ноги должны Гавриилу Артамонычу поклониться за то, что по земле ходим, воздухом дышим. Он нас бережет, а сам...

Потаповна замолчала: перед ней стоял техник Васильев. Он появился неожиданно. По его виду, растерянному и удивленному, Потаповна поняла, что он все слышал.

– Ты зачем? Что тебе надо? – сердито набросился на него Миша.

– Чертеж передать... срочный, – смущенно проговорил Васильев, понимая, что пришел некстати.

Миша отвел Васильева в сторону.

– Эх вы, вояки! – Анна Потаповна вздохнула. – Сказала вам, чтоб без посторонних! А вы даже этого сделать не могли...

– Не беспокойтесь, Потаповна, – успокаивал ее один из батуринцев, молодой слесарь Гриша. – Васильев никому не скажет! Свой человек...

– Ну, сказанного не воротись!.. Вот что, ребята, у меня к вам еще дело есть: Свирид Сидорович Лысенко приказал, чтобы завтра в обед все комсомольцы пришли в подвал гидрозавода. Миша знает куда... И подумайте, о чем я вам говорила...

На следующий день в обеденный перерыв Лысенко заглянул к Вале: ее маленькая радиостанция разместилась в укромном уголке громадного, заваленного хламом и мусором подвала гидрозавода. Около Вали сидел Миша-батуринец.

– Ты зачем здесь? – строго спросил его Лысенко.

– Валя попросила зайти, починить кое-что надо было, – смущенно ответил Миша.

– Приказываю без моего разрешения сюда не являться. Понял?

Когда Миша поспешно скрылся в темноте подвала, Лысенко подошел к Вале.

– Скучно здесь, Свирид Сидорович, – пожаловалась она. – Сидишь, как в одиночке... И настоящего дела не делаю, и от дела не бегаю.

– Скучно, говоришь? А радиостанция? Это что же – пустяки? – Лысенко нахмурился. – Всем вам, молодым, драться не терпится! Не хотите понять, что у нас идет «тихая война», такая же опасная и страшная, как и всякая другая война. Скоро открытую войну начнем – дай срок. Неужели ты не понимаешь, какое большое дело делаешь? Ведь ты нас связываешь с Большой Землей, с нашей Родиной! Без тебя мы не знали бы, что там у наших происходит... И еще вот что: завтра мы с тобой созовем комсомольское собрание. Подготовься хорошенько...

* * *

Лысенко и Валя не без труда нашли в темном подвале комсомольцев. Они собрались в таком уголке, куда непосвященному человеку добраться было почти невозможно.

– Все на месте? – спросил Лысенко. – Посторонних нет? Проверь, Михаил.

Миша осветил всех собравшихся фонариком и внимательно оглядел ближайšie кучи строительного мусора.

Лысенко встал около бочки, служившей столом президиума, и предупредил ребят, чтобы все сидели тихо: в подвале был сильный резонанс.

– Я хочу, – сказал Лысенко, – познакомить вас с вашим руководством.

– Это что же за руководство? – спросил один из комсомольцев.

– Меня вы знаете, – сказал Лысенко. Гул одобрения пронесся в толпе сидящей на полу молодежи. – Кроме того, здесь присутствует секретарь комсомольской организации комбината. Вы сами избирали его, правда еще до перехода на нелегальное положение. Узнаете? – Лысенко чиркнул зажигалкой и поднес слабое колеблющееся пламя к лицу девушки, стоявшей рядом с ним.

Казалось, от маленького огонька мрак в подземелье стал еще гуще. Лицо девушки выделялось светлым овалом в сгустившейся тьме.

– Валя! Да нет, не она!.. – пронеслось по толпе. – Неужели Валя? Но ведь она же расстреляна немцами!..

– Да, ребята, это я! – сказала девушка. – Действительно, немецкие жандармы расстреливали меня. Я лежала в яме, под грудой мертвых тел. И вот – я здесь. – Она помолчала. – Что же случилось, ребята? Что стало с нашей дисциплиной? Давайте все разберем по порядку... Намечайте председателя!

Все, как один, дружно, но негромко сказали:

– Валю!.. Валю!..

Валя постучала карандашом по дну бочки и сказала привычное:

– Сегодня у нас на повестке дня один вопрос. О нем нам сейчас расскажет товарищ Лысенко. Пожалуйста, Свирид Сидорович, вам слово.

– Вот что, ребята, – начал Лысенко. – Здесь, в этом подвале, перед самым банкетом мы собирали многих из тех стариков, которые были в гостях у Родриана, и подготовили их к тому, как они должны себя держать. То, что мы делали до приезда Родриана, при нем уже не годится. Провести его очень трудно. Мы обсуждали это на партийном собрании и решили провести ряд новых мероприятий. Что требуется от

вас? Прежде всего, выдержка и терпение. Необходимо также заниматься агитацией. Рассказывайте о зверствах немцев, о вымогательствах и грабежах полицаев и гестаповцев. Расскажите, что интеллигентный труд при оккупантах стал ненужным, и человек с образованием у них не более как вспомогательная рабочая сила, с особой системой оплаты труда на востоке, что все завоевания Октября сведены ими на нет... Надо прямо сказать, что до приезда Родриана, выдавшего виды, наши новые «хозяева» растерялись, столкнувшись с нашей высокой техникой и большими масштабами производства. Мы должны позаботиться, чтобы они и совсем не разобрались в нашей технике. Но все это надо делать с умом, без ненужной горячки. В этом – секрет наших успехов...

Сидевший в первом ряду паренек, все порывавшийся спросить о чем-то, дернулся вперед и громким шепотом сказал:

– Все саботаж да разговоры... А когда же мы начнем немцев-то бить?

Валя не вытерпела:

– Подождите, Свирид Сидорович! Я сама ребятам скажу, когда это будет!.. Мы с вами пошли на то дело, с помощью которого решается все наше благополучие и жизнь. Ни одного вооруженного или диверсионного выступления без приказа руководства вы не имеете права совершать!.. Придет время, когда вы будете участвовать в операциях, да еще в каких! Кто из нас уцелеет и доживет до освобождения Краснодара и нашей родной Кубани, не знаю. Но мы обязаны предусматривать все и стремиться к тому, чтобы не нести лишних, тем более ненужных, жертв. Ясно, ребята?

Гул одобрения пронесся над рядами молодежи.

– Я и сама думала так же, как вы, а потом поняла, что ошибалась... Это, ребята, очень большое дело: терпение и выдержка. Это – наше испытание. Притаившись, мы сейчас делаем и будем делать большие дела. Мы с вами должны уничтожать оккупантов больше, чем били бы их поодиночке или отдельными группками в городе. Так будем же продолжать работать все вместе под руководством партийной организации комбината, всецело доверяя ей нашу жизнь, нашу деятельность. Вот и все, что я хотела сказать...

Слово опять взял Лысенко.

– Буду кратким, – строго и холодно сказал Лысенко. – Сегодня я говорю с вами как представитель штаба партизанского движения Юга. Мои слова – не дружеский совет, а боевой приказ. Ясно? Приказываю: самочинные выступления прекратить.

– Самочинные выступления? – негодуяще прервал его Миша.

– Прежде всего, не кричи, – остановил его Лысенко. – А потом ответь: бросить камень в окно Шлыкова, это что – боевая операция?

– Так ведь он изменник!

– Партизанскому штабу видней, как вести себя со Шлыковым. Есть приказ штаба: запретить вам всякие самочинные выступления. Должно быть полное и беспрекословное подчинение моим распоряжениям.

Комсомольцы молчали.

– А сейчас, ребята, я хочу поговорить с вами по душам, – уже другим тоном продолжал Лысенко. – Зарвались батурицы с этими деталями для компрессоров. Не только собой рискуете: под удар ставите все дело. Боюсь, как бы уже не поздно было. На всякий случай приготовьтесь: каждую минуту за вами могут прийти. Чтобы дома все было в порядке: никаких адресов, писем, записок. Я верю, что в случае чего вы

будете молчать. А сейчас – по местам. Но только не все сразу. Первый – я. За мной – Валя и Михаил. Остальные – с другого конца подвала...

Глава XI

Ночью Батулин долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, все время раздумывая над тем, что услышал сегодня от Лысенко.

Батулин уважал Лысенко, как родного отца, и готов был верить его словам, что Шлыков – не предатель. Но в глубине души жило сомнение: как мог старый рабочий, большевик взять на себя такую страшную, такую неблагодарную роль?..

«Слов нет, – думал Батулин, – Мишка с ребятами зарвался. Надо было удержать ребят...»

Тревожно было на сердце у Батулина.

Еще было темно, когда раздался резкий стук в калитку. Послышалась громкая ругань.

«Пришли... Обыск!..»

Батулин вскочил, пытаясь еще раз вспомнить: все ли дома в порядке, не осталось ли чего-нибудь подозрительного...

Стук повторился. Младший брат Батулина, пятнадцатилетний Виктор, бросился было к двери.

– Подожди, Витя. Я сам.

В калитку колотили чем-то тяжелым... Проснулась маленькая дочурка Батулина, заплакала. Мать прижала ее к груди, пытаясь успокоить.

– Петя, что это?.. За тобой?

Не отвечая, Батулин вышел во двор.

– Открывай! – зло кричал кто-то. – Открывай!..

Батулин не торопясь отодвинул засов. Глаза резанул яркий луч электрического фонарика. В полосе света Батулин увидел направленное на него дуло револьвера.

– Руки вверх! Где хозяин?

Батулин поднял свою единственную руку.

– Вторую поднимай!.. Стрелять буду!

– Втором мне уже не поднять, – спокойно отвечал Батулин. – Вторую я на войне потерял. Что вам надо?

– Веди в хату. Быстро! – пропуская Батулина вперед и толкая его дулом револьвера в спину, крикнул немец.

Обыск длился долго. Жандармы все перетрясли, выбросили из комода белье, внимательно перелистали книги. Батулин, улучив минуту, шепнул брату:

– Утром разыщи на комбинате Лысенко и расскажи обо всем. Но так, чтобы никто не видел и не слышал...

Витя молча кивнул головой.

Ничего не найдя, жандармы ушли и увели с собой Батулина.

Мальчик готов был сейчас же бежать к Лысенко. Но за окнами едва брезжил рассвет, к тому же Витя понимал, что теперь он единственный мужчина в доме: надо успокоить мать, жену брата и хоть немного прибраться в квартире после учиненного жандармами разгрома.

Стараясь подражать брату, он говорил спокойно:

– Слезам горю не поможешь, мама. Не плачь.

Когда совсем рассвело, Витя сказал матери:

– Мама, мне надо уйти, по делу... Петя велел. Ты не волнуйся. Приляг. Я – мигом. Через два часа буду дома.

Но, как только он открыл калитку, перед ним вырос квартальный полицейский.

– Куда? Марш в хату!

Войдя в дом, полицейский грозно заявил:

– Зря носу не показывать на улицу! И никому ни слова о том, что было ночью. Если соседи спросят, отвечать: уехал, а куда – не знаем. Понятно? Иначе всех в лагерь запрячу.

Оглядев комнату, полицейский увидел на буфете баночку с медом и сунул ее в карман.

– Приду – проверю. И запомните: не болтать и по улице не шляться!

Уходя, он сдернул с вешалки теплый шарф, обмотал им шею и вышел, громко хлопнув дверью.

Как только за полицаем закрылась калитка, Витя побежал к воротам. Он дождался, когда полицейский свернул в переулок, и вышел на улицу. Ему хотелось побежать. Но он нарочно шел медленно, чтобы не привлекать к себе внимания.

У одного из перекрестков остановилась легковая машина. Как только Витя поравнялся с ней, дверца открылась, и шофер, в форме немецкого солдата, спросил:

– Мальчик, это что за улиц? Куда я заехал?

Шофер говорил на русском языке с сильным акцентом, но акцент этот не был похож на немецкий.

– Это Покровка, – смело ответил Витя. – А вам куда надо?

– Комбинат Главмаргарин. Далеко?

– Далеко. На другом конце города.

– Дорогу знаешь?

– Как не знать? Каждый знает.

– Садись. Будешь показывать.

Витя чуть не вскрикнул от радости. Вот удача так удача: на машине он быстро домчится до комбината. Быть может, ему даже удастся въехать в ворота, а там уж он легко разыщет Лысенко.

Водитель оказался словоохотливым: рассказал, что он словак, год назад призван в немецкую армию и работает шофером у господина советника полевой жандармерии. Начальник послал его заправиться бензином, и он заблудился в незнакомом городе и боится, что господин советник будет ругать его за опоздание.

Витя насторожился. Как раз полевые жандармы увели Петю. Может быть, шофер знает что-нибудь о брате? И мальчик, стараясь сдержать в голосе дрожь, спросил:

– Вы что же, и арестованных возите?

Словак ответил, что нет, не возит, – слава богу, этой неприятной работой ему не приходится заниматься. Но машина господина советника стоит во дворе жандармского управления, и шоферу частенько случается видеть, как приводят арестованных. Да и сегодня на рассвете доставили одного безрукого...

– Безрукого? – невольно вырвалось у Вити. – В сером стеганом ватнике?

Шофер, прищурившись, взглянул на мальчика.

– А ты откуда знаешь? Твой знакомый?

– Нет, нет, я так просто спросил...

К счастью для Вити, машина уже подъехала к комбинату и шофер прекратил расспросы. Он предъявил пропуск, машина въехала в ворота и остановилась.

Витя открыл дверцу, хотел было незаметно ускользнуть, но чья-то рука схватила его за ворот. Мальчик поднял глаза. Перед ним стоял маленького роста, тщедушный немец, с лицом, сморщенным, как сухой гриб. Он что-то сердито и визгливо кричал.

Витя готов был ударить этого противного карлика, но вовремя удержался: «Надо все стерпеть, – подумал он, – лишь бы увидеть Лысенко...»

Шофер выскочил из машины. Вытянувшись перед немцем, он что-то быстро говорил ему. Должно быть, объяснял, как мальчик очутился в машине.

Немец выпустил Витю и оглянулся. Невдалеке стояла группа рабочих – они хмуро смотрели на него. Немец порылся в кармане и, криво улыбаясь, протянул Вите денежную марку.

Мальчик машинально взял бумажку. Но вдруг вся кровь прилила к его лицу. Он швырнул марку под ноги немцу и бросился в сторону.

Витя услышал за собой визгливый крик немца. Впереди стоял высокий штабель досок. Мальчик спрятался за него... Все было тихо кругом. Через минуту он выглянул: немца уже не было, машина выезжала из ворот...

...Жандармы вели Батурина по безлюдным улицам. На востоке чуть розовело небо. В этот ранний утренний час, когда улицы пустынные, город показался Батурину особенно чистым и красивым. Он шел по знакомым улицам и с тоской думал о том, доведется ли ему еще когда-нибудь увидеть эти дома, сады, бульвары...

Батурина сопровождали восемь жандармов.

«Важной персоной считают», – подумал он.

О семье он не беспокоился. Он был уверен: Витя разыщет Лысенко, и тот поможет семье... «Но кто же предал?..» На одно мгновение мелькнула мысль: «Не Шлыков ли? Нет, не может быть!..»

* * *

Жандармы подошли к центру города. Здесь, на углу Красной и улицы Пушкина, стоял большой трехэтажный дом под № 33, облицованный светлыми метлахскими плитками. После захвата немцами Краснодара в нем разместилась краевая полиция, но недавно в Краснодар из Майкопа переехало управление полевой жандармерии и заняло этот дом.

«Вот куда ведут, – подумал Батурин. – Плохо: отсюда живым не выйдешь...»

Жандармы вошли через ворота на широкий асфальтированный двор. В глубине его под навесом стояли машины. Одна из них выехала на середину двора. Около нее возился шофер в форме немецкого солдата.

Конвоиры остановились. Жандарм вошел в здание доложить о приводе арестованного. Батурин почувствовал на себе внимательный взгляд. Обернувшись, он увидел шофера, возившегося у машины. По внешнему виду водитель не был похож на немца. И Батурин уловил в его взгляде сочувствие и жалость.

Жандарм вернулся и коротко бросил:

– В подвал!

Широкая лестница вела глубоко под землю. Крутой поворот влево, и перед Батуриным массивная железная дверь. Конвоир постучал. Хриплый голос за дверью спросил:

– От кого?

– От капитана Вагнера.

Дверь открылась. Батурин очутился в длинном пустом коридоре. По обе стороны – наглухо закрытые двери.

Подошел надзиратель и внимательно оглядел арестованного.

Жандарм что-то сказал надзирателю.

– За мной! – приказал тот, обращаясь к Батурину. Они довольно долго шли по коридору, потом остановились перед дверью. Щелкнул ключ в замке. Заскрипели петли. Надзиратель толкнул Батурина в спину. Дверь захлопнулась.

Первое мгновение Батурина ничего не мог разобрать. Через узкую щель почти под самым потолком еле пробивался слабый предутренний свет. В камере стоял полумрак. Батурина шагнул вперед и сразу же наткнулся на кого-то, лежащего на полу.

– Тише, черт... По людям ходишь...

Сказавший это со стоном поднялся. Батурина увидел перед собой обезображенное, все в кровоподтеках лицо.

– Дай-ка я на тебя погляжу, хлопец... Нет, не наш. Городской?

– Из Краснодара. А вы?

– Из разных мы мест... Станичники. Ну, что ж, располагайся. Только лечь у нас негде. Тут и сесть-то трудненько: полна коробочка...

Когда совсем рассвело и глаза Батурина привыкли к полумраку, он внимательно оглядел камеру. Она действительно была переполнена сверх всякой меры. Вплотную друг к другу сидели на полу седобородые казаки, молодые хлопцы, женщины с грудными ребятами. Слышались стоны. Кто-то бредил. В углу плакал ребенок. В камере было душно, дышалось с трудом. Над головами низко навис грязный сводчатый потолок, как крышка громадного бетонного гроба...

Весь день просидел Батурина на каменном полу камеры. Ночью загремел засов, в коридоре выкрикнули его фамилию. Сидевшие на полу посторонились.

В коридоре Батурина ждали два жандарма. В руках у них были револьверы.

Батурина повели по лестнице наверх, потом по двору, потом опять по каким-то коридорам. Наконец жандармы остановились у плотно закрытой двери. Один из них осторожно постучал.

– Нельзя! – раздалось за дверью.

Ждали минут пять. Дверь неожиданно открылась. Из нее в коридор вышли жандармы и между ними... Гриша из батуринской бригады! Его лицо было разбито. Крупными каплями стекала кровь на порванную рубашку. Он шатался, как пьяный.

Гриша первым узнал Батурина, бросился было к нему. Но жандармы рванули его в сторону, и Гриша так ничего и не успел сказать.

– Давай сюда! – раздался за дверью голос.

Переступив порог, Батурина увидел посреди комнаты большой белый стол с массивными ножками. Крышка стола была залита кровью.

Батурина вздрогнул. Почувствовал, как задрожали колени...

Но он быстро овладел собой и уже спокойно посмотрел на немца-лейтенанта, стоявшего по другую сторону стола.

Батурина невольно вспомнилось: вот точно такие же глаза, маленькие, заплывшие, злые, видел он однажды у дикого кабана во время охоты в предгорьях...

– Ну-с, господин Батурина, – заговорил немец, растягивая слова, – ваши друзья многое рассказали. Мне известно почти все. Надеюсь, с вами мы быстро закончим: надо выяснить одно маленькое недоразумение. Тем более, что и вам, очевидно, хочется поскорее домой: у вас семья – мать, жена, маленькая дочь, брат.

– Спрашивайте...

– Вот и прекрасно!.. Вы работаете начальником механических мастерских на комбинате и выполняете заказ по восстановлению компрессорного отделения?

– Да, – Батурин утвердительно кивнул головой.

– Зачем вы прятали готовые детали?

– Мы их не прятали, мы просто хотели, чтобы у нас всегда оставался запас готовых деталей.

– Похвально! А почему же вы так хранили свои запасы, что нам только с большим трудом удалось их обнаружить?

– Мы работали для гидрозавода и боялись, как бы другие заводы не взяли их у нас.

– А не кажется ли вам, господин Батурин, что это похоже на саботаж? Вы делали детали, прятали их и опять делали новые.

– Какой же это саботаж? Мы работали добросовестно, времени не теряли...

– Добросовестно? А кто вас учил так «добросовестно» работать?

– Никто. Мы сами...

– Сами? – неожиданно крикнул немец. – Сами? Вы что же, сговорились, мерзавцы? «Молодцы ребята, не выдали!» – пронеслось в голове Батурина, и он даже чуть заметно улыбнулся.

– Смеешься? – снова заорал лейтенант. – Посмотрим, как ты сейчас будешь смеяться... Привязать!

Батурина схватили, бросили на стол. Проволокой прикрутили ноги и руки к ножкам стола, захлестнули шею провололочной петлей и привязали к четвертой ножке.

– Накачать его! Соли не жалеть!

Один из немцев принес небольшой насос и сунул в ноздри Батурина наконечники довольно длинных резиновых трубок, тянувшихся от насоса. Другой зачерпнул в ведре густой рассол, добавил в него еще горсть соли, помешал и влил в насос. Захлопнул крышку, завинтил какой-то винт и начал качать насос.

Батурин почувствовал, как тепловатый рассол льется ему в горло. Это было мучительно. Подступила тошнота. Давясь и захлебываясь, Батурин рванулся, но провололочные путы крепко держали его. Немцы смеялись. Стрелка манометра медленно ползла вверх. В стеклянной трубочке колебался, плавно опускаясь, водяной столб.

Батурин почувствовал резкую боль: живот его раздувался.

– Довольно! – приказал лейтенант. – Свести его вниз погреться.

Немцы потащили обессиленного Батурина в коридор.

Камера, куда бросили его, была темная, узкая, с низким потолком. От одной стены до другой тянулась толстая труба, пышущая жаром.

Батурин упал на бетонный пол, больно ударился обо что-то головой и потерял сознание.

Когда Батурин очнулся, первое, что он ощутил, – это была нестерпимая жара. Было так жарко, будто его бросили в раскаленную печь. В висках стучало. Внутренности жгло огнем. Широко раскрыв рот, Батурин старался поймать хоть каплю свежего воздуха, но, казалось, в этой камере нет воздуха. Мучительно хотелось пить.

– Воды!.. Братцы!.. Воды!.. – прохрипел кто-то рядом с Батуриным.

Батурин повернулся, хотел было подползти к соседу, но снова потерял сознание. Он то приходил в себя, то снова проваливался в душную темноту. Он видел перед собой воду, много воды. Он купается в Кубани, пригоршнями пьет холодную прозрачную воду...

* * *

Когда Батуриин окончательно пришел в себя, все его тело ныло. На лице запеклась кровь: видно, он разбил голову, падая на пол. Живот опал, но до него нельзя было дотронуться: казалось, внутри все было сожжено...

Загремел засов. Щелкнул дверной замок. В открытую дверь вместе с лучом фонаря ворвался свежий воздух. Голова закружилась...

– Вот этот! – услышал Батуриин.

Его подняли, поставили на ноги и повели по коридору. Потом вывели во двор.

Стояла прохладная темная ночь. Ночной воздух освежил Батурина. Только внутри все по-прежнему горело и все так же мучила жажда.

Его снова ввели в какой-то коридор. Наверху, под самым потолком, тускло горели электрические лампочки. И вдруг Батуриин увидел: открылась дверь, и из нее вышел... Петр Евлампиевич Бутенко. Он шел свободно, без конвоя, с маленьким чемоданчиком в руке.

Вначале Батуриин решил, что ему почудилось; нет, это был Бутенко с комбината – механик точных приборов – в обычной своей замасленной спецовке, худой, сутулый, с длинными волосами, делавшими его похожим на художника.

Когда Бутенко поравнялся с Батуриным и глаза их встретились, Батурина показалось: Бутенко ободряюще улыбнулся. И все же сердце у Батурина тревожно колотилось: «Кто же Бутенко – враг или друг?..»

– Давай сюда! – раздался знакомый голос лейтенанта.

Батурина втолкнули в комнату, ту самую, где недавно его накачивали рассолом. И первое, что увидел механик, было ведро воды. Оно стояло на полу перед столом.

– Вам хочется пить, господин Батуриин? – насмешливо спросил немецкий лейтенант. Как и в прошлый раз, он стоял у стола, держа руки в карманах. – Вам хочется пить, господин Батуриин? – повторил он. – Вот полюбуйтесь – вода чистая, холодная, без рассола. Если вы готовы быть сегодня более разговорчивым, чем в позапрошлую ночь, – пейте на здоровье... Ну, так как же? Согласны?

Батуриин собрал всю свою волю, провел языком по пересохшим, растрескавшимся губам.

– Нам не о чем говорить...

– Вы правы: нам не о чем долго говорить. Я хочу от вас только фамилию того, кто посоветовал вам прятать готовые детали. Только фамилию! Тогда вы вдоволь напьетесь воды и я отпущу вас домой. Я не сомневаюсь – вы скажете мне эту фамилию: не такие, как вы, становились у меня разговорчивыми! И поэтому я готов дать вам аванс... Воды! Полкружки! – приказал он солдату.

Какое это было наслаждение – пить воду! Зубы стучали о края кружки. Тонкая струйка стекала по подбородку. И вода казалась такой драгоценной, что было жалко каждую каплю.

Три-четыре глотка – кружка опустела, но жажда не утихла. Пожалуй, пить хотелось даже еще сильнее. Батуриин поднял глаза. Лейтенант продолжал улыбаться. Ему, видно, доставляло удовольствие наблюдать за мучениями механика. И снова Батуриин собрал всю свою волю и спокойно посмотрел в лицо немца.

– Еще хотите, господин Батуриин?

– Нет... не хочу...

– Скоро же вы оправились! Ну, что же, тем лучше. Итак, фамилия того, кто руководил вами?

– Я не скажу ничего другого, кроме того, что уже сказал.

– Скажешь! – заорал немец. – Скажешь! Эй, раздеть его!

Подбежали два немецких солдата, повалили Батурина на стол, стащили с него сапоги и снова привязали к столу. Один из немцев начал было присоединять электропровода к его ногам, как неожиданно зазвонил телефон на столе лейтенанта.

Немец назвал в трубку свою фамилию. Голос его мгновенно изменился – стал почтительным и приторно сладким. Солдаты замерли, склонившись над Батуриным, стараясь не дышать.

Телефонный разговор кончился, лейтенант сказал «слушаю-с» и положил трубку.

– Твое счастье, что мне сейчас некогда. Но мы еще увидимся! Советую на досуге подумать... Отвести его обратно! Быстро!

Солдаты подхватили Батурина под руки и вытащили из комнаты. Снова они шли по коридору, по двору, снова по коридору. И, наконец, все та же горячая камера... И опять кружилась голова, мутился рассудок, и перед глазами по-прежнему стояла полноводная широкая Кубань. Кто-то бредил рядом... Батурин вскоре потерял всякое представление о времени...

Очнулся он в коридоре: всех, кто был в камере, немцы неожиданно выбросили из нее. Немцы торопились: должно быть, готовили место для новых «жильцов».

Прохладный воздух коридора освежил Батурина. Его перевели в общую камеру. И тут ему повезло: вскоре всех, кто сидел в этой камере, повели в уборную.

Батурин припал к водопроводному крану. Как вкусна была вода! Батурин пил, пил, не отрываясь, и никак не мог напиться досыта. Громадным усилием воли он заставил себя оторваться от крана...

В камеру он вернулся значительно окрепшим: уже не так мучила жажда, утихли резкие боли в желудке.

И вдруг снова открылась дверь. Грубый голос крикнул:

– Батурин! Выходи!

Неужели опять на допрос?.. На этот раз механика повели в другой конец коридора и толкнули в полутемную камеру.

В тусклом свете слабой лампочки, висевшей под самым потолком, Батурин разглядел смутные силуэты людей. И вдруг они, эти люди, бросились к нему. Они обнимали его, радостно и горячо шепча:

– Петька!.. Батурин!.. Живой!..

Только тут механик понял, что это были его ребята, все шестеро батурицев. И никого постороннего. Только свои!

Они улеглись на полу, тесно прижавшись друг к другу, и, возбужденные неожиданной встречей, перебивая друг друга, шепотом рассказывали о том, как их пытали. Батурин вглядывался в истомленные лица товарищей и радостно улыбался: друзья снова вместе, и все выстояли – ни один не проговорился, не предал.

Но все-таки кто же донес на них? Батурин рассказал о своей встрече с Бутенко. Мнения разделились. Одни считали, что Бутенко – изменник, подосланный Шлыковым и продавшийся немцам: иначе почему же ночью, как свой человек, свободно ходит он по коридорам жандармского управления? Другие, наоборот, как утопающий за соломинку, ухватились за Бутенко: он – наш, его Лысенко послал разведчиком к немцам...

Батурин готов был принять эту версию: он запомнил взгляд Бутенко там, в коридоре – ласковый, обнадеживающий. Механик готов был охотно поверить, что

Бутенко – друг, что он мог попасть к жандармам только по заданию Лысенко. Но какое это было задание?..

Батурич мучился в догадках. Единственное, что было ему ясно: их посадили в одну камеру – и это плохо. Допросы кончены. Немцы их не выпустят живыми...

Только бы не опоздал Лысенко, если он действительно задумал спасти их!..

Глава XII

Как только машина с немецким советником выехала из ворот комбината, Витя отправился на розыски Лысенко. Ему вскоре повезло: он встретил Свирида Сидоровича у входа в контору.

Лысенко не узнал Витю. Когда же мальчик сказал ему, что он брат Петра Батурина, Лысенко обнял его за плечи и сказал:

– Подожди тут с полчаса, а потом приходи в контору. Скажешь – мой племянник...

В конторе Витя застал Лысенко одного. Инженер внимательно выслушал мальчика, спросил, не взяли ли чего-нибудь жандармы при обыске. Потом вызвал Анну Потаповну и, отойдя в сторону, о чем-то поговорил с нею. Потаповна взглянула на Витю и быстро вышла.

Лысенко дружески взял мальчика под руку и вышел с ним в коридор.

– Скажи матери: сделаем все, что сможем. А за сведения спасибо – они нам пригодятся. Анна Потаповна выведет тебя за ворота. Лучше было бы тебе не сразу идти домой: походи по городу, чтобы отвязаться от шпииков, если они будут следить за тобой. Помни: на комбинате я – твой дядя. Если узнаешь что-нибудь новое, важное, приходи к воротам и вызови Анну Потаповну. Она знает, где меня найти. Ну, хлопцев, не вешай носа!..

Выходя из кабинета, Витя столкнулся у дверей с незнакомым ему человеком, худым, невысокого роста, сутулым. Витю поразили его длинные прямые волосы...

Мальчик сделал так, как велел ему Лысенко. Прежде чем идти домой, он долго бродил по городу, кружил по проходным дворам и внимательно наблюдал, нет ли за ним слежки. Ничего подозрительного он не заметил, однако не решился отправиться прямо домой, а заглянул к Володе, своему приятелю, с которым он подружился в пионерском лагере в Геленджике. Володя жил в близком соседстве со зданием жандармерии, в первом этаже маленького домика, примыкавшего к служебному помещению немецких жандармов. Войдя во двор, Витя заглянул в окно Володиной комнаты: Володя сидел за столом у тисков и что-то мастерил.

– Володька, здорово!

Володя вздрогнул от неожиданности и быстро сунул что-то под стол.

Когда Витя вошел в комнату, на столе ничего не было, но сбоку, из-под стола, торчало ружейное дуло.

– Эх ты, шляпа! – укоризненно сказал Витя, вытаскивая из-под стола маленькое ружье. – Как же ты так? Уж если прятать, так прятать. А то выставил дуло наружу и думаешь, никто ружья не увидит...

Об этом ружье я расскажу еще несколько дальше. К сожалению; я не знаю точно, что это было за ружье. Мне известно, что еще до войны оно подвергалось многократным «реконструкциям», в чем принимал участие и мой покойный младший сын Геня, что это ружье будто бы на сто метров пробивало пулей полудюймовую сырую доску и к тому же было почти бесшумным. Вот и все, что удалось мне узнать из сбивчивых рассказов ребятишек об этом фантастическом ружье. Доподлинно

известно одно: ружье действительно существовало и стреляло так, как положено стрелять ружью.

Витя по секрету рассказал своему другу об аресте старшего брата – он не мог не поделиться с ним этим – и о своей поездке со словаком-шофером на комбинат. О встрече с Лысенко умолчал. А когда Володя узнал, как немец-советник схватил его приятеля за шиворот, а потом посмел дать ему паршивую немецкую марку, друзья решили отомстить немцу и орудием своей мести выбрали замечательное Володино ружье.

Ребята читали, что террористы, организуя покушение на какого-нибудь видного сановника, предварительно вели за ним неусыпную слежку, чтобы установить его обычный распорядок дня. Так они и решили сделать. Но как и откуда следить за немцем? У ворот здания жандармерии не разрешалось даже останавливаться... Приятелей вывела из затруднения давнишняя страсть Володи к голубиному спорту. Мальчик вспомнил, что по эту сторону здания жандармерии стоит дом с большим слуховым окном на крыше. Из этого окна он когда-то гонял голубей. Пробраться к окну нетрудно было по высокой густолиственной алыче. С крыши этого дома, осторожно выглядывая из слухового окна, можно было наблюдать за двором жандармерии.

В тот же вечер ребята тайком пробрались на крышу, заняли свой наблюдательный пост. Они сидели дотемна, но в этот вечер им так и не пришлось увидеть на дворе тщедушную фигурку немецкого советника.

На следующее утро, лишь только наступило время свободного хождения по улицам, ребята снова сидели у слухового окна. Они ждали несколько часов – советник не появлялся. Это было томительно скучно: сидеть на корточках и смотреть, как въезжают и выезжают машины, как, по-гусиному вскидывая ноги, проходит смена немецкого караула, как какие-то подозрительные люди в штатском снуют по двору. Но ребята терпеливо сидели на чердаке.

Наступило обеденное время. В желудках урчало: ломоть хлеба, который они взяли с собой, давно был съеден. Друзья решили: Володя спустится вниз и принесет поесть. Но лишь только он начал перелезать с крыши на дерево, как услышал удивленное восклицание Вити.

Володя бросился к приятелю, выхватил у него из рук ружье и заглянул во двор. Советника на дворе не было. Там, как обычно, стояли машины, медленно прохаживались часовые, суетились какие-то штатские, а между ними спокойно, неторопливо шел худой сутулый человек с длинными волосами, с маленьким кожаным чемоданчиком в руке.

– Ты видишь? Видишь? – взволнованно шептал Витя. – Этот волосатый вчера был на комбинате. А сейчас он здесь! Ходит, как дома. Шпик! Несомненно, шпик!

– Ну, и черт с ним – пусть ходит...

– Дурак! Ведь если это шпик, то надо сказать на комбинате!

– Кому же ты хочешь сказать?

– Это уж мое дело!.. Ты сиди, Володька, а я сбегаю...

Не больше чем через час Витя стоял перед Потаповной и та сурово отчитывала его:

– Ты где же это шляешься, хлопец? Была я у твоей матери, а она слезы льет: ушел, говорит, мой меньшей чуть свет, и до сих пор от него ни слуху ни духу. Ты не маленький, должен понимать, что за старшего в доме остался.

– Я не шляюсь. У меня дело...

У Лысенко Витя застал незнакомого ему старика. Этот старик стоял у стола, опираясь на палку. Витя смутился. Анна Потаповна, плотно прикрыв за собой дверь, подошла к Лысенко и стала ему рассказывать, что только что была у Батуриных, что вот этот хлопец дурит, горя матери прибавляет: шляется и глаз домой не показывает...

– Хорошо, Потаповна, разберемся... А ты встань-ка пока в коридоре да посторожи, чтобы кто-нибудь чужой к нам не заглянул... Ну, Виктор, рассказывай, какое у тебя дело?

Витя недоверчиво покосился на старика с палкой.

– Не бойся, – сказал Лысенко. – Говори.

Витя рассказал, что часа два назад по двору жандармского управления прошел без всякой охраны тот самый худой, длинноволосый человек, с которым в прошлый раз Витя столкнулся у дверей Лысенко. Только немецкие шпики ходят так спокойно по этому двору!..

– Молодец! – сказал Лысенко, крепко пожимая Витину руку. Лицо его было серьезно, но Вите показалось, что на мгновение в глазах Лысенко мелькнула улыбка. – И впредь так поступай: это для нас очень важно! Только помни: никому ни слова...

– А скажи-ка, друг мой, – неожиданно заговорил молчавший до сих пор старик с палкой, – как же ты этого длинноволосого на дворе увидел?

– Мы с Володей на крышу залезли... – начал было рассказывать Витя и тут же замолчал: идя на комбинат, он решил не говорить Лысенко об охоте на советника.

– А зачем вы на эту крышу залезли? – продолжал свой допрос старик с палкой.

Витя тут же придумал ответ:

– У нас с Володей до войны там голубятня была. Вот мы и полезли посмотреть, остались ли голуби...

– Так, значит, только за голубями лазили? – смотря в упор на Витю, недоверчиво переспросил старик.

Виктор не знал, что отвечать, но в этот момент открылась дверь и вошла Потаповна.

– К тебе, Гавриил Артамоныч, рыжий немец идет, – тихо сказала она.

– Ну, Виктор, уходи, – подталкивая мальчика к двери, быстро проговорил Лысенко. – А голубей своих брось – не то прямо с голубятни в подвал угодишь. Лучше с матерью посиди, помогай ей по хозяйству. А за длинноволосого спасибо: эти сведения нам пригодятся...

* * *

В этот же день на комбинате произошло довольно любопытное происшествие, о котором стоит рассказать.

Перед самым концом работы комбинатовцы были удивлены, увидев множество легковых машин, въехавших на территорию Главмаргарина. Потом пришел военный оркестр. И вскоре немцы из комендантской команды Вебера, обходя цехи с винтовками, выгоняли рабочих и собирали всех на третьем этаже, в большом зале маргаринового завода.

Из просторного помещения было вынесено все лишнее. Установили два составленных вместе стола. Главмаргариновцы не верили своим глазам: эти столы были покрыты красной материей. По сторонам их поставили фикусы, а перед столами в два ряда стояли скамьи. Сбоку отдельным рядом были расставлены стулья. На эти стулья рабочих и служащих не пускали.

Лысенко, поднимавшийся в зал одним из последних, видел на лестнице главного входа завода важных генералов и другие высшие чины. Здесь же собрались и все комбинатовские «хозяева».

Важные гости чинно расселись на стульях. Скамейки заняли рабочие, но большинству из них мест не хватило, и они стояли.

Около столов суетился кинооператор, устанавливая свой аппарат.

Наконец какой-то неизвестный главмаргариновец немец с напомаженными до блеска волосами махнул рукой оркестру, и тот заиграл бравурный марш.

Кинооператор, пристроившись сбоку на досках, положенных на столы, вертел ручку аппарата.

Когда оркестр смолк, напомаженный немец сказал:

– Мы хотим рассказать всем собравшимся здесь рабочим комбината о наших задачах. Мы заинтересованы в жизненном пространстве. Россия не может в дальнейшем существовать как индустриальная страна. Она будет поставщиком хлеба и других сельскохозяйственных продуктов Германии. Мы не нуждаемся в фабриках и заводах России. Фюрер сказал солдатам великой Германии, что они призваны самой историей и своим происхождением владеть всем миром... Жизненные пространства на востоке – их давнишняя мечта. Им будут там выделены большие наделы, и русские должны будут им служить. Поэтому понятно, что всякое выступление против хотя бы одного немца, немецкого солдата или всех, кто помогает немецкому командованию, будет беспощадно караться. Мы будем добиваться безоговорочных выполнений всех наших приказов и распоряжений. Все! Можете расходиться! – обратился докладчик к комбинатовцам.

Рабочие молча расходились...

– Так, значит, предупредили! Теперь все совсем понятно! – услышал Лысенко чей-то голос в толпе.

* * *

...На улице Гоголя, недалеко от базара, находилась контора, в которой хранились планы земельных участков. Это вполне безобидное учреждение было ничем не примечательно для полицаев и для жандармов.

Вскоре после собрания на комбинате Лысенко получил с нарочным извещение, в котором ему предлагалось прийти в воскресенье в контору земельных участков с планом дома и документами на его пользование для проверки последних. Прием от двух до четырех.

Прочитав извещение, он усмехнулся и показал Вале.

– Зачем это? – удивилась она. – И надо ли вам идти?

– Надо, Валя, все в порядке! – отвечал Лысенко. – Это условное приглашение городского комитета партии на собрание. Не мешало бы и тебе пойти от Главмаргарина.

Валя обрадованно согласилась.

На улице Гоголя, тем более в воскресенье, было не оченьлюдно. У подъезда дома, в котором помещалась земельная контора, стоял полицай.

Валя испуганно дернула Лысенко за рукав. Тот спокойно пожал ей руку, увидев, что у полицая торчит из кармана газета «Кубань», и смело прошел в приемную.

Там не было никого, кроме барышни за одним из столиков.

– Что вам угодно? – спросила она Лысенко.

– Может ли нас принять господин Соколов с просьбой проверить земельное дело?

- Сегодня воскресенье, и контора не работает, – ответила барышня.
- Но у нас приглашение как раз на сегодня!
- Хорошо, – ответила барышня, – в таком случае пройдите к нему в кабинет...

В довольно просторной комнате сидело человек двадцать, тихо между собой переговариваясь.

Лысенко поздоровался с Деревянко и с сидевшим рядом с ним седым коммерческим директором «Камелии». Потом пожал руки нескольким ближе к нему находившимся товарищам и сел на свободное место. Валя села рядом.

Вслед за ними вошли еще несколько человек.

Наконец Деревянко встал и, обращаясь к присутствующим, сказал:

– Товарищи, мы решили созвать представителей подпольных партийных организаций предприятий города Краснодара по весьма важному вопросу. Хотя приняты все меры к вашей безопасности, но увлекаться нам нельзя. На все совещание отведено два часа. Повестка дня: передача опыта главмаргариновцев в «тихой войне» с немцами.

– А когда же будет «громкая война»? – спросил сидевший в первом ряду пожилой рабочий.

– Всякому овощу свое время, – ответил ему Деревянко. – Давайте, товарищи, не терять времени. Слово имеет Свирид Сидорович.

Не спеша, обстоятельно рассказал Лысенко о событиях последнего времени на комбинате, особенно после приезда Родриана и немецких инженеров.

Когда он кончил, все тот же неугомонный пожилой рабочий спросил:

– Что ж, вы так до самого прихода армии и будете заниматься «тихой войной»? А партизаны за вас будут таскать каштаны из огня?

– Подождите, – остановил его Деревянко, – я отвечу на этот вопрос в заключение. Ряд предприятий, – продолжал он, – как, например, 456-й завод, уже применяет этот метод войны, невидимый, но еще более сильный по своим результатам, чем открытая война, в наших подпольных условиях. На мармеладном комбинате, где немцы ремонтируют танки, бронетранспортеры и автомашины, работают наши русские инженеры и рабочие. Мы, применяя опыт главмаргариновцев, научились делать, например, капитальный ремонт блоков так, что они выдерживают испытание в цехе при приемке, а в боевых условиях при начавшейся стрельбе или быстрой езде выходят из строя. Сменить мотор под огнем или в дороге – это не так просто! Далее, на заводе Седина, где немцы начали делать горные вьюки, рабочие не отстали от других. За их «работу» немцы уже расстреляли директора завода, предателя, в угоду немцам дробившего зубы рабочим. Это тоже неплохо. Надо только не подводить наших людей, если они возглавили то или иное дело в силу необходимости. Вопрос о срыве работы на предприятиях немцев – большое дело. Городской комитет партии будет строго спрашивать со своих членов и комсомольцев за их активное участие в этой войне. Дальше идет борьба за единство наших русских людей и за разложение морального состояния оккупантов. События нарастают с необыкновенной быстротой. Немцы остановлены Советской Армией у Сталинграда и Моздока. Это огромная победа. Мы твердо верим, что разгром зарвавшихся оккупантов близок. Испытания только закаляют большевиков. И мы твердо верим, что наша партия приведет народы Советского Союза к победе над фашизмом...

Забыв обо всем, что ее окружает, слушала Валя эти слова. «Мы здесь, мы живы, – думала она, – партия жива, партия борется, она с нами! Значит, мы победим!..»

* * *

Вернемся немного назад. В то памятное утро, когда Виктор после ареста брата добрался, наконец, до Лысенко, тот уже знал об аресте Батурина и всей его прежней бригады. Больше того, Лысенко успел выработать план действий. Когда Витя принес подтверждение, что его старший брат в жандармском управлении, Лысенко решил немедленно вызвать Бутенко.

Дело в том, что накануне вечером из жандармского управления позвонили Штифту и предложили ему на следующий день прислать мастера починить пишущие машинки. Об этом узнал Шлык, посоветовался с Лысенко, и они решили послать механика точных приборов, Петра Евлампиевича Бутенко: он был единственным человеком на комбинате, который вполне мог справиться с заданием. Но вечером механик рано ушел из цеха, дома его не застали, и разговор с ним пришлось отложить на утро. Утром же, когда Лысенко узнал об аресте Батурина, задание о присылке в жандармерию мастера оказалось как нельзя более кстати.

Для предстоящей работы едва ли можно было найти более подходящего человека, чем Петр Евлампиевич Бутенко. Это был скромный, честный, горячо преданный партии человек. На него можно было вполне положиться. Разговор Лысенко с ним был очень краток.

– Сегодня тебе, Бутенко, надо пойти в жандармское управление.

Бутенко вскинул на Свирида Сидоровича свои большие темные глаза и спокойно ответил:

– Хорошо. Какое задание?

– Заданий будет два. Первое – официальное: починить пишущие машинки. Второе – посложнее. Сегодня ночью арестована батуринская бригада. Их взяли жандармы. Надо постараться разузнать, кто предал батуринцев. Ты ведь знаешь немецкий?

– Плоховато, Свирид Сидорович, – словно извиняясь, ответил Бутенко.

– Все-таки хоть немного знаешь. Ну, тебе и книги в руки. Отправляйся в управление, с работой не спеши. Гляди в оба глаза, слушай в оба уха. Не забудь почитать бумажки в машинном бюро, если, конечно, представится возможность. Не показывай вида, что знаешь немецкий. Будь осторожен. Постарайся, разузнай, какой мерзавец выдал батуринцев... Понял, Бутенко?

– Понял, Свирид Сидорович. Когда надо уходить?

– Сейчас же. Бери инструменты и отправляйся. Дай-ка руку на прощанье, дорогой. Кто знает...

– Да что вы, Свирид Сидорович! Что вы! Пустое... Вот только обидно: немецкий плохо знаю...

Взяв у Штифта сопроводительную бумажку и захватив свой маленький саквояжик, Бутенко отправился в жандармское управление. Начальник комендатуры фельдфебель Уль подписал ему пропуск, указал номер комнаты машинного бюро, и Бутенко оказался в длинном полутемном коридоре. Ему было не по себе: Петр Евлампиевич потом признался, что у него мурашки по спине забегали – ему казалось, что он не выйдет отсюда. Когда он шел по коридору, встречные немцы удивленно оглядывались на него, но никто его не остановил.

В машинном бюро машинистки показали ему несколько неисправных машинок и попытались было заговорить с ним по-немецки. Бутенко, сконфуженно улыбаясь, ответил, что, к сожалению, не знает немецкого языка. Это было сказано с такой подкупающей улыбкой, что машинистки поверили и, не стесняясь, громко говорили

при нем о странном русском мастере, который, судя по длинным волосам, вероятно, был когда-то художником или музыкантом...

Бутенко осмотрел машинки и заявил:

– Вот эту я починю сегодня. Этой займусь завтра. А над третьей, что стоит в шкафу, придется повозиться: надо сменить кое-какие детали. Поэтому я просил бы выдать мне пропуск на неделю, чтобы не беспокоить каждый раз господина фельдфебеля из комендатуры.

И это было сказано с такой непосредственностью, что никто не стал возражать. Солдат из охраны принес Бутенко временный пропуск на десять дней.

Механик приступил к ремонту машинок. Он работал не спеша, размеренно и четко. Первая машинка, которую он сдал, оказалась в полном порядке, и немецкий ефрейтор, принимавший работу, покровительственно похлопал его по плечу.

Склонившись над второй машинкой, Бутенко старался внимательно прислушиваться ко всему, что делалось и говорилось вокруг. Но за весь день он ничего интересного не услышал: немецкие машинистки работали молча, изредка перекидываясь незначительными фразами.

Бутенко пробовал издали заглядывать в бумажки, но ничего из этого не получилось: он был близорук. К концу дня Петру Евлампиевичу стало ясно: в том машинном бюро, где он работал, секретная корреспонденция не печаталась. Для этой цели, очевидно, в управлении было особое машинное бюро. Бутенко убедился в этом под вечер, когда ему принесли новую машинку и приказали немедленно же починить ее. Из разговоров машинисток он понял, что эта машинка из секретного бюро ефрейтора Фогеля.

Бутенко приуныл – в секретное бюро ему, конечно, не пробраться. Ничего другого не оставалось, как начать добросовестно трудиться.

Поздно вечером машинистки разошлись, осталась только дежурная. Работы у нее было мало, и белобрысая немка с увлечением читала какую-то толстую книгу, повернувшись спиной к Бутенко.

Около двух часов ночи в коридоре раздался шум. Казалось, кого-то волоком тащили по полу. Петр Евлампиевич услышал стоны, глухой удар, крик...

Бутенко давно уже закончил работу, но уходить из жандармского управления было поздно: ночного пропуска у него не было. И Бутенко дремал, сидя на стуле...

На рассвете снова протопали тяжелые шаги в коридоре. Снова послышались стоны. Молодой женский голос выкрикнул:

– Мама... Мамочка...

Бутенко резко повернулся к двери. Скрипнул стул. Машинистка посмотрела на него, усмехнулась и со скучающим видом снова уткнулась в книжку...

Петра Евлампиевича отпустили только рано утром. Ему дали шесть часов на отдых. В полдень Бутенко уже снова сидел в машинном бюро.

Он знал, что удача не приходит сразу, и по-прежнему терпеливо поджидал удобный случай, чтобы заглянуть в бумажки.

Около часу ночи к Бутенко подошел какой-то немец в штатском, приказал собрать инструменты и немедленно явиться в комнату № 5: в конце коридора, последняя дверь направо.

У Бутенко невольно дрогнуло сердце: кто знает, что за комната и что его ждет там?..

Выйдя в коридор, Бутенко столкнулся лицом к лицу... с Батуриным. Бутенко готов был броситься к товарищу, обнять его, но вовремя сдержался: Батурина вели два немецких солдата.

В комнате № 5 Бутенко увидел толстого усатого немца с ефрейторскими нашивками. Кроме него в комнате сидели две машинистки. И не прошло и десяти минут, как Бутенко понял: его привели в секретное бюро ефрейтора Фогеля.

Вначале Фогель недоверчиво приглядывался к русскому. Но Бутенко, стараясь не обращать на это внимания, сразу же углубился в работу. Раза два ефрейтор громким голосом бросал машинисткам насмешливые замечания насчет длинноволосого русского. Но Бутенко продолжал невозмутимо работать, делая вид, что он ничего не понимает. Случалось, что на несколько минут Бутенко оставляли совершенно одного в бюро. Но Бутенко сразу разгадал ловушку и по-прежнему сосредоточенно возился около машинки, хотя его так и подмывало взглянуть на бумаги, лежавшие на соседнем столе.

Прошла еще одна ночь в жандармском управлении. Она ничего не принесла Бутенко. Но он чувствовал, что именно в этой комнате, за дверью с железной решеткой, скрыта тайна, которая интересует Свирида Сидоровича...

Вторую ночь Бутенко работал в секретном бюро. Отношение к нему переменялось: ефрейтор, казалось, полностью уверился в отсутствии у русского праздного любопытства и перестал наблюдать за ним. Машинистки вообще не замечали его. И только тогда Бутенко решился начать знакомиться с корреспонденцией, лежавшей на столах. Он делал это с величайшей осторожностью, и первые же прочитанные им бумаги подтвердили, что он попал на верный след: это были протоколы следствий, доклады шпионов, копии доносов и ордеров на арест.

Поздно ночью ефрейтор Фогель ушел из бюро. Осталась одна машинистка. У нее слипались глаза, и она терла их кулаком, лениво перелистывая какую-то объемистую рукопись.

Бутенко знал, что ему не удастся затянуть ремонт еще на одни сутки. Надо было спешить. И, уловив момент, когда немка задремала, он разворошил аккуратную стопку бумажек, лежавших на соседнем столике.

Внимательно следя за немкой, он в то же время быстро проглядывал одну бумажку за другой. Но в них попадались чужие, незнакомые ему фамилии. Отчаявшись, он уже собирался было снова сложить бумажки в стопку, как вдруг ему бросилась в глаза хорошо знакомая по комбинату подпись немецкого инженера.

Это было так неожиданно, что Бутенко, забыв об осторожности, вытащил бумажку, положил ее сверху и начал разбирать написанное. Он очень волновался: буквы прыгали в глазах и он разобрал только несколько слов: «Батурин... саботаж... Главмаргарин...»

Теперь, наконец, он нашел то, что так безуспешно искал три ночи: о батуринцах донес немецкий инженер. Но Бутенко интересовали все подробности этого дела, и он наклонился над бумажкой, стараясь прочесть все от слова до слова.

Внезапно скрипнула дверь, и в комнату вошел ефрейтор Фогель.

Бутенко растерялся. Он отпрянул от стола, на котором лежали бумаги. Отвертка упала на пол. Бутенко наклонился и долго шарил руками под столом, собрав всю силу воли и стараясь взять себя в руки и успокоиться. Когда Бутенко поднялся, держа отвертку в руках, он увидел: ефрейтор молча стоял перед ним и испытующе смотрел то на него, то на разворошенную стопку бумажек. Но Бутенко уже поборол растерянность. Он поправил растрепавшиеся волосы и смущенно начал извиняться: он очень устал – работа длится уже третью ночь, – у него из рук нечаянно выпала отвертка и он просит извинить, что причинил этим беспокойство господину ефрейтору

и уважаемой фрау... Фогель досадливо отвернулся от него, приказал машинистке убрать корреспонденцию в несгораемый шкаф и, взяв папку, быстро вышел из комнаты...

В тот момент Бутенко боялся не за себя. Он думал только об одном: как бы успеть сообщить Лысенко об инженере. Прошло немного времени – снова скрипнула дверь. Вошел Фогель. Он остановился перед Бутенко и сказал по-русски (он неплохо знал русский язык):

– Идите отдыхать, господин Бутенко, вы устали. Завтра в двенадцать явитесь сюда, но не ко мне, а в машинное бюро, где работали первый день.

В комендатуре Бутенко задержали, втолкнули в пустую комнату и приказали раздеться догола. С необычайным вниманием обыскивали немцы его одежду. Вывернули все карманы, распорол подкладку пиджака, разрезали старый чемоданчик. Но, конечно, ничего не нашли и отпустили.

Бутенко понимал, что сразу идти на комбинат к Лысенко рискованно. Он пошел домой и все шесть часов, отпущенные ему на отдых, провалялся на диване с открытыми глазами: думал, как передать Лысенко то, что удалось узнать. Но ничего не придумал: жена, как назло, заболела, дочка была мала, а старушка-мать никак не подходила на роль посыльной. Никому другому он не решался доверить своей тайны.

Придя в жандармское управление, он старался как можно скорей закончить работу, но сделать это ему удалось только к утру. И снова, чтобы замести следы, он отправился не на комбинат, а домой. Лишь к вечеру Бутенко появился в мастерских. Но с Лысенко ему удалось поговорить только на следующий день.

Глава XIII

Всю ночь батуринцы не спали: неизвестность того, что их ожидает, и странное, необъяснимое появление Бутенко в коридоре жандармерии волновало их. Они были уверены, что Лысенко сделает все, чтобы освободить их. Даже если их поведут на казнь, если накинута на шею петлю – до самой последней минуты они не хотели терять надежды на спасение. Батурин посоветовал сильнее напрягать руки, если немцы, прежде чем вести на казнь, начнут связывать их за спиной, чтобы можно было незаметно ослабить веревки и в нужный момент освободить руки...

– Никаких самочинных действий, ребята! – говорил Батурин. – Командую я. Каждое мое слово – приказ.

Чуть забрезжил рассвет, как в коридоре раздались шаги. Батуринцы все, как один, вскочили на ноги. Они поняли: пришли за ними.

Загрели засовы, и в открытой двери блеснули огни фонарей.

– Выходи!

Первым вышел Батурин. Двое жандармов схватили его единственную руку, вывернули назад и привязали проволокой к поясу. Остальных выводили поодиночке. Всем связали руки за спиной. Помня совет, батуринцы изо всех сил напрягали мускулы, и немцы сердито ругались, закручивая проволоку.

Арестованных вывели во двор. Здесь, как обычно, под навесом стояли машины. Метнулся в сторону какой-то штатский с высоко поднятым воротником пальто, прошла группа о чем-то оживленно спорящих жандармов.

На каждого из батуринцев приходилось по трое конвойных во главе с фельдфебелем. Сзади цокали копыта конного патруля. Батуринцев вели на расстрел – это для каждого из них было ясно. Выйдя из ворот, фельдфебель повернул вниз по улице, по направлению к Кубани. Шли по улице Пушкина.

Странное чувство охватило Батурина. Предутренний холодок, золотое, с розовым оттенком небо на востоке, тишина – все это создавало ощущение чего-то радостного... Батурина трудно было бы объяснить это чувство. Примерно с таким же чувством он, бывало, поднимался на вышку водной станции, чтобы «ласточкой» прыгнуть вниз... Впоследствии он рассказал об этом ребятам, и они поняли его: у них на душе было в то утро примерно то же – полная уверенность, что они вырвутся из лап немцев и останутся живы.

Подходя к перекрестку – угол Пушкинской и улицы Шаумяна, – Батурин почему-то решил, что именно здесь поджидает засада Лысенко. Он шепнул своему соседу – это, кажется, был Миша.

– Освобождайте руки. Осторожно...

Сам он был бессилён что-либо сделать одной рукой, привязанной проволокой к пояснице. Мише быстро удалось освободить руки от пут, и он стал раскручивать проволоку, которой рука Батурина была привязана к поясу. Батурин плохо представлял себе, как удалось ребятам незаметно проделать всю эту операцию... И все-таки почти всем удалось освободить руки. Когда подошли к перекрестку, Батурин с напряжением ждал: вот сейчас выскочат товарищи, загремят выстрелы...

– Приготовиться! – шепнул он Мише, а тот передал по цепочке.

Но прошли перекресток – и ничего... Вокруг по-прежнему было безлюдно и тихо.

Пересекли Октябрьскую – и опять ничего.

Прошли еще квартал, спустились к затону, обогнули водную станцию. Фельдфебель вывел арестованных к обрывистому берегу Кубани, к домику бакенщика.

Казалось, теперь ждать помощи неоткуда. Их расстреляют через несколько минут. Но Батурин все еще верил в спасение, верил настолько, что снова передал по цепочке:

– У кого свободны руки – кивнуть головой!

На этот раз немцы слышали шепот. Послышалась брань. Гришу ударили прикладом в спину...

Необычность поведения арестованных встревожила немцев, фельдфебель что-то торопливо приказал солдатам, и те, орудуя прикладами, начали выстраивать батуринцев у самого края обрыва.

Батурин взглянул вниз и узнал место: здесь река ударялась в отвесную крутизну и стремительным потоком неслась к противоположному берегу. И только теперь он отчетливо понял: Лысенко не придет... «Но все же мы не умрем. Не умрем!» – пронеслось в голове у Батурина.

– По моему свистку падать вниз головой. Под водой плыть как можно дольше. Сбор – в лозняке на том берегу, – сказал он соседу.

Быстрый шепот пробежал по ряду...

Жандармы вскинули винтовки. Фельдфебель поднял руку. Вот сейчас он опустит ее. Грянет залп. Батурин свистнул и, запрокинув назад голову, сильно оттолкнувшись ногами от земли, бросился в омут...

Он не слышал залпа и только спустя много времени узнал от бакенщика, что залп был...

Он думал об одном: как можно дольше продержаться под водой. Расчет был прост: течение само отнесет к левому берегу. И Батурин не ошибся: когда он поднялся на поверхность, проклятый обрыв был уже далеко. На нем ни души: немцы ушли. Рядом с Батуриным плыл Михаил. Чуть в стороне загребал брассом Гриша.

В лозняке собрались все, кто остался жив. Их было пятеро. Двое погибли.

Ночью батуринцы снова переплыли реку, пробрались огородами и садами к кожзаводам, где жила сестра Батурина. Спрятались у нее на чердаке. А еще через день к ним пришел Лысенко: Батурин вызвал его запиской, которую отнесла на комбинат маленькая племянница Батурина.

Тут же на чердаке был созван «военный совет». Каждый получил новое задание.

Вслед за «чудесным» спасением батуринцев в городе произошло несколько событий, не на шутку встревоживших немцев.

В тот день, когда немцы вели на расстрел Батурина и его товарищей к омуту на Кубани, младший брат Батурина Виктор с другом своим Володей, как обычно, сидели на крыше, наблюдая за двором жандармского управления. Здесь им было все уже хорошо знакомо: машины под навесом, шпики, начальники караулов, даже повар в белом халате и смешном колпаке, перебежавший изредка двор. Но ребят интересовали только длинная черная машина немецкого советника и его шофер-словак.

Около двух часов дня словак вывел машину из-под навеса. Ребята уже давно заметили, что с машиной что-то неладно: то ли она была не в порядке, то ли водитель оказался недостаточно опытным, но он часто возился с мотором и лицо его при этом имело озабоченное выражение.

Так было и на этот раз. Но тут, как видно, шофер запоздал: советник подошел к машине, когда ее капот был еще открыт. Ребята не слышали, что говорил немец, но, судя по всему, он сердился. Вот он отошел от машины и остановился, засунув руки в карманы. Он стоял лицом к ребятам, стоял неподвижно. Это была такая заманчивая цель, что у ребят дух захватило.

– Володька! – горячо прошептал Виктор.

Но Володя уже целился – спокойно, не торопясь. Еще мгновение – и он спустил курок. От волнения ребята не услышали выстрела. Но, вернее всего, им помог случай: в этот момент, на их счастье, в ворота въехали почти одновременно две машины, и сирена одной из них нетерпеливо гудела.

Сначала ребята подумали, что Володя промахнулся: несколько мгновений советник стоял неподвижно. Потом вдруг покачнулся, медленно осел на колени и свалился набок.

Это было так неожиданно, что вначале никто из немцев не заметил упавшего советника. Послышался испуганный крик: шофер-словак подбежал к своему начальнику.

Больше ребята ничего не видели. Прижавшись друг к другу, они лежали на чердаке у слухового окна, не шевелясь и даже стараясь не дышать.

Со двора доносились возбужденные голоса, шарканье ног, слова команды. Потом все стихло. Но ребята еще с добрый час пролежали на чердаке, прежде чем решились покинуть его. Спрятав в тайнике ружье, они бесшумно спустились вниз и разошлись в разные стороны.

Виктор отправился домой. Он шел по улицам, и ему казалось, что каждый встречный немец вот-вот схватит его и потащит в гестапо...

Мальчик благополучно добрался домой, и здесь ждало его радостное известие: брат жив! Однако с Петром ему удалось повидаться только несколько дней спустя, когда старший Батурин, оправившись после всего пережитого, был переведен на нелегальную подпольную квартиру.

Весть об убийстве немецкого советника быстро разнеслась по городу, хотя немцы всячески пытались замаять это дело. Об этом говорили в очередях, на базарах, у

водопроводных колонок. Витя сам не раз слышал эти рассказы, и тогда снова у него колотилось сердце и ему казалось, что его вот-вот схватят...

* * *

В сумерки к дому на Октябрьской улице, где жил жандармский следователь, пытавший батуриnceв, подъехала машина. Шофер на минуту поднялся в квартиру жандарма сказать, что машина подана, вернулся и снова сел в кабину. Почти одновременно с первой машиной подошла вторая – она была той же марки – и остановилась чуть поодаль. Из нее вышел водитель в немецкой форме. Вынув портсигар, он подошел к первому шоферу, любезно предложил ему единственную папиросу, лежавшую в портсигаре, и попросил огня. Шофер жандарма несколько раз затынулся, потом вдруг побледнел, покачнулся, уронил голову на баранку руля, да так и замер.

Второй шофер – тот, что угостил его папиросой, – быстро столкнул с сиденья на пол безжизненное тело, сел за руль – и машина жандарма исчезла за углом.

Тотчас же ее место заняла вторая машина, стоявшая поодаль. За ее рулем сидел тоже немец-шофер.

Прошло несколько минут. Хлопнула парадная дверь – вышел следователь. Он спешил: рывком открыв дверцу машины, сел рядом с шофером. Но закрыть дверцу уже не успел: удар в голову, нанесенный сзади, свалил его на сиденье. Шофер поднес к его носу открытый флакон. Машина, быстро набирая скорость, понеслась к улице Пушкина...

– Черт его знает, что подумал этот немецкий кабан, когда пришел в себя, – рассказывал потом Петя Батуриный. – Судите сами: для него все это походило на какой-то страшный бред... Еще бы! Машина стоит у домика фельдфебеля Уля, где размещалась комендатура, вокруг какие-то незнакомые люди в немецкой форме, руки у него связаны, во рту кляп. Потом кто-то на секунду нажимает кнопку электрического фонарика – и перед ним лицо того безрукого большевика, которого он поил рассолом и который несколько дней назад был расстрелян... Я внимательно посмотрел ему в глаза. Теперь в этих кабаньих глазках вместо наглости и злобы я увидел панический, звериный страх...

Операция со следователем была поручена Батуриному. Приходится сознаться: он позволил себе некоторое излишество. Он повесил немецкого следователя на воротах домика фельдфебеля Уля рядом со зданием жандармского управления.

Это, конечно, было очень рискованно.

Батуриный и его сообщники подвезли следователя к домику фельдфебеля Уля, и машина въехала в узкий проход между домами. Один из них вытащил следователя из кабины, другой помог подтащить его к стене, третий перекинул веревку через водосток. Разведчица – молоденькая девушка – следила за парадным подъездом, где стоял немецкий часовой, и за вторым часовым, что прохаживался на углу улиц Красной и Пушкина. Оба часовых ничего не заметили: машина стояла в узком проходе между домиком фельдфебеля и зданием жандармерии.

Быстро накинули петлю на шею следователю. Минута – и все было кончено.

Не теряя времени, все сели в машину, и она, пятась, выехала на улицу.

Появление машины несколько не удивило часовых: по-видимому, они решили, что в ней едет какое-то начальство – ведь все были одеты в форму немецких офицеров. Тот из часовых, что стоял у парадного подъезда, даже отдал честь.

Машина рванулась и, набирая скорость, помчалась по улице Пушкина.

Впоследствии повешенного следователя обнаружил сам начальник жандармского управления. Он подъехал к своему управлению и увидел: на воротах висит его следователь!..

Батурин получил серьезное внушение от коммерческого директора «Камелии» за ненужный риск и недопустимое лихачество, проявленное при ликвидации следователя.

* * *

Предстояло еще рассчитаться с тем из немецких инженеров, который написал донос на батуринцев. Это было поручено Котрову.

На второй день после казни следователя три немецких инженера, как обычно, в сумерки вышли из комбината. Они шли по улице Карла Либкнехта – главной улице Дубинки. Остерегаясь идти по тротуару, они важно шествовали по середине мостовой вдоль трамвайных путей.

Инженеры, очевидно, не обратили внимания на группу рабочих, которая шла в нескольких десятках шагов позади. Во всяком случае, они не оборачивались и внешне не обнаруживали ни малейшей тревоги.

Немцы вышли на широкую полянку, которая соединяла улицу Карла Либкнехта с одним из Карасунских озер. И вот тут-то немцев и нагнали рабочие.

Все произошло быстро и бесшумно. Инженеров, пригрозив им револьверами, повалили на мостовую, всунули каждому в рот по кляпу, связали руки и ноги. Двоих затащили в густой бурьян, что рос поблизости на полянке, и уложили рядом. А того, кто написал на батуринцев донос, сунули в большой мешок, завязали и, раскачав, швырнули в тину Карасунского болота. Немец в мешке угодил на мелкое место. В течение минуты слышалось какое-то ворчание и бульканье. Потом все стихло.

Наутро прохожие обнаружили в бурьяне двух связанных немецких инженеров. Прибежавшие к месту происшествия полицейские развязали их и отправили на машине домой.

Третьего инженера обнаружили ребяташки, заметившие в болоте какой-то странный мешок. Когда он был извлечен, в нем нашли труп третьего инженера.

Три покушения, по времени почти совпавшие друг с другом, всполошили немцев. В Краснодаре начались облавы и аресты.

Арсений Сильвестрович своевременно принял меры.

Прежде всего, семья Батуриных была переправлена к родственникам в одну из ближайших станиц. Все батуринцы, один за другим, посетили дом № 45 по Красной улице, и Елизавета Васильевна выдала каждому из них по паспорту с визами и отметками о прописке и перерегистрации.

Петру вручили направление с биржи труда в переплетную мастерскую Деревянко: Арсений Сильвестрович решил оставить старшего Батурина в самом Краснодаре.

Остальные были посланы в пригородные районы с различными поручениями, и о них речь пойдет ниже.

Что касается двух немецких инженеров, которым Котров даровал жизнь, они больше не появились на комбинате: на следующий же день они, по слухам, убрались в Ростов.

Часть вторая

Глава I

Уже две недели Жора числится консультантом в гестапо, но до сих пор не имел еще ясного представления о своих обязанностях.

Полковник Кристман всего два-три раза вызывал своего консультанта, причем спрашивал его о таких незначительных вещах, что Жора удивлялся: неужели только для этого немцы освободили русского лейтенанта из концентрационного лагеря и сам шеф гестаповцев посещал его в больнице?

Лишь один раз Кристман попросил совета по сравнительно серьезному вопросу.

Дело в том, что немцы решили собрать в здании городской управы богатых кубанских куркулей. Сюда же было предложено пригласить представителей немецкой администрации и русских рабочих, чтобы здесь в торжественной обстановке объявить кубанскому казачеству о новой земельной политике немцев на Кубани. Жоре предлагалось прокорректировать текст официальных речей и дать совет о характере подарков, которые будут преподнесены «почтенным хлеборобам».

Со временем Жора понял: Кристман бережет его для чего-то более важного. В этом Жору убедило и то обстоятельство, что с первых же дней своей работы он заметил: за ним организована постоянная слежка. Шпики аккуратно провожали Жору с Дубинки в гестапо и неотступно следовали за ним обратно на Дубинку, где он поселился в небольшой хатке, которую ему указал Арсений Сильвестрович. Хозяйская дочь работала машинисткой в городской управе: уходила рано, возвращалась в сумерках.

Жора целые дни проводил один. Никто у него, естественно, не бывал, и он сам никуда не ходил. Бездействие томило его. Он хотел активной борьбы – ведь именно ради нее принял он предложение Кристмана. Ему приходилось напрягать всю волю, чтобы сохранить выдержку, не впасть в уныние, не опустить, как говорится, руки...

Однажды в комнату Жоры зашла дочь хозяйки и сразу же без обиняков сказала пароль, о котором с Жорой условился Арсений Сильвестрович. Девушка передала приказ держать связь с подпольем только через нее. Она, в свою очередь, сносилась с коммерческим директором «Камелии» через Луизу – одну из продавщиц магазина.

«Будь начеку!» – это было все, что просил передать Жоре хозяин парфюмерного магазина.

Но и это сразу подбодрило Жору. О нем не забыли, он нужен – по-видимому, в скором времени ему предстоит включиться в борьбу...

Но прошла неделя – юношу никто не вызвал. Молчал и Арсений Сильвестрович. Жора, томясь и скучая без дела, лежал на диване, перечитывал комплект старой «Нивы» и через день ходил к Булгакову: доктор назначил ему продолжительный курс лечения.

И вот как-то раз поздно вечером, когда Жора собирался уже ложиться спать, у домика, где он жил, остановилась легковая машина. Вошел человек в штатском и, убедившись, что он с Жорой один, сказал:

– Вас требует полковник Кристман. Машина ждет...

Кристман, как обычно, принял Жору в своем кабинете. На этот раз он предложил своему адъютанту, лейтенанту Штейнбоку, оставить их одних.

– Садитесь, – пригласил полковник. Он помолчал, испытующе глядя на Жору. Потом сказал:

– Должен признаться, у меня была мысль – скрыть полученное мною сообщение и тем самым убереечь вас от тяжелых переживаний.

– В чем дело, господин полковник? – стараясь не выдать своего волнения, спросил Жора.

– Ваш отец арестован, обвинен в измене и расстрелян.

– Отец расстрелян?.. Немцами?.. – вырвалось у Жоры.

– О, нет! Это произошло в Ташкенте. Вашего отца обвинили, арестовали и расстреляли большевики.

– Не может быть!.. Это ложь!

– Я знал, что вы не поверите, – ответил Кристман. В его голосе прозвучало неожиданное сочувствие. – Речь идет о берлинском периоде жизни вашего отца, а кому же другому, как не мне, знать, что тогда ваш отец был предан своей Родине?..

– Подождите, – взволнованно перебил Жора. – Откуда вам это известно, полковник?

– Я сам вначале не хотел верить. Но факты – упрямая вещь... Все это обнаружилось случайно. В один из наших лагерей был прислан раненый военнопленный. Его фамилия... Забыл! Сейчас я найду ее, – и Кристман начал рыться в бумагах на столе. – Вот она: Ситников...

– Ситников?.. – повторил Жора. Фамилия была ему знакома, но он не мог припомнить, где и когда слышал ее.

– Ситников Семен Тихонович, – сказал Кристман.

– Знаю! Вспомнил! – воскликнул Жора. – Бухгалтер! Он работал вместе с отцом в Берлине...

– Совершенно верно. Ну, так вот, – продолжал полковник. – Этот самый Ситников на допросе показал, что жил в Ташкенте. Там его арестовали по обвинению в государственной измене, но вскоре освободили и отправили на фронт, где он был ранен и попал в плен. Он-то и сообщил, что вместе с ним арестовали вашего отца, которому предъявили обвинение в шпионаже в пользу Германии в то время, когда он служил в Берлине. Через неделю после ареста ваш отец был расстрелян.

– Ситников лжет! – крикнул Жора.

– Быть может, вы хотели бы сами поговорить с ним? – предложил Кристман. – Приведите пленного! – приказал он дежурному, явившемуся на его звонок.

В кабинет вошел человек, в котором Жора сразу узнал бухгалтера Ситникова, хотя тот был невообразимо худ, бледен, давно не брит.

– Расскажите сыну вашего друга все, о чем вы рассказывали мне, – сказал полковник.

Ситников повторил все, что Жора уже знал от Кристмана. Жора слушал, стараясь не проронить ни слова. Может быть, все это подстроено, может быть, Кристман угрозами заставил пленного говорить всю эту чудовищную ложь об отце?..

– Семен Тихонович, заклинаю вас памятью моего отца, – горячо проговорил Жора. – Скажите: это правда?

Ситников опустил голову и, не поднимая глаз, прошептал:

– Я сказал вам правду...

– Увести пленного! – приказал Кристман дежурному. В комнате воцарилось молчание.

– И все-таки я не верю, – твердо заявил Жора, когда за Ситниковым закрылась дверь.

– Как я вам уже говорил, я тоже не поверил, впервые услышав этот рассказ, – спокойно ответил Кристман. – Мало ли какую чушь иногда несут пленные на допросах! Но вот сегодня я получил новое и на этот раз бесспорное доказательство.

Кристман выдвинул ящик своего стола и достал оттуда номер ташкентской газеты «Правда Востока». На второй полосе Жора увидел заметку, жирно обведенную красным карандашом. Это было короткое сообщение прокуратуры о том, что такого-то числа расстрелян отец Жоры, предатель и враг народа, уличенный в

государственной измене, совершенной им в бытность свою работником советского торгпредства в Берлине.

Жора не верил своим глазам. Он несколько раз перечитал заметку, бегло просмотрел всю газету! Там, как обычно, была помещена сводка Совинформбюро, корреспонденции с фронта, телеграммы из-за границы, короткий фельетон. В конце стояла фамилия редактора, номера редакционных телефонов...

– Как вы достали эту газету, полковник?

– Не скрою: это было нелегко. Но, как видите, большевистская газета из далекого Ташкента оказалась здесь, у меня, в Краснодаре.

Жора еще раз перечитал сообщение прокуратуры.

– Что же это значит? – невольно с дрожью в голосе вырвалось у Жоры.

– Только то, что лично мне давно известно: очередная расправа большевиков с честным человеком, искренне любящим свою Родину и свой народ...

– Это – роковая ошибка!..

– Вы должны мстить! – сказал Кристман вставая. – По-моему, это все, что вам остается.

– Это так неожиданно... Я не могу собраться с мыслями. Разрешите уйти и, если можно, взять газету.

– Конечно. Газету считайте своей.

Опустив голову, Жора вышел из кабинета...

Через два дня он явился в гестапо и попросил свидания с Кристманом. Полковник тотчас принял его.

Входя в кабинет, Жора почувствовал на себе внимательный, настороженный взгляд Кристмана. Жора подошел к столу, за которым стоял полковник, и, смотря ему прямо в глаза, сказал:

– Я решил мстить, господин полковник, и пришел просить вашей помощи.

– Не сомневался в этом! – ответил Кристман. – И уже заранее подготовил для вас одно важное дело... Агента номер 22, – приказал он вошедшему на звонок дежурному. – У вас есть какие-нибудь связи с комбинатом Главмаргарин? – спросил он Жору, когда дежурный вышел. – Нет? Ну, пожалуй, это даже лучше... Дело в том, что на комбинате, по моему убеждению, работает большая и хорошо законспирированная подпольная организация. Нам до сих пор не удается напасть на ее след. Сейчас я направил туда нашего агента, того самого, с которым сейчас вас познакомлю. Это не простой осведомитель, работающий за деньги. Им руководят те же побуждения, что сегодня привели вас ко мне. За несколько дней до занятия Краснодара нашими войсками большевики хотели арестовать его, обвинив в шпионаже, хотя он был в этом так же не повинен, как ваш отец. Ему удалось спастись. И вот теперь, подобно вам, он мстит большевикам. Под видом русского военнопленного он работает на комбинате.

– Как настоящая фамилия агента? – неожиданно спросил Жора.

– Фамилия? – Кристман настороженно посмотрел на Жору. – Она вам необходима?.. Ну, что же, я скажу.

Кристман выдвинул ящик стола, достал список, быстро проглядел его.

– Его фамилия Шустенко. У нас он известен под номером 22. Как видите, я с вами предельно откровенен.

– Благодарю за доверие, господин полковник!

– Итак, вам предстоит работать с этим агентом. Будете работать параллельно, взаимно обмениваясь информацией. Обо всех деталях вам придется договориться с моим адъютантом, лейтенантом Штейнбоком. Вы, кажется, с ним хорошо знакомы?

– Да, мы вместе учились в Берлине.

– Тем лучше. Связь со мной прошу поддерживать через него.

В дверь постучали.

– Войдите!

В кабинет вошел человек невысокого роста, лет тридцати. Жоре бросился в глаза широкий шрам у него на левом виске.

– Знакомьтесь... Это наш агент номер 22, который будет работать с вами, – сказал Кристман. Затем обратился к вошедшему: – Лейтенант Штейнбок у себя?

– Так точно.

– Хорошо. Идите к нему и ждите... Я хочу вам сказать еще об одной детали, – сказал Кристман, когда агент номер 22 вышел из кабинета. – На комбинате работает некто Шлыков. Немецкая администрация ему доверяет. Прошу вас внимательно присмотреться к нему.

– Вы в чем-нибудь подозреваете этого... Шлыкова? – спросил Жора.

– Конкретно ни в чем. Вы должны внимательно наблюдать за ним... Ну, желаю успеха. Очень рад, что в конце концов мы перестали быть врагами. И в знак этого позвольте вернуть вам...

Кристман вынул из ящика стола маленький кинжал и протянул его Жоре.

* * *

В эти же дни на улицах Краснодара были расклеены афиши, в которых сообщалось, что в «доме немецкого офицера», бывшем Доме Советской Армии, состоится концерт. Во втором отделении концерта выступит актер, о котором уже недели две шли разговоры в городе.

Актер этот последний год перед войной выступал в Москве. Потом он куда-то исчез и вдруг неожиданно появился в Краснодаре.

В день первого концерта актера газета «Кубань», орган городского бургомистерства, поместила его статью. С отвратительной развязностью актер писал о том, что ему чудом удалось вырваться из «большевистского ада» и только теперь, у немцев, после долгих лет «творческого рабства» он получил наконец возможность «дышать полной грудью».

В своих лживых и пошлых фельетонах, исполняемых со сцены, актер обливал грязью Советскую власть, стараясь перещеголять даже безудержную на язык немецкую пропаганду. Германское командование всячески поощряло актера: на его концерты валом валило немецкое офицерство, и краснодарская газета чуть не каждый день помещала хвалебные рецензии.

На этот раз афиши объявили о бенефисе артиста: во втором отделении концерта он должен был выступить с новым репертуаром.

Зал был переполнен. Пришли германские офицеры, бургомистр города, какие-то подозрительного вида расфранченные дамы и мужчины, темные подонки, которые всплыли на поверхность с приходом немцев.

Шло первое отделение концерта. Бенефициант только что закончил прихорашиваться перед зеркалом в своей артистической уборной, когда в дверь постучали. Вошел немецкий офицер. Левый рукав его мундира был пуст.

– Я послан к вам госпожой Фрейтаг, супругой военного коменданта города. – Офицер говорил свободно по-русски, лишь изредка немного коверкая слова. – Госпожа Фрейтаг просит вас после бенефиса пожаловать к ней: у господина генерала соберутся его... друзья, высшие германские офицеры... они хотели бы... в интимной обстановке... послушать вас...

– Польщен! Очень польщен, – кланяясь, лебезил актер.

– Госпожа Фрейтаг не нашла возможным сама пожаловать сюда... за кулисы, – продолжал офицер. – Но она хотела бы поговорить лично с вами. Не откажите на минуту спуститься к подъезду: супруга генерала Фрейтага ждет в машине.

– О, конечно!.. Сочту своим долгом!..

Актер последовал за офицером. Когда они шли по лестнице, в зале раздались аплодисменты: кончилось первое отделение концерта.

У подъезда стояла машина. Немецкий офицер предупредительно открыл дверцу. В глубине автомобиля сидела красивая молодая женщина, с серебристым мехом, накинутым на плечи.

– Я крайне признателен, госпожа...

Но актер не успел закончить начатую фразу. Его втокнули в машину, от удара по голове он потерял сознание...

Антракт затягивался. Публика нервничала.

За кулисы направился адъютант полковника Кристмана, лейтенант Штейнбок. Он не сразу нашел администратора: тот носился по фойе и артистическим уборным, разыскивая неожиданно исчезнувшего бенефицианта. Беспомощно разводя руками, администратор сказал адъютанту, что артист куда-то исчез: по словам швейцара, он вышел на улицу в сопровождении немецкого офицера и не вернулся.

Не заходя в зал, адъютант немедленно поехал с докладом к своему шефу. А через несколько минут к рампе вышел администратор и объявил:

– Милостивые государыни и милостивые государи! В связи с неожиданной болезнью нашего уважаемого бенефицианта мы вынуждены отменить второе отделение концерта впредь до особого уведомления. Билеты остаются действительными.

Публика разошлась. Бенефис не состоялся.

* * *

...Машина остановилась у калитки небольшого одноэтажного домика на улице Ворошилова, между Октябрьской и улицей Шаумяна. Актер сам вышел из автомобиля. Во рту у него был тугой кляп, руки крепко связаны за спиной, голова мучительно болела. Он шел, с трудом передвигая ноги, все еще не понимая толком, что произошло...

Его ввели в небольшую комнату. За столом сидели незнакомые люди. Неярко горела керосиновая лампа.

Актеру развязали руки, вынули изо рта кляп, посадили на стул. Несколько мгновений он растерянно озирался по сторонам, потом вскочил со стула.

– Я протестую! Это самоуправство! – дрожащим голосом крикнул он. – Как вы смели? У меня бенефис... Вы ответите перед германским командованием!

– Перед кем? – переспросил плотный пожилой мужчина, сидевший за столом. Он поднялся во весь рост, и тут актер разглядел его: крепкая, кряжистая фигура, широкие плечи, черная борода и суровый взгляд из-под нависших бровей. По сторонам его

сидели пожилая женщина и мужчина с рыжеватыми усами и короткой изогнутой трубкой в зубах.

– Перед кем мы ответим? – повторил свой вопрос чернобородый.

– Перед... немецким командованием... Перед генералом Фрейтагом, – бледнея под властным взглядом пожилого мужчины, уже с меньшей уверенностью в голосе сказал актер.

– Ваши «фрейтаги» сами ответят перед советским народом, – оборвал его человек, стоявший за столом. – А вы ответите сейчас перед нашим судом. Вы на суде, господин артист.

– На суде?.. На каком суде? – все еще ничего не понимая, проговорил актер, растерянно озираясь по сторонам. И в это время, очевидно, у него мелькнула смутная догадка. Эта догадка была так неожиданна и страшна для него, что он молча опустил на стул.

– Встаньте! – приказал человек с черной бородой. Это было сказано тихо, но такая властная сила звучала в голосе, что актер послушно поднялся.

– Мы судим вас именем русского народа, именем Родины, которой вы изменили. Суд суровый и строгий: идет смертельный бой, а в бою нет места жалости к врагу. Суд скорый: вокруг враги, за нами следят. Суд справедливый: мы судим по закону нашей совести, судим именем народа.

Актер хотел было что-то сказать, сделал шаг к столу, но однорукий офицер жестом остановил его.

– Слово предоставляется обвинителю, – сказал человек с черной бородой.

К столу подошла красивая молодая женщина, та самая, что сидела в машине, когда актер вышел засвидетельствовать свое почтение госпоже Фрейтаг. Это была Валя. В комнате стало очень тихо.

– Я обвиняю подсудимого в измене Родине, – взволнованно проговорила Валя.

Она стояла у стола в длинном, до полу, вечернем черном платье. Серебристый мех на ее плечах оттенял золото волос и седину в них.

– Я обвиняю его во лжи, измене, клевете на советский народ, на Советскую власть, на великую советскую Родину, – продолжала Валя, повернувшись к актеру. – Я читала вашу статью в газете, я была на вашем концерте. Мне известно кое-что из вашей биографии. Вы – лжец!.. Кто дал вам возможность учиться, кто заботливо следил за каждым вашим шагом, терпеливо прощал ваши ошибки, искренне радовался вашим успехам?

Гневная, взволнованная, стояла она перед актером. Он опустил голову, касаясь подбородком грязного и измятого пластрона крахмальной сорочки.

– Молчите? – продолжала Валя. – Не хватает смелости сказать правду? Хорошо, я отвечу: вас вырастила Советская власть, на которую вы сейчас лжете и клеветеете...

Валя подошла почти вплотную к актеру. Ей хотелось заглянуть ему в глаза. Но он по-прежнему стоял, низко опустив голову.

– Грянула война, – сказала Валя после короткой паузы. – Над всем советским народом, над вашей Родиной нависла страшная угроза. Враг поднял руку на честь и свободу Советской страны. Что же сделали вы? Вы стали дезертиром! Нет, хуже: вы изменили Родине, переметнулись к врагу. Неужели вы не видите, жалкий человек, что творится вокруг? На своих штыках немцы несут горе и смерть миллионам, варварство, рабство... Нет, вы прекрасно видите все это! Но вы в своем постыдном, животном

страхе решили, что пришла смерть советскому народу... Просчитались! Русский народ жив и будет вечно жить. Он бессмертен! И вот теперь этот народ судит вас.

Актер поднял голову и – словно только теперь увидел он сидевших за столом – переводил бегаящие глаза с одного на другого...

– Смотрите, кто вас судит! Вот это, – Валя указала на чернобородого, – это казак-хлебороб. Мы зовем его Пантелеичем. Когда немцы предложили ему быть атаманом богатейшего района Кубани, Пантелеич с презрением отказался и стал партизаном, потому что этот старый казак честен и смел... Рядом с ним сидит, – она указала на Лысенко, – коммунист, инженер, и Анна Потаповна, старая женщина, табельщица завода. Они могли бы отойти в сторону от борьбы. Но они стали подпольщиками. Смотрите сюда, вот этот немецкий офицер, что привел вас ко мне, боец Советской Армии, заводский слесарь. Он потерял руку на фронте, он чудом вырвался из фашистских подвалов, и он продолжает бороться в подполье. Вас судят честные русские люди: казаки-хлеборобы, инженеры, рабочие, бойцы Советской Армии, подпольщики.

Валя еще ближе подошла к актеру, и он невольно отшатнулся от нее: столько презрения и гнева увидел он в ее глазах.

– Я, русская девушка, обвиняю вас от имени советской молодежи. Вы видите седые пряди на моей голове? Мои волосы поседели во рву, где вместе со мной лежали сотни расстрелянных. Их убили немцы за то, что они были советскими людьми. Так неужели и сейчас не чувствуете вы, какое страшное преступление совершили перед Родиной?

Валя отвернулась от актера.

– Я требую смерти трусу, клеветнику, изменнику!

– Ты правильно сказала, Валентина, – проговорил Пантелеич. – Говори, защитник!

Из глубины комнаты к столу подошел адвокат Егоров. Он заметно волновался и не сразу начал свою речь.

– Меня назначили защитником подсудимого. На своем веку мне довелось защищать немало воров, грабителей, убийц. Всегда, как бы ни были тяжелы их преступления, я старался находить смягчающие вину обстоятельства. Сегодня, впервые за всю свою долгую адвокатскую деятельность, я не вижу ничего, что позволило бы мне просить суд о снисхождении... Обвинитель прав: народ вырастил этого человека, народ дал ему величайшее благо – свободно жить, работать, творить на свободной земле. А он изменил своему народу. Предал его в годину смертельной борьбы... Нет, я не могу его защищать. Пусть защищается сам... если посмеет...

Пантелеич снова встал.

– Слышали?... Защищайтесь.

Актер стоял посреди комнаты. Потом мелкими, быстрыми шагами подошел к столу, протянул к Пантелеичу руки:

– Пощадите меня. Пощадите!.. Я думал – войну проиграли. Хотел спасти свою жизнь. Клянусь, если надо – стану солдатом... У меня талант. Я могу быть полезным... Пощадите!..

И вдруг замолчал. В глазах старого казака он прочел свой приговор...

– Это все, что вы могли сказать? – спросил Пантелеич. – Все?

– Пощадите, – еле слышно пролепетал актер.

Пантелеич сел на свое место, повернулся сначала к Лысенко, потом к Анне Потаповне, о чем-то спросил их. Они молча утвердительно кивнули головой.

– Слушайте приговор.

Пантелеич встал. За ним поднялись остальные.

– Именем народа, которому вы изменили, именем Родины, которую предали, именем Советской власти, которую оклеветали, вы приговорены к смерти!..

* * *

На следующий день на левом берегу Кубани, у лодочного переезда против кожевенного завода, немцы нашли труп актера. Его зарыли тут же в яме. Но немцам не удалось замять неприятную историю. На улицах Краснодара появились листовки с приговором партизанского подпольного суда.

Мне рассказывали, кое-кто из предателей бежал из Краснодара после казни актера: одни на Украину, поближе к Германии, другие через линию фронта в Сочи, надеясь на милосердие советского суда.

В нашем лагере на горе Стрепет мы узнали о суде над актером от «таинственного старика» Ивана Семеновича Петрова. Он снова пришел к нам в лагерь по поручению коммерческого директора «Камелии».

Арсений Сильвестрович решил к этому времени организовать подпольный «арсенал» в одном из корпусов Табачного института, помещавшегося на окраине Краснодара. Вот он и послал к нам инженера Петрова – получить кое-какие сведения о подрывном деле, которое хорошо освоили наши отрядные минеры.

Разумеется, мы забросали Петрова вопросами о родном городе. И вот тогда-то, рассказывая о комбинате, он упомянул о технике Шустенко, который не так давно снова вернулся и начал работать на гидрозаводе.

Как только Петров назвал эту фамилию, меня будто что-то кольнуло в сердце. Я был убежден, что слышал эту фамилию раньше. Больше того, она связывалась в моем сознании с какой-то темной историей. Но я никак не мог припомнить, с какой именно.

Моего Евгения к тому времени уже не было в живых, и я начал расспрашивать о Шустенко товарищей сына.

Они мне рассказали, что техник Шустенко работал на гидрозаводе и незадолго до занятия Краснодара куда-то скрылся. Тогда на это никто не обратил внимания – было не до того. Оказывается, – так, во всяком случае, сам Шустенко недавно рассказывал Петрову – он, боясь прихода немцев, бежал на восток. Его мобилизовали, на фронте Шустенко оказался в окружении, попал в плен, и теперь немцы направили его, как опытного техника, снова на гидрозавод.

Все это казалось довольно обычным, и тем не менее фамилия Шустенко не выходила у меня из головы.

Петров пробыл у нас в лагере два дня. Вечером, перед его уходом, я снова обратился к Ветлугину с расспросами о Шустенко. Геронтий Николаевич сказал, что он редко встречался с техником.

– Ничем не могу удовлетворить ваше любопытство. Единственно, что мне помнится: Шустенко дружил с техником Свиридовым.

Тогда я понял все.

Вспомнились последние дни в Краснодаре, беседа с секретарем горкома, его рассказ о том, что на комбинате арестован немецкий шпион – техник Свиридов. Секретарь горкома товарищ Попов сказал, что в деле Свиридова был замешан техник Шустенко, но задержать его не удалось – он бежал. И вот теперь этот немецкий шпион снова появился на комбинате!

Я рассказал Петрову все, что вспомнил о Шустенко. Петров обещал тотчас же сообщить об этом подпольному руководству.

Прошло несколько дней. Связь с Краснодаром временно прервалась. Мы не знали даже, вернулся ли в город наш «старик». Я не на шутку тревожился, хотел было послать нарочного в Краснодар, как неожиданно получил радиограмму:

«Благодарим за сообщения, присланные «дедом». Все известно».

О дальнейшем я узнал уже значительно позднее, в Краснодаре.

Глава II

Из кабинета Кристмана Жора направился к его адъютанту лейтенанту Штейнбоку. Здесь уже сидел Шустенко – агент № 22.

Около часа проговорили они о будущей совместной работе на комбинате. Жора сразу почувствовал, что отношение к нему Штейнбока изменилось. Это уже не был его недавний однокашник по берлинскому институту, каким Штейнбок любил себя показывать при встречах с Жорой. Теперь перед Жорой сидел начальник.

Было решено, что Жора отправится на комбинат, к Штифту, который примет его на работу в качестве инженера для поручений.

– В этом есть свои положительные и отрицательные стороны, – заметил Штейнбок. – Вы будете иметь возможность свободно ходить по всему комбинату, видаться и говорить с теми, кто вас будет интересоваться. Но в то же время со стороны рабочих вы будете встречать заведомо неприязненное к себе отношение. Поэтому, мне кажется, вам следует осторожно намекать, что ваша работа у Штифта вынужденная. Надо будет сделать так, чтобы через некоторое время инженер для поручений впал в немилость; Штифт, может, разжалует вас даже в простого рабочего... А пока вам придется работать под руководством Шустенко.

– Это значит, что я буду лишен всякой самостоятельности? – спросил Жора.

– На первых порах вам трудно будет ориентироваться, и волей-неволей вам придется прибегать к помощи Шустенко. Тем более, что он уже освоился с обстановкой и у него есть сеть осведомителей.

– Да, я подобрал людей на комбинате, – с достоинством добавил Шустенко.

Условившись о технике связи, Штейнбок отпустил своих агентов.

В этот день, как обычно, Жора отправился на прием к Булгакову. И здесь, в пустом изоляторе, он встретился с Арсением Сильвестровичем.

Жора рассказал ему о разговоре с Кристманом и Штейнбоком и о том, что на комбинате работает шпион.

– Его надо немедленно уничтожить! – горячо сказал Жора.

– Нет, торопиться не следует, – спокойно ответил Арсений Сильвестрович. – Шустенко утверждает, что подобрал своих людей. Когда мы обнаружим их, тогда другое дело. Ты должен как можно скорее раскрыть всю шпионскую организацию. Это твоя основная работа. Моим заместителем на комбинате считай Свирида Сидоровича Лысенко. С ним можешь говорить откровенно. Через него будешь держать связь и со мной. Помни: слово Лысенко должно быть для тебя законом.

Когда они попрощались, Жора спросил Арсения Сильвестровича, кто такой Шлыков.

– Почему он тебя интересуется? – насторожился Арсений Сильвестрович.

– Мне поручили понаблюдать за Шлыковым, – сказал Жора.

– За Шлыковым? Вот как?..

Арсений Сильвестрович задумался.

– Что же мне делать со Шлыковым? – спросил Жора.

– Ничего. Если спросят о нем, – отделяйся незначительными фразами. Но все, что услышишь в гестапо о Шлыкове, даже самую мелочь, немедленно сообщай Лысенко.

– Значит, Шлыков – наш? – спросил Жора.

– Шлыкова я беру на себя, – неопределенно ответил Арсений Сильвестрович. – Ну, желаю успеха, мальчик! Повторяю: мой заместитель – Лысенко. Если же нам потребуется поговорить лично, мы найдем друг друга у Булгакова...

* * *

Штифт принял Жору любезно и тут же назначил его инженером для поручений. Потом Жору представили Родриану. Тот прежде всего поинтересовался, какой институт он окончил, и, когда выяснил, что Жора по специальности химик, предложил ему заняться лабораторией. Родриан был недоволен немецким инженером, который работал со Скоробогатовой.

Штифт познакомил Жору и со Шлыковым.

Гавриил Артамонович коротко и холодно поговорил с Жорой. В самом начале разговора тот поймал на себе быстрый, настороженный и испытующий взгляд Шлыкова и понял, что старик всегда начеку...

В этот же день Жора познакомился с Лысенко. Когда они остались вдвоем и юноша начал говорить о своей связи с Арсением Сильвестровичем, Лысенко остановил его:

– Все это мне известно. Не следует говорить об этом лишний раз. Наш «коммерсант» – лицо весьма секретное, и давайте договоримся: не упоминать его имя без особой нужды. Что же касается Шустенко, то будем следить за ним в четыре глаза и, прежде всего, постараемся выяснить, с кем он связан.

Условившись о встречах, Лысенко простился с Жорой. И хотя Жора говорил с ним не больше десяти минут, Лысенко сразу же расположил его к себе. Было что-то очень привлекательное в спокойном и сдержанном мужестве Лысенко. К тому же Жора подметил у него жест, который напомнил отца: заканчивая разговор, Свирид Сидорович, как топором, рубил ладонью воздух. Лысенко курил трубку, очень похожую на отцовскую: почерневшую, слегка изогнутую, с широкой чашечкой и маленьким красным кружочком, врезанным в черный эбонит мундштука.

Итак, Жора вступил в новую, еще не изведенную им жизнь подпольщика. Первые пять дней он знакомился с комбинатом, обошел заводы, заглянул в котельную, побывал в механических мастерских. Он пытался также познакомиться и с рабочими. Но они с откровенной неприязнью смотрели на русского юношу, ставшего доверенным лицом у немца Штифта. И Жора впервые понял, какую тяжелую ношу взвалил он на свои плечи...

Чаще всего Жора бывал на гидрозаводе. Он внимательно приглядывался к Шустенко и очень скоро понял, что техник также не пользуется симпатией рабочих: молодежь относилась к нему настороженно, старики, казалось, не замечали его.

Как-то раз утром, придя на гидрозавод, Жора отозвал в сторону Шустенко и решительно потребовал, чтобы тот ввел его в круг своих связей.

– Мне надоело болтаться без дела, – заявил Жора. – К тому же я подозреваю, что вам и не с кем меня знакомить.

– Это вас не касается, – насмешливо улыбаясь, ответил Шустенко. – Надо привыкать работать самостоятельно, без нянек...

– Приказ лейтенанта Штейнбока ясен, – оборвал его Жора, – я работаю под вашим руководством. Поэтому или вы сегодня посвящаете меня во все детали дела, или я

вечером заявлю Штейнбоку, что вы просто лжец и водите всех за нос. Тогда вам придется объясняться с полковником. Выбирайте!

Шустенко побледнел: очевидно, Жора попал в цель.

– Хорошо, – сказал, подумав, Шустенко. – Приходите сюда в обеденный перерыв...

Когда Жора в назначенное время явился на гидрозавод, агент, убедившись, что они одни, сказал ему:

– Я встретил на комбинате старую знакомую. Должен сказать, прехорошенькая девчонка: стройная фигурка, громадные глаза и золотистые волосы. Зовут ее Валя. Она работала до войны инженером-лаборантом. Не скрою, я был влюблен...

– Я не расположен слушать ваши любовные истории! – перебил его Жора.

– Увы, и мне сейчас не до этого! – ответил, усмехаясь, Шустенко. – Вы знаете подвалы под гидрозаводом? – неожиданно спросил он. – Не знаете? Это громадное темное необитаемое подземелье...

– Не вижу связи между девушкой и подвалом.

– В том-то и беда, что пока я и сам не разгадал этой связи. Но уверен: связь существует... Дело в том, что я дважды собственными глазами видел, как девушка спускалась в подвал. Причем даже дурак мог бы заметить, что она при этом вовсе не хотела иметь свидетелей. Как-то раз я слышал в подвале голоса. Один из них принадлежал Вале, а второй – как будто одному нашему общему знакомому...

– Кому именно? – нетерпеливо спросил Жора.

– Пока не стоит об этом говорить, – уклончиво ответил Шустенко. – Весь секрет в девушке...

– У вас уже есть какие-нибудь предположения?

– Пока никаких. Но чувствую, что именно здесь скрывается то, что тщетно ищет на комбинате наш достопочтенный полковник. Я решил с вами вместе спуститься в подвал, чтобы своими глазами увидеть, чем занимается там моя златокудрая красавица. Согласны?

– Конечно. Когда?

– Сейчас. Сию минуту.

– Сейчас? – вырвалось у Жоры. Он хотел предварительно посоветоваться с Лысенко, попросить у него указаний.

– Трусите, молодой человек? – насмешливо спросил Шустенко.

– Нет, не трушу. Но ведь вы сейчас на работе?

– Я отпросился...

– Идем!..

Выждав, когда вокруг никого не было, Шустенко с Жорой спустились в подвал.

В подвале темно. Вокруг – кучи мусора, исковерканные взрывом железные балки, глыбы бетона. Под ногами битый кирпич. Тишина. Только изредка доносятся сверху неясные звуки.

Шустенко идет медленно, стараясь по возможности не шуметь. Жора нарочно шагает тяжело, то и дело спотыкается.

– Тише! – злобно шепчет Шустенко.

Жора наклоняется и поднимает с пола кирпич. Крепко сжимая его в руке, он решает: в случае необходимости он убьет агента.

Неожиданно где-то справа раздается тихий шорох. Шустенко испуганно хватается Жору за руку. И они замирают на месте.

С минуту они стоят неподвижно. Тишина. Потом снова идут вперед. Нервы у Жоры напряжены. Только бы не промахнуться – и одним ударом покончить с мерзавцем: ведь у агента револьвер в руке.

Опять шорох... Или это только кажется Жоре?..

– В этой проклятой норе нетрудно заблудиться, – бормочет Шустенко, и в голосе его слышится страх. – Идем назад...

Не без труда они находят выход и поднимаются наверх.

– Что же дальше? – спрашивает Жора.

– Дальше?.. Могу вас заверить, – говорит Шустенко, – что вы не способны к той работе, за которую взялись. Вы даже не умеете тихо ходить!..

– Я спрашиваю, что будем делать с подвалом? – холодно перебивает его Жора.

– Нужен план подвала. Без плана там ничего не сделаешь. Вы сможете достать план? Вам это легче легкого: около начальства околачиваетесь.

– Хорошо, попробую.

– Завтра принесите план. Слышите? Птичка может упорхнуть...

На этом они расстались.

Жора долго искал Лысенко, но тот, как нарочно, будто сквозь землю провалился. Жоре удалось найти Лысенко и переговорить с ним лишь к концу смены, когда инженер собирался уходить домой.

Свирид Сидорович даже в лице изменился, когда Жора рассказал ему о путешествии в подвал.

– Пронюхал, сукин сын! Надо было с ним раньше покончить!

– Это можно сделать завтра! – предложил Жора. – Вы дадите мне план, я заману его в подвал и убью.

– Погодите. Надо собраться с мыслями... Вот что, Жора. Я посоветуюсь с Арсением Сильвестровичем. Ждите меня здесь завтра утром. До разговора со мной не давайте никакого ответа Шустенко...

Когда они встретились на следующее утро, Лысенко был спокоен и сдержан, как всегда.

– В подвале наша подпольная радиостанция, – сказал он Жоре. – Ею командует Валя. Не волнуйтесь: она туда больше не пойдет. Но с аппаратами придется расстаться – так или иначе, радиостанция здесь больше не может работать. Ничего, Валя будет радировать с другой станции. Отправляйтесь к Шустенко. Отдайте ему вот этот план. Спускайтесь в подвал. И – кончайте с ним. Желательно, конечно, без шума. Но, если понадобится, стреляйте. Вот вам нож и пистолет. Разумеется, после этого вам придется уйти в подполье. Жалко, конечно, лишаться своего человека в гестапо, но другого выхода у нас нет.

Лысенко подробно объяснил Жоре, куда и как он должен будет скрыться.

Вскоре после этого Жора встретился с Шустенко и передал ему план.

– Когда отправляемся? – спросил он агента.

– Вы очень нетерпеливы, – с деланным равнодушием ответил Шустенко. – Я подумаю...

– Вы возьмете меня с собой?

– Не знаю. Мне не нравится ваша походка: она слишком... шумная.

Они молча смотрят друг другу в глаза.

– Значит, я могу считать себя свободным? – стараясь быть как можно спокойнее, спрашивает Жора...

– Можете...

Жора снова встречается с Лысенко.

– Хитрая бестия! – говорит тот. – Он или не доверяет вам, или не хочет делиться наградой. Но ему все равно не уйти. За ним по пятам следят наши. И, если удастся, покончат с ним сегодня же. Будьте у меня под рукой: вы можете понадобиться в любую минуту.

Но ни в этот, ни в следующий день покончить с Шустенко не удалось: агент все время держался на людях.

На третий день утром Лысенко вызвал к себе Жору.

– Мы подсунули Шустенко нашего человека, старика-рабочего. – Глаза у Свирида Сидоровича весело светились. – Рабочий обмолвился при нем, что хорошо знает завод. И Шустенко клюнул. Он предложил старику спуститься в подвал: сказал, что ему поручено отыскать ввод водопроводной магистрали. Сегодня в час дня они условились спуститься вниз. Если удастся то, что я задумал, мы сразу же убьем несколько зайцев. Прежде всего сохраним вас в гестапо. Во-вторых, вы отдадите Кристману уже потерянную для нас радиостанцию и заслужите его благоволение. И, наконец, смерть Шустенко никак не коснется вас. Но надо сделать так, чтобы все шло строго по расписанию. Слушайте...

И Лысенко рассказал Жоре свой план.

В полдень Жора уже находился в кабинете лейтенанта Штейнбока и рассказывал о том, как вместе с Шустенко спускался в подвал, как достал план и поспорил с агентом.

– Он предоставил мне полную свободу действий, – говорил Жора, – и я решил действовать самостоятельно. Всю ночь просидел недалеко от входа в подвал. Видел, как туда спустилась незнакомая мне девушка. Осторожно последовал за ней, и, хоть и не решился идти далеко, услышал стук телеграфного ключа. Уверен: там работает подпольная радиостанция. Необходимо немедленно захватить ее. Только имейте в виду, господин лейтенант, – и Жора протянул Штейнбоку план, – у подвала несколько выходов. Надо оцепить весь гидрозавод, иначе они могут скрыться.

– Очень хорошо! – Лейтенант с довольным видом поднялся из-за стола. – Я сейчас же доложу господину полковнику...

Минут через пять он вернулся.

– Полковник приказал вам подождать: часа через два все будет ясно.

Штейнбок отвел Жору в маленькую комнату рядом со своим кабинетом и оставил его там одного.

Жора волновался, места себе не находил. Ему казалось, что стрелки часов не двигаются...

Наконец дверь открылась.

– К полковнику Кристману! – коротко сказал дежурный.

Жора вошел в кабинет. На столе стояли радиоаппараты, лежала стопка каких-то бумаг. Тут же находился и Шустенко. Вид у него был жалкий, как у побитой собаки.

– Вы оказались правы, – сказал Кристман, обращаясь к Жоре. – В подвале работала подпольная радиостанция. Мы захватили аппараты, коды, сводки. И ни единого человека. Только этот дурак бродил в подвале с каким-то старым рабочим.

– Как? – Жора удивленно и негодуя пожимает плечами. – Господин Шустенко все же спустился в подвал?.. Теперь для меня все ясно: он спугнул радистов.

– Ложь! – кричит Шустенко. – Это вы спугнули их, когда шли со мной!

– Молчать! – обрывает его Кристман. – У аппаратов найдена вчерашняя сводка Совинформбюро – ее принимали этой ночью. Идиот!

Еле сдерживая торжествующую улыбку, Жора подходит к столу. И вдруг вздрагивает от неожиданности. Холодеют руки, замирает сердце... На столе лежит знакомая ему трубка Лысенко: короткая, слегка изогнутая, с большой темной чашечкой и красным кружочком на черном мундштуке...

У Жоры мелькает мысль: «Взять, немедленно взять трубку, уничтожить эту страшную улику. Трубку, вероятно, случайно оставил Свирид Сидорович у радиостанции в подвале...»

Жора вплотную подходит к столу. Только бы они отвернулись на одно мгновение...

– Идиот! – с негодованием повторяет Кристман. – У вас был план. Там ясно указаны выходы из подвала. Неужели вы думали, что радисты будут ждать, когда их пригласят ко мне?

Все смотрят на полковника. Жора протягивает руку к столу...

– Одну минутку! – слышит он за спиной голос Шустенко.

Агент отстраняет Жору, бросается к столу, хватая трубку.

– Это найдено там, в подвале, у аппаратов? – взволнованно спрашивает он.

– Да, на куче мусора, – отвечает лейтенант Штейнбок.

– Я знаю хозяина этой трубки! – торжествующе кричит Шустенко.

– Кто? – быстро спрашивает Кристман.

– Лысенко! Инженер Лысенко. Он работает на комбинате. Как-то раз я слышал его голос в подвале, когда туда спустилась девушка...

– Это интересно, – говорит полковник. – Лейтенант Штейнбок, немедленно же распорядитесь об аресте.

– Может быть, не следует торопиться с арестом? – говорит Жора. – Не лучше ли проследить за Лысенко и раскрыть всю организацию?

– Вы полагаете? – Кристман внимательно смотрит на юношу. Потом, помолчав, обращается к Штейнбоку:

– Шустенко снять с комбината: он там уже провален. А вас, – полковник крепко жмет руку Жоре, – благодарю за инициативу! Вы свободны, господа...

Выйдя из жандармерии, Жора сейчас же направился на комбинат, надеясь, что ему удастся опередить агентов и предупредить Лысенко. Но он не нашел Свирида Сидоровича на комбинате. За несколько минут до прихода Жоры Лысенко ушел в город.

Глава III

Вскоре после того как кончился обыск в подвалах гидрозавода и немцы увезли на машине найденную радиоаппаратуру вместе с Шустенко и стариком-рабочим, схваченными в подвале, Лысенко, не дождавшись Жоры, отправился в город: он хотел зайти в «Камелию» к Арсению Сильвестровичу и доложить ему, что намеченная операция закончилась удачно.

Трудно сказать, заметил ли Лысенко шпикив при выходе с комбината. Агенты гестапо, посланные Кристманом, столкнулись с ним в проходной. Может быть, они получили такой приказ, а может быть, проявили собственную инициативу, но только они не взяли Лысенко, а последовали за ним.

Лысенко вышел на Красную. Дома за три до «Камелии» он несколько раз оборачивался, и тут, очевидно, что-то показалось ему подозрительным. Лысенко миновал «Камелию» и вошел в магазин художников, расположенный в том же доме.

Свирид Сидорович не раз проделывал это, отправляясь к Арсению Сильвестровичу: это давало ему возможность лишний раз проверить, не привел ли он кого-нибудь за собой.

Как обычно в таких случаях, Свирид Сидорович, поговорив с продавцом, купил тюбик краски, несколько кисточек и снова вышел на Красную.

Не знаю, заметил ли Лысенко агентов, дежуривших на противоположной стороне улицы, или чутье подпольщика подсказало ему, что нужно остерегаться, но Свирид Сидорович и на этот раз не зашел в «Камелию». Неторопливой походкой он отправился на комбинат. За ним неотступно шли агенты.

Благополучно пройдя проходную, Лысенко увидел у подъезда главной конторы легковую машину. Около нее собралась вся немецкая администрация во главе со Штифтом и Родрианом. Тут же были русские директора заводов и, конечно, Гавриил Артамонович Шлыков.

Родриан уезжал. Он получил срочный вызов в Германию.

Лысенко пришел к концу проводов: уже были произнесены все речи, и Родриан садился в машину. Однако, заметив Лысенко, он подозвал его к себе.

– Я уезжаю, господин Лысенко, – сказал Родриан, пожимая ему руку. – Но вернусь скоро. Надеюсь, что к тому времени вы доложите мне о пуске вашего завода...

– Сделаю все, что в моих силах, – ответил Лысенко и отошел в толпу провожавших. Тотчас же к нему подошел Жора.

Юноша попал на провода Родриана случайно: поджидая Лысенко, Жора бродил около ворот комбината в надежде, что ему удастся встретить и предупредить Свирида Сидоровича.

Улучив удобный момент, Жора шепнул Лысенко:

– Отдан приказ о вашем аресте. Немедленно бегите.

Лысенко чуть заметно вздрогнул, взглянув на Жору. Тихо сказал ему:

– Отойдите от меня!..

Агенты, посланные Кристманом, растерялись. Они никак не ожидали, что встретят здесь все немецкое начальство комбината. Особенно их смутило то, что Родриан так дружески пожимал руку Лысенко. Они в нерешительности стояли у проходной, ожидая, когда все разойдутся.

Жора видел, как Лысенко, выйдя из толпы провожающих, быстро пошел по направлению к маргариновому заводу и скрылся за его углом. Жора понял: Лысенко хочет спрятаться в одном из подвалов или уйти с территории комбината через секретный выход.

В этот момент машина Родриана выезжала из ворот.

Как свора гончих, агенты сорвались с места. Они пробежали мимо Жоры.

Юноша готов был броситься на них, начать стрелять, завязать с ними драку, сделать что угодно, только бы выиграть время и дать возможность Лысенко уйти. Но Жора не двинулся с места, понимая, что должен остаться в стороне...

Все разошлись: провожавшие, очевидно, не заметили агентов или не обратили на них внимания. У подъезда главной конторы остались двое: Жора и Шлыков. Гавриил Артамонович, развернув какой-то план, внимательно разглядывал его.

Прошло минут пять. Агенты не возвращались. Жора облегченно вздохнул: Лысенко удалось уйти!

И вдруг в отдалении, где-то около ТЭЦ, хлопнул револьверный выстрел. За ним второй, третий. Потом все стихло.

Жора невольно взглянул на Шлыкова. Гавриил Артамонович, опустив руку с планом, смотрел по направлению выстрелов. Лицо его было бледно.

На главной аллее комбината показалась группа агентов. Среди них шел Лысенко. Светло-серое пальто его было в крови, руки скручены за спиной. А следом за ним рабочие несли труп немецкого шпика.

Лысенко провели в нескольких шагах от Жоры. Но Свирид Сидорович даже не взглянул на него. Он шел, смотря прямо перед собой. За воротами его посадили в машину и увезли.

Острая томительная тоска охватила Жору... Хотелось поделиться с кем-нибудь горем, даже просто крепко пожать руку другу... И снова, не отдавая себе отчета, он обернулся к Шлыкову. Гавриил Артамонович поднимался по ступенькам крыльца, тяжело опираясь на свою новую палку с костяным набалдашником. Он шел медленно, с трудом передвигая ноги...

Вечером, как обычно, Жора отправился в больницу к Булгакову, надеясь встретить там Арсения Сильвестровича: надо было рассказать ему обо всем происшествии и получить новые распоряжения.

Жора пришел в больницу раньше назначенного срока. Процедуры еще не начались, юноша сидел в приемной. Вместе с ним ожидало своей очереди человек десять больных. Но Арсения Сильвестровича среди них не было.

Два раза мимо Жоры проходила сестра Бэлла, та самая девушка-черкешенка, которая дежурила у его постели и дала ему свой кинжал. Жоре показалось, что она чем-то расстроена.

Жора поднялся и вышел в коридор. Здесь он снова увидел сестру. Она подошла к нему и шепнула:

– Булгаков арестован. Уходите.

Но Жора не ушел: он пропустил всю очередь больных, но в этот вечер так и не дождался Арсения Сильвестровича. И это еще больше взволновало Жору: уж не случилось ли и с ним чего?

Придя домой в свою маленькую хатку на Дубинке, он никак не мог решить, что предпринять. Около полуночи за ним приехала машина – его требовал к себе полковник Кристман.

В кабинете шефа гестаповцев Жора застал Шустенко и лейтенанта Штейнбока.

– Лысенко арестован, – сказал Кристман. – На первом допросе он ничего не сказал. Правда, мы беседовали с ним... поверхностно. Перед арестом Лысенко ходил в город и в магазине художников приобрел тюбик краски и кисточки. Это все, что было найдено при нем. Обыск в его квартире тоже не дал никаких результатов, если не считать еще нескольких тюбиков и точно таких же кистей... Что вы можете сказать по этому поводу?

Жора пожал плечами.

– Следует предположить, – заметил он осторожно, – что арестованный в свободное время занимался рисованием...

– Ваше предположение ошибочно, – холодно ответил Кристман. – У Лысенко нет ни малейших склонностей к живописи: в его квартире не обнаружено ничего, что хотя бы отдаленно говорило об этом. Меня несколько удивляет, – продолжал Кристман, – что вы так плохо осведомлены о склонностях вашего знакомого. Мне известно из рассказов Шустенко, что вы часто беседовали с арестованным.

Жора взглянул на Шустенко.

– Я беседовал с арестованным не чаще, чем с господином Шустенко!.. – еле сдерживая себя, сказал Жора.

– Я вызвал вас сюда не для пикировки, – оборвал его Кристман. – Нам надо немедленно идти по следам. Хотя, должен сознаться, они очень неясны.

Полковник встал и подвел всех к небольшому столику, где недавно стояли радиоаппараты и лежала злосчастная лысенковская трубка.

– Вот все, что было найдено у арестованного.

На столе Жора увидел револьвер, три обоймы патронов, выпотрошенный и распоротый бумажник, штук двадцать кисточек, несколько тюбиков с краской и зубочистку. Жоре бросился в глаза ее несколько необычный вид: тупой конец зубочистки был ярко-оранжевого цвета.

– Что вы скажете? – спросил Кристман.

– Пока ничего, – ответил Жора.

– Немного! Но мы с вами еще побеседуем. Вы можете идти, господин Шустенко. Держите меня в курсе вашей работы.

Когда агент вышел из кабинета, полковник усадил Жору в кресло.

– Я понимаю, конечно, – голос его был мягче, чем минуту назад, – что Шустенко дурак. Но все же ему нельзя отказать в некоторой сообразительности. Это он почуял что-то неладное в подвале гидрозавода. Он же передал в наши руки и хозяина трубки. Но вы правы, – операцию в подвале агент провел бездарно. Выражаясь языком медицины, – Кристман криво улыбнулся, – Шустенко неплохой диагност, но плохой лечащий врач... Кстати, о врачах, известно ли вам, что доктор Булгаков, который до последнего дня лечил вас, арестован?

– Вот как?! За что же? – притворившись удивленным, воскликнул Жора.

– Он положил в свою больницу раненого партизана.

Кристман помолчал, закурил папиросу.

– Это не имеет прямого отношения к нашему разговору. Итак, наш «диагност» высказал довольно остроумное предположение. Он считает, что не случайно Лысенко интересовался кисточками и что именно в них разгадка того, о чем так упорно не хочет говорить арестованный. Шустенко предполагает, что мастерская художников – место встречи подпольщиков, быть может, даже их штаб-квартира. Это логично: радиостанция в заводском подвале обслуживала, конечно, не только подпольщиков на комбинате – а в существовании там подполья я твердо убежден, – но и какую-то значительно большую организацию. Быть может, даже общегородского масштаба. Вначале у меня была мысль немедленно же прощупать этих художников. Но Шустенко отсоветовал. По его мнению, было бы лучше оставить их пока в покое и взять в тот момент, когда соберется правление художественной артели. Шустенко разузнал дату собрания. Это будет через несколько дней. Пожалуй, он прав. Подождем. Вы как полагаете?

Зазвонил телефон на столе. Полковник снял трубку, отдал несколько распоряжений.

– Теперь перейдем к самому существенному, – продолжал Кристман. – В наших руках Лысенко и его кисточки. Зацепившись за это звено, можно вытащить всю цепочку. Я решил идти тремя путями. Арестованного беру на себя. Кисточками и художниками займется Шустенко. А вы... подумайте. Советую на всякий случай и вам поинтересоваться художниками. Только осторожно, конечно, чтобы не спугнуть. Я вас больше не задерживаю. Завтра в это время пришло за вами машину... Да, зайдите к лейтенанту Штейнбоку и возьмите револьвер: он может вам пригодиться...

Жора не спал всю ночь. Он думал о том, как связаться с Арсением Сильвестровичем, и ничего не мог придумать. К дочери хозяйки юноша боялся обратиться: последние два-три дня эта молчаливая девушка как будто сторонилась его...

Утром Жора решил не ходить на комбинат и отправился к магазину художников.

В маленьком магазине на Красной Жора не увидел ничего примечательного: на стенах висели картины, на прилавке лежали краски, подрамники, палитры, кисти. Жора попросил дать ему тот же тюбик, что он видел в кабинете Кристмана, и тот же набор кистей. При этом он внимательно следил за продавцом. Но тот завернул покупку и, передавая ее Жоре, сказал обычную, очевидно десятки раз повторяемую фразу:

– Извольте, господин. До свиданья. Прошу не забывать нас.

Жора вышел на улицу и в нерешительности остановился. Куда идти?

Перед ним была витрина парфюмерного магазина «Камелия». Несколько минут он машинально разглядывал флаконы, раскрытые коробки, обитые внутри шелком, искусственные цветы. Мимо него сновали прохожие. Но он не видел ни людей, ни пестро украшенной витрины. Он с тоской и тревогой думал о том, что остался один в родном городе, занятом немцами. В этом городе много друзей, но он не знает пути к ним. Даже если случайно он и встретится с ними, кто поверит ему, агенту гестапо?..

Вдруг Жора услышал шепот:

– Вас просят зайти...

Он быстро обернулся. Рядом с ним стояла дворничиха – пожилая полная женщина в мужском стеганом ватнике. Она указала глазами на вход в парфюмерный магазин и отошла в сторону.

Это было так неожиданно, что Жора подумал: он ослышался. В нерешительности продолжал он стоять у витрины.

Через минуту дворничиха опять оказалась рядом.

– Жора, вас ждут. В магазине...

В первое мгновение Жора обрадовался: наконец-то! Но сейчас же мелькнула тревожная мысль:

«Не ловушка ли это?.. Нет, не может быть...»

И Жора решительно вошел в «Камелию».

В магазине у прилавка стояли покупатели – два немецких офицера, пожилая женщина и молодая девушка.

Жора остановился.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – выйдя из-за прилавка, к нему быстро подошел небольшого роста брюнет, должно быть продавец магазина. – Господин директор давно вас поджидает. Пожалуйста! – И продавец, открыв дверцу в прилавке, ввел Жору в кабинет.

За небольшим письменным столом сидел Арсений Сильвестрович. Это было так неожиданно, что Жора остановился на пороге. Он не верил своим глазам.

– Входи, входи же, садись! – говорил, улыбаясь, обрадованный Арсений Сильвестрович. – А я уж посылать за тобой собрался. И вдруг вижу: на мою витрину лобуешься!

Жора облегченно вздохнул, опускаясь на стул. От его недавней тоски и тревоги не осталось и следа.

Арсений Сильвестрович объяснил Жоре, что связь через дочь хозяйки прервалась: Луиза заболела, лежит в постели. К Булгакову же он не пришел, потому что знал об аресте доктора.

– Ну, выкладывай свои новости.

Жора рассказал о провале радиостанции, об аресте Лысенко, о художниках.

Арсений Сильвестрович долго молчал. Его лицо показалось Жоре старым и усталым.

– Да, пропал Свирид, – негромко сказал Арсений Сильвестрович, и в голосе его послышалось тяжелое страдание. – Пропал друг! А какой был опытный конспиратор! Трудно его вытащить из гестапо: Кристман небось так и вцепился в него. Но мы все же попробуем... С Шустенко пора кончать: наша вина, что мы вовремя этого не сделали, – цел бы остался Лысенко. Шустенко как в воду канул: и на комбинате не появляется, и дома не ночует. Ты должен узнать, где он. А теперь надо о нашей штаб-квартире подумать: ведь художники рядом – как бы нам самим не угодить к полковнику.

Арсений Сильвестрович еще раз подробно расспросил Жору о разговоре с Кристманом.

– Конец нашей «Камелии»! – проговорил он задумчиво. – Жаль расставаться с парфюмерией. Очень жаль: удобное было местечко. Хорошо, что хоть есть заранее подготовленные позиции. Но ничего не поделаешь – придется отступить... Впрочем, подожди... Кристман говорил, что налет на художников назначен на день заседания правления их артели? Обычно оно бывает по субботам. Сегодня вторник. Осталось три дня... Достаточно!.. Ну что ж, попытаемся использовать их как следует!..

Арсений Сильвестрович попросил Жору подсесть поближе и посвятил его в свой план...

Возвращаясь домой, Жора увидел: на воротах больницы висел труп доктора Булгакова. К его груди немцы прикрепили дощечку с надписью: «За помощь партизанам...»

Жора внутренне содрогнулся, но тут же взял себя в руки и подумал: «И за тебя мы отомстим, дорогой...»

Около полуночи Кристман прислал за Жорой машину.

– Что-нибудь надумали? – спросил полковник, когда Жора вошел к нему в кабинет.

– По вашему совету я нащупал, как мне кажется, верный путь... Но все выяснится дня через три-четыре. Просил бы пока не спрашивать меня и дать мне полную свободу действий...

– Я не терплю секретов, – ответил полковник. – Это не в моих правилах: позволять моим агентам идти по неизвестным мне путям. Но на этот раз я готов сделать исключение... Желаю успеха!..

Глава IV

Руководством подполья во главе с Арсением Сильвестровичем было решено уничтожить полковника Кристмана.

За Кристманом подпольщики следили уже давно. Давно было выяснено, что он живет на площади у Красного собора, был установлен распорядок его дня: полковник приезжал домой около девяти часов вечера и к полуночи возвращался в гестапо.

Провести операцию поручили Котрову. Он взял себе в помощь одного из комсомольцев.

В назначенный день вечером Котров со своим помощником спрятался в старой, заброшенной щели, которая была вырыта в сквере у собора, против дома шефа гестаповцев. Ночь выдалась темная. Котров и комсомолец неподвижно лежали в щели. Они быстро промокли до нитки: стояла оттепель, крупными хлопьями падал влажный снег.

Примерно около половины девятого помощник Котрова прошептал:

– Приготовься! Идет машина.

Через минуту у подъезда дома Кристмана остановился автомобиль. Открылась дверца. В ней показался немецкий офицер.

У Котрова на мгновение мелькнула мысль: почему машина подъехала не с той стороны, с которой подъезжала обычно? Но раздумывать было некогда. Он швырнул гранату-«лимонку».

Раздался взрыв.

Ребята метнулись через проходные дворы к Карасунскому каналу. Они уже добежали до Пролетарской и хотели пересечь ее, но тут неожиданно наткнулись на группу эсэсовцев: рядом в доме бывшей железнодорожной больницы размещался штаб дивизии СС.

Котров и комсомолец бросились влево, по Пролетарской, и юркнули во двор пекарни. Но за пекарней шли строения мельницы, занятой командой СС, и немецкие солдаты, встревоженные шумом погони, выскочили и бросились наперерез.

Котров со своим помощником оказались в кольце. Оставался единственный выход – через проходной двор.

– За мной! – крикнул Котров и побежал в узкую щель между домами. Это спасло их: немцы, как видно, потеряли след и прекратили преследование...

Жоре было известно, что вечером назначено покушение на Кристмана, и, естественно, он с нетерпением ждал вечера.

Целый день он бродил по Сенному и Новому базарам, заглядывая в галантерейные ларьки в поисках... зубочисток. За ним неотступно следовал шпик. Жора видел его, но не обращал на него внимания. К концу дня Жора устал – давали знать о себе недавние раны. Вернувшись домой, лег отдохнуть. Около полуночи за ним пришла машина из гестапо.

Жору ввели в кабинет Кристмана. За столом, как ни в чем не бывало, сидел шеф гестаповцев.

– Садитесь, – предложил полковник. – Как идут дела?

– Мы условились, господин полковник, что вы не будете меня расспрашивать, – отвечал Жора. Он всеми силами старался не показать своего разочарования при виде живого и невредимого Кристмана и беспокойства за судьбу тех, кто охотился за ним.

– Когда же? – спросил Кристман.

– Думаю, дня через три...

– Значит, пока ничего? Я так и предполагал. Поэтому-то и решил помочь вам. Сегодня мы будем... беседовать с Лысенко. Вам необходимо присутствовать при разговоре: быть может, это даст вам какие-нибудь новые нити... Кстати, я был прав, когда полагал, что радиостанция и сам Лысенко имеют большое значение. Его арест не на шутку встревожил городских подпольщиков, и сегодня на меня совершено покушение.

– На вас? Покушение?... И что же? – взволнованно спросил Жора.

– Как видите, я жив и здоров. Спас случай: за несколько минут до моего обычного возвращения домой ко мне на квартиру приехал офицер из штаба генерала Фрейтага. Он убит гранатой у подъезда.

– Вот как!.. – вырвалось у Жоры. – Вам удалось захватить покушавшихся?

Кристман усмехнулся.

– К сожалению, нет... – он помолчал, следя за выражением лица Жоры. Потом медленно проговорил: – Да, меня спас случай... Но я упомянул об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть необходимость вашего присутствия при моем разговоре с арестованным.

– Вы будете пытаться Лысенко? – спросил Жора.

Кристман помолчал.

– Есть люди, чьи собственные физические страдания, как бы велики они ни были, никогда не заставят говорить. Но страдания близких и родных действуют на них сильнее...

– Вы будете пытаться его друзей?

Кристман посмотрел на Жору и снова усмехнулся.

– Вы слишком акцентируете на слове «пытка». Лысенко и его друзья в конце концов те люди, которые убили вашего отца. Если вы настоящий мужчина, вас не должно смущать зрелище того, как умирают враги: ведь вы пришли ко мне, чтобы мстить им... Впрочем, мы слишком заболтались. – Кристман нахмурился. – Следуйте за мной. Я хочу, чтобы вы увидели собственными глазами, что у нас есть средства, сильнее тех, которые приводят человека к физической смерти...

Они спустились в подвал и вошли в большую, ярко освещенную комнату. В глубине стоял обычный письменный стол, а посреди комнаты – второй, громадный, с массивными ножками... Поверхность стола и пол вокруг него были в темно-бурых пятнах. Из этой комнаты дверь вела в маленькую темную каморку. Сюда-то и привел Кристман Жору.

– Вы будете находиться здесь, – сказал полковник. – Советую не мешать мне. Если захотите уйти, обратитесь к этому человеку, – и Кристман указал на высокого немца, стоявшего в дверях. – Оружие при вас? Дайте сюда.

Жора молча протянул полковнику свой револьвер. Кристман взглянул юноше в глаза и сказал:

– Я беру его только потому, что у нас существует строгое правило: посторонние в этой комнате должны быть безоружны... Арестованного из четырнадцатой камеры! – приказал он.

Жора сел на стул. В двух шагах от него стоял дюжий немецкий солдат.

В коридоре слышались тяжелые шаги. Четверо гестаповцев ввели Лысенко. Жора с трудом узнал его. Он был в одном белье. Порванная рубашка залита кровью. Лицо вздулось и посинело. И только глаза остались прежними: они смотрели сурово и спокойно.

– Ну-с, господин Лысенко, не передумали? – спросил Кристман.

– Нет, не передумал... И не передумаю.

– Значит, не скажете, чья была радиостанция, кто ею пользовался, с кем держали связь?

– Нет, не скажу.

– Так... – Полковник прошелся по комнате. – На стенку! – приказал он подручным.

Гестаповцы подтащили Лысенко к стене, скрутили назад руки, обвязали их выше локтя цепями, спущенными с крюка, и подтянули инженера так, что он только концами пальцев ног касался пола.

– Вам хорошо видно, господин Лысенко? – насмешливо спросил Кристман. – Вы будете висеть и смотреть, как я беседую с вашими друзьями. Может быть, это на вас подействует.

Полковник отошел к письменному столу, порылся в бумагах и крикнул:

– Девчонку из двадцать восьмой!

Не отрываясь, Жора смотрел на Лысенко. Лицо Свирида Сидоровича искривилось гримасой боли. Босые ноги шевелились: вероятно, он хотел опереться на пальцы – и не мог.

«Вывихнуты плечевые суставы», – с содроганием подумал Жора. Сердце гулко колотилось у него в груди. Во рту пересохло, и он то и дело проводил языком по сухим губам.

Снова в коридоре послышались шаги, и в комнату вошли конвойные. На этот раз они привели девушку. Она стояла спиной к Жоре. Что-то знакомое было в ее фигуре, в черных косах.

– Продолжим разговор, – сказал Кристман. – Кто привел раненого партизана в больницу? Как мы выяснили, его принимали вы.

Девушка повернулась, и Жора чуть не вскрикнул: перед полковником стояла сестра Бэлла из больницы Булгакова – та девушка-черкешенка, которая дала ему свой кинжал.

– Кто привел раненого? – повторил Кристман.

– Не скажу, – тихо ответила девушка.

– Подумайте, не горячитесь, – полковник говорил мягко. – Поверьте, я ваш друг. Я люблю молодежь. Не верите? Извольте, докажу это... Садитесь, вы, вероятно, устали, – Кристман пододвинул девушке стул. – Помните, у вас в больнице лежал раненый русский офицер. Вы дали ему свой кинжал, чтобы убить меня. Мне стало известно это в первый же день моего визита к больному. И разве я тронул вас хотя бы пальцем? А тот офицер, который хотел убить меня?.. Он жив и здоров. Он на свободе. Вы сами это прекрасно знаете: он ходит к вам в больницу на процедуры... Как видите, я вовсе не так страшен, как говорят обо мне в городе... Скажите фамилию того человека – и я немедленно отпущу вас.

Девушка удивленно смотрела на Кристмана. Казалось, она поверила его мягкому голосу.

Жора замер: неужели скажет?.. неужели выдаст?

– Он лжет! Молчи, товарищ! – неожиданно раздался громкий голос Лысенко.

Девушка обернулась и вскрикнула: только сейчас она увидела Лысенко. Он висел на цепях, страшный, окровавленный.

– Крепись, товарищ! – снова проговорил он. – Не выдавай. Он хуже зверя.

– Молчать! – закричал Кристман. Подошел к девушке и тем же мягким голосом продолжал: – Он бредит, этот сумасшедший... Скажите фамилию, и вы свободны.

Девушка повернулась к полковнику. Смотря ему прямо в глаза, сказала отдельно:

– Ничего вы не узнаете от меня!

Кристман еле сдерживал гнев.

– Последний раз спрашиваю. Через минуту будет поздно.

– Нет!

Кристман подал знак.

К девушке бросились конвойные. Она отбивалась, но они сорвали с нее одежду.

Кристман хотел еще о чем-то спросить ее, но, очевидно, в глазах девушки, полных ненависти, прочел ответ.

– На стол! – крикнул он.

Девушку бросили на стол, крепко привязали руки ремнями...

Жора вскочил со стула, метнулся к двери. Но сзади, как железными клещами, его схватил за плечо верзила-немец. Откуда-то, из темного угла, появился второй солдат: Жора не видел его до сих пор. В руке солдата блеснул револьвер.

– Строго запрещено! Тихо! – прошептал он. И Жора понял: он бессилён помочь. Надо терпеть... Чтобы потом полностью отплатить за все! Он опустил на стул. Он сидел, охватив голову руками, и не видел сцены насилия над девушкой...

Из оцепенения его вывел глухой мучительный стон.

Кристман стоял против Лысенко, а тот метался на стене. Звенели цепи. Свирид Сидорович хотел крикнуть что-то, но, очевидно, от нестерпимой боли из его груди вырвались только сдавленные стоны.

– Кажется, подействовало, господин Лысенко? – говорил полковник. – Я в этом не сомневался. Будем продолжать.

Кристман вынул папиросу, закурил. Подошел к девушке и горячей зажигалкой поджег ее волосы. Они вспыхнули.

– Потушить! – приказал полковник.

Один из конвойных схватил лежавшую в углу мокрую тряпку и накрыл ею голову девушки.

– Теперь скажешь?

– Нет, – еле слышно прошептала девушка.

– Отлить ее водой, пусть отдохнет.

Затем что-то сказал конвойным.

Через несколько минут в комнату ввели под руки юношу, почти мальчика. Он был в больничном белье. Лицо худое, бледное, без кровинки. Забинтованная рука, как плеть, висела вдоль тела.

– Узнаешь? – спросил Кристман, показывая на девушку.

Юноша смотрел на окровавленный стол, на распростертое тело, на опаленные волосы и, казалось, ничего не понимал. И вдруг отпрянул назад: в девушке он узнал медицинскую сестру, которая принимала его в больнице.

– Девушка рассказала все, – сказал Кристман. – Тебе остается только подписать бумагу. Согласен?

Мальчик, с трудом передвигая ноги, медленно подошел к письменному столу.

– Вот здесь.

Кристман пододвинул к нему перо, чернила, папку.

Мальчик протянул здоровую левую руку. Схватил тяжелую чернильницу и швырнул ее в лицо шефа гестаповцев. В этот жест мальчик вложил последние остатки своих сил и без чувств рухнул на пол.

Жора не видел, что произошло дальше. Он слышал только тяжелые удары солдатских сапог, стоны, злые выкрики немцев.

Кристман стоял в дверях темной комнаты, прижимая ко лбу полотенце, измазанное чернилами и кровью.

– Агента отправить домой, – приказал полковник. – Того, на стене, снять и привести в чувство. А девчонка – она не нужна мне!

Кристман быстро вышел из комнаты.

Когда Жора открыл дверь в коридор, он увидел на полу окровавленный труп юноши. Тело его было изуродовано солдатскими сапогами. Но кулаки яростно сжаты.

Жора остановился.

– Идите скорей! – строго сказал сопровождавший Жору высокий немец, тот самый, что сторожил его в темной комнате. Но Жора не двигался с места: он пристально смотрел на крепко сжатые кулаки мальчика.

– Вперед! – повторил немец.

Жора повернулся и медленно пошел по коридору. Сердце его словно окаменело. Перед глазами стояли Лысенко в цепях, девушка, распростертая на окровавленном столе, мертвый изуродованный мальчик...

Жора твёрдым шагом шел по коридору. Он понял: им выдержано страшное испытание. Полковник просчитался – не сломил его. Над трупом мальчика Жора поклялся памятью своего отца отомстить за все, что он видел. И эту клятву он не забудет до своего последнего смертного часа.

Глава V

На следующий день – это было в пятницу – Кристман вызвал Жору рано утром.

Жора не спал всю эту ночь. Стоило ему только закрыть глаза, как перед ним вставало залитое кровью лицо Лысенко, он вспоминал, с какой ненавистью Бэлла бесстрашно смотрела в глаза Кристману, как крепко были сжаты кулаки мертвого мальчика... Жора решил, что при первом же свидании с Арсением Сильвестровичем он потребует, чтобы ему, Жоре, было разрешено убить Кристмана. Ведь ему это легче сделать, чем кому-нибудь другому... Узнав, что его требует Кристман, Жора побрился и долго умывался холодной водой. Ему не хотелось, чтобы полковник увидел на его лице следы бессонной ночи...

Когда Жора явился к полковнику, тот сидел за столом; голова у него была забинтована.

– Садитесь, – сказал Кристман. – Как чувствуете себя?

– Благодарю вас, – спокойно отвечал Жора.

– Вчера было несколько... шумно. – Полковник внимательно посмотрел на Жору. – Но у вас оказались крепкие нервы. Крепче, чем я думал... Чем вы сегодня заняты?

– Мне предстоит горячий день...

– Да?.. Должен признаться, я крайне заинтересован тем путем, по которому вы пошли. Ведь я до сих пор ничего не знаю о нем.

– Не совсем так, господин полковник, – заметил Жора. – Ваш шпик ходит за мной по пятам. Я бы рекомендовал сменить его: агент слишком бездарен.

– Вас беспокоит агент? – Кристман улыбнулся. – Ничего не поделаешь: таков наш обычай... Кстати, что вы ищете в парфюмерных и галантерейных магазинах?

– Мы ведь, кажется, договорились, что вы не будете расспрашивать меня раньше времени...

Кристман расхохотался, но глаза у него стали злыми.

– Не кажется ли вам, что в этой комнате разговаривают не шеф гестаповцев и его агент, а два равных по своему положению человека? В моем кабинете я привык к другому характеру бесед.

– Я не привык работать по принуждению, – ответил Жора.

– Вижу... вижу... Это так забавно и необычно, что я готов подождать денька два – не больше... Но будем говорить о деле. Нам надо скорее раскрыть тайну радиостанции. Мы, как вам известно, идем к этому тремя путями: я занят Лысенко, агент номер 22 – художниками, а вы... избрали себе пока еще неизвестный мне путь.

– Боюсь, что два первых пути приведут в тупик, господин полковник, – заметил Жора.

– Посмотрим. Во всяком случае, с Лысенко вопрос выяснится через несколько минут: до сих пор та «процедура», которую я назначил ему, действовала безотказно... Пойдемте!

Кристан и Жора снова спустились в подвал. Они прошли по длинному, тускло освещенному коридору и остановились около закрытой двери. Полковник толкнул ее. В комнате было темно и тихо. Слышалось мерное падение водяных капель.

Надзиратель повернул выключатель. Яркий свет залил комнату. Под потолком висел бак. Из маленького крана медленно текла вода – капля за каплей. Внизу, на стуле, под баком, сидел Лысенко. Его руки и туловище были привязаны ремнями к спинке стула, голова была охвачена железным обручем, не позволявшим шевельнуться. Капли падали ему на голову...

Жора подошел ближе. И так же, как тогда, в темной комнате, еле сдержал крик: волосы Лысенко стали совершенно седыми.

– Надеюсь, теперь-то вы нам все расскажете? – спросил Кристан.

Лысенко молчал.

– Снять! – приказал полковник. Надзиратель отпустил винты и раздвинул обруч. Лысенко не шевелился. Он сидел по-прежнему прямо и широко открытыми немигающими глазами смотрел перед собой.

– Доктора! – крикнул Кристан.

Немец доктор явился тотчас. Он наклонился над Лысенко. Через минуту, вытянувшись во фронт, доложил:

– Господин полковник, арестованный мертв.

– Не может быть!.. Он мне нужен!

– Арестованный мертв, – почтительно повторил доктор. – Уже наступило трупное окоченение.

– Дежурный! – вне себя от гнева закричал Кристан. – Позвать ко мне дежурного!.. Надо было следить!..

Полковник вышел в коридор. Жора задержался в комнате. Он молча смотрел, как медленно падали капли на седую голову Лысенко. Капли стекали по лицу и смыли с него кровь. Лицо Лысенко показалось Жоре величественным и спокойным. Ему хотелось преклонить колени перед этим неподвижным, безжизненным телом.

– Нам здесь нечего делать. Я ухожу, – раздался в коридоре голос Кристана.

Они молча шли по коридору. На площадке лестницы Жора негромко сказал:

– Я был прав, господин полковник: первый путь привел в тупик.

Кристан ничего не ответил и повернулся к Жоре спиной.

* * *

Вечером дочь хозяйки передала Жоре: «Суббота, 14.00».

В субботу около двух часов дня Жора шел по Красной. За ним, как всегда, неотступно следовал шпик. На этот раз Жора принимал все меры к тому, чтобы шпик не потерял его в толпе. Поэтому Жора шел не торопясь, время от времени задерживаясь у витрин магазинов.

Без пяти два он подошел к магазину «Камелия» и остановился у витрины. Шпик обосновался невдалеке, у рыбного магазина.

Жора медленно поднялся на крыльцо. Вынул папиросу. Зажигалка не зажигалась. Подкручивая винт пружины, Жора внимательно смотрел вверх по Красной.

К «Камелии» подъехала щегольская легковая машина. Из нее вышел немецкий офицер. Левый рукав его кителя был пуст. Офицер быстро взбежал по ступенькам крыльца. Жора почтительно посторонился.

Отчаявшись справиться с зажигалкой, он снова спустился на тротуар, поджидая прохожего, у которого можно было бы прикурить. Он постоял так минуты две. Наконец увидел: вдали шла грузовая машина. В ее кузове среди немецких солдат стоял Шустенко.

Жора вошел в магазин «Камелия».

Офицер, только что подъехавший в машине, молча разглядывал флакон духов. Единственная продавщица подавала пожилой даме аккуратно завернутую покупку, перевязанную голубой ленточкой. Кроме них, в магазине никого не было.

Как только дама вышла, Жора обратился к продавщице:

– Скажите, вашему магазину не нужны зубочистки?

– Я готова, товарищ, – быстро ответила Жоре девушка. – Батурин, идем! – и она взяла под руку немецкого офицера.

– Подождите, – остановил ее Жора. – Сначала я. Через минуту вы. И – сейчас же в машину. Имейте в виду: рядом, у художников, облава.

Жора вышел. Шпик все еще прохаживался у рыбного магазина. У входа в магазин художников стоял немецкий солдат.

Жора быстро пошел по направлению к гестапо. Пройдя несколько шагов, обернулся: офицер с пустым рукавом и продавщица из парфюмерного магазина садились в машину...

Войдя в кабинет Кристмана, Жора застал там не только полковника, но и лейтенанта Штейнбока.

– Мною обнаружена явочная квартира, а быть может, и штаб подпольщиков, – сказал Жора. – Подробности доложу потом. Надо немедленно организовать облаву!

– Лейтенант Штейнбок, – приказал полковник, – отправляйтесь лично. Десять солдат достаточно?

– Тридцать! – потребовал Жора. – Надо оцепить весь дом.

– Хорошо. Отправляйтесь. Быстро!..

Через несколько минут два грузовика, набитые гестаповцами, останавливаются у подъезда магазина «Камелия».

– Оцепить дом! – приказывает Штейнбок фельдфебелю.

Выхватив револьверы, лейтенант и Жора вбегают в магазин. За прилавками – никого. Посреди магазина с растерянным видом стоят два немецких офицера.

– Задержать! – приказывает Жора солдатам и бежит через маленький коридорчик в кабинет коммерческого директора.

Кабинет пуст. На столе в беспорядке разбросаны бумаги. В открытой дверце печки виден тлеющий внутри огонек.

– Ушли! – с досадой говорит Штейнбок.

– Не может быть! Они где-то здесь! – уверенно заявляет Жора и бежит с лейтенантом наверх, на второй этаж.

В лаборатории ни души.

– Что это значит? – спрашивает Штейнбок.

– Не понимаю... ничего не понимаю, – бормочет Жора.

Они снова спускаются в магазин. Штейнбок подходит к немецким офицерам.

– Как вы сюда попали, господа?

Офицеры уже знают, с кем имеют дело, и охотно объясняют:

– Мы вошли в магазин. Продавцов нет. Подождали несколько минут. Явились вы...

Можно уйти, господин лейтенант?

– Вам придется поговорить с полковником Кристманом, – сухо говорит Штейнбок.

Входит фельдфебель, руководивший облавой. За ним – Шустенко.

– Разрешите доложить, господин лейтенант, – говорит фельдфебель. – За полчаса до вас в соседнем магазине, в этом же доме, начался обыск. Им руководит агент номер 22. Вот он, – и фельдфебель показывает на Шустенко.

– Вы здесь? – Жора с негодованием смотрит на Шустенко. – Теперь мне все ясно, господин лейтенант: он спугнул их!

– Проклятая сволочь! – кричит Штейнбок и бьет Шустенко по лицу. – Я сейчас созвонюсь с господином полковником!..

Он быстро уходит в соседний ресторан для немецких офицеров и минут пять говорит по телефону...

К полковнику они вошли втроем: Штейнбок, Жора и Шустенко. Кристман стоял посреди кабинета, засунув руки в карманы.

– Рассказывайте, – приказал он адъютанту.

Штейнбок подробно доложил о неудавшемся налете.

– Не понимаю одного, – нетерпеливо проговорил Кристман. – Как же они могли уйти, если Шустенко оцепил дом?

– Агент номер 22, – объяснил Жора, – ограничился только обыском в мастерской художников.

– Это правда? – спросил Кристман Штейнбока.

Тот утвердительно кивнул головой.

Полковник выхватил револьвер и тяжелой ручкой наотмашь ударил Шустенко по голове. Агент упал.

– Убрать! – приказал Кристман...

Через некоторое время, когда полковник успел познакомиться с документами, взятыми в магазине «Камелия», и удостовериться в том, что парфюмерный магазин был действительно штаб-квартирой подпольщиков, Жору снова вызвали в кабинет шефа.

– Садитесь и рассказывайте, – предложил ему Кристман.

Жора начал рассказывать спокойно, обстоятельно:

– Как вы помните, в подвале и на квартире Лысенко были найдены три заслуживающие внимания вещи: трубка, кисточки и зубочистка. Трубкой и ее хозяином занялись вы. Кисточками заинтересовался Шустенко. Я понял сразу же, что он идет по ложному пути. Судите сами. Кисточки имели бы для нас интерес, если бы они были для Лысенко условным знаком, своеобразным паролем при явке. Но ведь такой пароль должен часто меняться – это азбука подполья. Так зачем же такой опытный конспиратор, как Лысенко, будет хранить у себя на квартире десятки паролей? Зачем ему это делать? В таком случае возникает вопрос: почему кисточки все-таки оказались у Лысенко? Ответ мог быть один: он пользовался ими для маскировки и покупал их только для того, чтобы этой покупкой сбить с толку агентов,

когда шел на явочную квартиру. А раз так – кисти не могли меня интересовать. И художники тоже. Я занялся зубочисткой...

– Почему же именно зубочисткой? – спросил Кристман.

– Потому, что у зубочистки необычный вид: ее тупой конец окрашен в ярко-оранжевый цвет. Кроме того, видно было, что Лысенко не пользовался ею. Тогда для чего же она ему? Можно было предположить, что именно зубочистка, а не кисточки, служила для него своеобразным паролем.

– Допустим... Что же дальше?

– Дальше, как вам, очевидно, докладывал агент, которого вы послали следить за мной, я начал бродить по базарам и магазинам в поисках таких же зубочисток. Вначале я не находил их, и в этом, конечно, виноват был сам. Я не сразу понял, что Лысенко, мороча агентов покупкой кисточек, заходит к художникам именно потому, что их магазин находится невдалеке от подпольного штаба. Только вчера я забрел, наконец, в магазин «Камелия» и сразу же на прилавке увидел несколько таких зубочисток. Я заметил: когда я рассматривал их, продавец внимательно следил за мной. И я понял, что иду по верному пути. Но мне нужно было более веское доказательство. И оно появилось, правда, совершенно случайно. Когда сегодня около двух часов дня я снова заглянул в «Камелию», в магазин почти одновременно со мной вошел станичник. Он подошел к продавцу и, вынув из кармана точь-в-точь такую же оранжевую зубочистку, спросил, не нуждается ли магазин в поставке вот этих «штучек». Продавец сейчас же отвел станичника во внутренний кабинет. Это было тем более странно, что того количества оранжевых зубочисток, которое я увидел на прилавке и на полках магазина, надолго хватило бы магазину. Я был убежден, что стою на правильном пути, и я немедленно явился к вам.

Кристман с минуту молчал. Потом подошел к Жоре.

– Одно из двух, – сказал он, – или вы действительно способный агент, или...

Полковник замолчал. Прошелся по кабинету.

– Отдыхайте. Через несколько дней вы мне понадобится...

Жора вышел из кабинета Кристмана и невольно с облегчением вздохнул. История с зубочисткой прошла благополучно. Ее придумал и предложил Жоре провести Арсений Сильвестрович. Эта история давала Жоре возможность «выслужиться» перед Кристманом путем «разоблачения» «Камелии», которую все равно было решено закрыть...

Глава VI

В последних числах ноября 1942 года по приказу штаба партизанского движения Юга наш отряд приступил к организации своих «филиалов».

Я мечтал тогда о десятках таких филиалов. Они должны кольцом охватить Краснодар, взять под наблюдение переправы через Кубань, проникнуть в самый город. Их действия будут направляться из единого центра. И, когда наступит время, они отрежут немцам пути отхода, одновременно ударив по всем коммуникациям...

Прежде всего, было организовано три группы, которые должны были базироваться на Краснодар и поступить в распоряжение Арсения Сильвестровича.

Первую группу у нас в шутку прозвали «группой сапожников». Во главе ее стоял Яков Ильич Бибилов, бывший директор маргаринового завода. Одно время в нашей фактории на Планческой он руководил сапожной мастерской. В эту группу кроме Бибилова входили Иван Федорович Суглобов, Николай Андреевич Федосов и

переданный в наш отряд бывший начальник политотдела Ново-Титаровской МТС Брызгунов.

«Группа сапожников» должна была провести ряд диверсий на железной дороге между Краснодаром и Усть-Лабой, затем подготовить взрыв восстановленного немцами моста на дороге, ведущей от Краснодара к Горячему Ключу, наконец, помочь краснодарским подпольщикам в момент будущих боев за город.

Вторую группу возглавил Демьян Пантелеевич Лагунов – начальник цеха Главмаргарина, в прошлом железнодорожный машинист, прекрасно знавший Краснодар. Под его началом были: Николай Григорьевич Гладких, кочегар комбината и председатель его местного комитета; Ефим Федорович Луговой, газовый мастер, спокойный, уравновешенный, старейший по годам в нашем отряде; Дмитрий Григорьевич Литовченко, заведующий военным отделом Сталинского райкома партии в Краснодаре; Таисия Сухороброва, секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ.

Задачи этой группы были многообразны. Лагунов должен был перед отходом немцев из Краснодара уничтожить все перевозочные средства через Кубань – лодки, катера, парходики; взорвать мост на плаву, ведущий из города к Георгие-Афипской; помочь нашему яблоновскому филиалу, если немцы все-таки восстановят там мост через Кубань; организовать взрыв шоссейных мостов на подходах к городу; спасти от разрушения оборудование основных промышленных предприятий Краснодара.

Мы понимали, конечно, что одной группе не справиться со всеми этими заданиями. Поэтому тотчас же по приходе в город она должна была связаться с Арсением Сильвестровичем и начать сколачивать ряд дополнительных групп. Это, очевидно, должно было лечь главным образом на плечи Сухоробровой – у нее сохранились большие связи с краснодарской молодежью.

Наконец, третьей группой командовал Георгий Иванович Ельников, инженер Главмаргарина, который должен был объединить под руководством Арсения Сильвестровича все городские отряды. Ему, между прочим, поручалось выделить несколько человек и забросить их в Стефановку – небольшой хуторок на левом берегу Кубани, против станицы Ново-Марьинской.

Дело в том, что марьинцы, уходя в леса и горы, оставили в Стефановке большое, хорошо законспирированное партизанское ядро. Ельникову предстояло связаться с ним и совместно с марьинцами организовать наш стефановский филиал. Мы придавали ему большое значение: Стефановка связывала Львовское шоссе с Краснодаром, и против Стефановки немцы перебросили через Кубань мост на плаву.

Наконец, лично Ельникову мы приказали раскрыть секрет понтонных мостов, которые, по нашим агентурным сведениям, немцы предполагали в последний момент навести через Кубань, где-то между Марьинской и Елизаветинской.

Подготовка групп шла полным ходом. Товарищи проходили дополнительный курс в нашем «миннодиверсионном вузе». Они тренировались в метании гранат, изучали пулемет. Я тщательно прорабатывал с ними явки, пароли, связи. Они зазубривали адреса, фамилии, имена: никаких записок, конечно, брать с собой не разрешалось.

Все это происходило в первых числах декабря 1942 года. Положение на фронтах было напряженным: наши войска нанесли немцам удар под Владикавказом и окружили сталинградскую группировку фашистов. Но немцы все еще занимали Моздок. Для нас, получавших очень скудные сведения по радио, положение еще полностью не определилось. Но все мы были твердо уверены в победе. Эта уверенность жила в нас наперекор всему. Вот почему и задачи наших отрядов

определялись именно этой твердой уверенностью. Они сводились к одному: помочь Советской Армии, когда она начнет гнать немцев из Краснодара и с Кубани...

Помню, это было двадцатое декабря. Наш отрядный «Кренкель», Николай Демьянович Причина, принес мне две радиограммы.

Первая была сообщением Совинформбюро: на Среднем Дону началось новое наступление Советской Армии – немцы оставили на поле боя двадцать тысяч трупов.

Вторая была передана Валею: Арсений Сильвестрович сообщал, что группа Бибикова благополучно пришла в Краснодар...

Стоит рассказать о той конспирации, которую должен был соблюдать отряд наших минеров-диверсантов, явившись к бывшему коммерческому директору магазина «Камелия». Пропуская все сложные явки до подхода к городу, я скажу только о том, что обязан был проделать Бибиков в самом Краснодаре.

Прежде всего, Яков Ильич должен был отправиться на Сенной базар. Здесь, на развале, ему надлежало отыскать старую, много раз чиненную никелированную кровать: на ее сетке должна быть наклеена маленькая бумажка с условной надписью:

«12. Железная кровать с сеткой. Цена 3950 руб.».

У этой кровати Бибиков увидит продавца с завязанным глазом. Если повязки нет, значит, что-то случилось, и Яков Ильич обязан поскорее уходить... Но если все в порядке, Бибиков мог сказать продавцу: «Мне сказал Павлов, что эту кровать можно взять за 3475 рублей».

Это, собственно говоря, и все, что знал Бибиков, уходя в Краснодар. Но старая кровать на Сенном базаре была лишь первым звеном конспиративной явки.

Продавец кроватей отправит Якова Ильича на Новый базар. Здесь в одном из ларьков он найдет часовщика, одетого в ушанку, сделанную из черного собачьего меха. На его маленьком прилавке будут лежать часы фирмы «Мозер» с указанием цены: 1750 рублей. Бибиков должен предложить за эти часы на 25 рублей меньше и сказать, что его послал все тот же Павлов.

Часовщик согласится и вместе с покупателем отправится в соседнюю часовую мастерскую проверить механизм. Хозяин этой мастерской доставит Бибикова на явочную квартиру в селе Калинине, а оттуда, проверив, что он именно тот, кого ждут, Якова Ильича проводят в табачный институт к Арсению Сильвестровичу.

Именно таким путем попал Бибиков в новую штаб-квартиру подпольщиков.

Тот корпус табачного научно-исследовательского института, где теперь обосновался Арсений Сильвестрович, имеет свою историю.

В первые месяцы Отечественной войны Краснодарский химико-технологический институт, директором которого был я, организовал здесь производство капсулей детонаторов и взрывателей. В трех этажах корпуса работало свыше сотни химиков. Гремучая ртуть вырабатывалась в нижнем этаже, а капсули начинялись ею на третьем.

Гремучая ртуть – опасное вещество. Достаточно уронить ее на пол – она взрывается. И я хорошо помню сцену, которая изо дня в день повторялась в табачном институте.

Очередная партия гремучей ртути готова. Ее надо переправить с первого этажа на третий. Начальник лаборатории нажимает кнопку – и во всех коридорах и комнатах, раздастся резкий продолжительный звонок. После этого звонка никто не имеет права не только ходить, но даже шевелиться, громко говорить. В корпусе тишина. Слышны лишь осторожные неторопливые шаги. Это дежурная лаборантка несет гремучую

ртуть. «По коридору идет смерть», – говорили наши химики, прислушиваясь к шагам лаборантки.

На третьем этаже гремучую ртуть заделывали в трубочки в специальных бронированных прессах. Однажды пресс пережал трубочку – и взрыв вырвал оконную раму. Другой раз лаборантка забыла закрыть смотровую щель – и взрыв повредил ей оба глаза. Девушка ослепла...

Когда немцы подходили к Краснодару, было предположено взорвать этот корпус, тем более что в его подвале хранилась большая партия тола. Но Арсений Сильвестрович настоял на сохранении его: он решил продолжать производство взрывателей и превратить табачный институт в подпольный арсенал. В институте остались работать многие из прежних лаборанток. Туда была позднее приглашена Мария Федоровна Ихно – опытный инженер, жена моего Евгения. Там же работал наш «таинственный старик», Иван Семенович Петров.

И вот ведь какое дело: в других корпусах табачного института были немцы, а здесь, почти рядом с ними, полным ходом работал подпольный арсенал. Он продолжал свою деятельность до последнего дня пребывания немцев в Краснодаре, и они так и не узнали о нем.

Арсений Сильвестрович приказал заминировать все подходы к арсеналу, и немцы дважды подрывались на минах. Но разве немецкие саперы не могли разминировать подступы к корпусу и самый корпус? Лаборанты по неделям не выходили из своего арсенала. Связь с городом поддерживал главным образом наш «старик», – по внешности очень безобидный и мирный человек. Окна корпуса были тщательно занавешены темной материей и закрыты ставнями. Издали он казался покинутым, заброшенным. К тому же сам табачный институт стоял на отлете – за городом и рощей. Перед ним раскинулся питомник плодовых деревьев. Но все же рядом жили немцы, и они так и не догадались о работе арсенала за все их шестимесячное хозяйничанье в Краснодаре.

Так или иначе, но арсенал работал. Больше того: когда «Камелия» провалилась, Арсений Сильвестрович перенес сюда свою штаб-квартиру. Здесь вместе с ним были Азардов и Деревянко: картонажную мастерскую последнего тоже пришлось ликвидировать. Тут же в подвале работала новая радиостанция, которой заведовала Валя. Эта радиостанция имеет свою героическую историю.

После провала радиостанции на комбинате в городе работала одна подпольная радиостанция, часто менявшая место.

Немцы, сбившись с ног, давно искали эту радиостанцию, и им в конце концов удалось запеленговать ее.

Не успел радист спрятать аппарат, как в дом ворвались гестаповцы. Завязалась перестрелка. Радист, израсходовав все патроны и пустив в ход гранаты, последней взорвал аппарат и себя...

Арсений Сильвестрович приказал достать новый радиопередатчик. При этом присутствовал Азардов. Вскоре встретился он с Валею, уже знавшей о случившейся трагедии, и рассказал ей о полученном задании.

Валя вспомнила: как раз вчера один из комсомольцев, сын работника комбината, ушедшего с отрядом в горы партизанить, рассказал ей, что недалеко от их дома, у Карасуна, работает в пристройке у домика в саду немецкая передвижная радиостанция.

Валя сама отправилась в разведку. На другое утро она сидела у Азардова, рассказывая ему о своем плане похищения радиостанции.

– Вот только через озеро трудно будет переправиться, – закончила она.

Подобрав ловких и решительных ребят, Валя той же ночью подобралась огородами к садику. Ребята полезли под забор и проникли к домику. Они услышали мерное постукивание работающего морзиста, а подвинувшись ближе к двери, увидели и его самого.

Когда часовой повернулся спиной к ребятам, те гурьбой навалились на него. Немец был сильный, начал барахтаться, и ребята вынуждены были прикончить его.

Не теряя времени, комсомольцы вслед за Валею стремительно ворвались в помещение и, внезапно набросившись на морзиста, сидевшего спиной ко входу, быстро зажали ему рот и скрутили назад руки.

Валя торопливо собрала в мешки все, что было на столе: бумаги, журналы, книги, а ее помощник отвинтил аппарат и снял провода.

Ребята подхватили радиста, выволокли его к озеру и бросили в воду. За ними следом прибежал и помощник Вали, согнувшись под мешком с аппаратом.

Валя, оставшись одна, собрала сор в угол помещения, куда втащили мертвого часового, и подожгла пристройку. Заперев дверь, быстро догнала ребят.

Те погнали лодку к противоположному берегу.

Пристав к берегу, лодку затопили в камышах.

На следующую ночь новая радиостанция подпольщиков уже работала...

В распоряжении Вали была и «типография» – так называли подпольщики пишущую машинку и два шапирографа, на которых печатались прокламации и сводки Совинформбюро.

Но Валею не радовало ее большое хозяйство. После гибели Лысенко она ходила грустной и задумчивой.

Ей казалось, что Свирид Сидорович погиб из-за нее: ведь зайдя предупредить Валею о предстоящем налете, он забыл в подвале свою трубку. И Валя мечтала в открытом бою отомстить за Лысенко.

Не раз говорила она об этом Арсению Сильвестровичу. И тот, наконец, сказал ей:

– Обещаю: ты пойдешь с первой ударной группой!

– Скоро ли?

– Скоро, Валентина. Скорее, чем ты думаешь...

Через несколько часов после прихода Бибикова Арсений Сильвестрович позвал своих ближайших помощников – Азардова и Дервянко. Были вызваны старший Батулин, Котров и Валя. На совещании присутствовал и Яков Ильич Бибиков.

– Я позвал вас вот для чего, товарищи, – сказал Арсений Сильвестрович. – «Тихая война» кончается. Быть может, через одну-две недели мы выйдем из подполья. Начнется новая стадия нашей борьбы: схватки, диверсии, взрывы. Но, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было, именно сейчас, в последние, считанные дни «тихой войны», нужны спокойствие и выдержка. Знаю: многие из подпольщиков тягостятся этим, обвиняют руководство в «бездействии». И мне хочется, чтобы вы, руководители подполья, поняли, что эта «тихая война» до сих пор была нам необходима, что она неизбежна, закономерна и была единственно возможной. Слов нет, мы давно могли бы вызвать немцев на открытый бой и при известной удаче отправить на тот свет десятки, а может быть, даже и сотни врагов. Но это все, на что мы были бы способны в открытом бою. Немцы быстро уничтожили бы нас – силы слишком неравны – и после

этого стали бы полновластными хозяевами города. Но мы пошли по другому, правильному пути – и победили.

Сегодня я смело могу сказать: победа за нами, друзья, и город фактически в наших руках – да, хотя его и занимают немцы! Кто хозяин на комбинате Главмаргарин? Родриан? Штифт? Фельдфебель Штроба? Они и сейчас так же далеки от пуска заводов, как в первый день занятия Краснодара. Хозяевами комбината были и остались друзья погибшего Лысенко.

Немцы хвалились тем, что краснодарские рабочие изготавливают горные вьюки для их егерских частей. Но вьюки разваливаются при первом же переходе в горах, и это хуже для германской армии, чем если бы она совсем не получала вьюков.

Генерал Фрейтаг хвастается, будто краснодарские предприятия ремонтируют немецкие танки. Но, так же, как горные вьюки, танки выходят из строя в первом же бою.

То же происходит и на остальных заводах Краснодара. И происходит это потому, повторяю, что не генерал Фрейтаг, не полковник Кристман, не Родриан, не Штифт, а мы, подпольщики, – хозяева города. И этой победы мы добились в результате выигранной нами «тихой войны». Но и этого было мало. Победив, мы сохранили нашу армию. Подполье цело. Оно сильнее, чем в тот день, когда немцы заняли Краснодар. И оно держит в своих руках инициативу.

В этом, друзья, наша сила. Но именно это и заставляет нас быть особенно осторожными. Малейший необдуманный шаг – и все полетит к черту. Говорю еще раз: в последние дни и недели, которые остались до решительного удара, нам, как никогда, нужны выдержка и спокойствие. Знаю: ждать трудно. Особенно молодежи.

Но так надо. Это неперемное условие нашей окончательной победы. И я предупреждаю об этом вас, а вы передайте всем, кто связан с вами. Но знайте и другое, друзья: час решительного удара близок. Вам известно о победах Советской Армии под Владикавказом, у Сталинграда, на Среднем Дону. А когда Советская Армия подойдет к Краснодору, когда немцы начнут метаться, тогда ударим мы, перережем коммуникации. Вся сила этого удара должна быть в его продуманности, технической безупречности. Никаких срывов и промашек вроде тех, например, которые произошли у нас, когда мы впервые решили взорвать железнодорожный поезд и... оставили немцам свои мины. Вот почему я просил прислать нам в помощь опытных минеров-диверсантов. Сегодня пришел первый из них, товарищ Бибиков. Ваше слово, Яков Ильич.

Бибиков начал подробно рассказывать о том, как наша партизанская группа превратилась в отряд минеров-диверсантов, как был изобретен «волчий фугас», как в октябре впервые на Кубани взлетел в воздух немецкий поезд и как при этом взрыве погибли мои сыновья.

– Мне очень тяжело говорить об этом, товарищи! – сказал Бибиков, понизив голос и опустив голову. – Не знаю, как и рассказать вам о наших потерях в боях. При взрыве первого на Кубани поезда, спасая партизан, попавших в критическое положение, погибли смертью героев братья Игнатовы. Погиб наш начальник штаба и разведки, душа отряда инженер Евгений Петрович...

Голос его оборвался. Слезы медленно потекли по щекам. Не скрывая своего горя, он отвернулся к стене...

Все поднялись со своих мест и, склонив головы, с минуту стояли молча...

– Товарищи, – сказал Арсений Сильвестрович, – потери наших лучших боевых друзей были и будут в этой борьбе. Но наши потери, как ни тяжело их переживать, не должны сломить нашего духа. Будем так же тверды в исполнении поставленных задач, как партизаны кавказских предгорий!

Валя не вытерпела, порывисто встала и быстро проговорила:

– Мои мальчики и девочки натаскали у немцев до сорока револьверов. Только прятать их трудно. Наши школьники, пионеры и комсомольцы прямо изводят меня, требуя немедленно начать боевые действия в городе. Даже тол раздобыли!.. Вот теперь товарищ Бибиков и научит нас, как его использовать!..

Яков Ильич рассказал о последних диверсиях отряда, о новых типах мин замедленного действия и о том, как сложна организация любой диверсии. Арсений Сильвестрович развернул на столе карту окрестностей Краснодара. Штаб начал обсуждать план будущего согласованного удара... И вдруг неожиданно прогремел взрыв. Гулким эхом разнесся он по коридорам корпуса. И почти одновременно прозвучал сигнал тревоги.

– Азардов, веди всех в убежище! – спокойно приказал Арсений Сильвестрович. – А я выясню, в чем дело.

В комнату вбежала Мария Федоровна.

– Взорвались капсюли с гремучей ртутью, – сказала она. – Жертв нет. Но боюсь, что немцы, услышав взрыв, явятся сюда...

– Деревянко, проверь наблюдение, – приказал Арсений Сильвестрович.

Дежурные приникли к темным окнам.

Прошло несколько минут. Там, за окнами дома, стояла темная ночь. Ветер шумел верхушками деревьев и гремел оторванным листом кровельного железа по крыше. Моросил дождь...

Прошло полчаса. Вокруг корпуса было по-прежнему темно и тихо. Немцы, очевидно, не слышали взрыва или не обратили на него внимания... Арсений Сильвестрович приказал дать сигналы отбоя.

Когда участники совещания вернулись в комнату, за столом сидел Арсений Сильвестрович. Перед ним лежала карта окрестностей Краснодара.

– Итак, друзья, будем продолжать, – спокойно проговорил он...

* * *

Мария Федоровна вышла из комнаты, взволнованная не столько происшедшим взрывом, сколько тем, что увидела Бибикова. Ей очень хотелось расспросить его о Евгении, обо всей нашей семье, но она постеснялась это сделать при всех да еще во время такой напряженной обстановки. Бибиков молчал и, как ей показалось, грустно улыбнулся, приветливо кивнул головой, но ничего не сказал...

Мария Федоровна подождала с полчаса у дверей, за которыми происходило совещание, и потом вернулась в лабораторию. В эту ночь ей так и не пришлось повидать Бибикова, а наутро она узнала, что он уже ушел...

Оправившись после болезни, помешавшей уйти с отрядом в горы, Мария Федоровна уехала с маленькой дочерью Инной к сестре, работавшей воспитательницей в детском городке 3-я Речка Кочеты. Пробыв там некоторое время, она вернулась в Краснодар и поселилась у подруги, работавшей инженером комбината. Вернуться домой ей было нельзя: на квартире стояли постоем немцы. Дома оставалась мать Марии Федоровны – пожилая женщина.

Марии Федоровне хотелось хоть одну ночь провести под родной крышей. Вспомнить о Евгении, вспомнить, как они с ним тут хорошо жили. Где он сейчас? Что с ним?

Немцы усиленно распространяли по городу слухи, что они истребили всех партизан в предгорьях и лесах на Кубани... Но Мария Федоровна не верила этим слухам. Она знала, что партизаны живы, что они борются и что в их рядах борется с врагами и ее Евгений. Ей хотелось принять участие в этой борьбе, и она очень обрадовалась, когда Арсений Сильвестрович предложил ей работать в подпольном арсенале...

Глава VII

Еще до того дня, когда на совещании в подпольном арсенале Арсений Сильвестрович заявил, что «тихая война» кончается и что близко время, когда подпольщики с оружием в руках начнут сражаться с врагом, – в ряде мест, за пределами города, уже происходили открытые стычки подпольщиков с немцами.

Об этих боевых действиях подпольщиков я считаю необходимым рассказать еще и потому, что активными участниками их были бывшие члены батуринской бригады, скрывшиеся из города после того, как они спаслись от расстрела.

* * *

...Недалеко от Краснодара расположена большая станица Кореновская. Издавна славится она своими свекловичными полями и сахарным заводом. Севернее Кореновской раскинулась станица Бейсуг. Вот в этой-то станице, вскоре после ареста батуринской бригады, и произошли те удивительные события, о которых я хочу рассказать.

Вначале, когда я узнал об этих событиях, находясь еще в партизанском отряде, они показались мне маловероятными. После ухода немцев с Кубани я навел справки – и правда оказалась еще более невероятной, чем те рассказы, которые доходили по нашей горы Стрепет. И я решил написать об этом. Тем более, что события в станице Бейсуг тесно связаны с основной темой моего повествования: героем событий в станице был подпольщик Краснодара, член батуринской бригады, тот самый Миша, который так негодовал по поводу «предательства» Шлыкова.

Не знаю точно, каким образом удалось Мише пробраться из Краснодара в Бейсуг. Миша нашел в станице секретаря районного комитета комсомола, скрывавшегося у своей матери, предъявил ему полномочия от Азардова и Арсения Сильвестровича и собрал в одной из хат всех уцелевших станичных комсомольцев.

На собрании было решено создать степной партизанский отряд. Командиром стал Миша, комиссаром – секретарь райкома комсомола Лозовой. Тут же был зачитан приказ № 1 по партизанскому отряду. В приказе воспрещались какие бы то ни было самочинные выступления без разрешения Миши и назначались командиры подразделений.

Новоиспеченный ординарец Миши – курносенькая пятнадцатилетняя девочка Липа получила распоряжение изготовить... маски. Это, конечно, было данью молодому увлечению романтизмом. Липа смастерила маски из старой черной коленкоровой юбки своей бабушки. Когда маски были готовы и ребята примерили их перед зеркальцем, Миша сказал Липе:

– Лети к станичному атаману!.. Вбеги, запыхавшись, к нему, сделай испуганное лицо и скажи, что в станицу приехал какой-то важный человек из Краснодара, остановился в этой хате и срочно требует к себе атамана. Потом возвращайся обратно и жди на крыльце. Как только увидишь атамана – окажешь мне, сама схоронишься в

сенях. Атаман войдет сюда – и ты за ним. Когда я тебе сделаю знак, ты подашь атаману стул. Все это ты должна проделать молча. Не забудь надеть маску, когда вернешься от атамана. Поняла? Ну, на третьей скорости! Бегом!

Не прошло и десяти минут, как Липа вернулась и, с трудом переводя дыхание, прошептала:

– Идет!..

На станицу спустились сумерки. Когда атаман вошел в горницу, он вначале никого не заметил в ней. Решив, что гость ждет его в соседней комнате, атаман взялся было за ручку двери, но из темноты раздался повелительный голос:

– Назад! Подойди к столу!

Вспыхнул огонек зажигалки. На столе загорелась свеча. В ее неярком мерцающем пламени атаман увидел фигуры в масках. Они неподвижно стояли вдоль стены. За столом сидел человек в казачьем костюме, шапке-кубанке. Он тоже был в маске.

– Это что за люди? Кто такие? – спросил атаман, и в голосе его явно слышались удивление и страх.

Ему никто не ответил. Тот, кто сидел за столом, подал знак, и девушка – она тоже была в маске – пододвинула атаману стул.

– Кто вы такие? – повторил атаман, нерешительно садясь.

Человек, сидевший за столом, не торопясь вынул из кармана бумагу, развернул ее и положил на стол. Потом быстро поднялся.

– Встать! – приказал он атаману. – Слушай приказ командира степного партизанского отряда!

Это было так неожиданно, что атаман вскочил и вытянулся во фронт. Руки у него тряслись. Шапка, которую он держал в левой руке, упала на пол. Он часто переступал с ноги на ногу. Его правая рука то подымалась, то опускалась: очевидно, он хотел перекреститься, но не решался этого сделать.

– Связной, выйди на крыльцо! – спокойно, будто ничего не случилось, сказал Миша Липе.

Медленно, отдельно, чеканя каждое слово, Миша прочел:

– «Приказ № 2 командира степного партизанского отряда Краснодарского участка Кубанского края атаману станицы Бейсуг.

§ 1. Я решил временно остановиться со своим отрядом в станице Бейсуг. Все ее жилые и хозяйственные постройки поступают в мое распоряжение. Без моего разрешения никто не имеет права выезжать из станицы, прибывать в станицу и размещаться в ней.

Наблюдение за выполнением этого поручаю назначенному мною коменданту станицы Бейсуг.

§ 2. Поставленный немецкими оккупантами атаман станицы остается исполнять свои обязанности, но во всех своих действиях подчиняется только мне или комиссару. Равным образом это относится к старостам кварталов, стодворок и полицаям.

§ 3. Все натурпоставки германскому командованию с сего дня атаман станицы должен сдавать только моему заместителю по снабжению через моего коменданта.

§ 4. Атаман станицы отвечает своей головой и жизнью своей семьи и родственников за то, что ни один партизан, ни их семьи, ни семьи красноармейцев, командиров, коммунистов или эвакуированных не будут выданы немцам и не будут подвергаться гонениям за отцов, братьев, сыновей.

§ 5. За невыполнение как этого приказа, так и последующих приказов и распоряжений командования партизанского отряда в первую очередь отвечает атаман станицы Бейсуг.

Командир отряда – Михаил, Комиссар отряда – Лозовой».

Миша кончил читать, не спеша положил приказ на стол.

– Все ясно? Вопросов нет?

Атаман испуганно озирался по сторонам. Вокруг неподвижно и молча стояли таинственные люди в черных масках, и атаман нерешительно промямлил:

– В толк сразу не возьму... Еще бы раз прослушать... Или бы лучше – домой взять...

– Домой приказа не дам, – решительно отрезал Миша, – а повторить могу. Но только в последний раз. Слушай внимательно, дурья голова!

Миша отдельно и четко прочел приказ еще раз.

– Теперь уразумел?

– Уразумел, – еле слышно ответил атаман.

– Очень хорошо. Распишись, что выслушал и принял к исполнению.

Атаман потянулся было к «вечному перу», которое лежало на столе, но быстро отдернул руку. На лбу атамана выступили крупные капли пота.

– Не дури, атаман! Подписывай. Ждать нам некогда: дел у нас и без тебя много.

Трясущимися руками атаман достал очки, напялил их на нос и вывел какие-то каракули под приказом.

Миша спрятал бумагу в карман, подошел к атаману и сказал:

– Ты понял, атаман, что сейчас сделал? Ты жизнь себе сохранил. Хоть и поганую, но все-таки жизнь. Тебе, изменнику, положено умереть. А если будешь точно исполнять приказ – уцелеешь. Понял? Но не пытайся нас обмануть. Мы будем следить за каждым твоим шагом. Чуть что – получишь пулю... Все. Можешь идти.

Девушка в маске распахнула дверь. Атаман вышел, шатаясь, как пьяный. На крыльце он на мгновение задержался, хотел было что-то сказать, но раздумал, махнул рукой и медленно побрел по темной станичной улице.

– С атаманом прошло гладко, – облегченно вздохнув, сказал Миша. – А вот с начальником полиции будет, вероятно, потруднее. Вот что, ребятки: идите-ка по домам. Мне достаточно трех человек... Идите, идите. А ты, Липа, беги к начальнику полиции и позови его сюда. Скажешь то же, что и атаману. Но к нам не входи, подежурь на крыльце. Бегом, Липа...

Начальник полиции быстро вошел в комнату, придерживая рукой шашку и поправляя кобуру револьвера. В горнице было темно: Миша потушил свечу. Не найдя важного гостя из Краснодара, начальник полиции повернулся было, чтобы уйти, как вдруг из темноты раздался повелительный окрик:

– Стой! Шапку долой, руки по швам!

Начальник полиции различил в темноте какую-то фигуру.

– Садись! Положи руки на стол! – гремел голос.

Все еще ничего не понимая, начальник полиции выполнил приказание.

– Хата окружена моими людьми, – продолжал Миша. – Станица тоже занята нами. В этой горнице за тобой следят... Да не крути головой, дурень! – грозно крикнул Миша, заметив, что его гость оглядывается по сторонам. – Встать! Что руки растопырил, словно баба! Слушай приказ!

Снова вспыхнул огонек зажигалки, и при свете свечи Миша прочел начальнику полиции приказ № 3. По своему содержанию он почти в точности совпадал с тем приказом, который только что был подписан атаманом...

Спустя много времени мне рассказывал об этой сцене один из очевидцев – помощник Миши. Начальник полиции стоял навытяжку. Пальцы его правой руки делали судорожные движения. «Честное слово, он щипал себя за ногу – хотел, видно, убедиться, что не спит!» – уверял меня помощник Миши. Однако, когда Миша протянул начальнику полиции перо подписать приказ, тот схватился было за кобуру. Но Миша опередил его: начальник полиции увидел перед собой вороненое дуло Мишиного револьвера.

У гостя безвольно опустились руки. Он сел на стул, оглянулся. В горнице стояли трое неизвестных в черных масках, дула их револьверов были направлены на него.

Начальник полиции понял: сопротивление бесполезно. Он упал на колени и, сложив руки на груди, пробормотал:

– Господин партизан, куда же мне податься? И от вас смерть, и от немцев смерть. Что делать?..

– Прежде всего, не будь дураком, – ответил Миша. – Вставай и садись за стол... Смотри: видишь – подпись атамана?.. Он умнее тебя: подписался – и заработал себе жизнь. Советую и тебе сделать то же самое: если будешь вести себя хорошо, будешь своих полицаев в узде держать – поживешь еще... Но если попытаешься нас обмануть – пеняй на себя: не помилуем... Подписывайся! Так... А теперь иди, подыши свежим воздухом на улице и сегодня же зайди к атаману: вам надо с ним обо всем договориться. Помни: чуть что – тебе конец!..

* * *

С этого вечера в станице Бейсуг установилась безраздельная власть Михаила и его партизан. Это в значительной степени облегчалось тем обстоятельством, что постоянного немецкого гарнизона в этой глухой степной станице не было. Немцы лишь изредка наезжали сюда. Миша и его хлопцы стали фактическими хозяевами станицы. Правда, однажды атаман попытался было тайком отправить немцам несколько подвод с зерном. Но в самый последний момент, когда подводы уже были нагружены, к атаману подошла Липа и молча передала ему маленькую записку.

«Если немцы получат зерно, будешь казнен сегодня же, до 12 ноль-ноль.

Михаил».

Зерно осталось в станице.

К Мише – он жил в доме матери своего «ординарца» Липы – начали стекаться добровольцы.

Как-то вечером Липа привела к Михаилу двух хлопцев лет по четырнадцати. По-военному вытянувшись перед Мишей, они попросили принять их в партизанский отряд.

– Подрасти бы вам надо: молоды больно, – сказал Миша, хотя он сам только в этом году впервые начал бриться.

Хлопцы горячо уверяли, что им уже минуло шестнадцать, что они умеют стрелять и что за ними уже есть одна «боевая операция». Тот, что был постарше, рассказал:

– Хутор наш стоит у шоссе. Позавчера вечером к нам в хату зашли два немца – один молодой, другой старый. Стали требовать водки. Меня с братом дома не было. Мать побежала к соседям искать самогон, а сестра Анютка осталась в хате. Когда мы подходили к дому, услышали – на огороде кто-то плачет. Видим – Анютка: сидит на

грядке, платье порвано и плачет. «Чего ревешь?» – спрашиваем. А она рассказывает: когда мать ушла, немцы набросились на нее... А ведь Анютка у нас самая меньшая, – ей всего двенадцать годков. И ласковая она такая, добрая. Песни хорошо поет... Вошли мы в хату. Мать угощает немцев самогоном и спрашивает нас: «Где Анютка?» Мы говорим: «Не знаем». Немцы пьют самогон и смеются. И что-то по-своему друг с другом говорят. Потом один немец, тот, что помоложе, уходит на двор, надо думать, по нужде. А старый сидит за столом и на мать кричит, кулаком на нее замахивается. Тут не стерпел я, взял кочергу и ударил немца по голове. Немец упал, но я вижу – жив еще: голова, что ли, у него крепкая была. Мы набросились на него, прикончили, а потом быстро спрятали его под кровать. Входит молодой немец. Увидел, что старого нет, и начал оглядываться. Повернулся, хотел было уйти из хаты, а мой братишка в темных сенях хватил его по голове поленом. У молодого голова не такая крепкая, как у старого, – он сразу помер. Мы сволокли немцев на телегу, на которой они приехали, подвезли к пруду, привязали к ним камни и столкнули в воду. Лошадей – немцы на паре приехали – угнали в наш табун, что в балке хоронится, а телегу разобрали и раскидали по дворам. Под утро вернулись домой, видим: Анютка на кровати лежит, а мама рядом сидит и плачет. Мы подошли и говорим: «За Анютку мы отомстили, но только мало. Партизанить уходим, мама». Она еще сильнее плакать стала. Потом поднялась, перекрестила и сказала: «Идите, сынки. Благословляю». Вот мы и пришли. Другого пути у нас нет... Примешь?

– Вижу, другого пути у вас нет, хлопцы, – сказал Миша. – Приму. Но только вот вам мой приказ: без разрешения ни одного немца пальцем не трогать.

– А ты разрешение дашь?

– Дам.

– Ты только поскорей дай! А то мы матери честным словом поклялись, что отомстим за Анютку. Без этого нам вернуться нельзя...

Миша оказался отличным организатором. Прежде всего, он наладил неусыпную слежку за атаманом. А для того чтобы атаман знал об этом, каждый вечер Миша отправлял к нему Липу с «рапортчиком», где с педантичной аккуратностью было перечислено все, что делал атаман с утра и до вечера.

– Замучили они меня этими писульками, – жаловался атаман. – Никак в толк не возьму, – кто за мной подглядывал? Даже когда до ветру ходил, и то в писульку записывали! Я из дому боялся выходить: чудилось, кто-то смотрит, а откуда и кто – не знаю. Спать ложился, с головой одеялом покрывался...

Партизанскую работу Миша начал с того, что решил сорвать пуск немцами сахарного завода в Кореновке.

Немцы, сильно заинтересованные в пуске завода, прислали в Кореновку своего инженера. Он оказался опытным специалистом, трудолюбивым и настойчивым. Вникал во все подробности дела и заставлял работать станичников. Но за ним числился один грешок: он не прочь был выпить. Этим и решил воспользоваться Миша. По его приказу хлопцы начали носить инженеру самогон. Инженер самогон брал, ночью выпивал его, а утром точно как часы являлся на завод.

Миша призадумался. На открытое покушение он не решался, боясь, что немцы всполошатся и нападут на след молодого, еще неокрепшего отряда. Между тем работа по восстановлению завода продолжалась.

Помощь явилась совершенно неожиданно. Однажды вечером к Мише пришел начальник полиции. Как бы между делом он спросил:

– Хотел бы я посмотреть на тот самогон, что пьет инженер в Кореновке...

Миша удивленно посмотрел на него.

– Ты, что же, выпить захотел?

– Выпить всегда хорошо. Прикажите принести стаканчик.

Миша приказал. Начальник полиции залпом осушил стопку, почмокал губами, крякнул и глубокомысленно изрек:

– От этого напитка только кость крепнет... Нет, другой напиток надобно инженеру...

– А где его достать?

– Могу принести...

На следующий вечер немецкий инженер в Кореновке получил самогон, изготовленный начальником полиции. Утром он не вышел на работу. А в полдень за ним приехала санитарная машина. Когда его выносили из хаты, он хрипел и лицо у него было багровое...

Мише так и не удалось узнать, что за напиток приготовил для инженера начальник полиции.

Немецкого инженера увезли. Позднее разнесся слух, что инженер умер с перепоя, – вероятно, поэтому немцы и не производили расследования о причинах его смерти...

Миша ждал, что пришлют другого инженера, но почему-то никого не прислали, и восстановление завода почти приостановилось...

Не лучше обстояло у немцев дело и с копкой свеклы. На полях работали девушки, в большинстве связанные с Мишиным отрядом. Нормы они не выполняли. К тому же выкопанная свекла по ночам катастрофически «усыхала». Немцы жестоко избили двух молодых казачек за явный саботаж, но и после этого ничего не изменилось, только еще больше озлобился народ.

Миша понимал, что саботаж на заводе и свекловичных полях не мог удовлетворить ребят. Они мечтали об активных действиях, о схватках и диверсиях. Да и сам Миша был горяч и нетерпелив, хотя последние события в Краснодаре несколько охладили его пыл. И вот он решил начать боевые действия, тем более что отряд его был в основном сформирован и дисциплина в нем поддерживалась безукоризненная.

Первая операция прошла успешно. Небольшая группа молодых партизан напала на немецкий обоз, заночевавший у безыменной степной речушки, и без единого выстрела уничтожила всех вместе с офицером. Еще до рассвета хлопцы свезли мертвых немцев в ямы от выкопанных буртов свеклы и забросали землей. Телеги разбросали и попрятали, а лошадей угнали степью к лесной стороне. Все было сделано тихо, аккуратно, и у немцев даже и мысли не возникло, что в исчезновении обоза повинна молодежь станицы.

Этот успех окрылил ребят. Миша начал готовиться к серьезной диверсии на главной железнодорожной магистрали, как вдруг неожиданно получил известие об аресте комиссара Лозового на базаре в Кореновке.

В свое время Михаилу удалось раздобыть в Краснодаре радиоприемник. Он был установлен в станице. Девушки принимали сводки Совинформбюро, от руки размножали их и распространяли среди станичников. Руководил этим делом комиссар отряда Лозовой. Обычно он действовал на базаре, где в людской толпе легче было рассовать бумажки в сумки, в подводы, даже в карманы приехавших станичников. Вот тут-то, на базаре, комиссар и попался. Он был сам виноват в провале: он вступил в спор с каким-то бородатым «дядей», «дядя» оказался шпиком, и Лозовой прямо с

базара был доставлен в тюрьму. Его захватили с поличным – с десятком листовок. Это грозило смертью, и хлопца надо было спасти во что бы то ни стало.

Узнав об аресте комиссара, Миша вызвал к себе начальника полиции, рассказал ему обо всем и приказал:

– Лозовой сегодня же ночью должен быть здесь. Завтра его могут угнать в Краснодар, и тогда – конец... Ты знаешь начальника полиции в Кореновке?

– Он мне кумом доводится...

– Тем лучше. А конь у тебя есть?

– Казак без коня что лошадь без хвоста.

– Скачи что есть духу! И чтобы сегодня же ночью... Понял?

– Дело ясное... Только самогон мне нужен.

– Бери все, что у нас есть...

Прошла ночь. На рассвете Лозовой на взмыленной лошади прискакал в Бейсуг и немедленно явился к командиру. Миша потребовал от него объяснений, но хлопец и сам ровно ничего не понимал. Он рассказал, что вскоре после ареста начальник полиции вызвал его на допрос. Избив хлопца, но ничего от него не добившись, он заявил, что завтра же отправит его в Краснодар, в гестапо. «Там заговоришь», – пригрозил он.

Ночью комсомольца снова привели в хату. В просторной горнице сидели оба начальника полиции. На столе стояла бутылка самогона. Полицейские были пьяны. «Сейчас бить начнут», – подумал Лозовой. Когда сопровождавшие его ушли, начальник полиции Бейсуга вывел комиссара во двор, молча подвел к своему коню и совершенно трезвым голосом сказал:

– Скачи домой и доложи командиру все, как было.

Потом, помолчав, добавил:

– Если загонишь коня, не прощу. Как бог свят, не прощу, жизни своей не пожалею.

Понял?

Вечером следующего дня начальник полиции пришел к Мише.

– Я за конем, – сказал он сумрачно.

Миша отправился с ним в конюшню.

– Как твой кум поживает? – осведомился Михаил.

– Спит, – небрежно ответил полицейский, внимательно осматривая коня. – Коня после скачки насухо вытирать надо, – недовольно проворчал полицейский. – Понятно? Хороший конь уход любит... Виданное ли это дело – после такой скачки коня не привести в порядок! Тоже казаками называются...

Начальник полиции вскочил в седло и медленно поехал домой. Миша вызвал Лозового и долго отчитывал его за неосторожность, проявленную на базаре.

На другой день Миша вызвал к себе двух братьев – тех, что пришли к нему в отряд мстить за сестру Анютку.

– Даю вам важное боевое задание, хлопцы, – сказал он. – Надо пробраться через линию фронта, найти нужного человека и сообщить ему, где стоят немецкие артиллерийские склады. Вот вам бумажка: в ней написан маршрут, явки и пароли. Вызубрите это наизусть и сегодня вечером явитесь ко мне. Выход в двадцать три ноль-ноль.

Ночью ребята ушли в степь. Они вернулись только на исходе шестых суток, грязные, почерневшие. Но глаза их сияли, и Миша понял, что задание выполнено.

На следующую ночь над немецкими складами появилась эскадрилья наших У-2. Первые машины повесили в воздухе «люстры». На земле стало светло, как днем. Немецкие зенитчики открыли огонь. Но У-2 спокойно вышли на цель и мастерски сбросили бомбы: артиллерийские склады полыхали огнем, грохотали взрывы снарядов.

Эскадрилья уходила на восток, ярко освещенная заревом пожара, когда из темноты на бешеной скорости вырвался немецкий истребитель. У Миши тревожно сжалось сердце: не уйти тихоходным У-2 от «мессера».

Но наши и не собирались уходить. Развернувшись, они построились плотным строем и приняли бой. Нити трассирующих пуль понеслись навстречу истребителю. И «мессершмитт» вспыхнул. Каскадом фигур немецкий летчик пытался было сбить пламя. Но огонь перекинулся на середину машины, и она круто пошла к земле.

При свете пожара Миша увидел, как от машины отделился темный клубок и раскрылся белым куполом парашюта. Конные партизаны бросились в степь. Немецкий летчик долго отстреливался, но его все же удалось взять живым. Связанного по рукам и ногам немца, по старому кубанскому обычаю перекинули поперек седла и доставили в станицу.

Летчик оказался почти мальчиком и на первом же допросе рассказал много интересного. Михаил немедленно отрядил связного в Краснодар. Азардов связался по радио с нашим командованием, и ночью в степи приземлился маленький советский самолет. На него посадили пленного. Он был туго спеленут веревками и засунут в мешок. Отверстие мешка Миша перевязал бечевкой и скрепил ее своей сургучной печатью.

К сожалению, мне не довелось увидеть Мишиной печати, но, по рассказам, на ней были изображены серп, молот, казацкая сабля и пика.

Самолет, прилетевший за немецким летчиком, привез Мише подарок – маленький радиопередатчик и зашифрованный код, которым можно было общаться через линию фронта. Спустя несколько дней Миша передал свою первую радиограмму – о том, что недалеко от станицы Бейсуг, на территории МТС, расположилась на ночь большая моторизованная колонна немцев под охраной броневиков и среднего танка. Миша давал координаты МТС, просил выслать самолеты и предупреждал, что его хлопцы кольцом окружают колонну и при бомбежке не выпустят из кольца ни одной немецкой машины.

Ночью самолеты появились над степью. То ли Миша дал неточные координаты, то ли ведущий штурман оказался на этот раз недостаточно опытным, но самолеты не сразу вышли к указанному месту. Несколько минут они кружились над степью – немцы распознали гул советских моторов. Мотоколонна быстро начала рассредоточиваться: машины уходили в степь. Миша понял: операция срывается. И он отдал приказ атаковать немцев.

В ночной тьме раздались взрывы гранат. Полетели бутылки с горючей смесью. Вспыхнули машины, раньше других покинувшие стоянку.

Первым загорелся танк. С порванной гусеницей он пылал, кружась на месте. Почти одновременно с ним загорелась автоцистерна на противоположном конце территории МТС. Справа и слева от них вспыхнули еще три машины. Немцы оказались в огненном кольце.

Это был прекрасный ориентир, и наши летчики пошли на бомбежку. Они знали: где-то тут, совсем рядом, у этих пылающих машин дерутся с немцами смелые

казачата. Пилоты, боясь неточных попаданий, били немцев с бреющего полета. Подчас взрывная волна подбрасывала самолеты, но летчики, вторично заходя на бомбежку, снова снижались почти до самой земли.

Когда на рассвете к месту побоища подъехали немецкие автоматчики на грузовиках, они увидели лишь остовы чадящих машин, трупы фашистских солдат и глубокие воронки авиабомб. Посреди этого хаоса стояла жердь, воткнутая в землю. На жерди висела каска убитого немецкого офицера, а в каске письмо. Текст его, по рассказам, был весьма ядовитый и, что называется, «соленый».

– Ну, вроде как запорожцы писали турецкому султану, – улыбаясь, рассказывал мне один из ближайших помощников Михаила.

Письмо «молодых запорожцев» было скреплено все той же печатью. После разгрома мотоколонны немцы стали осторожнее: явившись к месту ночевки, они с ходу рассредоточивались и далеко выдвигали в степь охранение.

Миша рассказал об этом Азардову, и тот через несколько дней прислал ему вместительный бидон с желтоватой жидкостью. Началась новая охота степных партизан за немецкими машинами.

Обычно это делалось так. Немецкая моторизованная колонна останавливалась на ночевку в каком-нибудь хуторе. Сюда тотчас же являлись Мишины хлопцы. Они в шутку называли себя «рыбаками», потому что им приходилось так же терпеливо ждать, как рыбаку с удочкой, когда «клюнет».

Случалось, часами лежали они где-нибудь у плетня, выжидая подходящий момент, чтобы незаметно подползти к машине, отвинтить пробку радиатора, вылить внутрь пузырек с жидкостью, присланной из Краснодара, снова завинтить пробку и бесследно исчезнуть.

На рассвете немцы начинали заводить машины. Моторы капризничали, но все же колонна отправлялась в путь. Обгоняя ее, летела Мишина радиограмма:

«Из пункта такого-то по такому-то направлению вышло столько-то «пьяных немцев» (как условно, конспирации ради, называл Миша машины, в которые была влита «чудодейственная» жидкость Азардова).

Как правило, через час одна из машин неожиданно останавливалась. Немцы ничего не понимали: все в порядке, а мотор не работает. Вышедшую из строя машину брали на буксир и ехали дальше. Но минут через пятнадцать останавливалось еще несколько машин, и опять-таки по совершенно неизвестным причинам.

Немцы нервничали, внимательно осматривали моторы, опасно поглядывали на небо. А в небе появлялась советская эскадрилья. Пользуясь данными Мишиной радиограммы, она быстро находила колонну и шла на бомбежку: машины, застрявшие на степной дороге, были хорошей целью...

Глава VIII

Хочу рассказать еще об одном батурице – Володе. Он боролся с немцами и погиб в Адыгее, в окрестностях родного аула Понежукай, который находится от Краснодара примерно в полчаса хорошего конского бега.

Первые навыки подпольной работы Володя получил на комбинате; до конца своих дней он был тесно связан с Азардовым и с нашим отрядом и за неделю до гибели оставил нам расписку в получении гранат, подписав ее: «Володя-батуринец из Краснодара». Вот почему в этой книге, где речь идет о краснодарских подпольщиках, я не могу не рассказать и о нем...

Детство Володи прошло в ауле Понежукай, среди черкесов. Молодежь аула очень любила его. Он лихо скакал на коне, на лету бил птицу из старого отцовского ружья, мастерски подражал птичьему пению и знал все звериные тропы в плавнях. А может быть, его любили за то, что был он честен, правдив, горячо вступался за обиженных и готов был с кулаками броситься на каждого, кто издевался над слабым.

Володю любила не только молодежь. Уже после его гибели, когда немцы были выгнаны из Кубани, мне пришлось побывать в Понежукае, и я разговорился о Володе с почтенным старым черкесом.

– В нем текла не наша, не черкесская кровь, – говорил старик. – Но он знал наш язык, нашу веру, наши обычаи и уважал их. Мальчик чтит седую старость. Он снимал шапку, когда встречал на дороге человека старше себя. В кругу взрослых не выскакивал вперед, говорил только тогда, когда его спрашивали. И, хотя он был юношей, рассуждал, как мужчина.

Старик помолчал, выбил о камень черную прокуренную трубку и сказал:

– В нем текла не наша кровь, но он пролил свою кровь за нас. Он умер в бою за правое дело, как счастлив был бы умереть самый доблестный воин!.. Мы, черкесы, свято чтим память этого русского юноши. Мы расскажем о нем своим внукам. Память о нем не умрет, пока жив будет наш народ, – и старик приподнял свою высокую барашковую шапку...

Азардов направил Володю в Понежукай организовать партизанский отряд. Молодежь сразу потянулась к Володе. Он стал их признанным вожаком, и молодые черкесы готовы были идти за ним в огонь и в воду. Они собрали все оружие, которое удалось найти в ауле. По заданию Володи ходили к соседям за гранатами. Сам Володя два раза пробирался в Краснодар за патронами и трижды был у нас в отряде.

К сожалению, мне тогда не удалось повидать Володю. Но у меня до сих пор хранятся расписки, которые он давал, получая у нас автоматы и «лимонки». На маленьких смятых клочках бумаги стоит та самая подпись, о которой я уже упоминал: «Володя-батуринец из Краснодара».

В последнее свое посещение нашего отряда он долго беседовал с Николаем Николаевичем Слащевым, комендантом нашей партизанской фактории, и горько сетовал на то, что оружия у них мало и что пока еще невозможно начинать боевые действия. Это было примерно за неделю до того боя в лесу, весть о котором потом разнеслась по всей Адыгейской области.

Тому, кто не знает тогдашней обстановки в черкесских аулах, может показаться, что Володя сделал не так уж много: он собрал молодежь в отряд, который до того памятного боя никак не проявил себя. Но я хорошо знаю, какое значение придавали немцы этим аулам, расположенным у самого Краснодара, как велики были там немецкие гарнизоны и какую сложную сеть шпионажа раскинули они в Адыгее. И я утверждаю: даже то небольшое, что сделал Володя, говорит о его недюжинном организаторском таланте, о смелости и выдержке. Не так-то легко было ему добыть оружие, еще труднее провезти его за много десятков километров мимо немецких постов, засад, гарнизонов и умело спрятать в тайниках.

За аулом стоял вековой дубовый лес. Он граничил с плавнями, которые переходили в песчаные отмели горной реки. Володя рассчитал так: если ему придется дать бой немцам, то этот бой целесообразнее всего навязать им в лесу. Только там может рассчитывать на успех его маленький отряд: всякий выход в открытую степь равносителен для него гибели. Володя спрятал оружие в дуплах старых дубов, спрятал с

таким расчетом, чтобы в любом месте леса, при любой обстановке, у его бойцов были бы под рукой гранаты и патроны. Больше того: он еще раз тщательно исследовал звериные тропы через плавни, которые были ему известны с детства, а на берегу реки, там, куда выходили эти тропы, держал наготове большую лодку. Его ребята с громадным трудом (работать им приходилось только по ночам) подняли ее со дна реки, просмолили, привели в порядок.

Словом, Володя вдумчиво и заботливо готовился к своему первому бою. Ему нужно было еще дней десять, чтобы доставить в лес последний транспорт с оружием. Но обстановка сложилась так, что начать боевые действия пришлось скорее, чем он предполагал...

Началось с того, что два немецких солдата изнасиловали молодую черкешенку. Она не вынесла позора и бросилась в реку. Весть об этом, как молния, облетела аул, – и наутро немцев-насилльников нашли зарезанными в сакле, где совершили они свое гнусное дело. Немецкий комендант приказал сжечь саклю. Сакля запылала. Вокруг собралась толпа. Слышался истерический женский плач, гневные выкрики стариков.

Немцы встревожились. Опасаясь восстания, они схватили десятка два пожилых черкешенок и объявили, что отправят их заложниками в Краснодар.

Аул заволновался еще сильнее. С минуты на минуту можно было ждать вспышки. Володя понимал: неорганизованное восстание в ауле обречено на неудачу. К тому же немцы по телефону вызвали подкрепление из города.

Володя стал уговаривать стариков. Он горячо говорил о том, что кровь будет пролита напрасно, что немцы дотла выжгут аул, перебьют женщин, стариков, детей. Ему удалось успокоить народ. Решено было не трогать немцев в ауле. Он же, Володя, должен был попытаться отбить черкешенок в лесу.

Володя согласился – другого выхода у него не было, – хотя он и не очень верил в успех.

Надо было спешить: конвой уже построился вокруг арестованных женщин, и с часу на час могло подойти вызванное немцами подкрепление из Краснодара.

Девушка, посланная Володей, пробралась к заложницам. Ей удалось им шепнуть, что в лесу их попытаются освободить. А сам Володя вместе со своими ребятами уже пробирался окольными тропами к лесу...

Был полдень, когда усиленный немецкий конвой, окружив плотным кольцом арестованных черкешенок, вошел в лес. Здесь их встретили сумрак и тишина. Даже птицы не перекликались в ветвях. Лучи солнца, пробившись сквозь густую листву, падали на траву и стволы деревьев яркими пятнами. Когда ветер проносился над верхушками деревьев, солнечные пятна перемещались с места и тогда казалось, что по лесу скользят неуловимые тени...

Неожиданно где-то справа тревожно застрекотала сойка. Ей ответил такой же стрекот слева. И тотчас по лесу пронесся дикий гортанный клич – боевой приказ черкесов.

Арестованные женщины, помня наказ девушки, упали на землю. Лес ожил. Справа, слева, сверху – отовсюду, со всех сторон загремели выстрелы. Нападавшие были хорошими стрелками: от первых же выстрелов замертво упало несколько немецких солдат.

Обер-лейтенант, командовавший конвоем, сразу сообразил, что нужно скорее выбираться из леса, – только на открытом месте он может рассчитывать на спасение. Но у самой опушки немцев встретил плотный огонь автоматов. Метко брошенная

граната убила обер-лейтенанта. Немцы кинулись было обратно в лес. Но здесь снова их стали бить невидимые стрелки. Вскоре все было кончено: ни один немец не ушел из леса...

Как только конвойные после первого залпа метнулись к опушке, женщины, прячась за деревья, побежали в глубину леса. Молодой черкес, помощник Володи, отвел их к границе леса и плавней. Шальные немецкие пули тяжело ранили двух старых женщин.

Володя, у которого и гранат было мало, и патроны были на исходе, спешил увести свой отряд и черкешенок в спасительные плавни. Но, пока перевязывали раненых женщин, пока мастерили для них носилки, прошло с четверть часа. Внезапно с воющим визгом в лесу разорвалась первая мина: эта подошло из Краснодара немецкое подкрепление.

Прибывшие эсэсовцы не теряли времени: на ходу спрыгнули они с машин и, растянувшись цепью, устремились в лес. Володе оставалось одно: принять бой, чтобы дать возможность женщинам достичь плавней и укрыться в них.

Это был тяжелый, почти безнадежный бой. У немцев – громадный численный перевес, миномет, бивший с грузовика на дороге, тяжелые пулеметы. У Володи – несколько гранат и считанные патроны.

Но это не устрасило храбрецов – дважды немецкая цепь откатывалась назад, оставляя убитых и раненых.

Наконец немцам удалось отрезать отряд от плавней. Кольцо вокруг отряда сжималось...

Молодые черкесы дрались с замечательным хладнокровием: ни одна пуля не была ими истрачена зря, гранаты рвались в гущу врагов.

Володя понимал: положение безнадежно, и он решился на отважный поступок...

Ему удалось незаметно вырваться из окружения и пробраться в тыл к наступавшим немцам. Этому помогало, конечно, отличное знание леса и всех его тайных троп. Володя пробрался к огромному вековому дубу. Там, в дупле, был его последний склад гранат и патронов.

Немцы уже готовы были торжествовать победу, как вдруг позади них прогремела длинная автоматная очередь. Немцы растерялись. Они решили, что на помощь окруженному отряду пришла новая группа партизан. Этой минутной растерянностью врага воспользовались молодые черкесы: смелым броском они вырвались из кольца и начали быстро уходить в глубь леса, к плавням. Немцы попытались было преследовать их, но вскоре потеряли из виду. Тогда немцы бросились назад – к тому месту, где только что строчил автомат Володи.

Володя принял бой. Он дрался один против многих десятков врагов, то и дело меняя позиции, укрываясь за стволами старых дубов. Володя не пытался вырваться из кольца. Наоборот, он стремился как можно дольше приковать к себе внимание врагов и отвести их от плавней, куда уходили его друзья.

Свою последнюю гранату – единственную противотанковую гранату, которую он получил у нас в отряде – Володя швырнул себе под ноги, когда эсэсовцы бросились к нему, чтобы схватить его живьем...

Казалось, все было кончено... И вдруг, будто в ответ на последний гранатный разрыв, неожиданно раздался треск ружейной стрельбы на дороге у леса, где стояли немецкие машины.

Эсэсовцы тревожно озирались по сторонам. А когда выстрелы стихли, они осторожно, выслав вперед разведчиков, двинулись к дороге. Эсэсовцы увидели:

горели оставленные машины, лежали трупы немецких солдат. Большинство их было убито ударом кинжала. Кругом – никого...

Вскоре из Краснодара пришли еще машины с автоматчиками. Широкой цепью немцы начали прочесывать лес. Но они нашли в нем лишь трупы немецких солдат...

Пройдя лес, немцы вышли к плавням. Стеной стояли безмолвные камыши. И сунуться в них немцы не решались. Впрочем, даже если бы они вышли на берег реки, то увидели бы только: далеко, далеко, недоступная винтовочным выстрелам, плыла большая лодка. Это друзья Володи увозили женщин и раненых...

В этот же вечер в ауле немцы устроили повальный обыск: фашисты искали раненых, оружие – и ничего не нашли. Старшина аула, высокий благообразный старик, только что вернувшийся из Краснодара, был, как всегда, немногословен. Да, он слышал выстрелы в лесу, но не знал, кто стрелял, и не знал, где женщины, которых немцы погнали в город...

Впоследствии выяснилось, то старшина вернулся из города как раз к тому времени, когда в лесу разгорелся бой. В аул прибежал племянник старшины – один из Володиных друзей. Он рассказал, что черкешенки освобождены, что они идут к реке, но Володя в опасности: спасая женщин и друзей, он отвлек на себя врагов и теперь бьется один против них.

Старики выслушали юношу и молча, не стовариваясь, направились к лесу. Они шли с винтовками, спрятанными еще со времен гражданской войны, с охотничьими ружьями, с кинжалами. Шли сумрачные, суровые, непреклонные в своем решении, и никто из них даже не взглянул на старшину, стоявшего у своей сакли. Тот глядел на стариков – на своих друзей, с которыми провел всю жизнь. Неужели он отстанет от них, останется один, всеми презираемый, отверженный?..

Старшина решил. Он пошел со стариками, сжимая в руке револьвер, недавно подаренный ему комендантом аула.

Стариков вел юноша, который принес весть из леса. Он надеялся, что еще удастся спасти Володю неожиданным ударом в тыл врага. Он привел стариков к машинам, стоявшим на дороге.

Натиск был стремителен: немцев, которые не были сражены пулями, черкесы закололи кинжалами. Но все же старики опоздали: их первые выстрелы совпали по времени с взрывом противотанковой гранаты, которой Володя подорвал себя и окружавших его эсэсовцев...

Уничтожив охрану машин, черкесы скрылись в зарослях колючего терна.

На следующий день на закате солнца из аула вышло пять седобородых старцев. С молчаливой торжественностью они зарыли Володю у подножья дуба, где храбрый юноша взорвал себя последней гранатой. С тех пор эта могила стала священной у черкесов.

Через несколько дней после гибели Володи немцы в ауле были встревожены исчезновением ночного патруля. Потом неожиданно и так же загадочно вспыхнули амбары с зерном и взорвалась на mine машина с боеприпасами.

Немцы понимали: где-то тут, в ауле, притаился враг. Но до конца своих дней на Кубани они так и не разгадали, что во главе новой партизанской группы стоял тот самый высокий, благообразный старый черкес, которого они назначили старшиной аула...

Глава IX

И еще об одном батурице я хочу рассказать: о юноше Грише и о женщине-матери, о ее великой материнской любви и высокой гражданской доблести...

Гришу Азардов направил в район станицы Старо-Щербиновки.

Эту станицу хорошо запомнили немцы, наступавшие на Кубань. Когда Советская Армия отходила на восток, здесь долго гремели бои. Казаки верхом на конях бросались в атаку на немецкие танки. Легкие казацкие конные батареи не раз заставляли откатываться назад колонны бронированных машин. Казачки перевязывали раненых, ребяташки подносили бойцам патроны...

Но силы были слишком неравны – и казаки отошли к перевалам Кавказских гор. Здесь же в районе Старо-Щербиновки, остались старики и молодежь, горячо преданные своей Родине. Они спрятались, притаились, потеряли связь друг с другом. Их предстояло найти и объединить для борьбы. Вот для этой-то цели и был послан Гриша.

Азардов долго раздумывал, к кому из жителей станицы направить молодого батурицу. Дело в том, что связь Краснодара со Старо-Щербиновкой не была налажена и там до сих пор не было ни одной явочной квартиры. Азардов знал лишь несколько фамилий как будто верных людей, которые по всем признакам оставались в районе. Но этого было, конечно, мало: в то трудное время люди неожиданно менялись.

– Я могу направить тебя к человеку, которого в сущности, мало знаю, – сказал Азардов Грише. – Будь осторожен. Не болтай. Присматривайся. И, пока не проверишь хорошенько этого человека, не раскрывай своих карт. Ты идешь на трудное дело. Быть может, на смерть. Поэтому неволить не хочу. Решай сам...

Гриша шел в станицу по ночам: после захода солнца немцы не любили ездить по проселкам. Он без труда нашел указанного Азардовым человека.

Это был пожилой лысый мужчина с рыжей бородой.

Он с первого взгляда не понравился Грише.

Отослав свою жену из хаты, этот человек сбивчиво и торопливо стал рассказывать, что в станице существует небольшая подпольная организация. Пока она себя никак не проявила. Эта ненужная и преждевременная откровенность смутила Гришу... А рыжебородый продолжал говорить о том, что все истосковались по живому делу и ждут лишь связи с подпольным центром...

– Я приведу их всех сюда. Ты посиди... Я мигом слетаю!..

Когда за ним хлопнула дверь, Грише показалось, что снаружи щелкнула щеколда.

Гриша посмотрел в окно. Рыжебородый не шел, он почти бежал по улице, то и дело оглядываясь на свою хату. Когда он скрылся за углом, Гриша бросился к двери. Дверь оказалась запертой снаружи...

Гриша понял: он попал к врагу в ловушку. Он вынул свой маленький револьвер, обошел хату. Попробовал выломать дверь... Нет, это ему не под силу...

Неожиданно где-то совсем рядом раздался жалобный собачий визг. Шевельнулась занавеска – за ней Гриша увидел настежь раскрытую дверь!

Из двери в кухню кубарем вкатился черный как смоль щенок. Он посмотрел на незнакомца, испуганно поджал хвост и мгновенно исчез.

Гриша осторожно выглянул наружу. Двор, за ним огород, какие-то сараи – неоглядная степь с темно-синими сумеречными далями.

Туда, только туда! В степи спасение-Гриша кинулся в соседнюю комнату за шапкой, споткнулся обо что-то и упал, больно ушибив колено. В пол ввинчено кольцо.

Гриша потянул его, приподнял крышку люка. Из темного отверстия пахло сыростью подполья...

Нет, сюда прятаться нельзя. Здесь – гибель. Только в степь!..

Гриша мельком глянул в окно. Он увидел: по улице идет группа полицаев. Впереди – тот, с рыжей бородой. Вот они открывают калитку, ведущую во двор. Путь в степь отрезан...

Гриша ныряет в подпол, захлопывает над собой крышку люка. Кромешная тьма. В углу груды тряпья. Гриша зарывается в нее.

Над головой отчетливо слышны торопливые шаги. Двигают что-то тяжелое, вероятно кровать. Ругань, сердитые выкрики... В подполье врывается яркий луч электрического фонаря.

– Выходи, большевистская сволочь!

«Конец, – думал Гриша, стискивая револьвер. – Шесть пуль им, седьмая мне...»

– Дверь! Дверь открыта во двор! – послышался голос рыжебородого. – Он убежал в огород!..

Снова топот ног – и тишина...

Гриша выждал несколько минут. Потом осторожно приподнял крышку люка. В хате тихо и темно. За окном уже ночь. Ощупью пробрался Гриша к кухонной двери и наткнулся на стул. Гриша замер, готовый ко всему. Но в хате по-прежнему тихо.

Вот, наконец, и дверь. Скорей в степь, в темную спасительную степь!..

Гриша выходит на крыльцо.

Тупой сильный удар по голове. Гриша падает...

Когда он пришел в себя, то увидел, что над ним наклонилась рыжая борода. Рыжебородый быстро обыскал его карманы, взял револьвер. Потом за ноги втащил Гришу в хату.

Грише казалось, что голова его разрывается на части от боли.

Он в кровь кусал губы: только бы не застонать, не вскрикнуть.

Рыжебородый оставил Гришу на полу в кухне – он, очевидно, решил, что Гриша мертв, – и быстро ушел, плотно закрыв за собой дверь.

Гриша поднялся. Шатаясь, прошел в горницу. Обмотал полотенцем раненую голову.

Одна мысль: в хате нельзя оставаться ни одной минуты. Но обе двери заперты. С трудом открыл Гриша окно и выпрыгнул на улицу.

Вокруг ни души. Гриша шел, прижимаясь к плетням. Свернул в первый переулок направо: этот переулок должен вывести в степь. Мысли путались в разламывавшейся от боли голове...

Еще три последние хаты – и степь!

Неожиданно у калитки появился чей-то темный силуэт.

– Что за полуношник? – услышал Гриша негромкий женский голос. – Патрули ходят! Пристрелят...

Да, надо бежать... Но у Гриши нет сил. Да и в голосе неизвестной женщины он не слышит угрозы. Он прислонился к забору.

– Что с вами? Вам плохо? Что это? Кровь? Ранены?.. Скорей сюда!

Женщина подхватила Гришу под руку и помогла ему войти в хату...

И вот Гриша сидит в хате за столом. На нем чистая рубаха, голова его забинтована заботливой и умелой рукой. Перед ним – незнакомая немолодая женщина с добрым усталым лицом.

От нее Гриша узнает, что человек с рыжей бородой, к которому послал его Азардов, неожиданно для всех, знавших его раньше, вдруг проявил себя как немецкий холуй. Его назначили квартальным старостой. Но он метит выше – мечтает стать атаманом.

– Как ты попал к нему? Можно ли поступать так опрометчиво? – говорила хозяйка, угощая Гришу горячим чаем с лепешками. – Ну, хорошо, не хмурься... не буду, ни о чем не буду спрашивать. Я знаю, тебе нельзя говорить об этом с чужим человеком. И это хорошо, лучше помолчи: тебе вредно волноваться...

Хозяйка рассказала о себе.

Ее звали Екатерина Ивановна Грушко. Она учительствовала в станичной школе. Муж умер. У нее остались двое ребят – Арсений и Афанасий. Старшему – семнадцать, младшему недавно пошел пятнадцатый. Сейчас они крепко спали в соседней комнате.

– Вся моя жизнь в ребятах, – говорила Екатерина Ивановна, и глаза ее светились лаской. – Дороже их для меня ничего нет на свете. Ничего! А тут такой ужас. Я каждую минуту дрожу за них. Вот и сейчас... Шум, крики – это, оказывается, тебя искали – и я уже не могла сидеть дома. Как хорошо, что я тебя встретила. Ведь немцы оцепили станицу... Скажи, твоя мать жива? Боже, как она сейчас мучается, бедная. Но ничего, ничего, все уладится... Сыт? Вот и хорошо. А теперь ложись спать: на тебе лица нет. За ночь я что-нибудь придумаю.

Екатерина Ивановна постелила Грише рядом с сыновьями.

– Спи, спи спокойно, – и она целует сначала смущенного и растроганного Гришу, потом своих ребят. – Утро вечера мудренее...

Екатерина Ивановна разбудила ребят чуть свет: в станице шел повальный обыск. Арсений вывел Гришу во двор и спрятал в стог сухого камыша, что стоял на краю усадьбы.

Учительница ждала «гостей» на крыльце своей хаты. И вдруг увидела: у соседки на дворе горит точно такой же стог. Очевидно, кто-то из немцев, поленившись разбросать камыш, просто сунул в него горящую спичку.

Екатерина Ивановна метнулась в хату.

– Арсений... Как быть с Гришей? Сгорит...

Арсений обнял мать.

– Если что – живыми в руки не дадимся! – с этими словами он положил рядом с собой тяжелый железный шкворень.

Мать внимательно посмотрела на сына. Впервые ее мальчик показался ей взрослым мужчиной.

В хату вошли немцы. Они перевернули все вверх дном – двигали мебель, возились в кладовой, заглянули в подпол. Потом вышли во двор.

Мать с ребятами стоит на крыльце. Вот немец не торопясь идет к стогу, где спрятан Гриша.

Екатерина Ивановна еле сдерживается, чтобы не вскрикнуть.

Немец медленно обходит стог. Останавливается. Пинает стог ногой. Потом сует руку в карман, что-то ищет.

– Спокойно, мама. Спокойно, – чуть слышно шепчет Арсений.

Немец достает спички – и направляется к калитке, закуривая на ходу сигарету...

Обыск кончился. Екатерине Ивановне хочется сейчас же подбежать к стогу, раскидать сухой камыш, обнять Гришу, привести его в хату, накормить... Но сделать это нельзя: немцы снуют по улице. И только поздно вечером Гришу удастся переправить домой. Когда ночью ребята засыпают, Екатерина Ивановна зажигает

ночник и входит к ним в горницу. Все трое лежат рядом. И Екатерине Ивановне кажется, что у нее не двое, а трое сыновей...

В следующую ночь учительница провожала Гришу.

– Не хочется мне тебя отпускать, – говорила она, обнимая его на прощанье. – Дай мне слово прислать весточку. Мы будем ждать...

Екатерина Ивановна долго не могла уснуть в эту ночь, прислушиваясь к каждому звуку на улице. Но в станице было тихо...

Глава X

На следующий день поздно вечером Екатерину Ивановну неожиданно вызвали к атаману, в правление. Сыновья встревожились.

– Не бойтесь, – сказала она, уходя. – Опять какая-нибудь новая инструкция...

Войдя в канцелярию, она увидела сидевших за столом станичного атамана и лейтенанта немецкой жандармерии. А у дверей стояло человек пять солдат. Чуть в стороне у стены стоял... Гриша.

Она не сразу узнала его. Лицо – сплошной кровоподтек, разорванная одежда в крови. Правая рука как-то неестественно выгнута и связана с левой за спиной.

У Екатерины Ивановны похолодело сердце. Только бы не проговориться! Только бы не выдать жестом или взглядом, что знает его! Она не могла оторвать глаз от Гриши. А он в упор смотрел на нее и, казалось, просил: «Крепись. Не выдавай. Молчи».

– Вы его знаете? – спросил лейтенант.

Екатерина Ивановна помедлила с ответом: надо собрать всю волю, всю выдержку.

– Нет, я его не знаю.

И, как только Екатерина Ивановна произнесла эту фразу, ей стало легче: она поняла, что владеет собой, что ее голос спокоен...

– Несколько дней назад, – сказал лейтенант, не спуская холодного пристального взгляда с учительницы, – к здешнему старосте явился представитель большевистского подпольного комитета из Краснодара. Его не удалось задержать – он скрылся. Вот этого субъекта сегодня поймали в степи. Нужно установить – действительно ли он тот, кого мы искали. К сожалению, квартальный староста, который легко бы мог опознать его, вчера ночью найден убитым около своего дома. Кто его убил, мы пока еще не знаем... Но у нас есть сведения, что поздно вечером того дня, когда гость из Краснодара явился к старосте, вот этот парень пробрался к вам в хату.

– Повторяю: я не знаю его.

– Ввести свидетельницу, – приказал лейтенант.

В комнату вошла соседка Екатерины Ивановны Дарья – жена полицейского. Она была бледна и не смотрела на учительницу.

– Скажите этой фрау то, что вы говорили мне пять минут назад.

– Вечером в тот день я видела, как учительница ввела этого хлопца к себе в дом, – скороговоркой сказала Дарья, будто повторила заученный урок.

– Ну, а еще?

– А еще вчера ночью ее старший сын вышел из хаты с этим хлопцем и вернулся один...

– Что вы на это скажете?

– Я скажу, что если бы я даже спрятала этого юношу у себя, его обязательно бы нашли. При обыске у меня перерыли все, даже белье в комод.

– Это говорит лишь о том, что вы оказались хитрее нас.

Лейтенант встал и крикнул:

– Пора кончать!.. Слушайте меня внимательно. Если вы опознаете его – я прощу вашу вину и прикажу выдать вам в награду свинью с поросятами. Если же вы намерены упорствовать – тогда берегитесь... У вас есть дети. Подумайте о них.

– Я русская, господин лейтенант, – негромко ответила учительница. – Даже за горы золота я не пошлю на смерть невинного человека... Я не знаю этого хлопца!

– Посмотрим! – вскипел лейтенант. – Давайте сюда щенков!

Два немецких солдата втолкнули в канцелярию сыновей учительницы. Они бросились к матери.

– Мама! Что случилось? – испуганно спросил младший.

Екатерина Ивановна вскрикнула, обняла сыновей.

– Вы знаете арестованного? – спросил немец, обращаясь к мальчикам.

Не думая, не отдавая себе отчета, учительница невольно подалась вперед. Сейчас она скажет правду... Только бы не мучили ее детей!

И вдруг она почувствовала, как Арсений сильно сжал ей руку выше локтя.

– Я спрашиваю: вы знаете арестованного? – закричал лейтенант.

– Нет, – ответил Арсений. И младший брат тотчас повторил:

– Нет...

Екатерина Ивановна на мгновение закрыла глаза, гордая за своих сыновей.

– К стенке его! – услышала она голос лейтенанта. Немецкие солдаты схватили Арсения и поставили его лицом к стене. Подошел лейтенант и ткнул дулом револьвера в затылок мальчика.

Дарья вскрикнула и выбежала из комнаты...

– Считаю до трех, – сказал лейтенант. – Или ты сознаешься, или... Раз... Два... Два... – повторил лейтенант.

Гриша шагнул вперед. Его разбитые губы что-то шептали. «Сейчас он выдаст себя, чтобы спасти Арсения», – пронеслось в голове Екатерины Ивановны.

– Нет! – опережая Гришу, крикнула она. – Я не знаю его! Мы не знаем его!..

Раздался выстрел. Арсений дернулся, качнулся, повалился навзничь.

Мать со стоном бросилась к нему. Она прижала его окровавленную голову к груди, смотрела в его мертвые глаза, гладила его волосы. Потом вдруг поднялась, выпрямилась...

Она смотрела прямо в глаза лейтенанту, и тот невольно попятился под ее взглядом.

– Ты убил моего сына, моего первенца... Ни слова не услышишь от меня, подлец!

Лейтенант торопливо вынул платок и обтер им вспотевшее лицо и руки.

– Второго к стенке! – хрипло крикнул он.

Екатерина Ивановна молча, не двигаясь с места, смотрела, как поставили к стене Афанасия. Лейтенант торопливо сосчитал до трех. Прогремел выстрел, и младший упал рядом с братом....

Несколько мгновений в комнате было тихо. И вдруг случилось то, чего никто не ждал: Екатерина Ивановна вырвала автомат из рук немецкого солдата, и длинная очередь прострочила тишину.

Первым упал лейтенант. За ним – атаман и двое солдат. Остальные, дав друг друга, бросились к двери. Екатерина Ивановна стреляла им вдогонку. Послышались стоны, крики...

Учительница захлопнула дверь и заперла ее на тяжелый засов. Развязала веревки, которыми были связаны у Гриши руки.

– Ты видел?.. Клянись, что не забудешь и отомстишь. Клянись!

– Клянусь!..

– Теперь беги! – Екатерина Ивановна распахнула оконную раму. – Ночь... Тебя не увидят. Беги направо, через огороды в степь!

Гриша выпрыгнул в окно и скрылся в темноте. Екатерина Ивановна подошла к сыновьям, уложила их рядом, накрыла скатертью со стола и поцеловала, как целовала обычно по вечерам, когда они лежали в постели. После этого она собрала брошенное оружие, диски. Погасила лампу и снова взяла автомат...

Немцы стреляли в окно. Со звоном вылетели стекла, пули свистели в комнате.

Около получаса оборонялась учительница.

Отчаявшись захватить ее живой, немцы подожгли дом. Но и из горящего дома гремели выстрелы...

Прошло несколько дней. Как-то раз ночью, почти перед самым рассветом, в станице началась перестрелка.

Какие-то всадники ворвались в станицу. Первым загорелся дом квартального старосты. Потом занялся дом атамана и хата Дарьи, выдавшей Гришу. Противотанковая граната разорвалась в школе, где жили жандармы.

И снова все стихло. Только пылали подожженные дома да перепуганные немцы метались по улице, без толку паля в степь. Утром станичники нашли тела трех расстрелянных старост. Труп Дарьи качался на перекладине ворот. На груди у нее был приколот лист бумаги с надписью:

«Казнена степными партизанами за измену Родине».

В станице многие видели нападавших. Ими командовал пожилой мужчина, высокий, плечистый, с окладистой черной бородой...

* * *

... – Не помню, как я вырвался из станицы, – рассказывал мне впоследствии Гриша, когда он связным пришел к нам в партизанский лагерь, на гору Стрепет. – За спиной гремели выстрелы. Стреляли немцы, отстреливалась Екатерина Ивановна... Видел зарево пожара... Я бежал по степной дороге. Потом споткнулся, упал – и потерял сознание...

Пришел в себя – ничего не могу понять. Небольшая чистая комната. Лежу на кровати. В углу теплится лампада перед иконой. А у кровати сидит священник: длинные седые волосы, поношенная ряса.

Мне показалось, что я брежу. Протер глаза. Священник сидит, улыбается.

– Проснулись? Ну, вот и хорошо. Я сейчас вам теплого молока принесу.

Священник заметил мой удивленный взгляд и ласково сказал:

– Не волнуйтесь, молодой человек. Когда поправитесь, я все расскажу. А пока знайте одно: в этом доме никто вас не обидит...

Только на другой день узнал Гриша, как он очутился у священника.

Фамилия священника – Бессонов. Он служил в церкви небольшой станицы под самым Краснодаром. В тот день, когда погибла Екатерина Ивановна, его вызвали к умирающей старухе-казачке. Под утро он возвращался домой в своем шарabanчике. Неожиданно лошадь шарахнулась в сторону. И старик увидел: на дороге лежит человек. Это был Гриша. Бессонов подобрал его и привез к себе.

О том, кто такой Гриша и почему он очутился в степи, священник не расспрашивал.

Как-то вечером он сидел у кровати Гриши. Говорили о войне, о немцах, о партизанах. Гриша увлекся, сболтнул было лишнее, оборвал разговор.

– Давайте договоримся, Гриша, – сказал священник. – Мне бы не хотелось вводить вас в заблуждение. Я знаю, кто вы. В бреду вы говорили о Екатерине Ивановне, о пожаре, о смерти ее сыновей. Вспоминали о старосте с рыжей бородой. Я ведь всех их хорошо знаю... Немцы, Гриша, считают вас мертвым, они думают, что вы погибли в огне вместе с Екатериной Ивановной. Поэтому живите пока у меня спокойно. А когда поправитесь, делайте, что ваша совесть вам велит...

Несколько дней прожил Гриша у Бессонова. К священнику часто приходили люди. Звали его на требы – на крестины, похороны, свадьбы. Но были и особые гости. Обычно они являлись, когда уже темнело, приносили какие-то тяжелые свертки, говорили вполголоса. Гриша ни разу не видел их. Однажды под вечер к нему вошел Бессонов.

– Я к вам гостя привел, Гриша, – сказал он. – Побеседуйте, а я пойду, дел у меня сегодня много...

Вошел пожилой казак с густой черной бородой. Глаза его строго и пытливо смотрели из-под тронутых сединой бровей. Говорил неторопливо, отрывисто.

– Здорово, Григорий. Я – Пантелеич. От Азардова.

У Гриши невольно мелькнула мысль: не провокация ли это?

– От Азардова? – удивился он. – Не знаю такого.

Пантелеич усмехнулся в свою густую бороду.

– Это хорошо, что не знаешь...

Потом, помолчав, спросил:

– А ты любишь кубанские арбузы? Хороши они у нас!

Это был условленный пароль, который дал Грише Азардов еще в бытность того в Краснодаре.

– Теперь вспомнил! – засмеялся Гриша.

– То-то! Ну, давай о деле поговорим.

Оказывается, Гришу и в Краснодаре считали погибшим. Два дня назад Бессонов (Пантелеич называл Бессонова «отец Петр» или «батюшка») сообщил, что Гриша жив и здоров и находится у него. Азардов велел Грише, как только он поправится, явиться к Пантелеичу, в его степную партизанскую группу, работавшую по специальному заданию подпольного руководства.

Простившись с Гришей и стоя уже в дверях, Пантелеич напомнил:

– Когда будешь уходить от отца Петра, спасибо скажи ему: если бы не он, висеть бы тебе на перекладине!..

Гриша пробыл у Бессонова еще два дня. Он распрощался с ним в сумерки и, разволновавшись, очень бессвязно благодарил его. А тот мягко улыбнулся и просто сказал:

– Не надо благодарностей: каждый поступает так, как велит его совесть...

Гриша ушел в группу Пантелеича. Здесь он узнал о налете партизан на Старо-Щербиновку. Налет прошел на редкость удачно – как и все, что делал Пантелеич. Многие говорили, да и теперь говорят, что Пантелеичу везло. Я не согласен с этим. Пантелеич всегда очень внимательно готовился к операциям, разведка у него была поставлена замечательно, да к тому же он был и прекрасным организатором.

Несколько раз Пантелеич посылал Гришу к отцу Петру. Оказывается, у Бессонова встречались подпольщики, хранились листовки, оружие, взрывчатка. Священник никогда никого ни о чем не расспрашивал, а Пантелеич верил ему, как самому себе.

Спустя некоторое время Гриша узнал от Пантелеича об аресте Бессонова. Всегда спокойный, выдержанный, молчаливый, Пантелеич места себе не находил.

– Жизни не пожалею, – говорил он, нервно теребя бороду, – а того, кто предал Бессонова, своими руками задушу!

Подпольное руководство сделало все, чтобы спасти Бессонова: пытались подкупить стражу, спойть часовых, хотели даже силой вырвать Бессонова у немцев. Налет был поручен Пантелеичу. Быть может, ему и удалась бы эта дерзкая операция. Но в самый последний момент стало известно, что во время пыток немцы убили отца Петра.

Немного времени спустя мы узнали, что священник Бессонов никого не выдал под пытками. Он умер молча, не сказав ни слова...

Глава XI

После отъезда Родриана и ареста Лысенко Герберт Штифт ходил по комбинату туча тучей. По-видимому, он имел крупные неприятности в связи с тем, что он доверял человеку, оказавшемуся одним из главарей подпольщиков. И горе было тому русскому рабочему, который попадался ему под руку.

Особенно зверствовал Штифт на маргариновом заводе. При немцах рабочие на комбинате получали гроши, многие из них, особенно семейные, голодали и волей-неволей им приходилось брать даже отвратительный шпейзефет. Бетрибсфюрер запрещал делать это, грозя строгими карами. Как-то раз случилось, что именно в тот день, когда Штифт был особенно не в духе, он заметил, что одна из работниц выносила с завода небольшую банку шпейзефета.

Штифт приказал задержать ее. Ударом кулака он свалил работницу на землю. Он остервенело бил ее до тех пор, пока она не потеряла сознание. Работница умерла вечером, так и не придя в себя.

Еще хуже приходилось нашим военнопленным, работавшим на комбинате. Они работали с утра до поздней ночи. Немецкие надсмотрщики, выполняя волю Штифта, избивали их, морили голодом. Изможденные, оборванные, они еле передвигали ноги. И вот на комбинате началась кампания по оказанию помощи нашим военнопленным. Зачинщиком ее явился Покатилов.

Кому же, как не ему – другу Лысенко и старому ветерану комбината, – было принять руководство подпольем на комбинате? Как выяснилось потом, к этому был причастен Шлык: по указанию Арсения Сильвестровича он имел разговор с Покатиловым и договорился с ним обо всех делах, касающихся подпольной работы комбината.

Помочь военнопленным было нелегко: за ними неусыпно следили надсмотрщики, да и вся обстановка на комбинате после ареста Лысенко стала очень напряженной. Рабочие приходили на комбинат, надев на себя лишнюю смену белья. На комбинате они снимали его и отдавали людям Покатилова. А те им одним известными путями передавали белье военнопленным.

Покатилов дал секретное указание кладовщице завода, и она из каких-то тайных запасов выдавала военнопленным прекрасное мыло. Потом Покатилов организовал на комбинате передачу им шпейзефета и даже говяжьего жира, поступающего на маргариновый завод.

Вначале все сходило благополучно. Но как-то однажды Штифт, обходя заводы вместе с фельдфебелем Штроба, наткнулся на группу военнопленных, только что получивших мыло. Пленные были жестоко избиты. Их посадили в конторку; поставили у входа немецкого часового. Бетрибсфюрер приказал немедленно

сообщить в гестапо, что кто-то снабжает военнопленных мылом. Над пленными нависла смертельная угроза.

Узнав об этом, Покатилов решился на смелый поступок. Вызванные им слесари из механических мастерских ухитрились, незаметно для немецкого часового, разобрать часть дощатой задней стены конторки. Арестованных увели и спрятали в кочегарке, а доски снова поставили на место.

По совету Покатилова, освобожденные пленные взяли какую-то никому не нужную дверь и, предъявив охране подложный пропуск, вышли с территории комбината, сказав, что посланы поставить эту дверь в одном из соседних жилых корпусов, населенных немцами.

Пленным сообщили адрес подпольной явочной квартиры. Они поступили в распоряжение Арсения Сильвестровича и по его указанию на следующий день были переправлены в окрестные станицы...

Если не считать этой истории с военнопленными и резко изменившегося отношения Штифта к рабочим, на комбинате все шло по-старому.

На ТЭЦ все еще восстанавливали обреченный котел. На маргариновом заводе вырабатывали все тот же прогорклый шпейзефет. Локомотив время от времени выходил из строя. Нерушимо стояли баки с «отравленным» маслом и «заминированным» мылом. В механических мастерских никак не могли справиться с деталями для компрессоров. Тлело хлопковое семя в силосах. И все так же неторопливой походкой бродил по комбинату Гавриил Артамонович Шлыков, постукивая своей дареной палкой. После ареста Лысенко он сутулился еще больше. Среди рабочих поговаривали о том, что в гибели Свирида Сидоровича замешан Шлыков...

Наступил канун 1943 года.

Когда стрелка часов остановилась на цифре 12, тишину ночи неожиданно разорвал пушечный выстрел. Лихорадочно забили зенитки. Немцы стреляли из винтовок и автоматов. Пулеметы били трассирующими пулями.

Краснодарцы вскочили с постелей, выглядывали на улицы, смотрели на небо, прислушиваясь, ожидая очередного налета советских бомбардировщиков. Но самолетов не было. А пальба продолжалась всю ночь, – беспорядочная, суматошная, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Так и не узнали краснодарцы причину этой ночной суматохи...

В эту тревожную ночь Валя приняла радиogramму: «Наши войска взяли Моздок».

Тотчас же заработала «типография»: стали печатать листовки. На одной из них под текстом радиogramмы о взятии Моздока и окружении немецкой группировки под Сталинградом была помещена карта-схема. Три стрелы своими острыми концами были направлены на Краснодар. Они шли от излучины Среднего Дона, от Сталинграда, от Моздока. Под картой было напечатано: «Близок час освобождения! Смерть немецким захватчикам!»

Утром листовки были доставлены на комбинат. Скокова положила одну из них на стол Штифта во время его отсутствия.

Трудно, конечно, сказать, насколько сильное впечатление произвела листовка на Герберта Штифта. Возможно, она явилась лишь последней каплей: Штифт, надо думать, достаточно хорошо знал положение на фронте. К тому же он видел обстановку на комбинате, чувствовал свое бессилие и всеми силами своей злой и трусливой душонки хотел сохранить свою жизнь. Бетрибсфюрер Герберт Штифт решил бежать.

Это было довольно забавное зрелище. Как бетрибсфюрер сам возился со своей легковой машиной. Он заправил ее бензином, повесил шесть запасных бачков с горючим и один с маслом. Тщательно отрегулировал мотор и слезил даже под машину – проверить сцепление. Потом достал из-под сиденья заранее припасенные цепи и намотал их на колеса...

Когда все приготовления были закончены, он заглянул в свой служебный кабинет и вскоре вышел оттуда с тяжелым чемоданом в руке. Штифт был одет в дорожный костюм. На голове – тирольская шляпа с петушиным пером. Это задорно торчавшее перо плохо гармонировало с его несколько растерянным видом...

Штифта провожал один фельдфебель Штроба: после ареста Лысенко и отъезда Родриана бетрибсфюрер заметно охладел к Шлыкову: никогда не советовался с ним и даже почти не замечал его.

Фельдфебель стоял у машины, и по его уныло вытянувшемуся лицу можно было догадаться: Штроба завидует своему начальнику. Будь фельдфебель директором-распорядителем акционерного общества «ОСТ», он уже давно переселился бы из беспокойного Краснодара куда-нибудь поближе к своему «фатерланду»...

Штифт дал газ, и машина выехала из ворот комбината.

Это было около десяти часов утра. А к четырем часам дня машина Штифта, забрызганная грязью, вернулась на комбинат. Из нее вышли Герберт Штифт, главный советник немецкого коменданта Краснодара и двое гестаповцев. У бетрибсфюрера был довольно печальный вид. Тирольская шляпа с пером куда-то исчезла...

– Собрать рабочих у главной конторы! – приказал фельдфебелю Штроба советник.

Рабочие собрались. К ним вышли советник и Штифт.

– Злонамеренные люди распространяют по комбинату слухи, – сказал советник, – будто отъезд господина директора объясняется неблагоприятным положением на фронте. Это ложь большевистских агентов. Германская армия продолжает свое победоносное наступление, и нет силы, которая остановила бы ее. Немецкое командование предлагает вам напрячь все силы, чтобы в ближайшее время пустить заводы. Что же касается сегодняшнего отъезда господина Штифта, то это было вызвано его срочной командировкой. Он вернулся и снова приступил к своим обязанностям.

Рабочие молча слушали советника. Когда он кончил, некоторые из них уже собрались было уходить, но тут заговорил Штифт и этим испортил все дело.

– Уезжая в командировку, – сказал он, – я потерял тирольскую шляпу с пером. Быть может, в городе, а может быть, и здесь, на комбинате. Тому, кто доставит ее, будет выдано вознаграждение...

Эти слова бетрибсфюрера прозвучали так неожиданно, а Штифт был так смешон и жалок, что многие невольно улыбнулись.

Техник Васильев, тот самый, который явился в механические мастерские, когда Потаповна беседовала с батуринцами, стоял в первом ряду. Слова Штифта о потерянной тирольской шляпе рассмешили его, он не удержался и фыркнул.

Советник грозно посмотрел на техника.

– Взять! – приказал он гестаповцам, приехавшим с ним на машине.

Гестаповцы схватили Васильева, скрутили руки назад и увели...

На следующий день Шлыков не явился на комбинат. Покатилов встревожился и попросил Анну Потаповну немедленно проведать Гавриила Артамоновича у него на дому. Шлыков жил в маленьком домике на Дубинке, с женой и дочерью.

Анна Потаповна вернулась через час. Она шла по комбинату, как слепая: с ней здоровались – она не видела, ее о чем-то спрашивали – она не отвечала.

Придя на ТЭЦ, она вызвала Покатилова, и тот сразу понял по ее осунувшемуся, страдальческому лицу, что со Шлыковым что-то случилось.

– Взяли? – спросил Покатилов.

– Сегодня ночью...

Анна Потаповна сказала это так тихо, что Покатилов не услышал и лишь по движению губ понял ее слова. Потом, помолчав, старушка проговорила:

– Это я нечаянно выдала нашего Гавриила Артамоныча!..

Анна Потаповна рассказала Покатилову, как в механических мастерских она наговорила лишнего и что техник Васильев слышал ее слова.

– Он сказал немцам о Шлыкове, – убежденно говорила Анна Потаповна. – Только он!..

– Уходить тебе из Краснодара надо, – сказал Покатилов. – Взяли Шлыкова – возьмут и его друзей.

– Никуда не пойду, – твердила Потаповна. – Если суждено умереть – умру вместе с Гавриилом Артамонычем...

– А о чем просил тебя Гавриил Артамоныч? – спросил Покатилов. – Кто должен, когда вернутся наши, сказать всю правду о Шлыкове? И кто же эту правду о нем лучше тебя знает? Так неужто ты не защитишь от наговоров честь и доброе имя Гавриила Артамоныча?..

Старушку удалось уговорить покинуть Краснодар и благополучно переправить в станицу Бейсуг, в ту самую, где хозяйничал Миша.

Весть об аресте Шлыкова быстро разнеслась по комбинату. Вначале многие не поверили.

– Зачем немцам своего лакея арестовывать? – говорили рабочие. – Просто сбежал Шлыков, боясь нашей расправы!..

Когда же арест Гавриила Артамоновича стал непреложным фактом, многие были потрясены.

Помню, Скокова говорила мне:

– Пожалуй, больше, чем кто-либо другой, ненавидела я Шлыкова. Каждый день встречалась с ним в конторе, каждый день слышала, как дружески разговаривал он с Родрианом и Штифтом. Однажды, не подозревая, что я понимаю по-немецки, Родриан при мне говорил кому-то по телефону: «Шлыков нам предан, как собака». Когда арестовали Лысенко, я была твердо убеждена, что это дело рук Шлыкова. Мечтала даже убить его... И вдруг Шлыков арестован! Когда я поняла, как я ошиблась, как оклеветала его и перед собой и перед товарищами, мне стало стыдно – стыдно, что не поняла, не разглядела героя в человеке, с которым встречалась ежедневно!..

Так же, как и Скокова, чувствовали себя многие на комбинате. И только один человек был рад аресту Шлыкова – инженер Порфирьев.

Он понимал, что Гавриил Артамонович погиб, что ему не вырваться из рук Кристмана и теперь он, Порфирьев, наконец свободен и не зависит от этого властного, всемогущего, страшного Шлыкова. Теперь можно было открыто перейти на сторону немцев и стать первым человеком на комбинате! И Порфирьев, бесспорно, так и поступил бы, если бы не записка, которую в день ареста Шлыкова он нашел на своем столе. В записке коротко говорилось:

«Ваш договор со Шлыковым остается в силе».

Порфирьев понял: Шлыкова нет, но живы его друзья...

Через два дня на комбинат как ни в чем не бывало явился Васильев. Он рассказал, что в гестапо, разобрав, в чем дело, его отпустили...

Вечером, когда Васильев возвращался домой, на одной из пустынных улиц Дубинки его остановила группа молодых рабочих во главе с Котровым.

– Зайдем в хату, Васильев: поговорить надо...

Техник сразу понял, что ему пришел конец. Он попытался было вырваться, крикнуть, убежать, но его схватили. В руке у одного из рабочих блеснуло дуло револьвера.

Васильев признался, что выдал Шлыкова и согласился стать осведомителем гестапо. Немцы даже не пытали Васильева: ему было достаточно посидеть несколько часов в камере, куда приводили арестованных после допросов, чтобы согласиться на все, что от него потребовали немцы...

На следующее утро немецкий патруль нашел на улице труп предателя.

И в это же утро Арсений Сильвестрович приказал перейти в наступление.

Первый удар должен был нанести Яков Ильич Бибииков.

* * *

...Ночь. В чистом высоком небе горят крупные звезды. Отчетливо видно железнодорожное полотно, пересекающее широкую степь. К горизонту тянутся ряды телеграфных столбов. Гудят провода. Чуть слышно шумит невидимая в темноте Кубань. Слева, вдаль, темнеют силуэты домов Краснодара.

По узкой дорожке через кукурузные заросли, стараясь не шуметь, крадется группа казаков под командой Бибиикова. Двое из них на длинной жерди несут объемистый мешок, который мерно покачивается в такт их шагам.

Кукурузное поле пройдено. Впереди до насыпи железной дороги лежит открытая полоса шириною метров в пятьдесят. Казаки останавливаются. Бибииков осторожно подползает к самому краю кукурузы. Он видит немцев, стоящих на постах около сторожек и дзотов с пулеметами. Их отделяет друг от друга не больше ста метров. Между постами видны фигуры обходчиков.

Бибииков хорошо знает это место: две ночи пролежал он в кукурузе, внимательно наблюдая за дорогой.

Гитлеровцы с необычайной тщательностью охраняют эту единственную железнодорожную линию, идущую в Краснодар из-под Моздока, где не прекращаются кровопролитные, тяжелые для немцев бои. Поезда следуют по этой линии один за другим: на запад тянутся эшелоны с ранеными, на восток немцы гонят подкрепление.

Вот и сейчас вдаль показываются притушенные огни. Впереди мчится бронедрезина. Нарастая, все отчетливее и громче слышится гул подходящего поезда. Лязгая буферами, тяжелый состав пронесется мимо. И снова тишина...

Казаки вместе с Бибииковым отползают вправо. Около мешка остаются двое: молодой хлопчик и пожилой казак.

Хлопец развязывает мешок. Из него появляется сначала кабанья голова, потом длинное поджарое тело. Слегка посапывая, кабан мирно спит.

– Ну и хряк! – весело удивляется хлопец. – Выпить, видно, не дурак. Сопит и знать ничего не хочет!..

В той стороне, где скрылась группа Бибиикова, слышен крик ночной птицы.

Пожилой казак достает из кармана пузырек, открывает пробку и осторожно подносит к пяточку кабана. Разносится запах нашатыря.

Кабан шевелится, недовольно трясет головой. Потом открывает маленькие злые глазки.

– С добрым утром! – озорно шепчет хлопец.

Он вынимает из кармана бутылку со скипидаром, смачивает им тряпочку и сует ее кабану под хвост.

Кабан вскакивает, как ужаленный. С диким визгом он бросается вперед, высоко подбрасывая задние ноги.

На ближайшем немецком посту переполох.

– Кто идет? – испуганно кричит часовой, вскидывая винтовку.

– Поросенок! – весело кричат немцы. Они выскакивают из дзота и бегут за кабаном.

Кабан бросается в кукурузу. Но его гонят оттуда казаки Бибикова, и кабан с визгом носится между кукурузой и дорогой.

Немцы пытаются поймать его. Но он не дается и, делая замысловатые петли, мечется из стороны в сторону.

Одному из немцев удается схватить кабана за ухо. Но кабан вырывается, сбивает немца с ног и мчится дальше.

С каждой минутой охота становится все оживленнее и шумнее. Оставив винтовки у грибков своих постов, немецкие часовые присоединяются к погоне. Они не решаются стрелять: слишком быстро мечется кабан – можно попасть в соседа. У железнодорожного полотна слышится кабаний визг, топот тяжелых солдатских сапог, веселые восклицания немцев.

В кукурузе раздается пронзительный крик ночной птицы. Выждав удобный момент, Бибиков со своими минерами, незамеченные немцами, проползают открытое место и подкрадываются к полотну. Привычно работая ножами, они закладывают мины под шпалы и под настилы небольшого железнодорожного мостика. Тщательно замаскировав следы своей работы, минеры так же незаметно скрываются в гуще кукурузы...

В этот момент раздается выстрел. За ним – истошный кабаний визг. Второй выстрел – и визг обрывается. Бибиков слышит приглушенный расстоянием веселый немецкий говор...

Все это происходит справа от глухого маленького разъезда. А слева от него в эту же ночь орудует вторая группа Бибикова. Во главе ее – Федосов и Брызгунов.

Минеры явились сюда тоже с живой приманкой. Только здесь не пьяный хряк в мешке, а два молодых бычка.

Минеры долгое время неподвижно лежат в кустах. Бычки стоят рядом, меланхолично жуя свою жвачку.

Но вот по ту сторону разъезда раздается пронзительный кабаний визг. Потом – топот ног и возбужденные голоса.

Немецкие постовые ничего не понимают. Они выскакивают из ближайшего дзота и настороженно прислушиваются. Но минуты через две, очевидно, догадываются, в чем дело, и многие из них, оставив винтовки, бегут к разъезду, надеясь, надо думать, получить свою долю в этой забавной охоте.

Вот тогда-то Федосов и выпускает бычков.

Не знаю, чем наши минеры «взбодрили» свою приманку. Но бычки вылетают из кустов как очумелые. Задрав хвосты, они несутся к насыпи и, взобравшись на нее, замирают на мгновение. Потом, резко повернув, бегут вдоль бровки.

Немецкие постовые устремляются за бычками. Размахивая винтовками, они стараются согнать бычков с насыпи. Но бычки упорно бегут по полотну.

Здесь повторяется то же, что и у Бибикова. Федосов быстро закладывает мины на второй колее, маскирует их и ныряет в кусты.

Бычки, услышав выстрелы, шарахаются в сторону и пропадают в темноте ночи.

И снова тихо на полотне. Безмолвно стоят немецкие часовые у своих постов. Медленно шагают обходчики...

Через полчаса со стороны Усть-Лабы возникает шум подходящего поезда. Он все ближе и ближе. Мчится бронедрезина, благополучно проскакивая заминированный мост. Освещая путь фонарями, по мосту пробегают четыре немецких обходчика, внимательно осматривая настил. Они сигналият: мост проверен. И к мосту подлетает поезд...

Гремит взрыв. Столб пламени вырывается из-под паровозных колес и тотчас же окутывается облаком пара из лопнувшего котла.

Два новых взрыва сливаются в один оглушительный грохот: это рвутся мины замедленного действия под вагонами поезда...

К разъезду подходит встречный поезд. Впереди него снова проносится бронедрезина, снова сигналият: путь свободен. Поезд приближается – и по другую сторону разъезда грохочет новый взрыв: сработали мины, заложенные Федосовым.

Вагоны насканивают друг на друга, разбиваются в щепы и образуют бесформенную грудку обломков, объятых пламенем...

* * *

На следующий день мне приносят радиограмму, только что полученную нашим лагерным радистом от Вали из Краснодара:

«Купили две арбы. Цена высокая».

Это значит: «Взорваны два поезда. Результаты взрыва хорошие».

Под радиограммой стоит таинственная подпись: «Сапожник». Я знаю, кто прислал радиограмму: Яков Ильич Бибиков.

Глава XII

Вскоре после диверсии на железной дороге Жору вызвал к себе полковник Кристман. Войдя к нему в кабинет, Жора сразу заметил, что шеф гестаповцев не в духе.

– Вы знакомы с обычаями черкесов? – спросил Кристман.

– Черкесы – наши соседи, – ответил Жора. – К тому же у моего отца и у меня было немало друзей среди них.

– Тем лучше... Недалеко от Краснодара есть черкесский аул Понежукай. Мне нужно ознакомиться с обстановкой в этом ауле. Ваша помощь будет полезна... я не знаю обычаев черкесов.

– Когда вы собираетесь выехать? – спросил Жора.

– Мы выедем завтра или послезавтра.

Кристман встал, подошел к окну и с минуту стоял молча, постукивая пальцами по стеклу. Жора, достаточно хорошо знавший полковника, понял: шеф нервничает.

– У меня есть основания предполагать, – сказал, помолчав, полковник, – что краснодарское подполье имеет разветвленную сеть филиалов и что один из этих филиалов – аул Понежукай. Но пока это только предположение... И вообще за последние дни я перестал понимать что-либо, – добавил он, хмурясь.

Кристан прошелся по комнате. Остановился, вынул папиросу, хотел закурить. Спички одна за другой ломались у него в руках, и он бросил коробок на стол. Жора еще никогда не видел полковника таким взволнованным.

– Здесь, в вашей Кубани, я попал в какой-то заколдованный лабиринт, – проговорил Кристан. – Порой кажется – нашел, наконец, выход, но сделаешь шаг – и опять тупик!

– Я не понимаю, о чем вы говорите, господин полковник.

– С вашей помощью мне удалось раскрыть подпольную радиостанцию. Мне казалось, я получил звено, которое позволит вытащить всю цепь. И действительно, радиостанция привела меня к Лысенко. Чего же больше? Он был, бесспорно, одним из руководителей подполья. Но я оказался в тупике: Лысенко умер, не сказав ни слова. Мы пошли искать дальше. Нам повезло: набрали на след штаб-квартиры подпольщиков. И снова тупик: мы нашли всего лишь какие-то обрывки действительно интересных данных. Но и это не все. Ко мне в руки попадает Шлыков. Как вы знаете, я уже давно следил за ним. Но он был умен, опытен и ловко заметал следы. И вот – Шлыков у меня. На этот раз я был твердо убежден, что получил основное звено, что в моих руках – сердце прекрасно организованного подполья. Но фактически я ни на шаг не подвинулся вперед...

– Вы хотите сказать, господин полковник, что Шлыков умер, никого не выдав?

Кристан, сдвинув брови, посмотрел на Жору:

– Нет, он жив... Но эти люди не чувствительны к страданиям. Или я разучился понимать людей... Вас известят, когда мы поедем к черкесам; быть может, они будут более сговорчивыми, чем эти казаки...

Вечером Жора встретился с Арсением Сильвестровичем на одной из конспиративных квартир в селе Калинине и рассказал ему о разговоре с Кристаном. Жора предложил уничтожить Кристана, рассчитывая, что в ауле для этого будет больше возможностей, чем в городе. Но у Арсения Сильвестровича возникла другая мысль: попытаться захватить полковника живым, когда он поедет в аул Понежукай, в расчете на то, что, быть может, потом удастся обменять его на Шлыкова.

Они долго обсуждали план похищения. А перед уходом Жоры Арсений Сильвестрович вынул из кармана тот номер ташкентской газеты, который когда-то Кристан отдал Жоре как доказательство ареста и казни его отца.

– Я знал, конечно, – сказал Арсений Сильвестрович, – что Кристан лжет. Но я решил проверить... Вчера мне доставили с Большой Земли номер «Правды Востока» за то же число. Как видишь, вместо извещения прокуратуры, сфабрикованного полковником, в настоящей газете помещена корреспонденция о рекорде самаркандцев на Фархадстрое. А теперь взглядишь внимательно: шрифты газет заметно отличаются друг от друга. Газета, переданная тебе Кристаном, набрана теми же шрифтами, что и «Кубань», издаваемая в Краснодаре с благословения все того же господина полковника! – Арсений Сильвестрович развернул перед Жорой номер краснодарской газеты.

– Как видишь, – продолжал он, – трюк Кристана довольно прост, хотя на доверчивого человека он и может произвести впечатление: ташкентскую газету набрали и отпечатали специально для тебя у нас, на Красноармейской. Но я не ограничился тем, что достал настоящую ташкентскую газету. Я поручил связаться с твоим отцом. На днях пришел ответ: он здоров, живет по-прежнему в Ташкенте и просит передать, что гордится своим сыном.

Жора порывисто схватил руку Арсения Сильвестровича и крепко пожал ее.

– Я никогда ни минуты не сомневался в отце! – проговорил он, стараясь преодолеть охватившее его волнение.

...Через два дня утром Жору снова вызвали к Кристману. Но какие-то неотложные дела задержали полковника, и он смог поехать в Понежукай лишь после обеда.

Жора ждал его в кабинете у лейтенанта Штейнбока. В тот момент, когда раздался телефонный звонок и полковник сообщил своему адъютанту, что он готов ехать, машинистка принесла Штейнбоку какие-то списки. Жора мельком взглянул на них и случайно увидел свою фамилию.

– Поторопитесь, – сказал адъютант, надевая шинель, – полковник не любит ждать.

– Одну минутку, я вас догоню, – ответил юноша, делая вид, что не может попасть рукой в рукав пальто.

– Захлопните дверь! – крикнул Штейнбок, выходя из кабинета.

Жора быстро сунул в карман один из экземпляров списка: он знал – здесь ему больше не бывать, а если его и приведут сюда, все равно: семь бед – один ответ...

Как выяснилось позднее, это был список лиц, которых немцы намеревались уничтожить. Все, кто значился в списке, были своевременно извещены о грозящей им опасности.

Кристман поехал в Понежукай в сопровождении надежной охраны: впереди шел броневичок, за ним легковая машина с полковником, Штейнбоком и Жорой, а сзади грузовик с гестаповцами.

Кристману не повезло. Прежде всего задержались у парома при переправе через Кубань. Потом в невылазной грязи проселочной дороги застряла легковая машина Кристмана. Пришлось вызывать из города более сильную машину, которая могла бы одолеть бездорожье.

В Понежукай прибыли, когда уже стало темнеть. Решено было заночевать в ауле.

Кристмана и его спутников встретил старшина – седобородый черкес, который во главе своих стариков пытался спасти батурина Володю, когда тот один на один дрался с немцами в лесу, а потом стал руководителем партизанской группы.

Гостей пригласили за стол. После ужина полковник ушел со старшиной в отдельную комнату – поговорить о делах. Туда же был приглашен в качестве переводчика и Жора.

Перед началом разговора Кристману понадобилось пройти в уборную.

– Почтенный гость должен меня извинить, – сказал старшина, – у нас аул, а не город. Надо идти во двор. Я сам провожу вас.

Пропуская гостя вперед, старшина переглянулся с Жорой. Тот утвердительно кивнул головой...

Они втроем вышли на крыльцо, на котором неподвижно стоял немецкий часовой. Темная, безлунная ночь. Кристман со старым черкесом пошли в глубь сада. Жора направился к машине. Около машины стоял второй немецкий часовой. Он откозырял Жоре: немец видел юношу в машине вместе с Кристманом, к тому же Жора прекрасно говорил по-немецки и часовой предполагал, что перед ним крупный работник гестапо.

– Господин полковник приказал мне отвезти срочный пакет в Краснодар, – сказал Жора. – Распорядитесь, чтобы караул открыл ворота и пропустил машину.

Часовой побежал к воротам...

В это время Кристман и старшина шли по темному саду. Кристман забыл в сакле свой электрический фонарик, – вокруг не было видно ни зги. Старшина почтительно поддерживал полковника под локоть.

Слышится шорох, мелькают тени. Кто-то невидимый быстро набрасывает на головы Кристмана и старшины плотные черкесские башлыки и валит обоих на землю. Негромкая возня – и все стихает.

Башлыки крепко завязаны. Руки скручены за спиной. Пойманных засовывают в громадные мешки. Слышится шепот – говорят по-черкесски:

– Неси... Скорей...

Жора уже сидит в машине. Он ждет.

Из темноты появляется группа молодых черкесов. Они несут тяжелый мешок.

– Клади!.. Быстро!

Мешок бросают в машину, и она на полном ходу вырывается из ворот, чуть не сбив с ног часового.

Рядом с Жорой сидит молодой черкес: он показывает дорогу к парому. Сзади на полу лежит в мешке связанный Кристман.

Только бы успеть переправиться через Кубань, только бы опередить Штейнбока до переправы: он обязательно бросится в погоню. Там, в городе, уже не страшно...

Жора ведет машину в кромешной тьме по незнакомой дороге; не будь провожатого, он, конечно, через пять минут сбился бы с пути. Жора прислушивается. Только и слышно, как сердито ворчит мотор да хлюпает грязь под шинами. Неужели Штейнбок до сих пор не заметил исчезновения своего шефа?..

Вот и переправа! Жоре везет: паром у этого берега. Жора благополучно переправляется через Кубань и по окраинам ведет машину в село Калинино, на явочную квартиру, где ждет его Арсений Сильвестрович.

Жора ликует. Ему хочется петь. Еще бы! Кристман, сам полковник Кристман, связанный веревками, лежит в мешке у него за спиной!

– Стой! – раздается окрик немецкого ночного патруля.

Жора на немецком языке спокойно и уверенно отвечает, что машина из гестапо, и показывает на пропуск, наклеенный на ветровое стекло. Начальник патруля козыряет и быстро пропускает машину.

Машина мчится дальше. Снова окрик, на этот раз по-русски:

– Стой! Пропуск?

Перед машиной вырастают несколько темных фигур.

– Сталинград! – уверенно говорит Жора.

– Наш! Ну, как?

– Везу!

В машину прыгает пожилой мужчина.

– Третий дом направо.

– Знаю, бывал.

Машина останавливается. Жору давно ждут.

– Пароль?

– Сталинград.

– Привез?

– Все в порядке.

Мешок с трудом вытаскивают из машины. Пожилой мужчина, тот, что вскочил в машину, садится за руль. Он проедет за окраину села далеко-далеко в степь и там бросит машину...

Мешок вносят в хату. Посреди комнаты стоят Арсений Сильвестрович, Азардов, Деревянко.

– Поздравляю! – говорит Арсений Сильвестрович. – Ну развязывайте: хочу посмотреть на живого Кристмана.

Жора возится с узлом, но узел не поддается.

– Разрежь, – говорит Азардов, подавая нож.

Жора перерезает веревку и стаскивает мешок. Появляется голова, туго обернутая темным башлыком. Юноша сдергивает башлык. Перед ним – седобородый черкес, староста аула Понежукай.

– Спутали... Мешки спутали... – бледнея, шепчет Жора. – Ушел!.. Опять ушел!..

* * *

Как раз в эту ночь Бутенко чинил пишущие машинки в здании гестапо.

Вскоре после работы по ремонту машинок в жандармском управлении Бутенко ушел из комбината – там ему нечего было делать, – и поступил в механическую мастерскую, помещавшуюся на Пролетарской улице. Отсюда его и вызвали в гестапо, очевидно по рекомендации жандармского управления.

Бутенко задержали в гестапо на ночь и только под утро велели спуститься вниз, в подвальный этаж: там в одном из кабинетов следователей испортилась машинка. Починка оказалась несложной – надо было сменить один рычажок, – и Бутенко, быстро закончив работу, пошел наверх.

Его вели каким-то другим путем – полутемными узкими пустынными коридорами.

Впереди показалась открытая дверь.

Внезапно из нее вышел Кристман. На нем был измятый, грязный мундир. Он только что вернулся из аула, где на него было совершено покушение, и сразу же бросился пытаться Шлыкова. Бутенко поразило лицо полковника. Оно было жестокое, свирепое даже и в то же время растерянное. Двое гестаповцев выволокли в коридор безжизненное тело какого-то человека. Бутенко узнал в нем Шлыкова.

Что было дальше, Бутенко не помнил.

Возможно, что он закричал. Быть может, даже бросился на Кристмана...

Пришел он в себя на улице. Темная ночь. Руки связаны за спиной. Рядом три немецких солдата.

Он не отдавал себе отчета, куда его ведут: перед глазами стояло искаженное мукой лицо мертвого Шлыкова.

Сенной базар. Бутенко подвели к виселице. И вдруг из-за соседнего ларька мелькнули тени. Они бросились на конвоиров. Два немца упали, третьего схватили. Кто-то развязывал Бутенко руки.

Потом его втолкнули в машину и привезли в какую-то маленькую хатку в селе Калинине. И тут он узнал, что обязан спасением Петру Батурину: по приказу Деревянко Батурин вышел со своими хлопцами на «свободную охоту» за немецкими офицерами и случайно наткнулся на Бутенко...

Глава XIII

Примерно с середины января события начинают быстро развиваться. Советская Армия наступает. Надо рвать коммуникации немцев на суше и на воде.

«Тихая война» кончилась, начинаются открытые боевые действия подпольщиков. Их удары по врагу крепнут с каждым днем. С замечательным мужеством сражаются эти люди, закаленные борьбой в подполье.

Руководство подпольем в Краснодарском районе по-прежнему остается за Арсением Сильвестровичем. Городскими группами теперь командует Деревянко.

Серию ударов начинает Яков Ильич Бибииков.

Девятого января немцы налаживают движение по дороге Кавказская – Краснодар. Но первый же поезд, пущенный ими, взрывается на минах, поставленных минерами Бибиикова.

Одиннадцатого января радиостанция отряда принимает очередную сводку Совинформбюро: освобождена от врага вся минераловодческая группа. А на следующий день передовые части Советской Армии переваливают через Кавказский хребет.

Наш отряд, включившись в наступление нашей армии, вел горячие схватки на подступах к горе Ламбина. На учете был каждый боец. Отряд поредел: многие минеры отправлены в наши филиалы. И в довершение всего в самый разгар боев мы получаем тяжелые вести: арестованы Лагунов и Гладких, посланные нами в Краснодар...

Из группы Лагунова только трое добрались до Краснодара: Сухороброва, Литовченко и Луговой. Сухороброва поступает в распоряжение Азардова и под его руководством начинает сколачивать новые группы комсомольцев-подпольщиков. Литовченко и Луговой по указанию Деревянко направляются на комбинат Главмаргарин, где они когда-то работали.

Двадцать третьего января Советская Армия освобождает Армавир. И, словно отголосок этого удара, в Краснодаре гремят новые взрывы. О них следует рассказать подробнее...

Между комбинатом Главмаргарин и станцией Краснодар-I сходятся три железные дороги: одна проходит на Тимашевку и дальше – к Азовскому морю и Ростову-на-Дону, вторая – к Тихорецкой, третья – к станице Кавказская. Немцы лихорадочно эвакуируются из Краснодара. Все три линии загружены до предела. Вот Деревянко и приказал Бибиикову нанести удар именно в этом месте, там, где около угольного склада для паровозов, под полотном железной дороги, проходит огромная железобетонная труба. По этой трубе идут трамвайные линии и шоссе Краснодар – Кавказская.

К месту, выбранному для диверсии, подходы исключительно трудны.

Со стороны комбината – широкое открытое поле, и, хотя идет дождь и на улицах Краснодара лежит грязь, – поле покрыто белым покровом снега. Чуть поодаль, через шоссе, вплотную примыкая к железнодорожному полотну, на возвышенности стоят огороженные забором баки с нефтью. С противоположной стороны большой пустынный сквер полого спускается к шоссе. У трубы и у нефтяных баков – усиленные немецкие караулы.

В помощь Бибиикову даны Сухороброва и Федосов. Они долго обсуждают план диверсии и становятся в тупик: скрытно к трубе не подползешь, а завязывать бой с охраной бессмысленно. Выход находит Федосов: он предлагает в нужный момент отвлечь от трубы немецкий караул.

Диверсия назначена в ночь на двадцать седьмое января.

Бибииков с тремя помощниками, тяжело нагруженные толком, ползут к трубе по открытому полю. Они одеты в белые маскировочные халаты и почти сливаются со снегом. Заметили на снегу следы широких солдатских сапог: очевидно, сюда время от

времени заглядывают немецкие обходчики. Если немцы явятся сейчас, придется уходить с боем...

По другую сторону трубы через сквер пробирается Сухороброва с четырьмя комсомольцами, они тоже несут пакеты с толом.

Обе группы почти одновременно достигают исходных позиций. Диверсанты лежат неподвижно. Сквозь сырой туман смутно виднеются отверстие трубы, фигуры часовых и семафорщика, который стоит со стороны сквера и регулирует движение.

Минеры ждут сигнала Федосова, а Федосов молчит, и всем кажется, что давно уже миновали все условные сроки...

Наконец у нефтяных баков раздается выстрел. Потом второй, третий, вспыхивает ожесточенная стрельба. Одновременно с выстрелами загорается крайний бак с нефтью. Яркий свет заливает поле. Диверсанты прикипают к снегу. Но сырой туман прижимает черный дым к земле. Ветер гонит его к трубе, и дым обволакивает все кругом густой темной пеленой.

Стрельба у баков становится ожесточеннее. Значит, Федосов осуществил свой план: оттянул на себя основные силы охраны у трубы.

Под защитой дыма диверсанты подползают вплотную к ней. Короткая схватка – и часовые сняты без единого выстрела. Минеры приступают к делу.

Первой кончает работу группа Сухоробровой. Один из ее комсомольцев, пройдя по трубе, докладывает Бибикову:

– У нас все готово!

– Через три минуты рвем, – отвечает Яков Ильич.

Комсомолец снова ныряет в трубу. Раздается резкий свист.

Бежит огонек по бикфордову шнуру. Минеры, не скрываясь, бросаются прочь. За их спинами гремит глухой взрыв.

Железная дорога взорвана. Шоссе Краснодар – Кавказская выведено из строя. Пылает нефтяной бак, подожженный Федосовым. А немцы еще долго стреляют в туманную сырую темь...

Тридцать первого января части нашей армии с боями занимают Тихорецкую и Майкоп. И опять, как эхо, грохочут взрывы в Краснодаре.

На этот раз они гремят на берегу реки.

Перед уходом из города части Советской Армии взорвали железнодорожный мост через Кубань. Немцы взялись восстанавливать его. Вначале они пытались поднять фермы, упавшие в реку. Но вскоре отказались от этого и решили поставить новые. Для этого немцы разобрали несколько крупных зданий в Краснодаре и, доставив к реке снятые с них двутавровые балки, начали сооружать новые фермы. На строительство моста были посланы наши подпольщики. Ими руководил Деревянко. И строительство шло через пень колоду: то разбегутся рабочие, пригнанные из сельских районов, то один за другим бесследно исчезнут немецкие инженеры, то выйдут из строя механизмы...

Все же немцам удалось уложить балки. Они хотели уже приступить к сборке ферм. Но на строительство были тайком доставлены маленькие чемоданчики, изготовленные в подпольном арсенале. И ночью над Кубанью загремели взрывы.

Среди немцев переполох. В небе мечутся голубоватые лучи прожекторов. Бьют зенитки, трассирующие пули чертят разноцветные линии в темноте ночи – немцы уверены, что на мост налетели советские самолеты. Но самолетов нет. Минеры уже успели скрыться. Строительство моста надо начинать сызнова...

В эту ночь в Краснодар пришел Ельников: он разведал все, что касается понтонных мостов, и теперь должен согласовать свой план с Арсением Сильвестровичем.

Оказывается, немецкое командование решило на случай отступления обеспечить себе переправы через Кубань. В распоряжении немцев лишь два наведенных моста у Стефановки, Яблоновки и постоянный у Горячего Ключа да паром у КРЭС. Фашистское командование, подозревая, очевидно, что эти переправы находятся под неусыпным наблюдением подпольщиков и партизан, сосредоточило между Марьинской и Елизаветинской запасные понтоны для мостов.

И вот Ельников рассказал Арсению Сильвестровичу о своем плане: он предлагает в нужный момент спустить по реке дебаркадер, баржи и плоты со взрывчаткой и уничтожить понтонные мосты.

План Ельникова был одобрен. Арсений Сильвестрович вызвал Валю.

– Ты просилась, Валентина, на задание. Предупреждаю: выбрал для тебя опасную и трудную операцию.

– Я готова! – с радостью отвечает девушка.

Они долго обсуждают все детали плана. В конце концов, решено: дебаркадером займется Валя, баржами – Павлик-батуринец, плотами – Азардов. Для временного хранения взрывчатки намечена квартира жены механика Бутенко, который жил на нелегальном положении в селе Калинине.

* * *

В первых числах февраля на комбинат является агент гестапо. Расположившись в кабинете Штифта, он вызвал к себе с десятков рабочих.

– Вам знакомы эти люди? – спрашивает гестаповец, показывая им фотографии Лагунова и Гладких.

Рабочие, не сговариваясь, отрицательно качают головами:

– Нет... Не знаем...

На следующий день в гестапо вызваны пятнадцать человек с комбината. Они взяты из разных цехов и с разных заводов. По очереди каждому из них дают очную ставку с Лагуновым и Гладких. Лица арестованных обезображены побоями. Но как же не узнать Гладких, председателя завкома? И снова каждый из пятнадцати отвечает:

– Нет. Не знаю...

* * *

Наступление Советской Армии продолжается: шестого февраля взяты Батайск и Ейск. Краснодарские подпольщики наносят новые и новые удары по врагу.

Первый удар обрушивается на головы немцев наш яблоновский филиал. Здесь уже давно работают две девушки-рыбачки. Им удается наладить «дружеские» отношения с немецкой охраной. Обычно около полудня девушки подходят к мосту с корзинами, полными яблок и яиц, и дешево распродают свой товар немецким часовым. Рыбачки веселы, миловидны, они знают несколько немецких слов и флиртуют с солдатами напропалую. Это, конечно, очень противно – улыбаться немцам и любезничать с ними, и все же девушки каждый день ходят к мосту и, сидя около стальных тросов моста, пересмеиваются с часовыми...

В первых числах января к мосту приходит Сухореброва со своими помощницами, переодетыми казачками. Она приносит приказ рвать мост. Немцы почему-то сменили на мосту охрану. Но приказ остается приказом.

Девушки-рыбачки, спрятав на себе тол, днем выходят на мост. В руках у них плетеные корзины: они идут якобы на базар.

На середине моста часовых нет, и девушки начинают быстро привязывать пакеты с толом к стальным канатам.

Остановившись на мосту строго запрещено. Часовые с одного края моста окликают девушек. Рыбачки продолжают свою работу. Охрана открывает стрельбу. Двое часовых бросаются к девушкам. Но добежать не успевают: грохочут два взрыва.

Мост сотрясается и разваливается на части. Обломки барж, крутясь в водоворотах, быстро плывут вниз по течению.

Девушки-рыбачки погибли...

Сухороброва спешит к паромной переправе у КРЭС. Сидя на возу, она ждет своей очереди: немцы, встревоженные диверсией у Яблоновки, тщательно проверяют всех, ожидающих переправы.

Прячась за возом на пароме, Сухороброва быстро привязывает пакеты с толом к стальному канату. Делает она это мастерски: недаром она прошла курс минного дела в нашем партизанском вузе на Планческой.

Шашки привязаны. Сухороброва поджигает бикфордов шнур.

Взрыв, как ножом, обрезает стальной канат. Девушка бросается в реку. Она прекрасная пловчиха. Течение относит ее далеко от места взрыва. Сухороброву подбирает рыбак. Он дает девушке выпить водки. И здесь Сухороброва узнает: вчера взорван мост у Стефановки – это дело рук стефановского филиала. Теперь у немцев остались только понтоны и мост у Горячего Ключа.

* * *

В этот же день Батулин проводит успешную диверсию на электростанции трамвайного депо, что находится у Карасунского канала.

Батулин уже давно наблюдает за ней, высматривая слабое место в охране. Но немцы тщательно охраняют станцию: она дает ток их прожекторным установкам у аэродрома. Вокруг станции стоят пулеметы и всегда наготове автоматчики.

Деревянко советует Батулину: когда Сухороброва будет рвать по соседству переправу у КРЭС, воспользоваться суматохой и попытаться проникнуть на станцию.

В назначенный час Батулин со своими ребятами прячется в ближайшей хате. Под рабочими блузами у них спрятаны толовые шашки и оружие. Подпольщики терпеливо ждут.

Наконец гремит взрыв на пароме. Рабочие, занятые на территории станции, выбегают на улицу. Немцы гонят их обратно. Замешавшись в толпе, Батулин с ребятами входит во двор станции.

Подпольщикам удается войти в главное здание электростанции. Здесь в узком коридорчике стоят два немецких автоматчика. Батулин смело идет вперед. Он обходит первого часового и приближается ко второму спокойно, неторопливо. Потом он оборачивается. Его помощник уже рядом с первым часовым. Быстрые, почти одновременные удары – и немцы без крика падают на пол. Подпольщики вбегают в главный зал. Единственный немецкий надсмотрщик выхватывает револьвер, но выстрелить не успевает: ударом ножа спутник Батулина убивает и этого немца.

Заминировать агрегаты и зажечь короткие шнуры – дело нескольких минут. Батулин с товарищами еле успевают выскочить во двор, как взрыв обрушивает угол электростанции.

Пользуясь паникой, подпольщики выбегают к Карасунскому каналу и скрываются...

Вечером в табачном институте Арсений Сильвестрович собирает руководителей подполья.

– Сегодня мне сообщили, – говорит он, – что в гестапо под пытками умерли Лагунов и Гладких. Они погибли, не выдав друзей, не сказав ни слова. Почтим их память.

Все поднимаются и с минуту молча стоят.

– Товарищи, – продолжает Арсений Сильвестрович, – только что я получил радиogramму от штаба партизанского движения Юга. Бои идут на подступах к Краснодару. Нам приказано нанести немцам последний, решающий удар. Работы непочатый край: рвать связь, машины, нефтесклады, последние переправы через Кубань. Все подполье должно выйти на открытую борьбу. Дорога каждая минута!..

Арсений Сильвестрович распределяет «роли». Каждый получает определенное задание. Потом он поднимается из-за стола. Он сильно сдал за последние дни. Глаза ввалились. Веки красные от бессонницы: он не спит уже трое суток. Но Арсений Сильвестрович весело улыбается.

– Так вот, друзья, – говорит он, – мы по-прежнему остаемся хозяевами положения. Инициатива за нами. Еще последний удар – и все!

Глава XIV

Девятое февраля... В Краснодаре хорошо слышна артиллерийская стрельба: бои идут на ближайших подступах к городу. Немцы лихорадочно эвакуируются: сплошным потоком движутся транспортные колонны. У них остался последний мост через Кубань – у Горячего Ключа.

Уже несколько раз пытался Бибииков прорваться к мосту – и всякий раз терпел неудачу. Мост бдительно охранялся. Ничего другого не оставалось, как отважиться на дерзкую операцию.

Ночью на две лодки погружают мины с мгновенными взрывателями. В лодки садятся – в одну наш «старик» Иван Семенович Петров, в другую – опытный минер из отряда Бибиикова, Федосов. Лодки в кромешной тьме плывут к мосту. Недалеко от моста минеры соскальзывают в воду и плывут, держась за лодки. Лодки полузатоплены, чтобы быть менее заметными на поверхности реки. У минеров сводит ноги от холода...

Когда впереди вырастают контуры моста, минеры ныряют в воду. Через минуту грохочут два взрыва: последний мост на Кубани взлетает на воздух.

Минерам удается добраться до берега...

Днем десятого февраля артиллерийская канонада под Краснодаром усиливается с каждым часом. Немцы мечутся, ища пути отхода. И вот тогда-то на улицы города выходит молодежь, мобилизованная Котровым и Сухоробровой.

Школьники, рабочие, студенты режут провода. Заранее высмотрев немецкие склады с горючим, они с боем прорываются к цистернам и бакам, рвут их толовыми шашками, забрасывают бутылками с горючей жидкостью или поджигают брусками тола, полученными из подпольного арсенала.

То здесь, то там гремят выстрелы. Многие из ребят погибают в схватках с немцами. Но на место погибших встают новые бойцы, и немцы вскоре начинают предполагать, что в город спустился парашютный десант или прорвались партизаны предгорий.

Ожесточенная схватка разгорается у главного немецкого склада с горючим – против завода Седина. Здесь действует группа Котрова; в нее входят студенты краснодарских институтов. Молодежь вооружена пистолетами, автоматами, карабинами.

Операция рассчитана на стремительность удара и быстроту отхода: сражаться долгое время с немецкой охраной, вооруженной пулеметами, молодежь не в силах.

По сигналу Котрова две группы ребят, внезапно подбежав к будкам охраны, стоящим по обе стороны огромных баков с горючим, открывают стрельбу и швыряют в окна гранаты. Минеры, сняв четырех часовых, подбегают к бакам, закладывают тол, поджигают бикфордовы шнуры и бегут прочь. Но в этот момент из ворот завода Седина, что стоит напротив, через железнодорожное полотно, выбегают немецкие солдаты и окружают группу ребят. Котров пытается прорвать кольцо немцев и прийти на помощь окруженным, но это ему не удается.

Окруженные ребята дрались с замечательным мужеством. Но силы были не равны. Тяжело раненных подпольщиков немцы взяли в плен и повесили их на Красной улице. Среди них был студент Николаев, друг моего младшего сына...

В этот же день группа Жоры по приказу Деревянко направляется к концентрационному лагерю, что у завода Калинина: там группа гестаповцев во главе с лейтенантом Штейнбоком расстреливает всех арестованных.

Разрезав проволоку ограды, Жора со своими ребятами врывается на территорию лагеря. Завязывается схватка с охраной... У Жоры свои счеты и с этим лагерем и со Штейнбоком: здесь несколько месяцев назад немецкий лейтенант нашел своего «коллегу» по берлинскому институту...

Жора издали узнает гестаповца и бежит к нему: он хочет стрелять только тогда, когда будет уверен, что не промахнется. Но Штейнбок на несколько секунд опережает Жору. Выстрел... Жгучая боль обжигает левое плечо. Жора падает.

Штейнбок подбегает, наклоняется над Жорой... Напрягая последние силы, юноша поднимает револьвер и бьет в упор. С разmozженной головой адъютант Кристмана падает мертвым. Жора теряет сознание.

* * *

Вечером десятого февраля Валя пришла на квартиру жены Бутенко Елены Михайловны. На сегодняшнюю ночь назначен удар по немецким понтонным мостам. Валя должна была перенести взрывчатку на дебаркадер. Бутенко жил по улице Максима Горького, в доме № 9/4, почти у самого берега Кубани.

– Я хочу идти с вами, – решительно заявляет Вале Елена Михайловна.

– Что вы, Елена Михайловна! Операция очень опасная. Это не женское дело...

– Но ведь вы же идете, Валя?

– У меня с немцами особые счеты... Подумайте – придется прыгать в Кубань, плыть в холодной воде.

– Я рыбачка, плаваю, как рыба... Возьмите меня с собой, Валя!

Валентина не может отказать...

В ночь на одиннадцатое февраля над Кубанью взвиваются две белые ракеты: сигнал Ельникова.

К дебаркадеру, что стоит против улицы Гоголя, подкрадывается небольшая группа людей. Слышен приглушенный стон, негромкий всплеск. Это помощники Вали сняли сторожей...

Дебаркадер медленно отчаливает от берега. На носу стоят Валя и Елена Михайловна, у руля – два молодых слесаря из механической мастерской Главмаргарина.

Ночь безлунная, темная. Быстро мчит свои черные холодные волны полноводная Кубань. Где-то совсем близко грохочут орудия. На востоке полнеба охвачено заревом, и там, как зарницы, вспыхивают отблески залпов.

Валя напряженно всматривается в темноту ночи.

– Держать право! – командует она.

Кубань быстро несет дебаркадер. На нем стоят две женщины и двое молодых парней, плывущих почти на верную смерть. За дебаркадером идут баржи: их сорвали с причалов у съезда с улицы Горького. Баржами командует Павлик-батуринец.

Из темноты неожиданно возникают понтонные мосты. Их осталось всего шесть: остальные отправлены немцами к Славянской и Темрюку.

Сплошным густым потоком движутся по мостам немецкие автоматчики, танки, машины, артиллерия, мотоциклисты...

Внезапно из кромешной тьмы, у самого моста вырастает огромный дебаркадер. Никто из немцев не понимает, что случилось... На мосту – паника. Своей тяжестью дебаркадер наваливается на первый мост, потом на второй и разрывает их. В ледяную воду Кубани падают солдаты, повозки, автомобили, пушки. С берега немцы открывают беспорядочную стрельбу.

Вслед за дебаркадером подходят тяжелые баржи – они разбивают еще два моста. И опять крики, стрельба...

Но пятый и шестой мост стоят нерушимо.

Валя и Елена Михайловна все еще на дебаркадере.

В это время, чертя огненную дорожку, в черное небо взлетает красная ракета.

Это предупреждение, что к уцелевшим понтонам подходят плоты, груженные взрывчаткой. Азардов дает сигнал: «В воду!»

С дебаркадера и барж в реку прыгают подпольщики и плывут к берегу...

Несколько взрывов сливаются в один гроыхающий гул. В ночное небо поднимаются столбы воды, взлетают обломки мостов, барж, дебаркадера. Взрывы раскидывают по реке тела изуродованных солдат, поврежденные пушки, автомобили, повозки. Рушится в воду тяжелый танк. На берегу разведчики Ельниковы помогают выбраться из воды закоченевшим и оглушенным Вале, Елене Михайловне, Азардову...

На рассвете одиннадцатого февраля немцы спешно наводят через Кубань штурмовые мостики: это все, что они могут сделать. Подпольщики рвут мостики пакетами со взрывчаткой. Здесь командует Луиза, продавщица из магазина «Камелия», и ее приятельница, дочь хозяйки той маленькой хатки на Дубинке, где жил Жора...

По улицам Краснодара по-прежнему непрерывным потоком идут машины, танки, броневики. Из подъездов, из-за углов домов, из-за заборов ребята Котрова забрасывают их гранатами и бутылками с горючим. Володя и Виктор Батуринов вместе со своими друзьями-мальчишками раскидывают по городу четырехсантиметровые «ежи», в свое время изготовленные Петром Евлампиевичем. «Ежи» прокалывают автомобильные шины, не давая им самосклеиваться, и машины останавливаются, создавая пробки на улицах...

* * *

...Жора приходит в себя утром одиннадцатого февраля. Что с ним? Где он находится? Низкая сводчатая комната. Вокруг десятки людей. Они лежат на нарах,

сидят на полу. Многие из них ранены, изуродованы пыткой. Жора догадывается: он в подвале гестапо...

Сосед помогает ему кое-как перевязать рану. Кость не задета, но юноша потерял много крови, и голова его кружится от слабости. Он в изнеможении ложится на пол и впадает в полузабытье.

Проходит несколько часов. Жора поднимает голову. В коридоре слышатся возбужденные голоса, какая-то возня. Потом доносится сильный запах керосина. В щели двери проникает струйка едкого дыма.

– Подождли!.. Горим!.. Пожар!.. – слышатся испуганные крики заключенных. Некоторые исступленно бьют кулаками в дверь. Все сгрудились около нее, давя друг друга.

Жора, шатаясь, поднимается с пола.

– Стой! – кричит он, перекрывая шум. – Слушай мою команду! Ломай нары! Тащи доски! Сейчас мы выломаем дверь.

Его громкий решительный голос невольно подчиняет себе всех. Быстро разобраны нары. Тяжелые удары досок обрушиваются на дверь. Дверь трещит и падает на каменный пол.

Заключенные выбегают в коридор. Он полон едкого густого дыма, сквозь который видны языки пламени.

Арестованные бегут к выходу. Из соседних камер несутся мольбы о помощи.

– Стой! – снова раздается голос Жоры. – Сбивай замки с дверей! Тащи таран к выходу!..

Жора и несколько заключенных спешат к наружной двери. Снова гремят удары, но на этот раз тяжелая дверь не поддается.

– Бей сильнее! – кричит Жора.

Сзади подбегают десятки арестованных, только что освобожденных из камер. Кто-то в суете толкает Жору. Он падает, ушибает раненое плечо и снова теряет сознание...

* * *

Миша-батуринец готовится в станице Бейсуг к решительному удару. Несколько дней назад по приказу Арсения Сильвестровича ему доставили две машины с патронами, пулеметными лентами и гранатами. Вместе с машинами прибыли два советских офицера, инвалиды Отечественной войны.

Миша созывает «военный совет». После горячих споров принят дерзкий план.

Посадив свой отряд на коней, захватив с собой старых казаков, оставшихся в станице Бейсуг, Миша степными балками и проселочными дорогами перебирается к ближним подступам к Краснодару и располагается с отрядом у одной из станиц. Здесь он разбивает свой отряд на три группы.

Первая идет в засаду, в сторону степной речки. Вторая занимает позиции на окраинах станицы. Третья по-пластунски подползает к артиллерийским батареям и пулеметным точкам немцев. Миша вместе с одним из присланных офицеров забирается на колокольню станичной церкви.

Здесь, у станицы, немцы в течение нескольких дней возводили оборонительные позиции, расположив их фронтом к наступающим частям Советской Армии. Вот по этим-то укрепленным позициям немцев и было поручено Мише нанести удар с тыла в момент подхода наших частей.

Около полудня показываются передовые цепи наших бойцов. Немцы открывают ураганный огонь.

На колокольне появляется красный флаг – это приказ второй группе вступить в бой. Молодые казаки бросаются в атаку. На улицах станицы завязывается бой с немецкими резервистами.

С колокольни взвиваются две красные ракеты и, описав дугу, падают в расположение немецких артиллеристов. И тотчас же вступает в бой третья группа. Ребята забрасывают немецкие батареи гранатами, бьют немцев из карабинов, уничтожают пулеметные точки.

Немцы решают, что попали в мешок. Они беспорядочно отступают. И тогда, со стороны степной речки, во фланг отступающим, с шашками наголо, устремляется «засадный полк». С востока густыми цепями наступают батальоны советской пехоты...

* * *

В полдень одиннадцатого февраля бои идут у самых окраин Краснодара.

На комбинате Главмаргарин давно уже нет Герберта Штифта: он успел сбежать. Из всей немецкой администрации здесь остался только фельдфебель Штроба: он должен взорвать комбинат.

Разбившись на мелкие группы, немецкие подрывники бегут к заводам.

На комбинате осталась небольшая группа подпольщиков. Их задача спасти заводы. Но у подпольщиков слишком мало сил, чтобы выступить открыто. И все же то здесь, то там раздаются одиночные выстрелы, падают немецкие подрывники...

Очередь доходит до маргаринового завода. Немецкие саперы возятся у бака с маслом. Уже заложены под него пакеты с толом. Все уходят: остается подрывник – он должен зажечь бикфордов шнур.

Вспыхивает огонек зажигалки... Неожиданно за спиной подрывника вырастает рабочий Иван Остроленко. Тяжелым железным ломом он наотмашь бьет немца. Подрывник падает с проломленным черепом. Остроленко бросается к шнуру и руками тушит огонь почти у самого тола. Бормочет, глядя на мертвого немца:

– Не тронь советское добро!..

Фельдфебель Штроба – на ТЭЦ. Он подходит к котлу. В руках у него пакет с толом. Из-за колонны раздается выстрел. Штроба падает мертвым. Это стрелял Покатилов...

Старый мастер выходит на главную аллею. Последние немецкие подрывники убегают к воротам комбината. Навстречу Покатилову идет Иван Остроленко.

– Ты как сюда попал, Иван? – удивленно спрашивает директор ТЭЦ.

– Да так же, как и ты, начальник: присмотреть надо за хозяйством. Этакое ведь богатство вокруг. Как бы чего не случилось...

* * *

Немецкие части, оставшиеся в городе, взрывают крупные здания, грабят квартиры.

Все, кто остался из подпольщиков, вышли на улицу. Выстрелами они снимают факельщиков.

Котров со своими ребятами взламывают двери подвалов гестапо. Едкий дым клубами вырывается наружу. В коридоре у двери лежит груда тел. Между трупами комсомольцы находят нескольких живых. Их уносят в соседний дом. В их числе – Жора...

Батурин, Азардов и Валя сражаются с немцами на окраине города. Мимо них проходят последние немецкие части, обороняющие город. Подпольщики бьют их с тыла, засев в маленькой хатке.

Немцы заметили подпольщиков. Кольцом окружают они хату. Положение тяжелое: патроны на исходе, осталась одна противотанковая граната. Подпольщики хранят ее для себя.

– Беречь патроны! – уже в который раз приказывает Азардов.

И в тот момент, когда окруженным казалось, что жить им остается считанные минуты, слышится цоканье копыт и лихое казачье гиканье. На улице появляются конники. Впереди на рыжем скакуне Миша-батуринец.

Немцы думают, что в город прорвалась казачья часть, и в ужасе разбегаются.

– Мишка! – радостно кричит Батурин.

Михаил смотрит на Валею: ее кожанка в крови – девушку задела немецкая пуля.

– Валея, ты ранена? – взволнованно спрашивает он. Не дождавшись ответа, наклоняется и поднимает девушку к себе на седло.

– Десятерым остаться, остальные за мной! – приказывает Миша.

Казачи мчатся обратно.

– Валея, потерпи! – говорит Миша. – Еще немного... Наши здесь, рядом. Тебя отправят в госпиталь... Потерпи, родная.

На всем скаку Миша осаживает коня: перед ним первые цепи наступающих советских войск.

– Товарищи, девушка ранена, – говорит он ближайшему командиру. – Отправьте ее в санбат...

Но Валея сама соскакивает на землю.

– Ничего, Михаил... Царапина... Пустяки!

– В санбат! – упрямо повторяет Миша. Потом приказывает своим конникам: – Рысью! За мной! В обхват! – и, размахивая шашкой над головой, несется в боковую улочку...

Где-то совсем рядом с воющим свистом падает и разрывается немецкая мина. Несколько бойцов падает. В цепи замешательство.

Валея берет винтовку убитого бойца, поднимает ее над головой и кричит:

– Товарищи! Вперед! Ура!

Девушка в передних рядах штурмующей колонны врывается в город...

Двенадцатого февраля столица Кубани освобождена от немцев.

Краснодар – наш!

Глава XV

Основная группа нашего партизанского отряда, как я уже рассказывал, вошла в Краснодар через три дня после его освобождения: по заданию командования мы взрывали дороги, чтобы помешать отступлению немцев.

Наш партизанский отряд состоял в основном из работников Главмаргарина. Тотчас же после возвращения они отправились на свои заводы, где стихийно возник митинг.

Рабочие, оставшиеся у немцев не по своей воле, и партизаны, вернувшиеся на комбинат из предгорий, выступали и клялись, приложив все силы, быстро восстановить комбинат.

– Мы должны, – говорили выступавшие, – как можно скорее дать продукцию своих заводов Советской Армии, трудящимся Кубани и Советского Союза, громящим ненавистного врага!

Многие со скорбью сожалели о том, что до этих светлых дней не дожили Евгений, Лысенко, Шлыков и другие патриоты. Комбинат был сильно разрушен, и бывшие партизаны и подпольщики, засучив рукава, принялись за его восстановление.

Наш партизан, в прошлом директор мыловаренного завода, Веребей в первый же день после возвращения в родной город явился на комбинат. Он спокойно подошел к баку с мылом и вынул невзорвавшиеся мины, пролежавшие здесь полгода. Потом под восторженные крики собравшихся отвинтил верхнюю крышку бака. Вскоре упакованные в тару, искусно припрятанную покойным Шлыковым, восемьдесят тонн прекрасного, с мраморными прожилками мыла, были отправлены бойцам Советской Армии в подарок от коллектива рабочих комбината.

Начальник гидрозавода инженер Ельников уже через семь дней начал выпускать жидкое мыло тоннами и приступил к рафинации масла.

Слесари механических мастерских разыскали спрятанные детали и быстро восстанавливали компрессоры, насосы, агрегаты. Наш партизан Слащев вместе с подпольщиком Покатиловым монтировали новые котлы на ТЭЦ. Маргариновский завод начал выпускать полноценный комбинированный жир. Пожарники быстро потушили огонь в силосных башнях.

Новые люди встали на место погибших. Мария Федоровна Ихно, жена моего покойного Евгения, заменила Свирида Сидоровича Лысенко, а партизан-минер Федосов – Гавриила Артамоновича Шлыкова. Во главе комбината поставили нашего партизана инженера Михаила Денисовича Литвинова. Главным инженером был назначен начальник «минного вуза» Геронтий Николаевич Ветлугин. Набирая темпы, комбинат быстро входил в строй...

Я по-прежнему работал директором Краснодарского химико-технологического института. Мне частенько приходилось встречаться с подпольщиками.

Шли дни за днями. Работы был непочатый край. Урывая часы от сна, я начал писать первую книгу «Записок партизана». Мне казалось, сейчас пришло время для этого: отряд закончил свою работу.

Сознаюсь, мне было тяжело расставаться со своей недавней боевой жизнью. И было обидно: мы перешли на мирное положение, а немцы все еще на Кубани: они строят «Голубую линию», надеясь за ее дотами удержаться на Тамани и оттуда снова начать наступление на Кубань и Кавказ.

Книга третья
«Голубая линия»
Часть первая
Глава I

Как я уже говорил в предыдущих книгах «Записок партизана», Советская Армия освободила Краснодар от немецко-фашистских захватчиков двенадцатого февраля 1943 года. Несколькими днями позже наш отряд с боями вернулся в столицу Кубани.

Но враг был еще близок, и с ним еще предстояла упорная борьба. Помню, даже в день похорон моих сыновей – шестнадцатого мая – в городе отчетливо была слышна канонада нашей артиллерии, громившей укрепления немцев, и Краснодар все еще находился под угрозой налетов фашистской авиации.

Выбитые из Краснодара, немцы жестоко и упорно оборонялись. Напрягая, все свои силы, они цеплялись за каждый населенный пункт, а особенно старались удержать в своих руках укрепленные ими крупные станицы. Им было необходимо во что бы то ни стало задержать наступающую Советскую Армию и успеть закончить строительство мощных полевых укреплений, отделявших Кубань от Тамани. Позднее система этих укреплений, по склонности гитлеровцев к громким и пышным названиям, была окрещена ими «Голубой линией».

К тому времени, когда наша армия подошла к «Голубой линии», готовясь штурмовать ее, эта линия, вытянувшись громадной буквой S, левым своим флангом упиралась в приазовские плавни, а правым подходила к Черному морю.

Ее основная оборонительная полоса имела глубину в пять-шесть километров, укрепленные рубежи простирались на тридцать – сорок километров. Все высоты и населенные пункты были превращены немцами в мощные узлы сопротивления и опорные пункты – непрерывные линии траншей и окопов полного профиля.

Промежутки между опорными пунктами были заполнены железобетонными огневыми точками. Передний край прикрывался рядами проволочных заграждений, рогатками, завалами и минными полями глубиной до пятисот метров. Нередко на одном квадратном километре немцы искусно укладывали до двух тысяч пятисот мин.

Пленные немцы говорили в один голос, что Гитлер дал приказ любой ценой удерживать «Голубую линию». С прикрываемого ею Таманского плацдарма он надеялся начать новое наступление на Кубань и на нефтяные районы Кавказа...

Немецкие газеты писали:

«Позиции, упорно обороняемые немецкими войсками на кубанском предместном укреплении, имеют для нашего командования большое значение. Они преграждают Черноморскому флоту вход в Азовское море и одновременно лишают советские войска возможности высадиться в Крыму. Наконец, кубанское предместное укрепление выполняет стратегическую задачу: оно может стать исходным пунктом для нового наступления...»

Для обороны Таманского плацдарма немцы сосредоточили на «Голубой линии» шестнадцать дивизий и стянули на аэродромы Тамани бомбардировочные эскадрильи из Туниса.

Таким образом, перед Советской Армией после освобождения ею Краснодара стояли новые две задачи: во-первых, очистить от немцев предполье «Голубой линии» и, во-вторых, штурмовать «Голубую линию», прорвать ее и, освободив от немцев Тамань, сбросить их в Черное море.

На всех этапах этой борьбы нашей армии с немецко-фашистскими захватчиками немалую помощь оказали ей местные отряды партизан – отважные народные мстители, горевшие благородным стремлением очистить от ненавистного врага родную землю.

Мы в Краснодаре знали, что во время боев Советской Армии с гитлеровцами в предполье «Голубой линии», в тылу врага, действовали наши кубанские партизаны – ахтырские, баканские, абинские, крымчане и другие, – жители станиц, оккупированных немцами. В числе этих партизан было немало бывших учеников нашего «минного вуза».

Вскоре в Краснодар начали поступать сведения о студентах нашего «вуза», о том, как эти смелые люди разнесли по степям, по лиманам и горным кручам Кубани трудное, опасное и благородное искусство минера-диверсанта.

Их самоотверженная борьба с ненавистным врагом имела определенное оперативное и тактическое значение. Наступила ранняя и дружная кубанская весна. На южной стороне гор и пригорков уже сошел снег и зазеленела молодая трава. Дороги быстро испортились. Не только по вспаханым полям, но и по нетронутой целине нельзя было проехать. В оврагах шумели быстрые ручьи. В низинах стояли озера талой воды. По ночам они покрывались тонким ледком, не выдерживавшим тяжести

человека. Разбитые фронтовые дороги были загромождены увязшими в глубоких непросыхающих колеях немецкими автомашинами и орудиями.

Единственным путем сообщения для фашистов, стремившихся удержаться в больших станицах на предполье «Голубой линии», было шоссе Краснодар – Новороссийск. Профилированные дороги в объезд шоссе были непроезжими из-за весенней распутицы. Поэтому ясно, какое значение имело для немцев это шоссе и как они берегли каждый мостик на нем, перекинутый через глубокие речушки, наполненные стремительно бегущей весенней водой. Движение по этому шоссе происходило в основном по ночам: днем советская авиация бомбила шоссе.

Нашим командованием, прекрасно понимавшим то значение, которое для немцев имело шоссе Краснодар – Новороссийск, был разработан ряд диверсионных операций на этом шоссе, ставящих своей конечной целью нарушить работу основной немецкой коммуникации и тем самым облегчить Советской Армии ее задачу по очистке предполья «Голубой линии» от немцев.

Значительная часть этих диверсионных операций была выполнена воспитанниками нашего партизанского «вуза».

Когда я вспоминаю теперь об этих отважных людях, о героях минной войны на предполье «Голубой линии», мне прежде всего приходит на память худенькая девушка со смешным и ласковым прозвищем – Чижик...

* * *

...Я познакомился с Чижиком в ноябре 1942 года.

Был холодный пасмурный день. Моросил мелкий надоедливый дождь. Серые рваные тучи закрыли вершины гор. Ветер гудел в расщелинах скал и кружил на полянах мокрые желтые листья.

Я пришел на Планческую: надо было проверить, как идут занятия в нашем партизанском «вузе».

Учебный барак был пуст: «студенты» и «профессора» работали на минодроме. Только Николай Ефимович Кириченко сидел на корточках у ножки стола, привязывая к ней пакет с толом. Рядом с Кириченко стояла незнакомая мне девушка, скорее даже девочка: худенькая, хрупкая, с длинной, почти до колен каштановой косой, с веселыми, лукавыми глазами и угловатой, еще не сформировавшейся фигурой подростка.

Кириченко медленно поднялся и пошел мне навстречу. Он шагал чуть вразвалку, громадный, угрюмый – настоящий медведь.

– Будьте знакомы, – торжественно заявил он, кивнув в сторону девушки, – Чижик...

Девушка смутилась, хотела что-то сказать, но Николай Ефимович остановил ее, многозначительно приложив палец к губам:

– Тсс! Ни слова! Ты – Чижик. Понимаешь: Чижик. Другого имени у тебя не было и нет.

Кириченко внимательно огляделся по сторонам. Удостоверившись, что в бараке, кроме нас, никого нет, наклонился ко мне и заговорил таинственным шепотом. Как всегда, он произносил слова не спеша, отдельно, внушительно. Был он весь какой-то нахохлившийся, даже угрюмый, будто чем-то недовольный, и сразу трудно было понять, шутит он или говорит серьезно. Только на этот раз глаза его светились лаской и в них вспыхивали иногда смешливые искорки.

– Это знаменитый диверсант. Гроза фашистов. При одном ее имени – Чижик – трепещут немецкие армии от Тамани до Грозного. А имя Чижик придумала, конечно, не сама она – товарищи прозвали...

Я внимательно посмотрел на «грозу фашистов». Девушка покраснела от смущения так, как умеют краснеть только дети – до корней волос, до кончиков ушей. Даже шея залилась краской. Надо было выручать «знаменитого диверсанта», который действительно чем-то походил на чижика.

– Подождите, Николай Ефимович. Давайте поговорим серьезно.

Мы сели на скамейку, разговорились.

Чижик оказался Шурой из станицы Ахтырской (я забыл Шурина фамилию). Когда немцы пришли в ее родную станицу, Шура училась в десятом классе и работала в колхозе. Вместе со своей звеньевой и школьной приятельницей Надей Колосковой она ушла в партизанский отряд. Не раз ходила в разведку, участвовала в боевых операциях. Потом командир ахтырского отряда послал ее к нам. Я точно не помню, что было ей поручено; кажется, надо было договориться с Николаем Николаевичем Слащевым, комендантом Планческой, о пошиве сапог для ахтырских партизан. Или речь шла о наших новых взрывателях для мин, производство которых только что было налажено в минной мастерской нашей «фактории». Во всяком случае, у Чижика было какое-то хозяйственное поручение от ахтырцев. Но главная цель ее визита была другая: ей хотелось повидать друзей – Надю Колоскову и Васю Ломконоса.

Их я хорошо знал. Они учились в нашем «вузе». Были на хорошем счету, особенно Надя. Дисциплинированная, вдумчивая, усидчивая, она заслужила похвалу даже такого требовательного «профессора», как Геронтий Николаевич Ветлугин. Когда однажды я пришел на минодром, где проводились практические занятия, Степан Сергеевич Еременко, руководивший студенческой практикой, с гордостью показал мне работу Нади.

Действительно, работала Надя безукоризненно: аккуратно, «по-женски» и в то же время без женской суеты и торопливости. Она по всем правилам заложила мину под рельс, подожгла короткий бикфордов шнур и так же спокойно, не суетясь, но достаточно быстро скрылась в блиндаже.

Помню, я тогда невольно залюбовался Надей. Ее нельзя было назвать красавицей, но в ней было то, что нравится мне в наших черноморских казачках: крепко сбитая, ловкая, сильная фигура, изящество неторопливых движений, волевое лицо, серые с голубизной глаза, и в них спокойное выражение большой душевной силы.

Мне рассказывали, что до поступления в наш «вуз» Надя участвовала в ответственных боевых операциях, не раз бывала на волосок от смерти, но в бою никогда не теряла присутствия духа.

Еще до войны она подружилась с Васей Ломконосом, уроженцем соседней, Абинской станицы. Он учился в десятом классе, до страсти любил возиться в агрохате и мечтал поступить в Краснодарский агрономический институт.

Вася был под стать Наде: высокий, стройный, сильный, с орлиным носом, упрямым подбородком, типичное лицо казака из предгорий. С девушками он был застенчив, и я не раз слышал, как дружески подшучивали над ним по этому поводу.

Оба они – Надя и Вася – кончили наш «вуз» с дипломом первой степени.

В тот день, когда Чижик явилась на Планческую, Вася с Надей ушли на «практику». Ветлугин отправил их взрывать в тылу у немцев небольшой мостик на шоссе. По всем расчетам, они должны были вернуться еще накануне вечером. Геронтий Николаевич

уже начал волноваться. Впрочем, особенно тревожиться было пока еще рано: мало ли что могло их задержать? Мы ждали их с минуты на минуту, и Чижик решила остаться у нас на сутки. За эти сутки веселая, непоседливая девушка растормошила всю «факторию». Своей молодостью, непосредственностью, наивностью и каким-то еще не осознанным ею самой женским лукавством Шура обворожила буквально всех.

Николай Николаевич Слащев, обычно, занятый делами сверх всякой меры, нашел каким-то образом время показать ей свое хозяйство: минную и сапожную мастерские, пекарню, мастерскую шорных изделий и кузницу. Директор маргаринового завода, а теперь наш главный сапожник, Яков Ильич Бибилов, вне всякой очереди поставил Чижике какие-то редкостные «незаметные» заплатки на ее ботинки. «Лихой наездник», а ранее директор мыловаренного завода, Степан Игнатьевич Веребей, собирался было обучить Чижика метать лассо, но Слащев пресек его намерение: лошади понадобились для срочных хозяйственных дел. Друг моего покойного Гени, Павлик Худоерко, ходил следом за Шурой, не отставая от нее ни на шаг... Но больше всего за эти сутки Чижик подружилась с Кириченко. Николай Ефимович по-прежнему дразнил ее «грозою фашистов», и она по-прежнему смущалась и краснела. Кириченко учил ее вязать пакеты с толом и объяснял устройство своей последней «фокусной» мины: как надо выдалбливать для нее отверстие в стволе дерева, как маскировать мину корой, а проволоку, выдергивающую предохранитель, прятать на веточке. И Шура, вернувшись на то место, где Кириченко закладывал свою мину, трогательно, по-детски, всплескивала руками, удивляясь и сердясь на себя за то, что не могла сразу найти ни мины, ни веточки с проволокой.

Словом, вся Планческая возилась с Чижиком. И это не было обычным гостеприимством партизан к своему боевому товарищу: никто не принимал Чижика всерьез за бойца. Здесь, в кавказских предгорьях, все сильно истосковались по своим семьям и свою нежность невольно перенесли на Чижика.

Весь день звучал ее звонкий смех на Планческой – на минодроме, в учебном бараке, в мастерских, в столовой. Слыша его, партизаны улыбались. На душе становилось светлее и радостнее. И только один раз, и то лишь на мгновение, я увидел в Чижике то, что, казалось, было так несвойственно этому веселому подростку.

Не помню, кто начал разговор о Григории Дмитриевиче Конотопченко, старожиле станицы Имеретинской, о том, как предательски заманили его немцы в ловушку, как жестоко пытали и потом повесили на площади. Шура молча сидела в углу. Ее губы были плотно сжаты. Лицо потемнело. Она стала какой-то совсем другой, будто сразу повзрослела на десять лет. И я понял: у Чижика свой серьезный счет к немцам. Но какой – я так и не узнал до сих пор...

Поздно вечером, когда мы ложились спать, Павлик Худоерко (ему постелили рядом со мной), как обычно, сообщал мне свежие новости – он всегда был в курсе самых последних событий, к тому же щедро сдобренных собственной фантазией.

– Вы знаете, Батя: Чижик очень любит Надю Колоскову, а Надя влюблена в Васю Ломконоса. Но Чижик тоже любит Васю – это я знаю наверняка. Однако Чижик так привязана к Наде, так дружит с ней, что скрывает свою любовь к Васе. Она устраивает им свидания, передает записки, одним словом, помогает им. Вася ужасная шляпа, а у Чижика доброе сердце... Скажите правду, Батя: кто вам больше нравится: Надя или Чижик? Мне – Чижик. И, по-моему, когда Вася получше узнает Чижика, он тоже полюбит ее. А потом...

Павлик еще долго бубнил мне что-то на ухо, но я так и не смог дослушать до конца этой запутанной истории: я уснул... На следующий день во время завтрака в столовую неожиданно вошли Надя и Вася Ломконос. В полном походном снаряжении, мокрые, измазанные глиной, они коротко доложили, что задание выполнено: мостик взорван. Задержались они вот почему...

Когда Вася закладывал мину, рядом с ним в кустах неожиданно, как из-под земли, появился парный немецкий патруль. Увлеченный работой, Вася не заметил немцев. Фашисты крались к Ломконосу. Надя лежала в засаде. Она не растерялась: неслышно подползла к немцам, оглушила одного ударом пистолета по голове, а второго заколола ножом. Пока немцев оттаскивали в овраг, пропустили удобное время для работы – пришлось лежать сутки в кустах, на мокрой земле, под проливным дождем.

Надя рассказывала все это коротко, спокойно, по-военному. Я взглянул на Чижика. Она смотрела на подругу. Глаза ее сияли безграничным детским обожанием.

– Надя, ты герой! – крикнула Шура и расцеловала девушку. – И ты тоже герой, Вася.

Шура метнулась к Ломконосу, поднялась на цыпочки, закинула ему руки на плечи и поцеловала Васю в губы. И тут же зарделась как маков цвет, выбежала из столовой. Вася стоял посреди барака смущенный и красный...

На рассвете мы провожали Чижика. По-прежнему лил дождь. В серых тучах прогудел немецкий самолет. Где-то далеко неторопливо била артиллерия.

Вид у Шуры был боевой: за плечами карабин, у пояса гранаты и финский нож, подаренный ей Слащевым. И все это так не вязалось с ее хрупкой детской фигуркой, с ее девичьей толстой косой, что я невольно улыбнулся. Шура заметила мою улыбку и сердито нахмурила свои густые темные брови.

Кириченко подошел к Шуре, крепко пожал ей руку:

– Ну, Чижик, будь здорова. Бей немцев. Ни пуха тебе, ни пера...

Шуру провожал Павлик: около Планческой часто бродили немецкие разведчики, и Павлик, прекрасно изучивший окрестные тропки, должен был вывести Чижика на относительно безопасную дорогу.

Когда они скрылись в мутной пелене дождя, ко мне подошел Кириченко.

– Жалко мне Чижика – уж очень молодая. Но из нее выйдет минер. Помяните мое слово. В ее глазах есть что-то такое...

Не досказав, он повернулся и неторопливо, своей медвежьей походкой отправился в минную мастерскую.

С тех пор я надолго потерял из виду Чижика. Надя с Ломконосом кончили наш «вуз» и вернулись в свои отряды. Изредка приходили вести, что работают они неплохо. О Чижике мы ничего не знали. Только однажды Павлик, вернувшись из дальней разведки, рассказал, что он мельком видел Чижика.

– Все такая же, Батя... молоденькая и... хорошая...

Снова я услышал о Чижике уже в Краснодаре, когда наши войска штурмом вышибли немцев из родной станицы девушки – Ахтырской. Мне рассказал о Чижике командир партизан-ахтырцев почтенный кубанский казак дядя Степан.

* * *

Февраль у нас на Кубани обычно бывает переломным месяцем. Так было и в тот год. В первой половине февраля бывали сильные утренники с основательным морозцем. Временами сыпал пушистый снежок, наметавший сугробы в степных балках. По утрам лужи и тихие заводи горных речек подергивались льдом, способным

выдержать подчас не только человека, но и всадника с конем. И в то же время на южных лесных склонах гор, когда кругом лежали еще белые снега, мы принимали солнечные ванны и загорали.

Двенадцатого февраля, в тот самый день, когда Советская Армия вошла в Краснодар, Кубань окончательно распрощалась с зимой. Днем сильно припекало солнце. В шинелях было жарко. В походе с бойцов лил градом пот. Но по ночам по-прежнему было холодно, и вода в реках была студеной, ледяной.

Кубанские дороги стали непроходимыми. Жирный чернозем огромными комьями налипал на сапоги пехотинцев, выматывая последние силы. Артиллеристы продвигались с невероятным трудом, на руках переносили орудия. Машины, буксуя в грязи, застревали в колдобинах.

Немцы отступали. Они надеялись задержаться на Тамани и срочно соорудили там свою пресловутую «Голубую линию». А пока вели жестокие бои на подступах к ней: под защиту ее минных полей и дотов они спешили отвести свои потрепанные части, тяжелое вооружение, обозы, раненых. Немцы берегли дороги, мосты и переправы пуще глаза своего...

Между станицами Ахтырской и Абинской, на шоссе Краснодар – Новороссийск, стоял двухарочный деревянный мостик, переброшенный через безымянный ерик с крутыми, обрывистыми берегами. Зацепившись за промежуточный рубеж – станицу Ахтырскую – и хорошо укрепив ее, фашисты придавали большое значение этому мостику; вокруг лежала непроезжая степная целина, а шоссе Краснодар – Новороссийск было единственным путем для немцев, по которому двигались на запад разбитые части, техника, обозы, а на восток, к линии боев – свежие резервы, машины с боеприпасами.

Не раз советские самолеты пикировали на этот мост. Но огонь немецких зениток был так плотен, а мост так мал и неприметен, что бомбы неизменно падали в степь, поднимая лишь столбы тяжелого, влажного чернозема. Мост оставался невредимым. Его надо было взорвать во что бы то ни стало – и вот командование приказало ахтырским партизанам вывести мост из строя.

В последних боях ахтырцы понесли тяжелые потери. Людей у дяди Степана оставалось наперечет. Единственно, кому можно было поручить это трудное и срочное дело, была Надя Колоскова.

– Даю тебе, Надя, время на размышление, – сказал ей дядя Степан. – Обдумай, как лучше подобраться к мосту, что надо взять, кого из наших поведешь с собой. Где я тебя найду, Надя?

– Здесь, дядя Степан...

Надя лежала в густых кустах, на краю лесной поляны. Отсюда отчетливо были видны шоссе и этот проклятый мост, а также десятки разбитых грузовых автомобилей, сброшенных немцами в придорожные канавы, колючая проволока, дула зениток и бесконечный поток машин... Надя уже давно думала о взрыве этого моста. В течение нескольких дней она изучала подходы к нему и знала каждый бугорок, каждую выемку, извилину проволочных заграждений, каждый пост немецких караулов.

Через час дядя Степан нашел Надю на том же месте, в кустах. Вокруг стояли подружки – девушки-разведчицы. Надя сидела на пеньке и плакала – тяжело, навзрыд, не стыдясь своих слез. Дядя Степан опешил. Он ждал чего угодно, только не слез: они так не шли к выдержанной, спокойной, бесстрашной Наде. Растерявшись, он не сразу

понял, что Надя плакала оттого, что не видела возможности выполнить приказ. У дяди Степана невольно вырвались обидные слова, которых он не должен был говорить:

– Трусишь, Колоскова?

– Нет, не трушу, – неожиданно спокойно ответила Надя. – Если бы у меня была хотя капля надежды взорвать мост и для этого надо было десять раз умереть, я бы, не задумываясь, пошла его рвать. Но этой надежды нет. Можно умереть, и мост все равно останется цел. Ты ведь сам знаешь...

Дядя Степан знал, проверив не раз, что к мосту не подобраться. И когда он давал Наде час на размышление, он просто подумал: может быть, эта смелая девушка найдет какую-то лазейку, которой не приметил он, старый кубанский казак.

– Знаю, Надя... – Дядя Степан опустился рядом с нею на землю. – Так, значит, нельзя... Никак нельзя...

Девушки молчали. И вдруг раздался высокий, дрожащий от волнения голос:

– Нет, можно...

Это сказала Чижик. Шура стояла перед дядей Степаном, вытянувшись, как тростинка. Щеки ее горели румянцем.

– Можно... – в голосе Чижика послышались упрямые нотки. – Мы с Надей вплавь подберемся к мосту – и взорвем.

– Вплавь?

У дяди Степана мелькнула надежда. Улыбаясь, он посмотрел на Чижика. Но тотчас же помрачнел.

– Нет, Шура, не выйдет: вода ледяная, сведет судорогой, сразу пойдете ко дну. Потом – коряги, камни... А вода несет. Нет, не выйдет.

– Выйдет, дядя Степан! – горячо крикнула Шура. – Мы натремся спиртом. А потом... у нас кровь молодая... горячая...

– погоди. Надо подумать.

Дядя Степан посмотрел на Колоскову. В ее глазах еще стояли слезы, но она улыбалась.

– Она права, дядя Степан: только по воде можно подобраться к мосту. Я знаю: вода холодная, легко замерзнуть. Но ведь, может, и доплывем, дядя Степан...

– Обдумать надо, девчата. Как следует обдумать... Понимаю: спирт, молодая кровь... И все же – не доплыть вам, никак не доплыть...

– Доплывем. Честное слово, доплывем! – горячо убеждала Шура.

– Ну, скажем, доплывете. Чудом доплывете. Вас никто не увидел – второе чудо. Взобрались кверху, заминировали – опять-таки чудо. Ну, а дальше что? Я спрашиваю: что после всех этих чудес? Рвать ведь надо сразу, не медля, пока вы еще на мосту. Значит – смерть.

– Ну, вот еще! – быстро сказала Шура. – Зачем умирать... Главное: мост взорвем. Понимаешь, дядя Степан, – мост.

– Другого выхода нет, – спокойно и твердо добавила Надя. – Один путь – по воде... Пльвем, Чижик!

– Нет, погодите...

– Дядя Степан, разреши! Ну, разреши, пожалуйста! – и Чижик ластилась к старому казаку, как малый ребенок. – Разреши! Мы с Надей с моста прямо нырком в воду – под водой нас никакой взрыв не тронет. Ну, скажи «да», дядя Степан. Скажи...

* * *

...Ночь выдалась на редкость темной. Только на горизонте полыхали дрожащие вспышки артиллерийских залпов, на переднем крае вспыхивали и гасли разноцветные ракеты, да немецкие прожекторы у моста шарили в облаках.

На шоссе шумели машины, тархтели телеги. Слышалась брань немецких офицеров. То тут, то там вспыхивали огоньки карманных фонариков: немцы наспех чинили шоссе, разбитое последним налетом советских штурмовиков.

В верховьях ерика, километра за два до моста, к берегу подошли Надя, Чижик и дядя Степан. За ними двое партизан несли тол и короткий обрубок дерева; к одному из сучков его была привязана веревка.

Девушки быстро разделись под дождем, – он шел с вечера, мелкий, холодный, – натерли тело спиртом.

Осторожно, стараясь не шуметь, спустили обрубок на воду. Дядя Степан подошел к девушкам. Он знал: они идут на верную смерть. Ему хотелось сказать им что-то очень хорошее – от всего сердца. Но сейчас он не находил нужных слов. И дядя Степан только обнял девушек и поцеловал.

Первой вошла в воду Надя, за ней Чижик. Холодная вода, как кипятки, обожгла ноги. Шура невольно вскрикнула.

– Девчата, назад! – крикнул было им дядя Степан, но девушки, схватившись за обрубок, уже оттолкнулись от берега.

Старый казак стоял на берегу, вглядываясь в ночную тьму. Шумела вода, шелестел дождь в кустах. По лицу дяди Степана текли слезы.

Мутная холодная вода быстро несла девушек, кружила в водоворотах, ударяла о камни, об острые края коряг, царапала, срывала кожу, но Чижик не чувствовала боли. В первый момент все тело обожгло, как огнем, потом пальцы рук начали деревенеть, становились чужими, непослушными, и судороги сводили ноги.

– Только бы доплыть... только бы доплыть, – шептала Шура.

Девушки плыли в кромешной тьме. Лишь изредка скользили по воде какие-то отсветы. Все ближе, все явственнее слышался шум на мосту.

Неожиданно в небо взметнулся луч прожектора. Описав крутую дугу, он уперся в землю, задрожал и медленно начал приближаться к реке.

– Чижик, ныряй.

Крепко обхватив руками деревянный обрубок, Шура опустила голову под воду. Ей казалось, луч прожектора уставился на них, он жжет, мешает дышать...

Когда Шура вынырнула, вокруг была все та же непроглядная тьма. Прожекторный луч упирался в небо. Потом, вздрогнув, исчез. Шуре почему-то показалось, что вокруг стали светлее.

– Чижик, мост. Держись!

Перед девушками выросла из воды толстая темная свая. Надя ловко захлестнула за нее веревку. Обрубок остановился. Девушки замерли.

Над их головами скрипели доски мостового настила, глухо урчали моторы машин, цокали лошадиные копыта и простуженный, охрипший голос кричал по-немецки:

– Скорей, скорей!

Надя отвязала прикрепленные к поясу пакеты с толом, завернутые в пергамент.

– Лезь, Чижик.

Шура осторожно поднялась из воды, ухватилась за сваю, полезла на плечи к Наде, – и не смогла влезть: сильно болела правая нога. Шура тронула рукой колено. Острая боль пронзила ногу, пальцы нащупали что-то теплое и липкое.

«Кровь... Ударилась о корягу», – подумала Шура.

– Скорей, Чижик, скорей! – шептала Надя.

Превозмогая боль, Шура, наконец, забралась на плечи подруги. Надя передала ей пакет с толом. Шура подняла его на вытянутых руках, начала было привязывать к свае, но застывшие пальцы не слушались – и пакет чуть было не упал в воду.

На мосту по-прежнему гудели машины и все тот же охрипший голос кричал:

– Скорей, скорей!..

– Надя, я сейчас! – Шура засунула пальцы правой руки в рот, чтобы отогреть их. Пальцы отошли. Привязать второй пакет было так же трудно, как и первый: мучительно болело колено, мелкой дрожью дрожало от холода тело, и не было сил сдержать эту дрожь.

Наконец, первая свая была заминирована. Шура не помнила, как привязала она толовые пакеты у второй сваи. Кружилась голова, путались мысли. Обессиленная, она сползла вниз.

Надя связала концы бикфордова шнура, достала из резинового мешочка зажигалку и, закрывая грудью и руками огонь, зажгла оба конца шнура.

Вспыхнули яркие искорки и быстро побежали по шнурам к пакетам.

– Чижик, готово!

Неожиданно раздались крики немецкой охраны. Должно быть, немцы заметили искры, бегущие по бикфордову шнуру. Раздался выстрел, другой, за ними – автоматная очередь.

Схватив подругу за плечи, Надя нырнула в воду и вдруг почувствовала, как Шура вздрогнула.

«Ранили Чижика», – мелькнуло в голове у Нади. Еще крепче обняв подругу, она вынырнула с ней на поверхность и, сильно загребая рукой, поплыла вниз по реке. Холодная быстрая вода била Надю о камни и коряги. Сильный удар – и Надя потеряла сознание.

В тот самый момент, когда Надя нырнула в воду, раздался взрыв. В ночное небо взметнулся огненный столб, обломки моста, машин, повозок. Мгновенно ожили прожекторные установки: голубоватые лучи шарили в тучах, ища самолет, взорвавший мост. Забили немецкие зенитки. И почти одновременно вздрогнула земля от гула орудий: советские батареи открыли ураганный огонь. Где-то далеко пронеслось «ура»: Советская Армия шла на штурм Ахтырской. Но ничего этого девушки не слышали...

* * *

Километрах в двух ниже моста к ерику подходила проселочная дорога. Когда-то в этом месте был маленький мостик. В свое время ахтырские партизаны разобрали настил, а немцы не удосужились исправить мост, – и теперь из воды торчали сваи. На этих-то сваях в ту ночь и расположились девушки, подруги Чижика и Нади. Они притащили сюда легкие щиты, сплетенные из лозы, и ждали: сюда по уговору должны были плыть минеры после взрыва моста, и здесь их предстояло вытаскивать на берег.

Девушки слышали взрыв, видели огненный столб, взметнувшийся вверх, лучи прожекторов, шаривших в небе, следы трассирующих пуль и считали минуты. Вдали гроыхала канонада. По темной, слабо отсвечивающей воде плыли исковерканные взрывом доски моста, пустые ящики, охапки соломы, трупы гитлеровцев.

Наконец показался знакомый обрубок с веревкой, привязанной к суку. Но ни Чижика, ни Нади на обрубке не было. Канонада приближалась. Бой шел уже на улицах Ахтырской. Немцы отступали. Прижатые к ерику, они метались, ища переправы.

Девушки по-прежнему лежали на сваях, внимательно вглядываясь в воду. У них пропала всякая надежда: было ясно – подруги погибли.

И вдруг одна из девушек – та, что лежала на средней свае, – заметила какой-то предмет на поверхности воды. Он то всплывал, то снова погружался в воду. Вначале она приняла его за бревно. Течение быстрое, думать долго было нельзя – и она бросилась в воду. Сделав несколько взмахов, догнала предмет, протянула руку и отдернула ее назад – рука коснулась холодного трупа. Но это длилось несколько мгновений. Девушка обхватила труп и потащила его назад, на плетень, опущенный в воду.

– Надя! – крикнула она, барахтаясь в воде. – Надя! Помогите!..

Надю с трудом вынесли на берег. Она не подавала признаков жизни: глаза закрыты, дыхания не было.

Сорвав с Нади белье, девушки начали растирать ее тело, делали искусственное дыхание, но все было напрасно. Надя недвижно лежала на берегу. Несколько раз девушки прикладывали ухо к груди, но Надино сердце не билось или билось так тихо, что нельзя было уловить его биение. Но девушки-разведчицы продолжали энергично растирать тело Нади.

Одна из девушек, караулившая на свае, все еще висела над водой. Внимательно вглядываясь в реку, она заметила, – будто кисть руки мелькнула над водой.

Не задумываясь, она кинулась в воду и схватила длинные Шурины косы...

Чижика положили рядом с Надей. Она была тоже без признаков жизни.

Девушки боялись, не смели думать, что все кончено, что Надя и веселый милый Чижик погибли. Подруги продолжали бороться за их жизнь. Обливаясь слезами, они перевязали раны, настойчиво растирали тело, стараясь вытеснить воду из желудков, и непрерывно делали искусственное дыхание. Ночь кончилась. Побелел восток. Дождь прекратился. Густые клубы дыма поднимались над Ахтырской. Бой не затихал. Только теперь он перенесся в сторону, за станицу: очевидно, немцы уже были выбиты из Ахтырской.

Надо было что-то предпринять: через час будет совсем светло, а вокруг бродят немцы. Девушки стояли над подругами и не знали, что делать.

И вдруг Надя чуть заметно шевельнула рукой.

Девушки бросились к ней. Они снова растирали ее тело, снова делали искусственное дыхание. Надя медленно, будто это стоило ей громадного труда, чуть раскрыла веки и снова сомкнула их.

– Жива... Надя жива! – вскрикнули две девушки и, смеясь и плача, начали целовать ее.

Неожиданно за кустами раздался шум колес быстро проезжавшей телеги. Одна из девушек поползла к дороге. Минут через десять она вернулась обратно.

– Удача, девчата! Мой дядя едет на хутор. Хутор маленький, неприметный, стоит в стороне. Немцев там нет. Отвезем туда Надю и Чижика. Моя тетка Варвара целебные травы собирает, лекарства какие-то варит.

Девушки положили Надю и Чижика в телегу, укрыли их теплым тулупом и повезли. На хуторе их встретила старая казачка: строгое лицо, глубокие морщины, седые волосы, покрытые белым платком, и большие темные глаза.

Девушкам вначале не понравилась тетка Варвара: уж очень спокойно отнеслась она к их горю, не поплакала с ними над Чижиком и Надей. Она резко оборвала девушек, когда они начали было рассказывать подробности, и коротко приказала им положить Надю на лавку, а Шуру на кровать. Так много было властности в ее голосе, в ее жестах, что девушки невольно присмирели и безропотно выполнили ее распоряжение. Когда же они увидели, как тетка Варвара положила бутылки с кипятком к ногам Нади, как, с силой разжав зубы, начала поить ее горячим чаем с вином, как внимательно слушала Шурино сердце, девушки успокоились и снова, перебивая друг друга, начали было рассказывать о том, как Надя с Шурой взорвали мост.

Не слушая их, старуха подошла к шкафчику и достала оттуда маленький коричневый пузырек.

– Уходите, девчата.

– Тетя Варвара, – нерешительно спросила одна из девушек. – Тетя Варвара... Будут они жить?

– Уходите, девчата, – повторила старуха.

Девушки послушно вышли, плотно прикрыв за собой дверь. Они знали, сейчас решается вопрос – жить или не жить Чижик.

Время тянулось медленно. Девушки ловили каждый шорох в соседней комнате. Им хотелось хотя бы чуточку приоткрыть дверь и заглянуть в щелку.

Дверь неожиданно открылась. На пороге стояла старуха. Ее глаза были влажные от слез. И нельзя было понять – от радости или от горя плакала тетка Варвара.

Девушки бросились к двери. Старуха решительно загородила им дорогу.

– Нет, потом, девчата. Пусть Надя отдохнет... А Чижик... ей уже ничем не поможешь...

И она снова плотно закрыла за собой дверь.

В сумерки к маленькому хуторку на рысях подъехал наш разъезд. Один из бойцов спешился, без стука вошел в хату и удивленно остановился в дверях: в голубоватой дымке весенних сумерек он увидел двух девушек, лежавших в хате.

– Девчата! – громко крикнул он. – Вы что так рано спать легли? Подъем!..

Разбуженная громким окликом, Надя открыла глаза, приподнялась, внимательно и удивленно оглядела незнакомую ей комнату, увидела бойца и как-то успокоенно снова закрыла глаза и бессильно упала на подушку...

* * *

...Эту историю рассказал мне дядя Степан уже в Краснодаре.

– Надя поправилась, – говорил он. – Перед моим уходом наказала мне повидать вашего минера Кириченко и сказать: если бы он не научил Чижика так ловко вязать пакеты с толом, никогда бы им не взорвать мост. А потом просила сказать, что хочет повидаться с инженером Ветлугиным и посоветоваться, куда ей поступить после войны. Думает – в Горный институт: там минное дело преподают...

Глава II

После взятия нашими войсками Ахтырской немцы решили во что бы то ни стало удержаться в станице Абинской, которая находилась на той же магистрали Краснодар – Новороссийск. За станицу шли упорные бои. Не раз ее восточная окраина переходила из рук в руки. Грохот боя под Абинской доносился до Краснодара...

Абинские партизаны, что называется, «висели» над коммуникациями немцев. Они организовывали диверсии на шоссе, подрывали машины с боеприпасами, снимали немецкие посты, заставы, караулы и даже попытались однажды взорвать мост, что был

перекинут через быструю и глубокую речушку, протекавшую у западной окраины станицы.

Этот мост немцы охраняли особенно тщательно: он был единственной связью их абинской группировки с тылом. По обеим сторонам моста немцы построили земляные укрепления, вооруженные тяжелыми пулеметами, чуть в стороне стояли зенитные батареи, а еще дальше высились сооружения из земли и бревен, прикрывавшие мост не только пулеметным, но и орудийным огнем.

Но и этого, казалось, немцам было мало. Опасаясь, что абинским партизанам все же удастся прорваться к мосту и взорвать его, они решили уничтожить абинцев. Против партизан были брошены крупные войсковые соединения немцев. Они тщательно прочесывали окрестные леса, ложбины, балки, овраги, устраивали повальные обыски в хуторах, опутали район сетью шпионажа. В жестоких неравных боях абинцы понесли тяжелые потери. Мы в Краснодаре знали, что от абинских партизан осталась маленькая горсточка. Они разбились на мелкие группы и укрывались в отдаленных от дорог полевых станах колхозных бригад. Положение их было тяжелым: они голодали, болели. Особенно донимали партизан нарывы от частых простуд.

И все-таки абинцы не сдавались. К нам в Краснодар приходили сведения об их смелых налетах. И мы знали: среди абинцев по-прежнему орудует наш старый знакомый, воспитанник партизанского «вуза», друг Нади и Чижика – Вася Ломконос.

Напряжение боев за станицу Абинскую нарастало. Со дня на день можно было ожидать решительного штурма, и наше командование приказало абинцам взорвать мост: взрыв должен был послужить сигналом к общему наступлению. Руководство диверсионной операцией было возложено на Васю Ломконоса...

* * *

В пасмурный, дождливый вечер к одному из дальних полевых станов, в котором расположились абинцы, подъехал Вася со своим помощником Митей, таким же, как и он, десятиклассником. Он хотел обсудить с товарищами, как лучше выполнить приказ командования.

Абинцы знали каждую ложбинку на подступах к родной станице. Казалось, завяжи им глаза, и они безошибочно проберутся в Абинку из этого отдаленного стана. Но они хорошо знали и другое: сейчас, даже ночью, едва ли можно подобраться к станице. Подойти же к мосту казалось совсем невозможным. И все же они искали выхода. Предлагали десятки самых неожиданных, невероятных и дерзких вариантов диверсий и тут же отвергали: каждый из них был безнадежным. Наконец остановились на одном: Ломконос вместе с двумя помощниками ночью проберутся в станицу. А там видно будет... Оставалось наметить, где им обосноваться в Абинке.

– Кто из вас, ребята, живет близко к мосту? – спросил Вася.

– Я близко живу, – ответил Костя, самый молодой из абинских партизан. – У нас с маманькой дедовская хатка у самого края стоит, над яром.

Эта хатка как нельзя лучше устраивала Васю: маленькая, неприметная – ее едва ли выберут немцы для постоя, она притулилась почти у самого моста.

Началась подготовка к походу. Вася тщательно запаковал пакеты со взрывчаткой и распределил их между Митей и Костей. Потом все трое точно условились о маршруте, о том, что должен делать каждый из них, если они наткнутся на немецкий патруль, если попадут в лапы к фашистам или, потеряв товарищей, в одиночку проберутся в станицу.

Когда об основном было договорено, Вася обучил Митю и Костю условным сигналам, которым научили его в нашем партизанском «вузе».

Я хорошо знаю нашу кубанскую степь, знаю проклятые заросли колючего терна, куда никакими силами не загонишь даже кавказскую овчарку, привыкшую ко всяким невзгодам, и я смело скажу: то, что эти трое молодых абинцев незаметно пробрались в свою родную станицу, уже было, подвигом.

Представьте себе ровную степь. В ночном небе над степью одна за другой вспыхивают осветительные ракеты. В их мертвенно-ярком сиянии отчетливо виден каждый бугорок. Кажется, в этот момент даже степная мышь не останется незамеченной. То и дело проходят немецкие патрули.

По степи островками разбросаны заросли терна. Надо в короткие мгновения темноты между вспышками ракет неслышно проползти от одного тернового островка к другому и тотчас же как можно глубже залезть в эти жалящие заросли. Острые колючки рвут одежду, впиваются в тело, причиняя какую-то особую зудящую боль. И так десятки раз, с тяжелым грузом взрывчатки за плечами, под самым носом у немцев, не зная, когда вспыхнет очередная слепящая глаза ракета.

И все-таки они пробрались на край станицы. Перед ними возвышалась отвесная круча, поросшая прошлогодним бурьяном.

Путь в станицу лежал через эту кручу. Но как взобраться на нее? И что ждет их там, наверху?

– Подождите, – чуть слышно шепнул Костя и быстро отполз в сторону.

Минуты три было тихо. Потом Вася услышал шорох с той стороны, куда отполз Костя.

– Нашел! – послышался свистящий Костин шепот. – Ползите ко мне.

Когда они подползли, Костя что-то сунул Васе в руку. Первое впечатление – веревка. Но откуда, как могла появиться здесь веревка? Может быть, ловушка?..

– Да нет, это не веревка, – шептал Костя. – Это корень. Вон там, наверху, – видите? – дерево растет, на краю нашего огорода. От него и корни. Видишь?

Вася поднял голову. Наверху было темно. Только в высоком небе ярко сияли звезды да на мгновение промелькнул и снова исчез луч далекого прожектора.

– Вы сидите здесь, – снова зашептал Костя, – а я мигом слазаю наверх: может, в огороде немцы притаились. Ждите. Как условились – сигнал номер первый, – подчеркнуто спокойно прибавил он.

Ухватившись за корень, Костя полез наверх. Посыпались мелкие комья глины. Еще, еще... И вдруг над обрывом ослепительно вспыхнула ракета.

Вася с Митей прижались к земле и невольно подняли головы. Теперь отчетливо был виден старый развесистый вяз на краю обрыва. Как змеи, спускались вниз по круче его оголенные корни. Но Кости не было видно: то ли он успел взобраться наверх, то ли притаился, уцепившись за эти корни, среди бурьяна...

Медленно тянулись минуты. Вася напряженно вслушивался в каждый шорох. Ночь была полна звуков – били орудия, трещали пулеметы, где-то недалеко раздался приглушенный, боязливый оклик немецкого часового. Но наверху, у старого вяза, было тихо...

Вдруг над обрывом печально прокричала ночная птица. Это был сигнал. И Вася ответил. Опять посыпались комья глины, зашуршали лопухи, из темноты вынырнул Костя.

– На огороде никого. Лезем наверх. Да ты не бойся, Вася, корень крепкий – быка выдержит...

Они вскарабкались наверх и прилегли у подножья вяза, в зарослях лозняка.

– Вы посидите здесь, а я к маманьке сбегаяю, – прошептал Костя и бесшумно исчез в темноте.

Вскоре невдалеке раздался легкий стук в дверь, мелькнул чуть заметный луч света, послышался негромкий женский вскрик – и снова все стихло.

Неожиданно, чуть в стороне, протопали равномерные четкие шаги. Совсем рядом с Васей, выделяясь на фоне далекого зарева, вырос парный немецкий патруль. В темноте блеснули широкие штыки. Вася задержал дыхание. Патруль прошел мимо...

Снова шорох, все ближе, ближе. Вася сжал гранату. Но вот опять раздался крик птицы...

– В нашей хате стоят румыны-обозники, – тихо рассказывал Костя. – Еще до рассвета они должны уехать из Абинки и увезти на быках раненых. Здесь, на огороде, маманька не велит лежать: немцы ходят по-над яром и ракеты пускают. Но это ничего... Мы спрячемся в саманных кирпичках, у сарая. Там нас никто не разыщет...

На краю огорода стоял большой штабель саманных кирпичей. Вася со своим помощником забрались внутрь, Костя забросал верх штабеля соломой.

– Ну, я пошел в разведку, – шепнул Костя. – А вы не робейте: маманька обещала принести вам поесть.

Но не успел Костя отойти от кирпичей, как, шипя и оставляя за собой дрожащий огненный след, в воздух дугой взвилась ракета и повисла над огородом. Костя мгновенно прижался к кирпичам, Вася приник к щели в штабеле и тут, впервые за эту ночь, увидел мост...

Высокий, с полукруглой железной аркой наверху, он висел над черной рекой. По мосту двумя встречными потоками шли машины. В станице они расходились по главной улице и боковым переулкам У съезда с моста, группами и в одиночку, стояли немцы. Некоторые из них были в пилотках. Среди немцев резко выделялись румыны в своих высоких бараньих шапках.

У Васи защемило сердце: нет, не подобраться им к этому проклятому мосту... А машины шли одна за другой непрерывной вереницей. В кузовах их лежали ящики с боеприпасами...

Ракета догорела. В наступившей темноте раздался легкий шорох: это Костя ушел в разведку...

* * *

Вася и Митя довольно долго сидели в штабеле кирпичей, внимательно прислушиваясь к шумам. На огороде было тихо, да и в Костиной хатке, казалось, все вымерло. Мать Кости или не могла, или не решалась подойти к ним. Вася уже начал беспокоиться, как вдруг невдалеке опять послышался шорох. Вася посмотрел в щели между кирпичами: по огороду, вдоль грядок, кралось несколько человек. Неужели немцы?..

Послышался шепот:

– Пришли.

– Как пришли? Кого ты привел? – тревожно спросил Вася.

– Ничего, Вася, ничего. Все в порядке, – торопливо объяснял Костя. – Я нашел в станице приятелей, подпольщиков-комсомольцев. Хорошие ребята, Вася. Честное слово, хорошие. Они наши листовки разбрасывают, выкрадывают документы у

немцев. Недавно утопили втихомолку квартального старосту: уж очень лютовал он у нас...

Вася оглядел пришедших: их было семеро, семеро парнишек под стать Косте.

– Ты, Вася, не сердись, – шепотом оправдывался Костя. – Я им сказал, зачем мы пришли сюда. Не бойся: они умрут – не выдадут. Потеснитесь маленько – как бы нас не увидели фашисты. И давай поговорим: у ребят свой план есть, как мост рвать...

Парнишки быстро забрались внутрь штабеля и тотчас же, волнуясь и перебивая друг друга, стали рассказывать о своем плане.

Долго совещались заговорщики, и только далеко за полночь ребяташки бесшумно расползлись в разные стороны. Их план был принят. Мост решили рвать следующей ночью.

Костя принес ужин, и они втроем улеглись спать. Но Васе не спалось: он обдумывал мельчайшие детали плана, стараясь учесть все возможности, предвосхитить самые неожиданные обстоятельства.

Неожиданно у штабеля раздался шорох – и появился один из парнишек.

– Костя, Костя! – взволнованно шептал он. – По мосту сейчас столько немцев идет в станицу – просто ужас. И боеприпасы и орудия. Все туда – на передовую. Что делать? Может, начнем сейчас? Мои ребята готовы.

Вася осторожно выглянул в дыру между кирпичами. Стояла непроглядная ночная тьма. С дороги у моста доносился нестройный шум, прерываемый криками и бранью офицеров.

– Может быть, действительно, попробовать сейчас...

– А телега где? – спросил Вася.

– Да здесь же, во дворе у Кости, у румын возьмем. Мы уж на всякий случай и пару быков подогнали... Все, все готово, Вася.

– Ну раз так, пошли...

Ночь была на исходе. От реки по земле стлался предутренний туман. Как привидения, из густой мглы показались рога и головы быков. У плетня Вася разглядел телегу. Один из парнишек уже укладывал в нее будылья сорняков на подстилку. Рядом лежал бесформенный сверток. Это ребяташки притащили румынские шинели и папахи.

– А ну-ка, товарищи минеры, присядьте, – прошептал самый маленький казачок, вихрастый парнишка лет пятнадцати. – Перевязывать вас буду...

Как заправский санитар, он ловко обмотал широкими бинтами лица минеров, оставив им только щелки для глаз и носы. Рядом стоял его помощник. В руках у него была старая консервная банка. Обмакивая в нее самодельную кисть из мочалы, он мазал повязки чем-то красным.

– Чем мажешь? – приглушенным голосом (ему мешала говорить повязка) спросил Вася.

– Краской...

Маскарад, наконец, был закончен. Одев минеров в румынские шинели, ребята уложили их в телегу, сунув под будылья пакеты с толом.

– Отдыхайте... Мы сейчас, – и ребята исчезли.

Они вернулись минут через десять, притащив... двух румын.

– Мертвяки. Настоящие мертвяки. С утра в сарае у Кости лежали.

Ребята уложили трупы на телегу, рядом с минерами.

– Может, еще одного подбросить? – спросил тот, что мазал повязки. – Их там сколько хочешь...

– Нет, довольно, – с трудом ответил Вася.

– Теперь моя очередь! – Костя облачился в румынскую шинель, обвязал скулы белым платком, нахлобучил на голову румынскую папаху с черным верхом.

– Ну, как? – спросил он.

Тот, который бинтовал минеров, придирчиво оглядел Костю и остался доволен: горбоносое Костино лицо горного казака делало его похожим на мадьяра.

– Нос только маленько тонковат, – с сожалением проговорил хлопчик.

– Ничего, в суматохе сойдет. А теперь, ребята, по местам! – скомандовал Костя.

– Про сову не забудьте! – торопливо сказал им вслед Костя, влез на передок телеги и тронул хворостиной быков.

По крутому съезду телега медленно двигалась к мосту и вскоре влилась в поток машин и подвод. Через маленькую щелку в повязке Вася видел грузовики с боеприпасами, группы немецких солдат, высокие румынские папахи, орудия и снова машины с боеприпасами. На мгновение мелькнули нашивки ээсовцев на рукавах. И опять – машины, машины без конца...

Мост был уже близко. Перед въездом на мост из серой мглы вынырнул патруль. Вася закрыл глаза, перестал дышать. Сердце стучало так громко, что казалось, все вокруг слышат его биение... Но немцы не обратили на него внимания.

Очевидно, горбоносое Костино лицо действительно сошло за мадьярское, а трупы румын, лежавшие сверху на телеге, не вызывали подозрений. И Вася услышал немецкую команду:

– Вперед! Проезжай скорей!

Костя стегнул быков хворостиной – и телега въехала на мост.

Сейчас должно все решиться. Васе казалось – телега стоит на месте. Скорей бы...

Телега медленно двигалась в потоке машин. Костя тоже нервничал. Еще бы! Это была его первая крупная диверсия – и какая!.. Будь на то его воля, он заставил бы своих быков бежать рысью. Но впереди медленно ехал тяжелый семитонный грузовик, и обогнать его Костя не мог.

Наконец телега достигла середины моста. Костя повернул быков к самым перилам и остановил их. Сзади кто-то сердито крикнул, выругался. Но Костя не слышал окрика. Он перегнулся через парапет, рупором приложил ладони ко рту, – и над темной гладью реки пронесся тоскливый крик горной совы.

Почти тотчас же в ответ на совиный крик у въезда на мост со стороны станции воздух разорвал взрыв гранаты. Еще один взрыв. Потом – крики, короткие автоматные очереди...

Костя вскакивает на телегу, широко размахивает руками и швыряет тяжелую гранату в скопление машин у въезда на мост со степной стороны.

Поток машин на мосту останавливается. Трещат автоматы и пулеметы. В молочном мареве предутреннего тумана мечутся прожекторные лучи. Зенитные батареи открывают беглый огонь.

Костя сбрасывает шинель – широкая, длинная, она мешает двигаться – и помогает минерам выбраться из телеги.

Вася с Митей бросаются к ферме моста и быстро – так, как учил Васю Кириченко на Планческой, – привязывают к ферме пакеты с толом. На ребят пока никто не обращает

внимания. На мосту – суматоха, из конца в конец, перекрывая шум беспорядочной стрельбы, несется перепуганный крик:

– Партизаны... Партизаны...

Правая ферма моста заминирована. Вася ныряет под кузов соседнего грузовика и привязывает пакеты со взрывчаткой с левой стороны моста...

По мосту по-прежнему мечутся фашисты, неистово бьют зенитные батареи и в молочном туманном мареве тусклым светом вспыхивают ракеты.

Оба заряда соединены детонирующим шнуром.

– В воду! В воду! – кричит Вася.

Он видит: от моста отделяется маленькая фигурка Кости и летит вниз; за ним, не успев, должно быть, схватить Костю на мосту, вытянув руки вперед, падает немецкий солдат. Надо думать, он заметил Костю и решил схватить его хотя бы даже в воде...

Вынув зажигалку, Вася быстро высекает огонь. Золотые искорки молнией бегут по шнуру. Но вспышку зажигалки замечают немецкие солдаты с ближайшей машины. Они бросаются к Васе. Дело решают секунды. Немцы могут потушить шнур, и тогда – все впустую...

Неожиданно под ноги бегущим фашистам падает Митя. Споткнувшись о него, передние падают на дощатый настил моста, загораясь проход между машинами. Один из немцев с размаху опускает на Митину голову тяжелый приклад винтовки...

Больше медлить нельзя. Вася бросается в воду. В голове проносится мысль: «Парень погиб. Но взрыв будет. Будет...»

Взрыва Вася не слышал. Он упал в воду, ударился обо что-то головой и потерял сознание...

* * *

...Километрах в трех от моста река круто поворачивает вправо, замедляя течение. На вершине обрывистого левого берега растут невысокие карагачи. К самой воде спускаются кусты лозняка.

С вечера сюда пробрались партизаны. Они точно не знали, когда, в какую ночь будет взорван мост. Но они решили терпеливо дежурить здесь, в кустах у карагачей.

Ночь близилась к концу. Над рекой поднялся туман. Скоро наступит рассвет. Надо уходить отсюда, чтобы прийти опять к карагачам в следующую ночь.

Первые глухие взрывы гранат и автоматные очереди заставили партизан насторожиться. И вдруг там, где должен быть мост, в туманное, белесое небо взметнулся огненный столб. Сверкающим веером разорвал он туман. В нем мелькнули куски балок, части машин, людские фигурки...

В центре моста поднялось огромное пламя. На мгновение на его фоне показалась большая автомашина – она как бы висела в воздухе. Машина вспыхнула огнями сотен маленьких взрывов: это рвались снаряды в поднятом на воздух грузовике...

Потом все исчезло. Только полыхали вспышки артиллерийских выстрелов у моста да лучи прожекторов металась в небе...

Партизаны всматривались в реку. Внезапно они услышали плеск: кто-то плыл саженками. Все ближе, ближе... Один из партизан окликнул пловца. На отмель, пошатываясь от усталости, вышел Костя. Чуть ниже, минут через пять, партизаны выловили изуродованный, с разбитой головой Митин труп.

Не было только Васи.

По реке плыли доски, обломки машин, трупы. Несколько раз абинцы бросались в воду: им казалось – плывет Вася. Но всякий раз натыкались на мертвых фашистов.

Наконец проплыла последняя доска настила, последний немецкий труп.

Начинало светать.

Партизаны спустились на берег и молча сняли шапки. И, будто салютуя погибшему Васе Ломконосу, вдали загремели орудия: наши войска пошли на штурм Абинки.

* * *

Станица Абинская была занята. Через реку переправлялись наши подразделения. С высокого правого берега пушки прямой наводкой били по уходившим в степь гитлеровцам.

Догорали подожженные снарядами дома. А в уцелевших хатах санбат уже размещал раненых.

Абинские партизаны вернулись в родную станицу. В боях за Абинку пропали без вести два абинских комсомольца, и теперь ребята искали пропавших среди раненых.

Хату за хатой обходили абинцы. В одном домике на окраине у двери их остановил часовой и решительно преградил дорогу:

– Нельзя.

Костя все же успел заглянуть внутрь хаты. Он увидел кровать и у кровати, на скамейке, знакомый, как ему показалось, пиджак.

Костя бросился к комиссару санбата.

– Товарищ комиссар, разрешите спросить: кто у вас под караулом?

– Пока еще мне это неизвестно. Санитары подобрали его километрах в двух ниже моста у берега в воде. Очевидно, он был сильно оглушен, контужен взрывом. К тому же у него рваная рана на ноге. Одет в гражданское платье. Никаких документов нет. Ну, мы до выяснения и держим его под караулом.

– Позвольте взглянуть на него, товарищ комиссар!

– Пойдем, может быть, ты и узнаешь его.

Костя с комиссаром вошли в комнату, и Костя увидел: на кровати лежал Вася Ломконос. Глаза его были закрыты, он был бледен как бумага.

– Вася!

Костя бросился к кровати, но комиссар резко удержал его за руку.

– погоди, хлопец, погоди. Пока еще рано обниматься. Выйдем-ка на крыльцо.

Костя, волнуясь, рассказал комиссару обо всем: о задании командования, о штабеле кирпичей, о подводе с трупами и о взрыве моста.

Через четверть часа комиссар говорил командиру абинских партизан:

– Рад за вас, товарищи! Очень рад. Ваш герой пусть полежит у нас, он еще очень слаб. Но только уговоримся: два дня его нельзя тревожить. Советую поставить около него свой «караул», чтобы кто-нибудь из ваших же не обнял его слишком крепко.

Первым на карауле у Васиной постели встал Костя, считая это своим долгом.

* * *

Я приехал в Абинскую примерно на четвертый день после взятия ее нашими войсками и тотчас же навестил Васю. Он был еще очень плох, хотя непосредственная опасность для жизни миновала.

За ним ухаживал молодой врач. Он всего лишь несколько недель назад впервые прибыл на фронт, для него все было ново, он обо всем расспрашивал, хотел «осмыслить происходящее».

Ему рассказали о Васе Ломконосе, о том, как с тяжелой общей контузией и раной на ноге он проплыл около двух километров в холодной воде. И молодой врач вскипел:

– Вы говорите неправду! Этого не могло быть. Человек в таком положении не может проплыть и ста метров...

Начальником госпиталя был старый профессор-хирург. Звали его Иваном Павловичем. Он интересовался каждым из раненых, подолгу разговаривал с ними, расспрашивал и особенно хорошо умел слушать. Раненые горячо его любили. У кровати Васи Ломконоса старый врач просидел добрый час.

Помню, когда я во второй раз пришел проведать Васю, молодой врач подвел к нам Ивана Павловича.

– Объясните, профессор, – обратился к нему молодой врач, – как он мог проплыть два километра. Ни в одном учебнике ничего подобного не найдешь.

– В учебниках, голубчик, многого не найдешь, – спокойно ответил старый врач. – Уж хотя бы по одному тому, что все учебники, по которым мы с вами учились, написаны до войны. И теперь нам многое придется исправлять в них. Мы напишем, например, новую главу, которая год назад считалась бы мною самим, по меньшей мере, необоснованной, главу о том, как растет сопротивляемость человеческого организма, когда сердце переполнено ненавистью к врагу и уверенностью в победе. И кстати, коллега, перед вами лежит человек, который много месяцев воевал в тылу у врага. На его глазах горели станицы, плакали женщины, умирали товарищи. Он видел так много горя, что его не объять человеческим разумом. И он видел такие зверства врагов, от которых поистине волосы на голове поднимаются дыбом... А посмотрите на его глаза: сколько в них ясной юношеской чистоты.

Вот о чем следует подумать: почему и как человек через весь этот ужас сумел пронести незапятнанной молодую ясность своей души? Если угодно, я скажу вам почему. Юношей Вася жил в своей Абинке хорошо и радостно, и ему казалось, что иначе и быть не может. Будущее рисовалось таким же ярким и солнечным. И это тоже казалось ему естественным. И вдруг – война. Враг жег города, вырубал сады, топтал книги, уводил девушек в публичные дома, вешал на шеи матерям рабские бирки. Вот тогда-то он в полной мере оценил счастливую, мирную жизнь. Он пошел драться. И дрался. Да еще как! Даже в самые тяжелые минуты он твердо знал: мы победим. После победы жизнь снова будет такой же счастливой, какой была до войны. Нет – еще счастливей. Право на эту жизнь он завоюет своей кровью... Вот эта-то вера в светлое будущее и сохранила ясную чистоту его глаз и его сердца. Можно сжечь город, вырубить сад, вытоптать пшеницу, отравить в душегубках тысячи детей, но нашу молодость убить нельзя! Наша молодость бессмертна...

* * *

Следующий раз я увидел Васю уже осенью.

Поздним вечером я шел по улице Абинки. В станицу только что пригнали стадо, и во дворах слышались то ласковые, то укоряющие голоса казачек, доивших коров. Улица была пустынна. В воздухе стоял запах осенних цветов и спелых яблок.

На скамейке в одном из палисадников я увидел Васю. Рядом, тесно прижавшись к нему, сидела девушка. Это была Надя. Они о чем-то тихо говорили.

Я сделал вид, что не заметил их. И они меня не окликнули. Но я не в обиде на них: им так хорошо было вдвоем.

Глава III

Я хорошо помню, как приехали к нам на Планческую, в наш «минный вуз», партизаны из станицы Крымской.

С ними приехал начальник штаба крымчан художник Александр Ерофеевич Глуховцев. Выше среднего роста, широкий в плечах, с простым открытым лицом кубанского казака, пожалуй, чуть флегматичный в обыденной жизни, но решительный и до дерзости смелый в минуты смертельной опасности, Глуховцев был великолепным охотником и метким стрелком. Не думали мы с ним тогда, пожимая друг другу руки, что он через два года будет иллюстрировать мои «Записки партизана».

Глуховцев привез с собой товарищей по отряду – избача Володю и председателя колхоза Казуба.

Володя, темноволосый, невысокий, худенький, казался застенчивым и скромным школьником-подростком. Трудно было предположить, глядя на него, что он окончил десятилетку и, лишь случайно не попав в институт, работал избачом в своей станице. У него была невеста – крымчанка Катя, дочь Казуба. Они полюбили друг друга еще в школе, когда учились в одном классе, и вместе пошли в партизанский отряд.

В нашем «вузе» Володя вел себя очень скромно. Он садился обычно позади всех, был молчалив, редко задавал вопросы во время занятий. Но наши преподаватели в один голос утверждали, что он в совершенстве постиг опасное искусство минера. И все же мы вынуждены были выдать ему диплом второй степени: на последней практике ему не повезло – отказал капсюль взрывателя, изготовленный им самим в нашей минной мастерской. Это была случайная и пустяковая ошибка в расчете, но это все же была ошибка, и наша строгая экзаменационная комиссия снизила итоговую оценку, чем, кстати сказать, ввергла в немалое уныние бедного Володю.

Казубу было лет сорок. Широкоплечий, жилистый, он, казалось, был вылит из стали. Я никогда не видел его усталым. Вернется, бывало, группа с диверсии, все валяется спать, а наш Казуб, подкрепившись как следует, уже поет и танцует. И скажи ему, что надо тотчас же выйти на новую операцию, он и слова не скажет: неторопливо, аккуратно соберет свою поклажу и тяжелой, чуть вразвалку, походкой снова отправится в горы. Насколько у нас, на Планческой, Казуб был «душой общества», настолько в боевых операциях он был жесток, строг и немногословен.

Пожалуй, трудно было найти более требовательного командира, чем Казуб. И все же наши «студенты» охотно ходили с Казубом на самые рискованные диверсии. Они знали: Казуб спустит с них несколько потов, но не подведет, не растеряется, не ошибется, особенно когда нужна изобретательность и выдумка в установке мин.

– Казуб – наш второй Кириченко! – как-то сказал мне Ветлугин.

В нашем отряде это была высшая похвала минеру.

Казуб увлекся минным делом буквально с первого дня своего пребывания в нашем «вузе».

Когда в начале занятий Геронтий Николаевич Ветлугин читал свой теоретический курс, Казуб приставал к нему с вопросами. В этих вопросах было не только желание понять рассказанное, но и попытка внести что-то свое, собственное. И Ветлугин, талантливый инженер, главный механик краснодарского комбината и наш «теоретик минного дела», не раз поражался серьезности своего ученика.

Способности Казуба раскрылись полностью, когда начались практические занятия под руководством Кириченко. Казуб так и ходил за Николаем Ефимовичем. И они полюбили друг друга той внешне сдержанной любовью, которая характерна для людей, занятых одним и тем же опасным, трудным и любимым делом.

Они часто ходили вместе на операции и так сработались, что понимали друг друга с полуслова. Работали они прекрасно, и не только потому, что в совершенстве знали технику минирования, но и потому, что постигли психологию минной войны.

Бывало, проберутся друзья на немецкое минное поле, с помощью какой-то интуиции, без всякого миноискателя разыщут мины, по-своему расставят их, залягут в кусты и ждут. А когда немцы, проходя по безопасным, казалось бы, тропам, взлетят на воздух, друзья поднимутся, молча, удовлетворенно улыбнутся и неторопливо отправятся домой.

Или заминируют дорогу, подорвут фашистскую машину. Немецкие саперы с миноискателями облазят каждый метр опасного участка – и ничего не найдут. Но следующая вражеская машина, идущая по той же дороге, обязательно взлетит на воздух.

А с какой изобретательностью, с какой редкой выдумкой, с каким безошибочным расчетом расставляли они «минные сюрпризы» на глухих лесных тропинках, используя для этого и стволы деревьев, и старый безобидный полусгнивший пенек!

Словом, торжественно выдавая Казубу диплом первой степени, мы очень неохотно отпускали его: мы с радостью оставили бы его в своем отряде. Но не отпустить его было невозможно. Глуховцев уже несколько раз настойчиво требовал к себе и Володю, и Казуба.

Сам Александр Ерофеевич не проходил курса в нашем «вузе». Он только привез на Планческую своих будущих минеров, пробыл у нас день-два и уехал обратно. Но за эти короткие часы, проведенные в нашей фактории, после обстоятельных бесед с Ветлугиным и Кириченко, он понял все значение минной войны в предгорьях и, естественно, с нетерпением ждал наших учеников.

В марте немцы были выбиты из Абинской, но крепко держались за Крымскую – самую крупную станицу на Кубани и узел железных дорог: Краснодар – Новороссийск, Крымская – Тимашевка, Крымская – Тамань. Станица стояла на ближайшем предполье немецкой «Голубой линии». На краю Крымской широко раскинулся крупнейший в Советском Союзе комбинат консервной промышленности имени Микояна, и естественно, что немецкое командование приказало гарнизону Крымской оборонять станицу до последнего солдата. Как обычно бывало в таких случаях, фашисты, укрепив станицу, свой первый удар обрушили на партизан, чтобы обезопасить себя с тыла.

В горячих схватках крымчане понесли тяжелые потери. Жили они в полуразрушенных лесных сторожках у лесников, на стоянках лесных артелей, а то и просто в землянках. С питанием было плохо. Доходило до того, что подмешивали в муку мягкую древесину. Появилось много больных. А как раз теперь и надо было драться в полную силу. Вот тогда-то Казуб и начал жестокую минную войну.

Основное шоссе Крымская – Новороссийск, проложенное параллельно железной дороге, фактически было закрыто для немцев: оно часто навещалось нашей бомбардировочной авиацией и простреливалось нашей дальнобойной артиллерией. Немцы волей-неволей перешли на промежуточные дороги, в сторону Варениковской и станицы Киевской, двигаясь по ним преимущественно ночью. Длинные вереницы машин, тяжело груженных ящиками, утопая в грязи, медленно тащились в ночной мгле. Проходили конные обозы с впряженными в телеги четверками лошадей. Погонщики, сидя на ящиках со снарядами, что есть силы хлестали измученных лошадей. В промежутках между транспортом брели по колено в грязи усталые

пехотные части, подбрасываемые из резервов на переднюю линию. Группы немецких солдат, пытаясь обогнать застрявшие обозы по целине, вязли в густом черноземе, превратившемся в липкую, вязкую грязь, выбивались из сил и возвращались обратно на дорогу. К утру движение затихало – немцы боялись советской авиации, и только изредка трусливо проскакивала одинокая легковая машина, отчаянно буксуя в лужах жидкой грязи.

* * *

Вот сюда-то, на эти дороги, и вышел Казуб со своими минерами. На двенадцатом километре шоссе Крымская – Тамань лежит глубокая балка, заросшая густым лесом. В сумерки по низу балки, к дороге, скрытно пробрались темные фигуры. Одни залегли у дорожной канавы и замерли. Другие выползли на дорогу и быстро начали копать ямки в колеях, укладывая в них маленькие ящички. Со стороны казалось: опытные садоводы любовно высаживают драгоценную рассаду – так бережно работали минеры, стараясь не разбросать вынутого грунта. От минера к минеру ходил Казуб, придирчиво проверяя работу.

Когда последняя мина ушла в землю, вдали послышался шум приближающейся большой транспортной колонны.

Казуб, еще раз обойдя место работы, дал сигнал отхода. Минеры отошли в глубину балки. Отсюда Казуб ему одному известными тропами повел свою группу в ночную тьму. Но не успели они пройти и полтора километра, как сзади прогремел взрыв: это взлетела на воздух первая машина с охраной колонны. Еще несколько минут – и снова взрыв. Он длился долго, будто близкое эхо многократно повторяло глухие удары: рвались снаряды в машине.

– Ну, теперь они здесь основательно застряли! – спокойно сказал Казуб. – Но мы сюда еще вернемся. А сейчас – ходу, товарищи: у нас еще много работы.

Долго шли партизаны, поднимаясь на холмы и опять спускаясь в низины. Лес перешел в кустарник. Впереди лежала ровная степь с редкими зарослями терна. Чуть левее возник неясный шум; он усиливался с каждой минутой.

– Правильно вышли, – удовлетворенно сказал Казуб. – Дорога на Киевскую. Здесь мостик должен быть рядом, с него и начнем.

Действительно, через высохшее русло лесного болотца был переброшен мостик длиной в полтора-два метра. Обычно немецкие машины проходили через него, не сбавляя хода и часто даже не замечая его. Никакой охраны у мостика не было. Этим и решил воспользоваться Казуб: ему нужно было хотя бы на четверть часа задержать движение машин по шоссе, чтобы подготовить основной удар.

В те считанные минуты, когда шоссе оставалось пустым, к мостику подползли два минера. Они быстро заминировали верхний настил, не трогая свай, и отползли в кусты, таща за собой конец тонкого шпата.

Чуть в стороне, в кустах у дороги, остался Казуб. Он ждал. Вдали послышался шум. Шум становился все громче, все отчетливее. Вот сейчас, через несколько десятков секунд, головная машина должна въехать на мост...

Казуб поднимается – и над дорогой проносится лай степного лиса.

Минеры, лежа в кустах, натягивают шнур. Сначала он тянется с трудом, и кажется – нет ему конца. Потом шнур сразу становится свободным, будто кто-то перерезал его. И почти тотчас же раздается взрыв, на мгновение ярко озаряя грязно-серую ленту шоссе.

Казуб хмурится. Он не рассчитал: взорван только мост, головная же машина успела проскочить его. Следующий за ней тяжелый грузовик ухитрился затормозить перед самым мостом.

Казуб внимательно слушает. В немецкой колонне шум, крики, брань. Треснит несколько длинных автоматных очередей – на всякий случай фашисты бьют по кустам. Но не это интересует Казуба. В треске автоматных очередей он слышит шум мотора и удовлетворенно улыбается: головная машина, удачно проскочившая мост, уходит вперед.

Теперь все в порядке: немцы будут чинить мост, сгрудившись вокруг машин, – они боятся партизанского налета – и без присмотра оставят участок шоссе перед мостом. Снова над дорогой несется лай степного лиса. На дорогу выползают минеры. В особом хитром порядке, разработанном в свое время Кириченко и сейчас несколько видоизмененном Казубом, минеры закладывают мины. Все предусмотрено до мельчайших деталей, каждая секунда на учете – и через четверть часа минеры отползают в кусты. А еще минут через десять немцы, легко починив взорванный мостик, снова двигаются вперед.

Первая машина благополучно проходит через мост. Она пробегает еще полтора метра – и с оглушительным треском разламывается. В придорожные кусты летят обломки кузова, ящики. В кустах рвутся артиллерийские снаряды.

Грузовик, идущий вслед за первой машиной, пытаясь объехать место взрыва, взлетает на воздух. Почти одновременно третья машина, пятась назад, в огне и грохоте падает в канаву.

Движение останавливается. Появляются немецкие саперы. Они с миноискателями проходят километра три, ничего не обнаруживают и разрешают колонне продолжать движение. Но первая же машина, двинувшаяся по только что обследованному участку, рвется на mine...

Немецкие машины до утра стоят неподвижно на дороге.

На рассвете фашисты пригнали сюда жителей окрестных станиц и заставили их тщательно перекопать дорогу и потом восстановить ее.

Мин не нашли: их действительно больше не было.

На следующую ночь повторилось буквально то же, причем Казуб ни на йоту не изменил плана своей операции.

Он рассчитывал на немецкую «свинячью психологию», как говорил он, и расчет его оправдался: так же, как и в первый раз, был взорван мостик, заминирован опустевший участок дороги за мостом и так же рвались и горели машины.

Немецкое командование пришло в ярость. Было приказано расстрелять всю охрану дороги и покончить с партизанами, тщательно прочесав придорожные кусты и балки.

Агентурная разведка тотчас же донесла об этом крымчанам. Казуб принял свои меры: мобилизовав себе на помощь хлопцев и девчат, он ночью заминировал все подступы к оврагу со стороны вырубленного немцами леса и кустарника.

На рассвете, растянувшись длинными цепями километра на три и выслав вперед собак-ищеек, немцы вышли на поиски партизан.

Вначале все обстояло благополучно: в кустах не оказалось ни мин, ни партизан, и собаки только вспугивали птиц перед немецкой цепью.

Фашисты подошли к первой большой и глубокой балке, поросшей лесом. Никому не хотелось спускаться в этот мрачный, овраг. Немецкий офицер решил показать пример. Но лишь только, держась руками за ветки кустов, он начал сползать вниз по

крутому откосу, прогремел глухой взрыв, и изуродованное тело офицера рухнуло на землю.

Решив, что это партизаны бросили гранату, немцы залегли и открыли беглый огонь по оврагу. Но овраг молчал.

Подгоняемые младшим командиром, немецкие солдаты, внимательно смотря себе под ноги, начали спускаться в балку. Передовые уже достигли дна оврага, как вдруг сзади раздался взрыв. Немцы в испуге бросились назад. Они толкали друг друга, они царапали себе руки о колючки, рвали зеленые мундиры – и одна за другой грохнули еще три мины.

Было ясно: балка заминирована. Явились саперы. Они прошли с миноискателями две балки и действительно обнаружили в них несколько мин. Но в третьей балке мин не оказалось, и немцы решили: путь свободен.

Цепь благополучно спустилась в четвертую балку, тщательно прочесала кусты на дне оврага и начала подниматься вверх. Подъем был крут, сплошной стеной стоял колючий кустарник, солдаты устали.

Примерно на середине подъема немцы обнаружили сравнительно ровную площадку и решили отдохнуть. Здесь столпилось около трех десятков немецких солдат. Забрался сюда и командир цепи. И вдруг, неожиданно, одна за другой с интервалами в несколько секунд, взорвались три тяжелые мины. Уцелевшие фашисты бросились в кусты. Загремели новые взрывы...

Неся убитых и раненых, неудачные каратели глубокой ночью вернулись в станицу.

На второй день фашисты решили поступить иначе: они выдвинули вперед крупное соединение саперов. За ними шли автоматчики. Но и это не помогало: саперы искали мины на земле, а они рвались на деревьях. И опять, понеся новые потери, немцы отступили.

Тогда немецкое командование, отказавшись от прочесывания кустов и балок, решило усилить охрану самой дороги. Срочно были заминированы подступы к шоссе и выстроены дзоты, вооруженные тяжелыми пулеметами. Через каждые сто метров стояли посты, и патрули периодически проверяли их. А перед началом усиленного ночного движения транспорта дорогу прощупывали миноискатели саперов.

И опять-таки немцев ждала неудача: фашистские машины взлетали на воздух там, где немцы этого никак не ждали, – на самых, казалось бы, безопасных участках дороги. И в довершение всего ночью у того самого злополучного мостика, где впервые начал работать Казуб, взорвались две тяжелые машины, груженные снарядами.

* * *

– Как вы ухитрились поспевать всюду? – спросил я Казуба, когда мы встретились с ним в Краснодаре. – Ведь с вами была маленькая горсточка минеров. И потом, как вы подобрались последний раз к этому мостику? Туда степная мышь не подползет.

– Как? – Казуб хитро улыбнулся. – Да меня всем этим хитростям Кириченко на Планческой научил. Ну и я сам кое-что придумал. А потом, самое главное, надо знать психологию врага. А раз знаешь, когда немец чихнет, когда по нужде в кусты отправится, куда кинется, когда рядом мина рванет, как он машины ведет в колонне, тогда все это просто. Честное слово, просто! Вы лучше послушайте, что Володя с Глуховцевым в Крымской натворили. Вот это действительно здорово!..

И Казуб рассказал мне о заброшенном колодце во фруктовом саду, о гибели Нестеренко и о том, как он, Казуб, породнился с Володей...

Глава IV

Станица Крымская похожа на небольшой город. В ней есть пивоваренный, молочный, маслобойный заводы, большая мельница, огромный комбинат. Дома в ней каменные, подчас двухэтажные, улицы мощеные.

Володя жил на западной окраине станицы. Здесь стояли белые кубанские хатки, веснами буйно цвели фруктовые сады. Крутой, почти отвесный обрыв спускался в неоглядную степь. По обрыву вилась в станицу дорога, но крымчане предпочитали не пользоваться этой дорогой: даже хорошие кони не вытягивали наверх груженого воза. Здесь, на западной окраине, было тихо и привольно. Чуть в стороне от дороги обрыв был изрезан глубокими пещерами – на десятки метров уходили они вглубь. Кто знает, откуда взялись они, эти пещеры.

Быть может, когда-то здесь хранили клады. А может быть, в пещерах скрывались разбойники. Володя знал эти пещеры с детства. Было весело и жутко пробираться с товарищами по темным и влажным подземельям и фантазировать о несметных кладах, о страшных разбойниках. Кончилось детство – и Володя перестал интересоваться пещерами. Но теперь он не только вспомнил, – он думал о них целыми днями. Не в пещерах ли разгадка тайны, которую никак не могут раскрыть крымчане?

Володя рассуждал так: основное шоссе Крымская – Новороссийск плохо обслуживает немцев – его часто навещает наша бомбардировочная авиация и обстреливает дальнобойная советская артиллерия. Дороги из Крымской через Варениковскую и через Киевскую находятся под неусыпным надзором партизан Казуба. Каким же образом из Крымской на передовую по-прежнему гонят снаряды?

Ясно: в станице расположен крупный склад, организованный еще задолго до казубовских операций. Но где он? В свое время крымчане обшарили, казалось, всю станицу, но ни одного большого склада не нашли. Разведчики не заглядывали только в пещеры. Так не в этих ли подземельях хранят немцы снаряды?

Темной ночью Володя подполз к обрыву. Сутки пролежал он в кустах терна, зорко наблюдая за входом в пещеры. Обрыв был безлюден. Но колонны машин, нагруженных снарядами, по-прежнему шли на передовую, выезжая с западной окраины станицы.

И Володя был твердо убежден: склад расположен именно здесь, на западной окраине.

Проще всего было бы самому пробраться в станицу и обследовать как следует эту подозрительную окраину, тем более что Володя прекрасно знал здесь каждую дыру в плетне, каждый переулок. Но об этом даже думать было нечего: немцы угнали почти все население станицы в Германию и в Крым, и появление чужого, неизвестного человека на станичных улицах было бы ими тотчас замечено.

И все же темной ночью Володя пробрался в станицу. Он рассчитывал на помощь своей матери.

С полчаса пролежал он около своей хаты, стараясь разгадать, – нет ли чужих постояльцев у матери. Во дворе не было ни коня, ни телеги, а в хате было темно и тихо. Володя постучал в окно.

Ему открыла мать. Несколько мгновений она удивленно и испуганно смотрела на сына, потом, вскрикнув, обняла его. – Володя... родимый мой, – шептала она сквозь слезы. И вдруг отпрянула от сына, встревоженно огляделась по сторонам: они стояли на крыльце, каждую минуту их мог увидеть немецкий патруль.

Схватив сына за руку, она увела его в хату. Задвинула дверной засов, занавесила каждую щелочку в окнах, зажгла коптилку и, собирая ужин, не отрываясь смотрела на сына.

Она уж не чаяла увидеть его живым. Два старших сына были в Советской Армии, а немцы говорили, что она разбита. Младший, Володя, ушел партизанить, а немцы хвастались, что все партизаны перебиты. И вдруг Володя, ее Володя, сидит здесь, в хате, все такой же ласковый, веселый. От волнения у нее валялись из рук ухваты, и при каждом стуке она боязливо оглядывалась на дверь.

Володя с аппетитом уплетал пшеничную кашу и рассказывал матери о том, зачем он пришел в станицу: немецкий склад снарядов должен быть непременно где-то здесь, рядом.

– Мама, ты не видела его?

Нет, она не видела никакого склада. В последнее время она вообще старалась не выходить из дому без особой нужды: уж очень противно смотреть на немецкие рожи. А потом нога разболелась, да и дела много: немцы приходят, белье приносят и велят его чисто постирать, а мыла не дают ни кусочка. А как отмоешь без мыла их грязные, вшивые рубахи?

– Значит, ничего не заметила, мама? Надо еще раз посмотреть...

Володя упросил мать завтра же чуть свет выйти в разведку, не спеша обойти все окрестные переулки и смотреть в оба глаза, а потом вернуться домой и рассказать, что увидела она нового, нет ли чего подозрительного.

– Главное, мама, смотри: не стоят ли где-нибудь машины, не тащат ли немцы деревянные ящики.

– Что ты, родной мой? – замахала было руками старушка.

Но разве можно было отказать Володе? И на рассвете мать, взяв в руки посошок, пошла на разведку.

Она шла и дрожала от страха. Ей казалось, что каждый немец, повстречавшийся ей, знает, что она разведчица, что дома она спрятала сына в подполе. Вот-вот немцы вломятся в хату и убьют Володю. Ей хотелось бегом вернуться домой, еще раз обнять сына и не отходить от него ни на шаг. Но Володя строго-настрого наказал ей внимательно смотреть и все примечать. И она шла по тихим переулкам и молила бога, чтобы не было здесь этого проклятого склада, который ищет Володя. Бог с ним, с этим складом! Только бы остался жив ее меньшой, любимый сын...

Старуха внимательно смотрела по сторонам, но ничего примечательного не видела. Все было, как всегда: те же плетни, те же белые хатки, те же фруктовые сады. Только сиротливо, пустынно было вокруг, ни души на улице, на завалинках, во дворах. Одни немцы. Старушка старалась не смотреть на них и быстро проходила мимо, опустив голову. Кто знает, что могут подумать эти изверги?..

Старуха уже завернула за угол, собираясь идти обратно, как вдруг увидела подводы, нагруженные ящиками. Ворота ближайшего двора были открыты. В глубине фруктового сада стоял большой сарай, а около него еще подводы с ящиками. Чуть поодаль, из маленького деревянного сарайчика, доносился шум работающего мотора.

Старушка удивилась. Она хорошо знала этот двор: не раз приходила она сюда, к тете Маше, веселой, смешливой казачке, лежавшей сейчас больной. В большом сарае хозяин хранил сено, а в маленьком сарайчике – дрова. И старушка решила заглянуть во двор, повидать больную тетю Машу и осторожно выведать у нее, что за мастерскую

наладили немцы в сарае. Но у ворот стоял немецкий часовой. Он так свирепо рявкнул на старушку, что она обомлела от страха и быстро, не оглядываясь, зашагала прочь.

Домой она решила вернуться окольным путем – над яром: там тихо, спокойно, пустынно. Там ей не повстречаются эти проклятые немцы. Но как только она завернула в глухой переулочек, ее снова встретила неожиданность. Здесь, над самым яром, стоял маленький заброшенный домик – он пустовал еще задолго до войны. И вот теперь, в глубине двора, поросшего бурьяном, слышался тот же шум работающей машины, а рядом, у сарая, высились штабеля ящиков.

Старушка заспешила домой. Володя забросал ее вопросами. Но мать, обрадованная тем, что видит своего Володю живым и невредимым, рассказала сыну только половину дела: о моторах в сарае у тети Маши и в заброшенном домике над обрывом. О ящиках и подводах старушка забыла.

Володя сначала слушал с интересом. Потом помрачнел: мать ничего толкового не развела, а немецкие мастерские – какие бы они ни были – его не интересовали.

– И ни одного ящика, мама, не видела? Ни одной машины? – разочарованно спросил он.

– Ой, видела, сынок, видела! – и старушка рассказала Володе о подводах и о ящиках.

Володя не дослушал мать. Он схватил ее в охапку и закружил по комнате.

– Ты герой, мама! Первая в мире разведчица! – кричал Володя, забыв, что вокруг немцы.

Он усадил мать на лавку, быстро отбежал к двери и, торжественно отбивая шаг, подошел к матери. Вытянулся перед ней и, пожимая ей руку, сказал басом, подражая своему командиру:

– Разрешите от имени партизан станицы Крымской передать вам благодарность за блестяще проведенную разведку!

Потом снова обнял мать и, ласково глядя ее седые волосы, радостно говорил:

– Ты пойми, мама: ведь это же и есть те самые склады, которые мы ищем! Немцы их в землю упрятали. Только не в старые пещеры, как я думал, а вырыли новые подземелья для них. Но это ничего... К тому складу, что в заброшенном домике над яром, мы проберемся через старые пещеры. А вот как быть со складом у тети Маши во дворе, не знаю. Подумать надо... Ну, да там видно будет. Теперь мы знаем, где их склады.

А старушка сидела, смотрела на сына и не знала – радоваться ей или плакать. Может быть, было бы лучше, если бы она вовсе не нашла этих страшных складов...

* * *

Ночью Володя исчез. А на другую ночь Глуховцев, Володя и двое партизан, крадучись, подбирались к станице.

Они уже прошли относительно безопасный участок степи и укрылись в терне. Впереди, между терном и станицей, лежали минные немецкие поля. Единственный безопасный проход, известный Володе, был закрыт: около него почему-то стояли немецкие патрули. И партизаны, забравшись в колючие заросли, не знали, как им быть.

Неожиданно совсем близко послышались шаги. Вспыхнул карманный фонарик. Один из фашистов держал в руках карту: очевидно, они тоже искали проход через минное поле.

Фонарик потух. Патруль прошел в нескольких шагах от партизан и свернул вправо. Минут через пять в степи снова вспыхнул огонек: немцы шли по другому, неизвестному партизанам проходу.

– А ну-ка ребятки, за немцами, на огонек! – шепотом приказал Глуховцев.

Партизаны поползли следом за патрулем. Они двигались бесшумно, чутко прислушиваясь к шагам немцев и зорко наблюдая за короткими вспышками карманного фонарика.

Неожиданно патруль свернул влево. Партизаны проползли несколько шагов – и перед ними темной отвесной кручей вырос обрыв.

– Привели как раз туда, куда требовалось, – шепнул Володя. – Дальше уж я как-нибудь сам разберусь: пещеры рядом.

– Ты не хвастай, Владимир, – сказал Глуховцев. – Залезай сам поскорее в свою нору и спрячь нас туда: задерживаться здесь у обрыва тоже не дело.

– Сейчас, товарищ начальник! Одну минутку.

Володя отполз в сторону и зашуршал в кустах.

Минут через пять раздался крик цикады: Володя звал товарищей к себе. Первым пополз Глуховцев. И вдруг в той стороне, где был Володя, послышался шум падения, приглушенный вскрик, возня в кустах. Партизаны замерли: неужели засада?

Над степью, шипя и описывая крутую светящуюся дугу, взвилась ракета.

Глуховцев еще плотнее прикип к земле. На мгновение Александр Ерофеич увидел впереди испуганное, измазанное глиной лицо Володи, но оно тотчас же исчезло. И снова стало тихо под яром. Только где-то в стороне били автоматы...

Партизаны недвижно лежали в кустах, чутко ловя каждый шорох. Что с Володей?

Раздался знакомый крик цикады – и через минуту Володя, лежа рядом с Глуховцевым, виновато оправдывался:

– Я осёл, Александр Ерофеич, настоящий осёл: забыл, что тут глубокая яма, и провалился в нее. И так это было для меня неожиданно, что, кажется, даже вскрикнул. Ну, ничего – худа без добра не бывает. Я проведу вас в эту яму: она глубокая, вокруг кусты, и вас в ней никто не найдет. Прямо над ямой вход в пещеру, – она ведет, по моему, как раз под тот заброшенный домик на яру, где мама видела склад. Но это надо проверить. Я полезу и проверю. А потом вернусь за вами. Только вы не волнуйтесь, если я долго задержусь: к пещере лезть высоко, да и она длинная. Если все благополучно, буду сверху жуком жужжать.

Яма действительно оказалась большой. На ее дне лежала сухая трава, а над головой нависли ветви кустов.

Взяв у Глуховцева финский нож, Володя осторожно пополз вверх, к краю обрыва.

Володя волновался: если сейчас вспыхнет ракета, ему несдобровать – разве спрячешься на этой отвесной круче? А спешить нельзя: из-под ног сыплется земля, да и сорваться легко в этой кромешной тьме.

Держась за ветви кустов, втыкая финские ножи в расщелины сухого грунта, Володя медленно поднимался. По его расчетам, вход в пещеру должен был быть где-то здесь, рядом. Но входа не было.

Володя стал держаться немного правее. Вверху, на краю обрыва, раздался шаг: подошел немецкий часовой. Володя прижался к земле. От неосторожного движения под ногами оторвалась глыба земли и с шумом покатила вниз.

Володя замер, повиснув на руках. Шаги наверху мгновенно смолкли. Часовой услышал шум, остановился и слушал. Володя боялся дышать. Он висел на руках: ноги

у него были на весу – он не смел ими шевельнуть. Руки затекали. А часовой стоял и слушал.

Володя осторожно поднял правую ногу, нащупал ею выступ и так же осторожно оперся на него.

Выступ выдержал. Теперь Володя мог так стоять хоть час и не шевелиться.

Сверху посыпались комочки земли. Неужели немец решил спуститься вниз? Володя крепче сжал в руке финский нож.

Земля перестала сыпаться. Несколько мгновений было тихо. Потом раздались шаги. Они становились все глуше и смолкли. Часовой ушел.

Володя снова начал искать вход в пещеру и наконец нашел его там, где в первый раз повернул направо: вход густо зарос кустами.

В подземелье на Володю пахнуло сыростью.

Вспомнилось детство, игра в разбойники и то чувство жути, которое он испытывал, когда забирался в эти пещеры. По спине побежали мурашки...

Минут через сорок Глуховцев услышал шорох наверху. Посыпались камушки. Отчетливо прожужжал жук. И вот Володя, присев рядом с Александром Ерофеичем, радостно шептал:

– Нашел! Все в порядке. Как раз то, что надо. Полезем.

Подниматься было трудно: скользили ноги, колючки больно царапали руки, ветки кустов мешали смотреть. Но теперь Володя безошибочно привел друзей в пещеру.

Она оказалась низкой, извилистой и тесной. Глуховцев не раз больно стучался головой о какие-то выступы на потолке, спотыкался, падал. Только Нестеренко, старый шахтер, чувствовал себя здесь как дома: он шел уверенно, будто видел в этой кромешной тьме.

Володя остановился.

– Здесь конец, – чуть слышно прошептал он. – Слушайте.

Партизаны остановились. Откуда-то доносились неясные звуки, глухие голоса, стук чего-то тяжелого, скрип металлической цепи.

– Володя прав, – прошептал Нестеренко. – Надо думать, немцы нашли пещеру, вход в которую идет сверху. Там и устроили склад. Ящики подают туда подъемником – вот почему и мотор работает. Но заряда закладывать здесь нельзя – слишком далеко до склада. Придется штольню рыть.

– Вы ройте, товарищи, а я поищу вторую пещеру, – прошептал Володя. – Может быть, она приведет нас напрямик ко второму складу, к саду тети Маши...

На том и порешили. Володя снова исчез в темноте, а остальные начали рыть штольню. Работой руководил Нестеренко. Работа двигалась медленно, партизаны старались не шуметь: немцы были совсем рядом. Судя по доносившемуся шуму, у немцев под землей шла горячая работа.

– Стоп! – остановил, наконец, товарищей Нестеренко. – Дальше рыть опасно: услышат. Да и незачем. Подождем Володю – пусть уж он сам заложит заряд.

Но Володя не возвращался. Глуховцев не на шутку волновался: он забыл спросить, куда отправился Володя, и теперь не знал, где искать его.

Володя вернулся, когда уже забрезжил рассвет.

– Плохо, Александр Ерофеич, – докладывал он. – Под вторым складом никакой пещеры нет, все в сторону сворачивают. Как же быть, Александр Ерофеич?..

– Подумать надо, Володя. А сейчас вместе с Нестеренко устанавливай скорее свою «адскую машину» – и спать. Утро вечера мудренее.

Через полчаса все было готово. Рассвело. Глуховцев встал на карауле у входа в пещеру, минеры легли спать, а один из партизан остался в штольне слушать, что делается у немцев.

Нестеренко не мог уснуть.

– Володя, – тормошил он своего сонного товарища. – Ты мне толком расскажи про этот сад.

– Сад как сад, – недовольно бормотал Володя. – Яблоки растут... Вишня...

– Да ты мне не про вишню, а про сарай.

– Сарай большой, в нем сено хранилось. В стороне маленький сарайчик с дровами. Ну, потом колодец рядом. Только он сухой... Глубокий... А воды ни капли: вода пропала куда-то.

– Колодец, говоришь? Без воды? – встрепенулся Нестеренко.

Больше он ничего не смог добиться. Володя спал как убитый.

Когда Глуховцев подошел к минерам, чтобы разбудить одного из них на смену, Нестеренко не спал.

– Ты послушай, что я тебе скажу, Александр Ерофеич, – взволнованно сказал шахтер. – Рвать только один склад – мало. Надо рвать оба. И сразу... Нет, погоди, ты слушай. Володя говорит: в том саду есть глубокий сухой колодец. Вот я и думаю: не забраться ли нам с Володей в этот колодец да осмотреть, что к чему. Если подходяще – рвануть... Я понимаю: риску много. Но ведь попытка не пытка. Ты как полагаешь, Александр Ерофеич?

* * *

Когда стемнело, партизаны вылезли из пещеры и спустились в ту яму, в которой укрывались прошлой ночью. Один из них ушел в степь: надо было доложить командиру крымчан о принятом решении. Глуховцев остался в яме. Володя повел Нестеренко к себе домой.

Добрались они благополучно, но Володя не решился вести Нестеренко в хату. Он спрятал шахтера в собачью конуру во дворе: немцы убили любимого Володиного Мурзика – громадную кавказскую овчарку.

Мать не спала.

– Вот что, мама, – сразу же деловым тоном сказал Володя. – Дай мне длинную крепкую веревку, шпагат, маленькую лопатку и ломик.

Через несколько минут все это лежало на столе перед Володей. Веревка и шпагат оказались на совесть: в свободное время мать вязала неводы, и материал у нее был первосортный.

– Ну, мама, не плачь, не волнуйся. Все будет в порядке, – прощаясь, говорил Володя. – Если громыхнет – знай: это наших рук дело. На днях забегу... когда немцев вышибем.

Мать молча смотрела на сына. В глазах ее стояли слезы. Она знала – сын идет на смерть. Но не останавливала его. Она молча обняла Володю, перекрестила.

У собачьей будки минеры распределили между собой груз – лопату, ломик, шпагат, канат, тол – и поползли к саду.

Володе был известен тайный лаз в сад: недаром он раньше не раз навещал хозяйство тети Маши, охотясь за ее вкусными яблоками.

Только они проползли через дыру в плетне, как над окраиной станицы вспыхнула осветительная ракета. Минеры припали к земле, и при свете ракеты Нестеренко отчетливо увидел оба сарая и полуразвалившийся сруб колодца.

– Далековато, – прошептал Нестеренко.

Ракета погасла. Снова на землю спустилась непроглядная тьма. Слышно было: отчетливо стучала машина в маленьком сарайчике.

Двигатель работал, ровно постукивая. Неожиданно его легкий ход резко изменился, словно что-то приглушило чистый звук машины.

Нестеренко начал считать секунды... машина опять заработала легко и ровно.

– Двадцать секунд, – прошептал Нестеренко. – Значит, метров на двадцать забрались в землю, черти. Глубоко... Только бы колодец был не мельче... Ну, Володя, пошли.

К колодцу они ползли долго: рядом были немцы, и каждое неловкое движение могло выдать минеров. У колодца немного передохнули. Нестеренко осторожно принялся за осмотр. Верхний вал, наматывавший на себя цепь, к счастью, оказался целым. Опоры тоже были в порядке.

Володя, привязав канат, быстро сбросил его в колодец и смело соскользнул вниз. Нестеренко ждал. Ему показалось – прошла вечность. Послышались легкие удары каната о стены: это Володя подавал сигнал, что спустился благополучно, и звал к себе Нестеренко. Шахтер быстро пролез через стенку сруба и начал спускаться.

Дно колодца оказалось совершенно сухим. Внизу колодец расширялся. Нестеренко на мгновение зажег электрический фонарик и осмотрелся. В стене темнело отверстие: очевидно, здесь ключевые воды промыли щель. Она уходила по направлению к яру, как раз туда, где стоял сарай. Нестеренко даже крикнул от удовольствия.

– Володя, лезь.

Но даже щупленький Володя смог протиснуться в щель не больше как метра на два – дальше щель сужалась.

– Ничего не поделаешь, придется и здесь штольню делать. Ну-ка, пусти меня, Володя, это мое дело.

Часа три работал Нестеренко. Пот лил с него градом. В грунте было много камня, а Нестеренко боялся шуметь. Володя помогал ему, оттаскивая на своей стеганке вынутый грунт в сторону.

– Баста! – заявил Нестеренко, пробив, наконец, длинный шурф. – Устанавливай свое хозяйство.

Володя залез в длинную узкую нору и заложил фугас, заделал бикфордов шнур. Потом так, как учили его у нас на Планческой, прикрепил конец шпагата к затейливому сооружению из лопатки, ломика и электрофонарика с батареей у конца бикфордова шнура, – чтобы раньше времени неосторожно не вызвать взрыва, – а другой конец шпагата обвязал вокруг пояса.

– Готово, Нестеренко...

Шахтёр полез наверх первым. На голову Володи посыпались комья земли, мелкие камни. Володя укрылся стеганкой. Сердце его сильно билось: вот сейчас, через несколько минут, он влезет наверх, дернет за шпагат и взорвет склад...

Нестеренко был уже наверху. Володя не умел, да и не решался лезть так, как шахтер. Он обвязал вокруг пояса канат, по которому они недавно спускались, и дал знак Нестеренко тащить его наверх. Но то ли Володя оказался тяжелым, то ли Нестеренко устал, но подъем шел медленно. Громко скрипел новый канат. Сыпались камни в колодец...

До верха оставалось метра два. И вдруг Володя услышал шум. Глухой удар. Вскрик и снова удар...

Володя уперся руками и ногами в стенки сруба. Веревка, за которую тянул Нестеренко, ослабла – будто кто перерезал ее ножом.

Ясно: наверху немцы. Они убили Нестеренко. Как быть? Взорвать сейчас, сию минуту. Но это верная смерть... Все равно умирать...

Володя нащупал рукой шпагат.

Неожиданно канат снова натянулся. Володя, как пробка, вылетел из колодца и упал у края сруба.

Первое, что он увидел, – три луча электрических фонариков, направленных на него. Вокруг стояли немцы. Рядом, на земле, лежал Нестеренко.

Первая мысль: цел ли шпагат? Володя повел рукой по поясу: шпагат был на месте.

Немцы заметили этот жест. Очевидно, они решили, что Володя тянется за гранатой, ножом или револьвером, и набросились на него. Они скрутили ему руки, больно ударили чем-то в живот. В глазах помутилось. А в голове одна мысль: «Только бы не заметили шпагата, только бы не оборвали, не обрезали его раньше времени».

Володя рванулся было в сторону. Но немцы схватили его, еще сильнее вывернули ему руки и потащили куда-то. Володя чувствовал, как все туже натягивается шпагат, как он врезается в тело, и злорадно думал:

«Тяните, гады, тяните... Еще... еще...»

Немцам казалось, что Володя упирается. Они не видели, что ему мешает идти шпагат, и с силой потянули Володю за собой.

Шпагат внезапно ослаб. И тотчас же земля содрогнулась от страшного взрыва. Володя увидел огненный столб, комья взметнувшейся земли, обломки досок, вырванные с корнем деревья, летевшие вверх.

Это было последнее, что видел Володя. Второго взрыва он не слышал: второй взрыв прогремел минутой спустя. Это Глуховцев взорвал склад над обрывом...

* * *

... – Ну вот, Батя, и вся история со взрывом немецких складов, – закончил Казуб свой рассказ. – А что было дальше, – вы сами знаете. Предупрежденная о взрыве, наша артиллерия открыла ураганный огонь. Начался штурм Крымской. К утру все было кончено: немцев вышибли из станицы. Мы, конечно, одними из первых ворвались на родные улицы. Глуховцев был жив и невредим. Нестеренко погиб. Мы так и не дознались от чего: то ли от контузии при взрыве, то ли от раны на голове – очевидно, когда он вылез из колодца, немцы ударили его чем-то тупым. Словом, погиб Нестеренко... В стороне, у колодца валялись трупы фашистов. Среди них лежал и Володя. Он был жив, но в нем, как говорится, еле душа держалась...

Принесли его в госпиталь, рассказали о нем главному врачу. Несколько дней Володя был на волоске от смерти. Но выжил. Уж не знаю, кому он этим обязан: медицине или своей матери, которая от него ни на шаг не отходила.

– Выжить-то он выжил, но остался инвалидом: левая рука висела как плеть, и ногу он маленько подтаскивал, без палки ходить не мог. Неразговорчивый стал, людей чуждался. Тут-то вот и началась история с моей Катериной.

По правде сказать, я и раньше подмечал за ними неладное, еще когда они до войны в школе учились: уж больно они дружили. Ну, а теперь, смотрю, Катя прямо прилепилась к Володе: ни на шаг от него не отходит. Говорили мне друзья по секрету, будто сама предлагала Володе свадьбу сыграть, но Володя отказался: незачем, дескать, инвалиду жениться. Не знаю, правда это или нет, но на Володю похоже.

Но от Катерины моей легко не отделаешься: наша казубовская порода упрямая. Словом, появляется в Крымской знаменитый профессор из Краснодара. Как наша молодежь притащила его в станицу, сказать не могу.

Долго возился профессор с Володей и, представьте, – вылечил! Полностью вылечил!.. Стал Володя таким, как был до всей этой истории.

Ну, конечно, свадьбу сыграли. Собрались все крымчане-партизаны, которые целы остались. Веселая была свадьба!..

Глава V

От станицы Крымской к Новороссийску идут два шоссе: одно – основное, Краснодарское, и второе – проложенное через Неберджаевскую и хутор Липов. Между этими шоссе, на железной дороге, стоят две крупные станции – Нижне- и Верхне-Баканские.

При подходе немцев казаки этих станиц образовали сводный партизанский отряд. Во главе его встал председатель станичного Совета Нижне-Баканской – Николай Васильевич. Ему было лет за пятьдесят. В свое время он участвовал в первой империалистической войне. Настоящий степной богатырь, он говорил низким басом и с первого взгляда казался суровым и жестким. Но те, кому приходилось работать с ним, знали: Николай Васильевич трогательно любит молодежь.

Представителем баканских партизан у нас, в миннодиверсионном «вузе» на Планческой, был Валя. Ученик десятого класса, бойкий, живой паренек, он в станице считался отъявленным озорником. Станичные ребята души в нем не чаяли. Валя был их признанным вожаком, и ни одна шалость, ни одно озорство в станице не проходили без его участия.

Вот его-то и послал к нам Николай Васильевич. Он угадал в этом смелом, широкоплечем, голубоглазом юноше недюжинный организаторский талант и надеялся, что всю свою волю, всю страсть, всю редкую способность сплачивать вокруг себя людей и руководить ими этот «озорник» отдаст минному делу. И Николай Васильевич не ошибся.

Окончив наш «вуз» с дипломом первой степени, Валя, вернувшись в отряд, тут же организовал миннодиверсионную группу. В нее входили не только его сверстники, такие же, как он, школьники-казачата. Вале удалось завербовать и самого почтенного по годам партизана-баканца – седобородого деда Филиппа.

Деду Филиппу давно перевалило за семьдесят. Старый казак дрался с японцами в Маньчжурии и с немцами в первую мировую войну. Как память о прежних боях, он хранил дома, за божницей, Георгиевский крест и носил в своей ноге осколок немецкого снаряда. От этого дед слегка прихрамывал. Но он был еще очень крепок и силен. Из-под густых, нависших бровей смотрели зоркие, живые глаза. Говорил старик не спеша и терпеть не мог, когда его перебивали. Был он всегда прям и резок в суждениях и за эту прямоту и правдивость, за большой жизненный опыт пользовался особым уважением в станице. И вот этот дед, седой как лунь, резкий, независимый, пожалуй, даже чуть вздорный, стал учеником десятиклассника Вали. Надо отдать старику должное – лучшим его учеником.

Баканские минеры провели немало удачных операций. Я помню: еще в те времена, когда мы были в предгорьях, на горе Стрепет, ко мне не раз приходили Ветлугин и Кириченко и, рассказав о диверсиях баканцев, говорили с гордостью за своего ученика:

– Хорошо работает Валентин: без шаблона, с выдумкой. А главное – третье поколение минеров выращивает. Молодец!

Свою самую крупную комбинированную операцию, которой заслуженно гордятся сейчас баканцы, они провели в то горячее время, когда немцы уже были выбиты из Крымской и вели жестокие бои на подступах к «Голубой линии».

Однажды Николай Васильевич, командир отряда, созвал своих бойцов в пещере на совет.

Все были в сборе. Не хватало только Мишки – шустрого четырнадцатилетнего паренька, страстного птицелова, облазившего все гнезда в станице. Не было и партизана Шпака – бригадира колхоза, пятидесятилетнего казака, прославленного охотника, старого солдата первой мировой войны. Их обоих Николай Васильевич послал в разведку: Мишку – в станицу, а Шпака – на шоссе, туда, где над дорогой нависли скалы.

Первым явился Мишка. Он подходил к пещере по всем правилам, установленным в отряде.

Вначале на вершине небольшой горюшки неожиданно громко зачирикала пичужка. Часовой, лежавший в кустах у еле заметной тропы, насторожился. Но чирикание птицы казалось таким естественным, что он усомнился: сигнал ли это?

Птица чирикнула еще раз – настойчиво и требовательно, будто ждала ответа. Часовой ответил. У него получилось хуже. И тотчас же, будто насмехаясь над ним, пичужка на горе залилась насмешливой трелью.

Кусты на склоне холма чуть качнулись, и на тропинку вышел Мишка. За ним, еле поспевая, семенил его младший братишка Вовка, маленький крепыш.

Поравнявшись с часовым, Мишка презрительно смерил его с головы до ног и процедил сквозь зубы:

– Плохо кричишь, товарищ! Слушай, – и над кустами пронеслась мелодичная птичья трель.

– Понял? – строго спросил Мишка и зашагал дальше, даже не удостоив взглядом опешившего часового.

Ребятишки спустились в глубокий овраг, заросший кустарником, и, отыскав за голой скалой, в орешнике, узкое отверстие, вошли в подземный штаб баканских партизан.

Пещера была невысокая, но вместительная: на полу лежали и сидели человек пятьдесят. В центре, разговаривая с дедом Филиппом, стоял Николай Васильевич.

Мишка смутился: он не ожидал встретить здесь весь отряд. К тому же задания, порученного ему, он не выполнил.

– А-а-а, птицелов! – сказал, заметив его, Николай Васильевич. – Братишку привел? Дело хорошее. Ну, показывай, что добыл.

– Ничего не добыл, – густо покраснев, ответил Мишка.

– Как ничего? – холодно и строго спросил Николай Васильевич. – За птицами, что ли, опять лазил?

– Не лазил, – еле слышно ответил Мишка. – Честное слово, не лазил!

Потом скороговоркой, путаясь, начал объяснять:

– Фашистских начальников в станицу понаехало – просто туча. На легковых машинах. И все – в Дом Советов. Охрану такую поставили, что мы с Вовкой и так и эдак – куда там. Не то что войти – подойти нельзя. Я ходил, ходил вокруг, а потом на

крышу залез, к трубе подобрался, думал, через нее в дом попаду и выкраду те карты и бумажки, что вы говорили. А фашисты печь затопили: дым пошел... Я и не полез.

– А почему же не полез? – пряча улыбку, спросил Николай Васильевич.

– Да ведь спекусь в печке, а толку никакого...

– Как никакого? – уже открыто улыбаясь, сказал Николай Васильевич. – Тебя бы печеного немцы съели.

Партизаны расхохотались. Мишка понял: гроза миновала. Весело улыбнувшись, он снова заговорил:

– Когда я у трубы сидел... надумал я... Если...

– погоди, хлопец, – сурово прервал его дед Филипп. – Как же быть, Николай Васильевич? Неужто этих начальников не потревожим?

– Так ведь говорит же Мишка, что к дому не подобрешься, а из трубы дым идет! – улыбаясь, ответил Николай Васильевич.

– Вот я и хочу о трубе речь вести, – не замечая улыбки, продолжал дед Филипп. – Мне мой отец рассказывал. Это было давно, когда нас с тобой, Николай Васильевич, еще и на свете не было. Русские с горцами воевали. Заняли аул богатый. Как полагается, начальство приехало, начало пировать! А горцы на крышу влезли, к трубе подобралась...

– Так ведь и я о том же говорю! – взволнованно крикнул Мишка. – К трубе подобремся и оттуда, сверху, гранатой – р-р-раз!..

Молчи, хлопец! Мал еще старших перебивать! – рассердился дед Филипп. Потом продолжал: – Горцы на крышу влезли, к трубе подобралась, а в доме печь топилась. Они в трубу, прямо в огонь и спустили мешок с порохом. Натурально – взрыв. Начальство на куски порвало... И горцев тоже... А гранат тогда и в помине не было, – сердито бросил он в сторону Мишки.

– К чему ты речь ведешь, дед? – тихо спросил Николай Васильевич.

– Неужто не понимаешь? Валентин мину приготовит и через трубу немцев взорвет.

– Так ведь горцев... тоже на куски, – сказал Николай Васильевич.

– Ты как на этот счет полагаешь, Валентин? – спросил дед Филипп, пропустив мимо ушей замечание Николая Васильевича.

Валя молчал.

– Боишься? – смотря в упор на него, спросил дед.

– Нет, другого боюсь: на крышу не залезем – увидят.

– Ну, это раз плюнуть! – крикнул Мишка. – Я такой лаз на крышу знаю – через конюшню, через сарай, – ни один фашист нас не увидит. У нас там с Вовкой и доска припрятана. Лезем, Валя!

– Если выведешь на крышу – лезем. А мину приготовить... раз плюнуть, – передразнивая Мишку, весело улыбнулся Валя.

Дед Филипп, прихрамывая, подошел к нему, положил руку на плечо:

– Не сердись на меня, Валентин. Это я так, сгоряча. Знаю тебя... Не такой, чтобы струсить... И ты не сердись, хлопчик, – повернулся он к Мишке. – Только больно горяч да быстр... на словах... Ты на деле себя покажи... Ну, так как же, Николай Васильевич, благословляешь?

– Подумать надо, дед... Пстой, никак Шпак пришел? А ну-ка, товарищ Шпак, докладывай.

Шпак только что вошел в пещеру. Его стеганка была вся в грязи, глаза смотрели невесело.

– Плохие дела, Николай Васильевич... Сегодня под утро по лесному участку шоссе началось большое движение от Тоннельной. Надо полагать, немцы задумали переброску свежих резервов под Неберджаевскую. Сначала шли машины с пехотой, но ребята с первого поста передали, что там, под кручами, идут орудия и машины с ящиками. Правда, их было пока немного. Но ведь это только начало.

– Пока еще ничего особенно плохого не вижу, товарищ Шпак, – заметил Николай Васильевич.

– А ты дальше слушай, товарищ командир. Я с ребятами полез на кручи. Оказывается, на вершинах скал немцы построили дзот. Такие же дзоты стоят и внизу, под горой. И так хитро построили, мерзавцы, что каждый камешек здесь простреливается – не подберешься. А ведь это единственное место на шоссе, где мы можем немцам помешать. Вот и получается: повезут немцы снаряды в Неберджаевскую, а мы будем сидеть в сторонке да поглядывать.

– Что же ты предлагаешь, товарищ Шпак?

– Прямо не знаю, что и сказать, товарищ командир. Один выход: ребята в лоб нападают на верхние дзоты, а минеры рвут скалу, чтобы обрушить ее на шоссе. Только нельзя, вероятно, этого сделать: ни взрывчатки, ни времени не хватит. Надо бы нашего минера спросить. Ты как полагаешь, Валя? Можно?

Валя молчал, задумавшись.

– Тебя спрашивают, Валентин, – обратился к минеру Николай Васильевич. – Товарищ Шпак дело говорит. За тобой последнее слово.

– Рассчитать надо, Николай Васильевич. Ведь это не пустяк – скалы обрушить. Но полагаю, если послать умелых людей и взять весь наш запас взрывчатки, можно...

– Вот и хорошо! – глаза у Шпака радостно заблестели. – Вот и рви скалу, Валентин. А я наверх полезу, к дзотам.

– Раз наш «профессор» говорит «можно», значит, надо рвать, – начал было Николай Васильевич.

– Нет, ты погоди, командир! – перебил его дед Филипп. – Ты сперва меня послушай. Вот ты хочешь Валентина на скалы послать – хорошо. А кто на крышу штаба ползет? Выбирать надо из нас двоих. Не хвастая, скажу: у нас в отряде два главных минера – я да Валентин. Скалы я знаю как свои пять пальцев. Если ты дашь мне наших молодых минеров, а Валя скажет, сколько взрывчатки закладывать, я эти скалы прямо на шоссе и уложу.

– Так-то оно так, да ведь тут быстрота нужна, дед. Суди сам: когда зажжешь шнуры – бежать надо. Да какое бежать! – лететь по воздуху надо, чтобы скалы тебя не задавили. А как тебе бежать! Нога-то у тебя с изъязном. Значит...

– Ты меня, Николай Васильевич, смертью не пугай, – перебил его дед. – Я с нею не раз с глазу на глаз встречался. Да и в отряд я пришел не на печи лежать. А потом, – и дед Филипп сурово поглядел на Николая Васильевича, – ты хотя и командир, а я тебе прямо скажу: говоришь не по-командирски. Неужто из-за того, что старого деда могут придавить скалы, можно немцам позволить гулять по шоссе туда и обратно? Да и придавит ли? Это еще на воде вилами писано. Не по-государственному ты рассуждаешь...

– Командир должен беречь людей, – негромко проговорил Николай Васильевич. Потом, подумав, добавил: – Будь по-твоему, дед... Вот что, товарищи, утром мне донесли, что сегодня в ночь в Неберджаевской по приказу командования будет проведена последняя, завершающая, операция перед наступлением Советской Армии.

Нам велено ударить одновременно, чтобы вышибить немцев и из нашей станицы. Поэтому приказываю: Валентину взорвать штаб в станице. Товарищу Шпаку с его группой завязать бой с верхними немецкими дзотами, да так, чтобы немцы обо всем на свете забыли, а особенно о шоссе... Ну, а деду Филиппу с молодыми минерами – взорвать скалы и свалить их на дорогу. Я же с остальными приду в станицу, попробую взорвать немецкие склады. Выступать через час Шпаку; деду Филиппу и Вале – остаться: мне надо с ними поговорить. Все, товарищи.

Партизаны начали по одному выходить из пещеры. Мишка с Вовкой замешкались: они вертелись около Валентина, о чем-то шушукались. Николай Васильевич заметил их.

– Вы что же, орлы, топчетесь здесь? – ласково улыбаясь, спросил он. – Ну, ни пуха вам, ни пера! – и Николай Васильевич протянул руку Вовке.

Вовка растерялся. Еще бы! Впервые при всем отряде сам командир пожал ему руку...

* * *

Первой отправилась на операцию группа партизан под командой Шпака. Ей предстоял далекий и тяжелый путь: по заросшим горным тропам подобраться к дзотам на вершинах скал, где засели фашистские головорезы из горноегерских частей.

Идти было трудно: партизаны карабкались на кручи, спускались по отвесным скалам, шли над обрывами.

Стемнело. Двигаться стало еще труднее – тем более что за любым нагромождением камней могли оказаться немецкие часовые.

Впереди смутно чернели купы деревьев, а чуть правее виднелся громадный камень, поросший мхом.

Не зрением, не слухом, а каким-то особым охотничьим чутьем Шпак почуял за камнем врага. Он подал сигнал остановки. Цепочка партизан замерла на месте. От нее отделились две тени – Шпак и его друг охотник – и растворились в темноте. Вокруг было тихо. Остальные отползли на несколько шагов назад и, прильнув к земле, лежали, стараясь не дышать.

Прошло минут пять. Неожиданно впереди, за камнем послышался сдавленный вздох и что-то тяжелое упало на землю. Потом послышался еле слышный треск цикады.

Партизаны поднялись и так же осторожно и бесшумно двинулись дальше. Проходя мимо камня, они увидели: уткнувшись лицом в землю и раскинув руки, лежали два немецких егеря...

Впереди, на фоне звездного неба, смутно вырисовывалась основная правая группа вражеских дзотов. Левее и чуть ниже стояла вторая группа; она находилась как раз над тем местом, куда должен был прорваться дед Филипп со своими минерами.

Шпак решил оставить небольшую часть своих партизан у правых дзотов. Когда начнется бой, они должны принять на себя удар и отвлечь внимание немцев от деда Филиппа. Сам же он со своими охотниками предполагал скрытно подползти к левой группе укреплений и первым же ударом разгромить их.

Снова ползет вперед Шпак с товарищами. С ним – только старые опытные охотники: не раз подбирались они к чуткому лесному зверю и били его из своих дедовских ружей, заряжающихся с дула. Кажется, их нельзя увидеть и невозможно услышать: их тела сливаются с камнями, под ногами не шевельнется ни один камешек, не хрустнет ни одна ветка. И все же, очевидно, тем же охотничьим чутьем немецкие

горные егеря обнаруживают партизан. Левая группа дзотов открывает огонь: бьют тяжелые пулеметы, бьют автоматы, трассирующие пули оставляют в темноте огненные следы.

Шпак быстро принимает решение: четырех партизан он оставляет у дзотов – они должны отвлечь внимание врага, а сам с товарищами скрытно ползет над кручей в обход.

На этот раз Шпаку удастся обмануть немцев. Он подползает к самым амбразурам. Один за другим гремят глухие разрывы гранат, и левые дзоты затихают.

Теперь все в порядке. Пусть неистовствует правая группа дзотов: ее внимание приковано к охотникам Шпака, оставленным за камнями. Главное достигнуто: путь для деда Филиппа открыт. Скорее вниз, к своим!..

Шпак с товарищами быстро спускается с обрыва. И вдруг впереди неожиданно вырастает густая немецкая цепь: очевидно, какая-то недавно подошедшая фашистская часть бросилась на выручку.

Прорваться сквозь цепь немислимо: силы слишком неравны. Остается единственный путь – обратно вверх, мимо разгромленных дзотов.

Партизаны карабкаются на кручу. Но тут неожиданно оживают замолкшие дзоты. Они открывают беглый огонь. Трассирующие пули опоясывают маленькую горсточку партизан. В ночном небе рвется ракета и ярким светом заливает каждую выемку, каждый камень.

У партизан не осталось гранат – одни автоматы. Немецкая цепь подходит все ближе. Огонь из дзотов усиливается с каждой минутой. Вот падает с простреленным сердцем старый охотник – товарищ Шпака. За ним второй, третий...

Партизаны – в огненном мешке, и выхода из него нет...

В те короткие минуты, когда на время замолкли левые дзоты, группа деда Филиппа, сняв два усиленных поста часовых, успела проскочить к подножью скал, нависших над шоссе.

Минеры быстро пробили десятка полтора шурфов, заложили заряды, соединили их детонирующим шнуром.

Дед Филипп приказал всем уходить. Ребята медлили. Дед рассердился, затопал ногами. Ребята знали: деда не переупрямишь. Быстро перебегая от камня к камню, они бросились к далеким кустам.

Дед подождал с минуту. Удостоверившись, что все ушли, он начал высекать кремнем огонь. Посыпались искры. Одна из них попала на пороховую мякоть, и огонь быстро побежал к фугасам.

Но, очевидно, фашисты на шоссе увидели деда Филиппа. Раздались крики. Потом выстрелили по тому месту, где вспыхнул огонек на детонирующем шнуре. Охрана нижних дзотов бросилась вверх. И в темном небе снова разорвалась и повисла ракета... В ее ослепительном свете отчетливо был виден дед Филипп. Он понял: с его больной ногой ему не уйти. Он стоял на обрыве кручи и спокойно смотрел вниз, на шоссе, где, сбившись в кучу, скопились батареи немецких шестиствольных минометов, грузовики со снарядами, полевые орудия.

Немцы открыли огонь по деду. И – удивительное дело – хотя дед представлял легкую цель, но первые пули пролетели мимо.

Дед по-прежнему неподвижно стоял над кручей – суровый, спокойный. Потом покачнулся, упал. Он катился по откосу, и с ним вместе катились камни. И вдруг,

будто разгневанная смертью деда, земля содрогнулась от глухого взрыва. Огромные скалы отделились от горы, качнулись и рухнули вниз.

Все стихло... Всего лишь несколько мгновений длилась тишина. Потом вспыхнула беспорядочная стрельба и в небе повисло несколько осветительных ракет.

Стало светло, как днем. Молодые минеры обернулись и не узнали знакомого места.

Скал не было. Не было и дзотов наверху. Не было той маленькой площадки, на которой насмерть дрались охотники Шпака. И не было шоссе с шестиствольными минометами, орудиями, машинами: шоссе было завалено обломками камней и землей.

Минеры обнажили головы.

– Глубока могила деда Филиппа, – тихо прошептал один из них.

С минуту помолчали, стоя неподвижно. Потом, еле заметной тропой, быстро пошли в глубину леса. А сзади, со стороны шоссе, неслись крики немцев и беспорядочная стрельба.

* * *

Валя со своими ребятами без всяких приключений добрался до построек, окружавших Дом Советов. Заглянув во двор через щель в заборе, они увидели: в тусклом свете затемненных фонарей там стояли группы эсэсовцев. Очевидно, что-то очень важное происходило в этом доме, раз немцы так охраняли его. Но это не смутило Мишку.

– Пошли, Валя, – нетерпеливо зашептал он. – Я первый, ты за мной, Вовка внизу подождет... Только никуда в сторону не сворачивай: куда я ступлю, туда и ты ногу ставь. Я на крыше каждую дранку знаю...

Ребята влезли на крышу сарая. Откуда-то Мишка достал доску, бесшумно перебросил ее на крышу соседней конюшни и в мгновение ока оказался уже там.

Валентину переправа далась с трудом: доска, узкая и тонкая, прогибалась под тяжестью его тела. На какое-то мгновение он задержался и взглянул вниз. Он отчетливо видел немцев. Они стояли группами и тихо переговаривались. Видно, действительно высокое начальство приехало в станицу, если даже эти головорезы присмирели...

Наконец перебрались на крышу конюшни, вплотную примыкавшей к Дому Советов. Предстояло самое трудное: по водосточной трубе залезть на железную крышу дома. Труба была ветхая, ржавая, она качалась из стороны в сторону, но ребята благополучно влезли по ней на крышу. Никто их не видел: очевидно, фонари, затемненные сверху и стоявшие значительно ниже крыши, сгущали мрак наверху.

Мишка тронул Валентина за рукав и показал на свои ноги. Валя понял: Мишка просит его ступать как можно тише. Когда они крались по крыше, Валентин заметил: Мишка ставит ногу только на швы железных листов, то есть туда, где листы не прогибались. Подобрались к трубе. На этот раз печь не топилась. Валентин заглянул в трубу – из нее несло теплым дымком.

Ребята сняли с себя пакеты с толом. Валя связал их в один сверток, заделал в него бикфордов шнур и жестом приказал Мишке убираться.

Тот мгновенно скрылся в темноте. Валя внимательно слушал. На крыше было тихо. Только один раз раздался скрип, будто ветер шевельнул оторвавшийся лист железа. Потом снова стало тихо. Снизу, со двора, доносился приглушенный шум голосов.

Вдруг на крыше сарая замяукала кошка...

Валя, низко перегнувшись через край трубы, чиркнул зажигалкой, огонек быстро побежал по короткому шнуру.

Столкнув мину в трубу, Валентин услышал глухой удар. Стремглав, уже не пытаясь скрываться и гулко стуча сапогами по железу, Валя побежал по крыше. Еле касаясь руками водосточной трубы, спрыгнул на конюшню, нашел доску и пополз, но, не добравшись и до середины, сорвался и грохнулся вниз. К нему бросились немцы. До ребят донесся глухой шум борьбы. И тотчас же над двором, шипя, взвилась и погасла осветительная ракета.

Немцы не сразу заметили Мишку. Фашисты метались по двору, беспорядочно стреляли по крышам. Мишка лежал плашмя на крыше сарая. Неужели Валя что-то перепутал и мина сдала?

Неожиданно внизу раздался крик:

– Они здесь! На крыше!

Миша понял: сейчас конец. Первая же автоматная очередь – и смерть...

Но Миша не услышал выстрелов: грохнул оглушительный взрыв. В небо взметнулся огненный столб. Что-то тяжелое рухнуло на крышу и проломило ее.

Мишка кубарем скатился с крыши и бросился в сад, где его ждал Вовка.

Немцы заметили их: над головами прожужжали пули. Пятеро фашистов ринулись в погоню. И эта погоня спасла ребятшек: боясь задеть своих, немцы на дворе прекратили стрельбу.

Первым мчался Мишка. Он вел Вовку к знакомой дыре в заборе: оттуда было уже рукой подать до амбаров, где решено было встретиться с Николаем Васильевичем.

Мишка юркнул в дыру. Но Вовка застрял: он зацепился штаниной за гвоздь. Немцы были рядом. Мишка метнулся к Вовке, схватил его за руки, с силой рванул на себя и вытащил из дыры. И вдруг неожиданно там, где стояли амбары, раздался взрыв. Он разметал немецкие склады и на мгновение озарил станицу ярким, ослепительным светом. Немцы растерялись и прекратили погоню, а ребята что есть силы уже неслись в темный переулок... На одном из перекрестков из-за плетня выросла высокая фигура. Широко раскинув руки, Николай Васильевич поймал и горячо обнял ребят.

– Молодцы, минеры! Молодцы! Чисто сработали. Сюда, орлы, сюда! – он отвел ребят в полуразвалившийся сарай. Здесь уже разместились вся группа партизан, только что взорвавшая амбары.

– Вовка, что с тобой? – Николай Васильевич испуганно наклонился над малышом, заметив, что одна Вовкина штанина разорвана, а на голой ноге запеклась кровь. – Ты ранен?

– Нет, ничего, дядя. Ничего... Это так, – сконфуженно лепетал мальчик.

– Ребята, а где же Валя? – взволнованно спросил Николай Васильевич.

– Он сорвался с доски. Его убили, – еле слышно ответил Миша...

* * *

Взрывы штаба и амбаров, где был размещен склад, всполошили всю станицу. Среди немцев началась паника.

Новый взрыв прогремел где-то в недрах земли – так глухо разнеслись его раскаты, повторяемые эхом в горах. Это дед Филипп, умирая, рушил скалы...

Немцы были в полной растерянности. Они решили, вероятно, что враги всюду: и там, на шоссе, где громадные скалы с грохотом сползают вниз, погребая под собой батареи, грузовики, солдат; и здесь, у штаба, где какие-то тени неслышно скользят по крышам – и вот огненным столбом взлетает в небо дом; и у амбаров, где хранились боеприпасы, амуниция, оружие, гремят взрывы...

Кто-то крикнул: «Партизаны!» Это страшное слово подхватили другие. И по улицам понеслось: «Партизаны... Партизаны...»

Отдельные группы немцев бросились вон из станицы в окопы за околицей: там, в степи, под защитой шестиствольных минометов не так страшно встретить врага, как здесь, в станице, среди заколоченных хат и темных, молчаливых станичных садов.

Немцы бежали в окопы. И вдруг – у полуразрушенного сарая их в упор встретили взрывы гранат и автоматные очереди. Они шарахнулись в сторону, но с крыши хаты в них полетели бруски тола с короткими горящими шнурами. Это Мишка со своим братишкой использовал последние запасы взрывчатки.

Но Миша погорячился. Стоя во весь рост на краю крыши, он был виден при взрыве метательных снарядов. И один из немцев из окна противоположного дома автоматной очередью скосил храброго мальчика.

На востоке полнеба вспыхнуло дрожащим отсветом артиллерийских залпов: Советская Армия шла на штурм Нижне-Баканской...

* * *

В сумерки того дня, когда одна за другой уходили на операции группы баканских партизан, Николай Васильевич подозвал к себе своего начальника штаба.

– Вот что, дорогой. Мне кажется, если у Валентина удастся его операция на крыше и он отправит на тот свет штабное начальство, немцы непременно пошлют в Нижне-Баканскую новых штабников. С нашей стороны было бы непозволительным упущением не встретить их. Организацию этой встречи я и хочу поручить тебе... Я знаю: у тебя не осталось ни одного человека. Но мне известно, что верхнебаканцы сейчас «охотятся» в окрестностях Неберджаевской. Отыщи их и действуй вместе с ними. По-моему, удобным местом для встречи был бы тот участок шоссе у самой Липовки, где с двух сторон спускаются кручи гор. Там и лес как будто погуще. Ну, да на месте вам виднее будет. Желаю удачи.

Начальник штаба отыскивал верхнебаканцев у их временной стоянки под нависшей скалой, напоминавшей индюшечью голову. Скала в округе и была известна под названием «Индюк». Среди баканцев оказалась и группа молодежи, вооруженной чем попало. Вначале начальник штаба решил было отправить их домой, но потом передумал: бойцов было мало, операция предстояла серьезная, и ребята могли помочь как наблюдатели. И он оставил их, строго-настрого запретив ввязываться в драку и приказав ограничиться только наблюдением, чтобы во время боя не прозевать подхода подкреплений к немцам. После короткого совещания решили выбрать для засады именно то место, о котором говорил Николай Васильевич. Здесь шоссе перерезало гору и ее крутые обрывы спускались к дороге. На обрывах рос густой лес и кустарник. Это место партизаны давно уже не навещали. Немцы считали его спокойным, но все же, наученные горьким опытом, соорудили над кручей, на верху обрыва, дзоты, установили между ними частые караулы и проверяли их патрулями.

Было уже далеко за полночь. Моросил мелкий дождик. Немецкий патруль только что проверил караулы на вершине обрыва и скрылся в темноте.

Прошло немного времени, и вдруг немецкие постовые увидели: патруль возвращается. Немцы насторожились: очевидно, случилось что-то важное, из ряда вон выходящее, если патруль нарушил установленный порядок. Следовало бы его окликнуть, спросить пароль, но это никому из немцев, очевидно, не пришло в голову: к посту подходил патруль, одетый в знакомые немецкие дождевики.

Патруль поравнялся с караулом.

– Что случилось? – спросил один из солдат.

Ему не ответили. Люди в немецких дождевиках молча набросились на караульных. Они работали только ножами – и все кончилось быстро и тихо.

Раздался крик горной совы – и из кустов вышла группа партизан.

– Быстро переодевайтесь, – тихо приказал «начальник патруля». – А немцев – в кусты...

Теперь все партизаны начальника штаба были одеты в немецкие шинели и дождевики. Они отправились к следующим немецким караулам. И, удивительное дело, с каждым немецким караулом повторялось одно и то же.

К исходу ночи все посты и караулы занимали партизаны. Оставались дзоты. Но их решено было не трогать: втихую с ними не разделаешься, а шум поднимать было нельзя.

Взрывы в Нижне-Баканской взбудоражили немцев в дзотах. Выскочив наружу, они с ужасом смотрели на огненные столбы, взмывавшие к черному небу, и слушали далекую трескотню выстрелов. Но вокруг на прежних местах стояли посты и караулы в дождевиках, никакого приказа не последовало, и немцы залезли в свои норы, не подозревая, что их «охраняют» партизаны.

В это время, спустившись по круче, в густой зелени кустов замаскировался другой отряд партизан.

Начинало светать. Скоро должна быть смена караулов. Если до этого на шоссе не появятся ожидаемые машины, придется уходить ни с чем.

Партизаны ждали. Минут через двадцать послышался шум моторов. За поворотом показалась небольшая колонна автомашин. Партизаны не тронулись с места: это была мелочь, не стоящая внимания.

Поднялось солнце. По шоссе началось обычное движение. До смены караулов оставались считанные минуты. Положение становилось критическим. Начальник штаба уже собрался было подать сигнал отхода, как вдали снова послышался шум моторов.

Теперь, наконец, шли те машины, которых ждали. Впереди – броневик. За ним – тяжелая грузовая машина, битком набитая автоматчиками. Чуть отстав на подъеме, за ними двигался длинный, как вагон, многоместный автобус, окрашенный белой краской. На солнце ярко блестели его никелевые части. За его широкими зеркальными окнами были видны офицерские фуражки. Колонну замыкал второй грузовик с автоматчиками. Под обрывом раздался крик горной совы, и почти одновременно прогремел взрыв тяжелых гранат, брошенных под передок машины. Автобус вздрогнул, свернул в сторону и упал в кювет. Еще взрыв гранат – и последний грузовик с автоматчиками взлетел на воздух.

Партизаны допустили ошибку: промахнувшись по броневикам и оставив в покое головную машину с немецкими автоматчиками, они бросились к автобусу добивать немецких офицеров – и попали под перекрестный огонь. Бил вдоль шоссе остановившийся броневик, били спрыгнувшие с машин автоматчики, били пулеметы из дзотов с вершины обрыва. Правда, немцы в панике добивали своих же офицеров из автобуса, но от этого партизанам было не легче.

И тогда случилось нечто неожиданное. Немецкие часовые, одетые в дождевики, бросились к амбразурам дзотов, забросали их гранатами и заставили замолчать, а с противоположной стороны шоссе отряд молодежи, спасая своих старших товарищей и нарушив строгий приказ начальника штаба, открыл нестройный огонь из пистолетов,

охотничьих ружей и карабинов. Фашисты решили, что на помощь партизанам у шоссе подоспела выручка, и перенесли огонь на вершину обрыва, откуда стрелял отряд молодежи.

Воспользовавшись замешательством у немцев, уцелевшие партизаны, громившие автобус, с огромным трудом взобрались на кручу к замолчавшим дзотам.

Снова над шоссе пронесся тоскливый крик горной совы. Услышав его, ребята прекратили огонь и, укрываясь за деревьями и камнями, быстро побежали к условленному месту встречи...

Часа через полтора у подножья горы Индюк собрались, наконец, все участники операции. Их осталось немного. Из партизан вернулось меньше половины. Не досчитались и нескольких ребят.

* * *

Через четыре дня в помещении клуба открылось торжественное заседание станичного Совета Нижне-Баканской. Председательствовал Николай Васильевич. В президиуме было много партизан и среди них – справа от председателя – маленький Вовка.

Николай Васильевич взял слово. Он говорил о тех, кто погиб смертью героев: о седобородом кубанском казаке деде Филиппе, о храбром солдате товарище Шпаке с его охотниками, о начальнике штаба отряда, о Валентине, об отважном маленьком Мише и о ребяташках Верхне-Баканской, убитых в схватках на шоссе.

В зале было тихо. Тихо плакала, сидя в президиуме, внучка деда Филиппа, всхлипывала пожилая казачка, вдова Шпака, и старики глухо кашляли, стараясь перебороть слезы...

– Мне было тяжело вспоминать о погибших, – сказал мне Николай Васильевич, когда мы встретились с ним в Краснодаре. – Многие из них были моими старыми друзьями, с другими я сроднился в отряде. Но тут неожиданно мне пришла в голову мысль: «Подожди – представь себе на минуту: ты заранее знаешь обо всем – и о гибели Шпака с охотниками, и о том, что скалы обрушатся на деда Филиппа, и о смерти Валентина, и о героической гибели Миши... Скажи, зная все это, ты бы отменил операцию?..» И я ответил себе: «Нет, я бы ничего не изменил. Даже если бы знал, что и меня самого ждет смерть. Потому что победа даром не дается. Ее завоевывают кровью. И не напрасно пролили кровь мои друзья...»

Глава VI

Мне хочется рассказать еще об одной диверсии – о последней диверсии наших «студентов» на последнем участке предполья «Голубой линии».

Трудно мне писать об этом... Когда я вспоминаю эту операцию, перед глазами невольно встает другая памятная мне октябрьская ночь, высокие тополя вдоль полотна дороги, таинственные световые сигналы в ночном небе, оглушающий взрыв мины под поездом и смерть моих сыновей...

Операция, о которой я хочу рассказать, была проведена воспитанниками нашего партизанского «вуза» – Михаилом Лангуновым и Феофилом Никитиным. Я хорошо помню обоих.

Лангунов – инженер. Он работал в железнодорожном депо Новороссийска. Ему было лет тридцать семь. Среднего роста, худощавый, очень подвижной. «В миру» (так в шутку иногда называли у нас в отряде жизнь до войны) он был известен как изобретатель и мечтатель. Но большинство его изобретений были какие-то уж очень фантастические. Скорее они подходили для научно-фантастического романа. Но в них

всегда было много свежего, острого, оригинального, и кое-что из его фантастики претворилось в жизнь. Друзья не раз советовали ему начать писать – рассказывал он о своих мечтаниях действительно очень образно, живо, увлекательно. Но то ли не далось ему писательство, то ли душа не лежала к этому, но Лангунов так и не написал ни строчки. Зато книги он очень любил: с юношеских лет сохранил увлечение приключенческой литературой и научно-фантастическими романами. Даже в горы, в партизанский отряд, он ухитрился захватить несколько книг. Они были с ним и на Планческой.

У Лангунова было два сына. Они были еще слишком малы, чтобы ярко проявить свои склонности, по которым можно было бы определить их будущность. Но отец уже твердо решил: старший будет конструктором, младший – океанографом. И он так увлекательно рассказывал о будущей работе своих малышей, что невольно верилось: останься Лангунов жив, он действительно сделал бы из своих ребят конструктора и океанографа.

С первых же дней пребывания на Планческой Лангунов увлекся минным делом. Он подолгу беседовал с Ветлугиным, строил грандиозные планы, мечтал о mine какой-то новой, необычной конструкции. И Ветлугин прямо влюбился в Лангунова.

Но Лангунов вскоре охладел к минному делу. Не то чтобы он совершенно забросил его или манкировал занятиями. Нет, он аккуратно посещал лекции, добросовестно выполнял все задания, но почему-то перестал мечтать о новых минах и прекратил свои горячие беседы с Ветлугиным. И Ветлугин, разочаровавшись в своем любимце, переменял свое мнение о нем.

– Помяните мое слово, – говорил он мне, – ничего из него не выйдет. Фантазер – и больше ничего.

Геронтий Николаевич, конечно, был несправедлив. Я хорошо помню выпускной экзамен. Теорию Лангунов отвечал блестяще: чувствовалось глубокое понимание существа дела. Свою дипломную работу на минодроме Лангунов провел на редкость красиво. Правда, он не внес в нее ничего нового, оригинального. Но это и не было простым, заученным шаблоном. Это было именно красиво, потому что – я знаю это твердо – рельс можно взорвать изящно, со вкусом и можно взорвать скучно, обычно, неинтересно. Так вот, Лангунов сделал это именно красиво, хотя и с какой-то нарочитой небрежностью. У него не было той скрупулезной педантичной аккуратности и точности, которая требуется от минера-диверсанта.

Точно так же вел себя Лангунов и на практических работах, когда вместе с Кириченко подорвал мостик на шоссе в тылу у немцев.

– У него какая-то красивая храбрость, – рассказывал мне Кириченко. – Он идет на смерть легко, с улыбкой, будто и не сознает, что жить ему, быть может, осталось одну секунду. Это красиво, не спорю. Но можно ли так? С этой манерой легко проглядеть пустяковую детальку и сорвать всю операцию. Нет, без внимательной няньки я не пускал бы его на большое дело, хотя, повторяю, работает он смело и легко.

Вот этой-то «нянькой» и мог стать для Лангунова Феофил Никитин.

Техник по специальности, Никитин был очень скромн, неразговорчив, тих. Нельзя сказать, чтобы он особенно увлекался минным делом. Он как-то раз признался мне, что его страстная мечта – стать летчиком. Но всякое дело, которым он занимался, он делал на редкость добросовестно, точно и аккуратно. Никитинская вязка толковых пакетов, соединение шнуров, маскировка мин были идеальны. Никитин и Лангунов

как бы дополняли друг друга. И я был рад, когда после окончания нашей школы на Планческой они ушли в один и тот же отряд и обещали мне работать вместе.

Долго от них не было никаких известий. С отрядом «Гроза» у нас как-то не налаживались связи. И только в Краснодаре я узнал о блестящих операциях Лангунова и Никитина.

* * *

Это было в июне. Инженер Сыскутов, в свое время окончивший Горный институт в Донбассе, а теперь начальник штаба соединений партизанских отрядов Новороссийского района, получил агентурные сведения: немцы собираются отправить тяжелый железнодорожный состав, груженный снарядами, на восток, к линии фронта. Фашисты придавали большое значение отправке этого поезда: советские бомбардировщики, минная война Казуба и нижнебаканцев сделали свое дело – с боеприпасами на передовой у немцев было туговато.

Сыскутов решил взорвать поезд и поручил эту операцию отряду партизан-железнодорожников «Гроза».

Командира отряда Славина на месте не оказалось – он был на диверсии, – и в штаб партизанских соединений, к Сыскутову, явился Зайцев, начальник штаба «Грозы», вместе с Лангуновым и Никитиным.

На совещании выяснилось, что поездных мин нет и что сделать их не из чего и некогда. Положение становилось критическим. И вот тогда-то Лангунов предложил использовать «волчий фугас», тот самый «волчий фугас», которым был взорван первый немецкий поезд на Кубани в ту памятную для меня октябрьскую ночь...

«Волчий фугас» – это сочетание тола и противотанковых гранат. Он очень капризен при установке: малейшее неосторожное движение – и фугас разорвется в руках у минера; но зато взрывная сила его исключительно велика.

Итак, решено было применить «волчий фугас». Лангунов понимал: немцы боятся диверсии и сделают все, чтобы спасти поезд. Но фашисты действуют обычно по шаблону и здесь, очевидно, попытаются схитрить точно так же, как хитрили они обычно, стараясь оградить свои поезда от мин: бесспорно, они применят и здесь тот же, достаточно известный трюк – перед поездом со снарядами пустят платформы с камнем или балластный состав.

Поэтому Лангунов предложил ввести ограничители, разработанные Ветлугиным. Весь смысл этих ограничителей состоял в том, что они устанавливались на определенную силу тяжести. К примеру: над фугасом с ограничителем благополучно пройдет относительно легкая бронедрезина, но тяжелый состав со снарядами взлетит на воздух.

Применение ограничителя осложняет работу минера. Прежде всего нужен очень точный теоретический расчет. Однако Лангунов быстро справился с этим, тем более что на Планческой Ветлугин дал своим «студентам» сравнительно простую формулу расчета. Не менее точной должна быть и установка фугаса: здесь играют роль три миллиметра, оставляемые между минным зарядом и стыком рельса. В обычных условиях это, пожалуй, и не так сложно, но в обстановке диверсионной работы, когда установку фугаса приходится проводить в кромешной ночной тьме, учитывая каждую минуту, эту работу можно поручить только опытному, спокойному и аккуратному минеру. Никитин, как никто другой, подходил для этого дела.

Взяв с собой десять человек для прикрытия, Зайцев, Лангунов и Никитин отправились к месту диверсии.

Место для взрыва было выбрано удачно. Здесь железнодорожное полотно лепилось по склону горы. С одной стороны, у самой бровки полотна, почти отвесно, спускался вниз обрыв. С другой стороны поднимался срез горы. Вершину ее не было видно из окон проходящего поезда.

Я не знаю, как удалось минерам добраться к месту минирования, которое, несомненно, особенно ночью, зорко охранялось немцами. Не знаю, как долго немецкие часовые позволили Лангунову и Никитину работать на самом полотне. Мне известно только одно: в полночь работа была закончена. На небольшом расстоянии друг от друга минеры заложили два «волчьих фугаса» и, отойдя в сторону, залегли в кустах.

В восемь часов утра немцы, как и предполагал Лангунов, для проверки полотна пустили балластный поезд. Он благополучно прошел над фугасами: расчет Лангунова был верен.

Через час, тяжело пыхтя, показался длинный состав с боеприпасами. Его вели два паровоза серии «Э» – самые тяжелые на наших кубанских дорогах. Сзади, в хвосте поезда, шел третий паровоз – толкач.

Как часто бывает в таких случаях, минеры, следя за паровозами, решили, что они уже прошли место минирования и что фугасы отказали. И, когда вконец расстроенные Лангунов и Никитин, потеряв последнюю надежду, лежали бледные как полотно, раздались два взрыва.

Первый фугас разорвался под вторым локомотивом и сбросил оба паровоза вниз.

Второй фугас сработал примерно под десятым вагоном. На полотне творилось что-то страшное. Вагоны летели вниз по обрыву, перевертывались, сплющивались, ломались. Начиненные минами, снарядами, патронами, они рвались тысячами взрывов. И даже Зайцев, достаточно выдавший взрывы на своем веку, был потрясен.

Короче говоря, от громадного состава со снарядами остались только колесные скаты, отброшенные на десятки метров, да груда исковерканных, разбитых в щепы вагонов.

Все это произошло вскоре после диверсий в Нижне-Баканской, когда Валентин поднял на воздух фашистский штаб, дед Филипп обрушил скалы на шоссе и Николай Васильевич взорвал немецкие склады в амбарах...

* * *

Минеры благополучно вернулись на свою стоянку. Но Лангунов и Никитин даже не успели помыться, как их вызвал к себе командир отряда Славин. Дело в том, что, по сведениям агентурной разведки, немцы собирались еще раз протолкнуть на передовую специальный поезд со снарядами и колонну грузовых машин по шоссе. Надо было во что бы то ни стало помешать им и еще раз закупорить и железную дорогу и шоссе.

На этот раз диверсионную группу повел сам Славин. Путь был тяжел: этот небольшой участок предполья «Голубой линии» немцы хорошо охраняли. К тому же приходилось спешить: времени оставалось в обрез. Минеров освободили от всякой ноши, товарищи несли не только взрывчатку, но даже их вещевые мешки.

Отдыхая на привалах, Славин часто сверял местность с картой. Наконец перед ними раскинулись знакомые горки, впадины, иногда переходившие в глубокие провалы, заросшие зеленью. Вдали виднелась широкая поляна, за которой желтела ровная линия насыпи железной дороги.

За насыпью, глубоко внизу, под горой, шло шоссе. Оно было извилисто: то уходило далеко от железной дороги, то вплотную придвигалось к ней, делая замысловатые петли и крутые повороты.

У Славина не было достаточно людей, чтобы отдельно минировать железную дорогу и шоссе. Значит, надо было одним ударом закупорить и то и другое. И командир, прекрасно знавший этот район, нашел идеальное место для такой диверсии.

Так же, как и в прошлый раз, железная дорога лепилась здесь по склону. Шоссе лежало ниже, у основания горы. Если взрыв дороги будет достаточно мощным, он обрушит вниз большие массы земли и камней и надолго закроет движение по шоссе.

Так и было решено.

Лангунов и Никитин поползли вверх. С громадным трудом им удалось подобраться к железнодорожному полотну. Они увидели: немецкие посты расставлены на редкость густо и между ними безостановочно ходили патрули. Казалось бы, что от минирования следует отказаться. И вот тогда Лангунов и придумал новый план диверсии: смелый и опасный. Больше того, он был смертелен для минеров.

Лангунов решил заложить два фугаса. Первый – в маленькой, закрытой кустами бетонной трубе для стока воды, проходившей под железнодорожной насыпью. Эту трубу немцы почему-то не охраняли – то ли проглядели ее, то ли не считали нужным поставить пост около нее. Второй, более мощный фугас, – чуть ниже полотна, в грунте, на самом откосе. Этот второй фугас должен был дублировать первый и, кроме того, обрушить громадное количество земли и камня на шоссе.

Оба фугаса в нужный момент предстояло взорвать, бросив в них гранаты. И вот этот-то единственно возможный способ взрыва именно и таил в себе смертельную опасность: только чудом могли спастись минеры, которым неизбежно придется лежать в непосредственной близости от страшных фугасов.

Минеры, конечно, знали, что их почти наверняка ждет смерть. Но они шли на это.

Наступила ночь. Фугасы были заложены благополучно: немцы не заметили минеров. Соединив оба фугаса детонирующим шнуром, минеры отползли в сторону, в укрытие, положили рядом с собой противотанковые гранаты и стали ждать.

На рассвете немцы заволновались. Сплошными шпалерами встали немецкие солдаты вдоль полотна дороги. Потом, проверяя путь, прошла бронедрезина, обходчики, патрули, а за ними шел тяжелый паровоз – он толкал перед собой платформы, до краев груженые камнем.

План немцев был ясен. Они поняли секрет ограничителей, рассчитанных на определенную тяжесть, и пустили на разведку платформы с камнем, которые, очевидно, весили столько же, сколько весил паровоз их специального поезда. И, будь здесь заложена та же мина, что и в первый раз, замысел немцев удался бы: платформы неизбежно вызвали бы взрыв. Но сейчас они благополучно прошли над бетонной трубой – и немцы успокоились.

Минут через сорок вдали послышался шум. Загудели рельсы. На повороте показался поезд. Так же, как и в первый раз, его тащили два тяжелых паровоза. На тендерах, на крышах вагонов, на подножках сидели немецкие автоматчики. Идя под уклон, поезд быстро набирал скорость.

Минеры ждали. Поезд подходил все ближе. Между ним и бетонной трубой оставались десятки метров. Минеры одновременно выдергивают флажки предохранителей. Никитин первым швыряет свою гранату в тот фугас, что заложен в бетонной трубе. Лангунов, помедлив две секунды, бросает туда же свою гранату.

Один за другим раздалось два взрыва гранат. И вслед за ними – оглушающий грохот фугасов.

Земля вздрогнула, закачалась, вздыбилась над полотном, разверзлась громадной зияющей воронкой и с громовым рокотом обрушилась вниз, на шоссе.

В момент взрыва головной паровоз был как раз над бетонной трубой. Он разломился надвое. Пар со свистом вырвался из котла. Будто нехотя, над землей поднялся тендер, окруженный комьями земли, исковерканными рельсами, обломками шпал, и тяжело рухнул вниз, под откос. За ним летели: второй паровоз, вагоны... Они катились в грохоте взрывов снарядов. И казалось, нет конца этому грохоту, этой страшной, громыхающей лавине, несущейся вниз, по крутому откосу.

Сидя в укрытии, готовый в любую минуту прикрыть минеров огнем автоматов, Славин с товарищами видел все. Он видел, как поднялись из-за кустов Лангунов и Никитин, как швырнули они свои гранаты, как взорвались фугасы и как глыбы земли, обломки паровозов и вагонов обрушились на минеров. Славин понял: прикрывать ему теперь некого. Даже трупы своих друзей он не найдет под сотнями тонн развороченной земли. И он подал сигнал отхода...

Так погибли Михаил Лангунов и Феофил Никитин – два храбрых русских солдата.

Так закончилась борьба партизан за предполье «Голубой линии». Советская Армия готовилась к штурму ее укреплений, закованных в сталь и бетон, и одновременно с этим началась героическая партизанская война за ее обводом – в самом сердце Тамани.

Часть вторая

Глава I

Наступил июль 1943 года. Советская Армия подошла к обводу «Голубой линии».

Еще в то время, когда немцы сооружали «Голубую линию», они, желая обезопасить себя с тыла, прежде всего обрушились на таманских партизан. Разгорелись жестокие схватки на этом сравнительно небольшом участке кубанской земли, где очень мало густых лесов и спасительных оврагов.

Силы оказались слишком неравны. К нам в Краснодар одна за другой приходили тревожные вести.

Около каменоломен немцы окружили скрывавшийся там отряд партизан станицы Варениковской. Два единственных маленьких поселка у каменоломен гитлеровцы снесли с лица земли и уничтожили всех жителей, не пощадив ни старого, ни малого. После жестоких пыток шестнадцать партизан-варениковцев были повешены на базарной площади родной станицы.

Разгромили немцы и штаб соединений партизанских отрядов на Тамани под командованием Егорина. В это соединение входили отряды Гастогаевской, Раевской, Киевской и Варениковской станиц, группировавшиеся вокруг анапских партизан.

Связь с Егориным прекратилась. Мы знали одно – оставшиеся в живых егоринцы разбились на мелкие партии и скрываются где-то в районе Волчьих Ворот. Они находились в исключительно тяжелых условиях: болели и голодали, питаясь древесиной и корнями трав. О самом Егорине не было никаких вестей.

Штаб партизанского движения Юга не раз посылал на Тамань свои самолеты. Летчикам давались задания обнаружить партизан, сбросить им на парашютах продовольствие и боеприпасы и, если представится возможность, снизиться и вывезти больных и тяжело раненных.

Но все попытки найти егоринцев кончались неудачей...

Вот тогда-то штаб Юга и решил организовать в Краснодаре сильный, хорошо вооруженный партизанский отряд и как воздушный десант выбросить его на парашютах за «Голубую линию». Отряд должен был заняться диверсионной работой в тылу у немцев, во что бы то ни стало разыскать партизан Егорина, его самого и переправить больных и раненых на Большую землю.

Отряд был организован довольно быстро. В него вошло сто двадцать человек, преимущественно уроженцев Тамани. Командиром отряда партизан-десантников был назначен Славин, недавно перед тем возглавлявший партизанский отряд новороссийских железнодорожников, носивший наименование «Гроза».

Мне было поручено организовать в Краснодаре школу и срочно подготовить для отряда опытных минеров-диверсантов.

Это было серьезным и ответственным заданием нашего партизанского руководства, и я немедленно взялся выполнять его.

Новый «минный вуз» вскоре открылся на Октябрьской улице, в доме № 80. наших старых «минных профессоров» не было: Ветлугин был серьезно болен, Еременко погиб, Кириченко выехал в длительную командировку. Литвинов еще не вернулся из Москвы. В нашем возрожденном «вузе» основным преподавателем миннодиверсионного дела стал Павлик Сахотский – прекрасный минер и опытный разведчик. Как-то странно было снова услышать лекции о взрывных свойствах тола, об условных сигналах, о конспирации, о минах замедленного действия, о языке следов... Невольно вспомнилось недавнее прошлое, и мне временами казалось: вот мы опять в предгорьях, на Планческой...

День курсантов был заполнен до отказа.

Мой средний сын, Валентин, вернувшийся после тяжелых ранений из армии, на аэродроме аэроклуба тренировал бойцов отряда в прыжках с парашютами в ночное время и проходил с ними минную практику. Под моим руководством будущие минеры изготавливали в мастерских маленькие портативные «чемоданчики», обладавшие громадной взрывной силой.

Во время всей этой короткой, но очень напряженной подготовки отряда я часто встречался с его командиром.

Славину было лет тридцать пять. Небольшого роста, щуплый, худой, он казался особенно слабеньким и даже хилым среди своих здоровяков-бойцов. Но за Славиним были многие месяцы партизанской борьбы. Мы знали: трудно найти второго такого командира, как Славин. Он был ловок и храбр: рассказывали удивительные вещи о том, как проскальзывал он под самым носом у немецких часовых. При всей своей щеделушности, он был на редкость вынослив: легко переносил голод и стужу. Был прекрасным стрелком. А главное – опытным, волевым, инициативным командиром. Его любили и беспрекословно слушались. В боевой обстановке Славин был строг, требователен, неумолим. Все бойцы его знали: при расчетах с гитлеровцами маленькая рука командира становится очень тяжелой.

Первым взводом у Славина командовал Кирилл Степанович – потомственный черноморский казак и старый рыбак. До войны он работал председателем Совета Старо-Титаровской станицы. Ему было лет под шестьдесят, но он был кряжист и крепок, а его могучие плечи были так широки, что даже при своем немалом росте он казался квадратным.

Третьим взводом командовал Дубинец, уроженец Анапы. Он прожил на свете сорок с лишним лет и прожил интересно: плавал матросом по Черному морю, рыбачил, дрался с контрабандистами. Война застала его на должности помощника начальника анапского торгового порта. Живой, подвижный, веселый, Дубинец был горяч и вспыльчив. Он был замечательным рассказчиком, хотя подчас трудно было уловить, где в его рассказах кончается правда и где начинается вымысел. Он владел каким-то особым секретом располагать к себе молодежь, и молодые ребята души в нем не чаяли. Казалось, стоит шепнуть Дубинцу слово – и они без раздумья пойдут за ним на смерть.

Командиром четвертого взвода был Семенцов, бывший заведующий районным земельным отделом. Страстный охотник, он исколесил Тамань вдоль и поперек и знал в ней чуть ли не каждую тропу и каждую лощинку. С первого взгляда он производил впечатление несколько простоватого казака. Но это только с первого взгляда. В действительности Семенцов был, бесспорно, умен, хитер, изобретателен. Гитлеровцев ненавидел лютой ненавистью.

Ближе всего я сошелся в эти дни с Бережным – командиром второго взвода партизан-десантников.

Впервые мы встретились с ним у меня дома. Он позвонил по телефону и попросил разрешения зайти: ему хотелось поговорить о нашем отряде, о диверсионной работе, об устройстве мин, изобретенных моим старшим сыном, Евгением. Еще до прихода Бережного я кое-что слышал о нем. Он вел свой род из станицы Варениковской, которая была все еще там, за «Голубой линией». В годы гражданской войны, когда ему было лет семь, бандиты белогвардейского генерала Покровского заперли на смерть его отца-фронтовика, смело выступавшего против богатых кубанских куркулей. Потрясенный смертью отца, мальчик убежал из станицы. Года два он беспризорничал, побывал и на Урале, и в Сибири, и в Средней Азии, но все же потом вернулся домой: ему очень хотелось учиться, он стосковался по матери, по родным местам.

Бережной был настойчив и одарен. В год начала войны ему минуло тридцать лет. Молодой коммунист, он был уже руководителем кафедры иностранных языков одного из высших учебных заведений. Английский, французский, а особенно немецкий языки он знал в совершенстве. Его последняя научная работа по сравнительному языкознанию вызвала большой интерес. Бережного приглашали в Москву и прочили ему блестящую будущность.

С первых же дней войны он ушел в армию, хотя мог бы спокойно продолжать свою научную работу. Он стал офицером-танкистом, участвовал в жестоких боях. Был кавалером трех орденов. Тяжелое ранение заставило его уйти из армии. И вот теперь он снова хотел воевать.

С первой же встречи Бережной мне очень понравился. Высокий, статный, сильный, он казался мне образцом мужской красоты. Все в нем было привлекательным: его лицо, спокойное, чистое, с высоким лбом и резко очерченным подбородком; его умные, серые глаза; гибкая мускулистая фигура спортсмена; низкий голос, неторопливость рассчитанных движений. Это был на редкость собранный, цельный человек. Я никогда не видел, чтобы он спешил, суетился, нервничал. И ни разу не замечал, чтобы он опаздывал.

– Мой девиз: «Не тороплюсь, но успеваю», – шутя говорил он.

Бережной не признавал необдуманных суждений и никогда не спешил высказать свое мнение, если полностью не был убежден в его правильности.

Помню, в первую же встречу я спросил, в чем секрет его успехов: как случилось, что станичный хлопчик и недавний беспризорный стал профессором, руководителем кафедры.

Бережной внимательно посмотрел на меня, подумал и спросил:

– Скажите, вам приходилось когда-нибудь в детстве играть в футбол босиком?

– Нет, – отвечал я, удивленный его вопросом.

– А вот я играл. И вся команда моя играла. И как играла! Однажды я привез свою босоногую команду в Краснодар из Варениковской. Я был капитаном команды. Все мои ребята были загорелые, как черти, и... босые. Мы играли против одной из лучших школьных команд Краснодара. Наши противники – все, как один, – были в кожаных бутсах. А мы босиком забили им шесть мячей. И, заметьте, всухую... Теперь вам понятно?

– С футболом, пожалуй, понятно, а вот причины ваших научных успехов – не совсем...

– Мне кажется, в основе того и другого лежит в сущности одно и то же: упорство, воля к победе... Ну и уменье, конечно...

Так началось мое знакомство с этим интересным человеком. Я стал его частым гостем. Мы подолгу беседовали в его маленькой комнате – обычно по вечерам, после утомительного трудового дня.

Он рассказывал мне о первом бое с немцами, о своей матери, доброй, хлопотливой старушке, которая осталась в Варениковской и о которой за последние месяцы не было никаких вестей. Рассказывал о страшной смерти отца, о горячих схватках под Харьковом, о бессменном водителе его танка, веселом украинце Максименко, всегда ходившем в бой с неизменной гармошкой. Рассказывал о своей научной работе, о годах беспризорных скитаний, о леггорнах – белых курах с крупными красными гребнями, которых с таким трудом вырастила его старушка мать и с гордостью отправила в Москву на сельскохозяйственную выставку... Он говорил о многом, но в конце концов всегда об одном и том же: об упорстве, о воле к победе и о том, как рождается уменье воевать и побеждать. Эти качества воспитали в нем комсомол, партия коммунистов.

Я с интересом слушал его, и порой мне казалось, что передо мной два совершенно различных человека. Иногда в его голосе было так много мальчишеского задора и так молодо горели его глаза и вспыхивали румянцем щеки, что мне невольно думалось: это просто веселый молодой станичный хлопец. Проходило несколько минут – и Бережной менялся. Глаза смотрели холодно. Около рта появлялись резкие складки. Ему можно было дать за сорок лет. И я не узнавал его. Потом я понял: у Бережного одно лицо – лицо солдата, лицо вдумчивого ученого, сохранившего юношескую ясность и чистоту души...

Трогательной и нежной любовью любил Бережной свою родную станицу и часто, о чем бы он ни говорил, сводил разговор к ней.

– Знаете, о чем я мечтаю? – сказал он мне как-то раз, провожая меня вечером домой. – Кончится война. И вот летом я повезу вас в Варениковскую. Лучше моей станицы ничего на Кубани не найти. Вы увидите, как живет моя старушка, – а старушка у меня замечательная!..

Бережной неожиданно помрачнел.

– До сих пор я не могу принять сердцем, – негромко сказал он, – что в моей станице, в моем саду, у любимого мамино дуба на огороде, у белых акаций, у речных камышей ходят немцы... Понимаете – немцы! Нет, не бывать этому! – и Бережной сделал резкое движение рукой, будто рубанул шашкой. Молча попрощался и свернул в переулок.

Однажды Бережной показал мне карту. На ней была прочерчена жирная черная линия, вся в острых углах, петлях, зигзагах. Начинаясь недалеко от границы, она кончалась под Харьковом.

– Это мой боевой путь, – сказал Бережной. – Как видите, я опускался на юг, поднимался на север, колесил по дорогам Украины, но все же уходил на восток. Это – путь отступления... Мне кажется, нет ничего на свете горше отступления, особенно для нас, молодых. Всю жизнь, пусть короткую, мы шли всегда вперед. И впереди было ясно, светло, солнечно. А тут – толпы беженцев, глаза женщин, полные слез и укоризны, поля несжатой, поникшей пшеницы и в небе рев немецких пикировщиков...

В эти дни я понял долг солдата: перетерпеть все – и горечь отступления, и это пожарище, – перетерпеть во имя грядущей победы. Капля за каплей сердце наполнилось злой ненавистью. Мне казалось: чем острее будет болеть мое сердце ненавистью, тем лучше я буду драться.

Бережной замолчал. Было уже поздно. Подошло время уходить.

– Скажите, Бережной, – спросил я, – сейчас эта боль утихла?

Он посмотрел на меня и раздельно, тихо сказал:

– Помните, я рассказывал вам о босых футболистах? Так вот, среди тех варениковских партизан, что были пойманы у каменоломен и повешены на базарной площади, были мой голкипер и два бека. Голкипер был моим другом.

Я взглянул на Бережного. Его губы были сжаты. Вокруг рта легли резкие складки. И я понял: если Бережной проберется в Варениковскую – а Славин хотел послать его взвод именно туда, – немцы ответят полностью за все...

Бережной не только рассказывал о себе. Он с интересом слушал мои рассказы о нашей жизни на горе Стрепет. Помню, когда я рассказал ему о гибели своих сыновей, он молча пожал мне руку. Эта суровая, скупая ласка взволновала и растрогала меня...

Особенно заинтересовали его два эпизода, рассказанные мной: это когда Ветлугин и мой младший сын Геня, хорошо знавшие немецкий язык, являлись к фашистам в немецком обличье и ловко мистифицировали их.

– Вы ведь тоже, кажется, свободно владеете немецким? – спросил я Бережного.

– Иногда я ловлю себя на том, что даже думаю по-немецки, – улыбнулся он.

За несколько дней до вылета десантников я зашел к Бережному. Он сидел за столом. На столе лежали последние немецкие газеты, устав нацистской партии и какие-то инструкции германского министерства пропаганды. Я сделал вид, что не обратил на это внимания. Бережной промолчал. Но мне стало ясно: он что-то задумал и по своей привычке не считал нужным говорить об этом раньше времени...

Познакомился я в Краснодаре и с девушками, включенными Славиным в десант. Их было одиннадцать человек: они должны были работать взводными медицинскими сестрами и в хозяйственной части.

Среди них мне особенно запомнилась Аня Чертоляс. Худенькая, стройная девушка с большими темными глазами, она часто навещала нашу школу на Октябрьской, интересуясь устройством мин. Здесь она познакомилась с Поданько, командиром дальней разведки десанта, и они полюбили друг друга...

Наконец настал день, когда все было готово к отправке. Вечером десантники собрались на торжественный прощальный ужин. Начальник штаба партизанского движения Юга товарищ Селезнев поднял тост за встречу на земле свободной советской Тамани. Дружно зазвенели бокалы...

В сумерки все прибыли на аэродром. На летной площадке смутно вырисовывались силуэты тяжелых самолетов. В них уже разместили большие грузовые тюки. Десантники были молчаливы и сосредоточены.

Славин отдал команду садиться. Бережной, проходя мимо, крепко пожал мне руку.

Первым поднялся флагман, за ним – остальные машины. Они сделали широкий прощальный круг над аэродромом и, покачав крыльями, взяли курс на Тамань. За городом к ним пристроились скоростные истребители прикрытия.

Мы разошлись по домам. На сердце было тревожно: кто знает, увидим ли мы снова наших друзей?

Прошло немало времени, прежде чем начали поступать сведения о десанниках. Это были зашифрованные радиogramмы передатчика Славина, донесения наших агентов, следивших за немецкими штабами, и рассказы тех, кому удавалось прорваться через «Голубую линию».

По этим отрывочным, часто запаздывавшим, иногда противоречивым сведениям мы следили за судьбой десанта. Иногда многое казалось нам непонятным. И лишь после того, как немцы были изгнаны из Тамани и мы снова обняли тех, кто остался живым из десантников, нам стало известно все об их героической борьбе в тылу врага.

* * *

Славин летел на флагмане. Он сидел рядом с командиром корабля. Перед ним освещенная электрической лампочкой находилась карта.

Славин смотрел вниз. Над землей лежала темная, непроглядная кубанская ночь. Потом во мгле сверкнули вспышки орудийных выстрелов. Загорались и гасли осветительные ракеты. По небу шарили голубоватые лучи прожекторов.

На земле шел «малый бой» у внешнего обвода «Голубой линии». Затем снова вокруг сомкнулась ночная тьма.

Через некоторое время командир флагмана, тронув Славина за плечо, показал на карту. Палец командира провел на карте линию от Краснодара на запад и остановился там, где коричневые горизонталы сплелись в клубок, обозначая горы и ущелья центральной Тамани. Здесь был нарисован красный крестик и под ним, немного западнее, стояла надпись: «Волчьи Ворота». Славин понял: самолеты подошли к месту высадки. По воздушным кораблям был отдан приказ готовиться к выброске. Десантники выстроились перед бомбовыми люками. Сигнал – и первым уходит вниз Поданько, командир разведки, тридцатилетний казак-таманец, учитель истории в станичной средней школе. За ним прыгают его разведчики. Потом – первый, второй, третий и четвертый взводы. Последними покидают флагман Славин со своим ординарцем.

Резкий рывок парашюта – и распутившийся купол прекратил стремительное падение Славина. Земли по-прежнему не видно. Вокруг тьма. И вдруг высоко над куполом парашюта слышится сухой стук пулеметов и пушек. Трассирующие пули бороздят небо. Откуда-то издалека, будто с самого горизонта, поднимаются лучи немецких прожекторов и на мгновение вырывают из тьмы силуэты «мессершмиттов». Это немецкий воздушный патруль неожиданно появился над Волчьими Воротами, и

наши истребители завязали с ним бой, прикрывая уходящие на восток тяжелые самолеты, освободившиеся от десантников...

Внизу неясным контуром вырисовывается земля. Она надвигается все ближе и ближе. Славин мягко ударяется ногами о землю и валится на бок. К нему подбегают товарищи и освобождают от парашютных лямок.

Славин встает. В темном небе, оставляя за собой огненный след, падают три горящие машины. Кто знает, наши это или немецкие?.. А на востоке слышится отдаленная стрельба. Надо думать, немецкие истребители догнали тяжелые корабли и атакуют их...

К Славину подбегают связные и докладывают, что высадка прошла сравнительно благополучно: только один боец сломал себе ногу и трое еще не найдены. Грузовые тюки собраны почти все.

Славин приказывает немедленно рассредоточиться и, вызвав к себе командиров взводов, повторяет приказ, который в деталях был разработан еще в Краснодаре.

Первый взвод под командой Кирилла Степановича получает задание отправиться на северо-западную оконечность Тамани, туда, где Керченский пролив отделяет Кубань от Крыма. Этот взвод должен подготовиться к срыву эвакуации немцев из Кубани, когда Советская Армия прорвет «Голубую линию».

Второй взвод – Бережного – идет к станции Варениковской. Перед ним поставлена задача: разрушить коммуникации немцев в Варениковском районе.

Дубинец со своим третьим взводом направляется в окрестности Анапы. Его задача: перерезать дороги, идущие из Анапы к Керченскому проливу, разведать все, что делается в порту, и подготовиться к налету на город.

Четвертый взвод, Семенцова, и штабная группа во главе с начальником штаба Пантелеем Сидоровичем, пожилым казаком, председателем РИКа, остаются при Славине: необходимо до рассвета замести следы десанта, перейти на командный пункт в центральной части гор, ближе к Волчьим Воротам, оборудовать жилье, развернуть госпиталь и начать розыски егоринцев.

Поданько должен был немедленно приступить к разведке и держать в курсе всех командиров взводов.

Три взвода еще затемно вышли по своим маршрутам. Бесшумно растворились в ночи разведчики Поданько.

Когда над Таманью забрезжил день – он выдался серым и пасмурным, – все было готово: грузовые тюки спрятаны и замаскированы в тайниках; следы высадки заметены вениками, обрызганными пахучей жидкостью, сбивающей с толку немецких собак-ищеек; часовые и заставы, спрятанные в кустах, получили телефонную связь.

Весь день хозяйственники оборудовали пещеры, расчищали и укладывали камнями родники с холодной прозрачной водой. На рассвете следующего дня четвертый взвод, разбившись на группы, отправился на поиски егоринцев.

Целый день бродили десантники по дикому нагромождению скал. Район был безлюден: станции лежали в стороне, дороги далеко обходили эту горную часть Тамани, да и немцы, очевидно, давно уже не заглядывали сюда.

Десантники-партизаны обшарили все кусты, все овраги, но никого не нашли – ни егоринцев, ни трех своих товарищей, пропавших при высадке десанта. И только одна группа поздно вечером принесла Славину постолы, найденные у родника, и два вещевых мешка. В них обнаружили партизанские куртки, белье и записные книжки, принадлежавшие егоринцам.

Славин понял, что еще не так давно егоринцы были здесь, и он отдал приказ продолжать поиски ближе к станицам – там, где горное плато переходило в степь.

К обеду следующего дня телефонистка передала донесение с караульных постов:
– Идут наши, несут егоринцев.

Славин вышел из пещеры. На камнях лежало четыре трупа. Их нашли километрах в десяти от станицы Раевской, в глубокой балке, у ручья. Как видно, партизаны были убиты выстрелами в спину. Надо думать, враги выследили их, устроили засаду и предательски убили их сзади, когда те пили воду из ручья. Один из егоринцев так и остался лежать с пробитой головой в воде. Холодная родниковая вода сохранила лицо, и Славин легко узнал в нем краснодарца Виктора Михайловича Бадаланова.

– Поданько, ко мне, – приказал Славин.

– Смотри, Поданько, – голос у Славина был сухим и строгим. – Смотри, Поданько, и запомни: их убийцы сейчас в Раевской. Разузнай и доложи. Они заплатят!

Десантники еще не успели разойтись по своим пещерам, как подошла вторая поисковая группа. На носилках, сделанных из сучьев и палок, принесли двух егоринцев.

Их отнесли в госпиталь, устроенный в одной из пещер, раздели, уложили, пытались накормить. Они молчали. Тела их были покрыты глубокими гноящимися язвами. Глаза по-прежнему дико смотрели по сторонам. Один из них вскоре потерял сознание.

За егоринцами ухаживали доктор десанта и Аня Чертоляс. Веселая, жизнерадостная, энергичная, она была опытной, внимательной старшей сестрой.

«У Ани рука легкая», – говорили впоследствии егоринцы, которым Аня перевязывала раны.

Старичок-доктор не отпускал ее ни на шаг от себя: все сложные перевязки делала Аня, и она же неизменно помогала ему при операциях.

Славин, беспокоясь об егоринцах, приказал своему радисту немедленно связаться с Краснодаром и вызвать самолет.

Поздно ночью послышался шум мотора. Маленький самолет мастерски приземлился на полянку. Он забрал обоих егоринцев и десантника, сломавшего ногу при прыжке, и еще задолго до рассвета ушел обратно в Краснодар.

К концу шестого дня Славину удалось подобрать около полусотни больных и раненых партизан. Иногда их приносили на носилках – распухших, умирающих. Иногда они приходили сами, опираясь на плечи десантников.

Их находили в пещерах, в глубоких оврагах, у родников, в колючих зарослях.

Все были истощены донельзя. Одни молчали, упорно не отвечая на вопросы. Другие говорили в бреду, не смолкая, но рассказы их были бессвязны.

Ясно было одно: немцы разгромили отряд Егорина. Партизаны, уцелевшие от разгрома, скрылись здесь, в этой пустынной горной местности. Не раз за ними охотились немцы, выпуская собак-ищеек. Одних убивали на месте, других уводили в плен. Те же, которые уцелели, каждую минуту ждали новой облавы, болели, голодали. О судьбе самого Егорина никто из них ничего не мог сообщить, а найти его было более чем необходимо: только он, как командующий партизанскими отрядами на Тамани, располагал необходимыми десантникам сведениями о местных агентурных связях и о расположении местных партизанских отрядов.

Каждую ночь прилетали маленькие самолеты из Краснодара и приземлялись на ровных «пяточках» среди гор. В первую очередь самолеты увозили на Большую землю

наиболее слабых партизан. Остальных Славин оставлял пока в лагере на госпитальном положении.

И каждую ночь Славин ставил усиленные караулы вокруг своей стоянки. Он знал: немцы в конце концов услышат подозрительный шум моторов регулярно прилетающих самолетов и непременно пожалуют сюда...

* * *

Рано утром, на седьмые сутки, передовые посты донесли: идут немецкие горные егеря. И, как только немцы углубились в лесные заросли предгорий, на стоянке партизан все пришло в движение.

Славин приказал немедленно снимать лагерь. Первой ушла врачебно-санитарная часть под прикрытием половины четвертого взвода – ушла на восток, в глубину гор, по направлению к станции Киевской. За ней двинулись хозяйственники и часть штабных работников Пантелея Сидоровича. Остальные, во главе со Славиным и Семенцовым, скрылись в зарослях. У командира уже давно был разработан план встречи незваных гостей.

В лагере осталось человек десять. Они тщательно замели все следы, опрыскали пахучей жидкостью входы в пещеры и скрылись почти под самым носом у немцев. Они знали – егеря не найдут их: ноги партизан были обуты в специальную обувь из резиновых камер – их следов не обнаружит даже самая натренированная ищейка.

Одетые в маскировочные халаты, партизаны, как тени, скользили в гуще кустов, прикрывая отходящее ядро партизанского отряда, а за ними, втягиваясь в ущелье и взбираясь на горки, шли егеря.

Немцы двигались медленно, прощупывая каждую горюшку, каждый овраг. Они видели только камни, кусты, обрывы. Ни малейшего признака человека, ни малейшего намека на то, почему именно здесь, над этим горным безлюдьем, несколько ночей подряд гудели моторы самолетов.

Наступил день. Он выдался на редкость знойным. На небе – ни облачка. Немцы устали. Часть егерей несла по ущелью тяжелые пулеметы. Начался крутой подъем. Идти по камням было тяжело, мучила жажда. Егеря решили отдохнуть. Они выбрали тенистое место под крутой нависшей скалой. Растянулись тут же, на траве, закурили.

Вокруг было тихо. Только птицы перекликались на деревьях и неумолчно трещали цикады.

И вдруг раздался грохот. Сверху полетели камни. Они катились по крутому, почти отвесному склону и лавиной обрушились на отдыхающих егерей. Горное эхо многократно повторило грохот обвала.

Уцелевшие немцы полезли наверх. Но там, на вершине скалы, было пустынно. Только трава была чуть примята, да кое-где виднелись еле заметные следы, оттиснутые тяжелым сапогом.

Другая группа легко вооруженных егерей, то карабкаясь на кручи, то спускаясь в щели, шла в глубину гор.

Неожиданно впервые впереди мелькнула тень. За ней вторая, третья. Один из егерей дал длинную очередь из автомата. Тени метнулись в сторону и исчезли.

Осторожно, крадучись, припадая за камни, егеря двинулись вперед. Но там, где мелькнули тени, уже никого не было. Только ветер шумел в кустах шиповника.

Снова мелькнули тени. Снова – автоматная очередь немцев, и опять никого...

Так повторялось несколько раз. Егеря шли за этими неуловимыми тенями, которые заманивали их все дальше и дальше, и не заметили, что идут по узкой щели. По бокам все выше вздымались скалы.

Наконец разведчики донесли: впереди крутой обрыв.

Егеря сгрудились у края обрыва, стараясь держаться подальше от нависших над щелью скал. Вокруг было по-прежнему тихо. И вдруг на дне глубокого оврага раздался резкий клекот орла. Ему ответил такой же крик на круче справа. Это явно походило на сигналы.

Егеря ждали, готовые открыть огонь, как только появится цель. Прошло несколько томительных минут. За обрывом послышался шорох, приглушенные голоса, шум мелких камней, падавших вниз, и снова шорох.

Три егеря-разведчика подползли к самому краю обрыва и заглянули вниз. Там никого не было, только еле слышно журчала вода и монотонно кричала какая-то птица.

Неожиданно внизу на мгновение мелькнула тень. Один из егерей вскинул автомат. Но он не услышал выстрела: раздался оглушающий грохот. Земля вздрогнула, скалы заколебались и рухнули, увлекая за собой егерей. Остальные, отпрянув назад, открыли беспорядочную стрельбу. Им ответило только эхо...

Прошло несколько минут. Вокруг по-прежнему было тихо. Только внизу, под обрывом, кричали раненые немцы. Егеря спустились вниз. На берегу ручейка они никого не нашли, кроме своих убитых и раненых.

Еще несколько часов бродили егеря по камням и лощинам, ища хотя бы какой-нибудь след, какой-нибудь признак таинственного врага, но так ничего и не нашли. Захватив с собой убитых и раненых, немцы вернулись в степные станицы. И, быть может, многие из них невольно вспомнили рассказы станичников о том, как нечистая сила заманивает путников к проклятым Волчьим Воротам...

Сообщая в Краснодар об этой операции, Славин коротко докладывал и о том, что он раскинул новый лагерь и снова разослал во все стороны поисковые партии.

На этот раз они находили только трупы егоринцев, погибших от болезни или голода, да маленькие холмики земли с перечнем фамилий, торопливо написанных химическим карандашом на скромных столбиках, стоявших в изголовьях.

Ни Егорина, ни трех своих партизан, пропавших при спуске десанта, Славин так и не обнаружил.

Глава II

Первая радиограмма, полученная в Краснодаре от Бережного через передатчик Пантелея Сидоровича, была лаконична:

«Мой взвод в плавнях у Варениковской. Я – в станице. Ожидается приезд из Крыма крупного нацистского чиновника Штейна. Выезжаю встречать его к хутору Чакан».

После этого Бережной надолго замолчал.

В Краснодар стали поступать сведения о некоем Штейне, представителе гаулейтера Крыма, прибывшем в Варениковскую. Эти сведения мы получили не от Бережного и не от Славина. Они исходили от нашей разведки и от наших людей, следивших за немецкими комендатурами. Судя по этим сведениям, поведение Штейна было во многом непонятным, я бы даже сказал – загадочным. Мы в Краснодаре строили различные предположения по поводу этого фашиста. Со временем все странности в его поведении нашли свое объяснение. Но об этом потом...

* * *

Бережной без особых приключений довел свой взвод до окрестностей Варениковской, черноземной хлебной станицы с большими тенистыми садами и глубокими озерами, богатыми рыбой. Здесь провел он свое детство, сюда наезжал он повидать мать, побродить с ружьем, порыбачить. Он помнил здесь каждый лесок, каждую излучину берегов и без особого труда укрыл свой взвод в густых камышах. А сам, захватив с собой Николая, старшину взвода, отправился в станицу.

Николай был старым другом детства Бережного. Вместе они ходили в школу, вместе гоняли голубей, ловили рыбу. И хаты их стояли рядом, и матери их жили, как добрые соседи.

Бережной невольно волновался, пробираясь в станицу. Он думал о том, что сейчас увидит мать, обнимет, поцелует ее.

Друзья медленно ползли, минуя заставы, по огородам, перелезали через плетни, долго лежали в канаве, пережидая, когда пройдет немецкий патруль. Наконец выбрались к своему переулку.

Там, где стояла хата Бережного, чернело пепелище. Даже дворовые постройки были сожжены. Сад вырублен. Только печная труба стояла нерушимо, одиноко чернея, да на краю огорода уцелел старый вековой дуб, который так любила мать Бережного.

У него сжалось сердце: что с матерью? Жива ли? Хата Николая была цела.

– Я подожду здесь, – прошептал Бережной, – а ты сходи домой, разузнай все и вызови сюда Дарью Семеновну.

Николай вернулся через полчаса. За ним шла его мать, старая казачка, кутаясь в темный платок. Она подошла к Бережному и молча обняла его. И здесь, на родном пепелище, Бережной узнал страшную весть...

Мать Бережного немцы взяли месяцев пять назад. Взяли по доносу атамана Мирошниченко. Он сам пришел с солдатами и довольно посмеивался, когда старуху, простоволосую, в легонькой домашней кацавейке, повели по морозу в полицию. Это было еще до разгрома варениковских партизан у каменоломен.

Мать Бережного обвинили в том, что она держит связь с партизанами. Это было правдой; несколько раз она прятала в погребе разведчиков и хранила у себя какие-то пакеты, завернутые в бумагу. У нее потребовали, чтобы она назвала фамилии партизан и указала, где они скрываются. Обещали каменный дом под железной крышей, муку, корову, деньги. Старуха молчала. Ее пытали: били шомполами, втыкали под ногти иголки, ломали пальцы. Мирошниченко присутствовал на пытках и, говорят, сам бил старуху плеткой. Она молчала. На третий день немцы бросили ее изуродованный труп в Кубань. Река вынесла ее тело на отмель. Ночью станичники подобрали труп и похоронили в саду, у старого дуба.

– Когда твою мать уводили в полицию, – рассказывала Дарья Семеновна, – я была у нее в хате. Она, видно, чуяла, что не вернуться ей домой. И она шепнула мне на прощанье: «Если придет мой сын, будь ему матерью». Так-то, сынок...

Бережной внешне был спокоен. Он молча смотрел в сторону, покусывая губы, а Дарья Семеновна сидела рядом с ним и тихонько гладила его волосы – так, как гладила их когда-то мать в детстве...

В переулке за окном слышались шаги: шел немецкий патруль.

– Слышишь? – шепнула Дарья Семеновна.

Бережной кивнул головой.

– Вы схороните нас с Николаем у себя, – негромко проговорил он, – надо обжиться, осмотреться. А там видно будет...

Несколько суток прожили друзья у Дарьи Семеновны. Днем она запирала их в погреб, а по ночам, настороженно прислушиваясь к шорохам на улице, они сидели в темной горнице и старуха, вернувшись с работы, – она была уборщицей в комендатуре – рассказывала им обо всем, что делается в станице: о новых порядках, о гибели варениковских партизан, о предателях, продавших за корову и мешок муки совесть и честь, о полицаях, о Мирошниченко...

Когда-то этот Мирошниченко был первым богачом в станице: имел две паровые мельницы и крупорушку, его паровые молотилки обмолачивали хлеб у доброй половины станичников. Его амбары ломались от зерна; он скупал хлеб в округе, переправлял его в Темрюк, а оттуда хлеб шел за границу.

После революции Мирошниченко арестовали и сослали в Соловки. Он бежал. Поговаривали одно время, что он снова вернулся на Кубань, что будто видели, как он торговал семечками на базаре в Кавказской. Но правда это или нет, никто толком не знал.

В первые же дни прихода немцев он как снег на голову свалился станичникам. Его назначили районным атаманом. И Мирошниченко начал лютовать. Это он приложил руку к расправе над партизанами, выданными предателями, он заперол насмерть молодых казачек, носивших продукты партизанам в каменоломни. Немцы его ценили, и амбары Мирошниченко снова начали ломиться от зерна.

– Вот кого первым надо отправить на тот свет! – не раз говорил Николай, коротая с приятелем долгие часы в погребе.

Бережной отмалчивался. И только однажды спокойно сказал как о давно решенном деле:

– Неужели тебе непонятно, что мне с Мирошниченко тесно жить на земле?

И по тому, как сказал это Бережной, как холодны и суровы были его глаза, Николай понял: Мирошниченко не жилец на этом свете.

Однажды вечером Дарья Семеновна не вернулась домой. Не пришла она и ночью. Друзья, запертые в погребе, встревожились. Они начали было делать подкоп, чтобы выбраться из погреба, и на всякий случай приготовили гранаты. Старуха явилась на рассвете, еле волоча от усталости ноги.

– Ироды проклятые... Уборку затеяли: чистят, белят, красят, будто к светлому празднику готовятся...

Дарья Семеновна рассказала, что немецкое станичное начальство ждет гостей из Крыма – какого-то крупного чиновника. Зовут его Штейн. Его никто не знает из здешних немцев, но все боятся: им известно, что он очень важный и очень злой. Будто он прибудет на катере, по Кубани. Обо всем этом Дарья Семеновна случайно услышала от самого Мирошниченко, когда тот говорил с начальником полиции.

Бережной насторожился. Он заставил Дарью Семеновну еще раз повторить все, что она узнала в комендатуре.

– Да на кой тебе ляд этот проклятый немец? – вспылила, наконец, усталая казачка.

Бережной промолчал.

Ночью друзья ушли из станицы. Прощаясь, Бережной крепко обнял Дарью Семеновну.

– Спасибо вам за все – за ласку, за приют, за то, что матерью мне стали... Когда вернемся, неизвестно. Но дайте мне слово: что бы ни случилось, что бы вы ни увидели – ничему не удивляйтесь. Иначе не сносить нам головы.

Дарья Семеновна только молча вздыхала. Она помнила Бережного еще мальчишкой и знала: этот упрямый, скрытный хлопец все равно не прибавит ни слова. Но просьбу его надо выполнить: он своих слов на ветер не бросает.

В ту же ночь Бережной послал в Краснодар радиограмму, о которой я говорил. А на рассвете, захватив с собой своего аспиранта по институту и двух студентов, он ушел в хутор Чакан, который стоит недалеко от берега Кубани, километрах в сорока ниже Варениковской.

* * *

Комендант хутора Чакан был не на шутку встревожен. Еще бы! Вечером, когда спустились сумерки, к нему на хутор явился представитель гаулейтера Крыма, сам грозный господин Штейн, о котором было известно, что он плывет по Кубани в станицу Варениковскую, но на хуторе как будто останавливаться не собирался.

Голова Штейна была забинтована. Его сопровождали адъютант и два телохранителя – два великана-эсэсовца, удивительно похожие друг на друга.

Господин Штейн даже руки не подал коменданту, – он только чуть заметно кивнул головой. Адъютант сухо и коротко сообщил, что на катер господина Штейна было совершено покушение, что господин Штейн ранен в голову. Рана не опасна, но очень болезненна. Господин Штейн нуждается в отдыхе и приказывает немедленно вызвать на хутор коменданта Варениковского района с охраной, на которую можно было бы положиться. Что же касается команды катера, который стоит сейчас на мели, то господин Штейн приказал оставить ее там впредь до его распоряжения.

Комендант устроил господина Штейна на диване в своем кабинете и тотчас же телефонировал в Варениковскую. Штейн отказался от ужина, потребовал себе только стакан горячего крепкого кофе, рюмку коньяку и заперся в кабинете. У дверей, как изваяния, застыли его телохранители.

Через час явился комендант Варениковского района. Он прибыл на легковой машине в сопровождении броневика и двух грузовиков с немецкими солдатами.

Штейн немедленно принял коменданта. Тот рассыпался было в соболезнованиях по поводу печального инцидента, но Штейн резко перебил его, заметив, что предпочел бы не выслушивать соболезнования, а видеть на деле большую бдительность немецкой комендатуры. Затем он приказал коменданту хутора Чакан с утра начать следствие. Оно должно быть проведено быстро, тщательно, результаты следствия должны быть немедленно доложены лично ему, Штейну, и сохранены в строжайшей тайне: крайне нежелательно, чтобы этот инцидент с представителем гаулейтера Крыма получил огласку среди местного населения.

Садясь в машину, Штейн подозвал к себе коменданта хутора Чакан и приказал немедленно снять конвой и команду катера и оставить их на хуторе до его вызова. Караульных на катере из числа команды менять по очереди.

Машины ушли в Варениковскую. Комендант хутора лично отправился на лодке к месту происшествия, перевез команду катера на берег и только тогда узнал все подробности.

Оказывается, катер поднимался вверх по Кубани до вечера этого злополучного дня. По приказу Штейна, обычно сидевшего в закрытой каюте, на передней палубе катера стояли немецкие солдаты с автоматами наготове, а на носу, за тяжелым пулеметом, постоянно находился пулеметчик.

Километрах в двенадцати ниже хутора Чакан посреди реки встретились песчаные отмели. Самое глубокое место было здесь вдоль левого берега, к которому рулевой и

повел катер. Неожиданно катер, резко дернувшись назад, остановился. От толчка автоматчики упали на палубу. Один из них, падая, нечаянно выстрелил. Пулеметчик, ткнувшись вперед, ударился головой об острые края затылочной части пулемета. Кровь залила ему глаза. Услыхав выстрелы и не видя ничего перед собой, пулеметчик дал длинную очередь. На катере началась паника и беспорядочная пальба.

Из каюты слышалась отчаянная ругань. Потом на палубу вышел Штейн. Его голова была наспех повязана бинтом, на котором выступали красные пятна крови: очевидно, при толчке Штейн ударился обо что-то головой.

Штейн был в бешенстве. Первым, кого он увидел на палубе, был рулевой: вытаращив глаза, тот испуганно смотрел на взбешенного начальника. Штейн выхватил револьвер. Раздался выстрел. Взмахнув руками, словно цепляясь за что-то, рулевой без стоны упал за борт и тотчас же исчез в быстрой, мутной воде Кубани.

К Штейну подошел дрожавший от страха шкипер и доложил, что катер, очевидно, на что-то наскочил и что надо немедленно осмотреть винт, который перестал работать. Штейн буркнул что-то и, пряча револьвер в кобуру, ушел в каюту. Через несколько минут матрос, обследовавший винт под водой, поднял на палубу короткий кусок невода, который намотался на винт катера.

Причина внезапной остановки была выяснена: рулевой тут был ни при чем... Можно было двигаться дальше. Но положение осложнилось тем, что рулевой, застреленный Штейном, был в то же время и лоцманом, прекрасно знавшим изменчивый и капризный фарватер Кубани. И шкипер, становясь за руль, до смерти боялся, что посадит катер на мель.

Так и случилось: не прошел катер и километра от места аварии, как на полном ходу врезался в мель и сел так прочно, что снять его своими силами представлялось делом затруднительным.

На этот раз дело обошлось без выстрелов. Адъютант Штейна, жестоко избив и изругав шкипера, приказал одному из матросов вплавь добраться до берега и пригнать лодку. Между мелью и берегом был с десяток метров быстрины.

Лодка вернулась примерно через час. В ней сидели два гребца – два молодых храбрых немецких солдата. Один из них доложил, что они присланы матросом, которого их командир оставил на берегу.

В лодку сели Штейн, адъютант и два его телохранителя. Через несколько минут лодка скрылась за крутым поворотом реки...

Вот все, что удалось узнать коменданту хутора Чакан от команды катера. А когда на следующий день была организована экспедиция, чтобы снять катер, комендант обнаружил на мели только бесформенный, обгорелый остов: катер сгорел, а караульные, оставленные на нем, исчезли.

Комендант мучился в догадках. Во всем этом происшествии было много непонятного для него.

Прежде всего, каким образом появился невод там, где его не мог поставить ни один мало-мальски толковый рыбак? Затем этот пожар катера: кто его поджег? Все это говорило за то, что тут действует одна и та же рука. Но откуда могли появиться партизаны у хутора Чакан, когда здесь все они были давным-давно обезврежены? И каким образом могли они разузнать о прибытии Штейна, когда даже ему, немецкому коменданту, об этом было сообщено секретно?

Но больше всего коменданта беспокоило другое: матрос, посланный за лодкой с катера, бесследно исчез. Не были обнаружены и те два немецких солдата, которые

привезли Штейна с катера на берег. Они не принадлежали к гарнизону хутора. В этом комендант ничего не мог понять. Он даже не мог как следует организовать поиски пропавших, хорошо помня приказ Штейна: вести следствие тайно и не придавать ему широкой огласки.

Словом, многое было загадочным и непонятным. И комендант после долгих и мучительных раздумий признал за благо ждать и молчать. Он исподволь продолжал следствие, надеясь, что может быть, за это время он раскроет многое из того что было ему неясно, а может быть, и сам Штейн занятый важными делами, забудет о происшествии на хуторе.

Так или иначе, но комендант не послал Штейну донесения...

* * *

В Варениковской Штейна торжественно встретил Мирошниченко. С подобострастным и почтительным видом он выразил соболезнование по поводу происшествия на катере и заверил, что в Варениковской этого не повторится: здесь, мол, власть в руках верных и преданных людей. Он предложил немедленно вызвать доктора, чтобы осмотреть и перевязать рану.

Господин Штейн отказался, сказав, что не привык пользоваться услугами случайных и к тому же едва ли опытных врачей и предпочитает положиться на своего адъютанта, который достаточно сведущ в медицине.

Несколько обескураженный комендант пригласил «дорогого гостя» откусать.

Стол ломился от яств и вин. Но Штейн только пригубил рюмку с вином и едва притронулся к еде. Сославшись на утомление и боль в голове, он отправился в отведенную ему квартиру.

Мирошниченко с комендантом не успели после его ухода усесться за стол, как прибежал связной и доложил, что господин Штейн гневается и немедленно требует к себе коменданта.

Штейн был вне себя от гнева.

– Клопы! – грозно крикнул он, лишь только комендант переступил порог горницы. – Клопы! – повторил он с возмущением и ткнул в лицо атаману свой указательный палец: на кончике пальца было темное красноватое пятнышко.

Перепуганный комендант начал было извиняться, но Штейн не хотел его и слушать.

Тогда комендант, переговорив с Мирошниченко, предложил Штейну перейти на другую квартиру, за чистоту и порядок в которой атаман ручается. Штейн заявил, что никаким ручательствам он не верит: он сам выберет себе квартиру.

И вот на станичной улице появилась необычная процессия: впереди шли комендант и Мирошниченко, за ними – Штейн с адъютантом, сзади – молчаливые телохранители.

Несмотря на недавнее ранение и головную боль, Штейн на этот раз оказался неутомим. Он обошел несколько домов и неизменно браковал их: то комнаты были слишком велики, то они были слишком малы, то окна выходили в сад и это Штейна не устраивало, то они выходили прямо на улицу, а Штейн боялся пыли. Комендант уже отчаялся угодить разборчивому гостю, он уже водил Штейна подряд во все дома, как вдруг неожиданно Штейн остановился на одной хате – она принадлежала Дарье Семеновне, – той самой хате, в которой всего лишь несколько дней назад скрывались Бережной и Николай.

Хата ничем не отличалась от соседних, и горница, которую выбрал Штейн, была меблирована очень скромно. Но Штейн нашел, что здесь идеально чисто, и комендант не стал противоречить. Мирошниченко услужливо справился, надо ли удалить

хозяйку или ей будет разрешено остаться? Дарья Семеновна стояла в горнице и бледная как полотно смотрела то на Штейна, то на атамана.

Штейн медленно подошел к Дарье Семеновне, внимательно посмотрел ей в лицо и отдельно сказал по-русски, с сильным немецким акцентом:

– Хозяйка останется. Она будет обслуживать меня.

Потом, повернувшись к коменданту, сказал по-немецки:

– В случае необходимости я сам вышвырну ее вон... Вы свободны, господин комендант.

Выйдя из хаты и пройдя шагов десять, Мирошниченко обернулся. Он увидел: на крыльце хаты уже стоял как изваяние один из телохранителей Штейна.

На следующий день атаман и комендант станицы раза три приходили проведать гостя, но не были допущены к Штейну. На крыльцо выходил адъютант и говорил им, что господин Штейн чувствует себя недостаточно хорошо и не может еще заниматься делами. Сказалось нервное волнение и старое ранение господина Штейна.

Ночью любопытный атаман, крадучись, прошел к дому Дарьи Семеновны в надежде понаблюдать за тем, что делает Штейн. Ему показалось, что какая-то тень мелькнула в саду по направлению к дому. Но стоило атаману сделать несколько шагов, как из темноты вырос один из телохранителей и раздалось грозное:

– Назад!

Рано утром атаман подкараулил у колодца Дарью Семеновну и начал ее расспрашивать о госте. Хозяйка ответила, что Штейн почти весь день пролежал в постели, потом поздно вечером вызвал к себе адъютанта и долго с ним разговаривал, перебирая какие-то бумаги. О чем между ними шла речь, она не знает: гости говорили по-немецки.

Утром Штейна снова посетил комендант. На этот раз его приняли. Предложив ему сесть, Штейн кратко и сухо сказал о недовольстве командования германской армии недопустимо медленным сбором хлеба как в самой Варениковской станице, так и в окрестных хуторах. Он считает, что в этом прежде всего виноваты немецкие коменданты. Не в меньшей мере повинны старосты и начальники полиции. Поэтому он требует немедленно доставить все документы, касающиеся сдачи хлеба, – планы, разверстку, ведомости выполнения, адреса и фамилии злостных несдатчиков – и передать их адъютанту. Вечером в доме управления необходимо собрать всех атаманов, старост и начальников полиции. Если позволит здоровье, он сам предупредит их, что германское командование с ними шутить не намерено.

Приказ Штейна был выполнен точно: документы доставлены, атаманов, старосты и начальники полиции собраны в указанный час.

Еще до наступления сумерек комендант зашел за Штейном, чтобы сопровождать его в дом управления. На улице гостя с одной стороны сопровождал комендант, с другой – адъютант, неся тяжелый, объемистый портфель. Сзади, держа руки на спусковых крючках автоматов, шли телохранители. На площади стояли группы полицаяев, охранявшие прибывших станичных атаманов, старост и начальников полиции.

В доме управления Штейна нестройно приветствовали собравшиеся. Штейн сел за стол, рядом с ним поместился его адъютант, поставив свой портфель у ножки стола. За спиной Штейна встали телохранители.

После короткого вступления коменданта начал говорить Штейн. Он повторил то, о чем беседовал утром с комендантом. Только на этот раз он говорил на ломаном

русском языке, с трудом подбирая нужные слова. Но собравшиеся все же поняли главное: начальство гневается на их нерадивость и грозит всякими карами.

Неожиданно Штейну стало плохо. Не закончив начатой фразы, он схватился за голову. Превозмогая боль, он с трудом поднялся из-за стола, приказал собравшимся не расходиться: адъютант проводит его домой и, вернувшись, продолжит собрание.

Адъютант положил портфель на стол и, приказав одному из старост хранить его, взял под руку своего начальника и медленно повел к выходу. Впереди шли комендант и атаман. Сзади, как всегда, Штейна сопровождали телохранители с автоматами наготове.

На площади Штейну стало немного лучше, но комендант и Мирошниченко все же решили довести его до дома.

Штейн и его провожатые только что пересекли площадь, как раздался взрыв. Все невольно обернулись: над домом управления, раскидав крышу, поднялся огненный вихрь.

Штейн первый пришел в себя.

– Немедленно оцепить станицу! – крикнул он. Обернулся к перепуганному коменданту и резко сказал: – Только случай спас нас. Арестуйте всех, кто был на площади. Даже полицаев!

Потом повернулся и, опираясь на руку адъютанта, быстро зашагал к дому Дарьи Семеновны. За ним шли по-прежнему невозмутимые и молчаливые телохранители...

...Сообщение о взрыве в доме управления атамана мы получили в Краснодаре довольно быстро: его передали нам наши агенты. Бережной молчал. Мы строили разные догадки, волновались за него и жалели, что Штейну и Мирошниченко чудом удалось спастись.

* * *

События в Варениковской развивались быстро.

Вскоре мы получили сообщение о гибели Мирошниченко.

Как выяснилось потом, атаман как-то раз ночью, надев валенки и накинув на плечи полушубок, хотя июльская ночь была теплой, пошел к своим амбарам. Он частенько хаживал сюда, чтобы еще раз полюбоваться своим богатством и подержать в руках сухое золотистое зерно. Обычно он проделывал это один, но сейчас, перепуганный недавним взрывом, захватил с собой четырех вооруженных полицаев.

Ночь была темная. Где-то далеко на востоке небо бороздили лучи прожекторов. За околицей грохнул одинокий выстрел. Прошел немецкий патруль, и снова стало тихо и пустынно на ночных улицах.

Мирошниченко решил заглянуть в свой самый большой амбар, доверху наполненный зерном. Оно уже было запровано немцам: на днях за ним должны были прийти машины.

Когда Мирошниченко подошел почти вплотную к амбару, ему показалось, будто у стены мелькнула неясная тень. Он остановился, прислушался. Но вокруг было тихо. Постояв минуту и решив, что ему почудилось, атаман приказал сторожу открыть дверь.

В амбаре стоял приятный запах спелой кубанской пшеницы.

Атаман глубоко погрузил руки в зерно. Он перебирал пальцами золотые зерна и, задумавшись, казалось, забыл все на свете. И вдруг он услышал у двери сдавленный крик, шум молчаливой борьбы. Полицаи бросились к выходу. У двери лежал убитый

сторож. В ночной тьме мелькнули тени и пропали. Это было последнее, что увидели полицаи. В амбаре раздался взрыв.

Через несколько минут примчалась пожарная команда, но нелегко потушить сухое зерно, развороченное взрывом в амбаре, подожженном бутылками с горючей жидкостью. Огненные языки лизали пшеницу, черный дым стлался по земле. Засыпанный, задушенный собственным зерном, лежал мертвый атаман.

Когда на пожар прибежал заспанный комендант, он уже застал там Штейна.

Комендант подошел к Штейну. Тот сухо ответил на приветствие, с минуту молча смотрел на коменданта, потом медленно и негромко заговорил. В его голосе слышалась насмешка.

– Давайте посчитаем, господин комендант! У хутора Чакан меня чуть не убили – это раз. Старост и начальников полиции взорвали – это два. Атамана убили – три. Амбар с зерном подожгли – четыре. Что же дальше? Вас повесят? Пожалуй, это будет естественно: вы тряпка, и вам не место в германской армии. Но об этом мы поговорим после. А сейчас я сам займусь тем, чем положено заниматься вам. Немедленно соберите всех здешних полицаев. Я уверен: они знают о партизанах и, боясь мести, потакают им. Выполняйте приказание, господин комендант!

Не прошло и часа, как все полицаи были собраны в доме управления полиции. Вошел Штейн со своим адъютантом. Один из телохранителей стоял на крыльце.

О чем Штейн говорил с полицейскими, как вел он допрос и что выяснилось на допросе, так и осталось неизвестным. Но когда на рассвете станичники вышли на улицу, чтобы посмотреть на догорающее зерно атамана, они увидели: на базарной площади, там, где недавно были казнены варениковские партизаны, качались на огромном старом, широко раскинувшем могучие ветви дереве повешенные полицаи.

Комендант присутствовал при казни. Он смотрел на Штейна, и ему казалось – гостя подменили. Не осталось и следа недавней слабости, вялости движений, болезненного голоса. И, хотя голова Штейна по-прежнему была забинтована, он был полон энергии.

Когда комендант, провожая гостя, прощался с ним у крыльца, Штейн сказал:

– С предателями-полицаями покончено. Но это только начало. Что теперь у нас на очереди, господин комендант?

Комендант не успел ответить: к ним подбежал дежурный по гарнизону и, вытянувшись, доложил:

– В двадцати километрах от Варениковской, в сторону Адагума, разгромлена колонна автомашин с хлебом. Охрана перебита, машины с зерном исчезли.

– Та-а-ак, – процедил сквозь зубы Штейн. – У вас, оказывается, партизаны работают?

Потом, помолчав, продолжал все тем же пугающе спокойным голосом:

– Немедленно организуйте облавы с собаками. Осмотрите каждую лощину, каждый кустик. Партизаны должны быть пойманы. Иначе... вы знаете: верховное командование не постесняется применить крайние меры к тем, кто не выполняет его волю. Ступайте.

Комендант поспешил выполнять приказание.

– И еще вот что, господин комендант, – остановил его Штейн. – Через час жду вас к себе с подробным планом операций. План должен быть в двух экземплярах. Копию я оставляю себе. Все.

Через час Штейн с комендантом обсуждали план облавы на партизан. Штейн вникал во все подробности, внимательно обдумывал каждую деталь. И у коменданта

создалось впечатление, что этот важный нацистский чиновник, всего лишь несколько дней назад прибывший из Крыма, знает окрестности станицы лучше, чем он, комендант Варениковского района.

Штейн вызвал адъютанта и, передав ему копию плана, сказал:

– Храните у себя и позаботьтесь, чтобы все было в порядке.

Адъютант вытянулся, щелкнул каблуками и, повернувшись, вышел из горницы.

– Помните, господин комендант: я требую точного исполнения своего распоряжения! – еще раз строго напомнил Штейн.

Всю ночь Штейн не спал: вместе с комендантом он принимал донесения связных. А донесения были неутешительны: партизан обнаружить не удалось. Больше того, одна из немецких команд попала в ловушку и была почти полностью уничтожена.

Штейн негодовал. Он обвинял коменданта в том, что разбалованные солдаты гарнизона разучились воевать, что они относятся к своим обязанностям спустя рукава, что они трусливы и не выполняют приказов командования, и даже обмолвился о том, не гнездится ли измена в самой комендатуре: уж очень подозрительно это обилие неудач.

На рассвете Штейн приказал вызвать из хутора Чакан свой личный конвой, прибывший из Крыма, указав ему точный маршрут и время выступления.

– Я сделаю с моими людьми больше, чем вы со всем вашим гарнизоном, – заявил он коменданту.

К вечеру в Варениковскую пришло сообщение о том, что конвой Штейна наткнулся на партизан, завязал с ними бой и полностью был уничтожен.

Комендант долго не решался сообщить об этом Штейну, но сообщить все-таки пришлось. И, странное дело, Штейн довольно спокойно принял это сообщение: не топал ногами, не грозил. Он только сухо и коротко приказал немедленно же созвать всех комендантов и командиров немецких команд, находящихся в станицах и окрестных хуторах: он будет лично говорить с ними.

Выступление Штейна на этом совещании было довольно коротким и весьма энергичным.

– Господа офицеры! – заявил он. – Я не буду напоминать вам о том, что произошло за последние дни в Варениковском районе. Надеюсь, еще достаточно свежи в памяти покушение на мой катер у хутора Чакан, гибель старост и начальников полиции, смерть районного атамана, пожар амбара с зерном, разгром транспортных колонн, уничтожение моего конвоя. Я хочу только задать вам один вопрос. Кто хозяин в этом районе: вы, представители победоносной германской армии, или партизанские банды разгромленной России? Вы, обладающие всей мощью современной военной техники, или эти партизаны, орудующие ножом и дубиной? Я вынужден сделать вывод, что все же не вы хозяева этого района... Один из вас (мне не хочется назвать его имя) как-то обмолвился в беседе со мной, что над районом нависло какое-то проклятие. Я не верю во всю эту вредную сентиментальную чушь. Я верю в одну силу, существующую на земле, – в силу непобедимой германской армии. И если здесь не видно проявления этой силы, я делаю единственный вывод: люди, представляющие ее в нашем районе, не оправдывают доверия верховного командования. Они должны быть отстранены и судимы. Но я не хочу сейчас принимать крутых мер, хотя имею на это достаточно широкие полномочия. Я хочу сделать еще одну попытку. Комендант Варениковского района доложит вам план операций против партизан. Вы будете его выполнять точно, без всяких отклонений. Но если и на этот раз вас постигнет неудача, я буду вынужден

со всей резкостью довести об этом до сведения господина гаулейтера Крыма и полагаю, что верховное командование примет самые суровые меры...

Но, очевидно, действительно какое-то проклятие нависло над немцами в Варениковском районе. Партизаны по-прежнему оставались неуловимыми. Был разгромлен большой немецкий обоз, шедший под прикрытием броневиков. Партизаны убили двух немецких офицеров, захватив у них важные секретные документы.

Штейн помрачнел. Он курил одну папиросу за другой. Его адъютант писал какие-то пространные донесения. Комендант с минуты на минуту ждал суровой кары...

Обо всем этом знали в Краснодаре. Но знали не из донесений Бережного: он по-прежнему молчал. Некоторые из нас склонялись к мысли, что Бережной погиб, хотя никто другой, кроме его взвода, не мог орудовать в Варениковском районе. Все продолжало быть загадочным до того памятного вечера, когда пришла, наконец, радиограмма от Бережного.

* * *

Хорошо помню, как однажды вечером мне позвонили из штаба партизанского движения Юга и попросили зайти: получены важные сообщения.

– От Бережного? – спросил я.

– Приходите – узнаете.

В штабе мне показали пространную расшифрованную радиограмму. Она была подписана Славным и Бережным. В ней сообщалось, что взвод Бережного по-прежнему имеет свою основную стоянку в плавнях около Варениковской и в настоящее время значительно пополнился за счет добровольцев. Затем шло перечисление операций, проведенных взводом (о большинстве из них нам было известно), и наконец, самое главное. Славин сообщал, что Штейн убит у хутора Чакан и что вместо Штейна действует Бережной под видом представителя гаулейтера Крыма. Пока все шло гладко, но последнее время Бережной стал подозревать, что за ним организована слежка. Поэтому он намерен покинуть Варениковский район и направиться в сторону Анапы, тем более что это согласуется с общим планом действия десанта.

В заключение Славин объяснил долгое молчание Бережного тем, что передатчик Бережного временно вышел из строя, а сам Славин сознательно молчал, боясь, что немцы перехватят радиограмму и расшифруют работу Бережного.

Вот и все, о чем сообщалось в радиограмме. Остальные подробности мы узнали значительно позднее, но о них следует сообщить сейчас, иначе многое останется непонятным.

Когда Бережной, узнав от Дарьи Семеновны о предстоящем приезде Штейна, отправился на хутор Чакан, у него еще не было определенного плана действий. Захватив с собой своего аспиранта по институту, двух студентов, Николая, семь партизан и прихватив на всякий случай мундиры немецких офицеров и два комплекта солдатской одежды, он решил, что на месте будет виднее, как надо действовать.

Узнав на хуторе, что Штейн еще не приехал, но что его ждут со дня на день, Бережной раздобыл лодку и отправился вниз по Кубани, решив попытаться организовать крушение катера. Здесь его постигла неудача: катер, наткнувшись на протянутый партизанами невод, только остановился. Когда же катер сел на мель и с него был послан на берег матрос, Бережной решил начать сложную и рискованную игру. Быстро облачившись в мундир немецкого офицера, он встретил матроса и без труда узнал от него, что Штейн требует лодку. Матроса задержали. Студенты

превратились в немецких солдат и подплыли к катеру. Когда лодка со Штейном и его свитой скрылась от глаз команды за поворотом, один из студентов резким движением перевернул лодку, а другой в это время оглушил ударом весла обоих телохранителей Штейна. Все немцы пошли ко дну, за исключением самого Штейна, – он выплыл, и его пришлось прикончить в воде. Затем началось переодевание: Бережной превратился в Штейна, аспирант – в его адъютанта, студенты стали его телохранителями. Остальные партизаны тщательно замели все следы и, когда конвой Штейна и часть немецкой команды покинули катер, напали на оставленный на катере караул и утопили его в Кубани. Потом сняли катер с мели, скрыли в камышах, а на его место поставили большую старую рыбацью лодку и подожгли ее. Так Штейн появился на хуторе Чакан. В Варениковской Бережному-Штейну удалось, как мы знаем, устроиться у Дарьи Семеновны. Тут чуть было все не сорвалось. Дело в том, что Бережной, уходя из хутора Чакан, приказал Николаю пробраться к матери и предупредить ее о маскарade. Но Николаю не удалось этого сделать, и Дарья Семеновна была захвачена врасплох. Однако она не растерялась, узнав в Штейне своего нареченного сына. Старушка не подала вида, памятуя его просьбу – ничему не удивляться, и все сошло благополучно. Дарья Семеновна вела себя прекрасно во все время пребывания Штейна в станице. Через нее Бережной поддерживал связь со своим взводом. Почти каждую ночь Николай пробирался к матери и получал указания или от самого Бережного, или через его адъютанта. Николай же доставил из плавней кислотную мину, с помощью которой был взорван дом управления.

Устройство этой мины, которую мы с успехом применяли еще в нашем отряде, очень несложно. Действие ее основано на том, что кислота разъедает тонкую металлическую перегородку в стеклянной пробирке, в которую налита кислота, и, соединившись с другим составом, вызывает взрыв. Бережной спрятал мину в портфель. Пока адъютант держал портфель вертикально, кислота не соприкасалась с перегородкой... Но лишь только, уходя вместе с Бережным, он положил портфель горизонтально, началось действие кислоты, и через несколько минут мина взорвалась...

Бережной, отправляясь в дом управления атамана, решил отложить казнь коменданта и Мирошниченко и поэтому увел их с собой. Он сделал это прежде всего потому, что должен был всячески оберегать себя от каких-либо подозрений.

С Мирошниченко партизаны Бережного расправились несколько позднее, когда тот в одну из ночей пошел к своему амбару.

Все дальнейшее было уже значительно проще. Запугав коменданта, Бережной добился от него, казалось бы, беспрекословного подчинения и, заранее зная, когда и куда направлялись немецкие команды, действовал наверняка.

Однако два последних дня Бережной чувствовал себя беспокойно.

Как-то раз, поздно вечером, он услышал во дворе сердитый голос Дарьи Семеновны, старушка была чем-то встревожена и недовольна. Потом послышалось хрюканье, скрип двери в хлеву. Немного позднее в горницу вошла хозяйка. Она сердито швырнула в угол какой-то мягкий сверток.

– Ирод проклятый! – негодовала Дарья Семеновна. – Да никогда не бывать тому, чтобы я ему сына нареченного выдала. Пусть жилы тянет, кости ломает – не скажу, ни слова не скажу! Горы золотые давай – все равно ничего не узнаешь...

Оказывается, уже в течение нескольких дней комендант приставал к Дарье Семеновне с расспросами о Штейне: что он делает, какие лекарства принимает, кто

перевязывает ему голову, тяжело ли он ранен?.. Старушка отделялась полным незнанием: она видит господина Штейна, только когда он по нужде на двор выходит, потому что дверь в горницу всегда закрыта и туда ее не пускают. Но комендант привязался как репей, задабривал ее, сулил гостинцы и, наконец, сегодня приказал дать ей свинью, сам вручил ей шерстяной отрез на платье и строго-настрого приказал – хоть в замочную скважину, а поглядеть, что делает Штейн.

Бережной понял: у коменданта зародилось по отношению к нему подозрение.

Потом пришел один из его телохранителей и доложил, что в саду задержан немецкий солдат, как раз в тот момент, когда он подкрадывался к окну горницы, занимаемой Бережным. Солдат оправдывался тем, что немного выпил и заблудился, и хотя он действительно был пьян, но не настолько, чтобы бродить по чужим огородам.

Бережной встревожился: как видно, комендант решил во что бы то ни стало подкрепить свои подозрения.

На следующий вечер Дарья Семеновна пришла домой встревоженная еще сильнее и рассказала, что в Варениковскую приехал комендант хутора Чакан. Оба коменданта заперлись и о чем-то долго совещались. Старушка слышала, что они несколько раз повторяли в разговоре фамилию Штейн. Потом комендант Варениковской станицы позвал машинистку и передал ей какую-то бумагу.

– Совершенно секретно! – сказал он ей. И тут же, вызвав радиста, приказал ему зашифровать эту телеграмму и немедленно передать ее по адресу. Каково содержание телеграммы и кому она адресована, старушка, конечно, узнать не могла, но была уверена, что телеграмма о нем, о Бережном, и что ничего хорошего в ней не написано.

– Уходи в плавни, сынок. Уходи! – уговаривала она Бережного. – Досидишься здесь до лютой смерти, чует мое сердце.

– Уйти, мать, легко. Но я еще не сполна рассчитался с немцами. А вы идите спать и не волнуйтесь: меня голыми руками не возьмешь.

В эту ночь пришел Николай. Он принес Бережному приказ Славина перебраться к Анапе: по донесению Дубинца, Егорин будто бы сидел в анапской тюрьме. Никто, кроме Бережного-Штейна, не может точно установить это.

Всю ночь проговорили Бережной с Николаем. Об этом разговоре я узнал много времени спустя, когда Кубань уже была освобождена от немцев и я навестил раненого Николая в полевом госпитале в Варениковской.

– Когда я узнал обо всем, – рассказывал мне Николай, – о подарках матери, о слезке, о приезде коменданта Чакана, о радисте, у меня волосы на голове от страха зашевелились.

«Переодевайся – и сейчас же со мной в плавни!» – сказал я Бережному.

«Нет, я поеду в Анапу», – спокойно ответил он.

«Неужели ты не понимаешь: игра кончена».

«Нет, игра не кончена, Николай. Козырей у них маловато. На одних подозрениях далеко не уедешь и одними догадками господина Штейна из седла не вышибешь – слишком я важная персона. Но, слов нет, игра стала опасной».

«Неужели ты не боишься?»

«А ты разве видел совсем бесстрашных людей? Я не видел... И я не верю рассказам о том, что человек, впервые попавший под оружейный или минометный обстрел, под пулеметные очереди, впервые услышавший над головой рев пикировщиков, не испытывал страха. Это ложь, рисовка. Не верю я также и тому, что человек может родиться трусом и самой природой ему уже никогда не дано побороть страх. Чушь».

Храбрым может быть каждый. Только одному удастся быстро справиться со страхом, а другому эта победа дается трудно. Вот и все... Не знаю, к какой категории людей меня следует причислить, но я могу тебе сознаться: когда я в этом проклятом мундире явился к коменданту хутора Чакан, я трусил. Так трусил, что даже мурашки по спине пошли. Но... ведь я коммунист, Николай... И потом еще – мое сердце переполнено ненавистью, и эта ненависть убила страх. И уж не я дрожал перед комендантом, а комендант передо мной. То же самое было и здесь, в Варениковской. То же будет и в Анапе. И даже еще больше, чем здесь... Я знаю, риск велик. В Анапе мне волей-неволей придется иметь дело с высшими немецкими офицерами, с представителями гестапо – с опытными фашистскими ищейками. Вне всяких сомнений, там уже известно мое поведение в Варениковской. Оно, безусловно, должно вызвать некоторые подозрения и уж во всяком случае известную настороженность. К тому же первая недостаточно правильно составленная мною немецкая фраза, плохая осведомленность в фашистских делах могут привести к провалу. В Анапу часто приходят пароходы из Крыма. В любую минуту я могу встретить немецкого офицера, который лично знал настоящего Штейна, и встреча эта будет не из приятных... Я прекрасно вижу весь риск, но твердо знаю и другое: ненависть поборет страх, и трусом я не буду. Ты думаешь, что я очертя головупру на рожон? Нет, вовсе нет! Я все продумал и хочу повторить тот же трюк, который так помог мне в Чакане: ты должен организовать покушение на мою персону по дороге в Анапу, и я явлюсь в город разгневанным. Как я заметил, немцы перестают соображать что-либо, когда гневается высшее начальство».

Вот что говорил мне Бережной в ту ночь, – закончил свой рассказ Николай. – Мы с ним долго сидели, обсуждая детали покушения. На прощанье он просил меня заняться комендантом Варениковской. «Любопытные немцы нам ни к чему», – сказал он мне.

Через день представитель гаулейтера Крыма под сильной охраной отбыл из Варениковской в Анапу, сказав коменданту, что чувствует себя плохо и хочет показаться опытным анапским врачам.

Помню, я был взволнован рассказом Николая. Я очень ясно представил себе Бережного – этого спокойного, замкнутого в себе человека, надевшего вражескую личину и окруженного врагами. Сотни глаз следили за каждым его движением, за каждым словом. Какое нужно было иметь мужество и твердое сердце, чтобы не дрогнуть, не споткнуться на тяжелом пути, которым он шел!..

Глава III

Дубинец со своим взводом пробрался, наконец, после долгих скитаний к окрестностям Анапы. Здесь, со стороны станицы Раевской, тянулась цепь небольших горушек. Крутыми обрывами подходили они к морю и полого спускались в степь. Их склоны были покрыты садами и виноградниками, и Дубинцу казалось очень заманчивым именно здесь, в этой гущине садов, спрятать свой взвод.

Но немцы зорко охраняли береговую линию: на хуторах, в сторожках стояли немецкие караулы, и Дубинец спрятал своих ребят в высокой густой траве, что буйно росла на отрогах горушек, – там, где кончались сады и начиналась степь. Партизаны вырыли себе норы за камнями и тщательно замаскировались.

Дубинец ушел в Анапу. В городе у него было много друзей: семьи товарищей, с которыми он когда-то ходил по Черному морю, его однокашники по школе, соседи по рыбалке, приятели по веселым пирушкам.

Своей штаб-квартирой Дубинец выбрал небольшой каменный двухэтажный дом недалеко от центра, рядом со сквером, в тихом переулке, выходящем к морю. Здесь жило несколько семей, знакомых Дубинцу. Большинство их было семьями моряков, и Дубинца они приняли, как родного. Здесь же, среди подростков, быстро сдружившихся с бывалым веселым моряком, он набрал своих первых разведчиков. Число их росло с каждым днем. Среди них были и недавние школьники, еще вчера носившие пионерский галстук, и седобородые анапские рыбаки, и домашние хозяйки. Дубинец разбил их на группы, и только начальники групп знали, где он скрывается, получали от него задания, докладывали ему о том, что удалось узнать. Сеть своих осведомителей Дубинец раскинул по всей Анапе и скоро знал обо всем, что делалось в городе: как велик немецкий гарнизон, где он расквартирован, какие корабли приходят в порт, чем они грузятся и что выгружают; где живут начальники полиции и гестапо и кто из русских перешел на службу к немцам.

Однажды в сумерки, пробираясь домой, Дубинец заметил, что следом за ним неотступно идет какой-то подозрительный субъект. На следующее утро этот же субъект со скучающим видом сидел на лавочке сквера, наблюдая за переулком, в котором стоял дом Дубинца. Немедленно была организована слежка: группа мальчишек не упускала этого человека из виду весь день и к вечеру донесла, что он вошел в здание гестапо. На следующее утро немецкий патруль обнаружил труп шпиона. С проломленной головой он был сброшен с обрыва на берег моря...

Вечером на дом, где жил Дубинец, был устроен налет. Гестаповцы перерыли все подвалы и чердаки, но ничего подозрительного не обнаружили.

Дубинец сидел в это время в одном из соседних домов, в квартире отца своего старого друга, черноморского рыбака, и видел, как уходили разочарованные и усталые агенты гестапо.

Разведка Дубинца, крепла и ширилась. Его люди были в порту, в комендатуре, в полиции, в тюремной больнице. Группы разведчиков пробрались в Джемете – винный совхоз недалеко от Анапы, где стояли резервы немецких частей, охранявших город и побережье. Под неусыпный надзор были взяты все дороги, идущие над морем. Осведомители Дубинца находились и в населенных пунктах Су-Псех и Су-Кко.

Так кропотливо готовился Дубинец к основной операции, которую задумал Славин, – к налету на город.

Дни проходили. Партизаны из взвода Дубинца постепенно перебрались в Анапу. И теперь каждый день жители Анапы читали очередные сводки Советского информбюро. Их принимала взводная радиоустановка, переписывали сначала от руки, а потом печатали городские машинистки. Ребятишки ловко расклеивали их на заборах, засовывали в почтовые ящики на дверях, в телеги колхозников, приезжавших на базар, в сумки домохозяек.

Но главного, для чего Дубинец явился в Анапу, он так и не мог разузнать: где Егорин и его товарищи по отряду?

Егорин как в воду канул. Во всяком случае, в списках арестованных, сидевших в анапской тюрьме, его не значилось. И Дубинец уже отчаялся узнать что-либо о судьбе Егорина, как вдруг однажды к нему явился загорелый паренек – сын его старого друга, погибшего в схватках с контрабандистами, рассказал о случайно подслушанном разговоре двух пьяных полицейских. Один из них рассказывал, как несколько месяцев назад в Раевской была арестована группа партизан, которых полиция заманила в западню.

Два дня Дубинец затратил на то, чтобы познакомиться с этим полицаем. Всю ночь он пил с ним в одном из тайных приморских кабачков, и в конце концов Дубинец выжал из полицая все, что было тому известно.

Действительно, в Раевскую хитростью заманили группу партизан Егорина. Большая часть их была перебита, остальные взяты в плен. Среди пленных полицая запомнился мужчина лет сорока, с черной бородой. Он отказался назвать себя. Его пытали, но он не сказал ни слова. Через несколько дней его перевезли в анапскую тюрьму, но кто он такой и где он сейчас – этого полицай не знал.

Можно было предположить, что человек с черной бородой и был Егориним. Дубинец рассказал об этом Поданько, когда встретился с ним за городом, и узнал от него, что на днях в Анапу приезжает Бережной. Он явится под видом Штейна и попытается разузнать о Егорине. Будет ли сам Бережной участвовать в налете, он, Поданько, не знает: все зависит от того, как встретят Штейна в Анапе. Во всяком случае, Славин подтягивает свои силы к городу, и Дубинец должен быть готовым в любой момент нанести удар.

– Наконец-то! – обрадовался Дубинец. – Моим ребятам надоело сидеть без дела.

* * *

Дубинец видел, как Штейн прибыл в Анапу. И если бы ему не было известно, что это Бережной, он не узнал бы своего товарища.

Стоял жаркий полдень. Улица была залита солнцем. С базара спешили по домам запоздавшие домохозяйки. По теневой стороне улицы шагали немецкие офицеры.

Неожиданно раздался пронзительный рев сирены. Из-за угла показалась автомобильная колонна. В голове ее шел грузовик с немецкими автоматчиками. Вид у них был далеко не бравый: многие были ранены; их грязные зеленые куртки хранили следы недавнего боя. Солдаты тревожно оглядывались по сторонам, будто ждали нападения из-за угла.

За грузовиком шла бронированная машина. Она тоже носила следы недавнего и горячего боя. В ней сидели немецкие офицеры. Дубинец тотчас узнал среди них начальника гестапо Анапского района. Рядом с ним он увидел высокого молодого мужчину, одетого в полувоенный костюм. Его голова была забинтована. Он держался прямо, неподвижно, будто аршин проглотил. Выражение лица недовольное, надменно брезгливое – типичный фашист, упоенный своим величием. Что-то неуловимо знакомое было в этом лице, в посадке головы, в разрезе глаз, и Дубинец понял, что это и есть Штейн.

Покушение на господина Штейна удалось на славу. Николай с товарищами ухитрился вывести из строя не один десяток немецких солдат и даже повредить машину, в которой ехал Бережной. Это было сделано после того, как Штейн выскочил из машины и бросился на партизан, выпустив в них весь заряд своего парабеллума.

Штейн, добравшись до ближайшего хутора, вызвал по телефону начальника гестаповцев Анапы и распек его так, что тот дрожал как осиновый лист.

Теперь в руках у Бережного были козыри: прежде всего он был на волосок от смерти, на его жизнь покушались партизаны, и в схватке с ними он проявил храбрость – это снимало с него всякие подозрения, если бы они даже и возникли в связи с его поведением в Варениковской. К тому же это давало ему возможность отказаться от банкетов, где он мог встретиться с нежелательными крымскими знакомыми Штейна.

В доме коменданта, куда приехал Штейн, к нему подошел немецкий офицер и отрекомендовался обер-лейтенантом Бернсом, начальником Анапского порта.

Пожимая руку Бережному, немец смотрел на него удивленными глазами и тотчас же начал смущенно извиняться.

Дело в том, что у него, обер-лейтенанта Бернса, есть друг Отто Штейн: они вместе росли и учились в Мюнхене. В последнее время Штейн состоял при господине гаулейтере Крыма. Узнав, что Штейн прибыл в город, Берне поспешил к нему. Но оказалось, что здесь произошло какое-то недоразумение.

Бережной на какое-то мгновение растерялся. Ему надо было собраться с мыслями. И тут помогла все та же повязка на голове, которая уже не раз его выручала. Сделав вид, что у него мучительно болит голова, он выгадал те несколько секунд, которые были нужны, чтобы придумать ответ.

Да, господин обер-лейтенант совершенно прав: Отто Штейн действительно работает в Крыму и даже собирался выехать на Кубань. Но в самый последний момент господин гаулейтер передумал и послал в командировку его, тоже Штейна, но только родом не из Мюнхена, а из Веймара. Он сожалеет, что надежды господина обер-лейтенанта повидаться с другом не сбылись...

Однако Бернс не унимался. Господин Штейн поймет его настойчивость – он почти год не виделся с другом и хотел бы услышать, как он выглядит и как здоровье его супруги, госпожи Амалии Штейн... Бережной уже вошел в роль: конечно, он с удовольствием расскажет все, что знает о семье его друга, но, к сожалению, только не сейчас. У него неотложное дело. Они встретятся сегодня же, за обедом. И господин Штейн вежливо поклонился.

Обращаясь к начальнику гестапо, Бережной потребовал, чтобы ему показали тюрьму.

– Те безобразия, которые творятся партизанами в районе, – резко заявил он, – заставляют предполагать, что к этим бандитам, заключенным в тюрьме, относятся также спустя рукава. Кроме того, у меня есть подозрения, что в тюрьме находится неопознанным один из вожаков партизан.

Вскоре Бережной уехал в тюрьму. Он никогда в жизни не видел Егорина. У него была только фотографическая карточка, переданная ему Славиным: невысокий мужчина с густой черной бородой, одетый в украинскую вышитую рубашку, весело улыбался, держа на руках свою маленькую дочурку. Снимок был сделан год назад. За этот год Егорин пережил горечь разгрома своих отрядов, ужас пыток, и кто знает, как он выглядит сейчас. Быть может, стал сутулым, седым стариком...

В особом крыле, где содержались наиболее важные арестованные, Бережной вместе с начальником тюрьмы обходил камеру за камерой, внимательно вглядываясь в лица заключенных. Он изредка задавал вопросы и что-то записывал в свою записную книжку.

Егорина не было среди арестованных. И вдруг в одной из камер Бережной увидел человека с черной с проседью бородой. Арестованный лежал на нарах, и разглядеть его лицо было трудно.

– Поднять его! – приказал Штейн.

Арестованный сам с трудом поднялся. Он был страшен: осунувшееся худое лицо было все в ранах и кровоподтеках: всклокоченная черная борода светилась сединой. Левая рука, очевидно, была сломана и висела как плеть.

Бережной узнал в нем Егорина.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Глаза Егорина горели ненавистью, у него дергалось левое веко. Казалось, он сейчас плюнет в лицо этому проклятому фашисту. А Бережному хотелось броситься ему на шею, обнять его и шепнуть на ухо: «Потерпи, дорогой. Мы помним о тебе!» Но он только коротко спросил:

– Кто это?

Начальник тюрьмы почтительно доложил, что это один из партизан, захваченных в Раевской, и что он до сих пор отказывается назвать себя.

Теперь Бережной был окончательно убежден, что перед ним Егорин. Он еще раз внимательно посмотрел на него и невольно отвел глаза: столько ненависти и презрения было во взгляде арестанта.

– Опасный субъект, – процедил сквозь зубы Штейн. – На Кубани слишком нянчатся с ними. На Украине все гораздо проще. Держите его в этой камере. Я сам займусь им.

В коридоре Бережной задержался и сделал какие-то пометки у себя в книжке: ему надо было точно установить, где расположена камера Егорина, чтобы Славину не пришлось плутать по тюремным коридорам.

Больше Бережному нечего было делать в тюрьме. Но, чтобы не вызвать никаких подозрений, он продолжал осмотр. Сославшись на головную боль, он бегло оглядел следующую камеру, в которой, по заявлению начальника тюрьмы, сидели партизаны, захваченные в Раевской. У него действительно разболелась голова от смрада в переполненной арестованными тюрьме, от вида родных изуродованных, измученных людей.

Последняя камера была до отказа набита арестованными. Они вповалку лежали на нарах, сидели на полу, стояли, прислонившись к стенам. Некоторые из них, очевидно, только что перенесли пытку. В камере пахло кровью, слышались стоны...

Бережной повернулся, чтобы уйти из этого ада, и вдруг почувствовал на себе чей-то настойчивый, напряженно-внимательный взгляд. Обернувшись, он увидел – перед ним лежал на полу партизан его взвода, один из тех троих, которых при выброске десанта ветер отнес в сторону и которых Славин так и не мог отыскать.

Глаза арестованного были широко раскрыты. Бережной видел в них удивление, надежду, радость. Измученный пытками и заключением, партизан, увидев перед собой близкого человека, не отдавая себе отчета, поднялся и, протянув вперед руки, бросился к Бережному.

Бережной понял: все решают секунды. И он не растерялся: быстрым, сильным ударом он свалил партизана с ног.

– Связать! – приказал он начальнику тюрьмы и вышел из камеры.

В коридоре он остановился.

– Мой старый знакомый, – еле сдерживая волнение, проговорил Бережной. – Участвовал в покушении на меня. Это было в Крыму. Его сообщники понесли должную кару, ему же удалось бежать.

Из тюрьмы Бережной отправился к коменданту города, мучительно думая о том, под каким предлогом отказаться ему от обеда, как отделаться от обер-лейтенанта Бернса и поскорее выбраться из Анапы.

Бережному неожиданно повезло: комендант передал ему радиogramму, полученную через Варениковскую: гаулейтер срочно вызывал Штейна в Крым и сообщал, что за ним выслан в станицу катер. Дополнительные распоряжения вручены майору Ридеру, который прибудет с катером.

– Я должен немедленно выехать в Варениковскую, – сказал Бережной коменданту, показав радиogramму. – От обеда, к сожалению, придется отказаться. Распорядитесь о машинах.

Комендант вышел. Бережной быстро написал два письма – Славиному и Николаю. Письма через адъютанта были переданы одному из телохранителей Штейна. Тот вышел на улицу и отдал их немецкому солдату – это был переодетый партизан Дубинца.

В письме к Славиному Бережной сообщал, в каких камерах сидят Егорин и партизаны, начертил набросок плана тюремного коридора. В записке к Николаю давались подробные инструкции и приказ немедленно передвинуться в район хутора Чакан.

Бережной, конечно, прекрасно отдавал себе отчет в том, что, возвращаясь в Варениковскую, где ждет его майор Ридер, присланный гаулейтером Крыма, он рискует жизнью. Разумней всего было бы скрыться по дороге из Анапы, но Бережной очень скоро понял, что сделать ему это не удастся. Дело в том, что комендант, то ли из усердия, то ли желая быть твердо уверенным в том, что господин Штейн действительно вернется в Варениковскую, приказал отряду мотоциклистов и броневнику сопровождать машину Бережного. Волей-неволей приходилось возвращаться в Варениковскую и доводить игру до конца...

Когда Бережной сел в машину, к нему подошел обер-лейтенант Бернс. Он был не так любезен, как в прошлый раз. Сухо пожелал счастливого пути, выразил сожаление, что им так и не удалось побеседовать, и сказал, что немедленно же свяжется по радио со своим крымским другом.

В голосе немца чувствовалась угроза, и Бережной не нашелся, что ответить. Он молча козырнул, сел в машину и поймал себя на том, что машинально расстегнул кобуру револьвера. Он чувствовал: петля вокруг него затягивается все туже.

* * *

Для Славина началась страдная пора: он готовил сложную операцию в Анапе и хотел применить в этой операции так называемый «принцип максимального эффекта», которого обычно придерживался наш отряд, когда работал в тылу у немцев: каждая операция имеет самостоятельное значение, но одна вытекает из другой, и все вместе помогают в итоге выполнить основную, решающую задачу.

Об этой операции мы в Краснодаре узнали не сразу. Славин долго не давал о себе знать – его передатчик работал с перебоями, и сведения приходили к нам кружным путем. Как обычно в таких случаях, они были отрывочны и часто противоречивы. Полная картина стала для нас ясна уже много времени спустя, когда сам Славин рассказал нам об этой памятной ночи...

Славин начал с того, на что мы обращали особое внимание на занятиях в филиале нашего Планческого «вуза» в Краснодаре на Октябрьской: с разведки, с самой тщательной разведки, с наблюдения и вдумчивой подготовки.

Разведчики Поданько буквально сбивались с ног.

Прежде всего через Дубинца они наладили связь с его приятелем, работавшим на электростанции. Она помещалась на краю Анапы, близ дороги на Джемете, за тремя рядами колючей проволоки, в зданиях большого гаража МТС, и снабжала энергией служебные помещения немцев.

Прияатель Дубинца оказался не очень решительным человеком. Его пришлось довольно долго уговаривать, но в конце концов он выполнил свою задачу образцово: на электростанцию им были доставлены толовые шашки.

Одновременно люди из группы Дубинца разведали все подходы к небольшому мостику, что находился на дороге из города в село Анапское, где были расположены немецкие мастерские и резервы анапского гарнизона.

По ночам с большой осторожностью разведчики обследовали дороги, ведущие к совхозу Джемете. Много труда стоило Славину разместить своих людей поблизости от радио- и телефонной станций. Ребятишки, сменяя друг друга, дежурили у квартир бургомистра и начальника полиции, тщательно следя за тем, как ведут себя «хозяева города».

Разведчики Поданько взяли под наблюдение станицу Раевскую и разузнали, кто виновен в пленении Егорина. Кроме того, разведчики следили за шоссе у станицы Натухаевской и за полевым аэродромом, обнаруженным Поданько. Здесь обычно находилось мало машин, но сюда часто прибывали немецкие машины для заправки, возвращаясь в Крым из далеких рейдов по нашим тылам. На аэродроме всегда хранился большой запас горючего и авиабомб и стояла сильная охрана.

Наконец, лучшие люди отряда были направлены на подготовку нападения на тюрьму: здесь предполагалось нанести главный удар – как по своей значимости, так и по силе предполагаемого немецкого сопротивления.

Нелегко было Славину составить этот план комбинированного удара. В его распоряжении было слишком мало людей.

Характер же операций был очень разнообразен: намечались взрывы, открытые нападения и засады. Все это надо было сочетать воедино, наметить последовательность отдельных операций, предвосхитить возможность неожиданностей, провалов, неудач.

Славин вместе с начальником штаба Пантелеем Сидоровичем мастерски составил этот план: ему помог его недюжинный организаторский талант и опыт партизанской борьбы.

Наконец наступила ночь решающего удара. Она выдалась темной и облачной.

Начал приятель Дубинца: немецкая электростанция взлетела на воздух. Свет в городе погас. На улицах началась беспорядочная стрельба.

Немецкая городская комендатура подняла тревогу и вызвала подкрепление.

Первыми двинулись резервы гарнизона из села Анапского. Машины с автоматчиками помчались в город.

На их дороге находился тот самый маленький мостик, подходы к которому изучали люди Дубинца. Мостик, сваи которого были подпилены, рухнул под первой же машиной. Грузовик провалился в канаву. На него наскочила следовавшая за ним машина и, опрокинувшись, загородила шоссе.

Тогда немцы, найдя съезд с высокого шоссе, направились по боковому проселку через болото. Их головная машина прошла около двухсот метров и взлетела на mine. Взрыв был так силен, что не только уничтожил первый грузовик, но и разбил кабину второго, убив шофера. Третья машина, не успев затормозить, наскочила на первые две и разбилась...

В эту ночь ни один немецкий солдат так и не прибыл из села Анапского в город.

Вторым выступил на помощь Анапе немецкий резерв из совхоза Джемете. То ли здесь не оказалось в то время машин, то ли они были неисправны, но немцы решили добраться до города пешим порядком.

Первая колонна, беглым шагом выйдя из ворот, у ближайшего поворота дороги напоролась на мины. Немцы повернули обратно и бросились по второй – боковой дороге. Но и здесь их ждали мины. Даже целина оказалась заминированной.

Уцелевшие фашисты кинулись на пристань. Тут наши минеры сплеховали: по плану Славина пристань должна была взлететь на воздух, но она не взлетела – взорвалась единственная мина на левой окраине пристани.

Немцы разместились по моторным лодкам: они решили морем, через бухту, добраться до города. Однако план Славина был тем и хорош, что предвидел и эту возможность. В море немцы вышли, но до города не доплыли: анапские рыбаки, завербованные Дубинцом, заблаговременно подобрались к причалам, сняли часовых, утопив их в море, продырявили моторки и забили отверстия временными затычками, быстро размокшими в воде. Ни одному немецкому солдату не удалось выбраться на берег.

В городе тем временем события нарастали с каждым часом.

Партизаны Дубинца почти без потерь ворвались на телефонную станцию, сняли холодным оружием охрану и разбили аппараты. Ребятишки, разделившись по группам и пользуясь сумятицей, ловко резали телефонные провода на улицах.

Но у радиостанции дело обстояло далеко не так гладко. Немцы встретили атакующих партизан плотным огнем. Появились первые убитые и раненые среди десантников. Вторая их атака также была отбита. Положение становилось критическим. И только подкрепление, вовремя присланное Славиним, решило исход борьбы: напав с тыла, десантники ворвались на радиостанцию и разгромили ее.

Дом начальника полиции атаковала небольшая группа бойцов из взвода все того же Дубинца. Схватка была короткой, но горячей: немцы били разрывными пулями, и двое десантников упали мертвыми у крыльца. Начальника полиции настигли в кабинете. С простреленной головой он рухнул на свой письменный стол.

К бургомистру Анапы отправился сам Дубинец. У него были свои особые счета с бургомистром, но какие – он не сказал никому, кроме Славина. И Славин ему разрешил разделаться с бургомистром, хотя на Дубинца в эту ночь возлагалась самая ответственная и решающая операция: он должен был вместе с Поданько штурмовать тюрьму.

В дом бургомистра партизаны ворвались сравнительно легко, хотя и здесь не обошлось без жертв: немецкий часовой, спрятавшись в саду, тяжело ранил одного партизана.

Но в доме бургомистра не оказалось, хотя Дубинец твердо знал, что тот никуда не уходил. Дубинец бегал по комнатам, заглядывал под кровати, под рояль, за шторы. Бургомистр будто в воду канул. А время, отпущенное Славиним, истекало: товарищи у тюрьмы ждали, и промедление могло быть роковым...

В последний раз обходя комнаты, уже потеряв надежду отыскать хозяина, Дубинец вдруг увидел: из платяного шкафа торчат петли подтяжек. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, скорее со злости, чем по здравому смыслу, Дубинец рванул за подтяжки. Дверь шкафа открылась, и на пол, как мешок с мукой, вывалился бургомистр. Он был так перепуган, что даже не кричал...

* * *

Расправу с предателями в станице Раевской, повинными в пленении Егорина и гибели его бойцов, Славин приурочил к той же ночи решающего удара. Это было

сделано с умыслом: нападение на станицу Раевскую должно было сковать гарнизон станицы и не дать ему возможности оказать помощь Анапе.

Операция в Раевской оказалась не из легких: здесь стояли тылы фронта. Но план операции был разработан великолепно, и она закончилась даже с меньшими потерями, чем предполагал Славин. Впрочем, и задачи этой операции были ограничены: не трогая гарнизона, а только сковывая его, не покушаясь на склады продовольствия и боеприпасов, расправиться с предателями.

Небольшая группа бойцов Семенцова, усиленная штабниками и хозяйственниками Пантелея Сидоровича, устроила шумную демонстрацию в направлении складов. Немцы, не уверенные в своих силах, допустили промах, на который и рассчитывал Славин: стянув почти весь гарнизон к складам и оголив станицу, фашисты ограничились пассивной обороной. Этого только и нужно было партизанам. Неслышно подкрались они к намеченным хатам и без особого труда разделались с предателями.

Славин приказал взять живьем атамана, начальника полиции и коменданта. Это не удалось: в операции участвовали слишком горячие головы, все хорошо помнили страдания и гибель егоринцев. Дольше всех оборонялся комендант: он отстреливался до последнего патрона.

Взрывы и пальбу в Раевской услышали немцы в Тоннельной и немедленно отправили в Раевскую колонну машин с автоматчиками.

В дороге, услышав взрывы в Анапе, колонна разделилась: часть, подъехав к крутому повороту, свернула к Раевской, а другая помчалась по шоссе в город.

Славин учел и эту возможность. Его минеры еще с вечера заложили «чемоданчики» на обеих дорогах.

Как рвались здесь машины и много ли их было уничтожено, так и осталось невыясненным: минеры, заложив «чемоданчики», по приказу Славина ушли сражаться в Раевскую. Известно одно: ни в станицу, ни в Анапу машины из Тоннельной в ту ночь не пришли...

Диверсия у полевого аэродрома была исключительной по своей дерзкой смелости. Аэродром лежал в степи, заросшей чахлой, невысокой травой. По ночам время от времени немцы освещали степь ракетами. Они пускали ракеты в стороне, стараясь не обнаружить аэродром и скрыть его от наших бомбардировщиков. Это и дало возможность минерам Славина подползти к дороге, ведущей с аэродрома к городу, и заложить на ней мины.

Когда грохнули первые взрывы в Анапе, из ворот аэродрома по тревоге на полной скорости вышла колонна грузовых машин. Здесь в точности повторилось то же самое, что было у села Анапского: первые две машины взлетели на воздух. Колонна остановилась. Немцы посоветались и решили продолжать путь пешком. Ускоренным маршем они двинулись к Анапе. На грузовиках остались только водители. Боясь наскочить на мины, медленно, осторожно – спешить теперь им было некуда – они начали разворачивать свои машины. В это самое время на них и набросились десантники. Схватка была короткой и тихой – десантники орудовали только ножами.

Захватив машины, десантники из взвода Семенцова под командой его помощника залезли в кузова и легли плашмя. За высокими бортами их не было видно. В кабину первой машины сел один из учеников Бережного, студент «немецкой группы», специально посланный сюда Славиным. На нем был комбинезон, который обычно носили шоферы немецких машин.

Машины повернули назад.

Предстояло выполнить самую рискованную часть операции – проникнуть за колючую изгородь аэродрома.

Как и следовало ожидать, ворота были закрыты. К головной машине подошел обер-ефрейтор. Студент-водитель по-немецки коротко доложил о взрывах на шоссе. Ворота раскрылись, и десантники оказались на территории аэродрома.

Роли были заранее распределены: одни бросились к жилым постройкам, другие к самолетам, третьи к складам авиационных бомб и запасам горючего. Пока все шло гладко: растерянные немцы оказали слабое сопротивление. Десантники подожгли постройки и, сняв часовых, забросали гранатами самолеты, укрытые в капонирах.

Но у склада авиабомб завязалась ожесточенная схватка. И эта задержка оказалась роковой для десантников.

Немцы пришли в себя и открыли огонь. От горящих построек и самолетов на аэродроме было светло, как днем. Десантники оказались в двойном кольце – колючей проволоки и немецких автоматчиков.

Казалось, спасения нет. Десантники падали один за другим...

Мне рассказывал об этом бое один из немногих десантников, которым удалось спастись. Он видел: студент, тот самый, что говорил с часовым у ворот – фамилия его Ракитин, – неожиданно метнулся в сторону и исчез за горящей казармой. Бой подходил к концу. Кольцо немецких автоматчиков сжималось. И вдруг раздался оглушающий взрыв. Он повторился сотнями новых разрывов: это рвались на складе авиабомбы. Никто не знает, как удалось Ракитину подобраться к складу. Он шел на верную смерть: лишь гранатой можно взорвать этот склад. Но он знал: этот взрыв спасет товарищей. И, не задумываясь, он пошел на смерть и бросил гранату.

Взрыв разорвал кольцо немецких автоматчиков. Десантники бросились в образовавшуюся брешь. Они пробежали сотню метров под свистящими осколками рвущихся бомб, сняли заслон у запасных ворот и вырвались в степь... Их осталась всего лишь маленькая горсточка. Операция обошлась дорого, но удалась на славу: самолеты и склад были уничтожены, а группа немецких автоматчиков, которая шла на помощь гарнизону Анапы, услышав взрывы на аэродроме, вернулась обратно.

Так была предупреждена возможность оказания помощи немецкому гарнизону Анапы из других станиц.

Немецкий гарнизон в городе по-прежнему сражался без всякой поддержки со стороны. Группы немцев бросались из одного места в другое – туда, где грохотали взрывы и шла ожесточенная стрельба. Часть охраны тюрьмы и гестаповцев кинулась в центр города. На улицах их в упор расстреливали автоматные очереди.

И вот тогда-то Славин направил свои основные силы на штурм тюрьмы.

Первыми начали бой гранатометчики Поданько. Они бросились к тюремным воротам и угловой башне. Это было так неожиданно и дерзко, что немцы вначале растерялись и позволили морякам-десанникам почти вплотную подойти к главному входу. Противотанковые гранаты сорвали с петель исковерканные створки ворот. С грохотом рухнули они на каменные плиты мостовой.

Бойцы Поданько ворвались на тюремный двор. Но тут неожиданно немцы ударили из пулемета с угловой караульной башни. Длинная пулеметная очередь скосила пятерых морячков Дубинца. Остальные залегли.

Пулемет продолжал бить. Он не позволял поднять головы. Пулеметчика надо было снять во что бы то ни стало.

Поданько рассчитал: если незаметно прокрасться вдоль тюремной стены, можно, воспользовавшись перерывами в пулеметных очередях, подавить пулемет гранатой. И Поданько пополз...

До того места, откуда он решил бросить в пулеметчика гранату, остались считанные шаги. И вдруг из-за угла постройки выглянул немецкий автоматчик. Он заметил Поданько, поднял автомат. Еще несколько секунд – и Поданько погибнет. Кто-то бросается на автоматчика сзади, сбивает его с ног...

Поданько оборачивается на шум борьбы. На мгновение он видит знакомое лицо, вьющиеся волосы. Он спешит на помощь. Но там уже все кончено. Немец лежит, раскинув руки, а рядом с ним, крепко сжимая карабин, лежит Аня Чертоляс.

– Аня! Почему ты здесь? Уходи!..

– Молчи... Я не могла иначе. Я должна быть с тобой...

Грохочет взрыв. Это рухнула угловая караульная башня с тяжелым пулеметом. С новой силой разгорается схватка на тюремном дворе.

Из глубины двора начинают бить еще два пулемета. Они ведут перекрестный огонь. Вспыхивают ракеты. На тюремном дворе светло, как днем. Огонь со стороны немцев становится все ожесточеннее: очевидно, сюда, на внутренний двор, немцы стянули всю охрану тюрьмы. Десантники несут тяжелые потери: один за другим падают моряки Дубинца, сраженные немецкими пулями. Но партизаны прочно удерживают тюремные ворота и пролом стены у взорванной угловой башни. В передней цепи бок о бок бьются Поданько и Аня...

Аня слышала, что предстоит налет на тюрьму и что Поданько должен нанести главный удар. Она не находила себе места. Умоляющими глазами смотрела она на старика-доктора. И тот не выдержал:

– Вижу, это сильнее тебя. Иди. Уж я как-нибудь один, без тебя... – Старик поцеловал Аню.

Пантелей Сидорович, отправляя на помощь в Анапу всех, кого можно было снять с охраны, отпустил и Аню. Она подросла вовремя, чтобы спасти любимого человека.

...Несколько немецких автоматчиков появляются на крыше тюрьмы и оттуда на выбор бьют десантников. Надо отходить. Но Дубинец медлит...

– Аня, уходи...

Резкая боль обжигает руку Поданько, он роняет автомат. Аня бросается к нему, быстро разрезает рукав. Ее опытный глаз сразу же определяет: рана неопасная, кость не задета.

У противоположной стороны тюрьмы раздается глухой взрыв: это, наконец, минеры Дубинца вступили в бой.

– Огонь! – кричит раненый Поданько. – Огонь! – и, преодолевая боль, посылает длинную очередь из автомата...

План Славина был прост: Поданько со своими людьми наносит отвлекающий удар по воротам и угловой башне тюрьмы; Дубинец ждет, когда немцы стянут все силы во двор, чтобы с противоположной стороны ворваться в тюрьму.

Так и случилось. Выждав положенное время, минеры Дубинца, сняв часовых, бросаются к тюрьме. Прикладом выбивают металлическую сетку вентиляционного хода в наружной стене. Взрыв толковых шашек образует узкую брешь, которая ведет в коридор того крыла тюрьмы, где сидит арестованный Егорин.

Первым в щель проникает Дубинец. Он хорошо запомнил план, присланный ему Бережным: по коридору направо вторая дверь, над ней цифра 7 и четвертая дверь под № 9.

Сбит замок с двери – и Дубинец в камере...

– Запомни, браток, – сказал ему Славин, провожая на операцию. – Приказываю вывести из тюрьмы Егорина, его партизан и трех наших парашютистов. И больше никого. Знаю, это тяжело – оставить людей в тюрьме. Но другого выхода у нас нет: иначе погубишь и Егорина, и наших партизан, и тех, кого пожалеешь. Понял, Дубинец? Ты отвечаешь мне головой за это.

Дубинец не думал тогда, как будет тяжело видеть умоляющие глаза заключенных и их протянутые руки...

У одного из парашютистов перебита нога. Моряк взваливает его на спину. Но выйти в коридор уже нельзя: там жужжат пули, и охранение еле сдерживает наседающих немцев.

– Гранаты! – приказывает Дубинец.

После гулких разрывов гранат наступает тишина. Дубинец бросается к бреши в стене. Отверстие очень узко – трудно протолкнуть в него Егорина и тяжелораненого парашютиста.

К немцам бежит подмога.

Дубинец торопит моряков. Надо как можно скорее вынести в пролом в стене освобожденных партизан.

Неужели эта минутная задержка и подоспевшая помощь к немцам сорвут операцию? Дубинец решает пожертвовать собой и новым взрывом закрыть за товарищами пролом в стене.

– Ты уходи, сынок, – говорит Дубинцу старый черноморский рыбак. Он тяжело ранен и сознает, что ему спасенья нет. – Беги! Я задержу гадов...

Дубинец последним вылезает наружу. Сзади раздается взрыв. Это старик швыряет противотанковую гранату. Обрушившиеся кирпичи закрывают брешь...

Поданько, получив донесение об уходе из тюрьмы группы Дубинца, дает сигнал отхода. Отстреливаясь, его бойцы исчезают в лабиринте ночных анапских улиц.

Группа Дубинца с освобожденными партизанами спешит в соседний переулок. Там, во дворе одного дома, их ждут две грузовые машины, захваченные у немцев. В них размещаются освобожденные и их освободители, и грузовики мчатся на юг, по дороге в Су-Кко...

Проехав несколько километров, машины по команде Дубинца останавливаются. Партизаны сталкивают пустые машины под откос. По еле заметной тропе группа Дубинца, помогая спасенным партизанам, спешит к пещерам в глубине гор.

* * *

Утром немцы срывали со стен анапских домов листовки, напечатанные на шапирографе. В них немецкое командование ставилось партизанами в известность, что происшествия этой ночи – дело рук таманских партизан и что население города к ним не причастно. Под листовками стояла подпись:

«Народные мстители казачьей Тамани».

Глава IV

Потери десанта были очень велики: несколько десятков тяжелораненых лежали в пещерах рядом со спасенными егоринцами. Их надо было как можно скорее отправить на Большую землю и получить новое пополнение.

Еще до ночи решающего удара Славин думал об этом. Ему удалось связаться по радио с начальником штаба отрядов новороссийских партизан инженером Сыскутовым. В то время Сыскутов работал на катерах-охотниках, отданных партизанам черноморскими моряками. Партизаны Сыскутова совершали изумительные по дерзости рейды. Под дулами немецких орудий, среди минных полей, каждую минуту рискуя встретиться с немецкими эсминцами, катера Сыскутова забрасывали в тыл немцам диверсантов, снабжали их взрывчаткой, оружием и увозили обратно больных и раненых.

Не всегда эти рейды были удачны. Не раз катера взрывались на минах, гибли в неравных боях с немецкими военными судами, но оставшиеся работы своей не прекращали.

Сыскутов обещал Славину в нужный момент подойти к условленному месту около Су-Кко. Первый рейд прошел благополучно; два катера-охотника, погрузив на борт часть тяжелораненых (среди них был и больной Егорин, который сообщил Славину все необходимые сведения о своих агентурных связях), без всяких приключений достигли Большой земли. Во второй рейд вышла целая флотилия. Флагманом шла канонерская лодка «Червоный казак» с подкреплением Славину, состоящим из партизан-моряков отряда «Норд-ост» и остатков отряда рыбаков «Новый».

«Червоного казака» сопровождали катера-охотники. Флотилией командовал сам Сыскутов. Кроме подкрепления он вез Славину боеприпасы и намеревался вывезти большую партию раненых десантников и всех егоринцев.

Обстановка на море была благоприятной для операции. Ночь выдалась темной и бурной. Небо было закрыто черными, низкими тучами. Задувал штормовой ветер.

До места высадки было уже недалеко: флотилия прошла мыс Хако. Неожиданно у носа «Червоного казака» раздался взрыв. Высоко кверху взметнулся столб воды. Канонерская лодка, подорвавшись на mine, быстро затонула.

Катера-охотники, осторожно обходя место взрыва, начали подбирать тонувших. На борт удалось поднять лишь двадцать шесть человек из сорока девяти. Сыскутова среди них не было... Не меньше часа кружили катера вокруг места, где произошла авария, разыскивая командира, но так и не нашли его. Близился рассвет. Надо было затемно закончить разгрузку и погрузку, и катера пошли к условленному месту у Су-Кко.

Сыскутов объявился позднее. Хороший пловец, он сам добрался до берега, где его подобрал отряд моряков «Норд-ост».

* * *

Бережной вернулся в сопровождении отряда охраны в станицу Варениковскую за несколько дней до событий в Анапе. Когда он подъезжал к станице, на сердце у него было тревожно.

Бережного встретил прежний комендант: очевидно, за этот короткий срок Николаю не удалось ликвидировать любопытного немца. Комендант был сдержан, сух, и Бережной еще сильнее насторожился.

Комендант поспешил доложить, что господина Штейна ожидает в станице майор Ридер, приехавший из Крыма. Майор просит разрешения немедленно же переговорить с ним: он привез пакет от гаулейтера Крыма, адресованный господину Штейну.

Ридер явился тотчас же. Это был стройный мужчина лет тридцати пяти, в мундире эсэсовца. Держался он холодно и независимо, как будто не Штейн, представитель всемогущего гаулейтера, был хозяином в станице, а он, майор Ридер.

С первого взгляда Бережной почувствовал, что перед ним сильный, хитрый и опасный враг. Сердце тревожно сжалось. Знал Ридер или нет лицо настоящего Штейна?..

Силой воли Бережной преодолел волнение. Он весь напрягся, как перед рискованным, опасным прыжком.

Внешне он оставался совершенно спокойным. Не спеша взял пакет, не спеша прочел адрес. Посмотрел на большую сургучную печать, закурил и только после этого, вскрыв конверт, начал читать.

Он читал медленно, чувствуя на себе внимательный, настороженный взгляд майора. Ни один мускул не дрогнул на лице Бережного, когда он пробежал глазами приказ гаулейтера немедленно явиться в Крым для объяснений. В конце приказа говорилось:

«Маршрут следования сообщен майору Ридеру и должен быть точно соблюден господином Штейном».

Это походило на арест.

Небрежно бросив письмо на стол, Бережной поднялся:

– Ну что же, я очень рад. Я, признаться, устал от всей этой кубанской неразберихи... Когда мы отправляемся, майор?

– Сегодня после полудня.

– Так скоро? – устало спросил Бережной.

Это его встревожило. Надо было во что бы то ни стало протянуть время и дожидаться известий от Николая: только в этом был единственный и очень небольшой шанс на спасение.

– Мне бы хотелось предварительно осмотреть катер и познакомиться с охраной. Я достаточно натерпелся от этих... партизан.

Майор с Бережным пошли к берегу.

Катер понравился Бережному: это было прекрасное новое быстроходное судно. Но охрана его никак не устраивала: на палубе выстроилось десятка три бравых эсэсовцев.

– Не слишком ли роскошно для моей скромной персоны? – улыбнулся Бережной. – Мне думается, майор, нам с вами хватит половины. Остальные будут нужнее здесь, в этой беспокойной станице.

Чуть заметная улыбка тронула губы майора, и он ответил:

– Я не властен ничего изменить: таков приказ господина гаулейтера.

Спорить было бесполезно. Бережной равнодушно пожал плечами и направился к станице.

На улице ему неожиданно стало плохо. Он прислонился к плетню.

– Что с вами, господин Штейн?

– Голова болит... рана...

– Вы показывались врачам в Анапе? – быстро спросил майор.

Бережной не знал, что ответить. Ведь он ездил в Анапу специально для того, чтобы повидаться с опытными врачами. Комендант, разумеется, рассказал об этом майору.

– Да, я был у врача, – слабым голосом, все еще держась за плетень, ответил Бережной.

– У кого именно?

– У... Лютценшвабе. – Бережной назвал первую пришедшую на память немецкую фамилию.

– У Лютценшвабе? – удивленно переспросил майор. – Я не знаю такого специалиста в Анапе.

– Может быть, я путаю... После ранения у меня ослабла память. Но мне кажется, что это был именно Лютценшвабе.

– Когда же вы его посетили, господин Штейн? – настойчиво спросил майор. – Насколько мне известно, приехав в Анапу, вы направились в тюрьму, а вернувшись оттуда, уехали сюда, в Варениковскую.

Это было уже слишком. Проклятый майор, оказывается, успел разнюхать обо всем, что делал Штейн в Анапе. Бережной выпрямился и, глядя в упор в глаза Ридеру, раздельно проговорил:

– Мне кажется, господин майор, я не обязан отчитываться перед вами в своих поступках. Ваши настойчивые расспросы по меньшей мере неуместны.

Майор начал извиняться:

– Вы меня не так поняли, господин Штейн. Я беспокоюсь о вашем здоровье, тем более, что часа через два мы должны отправиться в путь.

– Об этом не может быть и речи, – спокойно ответил Бережной. – Больше того, я боюсь, что нам придется задержаться здесь дня на два, на три: анапский доктор настойчиво рекомендовал мне отдохнуть несколько дней после всех этих неприятных происшествий...

– Но это невозможно. Господин гаулейтер...

– В письме господина гаулейтера, – перебил его Бережной, – нет указаний, что я должен выехать именно сегодня. К тому же господин гаулейтер не осведомлен о моей ране и о моей болезни.

– Напротив, в Крыму известно все, что произошло и на хуторе Чакан и здесь, в станице. Я получил приказ немедленно доставить вас в Крым.

– Мне не известен этот приказ, господин майор! Тем не менее, я лично объясню при встрече господину гаулейтеру причину нашей задержки и доведу до его сведения о вашей настойчивости.

– Мы должны выехать именно сегодня!

– Нет, господин майор. Я выеду тогда, когда сочту это возможным для себя. И ни часом раньше.

– В таком случае, я вынужден сообщить об этом в Крым.

– Я хотел просить вас об этом! – и «Штейн», оставив майора на улице, зашагал к домику Дарьи Семеновны.

Бережной лежал на кровати и думал о том, что он был неправ во время своего последнего разговора с Николаем. Да, игру следовало кончать именно тогда. Теперь же, пожалуй, ему не удастся вырваться из петли. Хотелось бы знать, чем кончатся переговоры майора с Крымом?

Только бы не подвел Николай, только бы он сделал все так, как было условлено, и тогда еще неизвестно, кто кого перехитрит, господин майор!

Часа через два пришла Дарья Семеновна. На ней лица не было. Майор расспрашивал ее о Штейне, за каждым шагом ее следят двое полицаев. Вот и сейчас они сидят на скамейке в палисаднике...

– Доигрались мы, сынок... – говорила Дарья Семеновна, сидя на постели Бережного. – Уж больно хитер этот немецкий майор, не чета нашему дураку-коменданту.

– Не тревожьтесь раньше времени, – успокаивал Бережной старушку. – Ночью придет Николай, и все уладится.

– Разве только что Николай поможет...

Но в эту ночь Николай не пришел. Один из «телохранителей» Штейна, дежуривший на крыльце, доложил, что вокруг хаты ходят немецкие патрули и часовые стоят на огороде.

Этого Бережной не ожидал. Он оказался под арестом. Теперь Николаю не пробраться к нему. А ведь Николай – его последняя надежда.

Когда на следующее утро майор снова явился справиться о его здоровье, Бережной потребовал, чтобы часовые были сняты.

– Это роняет престиж германской армии. Вы создаете впечатление, что мы боимся русских. Я прошу немедленно убрать часовых.

– К сожалению, господин Штейн, – сухо ответил майор, – такова точная инструкция, полученная мною из Крыма.

Прошли еще одни сутки – страшные сутки для Бережного. Он лежал на кровати, каждую минуту ожидая развязки. Он мучительно думал, как вырваться ему из плена. Но выхода не было.

Наконец он принял решение: ждать еще двое суток и, если Николай не даст знать о себе, попытаться ночью вместе со своими «телохранителями» и адъютантом прорвать охрану и уйти из станицы. Шансов на успех было мало, но лежать на кровати и ждать, когда за ним явится майор, было не вмоготу Бережному.

Поздно вечером пришла Дарья Семеновна. Доброе лицо ее сияло радостью.

– Весточка от Николая, сынок! – сказала она. – Когда я брала воду в колодце, подошла ко мне моя племянка, та, что живет на выселках, и сказала: «Тетя Даша, Николай наказал передать тебе, что все готово». Больше ничего не сказала и ушла.

Бережной неожиданно вскочил с постели, приподнял и закурил по горнице Дарью Семеновну.

амочка! – взволнованно проговорил он, впервые называя так Дарью Семеновну. – Ведь это жизнь, мама!..

Потом он усадил рядом с собой старушку и сказал:

– Слушайте меня хорошенько. Завтра утром мы все вместе с майором уедем на катере. На реке нас встретит Николай, и мы тогда посчитаемся с майором... Но чем бы ни кончился наш с ним разговор, вам оставаться здесь нельзя. Завтра же утром, как только мы тронемся в путь, отыщите свою племянку – она работает у нас разведчицей – и скажите ей, что я приказал отвести вас в плавни. Там найдете наших. И носа в станицу не показывайте до тех пор, пока или я или Николай не придем за вами.

– Только бы вас с Николкой бог сберег, а со мной, старухой, что может случиться.

– Нет уж, вы сделайте так, как говорю, а то сердце у нас будет болеть за вас...

Бережной послал адъютанта за майором. Немец явился через несколько минут.

– Господин майор, – сказал Бережной, – я чувствую себя лучше и достаточно крепким, чтобы отправиться в путь.

– Вы согласны ехать, господин Штейн? – вырвалось у майора.

– Неужели вы сомневались в том, что я выполню приказ господина гаулейтера? Мы выезжаем завтра, в десять утра. Желаю вам спокойной ночи, господин майор.

Прощаясь, Ридер внимательно посмотрел на Бережного. Он чувствовал, что здесь что-то кроется, но что именно – не мог догадаться.

В эту ночь караул вокруг дома Дарьи Семеновны был удвоен. Но представитель гаулейтера Крыма и его помощники мирно спали в эту ночь: надо было отдохнуть перед завтрашней решающей схваткой.

И только Дарья Семеновна долго молилась перед иконами за своих ребят...

* * *

Катер быстро шел вниз по Кубани. Рулевой хорошо знал фарватер: судно, обходя мели и перекаты, то прижималось почти вплотную к берегу, то выходило на середину реки.

Бережной с пристальным вниманием вглядывался в берега. Здесь, около родной станицы, он знал каждую отмель, каждую извилину реки... Вот в этом густом лозняке, у самой воды переходившем в камыш, он охотился за утками. У старого, высохшего карагача, над крутым обрывом, хорошо клюют окуни на малька... А вот здесь, на этой отмели, он с тем самым голкипером, которого немцы повесили на базарной площади, варил уху на костре, мечтая о путешествии по неизведанным кручам центрального Памира... Бережной испытывал какую-то особую нежность и к этим пушистым головкам камышей, и к желтому прибрежному песку, и к старым, высохшим стволам карагачей...

– Господин Штейн, я попрошу вас отойти от борта.

Бережной обернулся. Рядом с ним стоял майор Ридер.

– Я попрошу вас отойти от борта, господин Штейн, – настойчиво повторил он. – Вы еще недостаточно здоровы, и у вас может закружиться голова.

– Ваша забота обо мне просто трогательна.

– Я исполняю лишь инструкцию, – холодно ответил Ридер.

Катер полным ходом шел вниз по реке. Уже позади остался маленький хутор на берегу, утонувший в зелени садов, и узкая длинная отмель, вся заросшая камышом. Скоро будет крутой поворот...

Бережной спустился в каюту, еще раз проверил свой парабеллум, переложил в левый карман «лимонку» и опять вышел на палубу.

За поворотом показался катер, тот самый, на котором ехал в свое время настоящий Штейн. Катер стоял у берега. На его палубе находилось около десятка немцев. Один из них поднял рупор и попросил помочь: у них испортился мотор, они сами не в состоянии исправить его.

ор быстро и настороженно взглянул на Штейна. Но Бережной равнодушно посмотрел на катер и отвернулся. Казалось, его клонило ко сну.

С катера, стоявшего у берега, повторили просьбу, но майор все еще колебался. У Бережного тревожно сжалось сердце: неужели не пристанут, неужели пройдут мимо? Но внешне он оставался спокойным. Зевнув, он направился к каюте.

– Подойти к катеру! – приказал майор.

Судно майора подошло к борту катера. Бросили швартовые на носу и на корме. Пришвартовавшись, бронированный катер остановился. Конвой и команда высыпали на палубу.

Неожиданно на капитанском мостике первого катера появляется Николай с ручным пулеметом. Струя пуль хлещет по немцам, стоящим на носу.

Майор стреляет в Николая, и Николай падает.

– Руби швартовые! – кричит майор.

Матросы бегут к канатам. Бережной, размахнувшись, бросает «лимонку» в носовую часть. Взрыв гулко разносится по реке. Немцы в смятении: они не заметили, кто бросил гранату сзади. Там стоит только господин Штейн, представитель гаулейтера Крыма.

Майор Ридер вскидывает револьвер и стреляет в Штейна. Острая боль обжигает плечо Бережного. Он в упор выпускает всю обойму своего парабеллума в Ридера. Майор замертво падает на палубу...

Воспользовавшись суматохой и растерянностью немцев на бронированном катере, партизаны, сидевшие в прибрежных кустах густого лозняка, стреляя на ходу, бросаются через катер Николая на немецкое судно. Завязывается рукопашная схватка.

Немцы, укрывшись за палубными надстройками, за бронированным бортом, за бухтами канатов, открывают сильный огонь. Партизаны, теряя убитых и раненых, отходят назад.

Адъютант перевязал рану Бережного. Они стоят на корме. Немцы не трогают Бережного: он по-прежнему остается для них представителем гаулейтера.

Бережной понимает: не теряя секунды, надо создать перелом.

Бережной и его помощники стреляют во фланг немцев. Среди немцев замешательство. Партизаны еще раз бросаются на бронированный катер и прорываются на его палубу...

Через несколько минут все было кончено...

После боя Бережной прежде всего подошел к Николаю. Тот был тяжело ранен в грудь, и взводная сестра перевязывала его.

– Придется тебе, дружище, хорошенько отдохнуть в плавнях, – сказал Бережной. – А жаль. Признаться, мне хотелось поплавать с тобой в море. В плавни скоро придет Дарья Семеновна. Береги ее, брат, она – золотая старушка. Без нее мы с тобой все равно ничего не сделали бы...

Но Дарья Семеновна так и не пришла в плавни. Николай, лежа в госпитале, рассказал мне, что, когда, в день отъезда Бережного, она вместе с племянницей уходила из станицы, за околицей их остановил немецкий часовой. Племянница, выхватив револьвер, уложила его на месте. Женщины побежали. Но сзади них раздалась автоматная очередь – очевидно, немцы следили за ними, – и Дарья Семеновна упала. Племянница успела юркнуть в кусты и благополучно добралась до стоянки партизан...

Николаю так и не удалось найти, где немцы закопали его мать. Он знал только одно: мать умерла тут же, за околицей, немцы не пытали ее.

– Да, прав был Бережной: золотой она была человек, настоящий...

В госпитале Николай передал мне связку документов, найденных у майора: их Бережной приказал отдать при случае мне. Среди документов был приказ майору Ридеру: гаулейтер приказывал привезти Штейна в Крым, не прибегая к формальному аресту; Штейн должен быть доставлен живым, и только в самом крайнем случае майору разрешалось применить оружие. Тут же была маленькая записная книжка в темно-зеленом сафьяновом переплете. В ней майор делал пометки для памяти. Одна из страниц была посвящена Штейну.

Майор Ридер писал:

«Чакан. Матрос. Кто привел лодку Штейну? (справка о коменданте).

Взорвать управление атамана могли только свои.

Доктор. Почему он не вызывал доктора?

Комендант Варениковской идиот (доложить полковнику).

Зачем уехал в Анапу? Тюрьма.

Узнать у хозяйки, кто ходит к нему.

Еще раз запросить фото Штейна.

Доктора Лютценшвабе в Анапе нет.

Почему он тянет? Что задумал?..»

– Я еще был на берегу, – продолжал свой рассказ Николай, – когда Бережной, перегрузив на свой бронированный катер большую часть взрывчатки, привезенной мною, и захватив почти всех наших уцелевших бойцов, отдал приказ двигаться вниз по реке. Рана у Бережного была легкой – пуля лишь оцарапала плечо.

Когда катера уходили, Бережной стоял на корме.

– Береги мать! – это были последние слова, которые я слышал от Бережного.

* * *

Полным ходом катера двинулись вниз по реке, миновали, не останавливаясь, Темрюк (здесь судно Бережного вело второй катер на буксире) и вышли в море. И только здесь, наконец, Бережной перестал быть Штейном – он снова стал Бережным. Ему было легко и радостно. Казалось, гора свалилась с плеч. Он сбросил с себя эту проклятую фашистскую маску – и повязку с головы, и напыщенно-брезгливое выражение лица – и снова громко и свободно заговорил по-русски. Он стал самим собой.

Когда же катер подходил к фашистским кораблям, он снова надевал мундир немецкого офицера и небрежно цедил сквозь зубы немецкие слова.

Так началась на Азовском море «свободная охота» за немецкими кораблями двух партизанских катеров: одним из них командовал Бережной, вторым – его недавний адъютант.

Обычно эта «охота» происходила так. Катера Бережного подходили к немецкому пароходу и приказывали ему остановиться. На палубу поднимался Бережной или его бывший адъютант, переодетые немцами, захватив с собой несколько минеров в форме немецких солдат. Они проверяли корабельные документы, бегло осматривали помещения и, вежливо откозыряв, уходили в море... А через полчаса на пароходе происходил взрыв, и пароход шел ко дну: это рвались «чемоданчики» с химическими взрывателями, которые минеры Бережного незаметно оставляли на корабле.

Вначале «охота» шла удачно. Но вскоре немцы разгадали причину гибели нескольких своих кораблей, и началась «охота за охотниками».

На поиски Бережного немцы бросили около десятка своих катеров. Но Бережного не так-то легко было поймать. Его маленькие суденышки умело прятались в случае необходимости за отмелями в лиманах. И только один раз Бережному пришлось принять бой. Немецкий снаряд разорвался на палубе его катера. Был убит один из телохранителей Бережного, легко ранены трое матросов. Но судьба хранила Бережного: пользуясь сгустившимся туманом, он ушел от погони.

* * *

Тем временем в пещерах в глубине гор события развивались своим чередом.

Славин, получив морем подкрепления и боеприпасы, перегруппировал свой отряд, связался с местными подпольщиками и партизанами. Его люди отдохнули, подлечились. Командир распределил их по новым местам.

Взвод Дубинца опять двинулся к Анапе. Часть его осталась в степи, за виноградниками. Остальные проникли в город и расселились по конспиративным квартирам.

Семенцов с остатками четвертого взвода и Поданько со своими разведчиками подобрались под Варениковскую.

Кирилл Степанович уже давно развел свой первый взвод «по домам». Сам он был родом из станицы Старо-Титаровской, и весь его взвод состоял из казаков окрестных станиц и хуторов. Он даже отделения свои подобрал по населенным пунктам: в первом – все были старо-титаровские, во втором – вышне-стеблиевские и ахтанизовские, в третьем – хуторяне Фанталовской и Запорожской, четвертый целиком состоял из жителей города Тамани. Все они незаметно разбрелись по родным местам. Это было тем более просто сделать, что в эти дни здесь была невообразимая толчея: станицы были забиты частями немцев, перебрасываемыми с фронта в Крым. Тут же разгружались суда, пришедшие из крымских портов, из Одессы, Констанцы, Бургаса и Варны.

Славин со своим штабом перебрался в населенные пункты ближе к станице Витязевской: отсюда родом была его жена, и он хорошо знал здешнюю местность.

Славин отдал строгий приказ по своим взводам сидеть смирно, не подавая признаков жизни: со дня на день ожидалось генеральное наступление Советской Армии на «Голубую линию», тогда и партизанам предстояло нанести последние, завершающие удары по врагу.

Глава V

Мне выпало счастье быть на передовой, на центральном участке нашего фронта, когда Советская Армия начала штурм «Голубой линии».

Это было погожей сентябрьской ночью. Я никогда не забуду неожиданно начавшегося грохота сотен орудий, рева моторов советских бомбардировщиков и могучего движения лавины автоматчиков ударных групп, первыми бросившихся на штурм «неприступной» твердыни.

Удар был сокрушающим. Первые обводы «Голубой линии» были вскоре прорваны. Немцы потеряли тысячи солдат, большое количество танков, орудий, минометов и начали откатываться на северо-запад.

В сводках Советского информбюро появились такие близкие, такие родные названия: Киевское, Молдаванское, Адагум, Батарейный, Гладковская, Ново-Крымский...

Переправившись через плавни, которые немцы считали непроходимыми, наши войска прорвались к Варениковской станице и завязали в ней тяжелые бои.

Немцы опоясали станицу проволочными заграждениями, сплошными минными полями, сосредоточили вокруг нее много огневых средств. Они использовали для обороны все мелкие водные преграды на подступах к Варениковской. И все же стремительным фланговым ударом наши войска прорвались в станицу. Свыше суток шел бой на улицах Варениковской. Дрались за каждую хату, каждый перекресток, каждый сад. К исходу вторых суток враг был выбит из станицы.

Немцы отступали, цепляясь за каждый рубеж, широко используя все виды инженерных заграждений. Они минировали не только дороги, но и развалины сожженных ими домов, колодцы, виноградники, ореховые рощи, трупы своих солдат и офицеров, убитых лошадей. Они оставляли в хатах «сюрпризы», минные «приманки» в виде зажигалок, бутылок с вином, банок консервов, пачек табаку. Нашим армейским саперам выпала на долю громадная работа: в этом районе за короткое время они обезвредили около двухсот тысяч мин и фугасов.

Наступление Советской Армии неуклонно продолжалось.

И вот тогда-то Славин и отдал приказ своему десанту нанести врагу последний удар.

Первыми вступили в бой партизаны Семенцова. Они рвали дороги в тылу у немцев, сбрасывали под откос немецкие грузовики, захватывали склады, указывали нашим наступающим частям минные ловушки и еле заметными тропами проводили армейские подразделения во фланг и тылы немецких группировок.

Брешь на левом фланге немцы не могли быстро закрыть и отступали под мощными ударами заходивших во фланг и тыл частей Советской Армии. Выравнивая фронт, опасаясь окружения, немцы бросали свои позиции. Они оставили Тоннельную и отходили в направлении Раевская – Анапа.

Наступила горячая пора и для партизан Дубинца. До наступления нашей армии немцы чувствовали себя полновластными хозяевами в Анапе – в городе, который связывал их кубанскую группировку с Крымом и западным Черноморьем. И вдруг Советская Армия нависла над Анапой!

Началась спешная эвакуация. Большие суда из-за мелководья бухты стояли далеко в море. К пристани подходили только мелкосидящие плоскодонные корабли. Немцы торопились – работали днем и особенно ночью.

Но Дубинец не дремал. Не желая отдавать врагу ценное оборудование, его люди прятали в мусор и закапывали в землю станки, электромоторы, инструменты. А то, что не удавалось похитить и спрятать, они начиняли «сюрпризами».

В числе «сюрпризов» были и «шведские спички», известные еще в прошлую мировую войну. Их изготовляла лаборатория Краснодарского химико-технологического института под руководством профессора Ждан-Пушкина. Были здесь и портативные химические мины, и наши испытанные «чемоданчики». Не раз советские летчики, возвращаясь с разведывательных полетов, докладывали, что в море плавают немецкие корабли, вышедшие из Анапы.

Советская Армия все ближе подходила к городу. Шли ожесточенные бои под Раевской. Немцы поняли: их дни в Анапе сочтены.

Комендант города майор Маттель отдал приказ ликвидировать всех арестованных.

Расстреливать заключенных в городе гестаповцы не решились. Они выбрали для казни пустынный степной участок, лежащий за виноградниками. Недалеко от него скрывалась часть партизан Дубинца. Дубинец решился на смелый и дерзкий поступок, о котором нельзя не рассказать.

Первые машины с арестованными, выгрузив приговоренных к смерти, не задерживаясь, повернули обратно. Оставшаяся охрана приказала арестованным раздеться и начать копать могилу. Немцы отошли в сторону.

Неожиданно из-за ближайшей груды камней появились моряки Дубинца. Они были в одних полосатых тельняшках, чтобы знали немцы, с кем имеют дело. Молчаливые, грозные, с ножами в руках, они бросились на немцев, которые не успели сделать ни одного выстрела.

Вскоре к месту казни пришла из города вторая партия машин. Приехавшие на них фашисты увидели яму, а в ней полураздетые трупы, наспех забросанные землей. Но где же охрана?

Немцы смущены. Однако время не ждет: на востоке все ближе грохочет советская артиллерия. Ссадив арестованных, фашисты готовятся совершить свое гнусное дело. Внезапно из-за камней раздастся залп. Немцы бросаются к машинам. Им наперерез выбегают моряки Дубинца. Гремят взрывы гранат, короткая рукопашная схватка, и новые трупы гитлеровцев сброшены в могилу. Арестованные, так неожиданно спасенные от смерти, скрываются в ямах за виноградниками...

* * *

Двадцать первого сентября советские танки, обойдя минные заграждения, подходят к городу. Советские корабли ураганным огнем обстреливают порт. Прикрывшись дымовой завесой, они уходят в море, но с наступлением ночи появляются снова, еще раз обстреливают берег и высаживают группу морских пехотинцев, вооруженных автоматами. На берегу моря, на окраине города разгорается бой.

Немецкий комендант майор Маттель приказывает поджечь город.

На улицах появляются немецкие факельщики. Но из-за углов, из ворот, из подвалов и чердаков гремят выстрелы. Подростки Дубинца с ножами в руках бросаются на поджигателей. А сам Дубинец во главе своей «матросской гвардии» опять штурмует тюрьму.

Гестаповцы отстреливаются до последнего патрона. Они знают: пощады им не будет. Но разве можно сдержать матросскую ярость?

Моряки уже в тюремных коридорах. Сбивают засовы и замки с дверей камер. Арестованные, смеясь и плача, обнимают своих освободителей. Но тут шальная немецкая пуля тяжело ранит Дубинца.

Его кладут на носилки. Моряки медленно, торжественно несут своего командира по улицам города. Навстречу им идет первый советский танк. Он сворачивает на тротуар, и танкист, стоя в открытом люке, отдает честь.

Над захваченной тюрьмой, над анапским портом, над освобожденным черноморским городом гордо полощутся по ветру красные советские флаги...

* * *

Немцы откатываются на запад.

На крайнем правом фланге нашего фронта они с трудом переправляются через рукав Кубани, впадающей в Ахтанизовский лиман.

Их северная группировка направляется к пересыпи, что узкой песчаной косой тянется с востока на запад между лиманом и Азовским морем. Здесь немцы надеются погрузиться на корабли и уйти в Крым.

Но корабли не могут подойти к берегу: на сотни метров тянется в глубь моря песчаное мелководье. На фоне светлого песка сверху отчетливо видны даже небольшие рыбачьи лодки, и наша авиация мешает погрузке немцев на суда.

Тогда немцы устремляются по узкой пересыпи на запад. Но здесь работают минеры Кирилла Степановича. Они закладывают мины на дорогах и тропинках пересыпи, и передовые немецкие части, нарвавшись на мины, останавливаются.

Фашистское командование вызывает саперов. С миноискателями саперы тщательно обследуют каждую тропку и ничего не находят. Снова двигаются немецкие колонны, и снова взлетают на воздух их передовые цепи, рвутся на части грузовики со снарядами и потрепанные и облезлые штабные машины: здесь заложены мины, которые с успехом использовал наш отряд в предгорьях – в них нет ни грамма металла, и они не ощутимы для обычных миноискателей.

Так закрыл Кирилл Степанович пересыпь, и немцы долго еще метались на этой узкой косе между морем и лиманом.

А на востоке все отчетливее, все громче гремят артиллерийские залпы наступающих советских частей.

Немцы пытаются пробиться на запад вдоль южного берега Ахтанизовского лимана. Но там повторяется буквально то же самое: так же рвутся мины, так же безрезультатно бродят по тропинкам немецкие саперы с миноискателями. И снова гремят взрывы, и

снова взлетают на воздух солдаты, орудия, машины. Немцы мечутся с тропы на тропу, теряя технику, вооружение, обозы. Они ищут выхода из этого страшного болота.

Вокруг стоят камыши. Ветер колеблет их пушистые головки. В непрерывном шорохе немцам чудятся крадущиеся шаги партизан. Раздается автоматная очередь. Ей вторит суматошная стрельба соседей... Никого... Стоят молчаливые камыши, кивают своими метелками...

Стремительным ударом советские войска прижимают немцев к Старо-Титаровскому лиману.

Немцы бросаются в воду. Они надеются перейти вброд это заросшее камышом мелководное болото. Но в нескольких шагах от берега их ноги засасывает вязкая жижа. И сотни немецких солдат погибают в густых камышах Таманского лимана...

Южнее, в окрестностях Юрьева, куда сходятся дороги из Варениковской и Гастогаевской, работает уцелевшая группа людей из взвода Семенцова.

Нелегко подобраться партизанам к полотну дороги: немцы установили частые патрули, в кустах расположились немецкие засады, их обходчики днем и ночью осматривают дорогу: нет ли мин. Но бойцам Семенцова все же удается разбросать в колеях множество четырехсантиметровых ежей. Их острые шипы прокалывают резину автомобильных шин, не позволяя ей самосклеиваться, и эти «булавочные уколы» останавливают поток немецкого транспорта, идущего на запад. Образовавшиеся заторы машин немцы пытаются обойти. Сходят с дороги, идут по целине. В густой траве они подрываются на румынских «лягушках», начиненных взрывчаткой: их захватили семенцовцы в складах, оставленных отступающими румынами.

Немцы возвращаются обратно. Но там, где ежи остановили транспортную колонну, уже пылают пожары: десантники забросали грузовики гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Немецкой охране удается окружить партизан. Уходить некуда. Семенцовцы дорого отдают свою жизнь. В этом неравном бою вместе с остатками своего взвода погибает Семенцов. А на зажженный ими «огонек» уже летят с востока советские бомбардировщики...

Приказом Славина Поданько переброшен на узкую косу, отделяющую Витязевский лиман от Черного моря. По ней отступают немецкие части из района Анапы. Они пытаются пробраться к станице Благовещенской на северной оконечности косы, где подготовлена погрузка на суда. Но здесь повторяется примерно то же, что было на Ахтанизовской пересыпи.

Поданько минирует косу. Поток немецких машин останавливается. Немецкие солдаты пытаются обогнуть минированные участки, сворачивают в густой высокий камыш и опять подрываются на заложенных партизанами противопехотных и танковых минах, на румынских «лягушках».

Ночью по лиману бесшумно скользят, пробираясь сквозь камыши, легкие рыбацьи лодки. Они высаживают на берег бойцов Поданько. Вспыхивают немецкие автоцистерны, горят немецкие машины. И на огни, зажженные Поданько, прилетают советские самолеты.

Так, теряя обозы и вооружение, медленно движутся немцы по косе к Благовещенской.

В конце сентября комбинированным ударом с суши и высадкой десанта с моря советские части захватывают Благовещенскую. Уничтожен батальон гитлеровцев, захвачены громадные трофеи. Отдельные группы немцев остаются на косе. Они

отрезаны от своих основных сил. Поданько получает приказ разведать обстановку. Ночью рыбачьи лодки бесшумно пробираются сквозь камыши. Вместе с Поданько на одной из лодок плывет Аня Чертоляс.

С той памятной ночи на тюремном дворе эта худенькая девушка становится автоматчиком дальней разведки. Вместе с Поданько она подрывает гранатами немецкие машины, и кажется, нет на свете девушки счастливее Ани: теперь она всегда рядом с любимым человеком.

Вот и сейчас она в одной лодке с Поданько. Сзади скользят в камышах челны их товарищей. Еще несколько дней – и Тамань будет свободна. А там – победа! И уж тогда Аня никогда не расстанется с Поданько.

Лодки пристают к берегу. Берег безлюден. Осторожно, стараясь не шуметь, разведчики идут по песчаной косе. В нескольких шагах от Поданько крадется Аня.

Слева раздается шорох. Из камышей поднимается немецкий автоматчик. Он целится в Поданько. Аня бросается вперед... Очередь, предназначенная Поданько, сваливает ее...

В эту ночь Поданько дерется иступленно: ни один немец, обнаруженный разведкой, не уходит живым.

Поданько возвращается к своим. Он выходит из лодки, неся на руках мертвую Аню...

* * *

Под ударами Советской Армии немецкие дивизии, огрызаясь, отходили на северо-запад.

Пройдя берегом Кизимташского лимана, немецкие части в станице Вышне-Стеблиевской начали грузиться на мелкосидящие суда и десантные баржи.

Славин приказал Кириллу Степановичу сорвать погрузку. Станичники, неожиданно для немцев, стали охотно помогать им грузиться. Особенно усердствовала молодежь: днем и ночью молодые парни и девчата работали на погрузке. Но первые же суда, отошедшие из станицы, загорелись в море, клубами сизо-черного дыма, указывая нашей авиации трассу следования немецких караванов.

Немцы быстро разгадали причину пожаров: здесь были повинны все те же «шведские спички». Человек десять из станичной молодежи были расстреляны немцами. Район пристани оцепили автоматчики. На погрузке теперь работали только немецкие солдаты.

Тогда Кирилл Степанович решил провести рискованную операцию.

Ночь выдалась темная и ветреная. На берегу и на море ни огонька: немцы боялись налетов с воздуха. На пристани слышатся отрывистые слова команды, тяжелые шаги на сходнях, скрип лебедек. Из глубины лимана бесшумно появляется десятка полтора узких, длинных, быстроходных рыбачьих лодок. На них плывут бойцы Кирилла Степановича и рыбаки станицы – потомки славных запорожских сечевиков.

В стороне от пристани темными силуэтами вырисовываются стоящие на якорях немецкие суда, ожидающие погрузки. Среди них выделяется большой двухмачтовый корабль. Он бросил якорь вдали от берега и ритмично покачивается на черных волнах.

Лодки расходятся, дугой охватывая корабли. Они скользят бесшумно, и в крошечной ночной тьме даже острый глаз моряка не заметит этих узких казацких челнов.

Несколько лодок подходит к первому кораблю. Как кошки, взбираются рыбаки на палубу и с ножами в руках бросаются на команду. Налет так стремителен, что первый корабль захвачен без единого выстрела.

Но на соседнем корабле дело оборачивается хуже: немецкий солдат успевает бросить гранату. С грохотом рвется она на палубе и поджигает какой-то люк; он вспыхивает ярким пламенем.

На берегу поднимается тревога. Над лиманом одна за другой взвиваются ракеты и ослепительным светом заливают корабли, стоящие на якорях, и утлые рыбацьи челны.

Немецкие команды открывают огонь. Рыбаки с молчаливой яростью бросаются на abordаж. Они карабкаются на палубы – так когда-то их предки-запорожцы штурмовали турецкие корабли. Сраженные пулями, рыбаки падают в море, тонут лодки, пробитые гранатами. Но к кораблям подходят, внезапно возникая из ночной темноты, новые челны, и новые жестокие схватки разгораются на палубах.

Немцы на берегу не знают, что предпринять. Они не решаются открыть огонь из орудий, боясь повредить свои же суда. На сторожевом катере-охотнике какая-то неполадка с мотором: немцы никак не могут завести его. Осветительные ракеты все еще ярко горят над лиманом.

Бой подходит к концу. Уже захвачено пять судов. Остается двухмачтовый корабль. Его палуба высока, его команда хорошо вооружена и дерется с отчаянием обреченных.

Три раза бросаются на abordаж рыбаки, и три раза сбрасывают их немцы в море.

Исход боя решает Поданько, вовремя подоспевший со своими уцелевшими разведчиками. Ему удается взобраться на корабль по якорной цепи. Перед ним немецкий пулемет, поливающий огнем партизан Кирилла Степановича, в четвертый раз штурмующих корабль.

Поданько бросает гранату. Пулемет замолкает. Среди немцев минутное замешательство. Им пользуются партизаны. Они взбираются на палубу, начинается рукопашная схватка. Дерутся ножами, прикладами, кулаками. В самой гуще схватки, как одержимый, дерется Поданько.

Через несколько минут и этот корабль в руках партизан. У капитанской рубки среди груды вражеских трупов лежит мертвый Поданько.

Медлить нельзя, дорога каждая минута. Рыбаки обрубают якорные цепи и полным ходом идут из лимана в море.

Немецкий катер устремляется, наконец, в погоню. Но захваченные рыбаками суда уже в гирле. Раздаются взрывы. Над кораблями поднимаются огненные языки. И только тогда немцы разгадывают замысел рыбаков: рыбаки хотят затопить суда в этом узком мелком проходе и прочно закупорить лиманы.

Береговые батареи немцев открывают огонь. Снаряды поражают горящие корабли, вздымают водяные фонтаны, топят рыбацьи лодки, уходящие от подорванных судов.

Рыбаки оказываются под двойным ударом: их таранит и расстреливает немецкий катер, их бьют батареи с берега. А до спасительных камышей еще далеко... Один за другим идут ко дну рыбацьи челны.

По счастью, какой-то шальной немецкий снаряд срезает нос у катера. Батарея на короткое время прекращает огонь, и последним рыбацьям лодкам удается достичь камышей.

Мне рассказывал об этом бое старый таманский рыбак, участник операции. Долго он перечислял имена погибших. Их было больше, чем оставшихся в живых.

Рыбаки-герои с честью выполнили приказ: после той ночи ни одно немецкое судно не вышло из лиманов.

* * *

Второго октября после жестокого боя советские войска овладели станицей Старо-Титаровской.

Таманская группировка немцев была расколота на две части. И не успел противник опомниться, как наши войска нанесли новый удар: десант, высадившийся на Бугазской косе, с боями овладел укреплениями между лиманом Цокур и Черным морем.

Бой шел на подступах к городу Тамань, и Таманский порт, несмотря на частые налеты нашей авиации, работал днем и ночью: немцы грузили технику на корабли и десантные баржи.

С восточной стороны Тамани, ближе к заливу, стояли на высоком бугре, спускающемся к морю, баки с горючим, наполовину зарытые в землю. От баков к берегу шли узкие, недавно вырытые канавки: очевидно, немцы намеревались, уходя из города, в последний момент спустить нефть в море.

Это стало известно таманским рыбакам. И рыбаки встревожились: если немцы осуществят свой замысел, Таманский залив останется без рыбы: старая погибнет, новая не придет сюда из моря. Рыбаки обратились к Кириллу Степановичу с просьбой сорвать эту затею гитлеровцев и сжечь баки на месте.

С другой стороны городка, тоже у самого моря, ближе к пристани, тянулись огромные склады боеприпасов, свезенных сюда немцами в расчете на новое наступление на Кубань. Теперь немцы спешно вывозили боеприпасы в Крым. К пристани подходили все новые и новые суда для погрузки.

Кирилл Степанович знал, что немцы зорко оберегали склады и баки с горючим. Они огородили их колючей проволокой и поставили усиленную охрану.

Ночью небольшая группа партизан, тщательно маскируясь, двинулась ползком к нефтяным хранилищам. Часть бойцов должна была отвлечь на себя охрану, остальные, обойдя с тыла, поджечь баки.

Первые выстрелы всполошили немцев. Охрана выскочила из дверей и окон здания конторы. У прохода в проволочных заграждениях завязалась ожесточенная перестрелка.

Неожиданность нападения и стремительный удар в лоб, оттянувший к главным воротам и конторе основные силы охраны, позволили второй группе партизан незаметно подобраться к заграждениям. Перерезав проволоку, гранатометчики бросились к бакам. Раздались глухие взрывы гранат, звон разбиваемых бутылок с горючим, и над территорией нефтяного склада со свистящим ревом вспыхнуло пламя. Огромным огненным столбом поднялось оно в небо, окаймленное черным дымом с багровым отсветом, озаряя своими отблесками и берег, и город, и корабли, далеко стоявшие в море...

Группа партизан, которой было поручено атаковать склады с боеприпасами, несколько замешкалась: она подошла к складам, когда нефть уже полыхала на берегу. Немецкие часовые заметили партизан и подняли тревогу. Партизаны кинулись напролом, пытаясь пробиться к проволочным заграждениям на бросок гранаты. Навстречу им, огибая ограду, выбежал немецкий караул, стремясь не подпустить партизан к проволоке. Почти одновременно заработало несколько пулеметов. Партизаны падали, сраженные пулями. Тяжелораненые, напрягая последние силы,

стреляли в немцев, стараясь отвлечь на себя огонь караула и дать возможность товарищам добежать до проволоки.

Скошенные пулеметными очередями, из строя вышли почти все бойцы Кирилла Степановича. Только двум из них удалось добраться до проволоки.

Раздались два взрыва противотанковых гранат, потонувших в грохоте взорванного склада. Казалось, сотни орудий открыли огонь – это рвались немецкие снаряды, сея вокруг разрушение и смерть. Они разносили в щепы пристань и причалы, топили суда, поджигали блокгаузы...

Утром третьего октября передовые советские части, сломив последнее сопротивление немцев на высотах перед Таманью, с боем ворвались в город. Одновременно с этим десантные группы моряков высадились на Таманском побережье. Десантники стремительной атакой смяли немецкие береговые заслоны и вышли во фланг немецкой группировке, оборонявшей город.

Судьба Тамани была решена. Бой шел уже на городских улицах. А в порту все еще рвались снаряды. Толпы обезумевших немцев кидались в воду и долго бежали по мелкому дну залива за последними уходившими в море кораблями...

* * *

Кирилл Степанович и Славин, захватив с собой горсточку уцелевших партизан, на легких рыбачьих лодках пробрались, таясь в лозняке, к началу косы Чушка. Отсюда Славину было легче держать связь с Бережным, все еще продолжавшим свою «свободную охоту», и нанести последний удар по понтонному мосту, переброшенному немцами через Керченский пролив – от Тамани в Крым.

Этот мост уже давно был под «надзором» десантников Славина: тотчас же после приземления у Волчьих Ворот сюда была послана группа сигнальщиков из взвода Кирилла Степановича. Не раз они подавали нашей бомбардировочной авиации световые сигналы, и советские самолеты метко накрывали цель.

Немцы устроили грандиозную облаву, окружили сигнальщиков и перестреляли всех до одного. Это было сделано так быстро и неожиданно, что об этом долго не было известно ни Славину, ни нашему командованию. Тем более, что каждую ночь у пролива продолжали вспыхивать световые сигналы, и некоторое время наши летчики и не подозревали, что они сбрасывали свои бомбы в открытое море по фальшивым сигналам немцев.

Потеряв связь с сигнальщиками, Кирилл Степанович послал к проливу своих бойцов, приказав им взорвать мост. С суши добраться к мосту было невозможно: все подходы к переправе в Крым немцы окружили непроходимым кольцом дотов, минных полей и проволочных заграждений. Оставался единственный путь – по воде.

Кто-то из партизан вспомнил рассказ моего сына Валентина в Краснодарском филиале нашего планческого «вуза» о том, как он во время одной из своих диверсий, держась за трупы, плывшие вниз по реке, незаметно подплыл к устоям моста и взорвал его. Решили попробовать этот рискованный прием – мертвецов на побережье было множество.

Вначале все шло хорошо: ветер благоприятствовал, и наши минеры, держась за трупы, все ближе подплывали к мосту.

Неожиданно ветер переменился. Пришлось волей-неволей подгребать руками. А тут, на беду, немецкие прожекторы начали шарить по воде. В нескольких десятках метров от моста немецкие часовые заметили плывущих. Загремели автоматные

очереди, застучали пулеметы. Проекторы немцев не выпускали из своих лучей маленькой горсточки храбрецов, плывущих между трупами.

Ни одному из минеров так и не удалось достичь моста – они все были расстреляны немцами...

Ночью при очередном налете, повесив в небе над проливом «люстры» осветительных ракет, наши летчики увидели: непрерывной лентой движутся немецкие транспортные колонны. Но моста не было видно. Казалось, немцы идут по воде.

Три раза посылал Славин своих разведчиков к мосту, и ни один из них не вернулся обратно. Только на четвертый раз Славину удалось узнать, что немцы проложили мост под водой, примерно с полметра под поверхностью пролива.

Волнами проносились наши самолеты над проливом. Сотни бомб летели вниз. Но разглядеть мост было трудно, и он оставался целым и невредимым.

Славин долго ломал голову, как бы уничтожить этот подводный мост.

К нему явился Бережной: он только что подошел к берегу на своих катерах, чтоб пополнить запас взрывчатки.

Около часу они совещались, но так ничего и не могли придумать.

В сумерки катера Бережного вышли в море.

После полуночи они заметили крупный немецкий транспорт, шедший из Темрюка в Крым. Долго они кружили вокруг него, опасаясь ловушки, и, наконец, удостоверившись, что тот шел без охраны бронекатеров, решили атаковать его. Набирая ход, катера Бережного понеслись ему наперерез.

Заметив погоню, транспорт изменил курс: он направился к мосту через пролив, под защиту его береговых батарей и немецких катеров-охотников, которые всегда рыскали около переправы.

Первым настиг транспорт катер под командованием адъютанта Бережного. Пулеметной очередью были убиты капитан транспорта и штурвальный. Через несколько мгновений палуба транспорта опустела. Катер Бережного пришвартовался к транспорту, и минеры быстро и ловко закончили свою работу. Но, очевидно, немецкий радист успел подать сигналы тревоги. И по морю уже мечутся лучи немецких прожекторов. Они скрещиваются на транспорте, все еще продолжающем идти к мосту, и вырывают из темноты ночи два маленьких катера, снующих около корабля.

Тотчас же, оставляя за собой буруны белой пены, бросились на помощь транспорту немецкие катера-охотники и открыли огонь немецкие батареи.

Круто развернувшись, Бережной отдал приказ уходить. Но на катере адъютанта неожиданно заглох мотор. Бережной подошел к товарищу и послал к нему своего машиниста, опытного тракторного механика.

Считанные минуты длилась починка. Немецкие прожекторы по-прежнему держали катера в пересечении своих дрожащих голубых лучей, и все яростнее били береговые батареи. Вздывая водяные столбы, вокруг рвались немецкие снаряды, на палубах катеров падали убитые и раненые, а резкий северо-восточный ветер гнал катера к мосту, под дула немецких орудий.

Мотор на втором катере, наконец, заработал. Можно уходить. Но было поздно: катера оказались в ловушке. Сзади, отрезав им путь в море, широкой дугой неслись немецкие «охотники». Справа и слева гремели береговые батареи.

Выхода из кольца нет. И вот тогда-то, очевидно, Бережной вспомнил свой последний разговор со Славиним о немецкой подводной переправе.

– На таран! – приказывает он.

Кирилл Степанович видел с берега эту стремительную атаку.

Впереди полным ходом, как-то нелепо виляя из стороны в сторону, идет немецкий транспорт: он лишился управления, но машины его еще работают. Догоняя его, неслись наши катера, залитые ослепительным светом.

У штурвала переднего катера стоит Бережной: его рулевой убит. Оба катера сидят очень низко, в пробитые борта хлещет вода, но механики выжимают все, что можно, из своих моторов, и катера несутся к мосту, оставляя за собой белую пену. Вокруг них поднимаются и спадают фонтаны разрывов...

Первым достиг подводного моста немецкий транспорт. Он наваливается на него своей темной громадой. Раздается взрыв: это рвутся мины, заложенные на транспорте Бережным. И почти одновременно, справа и слева от транспорта, в мост врезаются наши катера.

Три взрыва сливаются в один. Он разрывает на части мост, разбрасывая в стороны деревянные части понтонов и сталкивая в воду тяжелые бронированные плиты. Лучи прожектора скользят по волнующейся поверхности воды. Стреляют береговые батареи...

* * *

На рассвете девятого октября немцам был нанесен решающий удар: прорван последний рубеж, прикрывающий подступы к узкой полосе косы Чушка, и наши войска выходят к берегам Керченского пролива.

Немцы мечутся на песчаной косе. Обезумевшие от ужаса, они бросаются в море, цепляются за обломки барж...

* * *

Одиннадцатого октября мы вышли на оконечность косы Чушка.

Рядом со мной стояли Славин, Кирилл Степанович и десяток его бойцов.

Впереди, на западе, смутно виднелся берег Крыма, еще занятого немцами. А здесь, на песчаной отмели, лежали немецкие трупы – на последнем метре таманской земли.

– Смотри, – негромко проговорил Славин, – как судорожно сжаты пальцы у этого немца. Он захватил горсть нашей земли и, кажется, хочет унести ее на тот свет.

Рядом лежал еще один немец – головой в воде, нога поджата, руки раскинуты. Пуля настигла его в момент панического бегства. И он так и замер на песке в позе трусливого бандита и вора, бегущего от карающей руки разгневанного советского народа.

Эпилог

Есть у меня фотография, сделанная в день возвращения отряда в Краснодар.

Фотокорреспондент снял меня и Елену Ивановну около нашего опустевшего дома. Мы стоим в полном партизанском облачении – в кожанках и высоких сапогах, с автоматами, полевыми сумками, биноклями.

Каждый раз, когда я смотрю на эту фотографию, у меня невольно холодеет сердце: вспоминаю, как мы долго не решались в тот день подняться по каменным ступенькам на террасу, войти в пустые, разграбленные гитлеровцами комнаты...

Я смотрел в окно, боясь встретиться взглядом с Еленой Ивановной. А она молча обходила комнаты, рассматривала случайно уцелевшие вещи. Вот полочка, висевшая в комнате Гени, вот рамка с разбитым стеклом – в ней акварель Евгения, изображающая кубанскую станицу...

Елена Ивановна села на табуретку, разрыдалась. Ничего, пусть поплачет, это хорошо. Растаял, наконец, лед внутри, пришли облегчающие слезы...

Да, наш дом был пуст... Вот когда мы остались одни со своим горем!

Так думалось нам в первые дни возвращения. И это было очень страшно и очень горько. Но скоро мы с Еленой Ивановной поняли – а это самое важное и дорогое! – что мы не одни.

Нет, мы не одни! С нами весь наш народ – добрый, душевный советский народ. И наше горе – его горе. Десятки, сотни, нет, тысячи людей протянули нам руку братской помощи и дружбы, обратились к нам со словами любви и сочувствия. И это вернуло нас к жизни.

Помню, с невольным душевным смятением думал я о том, как мы скажем Маше о гибели Евгения. До нее доходили слухи, что Евгений тяжело ранен, но о смерти его она ничего не знала. Щадя жену, я решил сам рассказать обо всем Маше. Но Елена Ивановна в свою очередь считала, что это ее дело, и пока я раздумывал, как лучше подготовить Машу к страшному известию, она отправилась к Маше и все ей рассказала. Общее горе еще сильнее сблизило нас. Маша часто бывала у нас с дочкой, которая внесла много света и радости в нашу осиротевшую семью.

Нашлась старшая дочь Валентина – Эмма, она уже вышла замуж за инженера-механика, они живут в Куйбышеве с сыном Костей и дочерью Леной – нашими правнуками.

Побывал я на двадцать четвертом километре – там, где погибли наши сыновья.

Так же, как и в ту памятную октябрьскую ночь, стояли здесь тополя вдоль полотна дороги, ветер шумел в их вершинах, перекликались птицы в кустах.

Место взрыва я нашел легко: на земле, уже густо одетой травой, лежали обгорелые доски, искорверканные железные листы и рамы. Но могилу сыновей я долго не мог найти. Бродил я в густом кустарнике, продирался через заросли колючего терна, снова возвращался к месту взрыва – все напрасно.

И только в сумерки я увидел в кустах какие-то лоскутья, выцветшие под дождем и солнцем. Это были обрывки комбинезона Гени. Я узнал их.

А рядом – маленький бугорок земли. Орешник протянул над ним ветки, одетые молодой листвой, и на бугорке буйно росла свежая весенняя трава...

Шестнадцатое мая 1943 года, полдень...

Тысячи людей пришли в этот день в последний раз проводить наших сыновей.

Решено было перенести останки их в Краснодар и торжественно похоронить.

Два гроба медленно плыли на руках. За ними двигались соратники Евгения, отважные кубанские партизаны, овеянные славой недавних боев за Родину, шли друзья Гени, юные школьники, комсомольцы.

Был короткий траурный митинг. Два гроба опустили в могилу. Прогредел троекратный салют.

А в высоком синем небе кружились боевые самолеты. Отдав погибшим воинский долг, они взяли курс на запад, чтобы там, над болотами и плавнями Тамани, куда отодвинулся фронт, продолжать великое дело борьбы за свободу и честь отчизны, дело, за которое отдали жизни братья Игнатовы. Там же похоронен и секретарь Краснодарского горкома партии Марк Апкарович Попов – один из зачинателей партизанского движения на Кубани. Позднее, в 1949 году, здесь был похоронен и безвременно умерший начальник штаба партизанского движения Юга, первый секретарь Краснодарского крайкома партии Петр Януарьевич Селезнев.

Над могилой Евгения и Гени высится памятник: строгий обелиск из черного гранита. По бокам его на гранитных постаментах стоят их бронзовые бюсты.

Второй памятник со скромной надписью: «Здесь 10/X 1942 г. пали смертью храбрых братья Игнатовы Евгений и Геня» – установлен на месте их гибели: на двадцать четвертом километре. Третий памятник стоит на месте их первых похорон.

На кладбище, у подножия гранитного памятника Евгению и Гене, всегда много цветов. Они посажены не только руками Елены Ивановны. Начиная с ранней весны и кончая поздней осенью цветы к могиле наших сыновей приносят школьники – мальчики и девочки с красными пионерскими галстуками на шее. В зависимости от времени года они приносят ландыши, сирень, огненные маки, пышные пионы, розы, астры, хризантемы и ставят их у подножия памятников, а в день годовщины их смерти у могилы проводятся пионерские сборы, траурные митинги.

Недавно из Германии, из города Штетина, приехала в Краснодар молодежь, привезла огромный венок и торжественно возложила его к памятнику Евгения и Гени с трогательной надписью: «От немецкой молодежи новой Германии».

Часто к памятнику приходит тоненькая большеглазая девушка. Она задумчиво всматривается в застывшие в бронзе черты открытого, смелого лица юноши и потом долго бродит одна... Это – Дина, Генина подруга по школе.

И, конечно, часто бывает здесь с бабушкой или мамой Инночка. Она ухаживает за цветами, поливает их, выпалывает сорную траву и подолгу сидит с бабушкой на скамейке под старым развесистым кленом.

Солнце сияет над верхушками старых деревьев – золотое, доброе солнце нашей Родины.

Великой радостью для нас было известие, что Валентин, которого мы все это время считали погибшим, жив.

Не забыть того дня, когда он, только что выписавшись из госпиталя, приехал в Краснодар.

Тяжелые ранения, лишения и опасности, казалось, не оставили на нем такого следа, как известие о гибели горячо любимых братьев. По лицу Валентина, сильного, много повидавшего и испытавшего человека, катились слезы.

– Забыть этого нельзя, – сказал он, – да и не нужно забывать. Горжусь, что у меня такие братья!..

Позднее он рассказал нам, как ему удалось спастись в Крыму.

...Прикрывая отход наших частей, он отстреливался из последнего уцелевшего пулемета. Потом пулемет разбили минами. Валентин был тяжело ранен, упал. Сколько времени пролежал без сознания, не помнил. Очнулся ночью. Кружилась голова, сильно хотелось пить. С трудом разыскал свою фляжку, отвинтил зубами пробку. Больше пролил воды, чем выпил. Но все-таки сил прибавилось... Тихонько огляделся. Кругом лежали трупы фашистов и наших. Хотел приподняться и сразу почувствовал сильную боль. Оказалось, что плечо раздроблено осколком. Кое-как замотал рану обрывками рубахи и снова попробовал подняться. Но и эта попытка не удалась, повалился на землю. От боли вскрикнул. Вдруг слышит шаги... Волосы стали дыбом: неужели фашисты? Вероятно, раньше они приняли его за мертвого, а теперь он сам выдал себя. Шаги все ближе, ближе... Валентин замер. Окликают по-русски – молчит. А вдруг это обман? Хотят обнаружить раненого и добить. Фашисты не раз проделывали такие штуки...

Прижался он к земле, старается не дышать. Наклонились двое, ощупывают. Один прикрывает ладонью ручной фонарик. Потом раздается голос: «Это наш офицер! Живой!»

Больше Валентин ничего не помнил. Должно быть, снова потерял сознание. Очнулся в пещере. Лежит на подстилке из мха и мягких листьев. Накрыт немецкой плащ-палаткой. Он попал к крымским партизанам.

Начал поправляться и месяца через два уже мог ходить. Партизанам удалось переправить его на Большую землю.

Когда Валентин выздоровел, его направили в часть особого назначения, в Сталинград. Прибыл на место накануне победного разгрома фашистов и участвовал в завершающих боях за город.

После разгрома фашистов под Сталинградом он был демобилизован. Но не думал об отдыхе и сейчас же со всей кипучей энергией взялся за работу.

А работы непочатый край: нужно было восстанавливать все, что разрушили гитлеровские оккупанты. И люди, совсем недавно сражавшиеся с оружием в руках, брались за мирный созидательный труд.

* * *

Наша советская действительность замечательна тем, что она никому не дает замыкаться в себе, в своем горе, что она всегда, каждый день, каждый час зовет нас к творческому участию в жизни. Так было и со мной.

Я снова вернулся на работу в институт. Все приходилось начинать чуть ли не с самого начала: собирать учащихся, профессоров, восстанавливать здания и химические лаборатории, в срочном порядке налаживать производство медикаментов в помощь фронту, который все еще находился в нескольких десятках километров от Краснодара.

Институт отнимал, конечно, очень много времени, и все же я взялся еще за одно, совершенно новое для меня дело, в котором до того не имел ни малейшего опыта. По совету и настоянию руководителей краевого комитета партии я начал, работая по ночам, писать книгу о партизанах, вернее, обрабатывать те краткие дневниковые записки, которые начал Евгений, а я продолжал после его гибели. Писал я, бесконечное число раз переделывая написанное. Нашлись люди, которые дружески помогали мне в этом трудном деле.

Несколько лет спустя, в мае 1945 года, когда уже была опубликована моя книга, нам с Еленой Ивановной довелось быть в Москве.

Перед отъездом в Москву руководители крайкома партии дали мне одно поручение, с которым я должен был обратиться к Михаилу Ивановичу Калинин.

И вот в назначенное время мы с Еленой Ивановной вошли в его кабинет. Второй раз за эти годы был я в Кремле и все же не мог побороть волнение от мысли, что нахожусь в священном для каждого советского человека месте.

Первый раз я был в Кремле в ноябре 1943 года, когда Михаил Иванович Калинин вручил мне орден Ленина и грамоты Героев Советского Союза на имя моих сыновей. Тогда я был взволнован торжественностью обстановки, потрясен нахлынувшими на меня воспоминаниями. Теперь же я входил в кабинет Михаила Ивановича с таким чувством, словно шел к близкому человеку, от которого я услышу что-то очень важное для себя.

Он подробно расспрашивал меня и Елену Ивановну о нашей жизни и работе, о наших близких. В вопросах Михаила Ивановича чувствовалась сердечная заинтересованность нашей жизнью.

Потом он обратился ко мне:

– Я читал вашу книгу...

Я невольно подался вперед... Вот оно!.. Это было то самое, чего я ждал от Михаила Ивановича. Что-то он скажет?

– Я считаю, что вы сделали хорошее дело, да, нужное, полезное дело для воспитания нашей молодежи... Это ведь очень интересно и очень показательно, что ваш отряд состоял преимущественно из технической интеллигенции. «Кабинетные» были работники, а ведь как воевали! А? Отлично воевали!.. И успехи вашего отряда как раз и объясняются в основном присутствием в нем квалифицированных инженеров, техников, рабочих. Планмерно, я бы сказал, научно обоснованно они направляли удары против врага. Очень примечательный факт! Да, наша молодежь должна знать, должна понять, что одних хороших и горячих чувств мало, что для того, чтобы хорошо служить Родине, нужно иметь высокую квалификацию, знания, разностороннее развитие, ум...

Я ушел после беседы с Михаилом Ивановичем, унося в сердце глубокую признательность к этому замечательному человеку за его доброе, дружеское внимание к моему труду, за то, что он подбодрил и поддержал меня.

* * *

В начале января сорок шестого года вечером меня вызвали в крайком партии.

На площадке третьего этажа меня встретил секретарь крайкома Иван Иванович Позняк. В дни Великой Отечественной войны он руководил нашим кустом партизанских отрядов. На всю жизнь нас связала боевая дружба.

Иван Иванович взял меня под руку и, ничего не говоря, повел в кабинет первого секретаря крайкома – Петра Януарьевича Селезнева.

Селезнев, плотный, широкоплечий, в темном строгом френче, сидел за письменным столом.

Кроме него в кабинете находились все секретари крайкома.

– Мы пригласили вас, – сказал Петр Януарьевич, – чтобы сообщить вам радостное известие. Жители Армавира просят вас дать согласие баллотироваться кандидатом от Армавирского избирательного округа в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик. Вот телеграммы от трудящихся ряда предприятий и учебных заведений. Их поддержали и колхозники районов. Вот мы и пригласили вас, чтобы поздравить с этой великой честью!

Я машинально взял из рук Селезнева пачку телеграмм. Смотрел на них, но не мог прочесть ни одного слова, до глубины души взволнованный тем, что пришлось услышать.

Селезнев вышел из-за стола, подошел ко мне и дружески обнял.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Мы здесь говорили о вас и считаем, что вы сможете оправдать доверие кубанцев.

Петр Януарьевич предложил завтра же вылететь в Армавир на самолете...

Не спалось мне в эту ночь. Я зажег лампу, сел к столу и начал просматривать газеты. Передо мной раскрылся мир светлых и благородных чувств, которыми в эти дни жил советский народ. Повсюду шло выдвижение кандидатов в депутаты, и я с особым интересом следил по газетам за тем, кому народ оказывает эту высокую честь.

Вчитываясь в биографии этих людей, я старался найти в них поучительное и полезное для себя.

Странное желание для человека с поседевшей головой, который прошел нелегкий жизненный путь, пережил три революции, три войны!.. Но ведь учиться никогда не

поздно. Я понимал, что мне нужно узнать много нового, необходимого для той деятельности, которой мне предстояло заняться. Это не было неуверенностью в своих силах, это было горячим желанием выполнить свои обязанности как можно лучше, неустанно учась у народа, неустанно совершенствуясь и пополняя свои знания.

На следующий день утром я прилетел в Армавир.

С этого часа в моей в общем тихой и размеренной жизни началась и довольно долго продолжалась волнующая, шумная полоса.

Первые два дня в Армавире прошли в непрерывной смене встреч с людьми разных профессий, но живущими одними мыслями, одними чувствами. И эти два дня слились в моем представлении в один сплошной праздник советского трудового народа – в праздник любви и преданности народа к своей партии и правительству.

На третий день часов в девять вечера мы уже катили по ровному, хорошо укатанному шоссе в небольшой машине, направляясь в самый дальний район Армавирского избирательного округа.

Тишина пустынных, покрытых снегом полей, утонувших в вечернем сумраке, была особенно ощутима после городского шума и непрерывного нервного напряжения последних дней. Перед глазами бежала лента ровной, накатанной дороги, освещенной желтым светом автомобильных фар.

В начале первого часа ночи мы увидели редкие огоньки районного центра – станции Удобной.

Отдохнув и погревшись, мы поехали в самую отдаленную станицу – Передовую.

Только-только рассвело, когда я вышел на крыльцо приютившей нас хаты. Родная, знакомая картина: широкая станичная улица, чистенькие, уютные хаты со снежными шапками на крышах, высокие акации, тополя, протянувшие к небу голые ветки.

Ныне в станице Передовой около тысячи дворов. Есть средняя школа. Вдоль быстрой горной речки Урупа, притока Кубани, тянутся плодородные земли, используемые под поливные огороды.

Станица Передовая недаром получила свое название. У нее небезынтересное прошлое. Во времена Кавказской войны эта станица являлась одним из передовых кордонов казачьих войск. На подступах к станице то и дело происходили кровавые схватки с горцами.

Сейчас же за станицей начинаются отроги гор, постепенно переходящих в Кавказский хребет.

Не отрываясь, смотрел я на видневшуюся вдалеке величественную панораму гор, казавшихся особенно суровыми и неприступными под серым, холодным небом зимнего утра.

Потом на просторной станичной площади начался митинг, и снова, как в Армавире, меня, помню, охватило радостное, бодрящее чувство близости и родства с этими людьми, горячее желание отдать все свои силы народу...

Трудно, да и слишком долго было бы рассказывать о посещениях всех станиц, в которых довелось побывать во время поездки по районам. Из станицы Отрадной поехали в станицу Попутную, потом в станицу Бесскорбную. Побывали в станицах Советской, Вознесенской, Упорной, Каладжинской, Лабинской, Басовской, Владимирской. Везде встречали нас как родных, везде слышались горячие, взволнованные речи советских людей – честных хлеборобов Кубани, и весь этот наш путь по станицам слился в одну могучую демонстрацию народного единства.

Особенно запомнилась мне одна встреча с избирателями в Армавире – прямо под открытым небом, на той самой площади, на которой двадцать три года назад, в день смерти Ленина, мы с Еленой Ивановной стояли с винтовками за плечами в рядах армавирских рабочих.

Теперь я стоял у подножия памятника Ленину. Было довольно холодно, шел снежок, но народу было много.

Я начал говорить. Рассказывал о себе, о жене и ребятах, и жизнь наша проходила перед моими глазами.

Всю свою сознательную жизнь мы жили так, как живут миллионы простых советских людей: старались честно трудиться, исполнять свой долг, любили свою Родину, свой народ, верили и верим в победу нашего дела. В эту минуту с необычайной ясностью вспомнилось мне, как моя мать с тоской и горечью говаривала, что для нашего брата рабочего не бывает счастливой доли.

Вот оно, наше счастье: если бы я имел возможность еще раз прожить свою жизнь с самого начала, я не пожелал бы ни богатства, ни славы, ни покоя, я желал бы одного – больше и лучше служить Родине и народу.

* * *

Время от времени встречал я своих братьев по оружию.

Помню, как в райкоме партии происходило вручение нашим партизанам медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Радостно было встретиться с боевыми товарищами, пожать им руки. Сколько воспоминаний, разговоров! Мы, конечно, встречались друг с другом и раньше, но видеть опять всех вместе было особенно радостно.

Смотрел я на этих людей, навсегда ставших для меня родными, и думал о том, что они и сейчас, в мирной жизни, так же честно и самоотверженно выполняют свой долг перед Родиной, как выполняли его с оружием в руках.

Вот Ветлугин, главный инженер комбината Главмаргарин. Он работает директором самого большого на Кубани маслоэкстракционного завода в Крапоткине. Недавно за самоотверженную работу его наградили орденом Ленина.

Вот Виктор Иванович Янукевич, командир первого взвода, на долю которого выпала добрая половина наших боевых успехов. После возвращения в Краснодар он ушел добровольцем в армию, участвовал в боях за освобождение Крыма, тяжело пострадал во время бомбежки и без признаков жизни на санитарном самолете был вывезен из Крыма своей женой, Марией Янукевич. Сейчас он работает директором санатория; как шутят наши партизаны: «Караулит Черное море».

Отважный диверсант Кириченко, окончив курсы по повышению квалификации, заведует цехом точной механики комбината Главмаргарин.

Мой бывший заместитель по отряду Мусьяченко работает коммерческим директором Комбинатстроя. Сафронова крайком партии направил на восстановление КРЭС – энергетической базы Краснодара. За успешное выполнение этого задания Сафронов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Литвинов одно время работал председателем горсовета Краснодара, а потом был назначен директором комбината.

Инженер Луста вместе с Причиной руководил восстановлением маслоэкстракционного завода – еще более мощного, чем до войны. Инженер Причина специализировался на восстановлении маслозаводов, разрушенных гитлеровцами, за это правительство наградило его орденом Ленина.

Конотопченко, второй комиссар нашего отряда, по возвращении в Краснодар ушел добровольцем в армию. Окончил школу офицеров, участвовал в боях под Одессой, Кишиневом, в Румынии.

Елена Ивановна за мужество и отвагу, проявленные в борьбе в тылу врага, помимо четырех правительственных наград получила орден Отечественной войны 1-й степени.

Жизнь наша богата и разнообразна, и никто из моих бывших товарищей не остался за бортом.

Как-то раз в теплый, солнечный день мы с Еленой Ивановной сидели дома на террасе, заросшей виноградом. Вижу, к калитке подошел высокий плотный военный.

Отложив газету, я ждал, когда гость откроет калитку и войдет в сад. Но он медлил, как видно остерегаясь нашей овчарки, заменившей Дакса. Я пошел навстречу гостю и, еще не доходя до калитки, узнал... Бережного!

Да, это был он. Бережной основательно намял мне бока.

Я все еще не мог прийти в себя от радости и удивления. Я рассказал Бережному, что Кирилл Степанович, командир первого взвода воздушного десанта, видел, как катера Бережного пошли на таран моста через пролив и взорвались вместе с транспортом.

– Да, это был единственный и необходимый выход! – проговорил Бережной. – Помню только одно: страшный удар катера о мост. Взрыв... Меня отшвырнуло в воду. Что было дальше, не помню. Потерял сознание. Но, очевидно, вынесло меня на поверхность воды. Я вскоре пришел в себя и хотя с большими усилиями, но держался на воде. Меня несло течением в открытое море. Исчезли в темноте оба берега, освещенные вспышками зениток и лучами прожекторов. Случайно я наткнулся на какой-то обломок дерева. Стало легче держаться на воде... Забелел восток, рассвело. Вижу – идет катер, но чей он, не мог определить. А вдруг немцы? Лучше утонуть, чем попасть в плен... Судно низко сидело в воде, и когда оно подошло совсем близко, меня увидели и крикнули по-русски: «Держись! Сейчас подберем!» На мое счастье, это были наши моряки... При взрыве моста меня ранило в голову, и я был направлен в госпиталь. Пролежал я там недолго. В этой же палате находился танкист – одной со мной части. Вы ведь помните, я был танкистом в начале войны. Вскоре мы вместе выписались и попали в самую кипень войны. Со своей частью мне посчастливилось пройти по тем же дорогам, по которым я когда-то отступал. Да, мы шли вперед, и как шли! Я был вторично ранен. По выздоровлении попал опять в танковую часть, участвовал в боях на Одере, дошел до Берлина! Перед самым рейхстагом, когда сдавшиеся немцы выходили из подвалов, какой-то фауст-патронщик предательски, из-за угла, зажег мой танк, шедший впереди. Выскакивая из горевшей машины, я был в третий раз тяжело ранен и долго лечился в госпитале в Сибири. Хотел вам писать, но сам не мог из-за ранения, а просить других не хотелось. Решил: как выздоровлю – доберусь до Кубани, повидая вас, расскажу все сам!..

Бережной замолчал. Я смотрел на него, невольно вспоминая наши с ним беседы тогда, перед отправкой за «Голубую линию». Он сильно изменился. Передо мной сидел возмужавший, с легкой сединой на висках, спокойный, уверенный в себе воин.

Месяца через три Бережной уехал по специальному вызову в Москву на особую работу.

Вторая встреча была не менее радостной и волнующей.

Еще до отъезда Бережного в Москву однажды поздно вечером неожиданно пришли ко мне Жора со своим отцом, а сзади них, улыбаясь и уже без бороды, сильно похудевший Арсений Сильвестрович.

Я невольно залюбовался Жорой в военном кителе, с погонами подполковника и с орденами во всю широкую грудь.

– Ну как, Кристмана поймал? – спросил я Жору.

Он сразу посуровел.

– Нет, – отвечал он, – еще очень много мест на земле, где фашисты живут как дома!.. Но и там им все же не скряться! – сумрачно закончил он.

– Собственно говоря, – сказал Арсений Сильвестрович, – мы зашли к вам проститься: Жора едет за границу.

Несколько позднее я встретил Валю и Котрова. У них родился сын. Котров воевал в Заполярье, был в Норвегии. После разгрома гитлеровцев он побывал в Маньчжурии и в Японии. Закончил переподготовку в военной академии и уехал на военную службу в Приморье...

По приглашению моряков-черноморцев, комсомольцев и пионеров мне пришлось побывать в Новороссийске и рассказать о нашем партизанском отряде. В горкоме партии я был сердечно встречен инженером Сыскутовым. На другой день я увиделся со Славиным и вместе с ним навестил семьи погибших героев-партизан Лангового и Никитина. В Анапе я встретил Дубинца. По пути в совхоз – один из крупнейших виноградников в Советском Союзе, – в станице, где партизаны-рыбаки вели абордажный бой с кораблями немцев на лимане, я встретил Кирилла Степановича. Старый казак, крепкий как дуб, расцеловал меня и проводил до совхоза. На обратном пути завернули в Варениковскую. Как было не заглянуть к Николаю, другу Бережного? Трудно передать его радость, когда он узнал, что Бережной жив. Николай работал в Адагуме.

В Геленджике я повидал Александра Ерофеевича Глуховцева. Он писал картину об обороне Новороссийска. Чуть ли не каждый день я узнавал что-нибудь новое о героях своих книг.

Егорин уехал работать на руководящую работу в одну из областей.

Азардов был направлен на работу по восстановлению и организации новых предприятий пищевой промышленности сначала на Северный Кавказ, а потом на Волгу, где он и работает сейчас главным инженером.

Потаповна сейчас на пенсии.

Пантелеич вернулся в свой колхоз. В один из приездов в Краснодар он с увлечением рассказывал мне о своих успехах.

[11 – Курсивом выделен фрагмент, который далее шёл в издании 1949 г. (Игнатов П. К. Записки партизана. – М.: ГИХЛ, 1949, сс. 629 – 630) и который был изъят в последующих изданиях. – Ноахер]

– Мы посеяли и убрали озимые с площади до полутора тысячи гектаров. Урожай хороший! Достали три «зиса». Правление еще в этом году хотело купить мне легковую машину, взамен двуколки, но я просил подождать до будущего великого урожая, к которому мы уже сейчас начали готовиться. Подняли раньше всех черновой пар, хорошо очистили семена, запахали всю свободную землю. Не забываем и подсобных хозяйств. Восстановили молочную, свиную и птицефермы в каменных постройках. Ремонтируем машины, увеличиваем поголовье быков и лошадей. А ведь после освобождения Кубани у нас была одна лошадь, да и та хромая, и всего два быка! В этом году посевом мы перекрыли довоенный уровень. Так что если раньше были миллионщиками, то теперь будем, пожалуй, еще богаче! Не пожалеем труда, чтобы выполнить сталинский закон о пятилетке!

В начале января 1946 года в моей жизни произошло крупнейшее событие: я узнал о выдвижении меня в депутаты Верховного Совета Союза.

Вскоре затем я получил несколько телеграмм, в которых мои будущие избиратели запрашивали о согласии баллотироваться по Армавирскому избирательному округу.

Нужно ли говорить о том, как я был взволнован этой высокой честью и доверием, оказанными мне народом?

На самолете я вылетел в Армавир.

Состоялись мои встречи с избирателями в клубе железнодорожников и в рабочих клубах. Все это слилось для меня в один какой-то светлый и радостный праздник, – всенародный праздник торжества того великого дела, за которое, героически боролся наш народ.

* * *

В краснодарском сквере имени Свердлова похоронены мои сыновья Евгений и Геня. Здесь же похоронен секретарь Краснодарского горкома ВКП(б) Марк Апкарович Попов, один из зачинателей партизанского движения на Кубани. Рядом с ним похоронен безвременно умерший начальник штаба партизанского движения Юга, первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) товарищ П. И. Селезнев.

* * *

Каждый день мы с Еленой Ивановной бываем на могиле сыновей. Она рядом с нами. Через дорогу от нашего дома в зеленом тенистом сквере высится обелиск из черного гранита и бронзовые бюсты на постаментах, окруженные пальмами и кустами роз. Это и есть могила наших сыновей...

Когда мы с женой приходим к ней, я всегда думаю, что вот настала та жизнь, за победу которой погибли наши сыновья, и что если снова враг осмелится напасть на нас, на смену им, моим сыновьям, встанут тысячи сыновей нашей великой родины!

* * *

Идет, продолжается и будет продолжаться до победного конца борьба за коммунизм. Советский народ не забывает своих героев. Имена Евгения и Геня даны пионерским дружинам, школам. Между Краснодаром и Волгоградом курсирует пассажирский поезд имени Героев Советского Союза братьев Игнатовых.

Город оказал большую честь моим сыновьям: Ново-Марьянская улица названа улицей братьев Игнатовых. Собрание студентов и преподавателей Химико-технологического института просило присвоить институту имя Евгения Игнатова. В музее города отведена специальная комната, где собраны личные вещи и оружие Гени и Евгения. Школа, где учился Геня, называется теперь школой имени Гени Игнатова. Имена моих сыновей присвоены краевой детской библиотеке в Краснодаре.

Со стапелей Волгоградской судовой верфи сошел буксирный пароход, носящий их имя. Этот пароход был выпущен молодыми строителями сверх государственного плана, из сэкономленных материалов. Его передали на одну из великих строек коммунизма – строителям Волгоградской ГЭС.

Нам с Еленой Ивановной довелось побывать на борту парохода, торжественно и празднично разукрашенного флагами. На его корме, над колесами, на спасательных кругах в лучах яркого летнего солнца горели буквы двух слов «Братья Игнатовы».

Стоя на палубе, мы смотрели на голубые воды могучей реки, на которой советский народ воздвигает величественные сооружения. Невольно думалось о том, что наши сыновья здесь, навеки с нами, в нашем труде, в нашей борьбе за мир во всем мире, за

счастье всего человечества, как навеки с нами все те, кто отдал свою жизнь за бессмертное дело коммунизма.

И все вокруг – река, синее небо, солнечные просторы нашей великой Родины – все это словно говорило:

«Да здравствует жизнь!»

Примечания

1 «Стой! Руки вверх!» – нем.

2 «Стой!» – нем.

3 «А я еще цел! А я еще цел!» – нем.

4 «Стой! Пароль!» – нем.

5 «Гора» 6 «Секретно. Начальнику полиции лейтенанту Курту Биллеру».

7 «Тысяча чертей! Вы слепы!» – нем.

8 О том, как Ольга Николаевна побывала в нашем отряде, и о ее гибели на обратном пути рассказано выше.

9 «Можно войти?» – нем.

10 «Войдите!»

11 Курсивом выделен фрагмент, который далее шёл в издании 1949 г. (Игнатов П. К. Записки партизана. – М.: ГИХЛ, 1949, сс. 629–630) и который был изъят в последующих изданиях.